СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТИФЛИСЪ.
Типографія: Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ,
К. Козловскаго и И. Мартиросіянца.
1896.

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ XXI-го выпуска Сборника помѣщаются статьи историческаго и описательнаго содержанія. Первая статья „**Историческія приписки двухъ кинклосовъ и хронологическій перечень событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ**“ Е. С. Такайшвили открываетъ цѣлую серію матеріаловъ для исторіи Грузіи. О происхожденіи и характерѣ историческихъ записей кинклосовъ [1]) вообще и двухъ помѣщаемыхъ въ настоящемъ трудѣ въ частности сказано все необходимое самимъ авторомъ во введеніи въ настоящему труду. Записи сопровождаются цѣнными примѣчаніями; введеніемъ и такими же примѣчаніями снабженъ и хронологическій перечень событій, взятый изъ рукописи, озаглавленной „Описаніе событій“, и имѣющій несомнѣнное значеніе для провѣрки и дополненія нѣкоторыхъ данныхъ, сообщаемыхъ грузинскими историками. То же самое слѣдуетъ сказать и о хронологическихъ перечняхъ, взятыхъ изъ другихъ источниковъ. Тотъ же авторъ помѣщаетъ здѣсь „**Два акта католикоса Доментія III, данные въ Константинополѣ**“ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, описаніемъ рукописей и примѣчаніями къ тексту. Изданіе подобныхъ актовъ имѣетъ несомнѣнное значеніе для освѣщенія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ исторіи Грузіи.

Въ статьѣ Н. П. Остроумова „**Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ (Кухи-Кафъ)**“

[1]) Отъ греч. слова *κύκλος* *кругъ*, круговой бѣгъ *года*; подъ вліяніемъ грузинскаго произношенія получился носовой зв. *н* также и въ имени собст. Доментій отъ Δομέτιος.

пріурочивается названіе **Кафъ** не къ Кавказу [1]), но къ Гиндукушу, при чемъ и баснословные Гогъ и Магогъ, упоминаемые въ Библіи и Куранѣ, отнесены къ жителямъ этой горной страны.

Описательный характеръ носитъ статья В. П. Дѣвицкаго **„Каникулярная поѣздка по Эриванской губерніи и Карсской области“**. Авторъ исколесилъ не только ближайшія мѣста къ Арарату и всю долину Аракса, столько разъ описанныя другими, но и заглядывалъ въ такія уголки края вдоль турецкой границы, въ особенности со стороны карсскаго плоскогорья, гдѣ не побывала еще нога образованнаго туриста, вносящаго въ записную книжку свои наблюденія.

Статья В. А. Емельянова **„Елисаветполь и его окрестности въ орнитологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ“** заключаетъ въ себѣ не только описаніе ближайшихъ окрестностей г. Елисаветполя, прежней Ганджи, но и естественно-историческій очеркъ пернатаго царства, при чемъ затронута также этнографическая сторона края.

Статья С. Ѳ. Мельникова-Разведенкова **„Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ“** знакомитъ насъ съ весьма отдаленнымъ историческимъ прошлымъ греческихъ колоній по обоимъ берегамъ Керченскаго пролива и прилегающихъ къ нему странъ и указываютъ на близкую связь народовъ Кавказа (говорю о завоспорской части царства Спартокидовъ) съ классическимъ греческимъ міромъ. Къ этой статьѣ приложены замѣтки многоуважаемаго Е. Г. Вейденбаума съ объясненіемъ нѣкоторыхъ географическихъ названій.

* * *

Во II отдѣлѣ заключаются сказки нѣкоторыхъ народовъ тюркскаго племени (адербеджанскихъ татаръ, киргизовъ и

[1]) Слово „Кафъ“ взято изъ персидскаго کوه *гора*, и потому можетъ означать всякій горный хребетъ.

горскихъ татаръ), картвельскаго (грузинъ, тушинъ), армянъ и грековъ.

Напечатанные въ нынѣшнемъ выпускѣ адыгскіе (черкесскіе) тексты, по своему содержанію, представляютъ довольно богатый этнографическій матеріалъ; пять сказокъ принадлежатъ закубанскимъ кабардинцамъ, а остальныя семь—кяхской вѣтви адыгскаго народа (хакучинцамъ и одна пѣсня абадзехамъ).

Всѣ сказки (кромѣ адыгскихъ) записаны воспитанниками Закавказской учительской семинаріи.

Сперва приступлю къ татарскимъ сказкамъ.

Сказка „Богатырь Гасанъ" (записана Абдулъ-Керимомъ Велибековымъ) развиваетъ мотивъ о похищеніи красавицы и смѣломъ подвигѣ ея избавленія изъ плѣна. Это весьма обычный и любимый мотивъ не только кавказскихъ сказокъ, но и сказокъ другихъ народовъ. Въ роли похитителя является дивъ, между тѣмъ какъ въ большей части другихъ сказокъ—змѣй, змѣй-Горынычъ русскихъ сказокъ. Наша сказка составлена изъ двухъ частей, связанныхъ между собою только внѣшнимъ образомъ. Въ первой части мотивъ освобожденія красавицы разработанъ почти такъ же, какъ и въ велико-и мало-русскихъ сказкахъ „Покатигорошекъ" [1]) и другихъ. Мать посылаетъ своего сына-богатыря на выручку сестры и брата, похищенныхъ дивомъ. Богатырь убиваетъ дива и освобождаетъ сестру и брата. Но братъ оказался неблагодарнымъ: на пути домой онъ убиваетъ своего освободителя. Къ мотиву неблагодарности брата [2]) приплелся и мотивъ о матери-предательни-

[1]) Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки т. IV стр. 74. Машинская, Bajki i zagadki ludu ukr. (Н. Ѳ. Сумцовъ. Малорусскія сказки). Родственный мотивъ въ освобожденіи Гэсэромъ жены, увезенной хорскими царями. Потанинъ, ст. „Ордынскія параллели". Этнографическое Обозрѣніе, 1893, вып. III, 16. Аварская сказка „Морской конь", Сборникъ свѣдѣній о кавк. горцахъ, т. II, отд. II, 13.

[2]) Параллели указаны Аѳанасьевымъ IV 71.

цѣ [1]): мать радуется смерти сына, и когда тотъ, оживленный тремя голубями-ангелами [2]), является домой и убиваетъ своего неблагодарнаго брата, то мать доноситъ на него царю. Желая погубить героя сказки, царь отправляетъ его въ лѣсъ, полный дикихъ звѣрей, но онъ возвращается невредимымъ и затѣмъ покидаетъ родину.

Это обстоятельство послужило переходомъ ко второй части сказки, въ которой изложены еще два случая избавленія красавицы. Нашъ герой съ двумя силачами, которыхъ онъ предварительно одолѣваетъ, располагается жить въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ каждаго изъ нихъ, въ отсутствіе товарищей, посѣщаетъ старичокъ, ростомъ въ полъ-аршина, съ бородой въ аршинъ, и отвѣдываетъ отъ обѣда, приготовляемаго оставшимся. Таинственный посѣтитель—это „мужичокъ-съ ноготокъ, борода-съ локотокъ" русскихъ сказокъ [3]). Въ грузинской сказкѣ „Судьба" [4]), на которую наша сказка по этой подробности въ особенности похожа, въ этой роли является „великанъ", а въ другихъ грузинскихъ сказкахъ: „Кажанди" [5])—священникъ, „Коровій сынъ" [6])—людоѣдъ; въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо" [7])—заячій всадникъ, въ удинской „Рустамъ" [8])—чудовище, а въ нѣмецкой [9])—подземный человѣкъ. Въ каждой изъ этихъ сказокъ качества товарищей-силачей иныя.

Въ завязавшейся со старичкомъ борьбѣ нашъ герой уда-

---

[1]) Тема о матери-предательницѣ указана Н. Ѳ. Сумцовымъ въ соч. „Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Машинской" стр. 104. Параллели: мингрельская ск. „Девъ и царская дочь" въ Сборникѣ мат. для описанія мѣст. и племенъ Кавк. XVIII, III, 18 и айсорская „Окаменѣлое царство" Ibid. 79.

[2]) Въ буковинско-русской сказкѣ убитаго брата исцѣляетъ „живая вода", Аѳан. IV, 102.

[3]) Аѳан. IV, 121.

[4]) Сборникъ мат. X, III, 57.

[5]) Сб. XVIII, III, 393.

[6]) Сб. IX, II, 192.

[7]) Сб. XIV, II, 128 и Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 17.

[8]) Сб. VI. Прил. ко II отд. 21.

[9]) Kinder-und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ.

ромъ ложки отрываетъ у него голову; голова съ туловищемъ катятся вонъ изъ жилища; идя по слѣдамъ крови, нашъ герой доходитъ до дна колодца и спускается туда, между тѣмъ какъ товарищи остаются наверху. Внизу онъ находитъ въ трехъ разныхъ комнатахъ по дѣвицѣ, которыхъ и освобождаетъ. Сначала вытаскиваютъ товарищи двухъ дѣвицъ, а третья, самая красивая, какъ бы предугадывая измѣну ихъ, совѣтуетъ герою лѣзть первому, но онъ не соглашается. Тогда она совѣтуетъ ему, въ случаѣ если бы товарищи его оставили, броситься на черпаго изъ двухъ борющихся барановъ, который его отброситъ на бѣлаго, а тотъ—на бѣлый свѣтъ. Герой сдѣлалъ наоборотъ и остался въ подземномъ царствѣ. Мотивъ оставленія героя въ подземельѣ распространенъ по всему земному шару, и потому сообщеніе литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Борющіеся *бѣлый* и *черный бараны*—это миѳическое представленіе о борьбѣ въ природѣ свѣта и тьмы—дня и ночи, смѣняющихъ другъ друга. Въ сказкѣ „Похожденія царевича Георгія" [1]) попытка героя сѣсть на бѣлаго барана удается только послѣ двухлѣтняго ожиданія, между тѣмъ какъ въ аварской „Медвѣжье ухо" [2]) остается, какъ и въ нашей, безуспѣшной. Въ мингрельской сказкѣ „Слѣпой царь" [3]) смѣну дня и ночи выражаютъ *бѣлая* и *черная козы,* а въ татарской—„Меликъ-Мамедъ" [4])—*бѣлый* и *черный клубки.*

Для выхода на свѣтъ Божій сказка пользуется привычнымъ сказочнымъ пріемомъ. Герой останавливается у одной старухи и узнаетъ, что какъ разъ сегодня должны отдать царевну на съѣденіе змѣю, залегающему источникъ; онъ убиваетъ змѣя и освобождаетъ царевну. Въ благодарность царь

---

[1]) Сб. XIII, II, 64.
[2]) Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 22.
[3]) Сб. XVIII, III, 46.
[4]) Сб. XIII, II, 310.

предлагаетъ ему спасенную дочь въ жены, но онъ отказывается и проситъ указать средство для выхода на свѣтъ бѣлый. Царь совѣтуетъ искать птицы Рохъ. Нашъ герой убиваетъ крокодила, поѣдавшаго ея дѣтенышей, а въ благодарность птица выноситъ его на свѣтъ Божій. На пути наверхъ онъ кормитъ птицу кускомъ мяса отъ своего бедра, но потомъ она залѣчиваетъ его рану и даетъ свое перышко на случай какой-нибудь бѣды. Герой узнаетъ, что товарищи готовятся сыграть свадьбу. Онъ убиваетъ ихъ, двухъ дѣвушекъ выдаетъ замужъ, а третью—беретъ себѣ. Наша сказка въ своей средней части и концѣ ближе подходитъ къ вышеупомянутой аварской сказкѣ и грузинскимъ, но по многимъ деталямъ она приближается къ русскимъ [1]). Спеціальный мотивъ о благодарной птицѣ воспроизводится во множествѣ сказокъ [2]). Роль птицы Рохъ нашей сказки въ большей части русскихъ сказокъ, аварской и двухъ грузинскихъ („Судьба" и „Кажанди") исполняетъ *орелъ;* въ одной русской („Несчастный садъ") —*грифъ-птица,* армянской („Коровій сынъ")—*синамарка,* а въ курдской („Махмудъ-охотникъ, Озманъ-богатырь и Асадъ-воитель") [3])—*симыръ* [4]). Въ одной подробности сказки нѣсколько расходятся. Въ удинской сказкѣ „Рустамъ" герой прощаетъ неблагодарныхъ товарищей, а въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо", какъ и въ нашей, мститъ товарищамъ за измѣну; въ армянской сказкѣ „Коровій сынъ" онъ не наказываетъ ихъ, но зато беретъ себѣ всѣхъ красавицъ.

---

[1]) „Три царства—мѣдное, серебряное и золотое" Аѳан. I, 264, въ особенности варіантъ подъ лит. *a*; „Несчастный садъ", Сб. VII, I, 123; „Сказка о трехъ братьяхъ крестьянскихъ", Сб. XV, II, 29; „Царенко Навішній", Рудченко, Нар. южнорусс. сказки I, 115.

[2]) Литература предмета у Сумцова „Разборъ этнографическихъ трудовъ" Е. Р. Романова, стр. 79.

[3]) С. А. Егіазаровъ, Курманджійскіе тексты въ Запискахъ Кавк. отд. Имп. русс. геогр. общ. XIII, 89.

[4]) Какъ арм. *синамарка,* такъ и курд. *симыръ*—это искаженія персидскаго *симургу.*

Одна подробность—о превращеніи вѣдьмою брата героя сказки въ осла и возвращеніе ему прежняго вида имѣетъ цѣлью оттѣнить неблагодарность къ своему избавителю-брату. И другія сказки знаютъ этотъ мотивъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ касается чудеснаго оборотничества любовниковъ.

Въ сказкѣ „Царевичъ Асланъ и дивъ“ (записана А. С. Гашйбаязовымъ) разрабатываются мотивы о матери-предательницѣ и притворной болѣзни, столь распространенные въ сказкахъ Европы, Азіи и Африки [1]. Въ особенности много общаго съ ней имѣютъ сказки: малорусская „Побѣдитель змѣевъ“ [2], армянская „Меликъ-Мамедъ“ [3] и великорусская „Притворная болѣзнь“ [4]. Царь осуждаетъ свою жену на смертную казнь, но сынъ ее спасаетъ и увозитъ въ страну сорока дивовъ. Мать сошлась съ однимъ изъ дивовъ и порѣшила извести сына. Она притворяется больной и посылаетъ его за разными снадобьями, добываніе которыхъ сопряжено съ опасностью для жизни. За такими же снадобьями отправляется пасынокъ въ ниже напечатанной кабардинской сказкѣ „Нарунъ“. Исполняя первое порученіе, сынъ-богатырь добываетъ львятъ, которые его потомъ выручаютъ изъ бѣды. Львята играютъ ту же роль, что собака, волченокъ или медвѣженокъ въ русскихъ сказкахъ [5]. Исполнивъ второе порученіе, сынъ-богатырв овладѣваетъ красавицей. Онъ ей велѣлъ дожидаться его три дня, а самъ отправляется къ притворно-больной матери. Желая сдѣлать сына безпомощнымъ, мать связываетъ его *струнами*. Для этой цѣли

---

[1]) Варіанты на мотивъ о матери-предательницѣ цитованы выше. Бѣлорусскіе варіанты въ „Разборѣ этногр. трудовъ Романова“ Сумцова 79;—на притворную болѣзнь—Аѳ. IV, 263.

[2]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Малорусс. сказки по Сбор. Кольберга, 104.

[3]) Сб. XIII, II, 206.

[4]) Аѳ. II, 224 а.

[5]) Аѳ. IV, 263. Кольбергъ „Pokucie“ ск. „Коварная сестра“ (цит. по Сумцову). Рудченко, I, 139 (въ сказкѣ „Змій“ также упоминается „*левко*“).

служитъ въ цитованной у Аѳанасьева словацкой сказкѣ *шелковый шнуръ*.

Аслану выкалываютъ глаза и бросаютъ въ оврагъ, но тамъ его поднимаютъ караванщики и везутъ къ невѣстѣ, справлявшей уже по немъ поминки. Она его узнаетъ по брошенному въ стаканъ кольцу. Такъ же по перстню, брошенному въ вазу, узнаетъ Каратты-хана [1]) его жена. Опусканіе кольца въ кубокъ обще-распространенный сказочный мотивъ.

Невѣста лѣчитъ отъ слѣпоты своего жениха, подмѣтивъ случайно, какъ изъ борющихся лягушекъ одна возвращаетъ зрѣніе другой. Чудесное излѣченіе отъ слѣпоты можно сравнить съ чудеснымъ возвращеніемъ къ жизни Нартъ-жанъ, при чемъ руководителями служатъ борющіяся змѣи [2]).

Въ концѣ сказки Асланъ убиваетъ коварную мать и дива. Месть въ русской сказкѣ имѣетъ болѣе нравственную подкладку: сынъ предоставляетъ мать суду Божьему. Такъ же поступаютъ герои и западно-славянскихъ сказокъ.

Сказка **„Невѣрная жена и вѣрная невѣста“** (записана Агаларомъ Кіясбековымъ) проводитъ мысль о томъ, что нельзя огуломъ осуждать женщинъ: если, съ одной стороны, есть невѣрныя жены, готовыя не только измѣнить своему мужу, но и посредствомъ убійства отдѣлаться отъ него, то, съ другой—найдутся вѣрныя невѣсты, которыя свято хранятъ память своего погибшаго жениха, мстятъ его врагамъ и даже лишаютъ сами себя жизни, не желая жить безъ него. Оба эти положенія разъясняются двумя сказочными эпизодами о двухъ женщинахъ—измѣнницѣ и вѣрной, подобно тому какъ и въ чеченской сказкѣ „Лялъ-Султа“ [3]), съ которой наша сказка, въ особенности во второй своей части,

[1]) Г. Н. Потанинъ „Ордынскія параллели къ поэмамъ ломбардскаго цикла“. Этн. обозр. 1893. III, 30.

[2]) Сб. XII. Эпизодъ изъ сказаній о Сосруко 143. В. Ѳ. Миллеръ въ своемъ отзывѣ къ вып. XII указываетъ на варіанты.

[3]) Сб. свѣд. о кавк. горцахъ IV, II, 14.

имѣетъ много общаго. Въ невѣрности жены убѣждается персидскій шахъ Аббасъ, которому народныя преданія приписываютъ такую же страсть къ *переодѣванію,* какъ багдатскому халифу Гарунъ-аль-Рашиду въ „Тысяча одной ночи". Съ историческою личностію Шахъ-Аббаса связано и преданіе о переодѣваніи его лудильщикомъ, чтобы видѣть царицу Тамару [1]), и другое—съ цѣлью добиться взаимности у красавицы [2]), но впечатлѣніе, вынесенное отъ посѣщенія бѣдной дѣвушки было совсѣмъ иное: онъ убѣдился, что есть на свѣтѣ честныя женщины.

Послѣдствіемъ коварнаго убійства мужа женою было распоряженіе шаха истребить всѣхъ женщинъ въ своемъ государствѣ. Отмѣна этого распоряженія послѣдовала послѣ того, какъ шахъ узналъ о вѣрности невѣсты со словъ столѣтняго старца. Вѣрная невѣста оказалась воинственной: она перебиваетъ поодиночкѣ всѣхъ почти сорокъ богатырей за несоблюденіе рыцарскаго правила—встрѣчать опасности во всеоружіи, истребляетъ цѣлую непріятельскую рать и мститъ жестоко за смерть своего жениха. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторыхъ чертъ богатырскихъ дѣвъ-воиновъ русскихъ и кавказскихъ сказокъ и древне-нѣмецкихъ Нибелунговъ.

Сказка **„О двухъ братьяхъ"** (записана И. Мурадовымъ) по своему основному мотиву—превращенію дѣвушки въ мужчину можетъ быть сближена съ имеретинской сказкой „О дочери царскаго эконома" [3]), хотя въ многихъ деталяхъ и даже завязкѣ обѣ сказки расходятся.

---

[1]) Сб. VII, II, 96.

[2]) Сб. XIII, II, 163.

[3]) Сб. XIX, II, 35. Сравнивая нашу сказку съ этой интересной имеретинской сказкой, записанной въ г. Кутаисѣ, я, кромѣ сообщенныхъ А. А. Богоявленскимъ классическихъ параллелей, могу указать еще на то, что дочь царя драконовъ многими чертами своими, а также сценой бѣгства напоминаетъ Мидію (Медею): сама она не бѣжитъ, такъ какъ избраннику ея сердца предстояло еще превращеніе въ юношу, но для того чтобы удалось его бѣгство, она жертвуетъ отцомъ-дракономъ (греческая Мидія жертвуетъ братомъ Абсиртомъ).

Два названныхъ брата идутъ искать счастья-доли: одинъ на востокъ, другой на западъ; при прощаніи они даютъ другъ другу обѣщаніе соединить бракомъ своихъ дѣтей. Раньше нашелъ свое счастье тотъ, который пошелъ на западъ: онъ дѣлается царемъ; но царемъ дѣлается и другой, отправившійся на востокъ, при чемъ при его избраніи играетъ роль *птица,* какъ и въ сказкахъ другихъ народовъ [1]). Оба царя женятся: у восточнаго царя родилась дочь, а у западнаго— три дочери. Когда дочь восточнаго царя подросла, онъ проситъ западнаго прислать своего сына, думая, что у того сынъ. Въ своемъ затрудненіи западный царь открывается дочерямъ, и онѣ, желая его выручить, одна за другой вызываются ѣхать въ мужскомъ платьѣ къ царю восточному. Но только младшая обладала тѣми богатырскими качествами, которыми надѣляютъ женщинъ сказки разныхъ народовъ [2]). Дальнѣйшее развитіе разсказа похоже въ общихъ чертахъ на имеретинскую сказку. Расходятся онѣ въ слѣдующихъ деталяхъ:

1) Въ нашей сказкѣ визирь старается напугать дѣвицу и заставить ее вернуться, но это ему не удается: она убиваетъ визиря съ его людьми; въ имеретинской сказкѣ отецъ самъ рѣшается напугать свою дочь, но, убѣдившись въ ея безстрашіи, онъ напутствуетъ ее на дальнѣйшіе подвиги.

2) По прибытіи въ городъ восточнаго царства, переодѣтая дѣвушка останавливается въ домѣ одной старушки—обычный эпическій пріемъ сказокъ; въ имеретинской—дѣвушка прямо отправляется къ царю.

3) Въ нашей сказкѣ въ переодѣтую дѣвушку влюбляется царевна, а въ имеретинской—царица; какъ та, такъ и дру-

¹) Параллели мною указаны въ Пред. къ XX вып. Сб.

²) „Василиса Поповна“ и др. варіанты у Ае. IV, 462; Брунгильда въ Нибелунгахъ; „Богатырь-женщина“ въ кабард. сказаніи, Сб. XII, I, 51; арм. сказка „Невѣста-всадникъ“ Сб. VII, II, 79; аварская сказка „О Балаѣ и Бютя“, Сб. свѣд. о кавк. горц. II, 56 и др.

тая заставляютъ храбрую дѣвушку добывать разныя снадобья: первая—для излѣченія отъ болѣзни, а вторая—отъ безплодія. Параллели мотива о розыскѣ снадобьевъ указаны выше.

4) Руководителемъ дѣйствій дѣвы-богатырши являются: въ нашей сказкѣ пророкъ, а въ имеретинской—вѣщій конь, данный ей дочерью царя драконовъ. Вообще послѣдней подробностью и всѣми деталями, относящимися къ царю драконовъ, имеретинская сказка богаче; притомъ она не только отличается сцѣпленіемъ эпическихъ мотивовъ, но и болѣе сложнымъ своимъ составомъ.

5) Приключенія въ окаменѣломъ царствѣ [1]) въ обѣихъ сказкахъ тождественны, но въ нашей—наказываетъ полуокаменѣлаго царя ангелъ, а въ имеретинской—злой духъ.

6) Превращеніе дѣвушки въ юношу совершается въ нашей сказкѣ посредствомъ соединенныхъ молитвъ пророка, ангела и дѣвушки, а въ имеретинской оно является результатомъ проклятія змѣя-дьявола, убиваемаго дѣвушкой.

7) Конецъ нашей сказки проще: нашъ женихъ женится на дочери восточнаго царя, а въ имеретинской—бросаетъ царя, у котораго онъ служилъ экономомъ, и ѣдетъ къ дочери царя-дракона, своей невѣстѣ.

Параллели сказаній о половой метаморфозѣ существуютъ въ классической литературѣ, въ восточныхъ сказкахъ и средневѣковыхъ легендахъ [2]). Въ сказкахъ съ подобнымъ содержаніемъ нашло свое выраженіе задушевное желаніе малокультурнаго человѣка имѣть во что бы то ни стало сыновей; дѣвушка, какими бы качествами она ни обладала, считается еще и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ уголкахъ Закавказскаго края лишнимъ бременемъ въ семьѣ, но теперь уже

[1]) Ср. Аѳ. IV, 360; айсорскую сказку „Окаменѣлое царство" XVIII, III, 78.

[2]) См. Отзывъ проф. В. Ѳ. Миллера о XIX вып. Сб., съ ссылкой на изслѣдованіе акад. А. Н. Веселовскаго „Croissans-crescens". Сборникъ Отд. русс. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ XXII, 3, 1881 г.

замѣчаются признаки перемѣны взгляда и одинаковаго отношенія къ дѣтямъ обоего пола.

Сказка **„Патамъ-бѣднякъ“** (записана А.-К. Эфендіевымъ) отличается оригинальной комбинаціей отдѣльныхъ частей: это не одна сказка, но соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ. Завязкой служитъ внезапное обогащеніе бѣдняка Патама, дающаго, правда, отъ своего избытка другимъ, но желающаго удивить всѣхъ своею щедростію. Въ числѣ нищихъ, являвшихся къ нему ежедневно за милостыней, нашелся дервишъ; онъ объявилъ щедрому хозяину, что видѣлъ человѣка, по имени Ферхадъ, который его превосходитъ своею щедростію. Задѣтый за живое, Патамъ мѣняется съ дервишомъ одеждой и идетъ отыскивать этого богача. Отыскавъ его и убѣдившись въ справедливости словъ дервиша, Патамъ проситъ богача разсказать ему исторію своего обогащенія, но тотъ отсылаетъ его къ другому—купцу Заххаку за разъясненіемъ его страннаго образа дѣйствій, а тотъ, въ свою очередь, направляетъ его къ кузнецу Искендеру, чтобы узнать, что́ такое съ нимъ случилось. Наконецъ, Искендеръ разсказываетъ Патаму бывшій съ нимъ случай, а когда Заххакъ услышалъ исторію Искендера, то, съ своей стороны, разсказалъ все Патаму, а затѣмъ сдѣлалъ то же самое и Ферхадъ. Любопытство Патама удовлетворено, и онъ снова водворяется въ своемъ домѣ, но съ тѣхъ поръ сокращаетъ размѣры своей безумной щедрости, убѣдившись въ томъ, что благотворительностью должно руководить желаніе сдѣлать доброе дѣло, а не постороннія побужденія.

Обмѣнъ своимъ мѣстомъ и платьемъ—это извѣстный сказочный мотивъ. Въ нашей сказкѣ, а равно и въ армянской „Алиханъ“ [1]) подобный обмѣнъ проходитъ для изъявившаго желаніе помѣняться безнаказанно; но иногда бываетъ наоборотъ: ему приходится раскаиваться въ своей довѣрчи-

[1]) Сб. VII, II, 164.

вости [1]). Въ армянской сказкѣ царь Кулиханъ [2]), помѣнявшійся своей ролью съ дервишомъ, лишается, правда, престола, которымъ завладѣваетъ дервишъ, но за свою преданность волѣ Божьей дѣлается царемъ въ другомъ мѣстѣ.

Перехожу теперь къ отдѣльнымъ сказочнымъ эпизодамъ.

1. Искендеръ обладалъ прекраснымъ голосомъ и потому былъ муаззиномъ въ мечети. Однажды, за четверть часа до полуденной молитвы, его подхватила птица и унесла въ такое мѣсто, гдѣ ему пришлось дрожать за свою жизнь. Ровно въ двѣнадцать часовъ онъ былъ снова на минаретѣ, но когда хотѣлъ пропѣть молитву, то оказалось, что онъ лишился голоса. Послѣ этого онъ бросаетъ родной городъ, оставляетъ беременную жену на попеченіе матери, а самъ идетъ на чужбину, гдѣ дѣлается кузнецомъ. Обогатившп себя своимъ трудомъ, онъ чрезъ пятнадцать лѣтъ возвращается на родину п, войдя незамѣтно въ домъ, застаетъ свою жену спящей съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Не зная, что это его сынъ, онъ убиваетъ жену, сына и мать. За свой опрометчивый поступокъ ему приходится испытывать угрызенія совѣсти и страдать всю жизнь. Герой греческой сказки „Три наставленія“, напечатанной въ настоящемъ выпускѣ Сборника (стр. 106), поступилъ въ аналогичномъ случаѣ совершенно иначе: онъ вспомнилъ данный ему совѣтъ и не убилъ ни жены ни сына.

2. Отецъ Заххака былъ первымъ богачомъ въ городѣ. При домѣ его отца былъ прекрасный садъ, куда ежегодно весною прилетали, въ видѣ голубей, въ гости къ его сестрѣ дочери хурійскаго царя; каждый разъ онѣ, сбросивъ съ себя птичья шкурки, купались въ пруду. Заххакъ спрятался од-

[1]) Напр., въ русской повѣсти о Басаргѣ; въ монгольской сказкѣ о Баляпъ-сенге и въ XXIII главѣ Шиддикура; см. ст. Потанина въ Этн. Обозр. XII, 57; XVII, 165.

[2]) Сб. VII, II, 219.

нажды за кустомъ и завладѣлъ шкуркой младшей изъ сестеръ. Зная о томъ, что ей улетѣть обратно уже нельзя, она сама соглашается быть женой Заххака. Сначала жизнь ихъ была счастлива, но потомъ вышло иначе: вслѣдствіе необдуманнаго поступка мужа, разсвирѣпѣвшая жена убиваетъ дѣтей и, принявъ видъ голубя, улетаетъ обратно къ отцу. Мотивъ о купаньѣ въ озерѣ трехъ сестеръ, прилетавшихъ птицами, общераспространенный не только въ сказкахъ кавказскихъ, но и другихъ народовъ. Обыкновенно шкурка одной изъ нихъ, самой красивой, дѣлается добычей юноши, подсмотрѣвшаго купающихся сестеръ. Въ нашей сказкѣ царевна не дѣлаетъ даже попытки получить шкурку обратно и примиряется со своею судьбою; въ аварской же сказкѣ „Морской конь“ [1]), на которую наша сказка похожа по многимъ деталямъ, дочь морского царя проситъ юношу вернуть ей шкурку, но онъ *не хочетъ*, вслѣдствіе чего онъ и овладѣваетъ красавицей. Этою послѣдней подробностью аварская сказка ближе подходитъ къ сказкамъ другихъ народовъ. Но видъ *голубей* принимаютъ сестры не во всѣхъ сказкахъ: въ русской былинѣ о Марьѣ Лебеди-Бѣлой онѣ прилетаютъ на озеро въ видѣ *лебедей,* а въ тюркской сказкѣ о Каратты-ханѣ [2]) дѣвица принимаетъ видъ *утки.* Упомяну еще объ одной подробности. Въ нашей сказкѣ говорится о трехъ дочеряхъ *хорійскаго* царя. Названіе это, въ нѣсколько измѣненной формѣ, встрѣчается въ сказаніи о Гэсэрѣ [3]). Этотъ богатырь, родственный по многимъ чертамъ богатырямъ русскихъ былинъ и нартовскихъ сказаній, ведетъ войну съ тремя *хорскими* царями, увезшими его жену. По моему мнѣнію, ключъ къ объясненію этихъ названій слѣдуетъ искать въ древней формѣ названія Хивы—*Ха-*

---

[1]) Сб. XIV, II, 98.

[2]) Этн. Об. 1893, III, 30.

[3]) Статья Потанина „Ордынскія параллели въ поэмахъ ломбардскаго цикла“ въ томъ же вып. Обозр.

ресмъ или *Хоаресмъ*, и если мое предположеніе вѣрно, то это можетъ послужить и указаніемъ къ объясненію, по какому пути ордынскіе сюжеты могли вторгнуться на кавказскую почву.

3. Ферхадъ, несмотря на предостереженія умирающаго отца, безразсудно растрачиваетъ полученное наслѣдство, вмѣстѣ со своими товарищами-кутилами. Когда онъ обнищалъ, то прежніе друзья отъ него отвернулись, и тогда Ферхадъ обращается за помощью къ старому товарищу отца. Тотъ ему совѣтуетъ добыть у дива съ семью головами золототворную лампаду, но предваряетъ, что путь къ башнѣ дива усѣянъ препятствіями [1]). Ферхадъ рѣшается итти. На пути встрѣчаются чудовища и разные чудесные предметы; онъ оказываетъ имъ всевозможныя услуги или скрываетъ ихъ недостатки, и они пропускаютъ его. Такимъ образомъ Ферхадъ проникаетъ въ башню. Тамъ онъ освобождаетъ заключенную царевну и, схвативъ лампаду, садится на лучшаго коня дива и убѣгаетъ при помощи благодарныхъ чудовищъ и чудесныхъ предметовъ. Этой своей чертой сказка подходитъ къ мотиву о благодарныхъ животныхъ, столь распространенному въ сказкахъ всѣхъ народовъ [2]). Благодарность выражается не только тѣмъ, что герой сказки не задерживается на пути, но и тѣмъ, что преслѣдовавшій его дивъ не пропускается дальше. Послѣдней подробностью наша сказка напоминаетъ такую же черту въ другихъ сказкахъ: во время бѣгства любящей четы погоня задерживается бросаніемъ разныхъ чудесныхъ предметовъ [3]).

Золототворная лампада дѣлается для героя сказки неизсякаемымъ источникомъ богатства. Тема о растрачиваніи безпутнымъ сыномъ отцовскаго наслѣдства и о вторичномъ его обогащеніи разрабатывается и въ другихъ сказкахъ. Въ

---

[1]) Это нѣчто въ родѣ *заставъ* Ильи Муромца.

[2]) Сб. IX, II, 83; XII, 117; XIII, 83, 130, 313. Литература мотива указана въ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова „Малорусскія сказки“.

[3]) Аѳ. „Морской царь и Василисса Премудрая“ IV, 125.

чеченской сказкѣ [1]) богатство возвращается къ сыну совершенно иначе: онъ вѣшается на веревкѣ приготовленной заранѣе отцомъ, но обрывается, при чемъ посыпались золотыя деньги, припасенныя отцомъ на случай нужды сына. Конецъ обѣихъ сказокъ одинъ и тотъ же: нравственное обновленіе безпутнаго сына.

Сказки **„Святая рыба"** (записана А. Кіясбековымъ) и **„Золотая рыба"** (записана С. Аджаловымъ), сходныя по своему замыслу и деталямъ, представляютъ варіантъ татарской же сказки „Рыба разноцвѣтная" [2]), мингрельской „Красивая рыбка" [3]) и туркменской „Золотой сазанъ" [4]).

Особенности этихъ сказокъ слѣдующія.

1) Незнакомецъ-оборотень, съ цѣлью заставить заговорить нѣмую царевну, разсказываетъ ей сказку съ невѣроятнымъ заключеніемъ, при чемъ въ первой сказкѣ онъ обращается къ *попугаю,* во второй—къ *подушкѣ,* а въ татарской, раньше напечатанной—къ *двери;* въ мингрельской и туркменской нѣтъ этой подробности.

2) Сказка, разсказываемая оборотнемъ царевнѣ, составляетъ отдѣльный эпизодъ. Три царевича (въ татарской—сыновья купца), соискатели руки двоюродной сестры, отправляются на чужбину, гдѣ они надѣляются каждый порознь какимъ-нибудь необыкновеннымъ качествомъ или диковинкой: старшій даромъ узнавать то, что происходитъ гдѣ бы то ни было; средній добываетъ коверъ-самолетъ [5]), а младшій пріобрѣтаетъ умѣніе вылѣчить даже умирающаго. Въ сказкѣ „Рыба самоцвѣтная" эти дары даются братьямъ въ другомъ порядкѣ: умѣніе лѣчить пріобрѣтаетъ старшій, даръ прозрѣ-

---

[1]) Сб. свѣд. о кавк. горц. IV, 31.

[2]) Сб. IX, II, 75.

[3]) Сб. X, II, 326.

[4]) Сказки мангышлакскихъ туркменъ, Сб. свѣд. о кавк. горц. VIII, VII, 14.

[5]) Литература мотива о *чудесныхъ предметахъ* изложена въ цитованномъ уже сочиненіи проф. Н. Ѳ. Сумцова.

нія—средній, а чудесные предметы—младшій. Этотъ эпизодъ входитъ также въ составъ грузинской сказки: „О сынѣ царскаго служителя" [1]), но, какъ и въ нашей, передается безъ излишнихъ подробностей.

3) Въ нашей сказкѣ царевна присуждаетъ умирающую невѣсту брату, вылѣчившему ее, а въ раньше напечатанной татарской—обладателю чудесныхъ предметовъ.

4) Во второй сказкѣ нѣтъ этого эпизода, но зато она имѣетъ другой эпизодъ, общій у нея съ первой сказкой. На караулѣ стояли трое: столяръ, портной и мулла; чтобы не уснуть, первый вытесываетъ изъ бревна человѣческую фигуру, второй ее одѣваетъ, а третій горячей молитвой оживляетъ. Цѣль и этого разсказа заинтересовать нѣмую царевну и этимъ заставить ее заговорить. Этотъ эпизодъ составляетъ варіантъ грузинской сказки „О сынѣ царскаго служителя", но аксесуары этой сказки совершенно другія.

5) Въ обѣихъ сказкахъ царевна присуждаетъ право на дѣвушку, происшедшую чудеснымъ образомъ изъ деревяннаго чурбана, муллѣ, а въ грузинской—плотнику.

6) Въ первой изъ разсматриваемыхъ сказокъ выскакиваетъ изо рта испуганной царевны *ящерица,* во второй и туркменской—*змѣя,* въ раньше напечатанной татарской—*жаба,* а въ одной грузинской—*чертенята* [2]); мингрельская сказка не знаетъ этой подробности.

7) Вторая сказка имѣетъ сравнительно съ татарской „Разноцвѣтная рыба" еще одну подробность: кровью, выпущенной изъ жилы оборотня, излѣчивается царь-отецъ; въ татарской—царь умираетъ, а сынъ наслѣдуетъ престолъ.

Остается упомянуть еще обо одной татарской сказкѣ „Нѣмая царевна" [3]), сходной съ нашими по нѣкоторымъ

---

[1]) Сб. XIX, II, 119.
[2]) Сообщ. А. С. Хахановымъ В. Ѳ. Миллеру, см. Прим. Сб. XII, 74.
[3]) Сб. VI, II, 94.

деталямъ. Въ этой сказкѣ исцѣленіе отъ нѣмоты получается отъ другой причины—по волшебству колдуна.

Сказка „**Гусейнъ-богатырь**" (записана М. Мурадовымъ) по своему замыслу вполнѣ соотвѣтствуетъ аварской сказкѣ „Охай" [1]). Въ нашей сказкѣ бѣдный пастухъ проситъ отца высватать ему дочь перваго богача въ деревнѣ; богачъ, желая дать почувствовать всю неумѣстность сватовства бѣдняка, требуетъ въ видѣ калыма такую сумму, уплатить которую тотъ не въ состояніи. Въ аварской сказкѣ сынъ пастуха упрашиваетъ отца высватать за него царевну; царь непрочь выдать дочь замужъ, но требуетъ отъ пастуха доказательствъ его смышлености и ловкости. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обѣ сказки существенно отличаются отношеніемъ отца невѣсты къ искателю руки дочери, что̀ и даетъ извѣстное направленіе дѣйствіямъ того и другого. Желая заработать требуемую сумму, герой нашей сказки, необыкновенный силачъ, нанимается въ работники, но потомъ появленіе въ городѣ, гдѣ онъ жилъ, пехлевана, записного борца, даетъ ему случай проявить свою силу на поприщѣ арены. На него обращаетъ вниманіе Шахъ-Аббасъ и даетъ ему порученіе взять съ сосѣдняго языческаго государства контрибуцію и добыть сестру царя. Устранивъ всѣ препятствія при содѣйствіи своего помощника-айара, онъ достигаетъ своей цѣли и дѣлается намѣстникомъ завоеванной страны. Въ аварской сказкѣ герой поступаетъ въ обученіе къ Охаю, владѣтелю подземнаго міра и при помощи его дочери обучается смышлености и ловкости. Доказавъ на дѣлѣ предъ царемъ свое искусство, онъ женится на царевнѣ, но беретъ себѣ въ жены также и дочь Охая. Наша сказка умалчиваетъ о судьбѣ дочери богача, хотя уплатить калымъ за нее герою было бы уже не трудно; она также обходитъ вопросъ о томъ, кому досталась царевна: нашему ли герою, или Шахъ-Аббасу.

Какъ въ нашей сказкѣ, такъ и въ раньше напечатан-

[1]) Сб. свѣд. о кавк. горц. II, 22.

ныхъ „Меликъ-Мамадъ и Меликъ-Шумшидъ“ [1]) и „Меликъ-Мамедъ“ [2]) бросается въ глаза пристрастіе закавказскихъ татаръ къ проявленіямъ физической силы: смотрѣть на борьбу силачей это любимѣйшее ихъ зрѣлище, и пехлеваны (у татаръ пелюаны) пользуются у нихъ большимъ почетомъ [3]).

Любопытна также въ сказкѣ роль *айаровъ*. Это нѣчто въ родѣ слуги-невидимки русской сказки, при помощи котораго герой совершаетъ свои подвиги. Въ числѣ именъ, придаваемыхъ въ русскихъ сказкахъ такому слугѣ, есть и Урза-Мурза [4]), каковое присвоено и нашему айару.

Въ киргизской сказкѣ **„О двухъ братьяхъ, Шакурѣ и Шакуратѣ“** (записана М. Кентаевымъ-Ташкеновымъ) выставляется на первый планъ нелюбовь злой мачехи къ дѣтямъ мужа отъ первой жены. Этотъ весьма распространенный мотивъ народный эпосъ разнообразитъ на всѣ лады и обставляетъ всевозможными подробностями. Обыкновенно въ сказкахъ нелюбовь мачехи обрушивается на падчерицу, но здѣсь дѣлаются жертвой пасынки. По наущенію мачехи, отецъ велѣлъ слугамъ умертвить въ степи младшаго сына и представить ему окровавленную рубашку, но они его пощадили и намочили рубашку въ крови барана. Послѣ этого и старшій сынъ бросаетъ отцовскій домъ, и оба брата очутились въ степи безпомощными. Младшій погибаетъ отъ укуса змѣи, но потомъ возвращается къ жизни молитвами богомольцевъ. Съ этого времени пути обоихъ братьевъ раздѣлились, и дальнѣйшая ихъ судьба зависитъ уже отъ врожденныхъ имъ нравственныхъ и физическихъ качествъ: послѣ цѣлаго ряда невѣроятныхъ приключеній они дѣлаются могущественными царями. При личномъ свиданіи, они рѣшились посѣтить своего

[1]) Сб. VI, II, 114.

[2]) Сб. XIII, II, 84.

[3]) Сб. XX, I, 145, ст. А. Захарова „Домашній и соціальный бытъ женщины у закавказскихъ татаръ“.

[4]) Аѳ. IV, 272.

отца. Находятъ они его въ нищетѣ: онъ былъ лишенъ власти своими подданными за дурное обращеніе съ сыновьями; но они возстановляютъ отца на престолѣ и заставляютъ развестись съ женой, ихъ мачехой.

Укажу на одну подробность въ нашей сказкѣ. Младшій изъ братьевъ, Шакуръ, въ незнакомомъ городѣ увидѣлъ человѣка, везущаго на арбѣ *сундукъ;* продавецъ старается заманить покупателя обѣщаніемъ счастія. Шакуръ купилъ этотъ сундукъ, а когда его открылъ, то въ немъ оказалась заключенной дѣвушка рѣдкой красоты.

Скрыть подобнымъ образомъ красавицу отъ глазъ постороннихъ—это обыкновенный эпическій пріемъ, но насколько разнообразны побужденія, по которымъ герои сказки или другія лица прибѣгаютъ къ этому средству, настолько же различается и мѣсто, куда они заключаютъ красавицъ. Такъ, въ монгольскомъ сборникѣ Шиддикуръ [1]) одинъ человѣкъ женится обманнымъ образомъ на красивой дѣвушкѣ, но, желая отъ нея отдѣлаться, запираетъ ее въ *корзину* и, присыпавъ землéю, удаляется. На насыпь съ корзиной наѣхалъ царевичъ, велѣлъ ее раскопать и освободилъ заключенную дѣвицу. Въ армянской сказкѣ „Сахка-Юсуфъ“ [2]) герой, желая спасти свою возлюбленную, заключаетъ ее въ *ящикъ* и отправляетъ къ своей матери. Въ армянской же сказкѣ „Невѣста-всадникъ“ [3]) старуха-волшебница, чтобы доставить красавицу влюбленному царю, заперла ее въ *бочку* и пустила по теченію рѣки.

Балкарское сказаніе (въ текстѣ невѣрно напечатано—*карачаевское*) **„Богатырь Ецемей, сынъ Ецея“** (записано А. Боташевымъ) принадлежитъ къ разряду нартовскихъ сказаній, столь распространенныхъ среди туземцевъ Сѣвер-

---

[1]) Этн. Об. 1892 II—III, 19.
[2]) Сб. VII, II, 198.
[3]) Сб. VII, II, 82.

наго Кавказа. Въ Сборникѣ было напечатано нѣсколько такихъ сказаній адыгскихъ (кабардинскихъ), осетинскихъ и горско-татарскихъ; не было до сихъ поръ только чеченскихъ [1]). Въ этомъ отношеніи предстоитъ еще много работы, но когда будутъ собраны эти сказанія и приведены въ порядокъ, то тогда, можетъ-быть, окажется, что разрозненныя, повидимому, пѣсни и сказанія, составляютъ цѣльную эпическую поэму.

Карачаевское сказаніе „Ачимезъ" [2]) и кабардинское „Ашемезъ" [3]) составляютъ варіанты нашего сказанія. Карачаевскій варіантъ мѣстами скомканъ и, повидимому, сокращенъ, а въ кабардинскомъ нѣкоторыя детали измѣнены, но главная мысль въ обоихъ остается одна и та же, что́ и въ балкарскомъ сказаніи. И въ осетинскомъ мальчикѣ-богатырѣ Тотрадзѣ [4]), сынѣ Алымбека, мы имѣемъ дѣло съ кабардинско-карачаевскимъ Ашемезомъ или балкарскимъ Еӵемеемъ. Замѣчу кстати, что слово „Еӵемей" составляетъ искаженіе кабардинскаго Ашемезъ ('аӷе оружіе, вооруженный—мез лѣсъ, лѣсной; стало-быть, лѣсной витязь).

Отмѣчу нѣкоторыя общія черты во всѣхъ четырехъ сказаніяхъ.

1) Наше сказаніе начинается съ картины игры въ альчики. Еӵемей, мальчикъ десяти лѣтъ, играя со своими ровесниками, далъ имъ почувствовать все превосходство своей силы. Тогда ему пришлось отъ нихъ услышать упреки въ томъ, что онъ до сихъ поръ не отомстилъ за смерть своего отца Еӵея [5]). Еӵемей бѣжитъ къ матери, чтобы узнать отъ нея, кто этотъ убійца. Мать сначала отказывается ему сообщить

[1]) Дагестанскихъ горцевъ не считаю, такъ какъ ихъ нартовскія сказанія носятъ нѣсколько иной характеръ: нарты въ Дагестанѣ служатъ синонимами великановъ (см. ст. Услара въ Сб. свѣд. о кавк. горц. I, 28).

[2]) Сб. III, II, 140.

[3]) Сб. XII. Каб. тексты. 38.

[4]) Ср. „Какъ Сосрыко поссорился съ Алымбекомъ", Сб. свѣд. о кавк. горц. V, IV, 12.

[5]) Это слово составляетъ искаженіе каб. Аше.

имя убійцы, но онъ прибѣгнулъ къ хитрости: попросилъ мать подать ему въ рукѣ горячей кукурузы, а когда она это сдѣлала, то сжалъ ея руку такъ сильно, что она подъ вліяніемъ физической боли назвала убійцу отца—Кубу. Такъ же выпытываетъ у своей матери имя убійцы и герой во всѣхъ трехъ сравниваемыхъ сказкахъ. Мотивъ *допрашиванія матери*, иногда и съ пристрастіемъ, встрѣчается не только въ другихъ кавказскихъ сказкахъ: въ сванетской „Ростомъ" [1]), мингрельской „Три брата Марганіевыхъ" [2]), армянской „Хачи" [3]) и въ осетинской „Какъ Сосрыко поссорился съ Алымбекомъ" [4]); онъ извѣстенъ и сказкамъ другихъ народовъ: въ русскомъ сказаніи объ Еруcланѣ Лазаревичѣ допрашиваетъ свою мать Уруcланъ Уруcлановичъ, а у Фирдоуси десятилѣтній Сохрабъ допытывается у матери о своемъ отцѣ, при чемъ прибѣгаетъ и къ угрозѣ [5]). Въ иранскомъ богатырскомъ мальчикѣ слѣдуетъ искать прототипъ кавказскаго; русскій Уруcланъ это только далекій отзвукъ иранскаго, при чемъ посредствующимъ звеномъ послужилъ Кавказъ.

2) Въ карачаевскомъ сказаніи раньше эпизода о допрашиваніи матери сообщается о причинахъ вражды Ачимеза къ Хубуну (Кубѣ нашей сказки). Этимъ карачаевскій варіантъ дополняетъ нашъ и кабардинскій. Дальше говорится о томъ, что задолго еще до отправленія въ походъ героя выступилъ мстить злодѣю братъ убитаго Ачи, Насыранъ, но онъ стоялъ на берегу разлившейся Кубани, не имѣя возможности переправиться. Походомъ Насранжаке на Тлебицу начинается каб. сказаніе, и войско точно также стоитъ безъ всякаго дѣла на берегу многоводнаго Идыля (Волги). Въ осетинской та же роль

---

[1]) Сб. XVIII, I, 125.
[2]) Сб. X, III, 17.
[3]) Сб. VII, II, 224.
[4]) Сб. свѣд. о кавк. горц. V, IV, 12.
[5]) В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русс. нар. эпоса. 127 Прил. 156. Тамъ же указаны и другія параллели.

присуждена Сосрыко, а въ нашемъ сказаніи теткѣ героя, Ецеевой: она стоитъ уже десять лѣтъ на берегу огромной рѣки (названія нѣтъ) въ ожиданіи племянника.

3) Во всѣхъ четырехъ сказаніяхъ подробности о розыскѣ мальчикомъ оружія и боевого коня отца почти тѣ же, а равно и разсказъ объ отправленіи въ походъ и трехдневной борьбѣ съ противникомъ. Куба нашей сказки и Хубунъ въ карачаевской соотвѣтствуютъ Тлебицѣ въ кабардинскомъ сказаніи и Сосрыко въ осетинскомъ.

4) Исходъ борьбы не одинаковый во всѣхъ сказаніяхъ. Въ нашемъ сказаніи Ецемей падаетъ, пронизанный многими пулями, но когда Куба притащилъ его трупъ къ себѣ домой, то мальчикъ оживаетъ отъ тренія чудеснымъ полотенцемъ. Затѣмъ онъ убиваетъ Кубу, овладѣваетъ его женою и богатствами, но потомъ падаетъ отъ руки Сосрыко, который при помощи своей матери-волшебницы одерживаетъ верхъ надъ мальчикомъ-богатыремъ. Осетинское сказаніе не знаетъ эпизода борьбы съ Кубой, но заставляетъ Тотрадза погибать прямо отъ руки Сосрыко. Въ карачаевскомъ и кабардинскомъ сказаніяхъ Ашемезъ, притворившись мертвымъ, убиваетъ своего противника и возвращается побѣдителемъ домой.

5) Заслуживаетъ нашего вниманія еще одна подробность. Въ нашемъ и кабардинскомъ сказаніяхъ противникъ мальчика-богатыря, во время трехдневнаго боя, ищетъ *исцѣленія* отъ ранъ каждый день вечеромъ у своей жены: въ нашемъ сказаніи она его исцѣляетъ, натирая волшебнымъ полотенцемъ, а въ кабардинскомъ—то же дѣйствіе производитъ одно ея дыханіе. Эта деталь встрѣчается и въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэрѣ, а именно въ тангутской его версіи, въ которомъ воины оживаютъ вслѣдствіе окропленія старухой-волшебницей [1]). У иранскаго Рустема мотивъ болѣе возвышенный: онъ воз-

[1]) См. статью Потанина „Марья Лебедь-Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ" Э. О. 1892 II—III, стр. 13.

становляетъ свои силы послѣ молитвы Богу. Чудесное *оживленіе* героя сказки находитъ свою аналогію въ чудесномъ дѣйствіи „Живой воды" сказокъ русскихъ и другихъ народовъ [1]).

Теперь перехожу къ грузинскимъ сказкамъ.

Сказка **„О восточномъ и западномъ царяхъ"** (записана П. Ростомовымъ) развиваетъ тему о препирательствѣ загадками и состязаніи въ остроумныхъ отвѣтахъ. Препирательство происходитъ между царями восточнымъ и западнымъ, но въ помощь западному цару является мальчикъ, который и остается побѣдителемъ. Подобнымъ образомъ герой румынской сказки Петръ помогаетъ Бѣлому царю разгадать три загадки, заданныя враждебнымъ царемъ Краснымъ [2]). Въ слѣдующемъ выпускѣ Сборника будетъ напечатана сказка „Гультаазри", подходящаго содержанія и въ особенности своими деталями напоминающая румынскую.

Преданіе **„О названіи рѣки Цхенисъ-цкали"** (записано А. Цицаги) служитъ примѣромъ того, какъ народъ старается иногда себѣ объяснить названія рѣкъ, горъ и урочищъ, въ особенности если названія эти ему понятны по этимологическому составу словъ: рѣка Цхенисъ-цкали означаетъ „Лошадиная вода"; то же почти означаетъ Ἵππος Стравона.

Сказаніе объ **„Амиранѣ"** (записано А. Тоидзе) имѣетъ сюжетомъ трагическую судьбу этого Промиѳея картвельскихъ народовъ и иронцевъ (осетинъ). Наше преданіе связываетъ Амирана съ горой Казбекомъ подобно тому, какъ кабардинское [3]) упоминаетъ о прикованномъ къ Эльбрусу старикѣ (не называя его, впрочемъ, по имени); оно составляетъ варіантъ грузинскихъ однородныхъ сказаній [4]). Однако,

[1]) Аѳ. IV, 199.
[2]) Аѳ. IV, 315.
[3]) Сб. XII, I, 37.
[4]) Сб. X, III, 47; II, II, 158; XVII, II, 135.

напечатанныхъ въ Сборникѣ сказаній объ Амиранѣ еще мало, чтобы можно было возстановить цѣльный образъ этого сказочнаго богатыря, какимъ онъ рисуется народному воображенію. Обращу вниманіе на одну любопытную подробность въ нашемъ сказаніи. Когда Амиранъ бывалъ на небѣ, то Іисусъ Христосъ воспретилъ ему уносить оттуда *огонь*, но онъ не послушался, видя, что люди въ огнѣ нуждаются; этимъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Этой детали я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ варіантовъ объ Амиранѣ. Это тотъ же самый Промиѳей, который, изнывая отъ страданій, жалуется:

....θνητοῖς γὰς γέρα
πορῶν ἀνάγκαις ταῖσδ' ἐνέζευγμαι τάλας· [1])
Aeschyli Prometheus vinctus v. 107—108.

Варіанты сванскій [2]), осетинскій [3]) и отчасти абхазскій [4]) принадлежатъ уже къ другому типу: въ нихъ можно разыскать нѣкоторыя черты или иранскаго Рустема, борющагося съ дивами, или миѳическаго Иракла, освобождающаго людей отъ разныхъ чудовищъ и освободившаго также Промиѳея. На кавказской почвѣ попытка къ освобожденію исходила отъ обыкновеннаго смертнаго: она осталась безъ результата, и Амиранъ въ народномъ представленіи страдаетъ и въ настоящее время.

Въ другомъ свѣтѣ представляется *Арманъ* средне-азіатскихъ киргизовъ [5]): онъ служитъ для обозначенія названія злой, нечистой силы, какъ и низвергнутый въ подземную пропасть иранскій *Ариманъ*—олицетвореніе отрицательнаго начала въ природѣ. Если преданіе объ *Амиранѣ* можетъ быть

[1]) ....людямъ давъ дары,
Страдаю вѣчно здѣсь цѣпями скованный.

[2]) Сб. X, III, 6.

[3]) Сб. VII, II, 20.

[4]) Сб. XIII, II, 34.

[5]) Этн. Об. 1891. IV, Потанина „Изъ области киргизскихъ вѣрованій“, 35.

поставлено въ связь съ *Ариманомъ* [1]), то, очевидно, у народовъ картвельскаго племени, среди которыхъ процвѣталъ древне-персидскій культъ еще раньше принятія христіанства, его личность приняла уже другія очертанія.

Преданіе **„О поселеніи тушинъ въ Алвани“** (записано А. Тоидзе) интересно въ томъ отношеніи, что названіе этого селенія напоминаетъ намъ названіе *албанскаго* народа, исчезнувшаго уже съ лица земли [2]).

Армянская сказка о **„Царѣ-пастухѣ“** (записана С. Табагянцемъ) приписываетъ пастуху такія мудрыя изреченія, какія обыкновенно связываются съ Соломономъ. Она составляетъ варіантъ другой армянской сказки подъ тѣмъ же заглавіемъ [3]), но она бѣднѣе подробностями, при чемъ вторая ея половина—объ исцѣленіи отъ слѣпоты, не обоснована, какъ слѣдуетъ.

Армянскій разсказъ **„Три головы“** (записанъ А. Бабаляномъ) заключаетъ въ себѣ жизненныя наблюденія, выраженныя въ формѣ изреченія. Царь опредѣляетъ достоинство трехъ головъ, снесенныхъ съ убитаго врага: лучшей оказалась голова человѣка мыслящаго.

Армянское преданіе **„Паломникъ“** (записано А. Мирзоевымъ) имѣетъ отношеніе къ принципіальному пониманію нѣкоторыхъ положеній христіанской этики [4]). Главная мысль заключается въ томъ, что всякое доброе дѣло на пользу страждущаго человѣчества, содѣянное отъ чистаго сердца и съ христіанскимъ смиреніемъ, можетъ замѣнить подвигъ поломничества.

Нравственная идея лежащая въ основѣ армянской легенды **„Подвигъ искупленія“** (записана А. Бабаляномъ)

---

[1]) Ср. Предисловіе къ XVII вып. Сборника, стр. VI.
[2]) Если не считать *удинъ* остатками албанцевъ.
[3]) Сб. XIII, II, 78. См. отзывъ проф. В. Ѳ. Миллера о XIII выпускѣ Сбор.
[4]) Ср. 16 гл. Ев. отъ Луки.

выражена совершенно вѣрно собирателемъ въ примѣчаніи къ тексту.

Греческая сказка **„Три наставленія“** (записана Ѳ. Стамболіевымъ) даетъ матеріалъ для аналогій. Мотивъ о надѣленіи *темя совѣтами* или *наставленіями* имѣетъ широкое распространеніе, но обыкновенно въ сказкахъ варьируетъ не только содержаніе этихъ совѣтовъ, но и подобранные къ нимъ сказочные эпизоды. Параллелью къ нашей сказкѣ служатъ: напечатанная въ настоящемъ выпускѣ каб. сказка „Три добрыхъ совѣта“, армянская „Три юноши“ [1]), сирійская (айсорская) „Задилъ“ [2]), кабардинская „Три наставленія“ [3]) и малорусская „Три предостереженія“ [4]). Наша сказка записана въ такъ называемой Цалкѣ, гдѣ живутъ греки, православнаго вѣроисповѣданія, но говорящіе по-турецки.

Въ статьѣ Г. Джапаридзе **„Народные праздники и повѣрья рачинцевъ“** описывается въ краткихъ очеркахъ, какіе обычаи соблюдаются рачинцами при празднованіи большихъ годовыхъ праздниковъ и праздниковъ мѣстныхъ, какъ напр.: Бослоба, четвергъ поросятъ и др. Оказывается, что у рачинцевъ, этого отпрыска грузинскаго народа, живущаго въ горахъ, на верховьяхъ Ріона, много общаго съ обычаями гурійцевъ [5]), хотя имѣются и свои особенности. Затѣмъ излагаются авторомъ обычаи рачинцевъ въ разныхъ случаяхъ жизни. Свадебные обычаи, составляющіе самую любопытную сторону народной жизни, изложены авторомъ довольно обстоятельно. Остается желать, чтобы онъ обратилъ еще вниманіе и на пѣсни, которыя поются во время свадьбы; въ нихъ сохра-

[1]) Сб. VII, II, 83.
[2]) Сб. XVIII, II, 92.
[3]) Сб. свѣд. о кавк. горц. VI, III, 33.
[4]) Мал. сказ. по сборникамъ Кольберга и Машинской Н. Ѳ. Сумцова.
[5]) Въ статьѣ Т. Мамаладзе „Народные обычаи и повѣрья гурійцевъ“.

нилось, вѣроятно, еще много старины. Въ концѣ статьи описаны авторомъ космогоническія повѣрья, представляющія, впрочемъ, мало оригинальнаго по сравненію съ такими же повѣрьями гурійцевъ и другихъ народовъ картвельскаго племени.

Помѣщенные въ Сборникѣ адыгскія сказки записаны на адыгскомъ же языкѣ, кромѣ абадзехской пѣсни, г. Паго Тамбіевымъ.

Сказка „**Отцовскіе друзья**“ оригинальна какъ по своему замыслу, такъ и по всѣмъ деталямъ. Въ ней приводится идея, что только та дружба прочна, которая основана на взаимной симпатіи и сознаніи обязанностей въ отношеніяхъ другъ къ другу. Вѣрные друзья, готовые съ другомъ пойти въ огонь и воду, нашлись только у старика-отца, а друзья сына измѣнили ему и не захотѣли раздѣлять съ нимъ всѣхъ опасностей бѣгства.

Сказка „**Три добрыхъ совѣта**“ принадлежитъ къ той же категоріи сказокъ, что̀ и выше напечатанная греческая „Три наставленія“. Добрые совѣты даются въ сказкахъ по разнымъ поводамъ. Такъ, въ кабардинскомъ варіантѣ „Отцовское завѣщаніе“ [1]) подаетъ отецъ предъ своею смертью совѣты сыну. Въ другихъ сказкахъ съ подобнымъ содержаніемъ добрые совѣты даются или слугѣ за вѣрную службу (въ армянской и малорусской) или за деньги (айсорской); въ нашей же сказкѣ они даются взамѣнъ за оказанную услугу. Первый совѣтъ или скорѣе предостереженіе оправдывается на отношеніяхъ героя сказки къ женѣ пріемнаго отца (аталыка). Онъ отвергаетъ ея любовь и за это подвергается преслѣдованіямъ, но, руководствуясь вторымъ совѣтомъ, избѣгаетъ готовившейся ему съ ея стороны гибели, которая обрушилась на злую женщину, чѣмъ оправдалась пословица: „Не рой другому

[1]) Сб. свѣд. о кавк. горц. VI, III, 33.

яму, самъ въ нее попадешь!“ Отвергнутая любовь чужой жены напоминаетъ многими своими чертами библейскій мотивъ о Іосифѣ и женѣ Потифара. Такъ же, какъ и египтянка, кабардинская женщина рветъ на себѣ платье, обвиняя юношу въ покушеніи на ея цѣломудріе. И въ литовской сказкѣ „О семи мудрецахъ“ [1]) встрѣчается эта подробность. Судьбу Іосифа пришлось нашему герою испытать еще разъ, когда онъ попалъ въ домъ женщины, у которой былъ мужъ-лягушка. Но, слѣдуя третьему совѣту, онъ вторично отвергаетъ незаконную любовь, чѣмъ и избавляетъ себя отъ опасности, а заколдованнаго юношу отъ тяготѣвшаго надъ нимъ рока.

Мотивъ о превращеніи царевича или царевны въ лягушку, рака и др. встрѣчается въ русской сказкѣ „Ракъ-царевичъ“ [2]), татарской „Царевичъ-лягушка“ [3]), армянской „Царскій сынъ и лягушка“ [4]) и сказкахъ другихъ народовъ [5]).

Наша сказка обрывается круто, и потому въ ней ничего не сказано о томъ, какимъ образомъ царевичъ подвергся превращенію въ лягушку. Въ этомъ видѣ конецъ ея скорѣе подходитъ на третій эпизодъ напечатанной выше сказки „Три наставленія“.

Сказка „Жалкій бродяга однимъ махомъ побиваетъ больше тысячи“ принадлежитъ къ извѣстнымъ и у другихъ народовъ произведеніямъ народнаго юмора, находящаго во всемъ смѣшную сторону или какіе-нибудь недостатки. Насмѣшекъ не избѣгли и богатыри, созданные народной фантазіей. Жалкій и невзрачный на видъ трусишка разыгрываетъ роль храбреца; народъ преклоняется предъ нимъ, хотя никто не видѣлъ его геройскихъ подвиговъ. Оказывается, что всѣ

---

[1]) Живая Старина, 1894 г. III и IV, 490.

[2]) Сб. XV, II, 88.

[3]) Сб. VI, II, 141.

[4]) Сб. XIX, II, 155.

[5]) Аѳ. IV. 343; ср. три русскихъ варіанта сказки „Царевна-лягушка“, Аѳ. II, 523.

введены въ заблужденіе надписью на палкѣ, съ перечисленіемъ многочисленныхъ жертвъ, сраженныхъ его богатырской рукой. Но въ оправданіе бродяги-Бзеге можно сказать то, что онъ очутился въ роли богатыря помимо своего желанія: надпись на палкѣ—это продѣлка проѣзжавшаго мимо всадника. Въ другихъ сказкахъ наоборотъ: шутникъ самъ себѣ присваиваетъ роль богатыря. Въ татарской сказкѣ „Сказка о трусѣ“ [1]) шуточный герой, положивъ 40 мухъ, сдѣлалъ надпись на дощечкѣ „Герой Ягуджъ однимъ ударомъ положилъ сорокъ душъ“. Въ аварской сказкѣ „Богатырь Назнай“ [2]) герой точно также самъ написалъ о себѣ, что положилъ 500 душъ. Иванъ-Дуракъ, Ѳома Беренниковъ [3]), Богатырь Голь Воянской [4]) русскихъ сказокъ приписываютъ себѣ или число болѣе умѣренное „Однимъ махомъ сто побивахомъ“, или хватаютъ уже черезъ край: „На одинъ помахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки смѣты нѣтъ!“ Въ нѣмецкой сказкѣ жертвъ меньше: Sieben auf einen Schlag! и столько же въ буковинско-русской сказкѣ [5]).

Если въ лицѣ Бзеге осмѣиваются богатыри-мужчины, то зато выставляется на видъ богатырь-женщина. Это типъ такой же дѣвушки-воина, какой выводитъ на сцену кабардинское сказаніе „Красавица-Елена и Богатырь-женщина“ [6]) и какой знаютъ сказки другихъ народовъ (выше указаны параллели). Разница заключается въ томъ, что въ другихъ сказкахъ героямъ приходится добиваться руки дѣвушки-воина такими же или даже болѣе громкими подвигами храбрости, между тѣмъ какъ въ нашей сказкѣ дѣвушка, зная о трусости Бзеге, сама совершаетъ за него подвиги и все устраиваетъ такъ, чтобы

---

[1]) Сб. VI, II, 109.
[2]) Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 71.
[3]) Аѳ. III, 425.
[4]) Аѳ. IV, 519.
[5]) Аѳ. IV, 523.
[6]) Сб. XII, 51.

еще болѣе распространилась молва объ его храбрости. Только когда уже нельзя было ему устраниться отъ участія въ битвѣ, она отправляетъ его на войну, но приказываетъ братьямъ во всемъ подражать ему. И въ русской сказкѣ „Ѳома Беренниковъ“ [1]) царь приказываетъ, чтобы всѣ на Ѳомку смотрѣли: чтó онъ станетъ дѣлать, и они бы то же дѣлали. Бзеге раздѣвается донага, а за нимъ и всѣ всадники. Точно также сбрасываетъ съ себя одежду герой русской сказки и аварской „Назнай“ [2]). Почему герой это дѣлаетъ, объяснено только въ послѣдней сказкѣ—медвѣжьей его болѣзнію. Нашъ герой взялъ съ собою собачку-моську, но роль ея въ сказкѣ остается невыясненной; но въ русской сказкѣ собака имѣетъ свое назначеніе: появленіе ея послужило сигналомъ къ нападенію на враговъ. Атака на враговъ представляется въ нашей сказкѣ въ каррикатурномъ видѣ: Бзеге, увлекаемый своимъ чудо-конемъ изъ породы альпъ [3]), несется голымъ со всѣми всадниками, но въ страхѣ невольный витязь схватывается за вѣтку дерева, чтобы пропустить коня, а самому остаться на деревѣ. Вѣтка ломается, и онъ съ вѣткой въ рукахъ устремляется на враговъ, чѣмъ приводитъ ихъ въ смятеніе. Аварская сказка не знаетъ этой комичной подробности; русская сказка хотя и упоминаетъ о вѣткахъ березы, но онѣ служатъ для другой цѣли. Почти та же картина несущагося во всю прыть всадника, съ палкой въ рукѣ, встрѣчается въ одной венгерской сказкѣ [4]).

Мотивъ сказки „**Нарунъ-Незнайко**“ пользуется всемірнымъ распространеніемъ [5]). Сказка начинается съ того, что мальчикъ беретъ къ себѣ брошеннаго въ степи жеребенка, изъ котораго потомъ вышелъ конь изъ породы *альпъ* (у

[1]) Аѳ. II, 435.
[2]) Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 75.
[3]) Объ этой породѣ коней говорится ниже.
[4]) Аѳ. IV, 523.
[5]) Ibidem, 205.

осетинъ—*алыпъ*). Мальчикъ этотъ, повидимому, обладалъ даромъ *узнавать* по нѣкоторымъ примѣтамъ чудо-коней [1]). Съ сверхестественными качествами этой породы коней мы уже познакомились по напечатанной въ Сборникѣ сказкѣ „Адемирканъ“ [2]). Тамъ они мчатся чрезъ моря и горы быстрѣе птицы, перепрыгиваютъ чрезъ крѣпостныя стѣны и ломаютъ всякіе запоры. Въ нашей сказкѣ конь-альпъ представляется одареннымъ даромъ рѣчи и умѣніемъ подавать мудрые совѣты. Такими же дарами обладаетъ не только чудо-конь въ сказаніи „Ецемей, сынъ Ецея“, но и въ русской былинѣ о Батыѣ Батыевичѣ, въ которой конь предупреждаетъ Илью объ опасности [3]). Въ сказкахъ закавказскихъ народовъ онъ уже облекся въ форму крылатаго раши—это конь Рустема *рахша*, принявшій въ русской сказкѣ о Еруланѣ Лазаревичѣ названіе *арашъ* (какъ и у абхазцевъ). И сказки другихъ народовъ: германцевъ, румынъ, славянъ упоминаютъ о коняхъ съ чудесными свойствами [4]). Между прочимъ, и минусинскіе татары разсказываютъ о такихъ коняхъ [5]).

Когда мальчикъ сдѣлался уже юношей, то родная мать, со своимъ любовникомъ, рѣшилась его извести; но раньше нужно было покончить съ чудеснымъ конемъ. Она притворилась больной и сказала мужу, что только тогда выздоровѣетъ, когда напьется крови коня-альпа. Юноша идетъ къ коню жаловаться на свою судьбу. Вдругъ конь заговорилъ человѣческимъ голосомъ и посовѣтовалъ бросить отцовскій домъ. О матери, желающей извести сына, говорилось въ сказкѣ „Царевичъ Асланъ и дивъ“, гдѣ и указаны параллели. Этой чертой наша сказка въ особенности приближается къ русской

---

[1]) О роли мальчиковъ узнававшихъ чудесныхъ коней по нѣкоторымъ примѣтамъ, упоминаетъ В. Ѳ. Миллеръ въ Осет. Этюдахъ I, стр. 154.

[2]) Сб. VI, II, 49.

[3]) В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русс. нар. эпоса, 115.

[4]) Аѳ. IV, 205.

[5]) Ibid.

сказкѣ „Незнайко" [1]), гдѣ злая мать хочетъ съѣсть сердце и печень коня „Черный Вихорь". Вообще обѣ эти сказки идутъ параллельно, только въ нашей сказкѣ на помощь Наруну являются другіе два брата коня, каждый другой масти, какъ и въ чеченской сказкѣ „О трехъ братьяхъ" [2]) и въ малорусскихъ: „Иванъ Ивановичъ" и „Незнайко" [3]), между тѣмъ какъ въ русской сказкѣ является на помощь герою только одинъ конь. Вѣщій конь совѣтуетъ Наруну, въ случаѣ бѣды, вырвать изъ гривы волосокъ и согрѣть на огнѣ, а затѣмъ явится все необходимое, точно такъ же, какъ и въ русской сказкѣ „Свинка-золотая щетинка, утка-золотыя перышки, золоторогій олень и золотогривый конь" [4]). Въ сказкѣ „Незнайко" отъ героя требуется меньше усилій: ему приходится только вздохнуть, чтобы конь предсталъ предъ нимъ; въ другихъ русскихъ сказкахъ къ нему предъявляются уже нѣсколько большія требованія: желая имѣть предъ собою коня, онъ долженъ сказать извѣстное слово: „Сивко-Бурко, вѣщій каурко (воронко)", или прибавить иногда: „стань предо мною, какъ листъ предъ травою!" [5]).

По совѣту коня Нарунъ поступаетъ къ хану садовникомъ и на всѣ предлагаемые ему вопросы отвѣчаетъ только: „нарунъ—не знаю", но въ него влюбляется младшая дочь хана. Всѣ эти детали встрѣчаются не только въ грузинской сказкѣ „Окростміани" [6]), но и въ другихъ сказкахъ. Сцена выбора жениха, извѣстная и по другимъ варіантамъ, воспроизводится почти съ тѣми же деталями и въ выше цитованной русской сказкѣ: „Свинка-золотая щетинка и т. д." Въ обѣихъ сказкахъ царевна обноситъ всѣхъ гостей виномъ, и ея выборъ останавливается на Незнайкѣ.

---

[1]) Сб. VII, I, 141.
[2]) Н. Семеновъ, Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа, 128.
[3]) Рудченко. Нар. малорусс. сказки I, 104, 109.
[4]) Аѳ. II, 77.
[5]) Аѳ. II, 68.
[6]) Сб. XVIII, II, 383.

По выходѣ ханскихъ дочерей замужъ, возгорается война, и Нарунъ совершаетъ чудеса храбрости, выѣзжая каждый день на другомъ конѣ. Такъ же храбро расправляется съ врагами Магометанъ Магометановичъ въ вышеупомянутой русской сказкѣ „Незнайко". Не менѣе побѣдоносно борются съ врагами и герои: армянской сказки „Царевичъ, отданный дервишу"[1]), нѣмецкой сказки Желѣзный Иванъ—Eisenhans и грузинской—Окростміани. Герой аварской сказки[2]) не довольствуется для борьбы съ врагами конемъ: онъ беретъ еще съ собою льва и собаку. Малорусскій „Незнайко" борется при помощи своихъ коней не съ врагами, но со змѣемъ[3]).

Ханъ ослѣпъ, и старшіе два зятя ѣдутъ добывать для него оленьяго молока. Не найдя его нигдѣ, они на обратномъ пути встрѣчаютъ переодѣтаго Наруна, который съ готовностью берется найти молоко, но только подъ условіемъ—позволить приложить къ задней части тѣла каждаго изъ нихъ по клейму. Они даютъ свое согласіе. Молоко они получаютъ, но не настоящее; настоящее доставляетъ Нарунъ, чѣмъ исцѣляетъ отъ слѣпоты хана. Сказка оканчивается къ благополучію Наруна и посрамленію гордыхъ зятей хана. Поѣздка двухъ старшихъ зятей встрѣчается при такой же обстановкѣ въ русской сказкѣ „О трехъ братьяхъ царевичахъ"[4]), но цѣль ихъ поѣздки совершенно иная. Мотивъ о добываніи героемъ сказки *звѣринаго молока* пользуется большимъ распространеніемъ. Молоко лѣчитъ отъ дѣйствительной или притворной болѣзни, причемъ чуть ли не каждая сказка заставляетъ героя добывать его отъ другого животнаго. Кромѣ *оленьяго,* для этой цѣли служитъ молоко *тигровое* (въ арм. сказкѣ „Отцовское завѣщаніе"[5]),

---

[1]) Сб. XIII, II, 104.
[2]) Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 121.
[3]) Рудч. I, 118.
[4]) Сб. XV, II, 11.
[5]) Сб. XIII, II, 106.

львиное (въ авар. сказкѣ „Арсланъ-ханъ и Батыръ-ханъ“ [1]) и нѣк. русскихъ), *волчье, медвѣжье* и *кабанье* (въ русскихъ сказкахъ [2]). Точно такъ же сказками варьируется мотивъ о *накладываніи* клейма. Кромѣ означенной въ нашей сказкѣ части тѣла, клеймо прикладывается къ спинѣ (въ авар. сказкѣ), къ пяткамъ (въ тат. Авилъ-Касимъ и Авилъ-Мамадъ“ [3]); въ груз. сказкѣ „Окростміани“ [4]) зятья даютъ лошади героя ударить себя въ спину копытомъ, а въ русской сказкѣ „Свинка-золотая щетинка и т. д.“ [5]) умные зятья позволяютъ дураку отрѣзать у себя за диковники, за которымъ ихъ посылалъ тесть, по мизинцу съ правой руки, по пальцу съ ноги и изъ спины по ремню.

Сказка **„Воспитанникъ великана“** оригинальна не столько по своему замыслу, сколько по деталямъ. По совѣту великана богатый князь срываетъ четыре яблока, и у него рождаются чрезъ четыре мѣсяца четыре сына; младшаго онъ долженъ былъ по условію отдать великану на воспитаніе. Мотивъ о *чудесномъ зачатіи* извѣстенъ въ сказкахъ всѣхъ народовъ [6]), при чемъ предметы, которые бываютъ причиной зарожденія человѣка, весьма разнообразны, не говоря уже о зачатіи „по щучьему велѣнію“ въ русскихъ сказкахъ [7]). Въ кавказскихъ сказкахъ чаще всего проявляетъ свою чудодѣйственную силу—яблоко [8]), но источникомъ чудеснаго зачатія бываютъ также: черепа, яйца, зерна лобія, горошинки [9]).

[1]) Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 121.

[2]) Аѳ. II, 200.

[3]) Сб. III, II, 118.

[4]) Сб. XVIII, II, 334.

[5]) Аѳ. II, 78.

[6]) Литература указана у Сумцова, Малорусскія сказки по Сбор. Кольберга и Машинской, 119.

[7]) Аѳ. IV, 189.

[8]) Сб. II, II, 121; III, II, 113, 119; VII, II, 164; IX, II, 120; XVIII, III, 17, 23, 85; XX, II, 18.

[9]) Сб. VII, II, 77; XII, 13; XV, 71; XV, 54; XVIII, I, 78; XVIII, III, 393; XX, II, 44.

Нашъ великанъ, взявшій себѣ на воспитаніе мальчика, соотвѣтствуетъ дервишу, диву, чудовищу, богатырю [1]) или мельнику [2]) закавказскихъ сказокъ. Когда великанъ является въ аулъ, чтобы взять по условію мальчика, то ему предшествуетъ бурный порывъ вѣтра, какъ и змѣямъ, похищающимъ красавицъ.

Дальнѣйшая судьба воспитанника напоминаетъ участь воспитанника ндеми [3]), но только по проявленію богатырской силы. Сперва нашъ герой выказываетъ свою силу тѣмъ, что укрощаетъ богатырскаго коня. Эта черта приводитъ намъ на память пріемы укрощенія коня нартами Ецемеемъ или Ашемезомъ [4]), но въ то время какъ Ашемезъ ломаетъ на непокорномъ конѣ только три кизиловыхъ палки, нашъ герой ломаетъ ихъ семь. Убѣдившись въ необыкновенной силѣ своего воспитанника, великанъ посылаетъ его на выручку своихъ двухъ братьевъ, плѣненныхъ царемъ великановъ. Послѣдняго нашъ герой удивляетъ своей силой, и добивается освобожденія плѣнныхъ. Благодарный великанъ отпускаетъ своего воспитанника къ его аталыкамъ. По дорогѣ домой онъ принимаетъ участіе въ состязаніи, устроенномъ ханомъ между соискателями руки его дочери. Нашъ герой побѣждаетъ соперниковъ и овладѣваетъ рукой невѣсты. Съ невѣстой и богатствами онъ возвращается въ родной аулъ, къ своимъ аталыкамъ.

Въ другихъ сказкахъ невѣсты заставляютъ жениховъ совершать разные подвиги, но если онѣ сами отличаются богатырскими свойствами: смѣлостью, ловкостью и силою, то вступаютъ съ женихами въ борьбу или заставляетъ ихъ предлагать себѣ такую замысловатую загадку, которой бы они не въ состояніи были объяснить; въ нашей же сказкѣ, для того

---

[1]) Сб. III, III, 119.
[2]) Сб. XVIII, III, 25.
[3]) Мингр. сказка „Сказка о царевичѣ и воспитанникѣ ндеми“ X, III, 279.
[4]) См. выше.

чтобы добиться руки дѣвицы, соискатели должны состязаться въ силѣ и ловкости; этой послѣдней подробностью наша сказка отличается отъ другихъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ, и стоитъ среди нихъ особнякомъ. Обращаю еще вниманіе на святость отношеній, основанныхъ на аталычествѣ, въ особенности въ черкесскомъ народѣ: воспитанникъ питаетъ большую привязанность къ своимъ пріемнымъ родителямъ-аталыкамъ, чѣмъ къ роднымъ отцу и матери.

Мотивъ сказки „**Хакучинецъ Маршановъ и чортъ**“ основанъ на повѣрьѣ, что Богъ молніей поражаетъ чертей, скрывающихся подъ деревьями, за людьми и пр. Варіантовъ имѣется много не только въ русскихъ сказкахъ [1]), но и сказкахъ литовцевъ, лопарей, монголовъ и другихъ народовъ. Въ нашей сказкѣ чортъ прячется въ газырѣ джигита, а въ литовской „О Перкунѣ“—въ подоткнутой юбкѣ женщины [2]). Нашъ герой не выдаетъ чорта, за что получаетъ благодарность, но женщина литовской сказки предоставляетъ его удару молніи Перкуна.

Въ преданіи „**О лѣсѣ Тхамагъ**“ сохранились слѣды древнихъ жертвоприношеній въ священныхъ рощахъ черкесовъ. Истинный смыслъ не только нѣкоторыхъ названій божествъ, но и жертвоприношенія уже утерянъ.

Въ сказкѣ „**Борьба со змѣемъ**“ передается объ уловкѣ джигита въ борьбѣ со змѣемъ. Побѣда оканчивается для него злополучно: змѣиная кровь коснулась его и коня, и они погибаютъ. Такъ же гибнетъ богъ Торъ и Беовульфъ, герой англосаксонскаго эпоса [3]).

Разсказъ „**Непріятельское войско и слѣпой**“ принадлежитъ къ разряду народныхъ анекдотовъ, но съ истори-

---

[1]) Сумцовъ. Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова. Этн. Об. 1896 I, Ст. Демидовича „Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ“.

[2]) Живая Старина 1894. III и IV, 487.

[3]) Аѳ. Поэт. воззр. славянъ на природу II, 521.

ческой подкладкой: онъ приноровленъ къ личности князя, родъ котораго пользовался прежде большою извѣстностью.

Въ сказкѣ **„Молодецъ-Јаферым“** приводятся разсказчикомъ три случая беззавѣтной преданности товарищу, за что онъ всякій разъ удостоивается отзыва „јаферим, т. е. молодецъ!“ Вѣру въ силу и укрѣпляющія свойства крови убитаго врага слѣдуетъ отнести къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда человѣчество стояло еще на ступени первобытной культуры.

Былина **„Ешовъ Батыныко“** составляетъ варіантъ напечатанной въ XII вып. Сб. кабардинской былины „Пши-Бадиноко“, съ пропускомъ нѣкоторыхъ подробностей и незначительными отступленіями. Въ нашемъ сказаніи герой является на сцену *не со всѣми* былинными аттрибутами юноши-сокольника, подобно кабардинскому Пши-Бадиноко и героямъ русскихъ и нѣмецкихъ сказокъ и иранскихъ къ нимъ параллелей [1]): нѣтъ налицо летающихъ позади птицъ и рѣзвящихся по сторонамъ ловчихъ собакъ, хотя блестящая внѣшность богатыря сравнивается поэтически съ мерцающими звѣздами и серебристымъ свѣтомъ луны. Вторая половина былины измѣнена: въ каб. варіантѣ князь-дѣдушка, желая задобрить Пшибадиноко, отдаетъ ему свою сестру, послѣ чего идетъ угощеніе и пляска; въ нашей же былинѣ нарты посылаютъ Сосруко въ догонку за разсердившимся Батыныко, съ обѣщаніемъ отдать ему красивую рабыню, но потомъ берутъ назадъ свое обѣщаніе, вслѣдствіе чего герой, въ союзѣ съ Сосруко, перебиваетъ всѣхъ нартовъ, за исключеніемъ пастуха коровъ, Чемыхо. Въ концѣ былины помѣщается краткій эпизодъ о зарожденіи Сосруко, знакомый въ болѣе подробномъ изложеніи по каб. варіанту [2]).

Въ примѣчаніяхъ къ тексту Пши-Бадиноко указаны мною параллели осетинскія и горско-татарскія и установлена связь

[1]) В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы, 139.
[2]) Сб. XII, II, 13.

между сказаніями всѣхъ этихъ народовъ, касающимися подвиговъ нашего богатыря. Еше Батынько и Пши-Бадиноко— несомнѣнно двойники, и если разсматривать первое имя— praenomen „Еше", то нельзя не видѣть тождества этой личности съ Аше—Ецеемъ, убитымъ Хубуномъ—Кубой; второе имя, очевидно, отчество—*сынъ* Батыно, у кабардинцевъ Бадино, а у горцевъ-татаръ Бёдене. Такимъ образомъ, возстановляется *генеалогія* нартовскихъ богатырей: Бадыно, Аше, Ашемезъ.

Въ нашемъ сказаніи упоминается имя божества Уашхо. Это божество, общее черкесамъ и осетинамъ, принадлежитъ первой изъ этихъ народностей, если судить по этимологіи слова: уа (каб.)=kуа (кях.) гора, ç̱ha голова=уаç̱ha (kуаç̱ha) вершина горы; стало-быть, названіе горы можетъ означать обитающаго на ней *горнаго духа,* именемъ котораго черкесы и осетины *клялись.* Это, повидимому, черкесскій Ζεύς, возсѣдающій на кавказскомъ Олимпѣ, горѣ Эльбрусѣ, высочайшей изъ вершинъ Кавказа; по-черкесски она называется Ошхамахо (Уаç̱ha-махо) дневная, свѣтлая какъ день—*ясная* гора. Осетины до сихъ поръ празднуютъ 4 ноября память *Уасхо,* низведеннаго на степень второстепеннаго божества [1]).

*
* *

Вслѣдъ за „Объяснительнымъ Словаремъ" къ адыгскимъ текстамъ идутъ Грамматическія замѣтки, дополняющія Кабардинскую грамматику, вышедшую въ Тифлисѣ 1890 г., а равно и „Замѣтка о фонетическихъ особенностяхъ хакучинскаго и абадзехскаго говоровъ кяхскаго или чахскаго нарѣчія.

Л. Лопатинскій.

Г. Тифлисъ,
25 сентября 1893 г.

---

[1]) Сб. свѣд. о кавк. горц. III, II. 39.

Указатель предметовъ (мотивовъ сказокъ).

(Цифры указываютъ на стр. II отдѣла).

Указатель именъ.

Л. Л.

ОТДѢЛЪ I.

Историческія приписки двухъ кинклосовъ и хронологическій перечень событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГРУЗІИ.

I.

Нижеслѣдующія историческія записи извлечены изъ кинклоса, помѣщеннаго въ сборникѣ рукописей и принадлежащаго „Библіотекѣ общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія“ въ Тифлисѣ. Переплетъ, означенный подъ № 252, заключаетъ въ себѣ пять рукописей разнаго формата, письма, содержанія и разныхъ временъ. Рукописи идутъ въ переплетѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) параклитонъ Св. Георгія; 2) чинъ рукоположенія священноначальниковъ по грузинскому обычаю; 3) кинклосъ; 4) чинъ рукоположенія и выбора священноначальниковъ по русскому обычаю (переводъ съ русскаго); 5) слово Ѳеодора Великаго о ризѣ Богородицы (чтенія на 31-ое августа). Не вдаваясь въ подробное описаніе всѣхъ этихъ рукописей, я остановлюсь только на интересующемъ насъ кинклосѣ; но предвари-

тельно считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи и характерѣ историческихъ записей кинклосовъ вообще.

Кинклосы составляли въ Грузіи необходимое приложеніе церковныхъ книгъ и служили календаремъ для опредѣленія дня пасхи и подвижныхъ праздниковъ. Въ видѣ отдѣльныхъ тетрадей, подобно нашей рукописи, кинклосы встрѣчаются рѣже. Такъ какъ кинклосы представляли готовыя хронологическія таблицы, то бытописатели Грузіи отмѣчали современныя событія на поляхъ кинклосовъ противъ соотвѣтствующихъ короникоиовъ. Такимъ образомъ поля кинклосовъ испещрялись историческими записями, и съ теченіемъ времени кинклосы превращались въ историческія хроники, писанныя современниками событій. Иногда почеркъ нѣкоторыхъ историческихъ записей и текста кинклоса бываетъ одинаковый, и это явленіе служитъ доказательствомъ того, что переписчикъ кинклоса списалъ и тѣ историческія приписки, которыя находились въ подлинникѣ, а тѣ приписки, которыя сдѣланы другими руками, указываютъ на позднее, сравнительно съ рукописью, происхожденіе такихъ записей. Когда желали имѣть въ кинклосѣ сводъ историческихъ и хронологическихъ фактовъ разныхъ временъ, то въ него вносили въ видѣ приписокъ свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, такъ что бываютъ случаи, когда мы можемъ указать, откуда почерпнуты тѣ или другія свѣдѣнія кинклоса. Отсюда въ записяхъ кинклосовъ иногда попадаются явныя ошибки, но это въ общемъ не умаляетъ значенія ихъ свѣдѣній. Какого бы происхожденія и характера ни были историческія записи кинклосовъ, собираніе и обнародованіе ихъ имѣетъ большое значеніе для исторіи Грузіи, тѣмъ болѣе что грузинскія лѣтописи вообще небогаты хронологическими свѣдѣніями. Хронологическія

данныя встрѣчаются большею частью въ записяхъ кинклосовъ и разныхъ рукописей, а также въ церковныхъ и гражданскихъ актахъ, дошедшихъ до насъ въ большомъ количествѣ. Записи кинклосовъ иногда имѣютъ мѣстный характеръ и тѣмъ обнаруживаютъ, въ какой части Грузіи велись записи. Это обстоятельство еще больше увеличиваетъ значеніе историческихъ свѣдѣній кинклосовъ, потому что явленія мѣстныя очень часто ускользаютъ отъ вниманія главныхъ лѣтописей Грузіи. Въ общемъ кинклосы съ историческими записями и по формѣ и по характеру очень похожи на „Пасхальную хронику" Евсевія и имѣютъ гораздо больше значенія для исторіи Грузіи, чѣмъ „Пасхальная хроника" для византійской. Пока обнародованы только записи кинклоса Шемокмедскаго гулани [1]), которыя пролили не мало свѣта на хронологію исторіи Гуріи. Теперь мною предлагаются приписки двухъ кинклосовъ, изъ которыхъ первый, помѣщенный въ вышеуказанномъ сборникѣ, 23×18 сент., написанъ на прекрасной бумагѣ церковно-заглавными буквами—„асомтаврули" и заключаетъ въ себѣ 14 листовъ, написанныхъ то красными, то черными чернилами. Кинклосъ нашъ не полонъ, т. е. не содержитъ въ себѣ полнаго цикла, или 532 г., а прерывается на 513 годѣ. Въ началѣ рукописи киноварью читаемъ:

ესე ქორონიკონი დაიწერა სახითა იჱრუსალიმისაჲთა სრული უცთომელი.

„Этотъ короникон (кинклосъ) полный и безошибочный написанъ по іерусалимскому образцу".

На полѣ перваго листа строчнымъ „хуцури" и черными чернилами замѣтка:

---

[1]) См. Бакрадзе. Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ, стр. 150—154.

ეს ქორონიკონი რამდენჯერ არის დაბრუნებული არა-
სწერია.

„Сколько разъ обращенъ этотъ короникон, не написано“.

Противъ приписки 1579 г. въ оригиналѣ запись:

ესე არს აწინდელი ქორონიკონი, რომელსა დაიწერა;
а немного дальше на полѣ—გ̃ი, т. е. გიორგი.

„Это есть нынѣшній короникон, въ который написано.—Георгій“.

По смыслу этой замѣтки и нѣкоторыхъ другихъ въ этомъ родѣ можно заключить, что въ первоначальныхъ источникахъ, изъ которыхъ взяты подобныя замѣтки, записи дѣлались современниками событій. Упоминаемый въ разбираемой записи Георгій, быть можетъ, есть авторъ нашей замѣтки. Приписокъ рукою текста позднѣе XVIII вѣка не встрѣчается. Послѣдняя запись такого рода имѣется подъ 1784 г. Рукопись и по палеографическому своему характеру относится къ XVIII вѣку.

Историческія приписки нашего кинклоса обнимаютъ періодъ времени отъ второй половины XV в. до 20-ыхъ годовъ XIX вѣка. Однѣ изъ этихъ записей сдѣланы рукою текста и, какъ видно, онѣ были въ оригиналѣ, съ котораго списанъ нашъ кинклосъ. Такія записи обыкновенно начинаются киноварными заглавными буквами „хуцури“. Другія записи сдѣланы тоже церковно-строчными буквами, но безъ начальныхъ киноварныхъ буквъ; онѣ едва ли современны рукописи, что можно заключить изъ того, что почеркъ и чернила послѣднихъ разнятся отъ первыхъ; замѣчается разница также въ орѳографіи: въ послѣднихъ встрѣчается ჳ̂, что ни разу не попадается въ первыхъ записяхъ. Наконецъ, записи, сдѣланныя скорописью „мхедрули“, большею частью принадлежатъ уже этому столѣтію. Послѣднія мы означаемъ знакомъ *, если

не указываемъ въ примѣчаніяхъ. Записи, начинающіяся киноварными заглавными буквами въ оригиналѣ, у насъ начинаются въ грузинскомъ текстѣ прописными буквами; слова вообще приводятся безъ обычныхъ сокращеній рукописнаго текста и знаковъ препинанія оригинала.

ႰႪႡ. აქა კოსტანტინეპო-ლი დაიჭირეს თა-თართა. ჵ დღე რის-ხვსა ღუთისაჲ!	132—1444. Въ этотъ годъ турки завоевали Константинополь. О, день гнѣва Божія! [1]).
ႰႭჁ. აქა დედის იმედი მი-იცჳვალა ათაბაგი.	178—1490. Въ этотъ годъ умерла атабегша Дедисъ-имеди [2]).
ႰႮႥ. აქა დიდი ყვარყვარე მიიცვალა ათაბაგი.	186—1498. Въ этотъ годъ умеръ атабегъ Кваркваре Великій [3]).

[1]) Выраженіе: „въ этотъ годъ“ я употребляю вездѣ вмѣсто буквальнаго выраженія текста: „здѣсь“. Константинополь былъ взятъ турками, какъ извѣстно, въ 1453 г., 29 мая. Ошибка, аналогичная съ даннымъ нашего кинклоса, встрѣчается и въ Chronique géorgienne (Brosset. Chronique géorgienne. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg, VI-me série, t. V, pp. 220—315) и повторяется также въ записи другого нашего кинклоса (см. ниже). Въ хронологическихъ данныхъ царевича Вахушта (Brosset. Dates recueillies par. Vakhoucht. Hist. de la Géorgie, t. II. livr. 1, pp. 376—406) ошибка эта исправлена.

[2]) По свѣдѣніямъ Dates Вахушта, Chronique géor. и Suite des Annales (Brosset. Hist. de la Géor. t. II, livr. 1, pp. 322—376), Дедисъ-имеди, жена атабега Кваркваре III, умерла въ 1491 г., 54 лѣтъ отъ роду, при чемъ днемъ смерти Вахуштъ считаетъ 18 декабря, Chronique géor.—15 декабря, а Suite—18 сентября.

[3]) Dates: въ 1500 г.; Suite: въ 1500 г., 1 іюля, 82 лѣтъ; Chr. géor.: въ 1507 г., 1 іюня, 92 лѣтъ.

ႰႮႡ. აქა მიიცვალა ქრის-ტეანობისა ნათელი ქაიხოსრო ათაბაგი.

188—1500. Въ этотъ годъ умеръ свѣтъ христіанства атабегъ Кайхосро [1]).

ႰႯႡ. აქა მოვიდეს თათარ-ნი, ნოენბერსა კგ, და დაწვეს საყდარი ქუ-თათისი და გაელათი.

198—1510. Въ этотъ годъ пришли турки, ноября 23-го, и сожгли Кутаисскую и Гелатскую церкви [2]).

ႱႣ. აქა დიდი მზეჭაბუკ მიიცვალა ათაბაგი.

204—1516. Въ этотъ годъ умеръ атабегъ Мзедчабукъ Великій [3]).

ႱႩႠ. აქა გაილაშქრა მამია დადიანი და მამია გუ-რიელი ჯიქეთს და მოკლეს მამია დადი-ანი და გიორგი გუ-რიელის შვილი, და ტყუე იქმნა გური-ელი და სამნი მისნი ძმანი და ლაშქარნი.

221—1533. Въ этотъ годъ Мамія Дадіани и Мамія Гуріели отправились войною на Джикетію. Мамія Дадіани и сынъ Гуріели Георгій были убиты, а Гуріели, три брата его и войска были взяты въ плѣнъ [4]).

ႱႩႢ. მურჯხითის ომი ქრი-სტეანეთა წაკდენისა მიზეზი.

223—1535. Мурджхитская битва, причина гибели христіанъ.

აქა შეიბა მეფეთ მე-ფე ბაგრატ და ათა-

Въ этотъ годъ у Ахалкалаки сразились царь

---

[1]) Dates и Chr. géor.: въ 1502 г., 6 мая, 53 лѣтъ; Suite: въ 1502 г., 20 мая.

[2]) Dates: въ 1512 г.; Suite: въ 1509 г.; Chr. géor.: въ 1509 г., 23 ноября. Кинклосъ Шемокмедскаго гулани (см. Бакрадзе. Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ, стр. 150): въ 1512 г.

[3]) Dates: въ 1516 г.; Chr. géor.: 1516 г., 3 іюня.

[4]) Chr. géor. и Suite указываютъ тотъ же самый годъ, только Dates—1532 г.

ბაკი ყვარყვარე ახალ-ქალაქს და გაემარჯვა მეფეს, კელთ დარჩა ყვარყვარე და მისი ლაშქარნი, და დაიპყრა ძემან ალექსანდრესმან სრულიად საათაბაგო.

царей Багратъ и атабегъ Кварквааре. Царь побѣдилъ. Кварквааре и его войско были взяты въ плѣнъ, и сынъ Александра покорилъ все Саатабаго [1]).

ႱႩႣ. აქა არის წელიწადი შვდი ათას ოცდა ორი ვიდრე აქამდე.

224—1536. Въ этотъ годъ прошло 7022 года до настоящаго времени [2]).

ႱႪႥ. აქა დაიჭირა მეფემან ბაგრატ ლეონ დადიანი.

236—1548. Въ этотъ годъ царь Багратъ плѣнилъ Леона Дадіани [3]).

ႱႪႡ. და გაიპარა და მოვიდა შინა.

238—1550. Но онъ (Леонъ) убѣжалъ тайкомъ и пришелъ домой [4]).

ႱႫႣ. აქა დაჯდა ტბევრად ხახულარი წყმედიძე მამა საბა.

244—1556. Въ этотъ годъ мтбеваремъ сдѣлался Хахулари Цкмедидзе, отецъ Саба [5]).

---

[1]) Мурджхитскую или Мурджахетскую битву всѣ три вышеуказанные источника относятъ къ этому же году. Названіе Мурджхити или Мурджахети у Вахушта въ его географіи не упоминается, но мы знаемъ, что подъ этимъ именемъ извѣстно село недалеко отъ Ахалкалаки, на лѣвомъ берегу р. Кирхъ-булаха. Багратъ этой записи есть Багратъ III имеретинскій, сынъ царя Александра II.

[2]) Тутъ счетъ идетъ, конечно, отъ сотворенія міра по греческому счисленію, но 7022 г. соотвѣтствуетъ 1514-му, а не 1536-му году корониконa. Слѣдовало выставить 7044 г.

[3]) Dates: въ 1546 г. Другіе источники объ этомъ молчатъ.

[4]) Въ другихъ источникахъ годъ бѣгства Леона не указанъ.

[5]) Въ другихъ историческихъ хроникахъ Грузіи нѣтъ упоминанія объ этомъ, только изъ одного гуджара знаемъ, что нѣкій Саба былъ

ႱႬႥ. აქა იყო დიდი ჟამი იმერეთს. ამავე ქორანიკონსა, თვესა ივნისსა კდ, გაურისხდა ღმერთი ხოსროსა, ვახტანგის შვილსა, უდალატა მეფეს გიორგის, ძესა ბაგრატისასა, ტყვე იქმნა ძმის წული მეფისა, ძე კონსტანტინესი, განერა მეფე მშვიდობით.

256—1568. Въ этотъ годъ въ Имеретіи была сильная чума. Въ этотъ же годъ, 24-го генваря мѣсяца, разгнѣвался Богъ на Хосро, сына Вахтанга; измѣнилъ онъ царю Георгію, сыну Баграта. Царскій племянникъ, сынъ Константина, былъ взятъ въ плѣнъ, царь же остался невредимъ [1]).

ႱႿႦ. აქა ლალა-ფაშა გამოვიდა.

ესე არს აწინდელი ქორონიკონი, რომელსა დაიწერა. გიორგი.

267—1579. Въ этотъ годъ пришелъ Лала-паша [2]). Это есть нынѣшній короникон, въ который написано.—Георгій.

посвященъ католикосомъ Доментіемъ въ епископы тбетскіе и что Саба обѣщался быть покорнымъ Доментію (Hist. de la Géor. t. II, liv. 2, p. 472). Но изъ гуджара не видно, о какомъ Доментіи идетъ рѣчь (ихъ было трое). Если только Саба нашей записи есть тотъ самый, о которомъ упоминаетъ гуджаръ, то католикосъ Доментій упомянутаго гуджара долженъ быть Доментій первый, хотя Вахуштъ опредѣленіе его католикосомъ приписываетъ царю Симону I (1558—1600). Святительство Доментія II началось въ 1660 г. (Hist. de la Géor. t. II, liv. 1, p. 75).

[1]) Dates указываютъ на этотъ же годъ, но относительно племянника Вахуштъ ничего не говоритъ; нѣтъ у него также упоминанія о чумѣ. Кромѣ того, Хосро у Вахушта названъ племянникомъ, а не сыномъ Вахтанга. Вахтангъ былъ братъ Баграта III, отца Георгія. Сынъ Константина былъ Ростомъ, который родился въ 1561 г.; значитъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ 7-ми лѣтъ (Hist. de la Géor. t. II, liv. 1, p. 258—259).

[2]) Приходъ Лала-паши всѣ источники относятъ къ 1578 г.

ႱႭ. აქა მანუჩარს უღალა-ტეს ფაშებმა ათაბაგს.

270—1582. Въ этотъ годъ атабегу Манучару паши измѣнили [1]).

ႱႭႣ. * ახალციხელი. აქა ელენე დაიბადა.

274—1586. Въ этотъ годъ родилась Елена Ахалцихская [2]).

ႱႭႤ. აქა დაიჭირეს სამცხე ისმაელთა.

275—1587. Въ этотъ годъ измаильтяне заняли Самцхе [3]).

ႱႭႦ. ამა ქორონიკონსა და-ვით აღმაშენებელს გე-ლათი დაუწყია და ქორონიკონი მობ-რუნებული არი.

277—1057. Въ этотъ годъ Давидъ Возобновитель началъ строить Гелати. Короникон обращенъ [4]).

ႱႭႧ. აქა შამოება მეფე როსტომს დადიანი და გაემარჯვა მეფე როსტომს, და და-იპყრეს ქართველნი.

279—1591. Въ этотъ годъ съ царемъ Ростомомъ сразился Дадіани, и царь Ростомъ побѣдилъ. Грузинъ (карталинцевъ) покорили [5]).

---

[1]) Въ этомъ всѣ источники согласны.

[2]) Объ этой Еленѣ см. ниже запись 1603 г.

[3]) Подъ этимъ годомъ Suite и Chron. géor. упоминаютъ о постройкѣ турками Ахалциха и Гори (см. примѣчаніе подъ этимъ годомъ записи слѣдующаго киклоса).

[4]) Выраженіе: „короникон обращенъ“ указываетъ на 13 обращеніе, а не на 14-ое; иначе говоря, цифру короникона надо прибавить къ 780 г. 780+277=1057. Но годъ этотъ невѣрно показанъ, ибо Давидъ Возобновитель царствовалъ 1089—1125 г. (Hist. de la Géor. t. I, p. 345). Въ 1057 г. въ Грузіи царствовалъ Багратъ IV. Есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что въ Гелатахъ храмъ существовалъ и при Багратѣ IV (см. Г. Церетели. Полное собраніе надписей на стѣнахъ и камняхъ и приписокъ къ рукописямъ Гелатскаго монастыря. Стр. 11—12. Древности Восточныя, т. I, вып. II).

[5]) По другимъ свѣдѣніямъ, Дадіани, наоборотъ, помогъ Ростому

ႱႮႧ. აქა დაიპყრა სრულებით დუვალეთ ოსეთი და ადიდოციხე და სოფლები მეფემან როსტომ იმერეთისამან. | 289—1601. Въ этотъ годъ имеретинскій царь Ростомъ покорилъ всю Далетію и Осетію и взялъ *ихъ* крѣпости и села [1]).

ႱႯႠ. * აქა ელენე კახ მეფემან წაიყვანა. | 291—1603. Въ этотъ годъ кахетинскій царь женился на Еленѣ [2]).

ႲႩႤ. აქა მიიცვალა მეფე გიორგი იმერეთისა, მე მისი დიდი ალექ- | 325—1637. Въ этотъ годъ умеръ имеретинскій царь Георгій. Сынъ его Але-

---

прогнать карталинскаго царя Свимона и самому воцариться въ 1590 г. (Hist. de la Géor. t. II, liv. 1, p. 264).

[1]) Исторія Ростома ничего не говоритъ объ этомъ (Ibid. p. 263—265).

[2]) Въ Кахетіи отъ 1574 по 1605 г. царствовалъ Александръ II, который былъ женатъ на Тинатинѣ, дочери Бардзима Амилахвари. Но въ 1603 г. Давидъ, сынъ Александра, свергнулъ съ престола своего отца и самъ царствовалъ шесть мѣсяцевъ. Давидъ былъ женатъ на Кетеванѣ, дочери мухранскаго князя Ашотана. Послѣ смерти Давида, въ 1603 г., Александръ благословилъ на царство другого своего сына Георгія, но тѣмъ не менѣе самъ принялъ бразды правленія. Упомянутый Георгій около того времени сваталъ дочь Ганджійскаго паши Кайхосро, на которой, по мнѣнію грузинскаго посла при дворѣ Бориса Годунова, Кирилла Ксантопуло, и долженъ былъ жениться тѣмъ лѣтомъ. Не она ли Елена нашей записи и записи 1586 г.? Кайхосро, по объясненію Кирилла, былъ великій человѣкъ, но магометанской вѣры, а жена и дочь его были христіане. Быть-можетъ, Кайхосро былъ изъ Ахалциха (Сацхе) и по принятіи мусульманства назначенъ Ганджійскимъ пашою (Hist. de la Géor t. II, liv. 1, pp. 154, 157, 634 А. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Москва. 1889, стр. 387, 390. Переписка грузинскихъ царей съ россійскими государями, стр. X—XII. Bull. hist.-phil., t. II. p. 303—304).

სანდრე მეფედ დაჯ-და.
აქა საფრიძე გედეონ მტბევრს დაჯდა.

ксандръ Великій сдѣлался царемъ [1]).
Въ этотъ же годъ Гедеонъ Сафридзе сдѣлался мтбеваремъ.

ႹႪႡ. აქა საფრიძეს მტბევრს იშხნელობა და მწყვერლობა მოუვიდა ხვანთქრისგან.

338—1650. Въ этотъ годъ мтбевари Сафридзе получилъ отъ султана *титулъ* ишхнеля и мацквереля [2]).

ႹႫ. აქა ჯვარცმას აქეთ ათას: ქ. მ. ბ. წელიწადი გამოსრულა.

340—1652. Въ этотъ годъ отъ Распятія (Христа) прошло 1642 года [3]).

ႹႫႡ. აქა მიიცვალა დიდი მამუკა ბატონის-შვილი იმერეთისა: დადიანმა ლეონ დააშავა, და იქავ მიიცვალა.

342—1654. Въ этотъ годъ умеръ имеретинскій царевичъ Мамука Великій: Леонъ Дадіани изувѣчилъ; тамъ онъ (въ Мингреліи) и умеръ [4]).

---

[1]) Вахуштъ смерть имеретинскаго царя Георгія III и вступленіе на престолъ Александра относитъ къ 1639 г., но царь Теймуразъ въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Θеодоровичу отъ апрѣля мѣсяца 1639 года, между прочимъ, говоритъ: „Въ эту зиму умеръ тесть мой царь Георгій, и воцарился зять мой Александръ". (Переписка грузинскихъ царей съ россійскими государями, стр. 23, 34). Судя по этому, Георгій могъ умереть или въ концѣ 1638 г., или въ началѣ 1639 г.

[2]) О Гедеонѣ Сафридзе въ исторіи Грузіи нѣтъ упоминанія.

[3]) Въ грузинскихъ источникахъ очень часто вмѣсто „отъ Рождества Христова" употребляется выраженіе: „отъ Распятія Христа", но въ данномъ случаѣ вычисленіе все-таки сдѣлано невѣрно: 340 корониконъ соотвѣтствуетъ 1652 г., а не 1642-му. Запись эта сдѣлана некрасивою скорописью мхедрули.

[4]) Извѣстный своею беззавѣтною храбростью царевичъ Мамука, братъ имеретинскаго царя Александра, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣ-

ႲႫႥ. აქა შამოებენ მეფეს ალექსანდრეს ბანძას დადიანი ლიპარი, გურიელი ქაიხოსრო, ფარათ-ფაშა, და ურუმის ჯარი გურიელს ახლა, დადიანს ქართველი ლაშქარი, მეფე როსტომ ათხუვა. მეფეს ალექსანდრეს გაემარჯვა.

346—1658. Въ этотъ годъ сразились съ царемъ Александромъ въ Бандзѣ Дадіани Липаръ (Липаритъ), Гуріели Кайхосро и Фаратъ-паша. Съ Гуріели находилось турецкое войско, а съ Дадіани карталинское, которое одолжилъ царь Ростомъ. Царь Александръ побѣдилъ [1]).

ႲႫႦ. აქა მიიცვალა ყოველთა მეფეთა მჯობი დიდი მეფე ალექსანდრე იმერეთისა.

347—1659. Въ этотъ годъ умеръ лучшій изъ всѣхъ царей, имеретинскій царь Александръ Великій [2]).

ႲႬႠ. აქა მოვიდა ლეონ დადიანი და შამოება მეფეს ბაგრატს ქუთათის, ანძილახის საყდარს უკან, და მეფეს ბაგრატს გაემარჯვა.

351—1663. Въ этотъ годъ пришелъ Леонъ Дадіани и сразился съ царемъ Багратомъ въ Кутаисѣ, позади Андзилахской церкви. Царь Багратъ побѣдилъ [3]).

пленъ Леономъ Дадіани. Онъ умеръ въ указанномъ году въ тюрьмѣ въ Мингреліи (Hist. de la Géor. II, 1, p. 270—273).

[1]) Указанный годъ и приведенныя свѣдѣнія вполнѣ подтверждаются исторіею Грузіи (Ibid. p. 273—275).

[2]) Dates: въ 1660 г.

[3]) Dates указываютъ тотъ же самый годъ, только въ исторіи Грузіи нѣтъ подробностей, гдѣ произошла битва (Hist. de la Géor. II, 1, p. 280—281, 396).

ႲႬႤ. აქა მიიცვალა ლევან დადიანი.

355—1667. Въ этотъ годъ умеръ Леванъ Дадіани [1]).

ႲႬႥ. ამა ქორონიკონსა ფაშამ ჩამოიყვანა კახბატონის ქალი დარეჯან დედოფალი, გააბატონეს, მაგრამ ქუთათის ლეჩხუმლებმა მოკლეს და ისევ ბაგრატს დარჩა მეფობა.

356—1668. Въ этотъ годъ паша привезъ царицу Дареджану, дочь кахетинскаго владѣтеля, и воцарилъ ее, но лечхумцы убили ее въ Кутаисѣ, и Баграть снова воцарился [2]).

ႲႢႡ. აქა დაესხა ქუთათის მეფე ბაგრატს ასანფაშა, გურიელი გიორგი და შეება მეფე, და ფაშას გაემარჯვა: წვრილი კაცი დაკოცეს და ცხენოსანი ჭახთაშიდ (ჭ̃ ხთაშიდ) გარდაყარეს.

362—1674. Въ этотъ годъ Асанъ-паша и Гуріели Георгій напали на царя Баграта въ Кутаисѣ. Царь вступилъ въ бой. Паша побѣдилъ: простыхъ (წვრილი კაცი) убили, конныхъ сбросили въ Чахту [3]).

---

[1]) Леванъ II Дадіани умеръ, по Вахушту, въ 1680 г., по другимъ извѣстіямъ—въ 1681 г. (Ibid. p. 397, 288, n. 1). Едва ли объ немъ здѣсь рѣчь.

[2]) Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ, а Chr. géor. относитъ вступленіе Дареджаны въ Имеретію въ 1664 г. Послѣ Дареджаны одинъ годъ царствовалъ въ Имеретіи Гуріели Димитрій, а затѣмъ снова воцарился Баграть. Дареджана была убита правителемъ Лечхума Хосія Ласхисъ-швили, а по Chr. géor.—Хосія Ахвледіани (Hist. de la Géor. II, 1, p. 282—283, n. 1).

[3]) По Вахушту и Шардену, это случилось въ 1672 г. (Hist. de la Géor. II, 1, p. 284, 285, n. 1). Подробностей битвы исторія не сохранила. Что подразумѣвается подъ группою „Чхта“, трудно сказать;

ႲႿႧ. აქა მიიცვალა მეფე ბაგრატ იმერეთისა, ძე ალექსანდრესი. ვაჲ მემკვდრე ბატონის გარდაშენება!

369—1681. Въ этотъ годъ умеръ царь имеретинскій Багратъ. Увы, пресѣченіе наслѣдственнаго владѣтеля! [1])

ႲႭႢ. აქა როკითს მეფეს ალექსინდრეს გურიელი გიორგი შამოება და მეფეს გაემარჯვა.

373—1685. Въ этотъ годъ Гуріели Георгій сразился въ Рокитѣ съ царемъ Александромъ, и царь побѣдилъ [2]).

ႲႭႧ. აქა შამოება გოდოგანს მეფე არჩილს მეფე ალექსანდრე და გაემარჯვა არჩილ მეფეს.

379—1691. Въ этотъ годъ царь Александръ сразился въ Годоганѣ съ царемъ Арчиломъ. Царь Арчилъ побѣдилъ [3]).

ႲႮႠ. *ამა ქორონიკონსა მიიცჳალა კახელი ბატონის შვილი მარიამ ყოვლითა სიკეთითა გასრულებული. უფალო, მოიხსენე სასუფეველსა შინა ცათასა. ახალციხეს.

381—1693. Въ этотъ годъ умерла въ Ахалцихѣ преисполненная всѣхъ добродѣтелей кахетинская царевна Марія. Боже, помяни ее въ царствіи небесномъ! [4]).

но мнѣ извѣстно, что одна рѣчка въ Гуріи, впадающая въ Чолокъ, называется Чахата.

[1]) Другіе источники указываютъ этотъ же годъ (Ibid. p. 289). Багратъ IV не оставилъ наслѣдника царской крови, а сынъ его Александръ, впослѣдствіи Александръ IV, былъ отъ незаконной жены.

[2]) Вахуштъ указываетъ 1684 г. (Ibid. p. 291, 398). Приписка второго нашего кинклоса относитъ это къ 1687 г.

[3]) По Вахушту, въ 1690 г. (Hist. de la Géor. II, 1, p. 295, 398).

[4]) Неизвѣстно, о какой Маріи тутъ идетъ рѣчь.

ႲႯႡ. აქა ეკურთხა მონაზვნათ ბაგრატ იმერეთის მეფის ასული თინათინ, იყო წლის კვ.	392—1704. Въ этотъ годъ постриглась въ монахини Тинатина, дочь имеретинскаго царя Баграта. Ей было 26 лѣтъ [1]).
ႲႯႦ. აქა დეკენბერსა შამოებენ მეფე გიორგის მაღლაკს დადიანი გიორგი, ოდიშარი თანა ახლდაენ, ზოგიერთი იმერლებიც თანა ახლდენ, და მეფეს გიორგის გაემარჯვა.	397—1709. Въ этотъ годъ, въ декабрѣ, Георгій Дадіани съ одишцами и съ нѣкоторыми изъ имеретинъ сразился съ царемъ Георгіемъ въ Маглакѣ. Царь Георгій побѣдилъ [2]).
ႳႨႧ. აქა მიიცვალა მარიამ დედოფალი, დადიანის ასული, მეფე ალექსანდრეს მეუღლე.	419—1731. Въ этотъ годъ умерла царица Марія, урожденная Дадіани, жена царя Александра [3]).
ႳႩ. აქა გაემარჯვა მეფე ალექსანდრეს ჩი-	420—1732. Въ этотъ годъ въ Чихорѣ одержалъ по-

[1]) Тинатина въ русскихъ источникахъ называется Ниною. Она вышла замужъ за Левана III Дадіани около 1689 г. Въ 1724 г. она съ Вахтангомъ VI выѣхала въ Россію (Hist. de la Géor. II, 1, p. 578—579). Когда она постриглась въ монахини и сколько ей было въ то время лѣтъ, по другимъ источникамъ неизвѣстно. Судя по вышеупомянутымъ даннымъ, она родилась въ 1678 г.

[2]) Вахуштъ приводитъ тотъ же самый годъ, но мѣстомъ битвы указываетъ Парцханаканеви (Ibid. p. 305, 400).

[3]) Годъ смерти Маріи Вахуштъ не указываетъ, а вторую женитьбу Александра относитъ къ 1732 г. (Ibid. p. 316, 403). Броссе смерть Маріи относитъ къ 1732 г., а вторую женитьбу къ 1734 г. (Ibid. p. 644).

ხორს. ოტია დადიანი დაიჭირეს, რაჭის ერისთავი და აბაშიძე გაიქცა.

бѣду царь Александръ. Отія Дадіани былъ взятъ въ плѣнъ. Эриставъ Рачинскій и Абашидзе бѣжали [1]).

ႳႪႧ. აქა მიიცვალა მეფე ალექსანდრე.

439—1751. Въ этотъ годъ умеръ царь Александръ [2]).

ႳႫႥ. აქა გაემარჯვა ხრესილზედ მეფე სოლომონს. დადიანი თან ახლდა. ახალციხისა და აჭარის ჯარი სულ იყო. ერისთავი აბაშიძე, წულუკიძე ახლდენ, გოლა-ფაშა დაირჩინეს, აბაშიძე მოკლეს, წულუკიძე დაიჭირეს, თათარი გასწყვიდეს და ზოგი ცოცხალი შეიპყრეს.

446—1758. Въ этотъ годъ царь Соломонъ одержалъ побѣду въ Хресилѣ. Съ нимъ былъ и Дадіани. Ахалцихскія и аджарскія войска всѣ *тутъ* были; ихъ сопровождали эриставы Абашидзе и Цулукидзе. Гола-пашу плѣнили, Абашидзе убили, а Цулукидзе былъ взятъ въ плѣнъ. Однихъ изъ турокъ взяли въ плѣнъ, другихъ истребили [3]).

ႳႬႥ. აქა ერისთავი წახდინა მეფე სოლომონ [4]).

456—1768. Въ этотъ годъ царь Соломонъ погубилъ эристава [4]).

[1]) Вахуштъ относитъ это къ 1734 г. (Ibid. p. 318, 403).

[2]) По другимъ источникамъ, въ мартѣ 1752 г. (Ibid. 644).

[3]) Къ этому же году относитъ все это историкъ Папуна Орбеліани (Hist. de la Géor. II, 2, p. 201). Этотъ же годъ указанъ въ приписке киклоса Шемокмедскаго гулани (Бакрадзе. Арх. пут. по Гуріи и Адчарѣ, стр. 152).

[4]) Эта фраза приведена въ рукописи некрасивою скорописью „мхедрули“ этого столѣтія.

ႳႬႦ. აქა რუსი მოვიდა იმერეთს.

457—1769. Въ этотъ годъ въ Имеретію вступили русскіе.

ႳႬჁ. აქა რუსის ჯარმან და მეფე სოლომონ ქუთათისი აიღეს ფერის ცვალებას. ამავე წელსა ბაღდათი, შორაპანი და ცუცვთი აიღეს.

458—1770. Въ этотъ годъ, въ день Преображенія, русское войско и царь Соломонъ взяли Кутаисъ. Въ томъ же году взяли Багдадъ, Шорапанъ и Цуцвтъ (Цупхватъ).

ႳჂႡ. აქა გაემარჯვა ჩხერს მეფე სოლომონს, ხუთი ათასი ლეკის და თათრის ჯარი იყო, აბაშიძე ჩამოუძღვა, თათარი და ლეკი სულ გასწყვიტეს და აბაშიძე გაიქცა.

462—1774. Въ этотъ годъ царь Соломонъ одержалъ побѣду въ Чхерѣ. Было 5,000 лезгинскаго и турецкаго войска, которыхъ привелъ Абашидзе. Турокъ и лезгинъ совсѣмъ истребили. Абашидзе бѣжалъ.

ႳჂႣ. აქა მიიცვალა მეფის ძე კათალიკოზ-გაენათელი იოსებ.

464—1776. Въ этотъ годъ умеръ католикосъ-генатели, царевичъ Іосифъ.

ႳჂႥ. აქა მიიცვალა დედოფალი მარიამ.

466—1778. Въ этотъ годъ умерла царица Марія.

ႳჂჁ. აქა გაემარჯვა მეფე სოლომონს, დადიანი კაცია თანა ახლდა რუხვს, აფხაზი, ჩერქეზი, თათარი თერთმეტი ათასი კაცი იყო, გააქციეს, ამოსწყვიტეს და მრა-

468—1780. Въ этотъ годъ царь Соломонъ вмѣстѣ съ Кація Дадіани одержалъ побѣду въ Рухѣ. Черкесовъ, абхазовъ и турокъ было всего 11,000. *Однихъ изъ нихъ* обратили въ бѣгство, *другихъ*

ვალი ცოცხალი შე-
იპყრეს.

истребили и многихъ взяли въ плѣнъ.

ႳႭႡ. აქა მიიცვალა ქრის-
ტეანობისა ნათელი
მეფე სოლომონ.

472—1784. Въ этотъ годъ умеръ свѣтъ христіанства, царь Соломонъ [1]).

ႳႭႦ. აქა არჩილის ძე სო-
ლომონ მეფე იქმნა
იმერეთისა, ივლისის
თვეს *).

477—1789. Въ этотъ годъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, царемъ Имеретіи сдѣлался Соломонъ, сынъ Арчила. [2]).

ႳႮႢ. აქა მეფე დავით მი-
იცჳალა ახალციხეს.

483—1795. Въ этотъ годъ умеръ въ Ахалцихѣ царь Давидъ [3]).

ႳႮႣ. აქა ხოჯა ყეინი მო-
ვიდა ტფილისს.

484—1796. Въ этотъ годъ пришелъ въ Тифлисъ Шахъ-Каджаръ.

ႳႮႤ. აქა მეფე ირაკლი მი-
იცჳალა.

485—1797 (?). Въ этотъ годъ умеръ царь Ираклій.

ႳႮႧ. აქა მეფე ქართლისა
გიორგი მიიცჳალა.

489—1801. Въ этотъ годъ умеръ грузинскій царь Георгій.

ႳႯႠ. აქა ლეჩხუმი აიღო
მეფე მეორემ სოლო-
მონ.

491—1803. Въ этотъ годъ царь Соломонъ II покорилъ Лечхумъ.

---

[1]) Соломонъ I умеръ въ 1782 г., 23 апрѣля (Hist. de la Géor. II, 1, p. 644).

*) Отсюда начиная, всѣ записи сдѣланы въ текстѣ некрасивою скорописью мхедрули нынѣшняго столѣтія и поблекшими чернилами.

[2]) Другіе источники тоже указываютъ на этотъ годъ, только числа мѣсяца не приводятъ. (Hist. de la Géor. II, 2, p. 254—255).

[3]) Рѣчь идетъ объ имеретинскомъ царѣ Давидѣ II, который дѣйствительно умеръ въ Ахалцихѣ; но въ которомъ году, Броссе не указываетъ (Ibid. p. 644).

ႭჃႯႢ.	აქა პირველად რა-ჭას ჟამი იყო.	493—1805. Въ этотъ годъ въ Рачѣ въ первый разъ была чума.
ႭჃႯႨ.	აქა რუსთა დაიპყრეს იმერეთი.	498—1810. Въ этотъ годъ русскіе заняли Имеретію.
ႭჃႯႧ.	აქა ახალციხეს შე-მოადგეს.	499—1811. Въ этотъ годъ окружили Ахалцихъ.
Ⴔ.	აქა ბუონაპარტე შე-ვიდა მოსკოვშიდ და რუსთა განდევნეს. ამავე წელს და წას-რულს წელს იყო სიყმილი და ჟამი იმე-რეთს.	500—1812. Въ этотъ годъ Бонапартъ вступилъ въ Москву, но русскіе прогнали его. Въ этотъ же и предшествующій годъ въ Имеретіи были голодъ и чума.
ႴႢ.	აქა მოვიდა მთავარ-მმართებელი რტის-ჩევი იმერეთს. აქა მიიცვალა მეფე არჩილის ძე სოლო-მონ ტრაპიზონს.	503—1815. Въ этотъ годъ главный начальникъ Ртищевъ пріѣхалъ въ Имеретію. Въ этотъ же годъ умеръ въ Требизонтѣ Соломонъ, сынъ царя Арчила.
ႴႨ.	აქ ქუთათელი და გე-ნათელი წაიყვანეს რუსეთს. მარტის ე დღესა.	508—1820. Въ этотъ годъ, марта 5-го дня, увезли въ Россію кутатели и генатели.

II.

Помѣщенныя ниже историческія записи взяты изъ кинклоса, приложеннаго къ рукописному часослову „Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія", № 1204. Рукопись 22×16 сент., написана на

бумагѣ церковно-строчными буквами грузинскаго алфавита и черными чернилами. Заглавія и начальныя буквы исполнены киноварью. Рукопись разбита, листы въ безпорядкѣ, многіе пропали; теперь налицо всего 233 листа. Кромѣ часослова, наша рукопись содержитъ въ себѣ еще много разныхъ свѣдѣній, большею частью въ отрывкахъ, вслѣдствіе пропажи листовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ: 1) заклинанія противъ разныхъ болѣзней; 2) предсказанія погоды по временамъ года въ зависимости отъ основанія въ пасхаліи; 3) предсказанія по поводу затменія солнца и луны и различныхъ фазисовъ послѣдней; 4) объясненіе сновъ; 5) разныя изреченія и нравственныя наставленія; 6) перечень неблагопріятныхъ и опасныхъ дней каждаго мѣсяца. Неблагопріятными, оказывается, бываютъ: сумерки 23 сентября; разсвѣтъ 3, 9 и 20 октября; разсвѣтъ 8 и 20 ноября; сумерки 3 и 20 декабря; разсвѣтъ 2 и 11 января; разсвѣтъ 23 и 26 февраля; сумерки 4 и 20 марта; разсвѣтъ 3 и 20 апрѣля; разсвѣтъ 6 и 20 мая; утро 4 и ночи 13 и 12 іюня; день 6 и ночь 20 іюля; день 6 и ночи 4 и 20 августа. Эти дни названы днями проклятыхъ кометъ (კვმატი დღე წყეულისა). Кромѣ этого, одинъ листъ рукописи сохранилъ намъ отрывки стиховъ, написанныхъ рукою текста, но въ видѣ прозы. Если текстъ расположить въ видѣ стиховъ, то получимъ:

ამა ჩემსა ქალაქშიდან მუნ შეიქმნა კოცა დიდი,
სამსა ბერსა კაც ვერ ნახეუდი სიკუდილისა გარდამკიდი,
აქ შემოკრფვით კუბოშიდან სოფლისაგან განაკიდი,
და რაც რამ გ(ვ)ქონდა აქ მოვიღეთ ცხენ ჯორებსა გარდავკიდი.

ასი ათასი მოყუმენი თანა მყვა სინდთა [1]) ჯარია.
დალბანდითა და ჩაცმითა მოკაზმით მკლავ მაგარია,

---

[1]) Чтеніе этого слова гадательное, быть-можетъ ყამთა.

ოთხი ათასის ქორწილის მე გარდამკდელი ვარია
და აწ ხედავთ, ასრე გავსრულდი, თქვენცა აქა ხართ მგზავრიხ.

მოსე თქვა: სოფლის ცუდია წუთის ხანის წამება,
გულსა ჩამეკმო, რა ვნახე, ჭირი ჭირზედა წამება,
აჩრდილი არს და სიზმარი ამა სოფლისა წამება,
და იგი სფეუდეს სამუნოდ, ვინცა თავს იდვა წამება.

აქა კიდეუ სხვა კუბოსა შემოვიდენ.

ტირიან სოფლის სიმუხთნეს, კართა გარე გამოვიდეს,
კუბო იყო სხვა კიდევე, გაალეს და შემოვიდეს,
მუნ სასხდომი საკელმწიფო იგი ნახეს, რა მოვიდეს,
და ზედ ეწერა ანდერეძი, თვალთა ცრემლი გადმოდრიდეს:

მე ქაშიბ მქვიან სახელად, დაშტანის შვილის შვილია,
ვიყავი დიდი კელმწიფე, მემბრძოლი ავა ჩვილია,
მუნ განვისუჩნე ამ სოფელს, რაც ხანი ხმელთა ვივლია,
და მიმუხთლა მცრუმან სოფელმან, აწ კარი გლახ გამივლია.

მქონდა ქონება ვხედაუთ, ვერ ვისგან ანაზიდები*),
ლაშქარი მახლდის, მტერი მყვის შიშისგან განარიდები,
პირ-მთვარენი და პირ-მზენი წინა გვისხდეს ლამაზი დები,
და ყველასა ტანსა ემოსა ზარქაში განაზიდები.

ანაზდად კარზედ მოგვადგა სიკვდილი შეუპოველი,
ლაშქრთა უბრძანეთ: მოიღეთ საჭურჭლე ჩემი ყოველი.

. . . .

По содержанію стихи эти представляютъ эпитафіи, написанныя на двухъ склепахъ. Въ первой изъ нихъ покойникъ разсказываетъ, что въ его городѣ началось страшное истребленіе, отъ котораго и трехъ стариковъ не уцѣлѣло; далѣе онъ говоритъ, что все его богатство теперь сосредоточено въ данномъ склепѣ, что онъ имѣлъ сто тысячъ хорошо вооруженнаго и храбраго синдскаго (?)

*) **Въ текстѣ стоитъ** ანაზიდევე.

войска, что въ своей жизни онъ справлялъ четыре тысячи свадебъ и теперь пришелъ къ такому концу, который ожидаетъ и читателей. Потомъ приводятся слова Моисея, что жизнь въ этой вселенной непрочна, и высказывается мнѣніе, что вѣчно живетъ только тотъ, кто принялъ вѣнецъ мученичества.

Затѣмъ посѣтители, оплакивающіе суету вселенной, посѣтили другой склепъ, открывъ его, они увидѣли царскій тронъ со слѣдующею эпитафіею, заставившею ихъ пролить слезы:

„Меня зовутъ Кашибъ, я внукъ Даштана, я былъ великій царь и сильный воитель, но измѣнилъ мнѣ непостоянный міръ, и я здѣсь нашелъ покой отъ дѣлъ мірскихъ. Я имѣлъ несмѣтное богатство и войска, отъ которыхъ трепетали враги; сестры мои были раскрасавицы, лицомъ похожія на солнце и луну и всѣ были одѣты въ парчахъ вышитыхъ. Вдругъ стала у дверей смерть упрямая, и мы приказали войскамъ достать всѣ наши сокровища“... (тутъ стихи прерываются).

Отъ кинклоса, находящагося въ нашей рукописи, сохранились только три листа съ историческими записями, обнимающими періодъ времени отъ второй половины XV в. до начала XVIII вѣка. Судя по количеству цифръ, помѣщенныхъ на каждомъ листѣ, кинклюсъ нашъ долженъ былъ заключать въ себѣ семь листовъ, но изъ нихъ до насъ дошли только листы второй, четвертый и пятый. Часословъ нашъ, какъ видно, долго употреблялся въ церкви, и поэтому онъ весь закопченъ и обильно покрытъ каплями отъ восковыхъ свѣчей. Рукопись была прислана мнѣ изъ Гуріи покойнымъ кн. Г. Д. Гуріели и передана мною въ „Библіотеку общества распространенія грамотности“. Рукопись, по всей вѣроятности, обязана своимъ происхожденіемъ Гуріи, а потому немудре-

но, что помѣщенныя въ ней историческія записи главнымъ образомъ имѣютъ въ виду событія изъ гурійской исторіи. Въ одномъ мѣстѣ рукописи рукою текста сдѣлана запись:

ქრისტე შეიწყალე ცოდვილი ნიკოლოზ მღდელი.

„Боже, помилуй священника Николая“. Быть-можетъ, упомянутый Николай есть переписчикъ нашей рукописи. Рукопись, вѣроятно, переписана въ 1717 г. Такое заключеніе я вывожу изъ того обстоятельства, что въ нашемъ часословѣ приводится таблица съ подробнымъ указаніемъ, на какіе дни падаютъ подвижные праздники. Счетъ составленъ на 17 лѣтъ: онъ начинается съ 1717 г. и кончается 1734 г. Въ началѣ счета, между прочимъ, сказано: „Отъ Р. Х.—1717 л., а отъ сотворенія міра до сего времени —7225 л.“ 7225-й годъ отъ сотворенія міра равняется по греческому численію 1717-му году послѣ Р. Х. Если бы рукопись не была переписана въ 1717 г., то и таблица не начиналась бы этимъ годомъ, и не было бы употреблено выраженіе: „до сего времени“. Послѣдняя историческая запись нашего кинклоса соотвѣтствуетъ 1702-му году, дальнѣйшіе листы, вѣроятно, тоже съ записями, пропали. Всѣ записи сдѣланы рукою текста и всѣ начинаются киноварными заглавными буквами, кромѣ четырехъ. Одна запись противъ 150 короникона не имѣетъ историческаго значенія; она гласитъ: კრულმცა არს ვინც შემიშალოს — „Да будетъ проклятъ, кто мнѣ помѣшаетъ“. Проклятіе, быть-можетъ, относится къ тѣмъ, которые захотятъ измѣнить хронологію записей или цифры кинклоса. Историческія записи нашего кинклоса имѣютъ немаловажное значеніе для исторіи Гуріи: хронологію нѣкоторыхъ событій изъ исторіи этого края мы впервые узнаемъ изъ этихъ записей, а свѣдѣнія, почерпаемыя нами изъ другихъ источниковъ, провѣряются и отчасти дополняются ими.

ႰႪႡ. აქა კონსტანტიპოლი დაიჭირეს თათართა.

132—1444. Въ этотъ годъ турки завоевали Константинополь [1]).

ႱႫႣ. აქა შაჰთამაზ ჩადგა ქართლს და სომხითს და აღაოხრა სრულიად ხევთამდის.

244—1556. Въ этотъ годъ Шахъ-Тамазъ засѣлъ въ Карталиніи и Сомхитіи и совершенно опустошилъ страну до Хеви (Арагвскаго ущелья [2]).

ႱႫႧ. აქა გურიელი როსტომ გარდაკდა, მისი ძე გიორგი გურიელად დაჯდა.

248—1560. Въ этотъ годъ умеръ Гуріели Ростомъ; сынъ его Георгій сдѣлался гуріелемъ [3]).

ႱႬႦ. აქა სჳმონ მეფე ქართლისა დაიჭირეს თათართა ომშიდ.

257—1569. Въ этотъ годъ во время битвы турки взяли въ плѣнъ карталинскаго царя Свимона [4]).

ႱႬႨ. აქა ლეონ დადიანი ცხენმან მოკლა.

259—1571. Въ этотъ годъ лошадь убила Леона Дадіани [5]).

ႱႮႥ. აქა შაისმაილი გარდაიცვალა.

266—1578. Въ этотъ годъ умеръ Шахъ-Исмаилъ [6]).

---

[1]) Объ этой ошибкѣ мы уже говорили по поводу такого же сообщенія предыдущаго киклоса (см. выше, стр. 5 прим. 1).

[2]) По свѣдѣніямъ Вахушта, Шахъ-Тамазъ въ первый разъ опустошилъ Грузію въ 1553 г., а во второй разъ въ 1556 г. (Hist. de la Géor. II, 1, p. 386). Стало-быть, тутъ имѣется въ виду второе опустошеніе. Послѣднее событіе Chr. géor. (p. 227) относитъ къ 1553 г.

Сомхитіею называется грузинская Арменія, въ отличіе отъ Сомхетіи—настоящей Арменіи.

[3]) Dates: въ 1564 г.

[4]) Dates: то же самое.

[5]) Dates: 1572 г.

[6]) Suite: въ 1578 г., 23 ноября.

ႱႭ. აქა ათაბაგს აწყურს ულალატეს. გაემარჯა, თათარი გაიქცა.

270—1582. Въ этотъ годъ атабегу измѣнили въ Ацкурѣ. Побѣдилъ. Турки бѣжали [1]).

ႱႭႤ. აქა ახალციხე აშენეს ურუმთა, აბამითგან (читай ადამითგან) წელთა შვდი ათას ოთხმეოცდა ათ ოთხმეტია. ნახეთ ამას უკან საქმე როგორ მოვა.

275—1587. Въ этотъ годъ турки построили Ахалцихъ, въ лѣто отъ Адама 7094. Какъ дальше пойдетъ дѣло, увидите! [2]).

ႱႭႥ. აქა გ̃ნქა აშენეს.

276—1588. Въ этотъ годъ построили Г̃нку [3]).

ႱႭႧ. აქა გურიელს მამიას აფხაზზე გაემარჯა.

279—1591. Въ этотъ годъ Гуріели Мамія побѣдилъ абхазовъ [4]).

ႱႮႤ. აქა დედოფალი ათაბაგის ქალი მოიყვანეს.

285—1597. Въ этотъ годъ привезли царицу, дочь атабега [5]).

---

[1]) Dates: то же самое.

[2]) Счетъ отъ сотворенія міра по греческому счисленію соотвѣтствуетъ 1586 г., каковой годъ подтверждается и турецкими источниками; слѣдовательно, въ счетѣ по коронikону допущена ошибка на одинъ годъ. Эта ошибка повторяется и въ Chr. géor. и въ Suite. Первоначальнымъ источникомъ этого извѣстія служитъ „Хроника Месхійской Псалтыря", изданная мною на груз. языкѣ въ книгѣ „Три историческія хроники" (стр. 113).

[3]) Трудно сказать, какое названіе подразумѣвается подъ группою Г̃нkа но если допустить натяжку и подразумѣвать გონია ქალაქი (Гоніакалаkи)—городъ Гонія, то мы должны замѣтить, что крѣпость въ Гоніи была основана турками еще раньше, а именно въ 1553 г. (Hist. de la Géor. II, 1, p. 257, 343); городъ могли построить и позже.

[4]) Dates: то же самое.

[5]) Въ 1597 г., по Вахушту, царь Ростомъ женился на Тинатинѣ, дочери атабега (см. Dates).

ႱႮႡ.	აქა დიდი გურიელი გიორგი მიიცვალა.	288—1600. Въ этотъ годъ умеръ Гурiели Георгiй Великiй [1]).
ႱႯႣ.	აქა სჳმეონ დაიბადა ბატონისშვილი.	294—1606. Въ этотъ годъ родился сынъ владѣтеля Свимонъ [2]).
ႱႯႦ.	აქა დედოფალი თი-ნათინ მიიცვალა. აქ აშენეს ბაილეთს საყდარი.	297—1609. Въ этотъ годъ умерла царица Тинатина [3]). Въ этотъ же годъ въ Байлетѣ построили церковь [4]).
ႱႯႡ.	აქ მამია გურიელმან აჭარა დაიჭირა.	298—1610. Въ этотъ годъ Гурiели Мамiя завоевалъ Адчару [5]).
ႱႯႧ.	აქა დადიანი მანუჩარ ცხენმან მოკლა.	299—1611. Въ этотъ годъ лошадь убила Манучара Дадiани [6]).
Ⴒ.	აქა მანუჩარ ბატონის შვილი მიიცვალა.	300—1612. Въ этотъ годъ умеръ сынъ владѣтеля Манучаръ [7]).

---

1) Dates: то же самое.

2) Тутъ рѣчь идетъ, вѣроятно, о сынѣ Гурiели Мамiи Свимонѣ, рожденiе котораго Вахуштъ относитъ также къ 1606 г. (Dates).

3) По Вахушту, Тинатина, жена царя Ростома, умерла въ 1610 г. (Dates).

4) Байлети—село на берегу р. Супсы, въ Гурiи. Небольшая, но красивая, Байлетская церковь съ ея древностями описаны у Д. Бакрадзе въ его „Археолог. путешествiи по Гурiи и Адчарѣ" (стр. 269—272); но вопросъ о времени постройки церкви оставался до сихъ поръ открытымъ.

5) Dates: въ 1609 г.

6) Dates: то же самое.

7) Неизвѣстно, о какомъ Манучарѣ тутъ идетъ рѣчь. По Вахушту

ႲႩႡ. აქა ვახტანგ გურიელი მიიცვალა. ქაიხოსრო გურიელად დაჯდა.

328—1640. Въ этотъ годъ умеръ Гурiели Вахтангъ. Гурiелемъ сдѣлался Кайхосро [1]).

(Dates), умеръ въ 1614 г. атабегъ Манучаръ, но едва ли о немъ здѣсь говорится.

[1]) О Вахтангѣ Гурiели мы имѣемъ самыя противорѣчивыя извѣстiя. Историкъ Вахуштъ разсказываетъ, что Дадiани Мамiя, прогнавъ Георгiя II Гурiели въ Константинополь въ 1583 г., призвалъ Вахтанга, изъ Гурiельскаго рода, и сдѣлалъ его гурiелемъ. Послѣ смерти Вахтанга въ 1586 г. Георгiй II снова овладѣлъ Гурiею и умеръ въ 1600 г., оставивъ наслѣдникомъ сына своего Мамiю. Послѣднiй въ 1609 г. отнялъ у турокъ Адчару и правилъ до 1625 г.; а въ этомъ году Мамiя былъ убитъ собственнымъ своимъ сыномъ Симономъ, и гурiелемъ сдѣлался сынъ Вахтанга Кайхосро. Приписка киклоса Шемокмедскаго гулани убiйство Мамiи относитъ къ 1627 г. Съ другой стороны, до насъ дошелъ актъ, подписанный самимъ Вахтангомъ, въ которомъ онъ разсказываетъ исторiю постройки Зарзмской церкви въ Шемокмедахъ въ 1572 г., и въ которомъ онъ признаетъ себя сыномъ Гурiели Георгiя II и братомъ Гурiели Мамiи. Относительно генеалогическихъ свѣдѣнiй Д. Бакрадзе, конечно, отдаетъ предпочтенiе свѣдѣнiямъ акта, а чтобы оправдать хронологiю, онъ дѣлаетъ предположенiе, что Вахтангъ управлялъ Гурiею еще въ 1572 г., когда номинальнымъ владѣтелемъ считался Георгiй II. Вахтангъ былъ женатъ на Тамарѣ, дочери атабега, которая послѣ смерти Вахтанга вышла замужъ за Манучара Дадiани въ 1592 г. Она вмѣстѣ съ сыномъ Кайхосро упоминается въ одной надписи въ Шемокмедахъ. Всѣ эти свѣдѣнiя никакъ нельзя согласить съ данными нашего киклоса, но не считаться съ нашею записью тоже нельзя, потому что она отчасти находитъ подтвержденiе въ русскихъ источникахъ того времени. Изъ русскихъ источниковъ намъ извѣстно, что Леванъ II Дадiани отдалъ одну свою дочь на воспитанiе Гурiели Вахтангу, который жилъ около 1640 г. Нужно полагать, что Вахтангъ нашей записи и русскихъ источниковъ есть другой Вахтангъ, а не тотъ, о которомъ говоритъ историкъ Вахуштъ и актъ 1572 г. (Hist. de la Géor. II, 1, pp. 261, 264, 267, 268, 391, 651. Bull. hist.—philologique, t. III, p. 106, 107. Переписка грузинскихъ царей съ россiйскими государями, стр. LVII. Археолог. пут. по Гурiи и Адч. стр. 122, 129—133).

ႲႪႥ.	აქა მოიყვანეს დედოფალი ხუარამზე.	336—1648. Въ этотъ годъ привезли царицу Хуарамзе [1]).
ႲႫ.	აქა დაიბადა ბატონისშვილი გიორგი.	340—1652. Въ этотъ годъ родился сынъ владѣтеля Георгій [2]).
ႲႬႤ.	აქა მოიყვანეს დედოფალი თამარი.	355—1667. Въ этотъ годъ привезли царицу Тамару [3]).
ႲႬႧ.	აქა დაიბადა ბატონისშვილი ქაიკოსრო.	358—1670. Въ этотъ годъ родился сынъ владѣтеля Кайхосро [4]).
ႲႭႤ.	აქა როკეთს შეიბენ, გიორგი გურიელი მოკლეს, მისი შვილი ქაიკოსრო დაჯდა.	375—1687. Въ этотъ годъ была битва въ Рокетѣ. Георгія Гуріели убили. Гуріелемъ сдѣлался сынъ его Кайхосро [5]).

---

[1]) Хварамзе—жена вышеупомянутаго Гуріели Кайхосро I († 1658), урожденная Гошадзе. Ее упоминаетъ земохетская надпись въ Гуріи и актъ ея сына Гуріели Георгія III (Арх. пут. по Гуріи и Адчарѣ, стр. 231, 232, 292, 293, 336). Когда она вышла замужъ, по другимъ источникамъ неизвѣстно.

[2]) Рѣчь идетъ о Гуріели Георгіи III, сынѣ Кайхосро и Хуарамзе. Годъ его рожденія по другимъ источникамъ неизвѣстенъ, смерть же относятъ къ 1684 г. (H. G. II, 1, p. 651. Ар. пут. по Гур. и Адч., стр. 292—293, 336).

[3]) Рѣчь идетъ о женѣ Гуріели Георгія III, Тамарѣ, урожденной Чиджавадзе. Когда она вышла замужъ, по другимъ источникамъ неизвѣстно.

[4]) Этотъ Кайхосро—сынъ Гуріели Георгія III († 1689); годъ его рожденія по другимъ источникамъ неизвѣстенъ.

[5]) По Вахушту, битва въ Рокетѣ была въ 1684 г. Георгій Гуріели былъ убитъ, и братъ его Малакія сдѣлался гуріелемъ, а послѣ ухода послѣдняго въ Ахалцихъ въ 1685 г. гуріелемъ сдѣлался Кайхо-

ႲႭႡ. აქა მამია გურიელი დაჯდა ბატონად.

378—1690. Въ этотъ годъ владѣтелемъ сдѣлался Гуріели Мамія [1].

ႲႭႧ. აქა მოიყვანეს დედოფალი ელენე აბაშიძის ქალი.

379—1691. Въ этотъ годъ привезли царицу Елену, урожденную Абашидзе [2])

ႲႮႤ. ამა ქორონიკონსა (მიიცვალა) ათანასე ნიკოლოზის შვილი.

385—1697. Въ этотъ годъ (умеръ?) Атанасе Николозишвили (сынъ Николая) [3]).

ႲႯ. აქა ბატონისშვილი გიორგი დაიბადა.

390—1702. Въ этотъ годъ родился сынъ владѣтеля Георгій [4]).

III.

Нижеслѣдующій хронологическій перечень фактовъ или, какъ онъ озаглавленъ, „Описаніе событій" хранится теперь въ Тифлисѣ въ „Библіотекѣ общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія", № 2515 *).

сро (Hist. G. II, 1, p. 398). Въ актахъ Гуріи, извѣстныхъ у Бакрадзе, Малакія не упоминается (Арх. пут. по Гур. и Адч., стр. 336).

[1]) По Вахушту, въ 1689 г. турки убили Гуріели Кайхосро и гуріелемъ сдѣлали Малакію, а потомъ Мамію († 1717), сына Георгія. Этотъ Мамія третій подъ симъ именемъ. (H. G. II, 1, 398).

[2]) Елена Абашидзе была жена вышеупомянутаго Гуріели Маміи III. Годъ этого брака по другимъ источникамъ неизвѣстенъ.

[3]) Слово „умеръ" въ текстѣ не разбирается, и мы его приводимъ по догадкѣ, не ручаясь за вѣрность. Кто этотъ Атанасе, неизвѣстно.

[4]) Рѣчь идетъ о Гуріели Георгіи IV, сынѣ Маміи III. Годъ его рожденія по другимъ источникамъ неизвѣстенъ. Умеръ онъ въ 1726 г. (Ар. пут. по Гур. и Адч., стр. 336).

*) Рукопись была передана мнѣ священникомъ В. Карбеловымъ, которому и приношу искреннюю свою благодарность.

Текстъ писанъ на синей бумагѣ довольно красивыми, но не особенно крупными гражданскими буквами грузинскаго алфавита—„мхедрули"—и черными чернилами. Письмо „мхедрули" здѣсь не представляетъ скорописи, а имѣетъ характеръ кругловатый. Въ рукописи, въ формѣ тетради in folio, всего 8 страницъ, которыя обозначены арабскими цифрами. По краямъ каждой страницы по двѣ вертикальныя клѣтки, соединенныя между собою сверху и снизу двумя горизонтальными линіями. Въ первой лѣвой клѣткѣ выставлены гражданскими буквами годы отъ Р. Х., а во второй—по короникону. Противъ короникоповъ приведены записи. Противоположныя клѣтки пустуютъ, только на первой страницѣ въ одной изъ нихъ обозначены позднѣйшею рукою и арабскими цифрами соотвѣтствующіе грузинскимъ короникопамъ годы отъ Р. Х. На каждой страницѣ внизу подъ горизонтальными линіями указано слово, которое начинаетъ слѣдующую страницу. Послѣдняго явленія не замѣчается только на послѣдней страницѣ, и, судя по этому, рукопись не дефектна, хотя въ концѣ текста мы не видимъ корониса, или знака конца.

По содержанію наша рукопись представляетъ хронологическій перечень фактовъ отъ 1659 по 1791-ый годъ, но всѣ эти факты касаются преимущественно Восточной Грузіи, т. е. Карталиніи и Кахетіи, а также Ширвана, Адербейджана и Персіи, и ни одного событія не упоминается изъ исторіи Западной Грузіи, или Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Это обстоятельство не оставляетъ сомнѣнія, что первоначальные источники, изъ которыхъ составленъ сводъ въ нашей рукописи, обязаны своимъ происхожденіемъ Восточной Грузіи. Всего вѣроятнѣе, что записи наши велись въ г. Тифлисѣ, что можно заключить по нѣкоторымъ подробнымъ свѣдѣніямъ изъ

жизни г. Тифлиса, а также по выраженіямъ и оборотамъ, наблюдаемымъ въ нѣкоторыхъ записяхъ. Если бы авторъ или, скорѣе, авторы записей не жили въ Тифлисѣ, то мы вмѣсто выраженій—შემოვიდა ტფილისს (шемовида Тбилиссъ)—შემობძანდა ტფილისს (шемобдзанда Тбилиссъ), მოადგა ტფილისს (моадга Тбилиссъ) и т. д., означающихъ въ буквальномъ переводѣ—„пришелъ *къ намъ* въ Тифлисъ, подступилъ *къ намъ* къ Тифлису“ и т. д. (мы, конечно, подобныя фразы переводили не буквально),—имѣли бы по свойству грузинскаго языка—შევიდა ტფილისს (шевида Тбилиссъ), შებძანდა ტფილისს (шебдзанда Тбилиссъ), მიადგა ტფლისს (міадга Тбилиссъ) и т. д. Мѣстоименные инфиксы первыхъ выраженій показываютъ, что говорящее лицо находится тамъ, куда вступаютъ, или къ чему подступаютъ. Отсутствіе этихъ инфиксовъ во вторыхъ выраженіяхъ, наоборотъ, обозначаютъ, что говорящее лицо находится въ сторонѣ отъ предмета, къ которому направляется дѣйствіе.

Авторами большинства записей, вошедшихъ въ нашу рукопись, вѣроятно, были армяне. Этимъ и можно объяснить довольно частыя извѣстія о смерти тифлисскихъ меликовъ, которые, какъ извѣстно, были изъ армянъ и имѣли большое значеніе для армянскаго населенія г. Тифлиса. Для тифлисскихъ армянъ смерть мелика была событіемъ немаловажнымъ; поэтому неудивительно, что кончину ихъ они считали нужнымъ передать памяти. Объ одномъ изъ нихъ, меликѣ Зурабѣ и его сынѣ Автандилѣ, авторъ записи не безъ состраданія замѣчаетъ, что они *безъ вины* были умерщвлены палочными ударами. Для грузинъ, наоборотъ, мелики не имѣли такого значенія, и поэтому въ грузинскихъ хроникахъ нѣтъ упоминанія объ ихъ смерти, хотя о событіяхъ XVII и XVIII вѣковъ грузинскіе историки даютъ болѣе или ме-

нѣе подробныя свѣдѣнія. По упомянутой причинѣ, извѣстія нашихъ записей о смерти меликовъ мы не могли провѣрить другими свѣдѣніями. Иногда нѣкоторыя записи не оправдываютъ поступка грузинскихъ царей, какъ напримѣръ, плѣненія хановъ въ 1751 г., тогда какъ у грузинскихъ авторовъ выставляется на видъ измѣна, затѣянная ханами, и тѣмъ оправдывается дѣйствіе царей. Это тоже отчасти можетъ служить признакомъ того, что авторъ записи не грузинъ. Еще болѣе нагляднымъ доказательствомъ того, что нѣкоторыя записи, вошедшія въ нашу рукопись, принадлежатъ армянамъ, служатъ армянскія слова и названія, встрѣчающіяся въ текстѣ записей. Такъ, духовное лицо католиковъ названо въ записи 1718 г. армянскимъ словомъ „окевартеръ". Въ другомъ мѣстѣ подъ 1742 г. упоминается о страшномъ землетрясеніи и указывается, что это случилось 24-го іюля, въ день субботній „Вартеура". „Вартеуръ" равняется армянскому слову „Вардаваръ"—Преображеніе. Нечего говорить, что, если бы эти записи принадлежали грузину, то мы не встрѣтили бы подобныхъ выраженій въ текстѣ.

Видимо, событія въ первоначальныхъ источникахъ, какъ и обыкновенно бываетъ, были описаны по короникону, и тотъ, кто сдѣлалъ имъ сводъ въ нашей рукописи, прибавилъ къ нимъ годы отъ Р. X. Это можно видѣть изъ того, что, начиная отъ 1755 года, мы въ нашей рукописи имѣемъ только короникони, и нѣтъ уже соотвѣтствующихъ годовъ отъ Р. X. Подъ конецъ сводчику какъ бы надоѣло это вычисленіе, и онъ его бросилъ. Кромѣ того, въ этихъ вычисленіяхъ мы замѣчаемъ ошибку, и ошибка эта, разъ допущенная, систематически проводится до конца. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1724 г., годы отъ Р. X. не соотвѣтствуютъ годамъ, указываемымъ корониконами. Разница на десять лѣтъ, и

она продолжается до конца. Такая систематичность едва ли могла быть въ первоначальныхъ записяхъ, писанныхъ въ разное время и, по всему вѣроятію, разными лицами. Что годы по короникону вѣрны, это явствуетъ изъ того, что они большею частью всегда оправдываются другими источниками. Поэтому въ переводѣ мы выставляемъ годы отъ Р. Х., соотвѣтствующіе годамъ короникововъ. Такое же исправленіе мы дѣлаемъ и въ грузинскомъ текстѣ [1]).

Кѣмъ и когда переписана наша рукопись, неизвѣстно, но, судя по матеріалу и характеру письма, она должна принадлежать къ первымъ годамъ текущаго столѣтія.

По достоинству наше „Описаніе событій“ служитъ прекраснымъ матеріаломъ для провѣрки и дополненія нѣкоторыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ грузинскими историками Вахуштомъ, Сехніею Чхеидзе, Папуною Орбеліани, Оманомъ Мдивани, царевичемъ Давидомъ и другими, а также историковъ, писавшихъ о Персіи XVII и XVIII вв., какъ напримѣръ, Малькольма, Ганвея, Крузинскаго и другихъ. Трудовъ послѣднихъ, кромѣ Малькольма, къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ и упоминаемъ объ нихъ постольку, поскольку ихъ свѣдѣнія вошли въ примѣчанія Броссе въ его Histoire Moderne de la Géorgie. Чѣмъ особенно интересенъ нашъ источникъ, такъ это тѣмъ, что онъ часто указываетъ числа мѣсяцевъ, которыхъ зачастую мы не находимъ въ другихъ источникахъ. Кромѣ того, нѣ-

[1]) Кромѣ того, въ грузинскомъ текстѣ мы не сохраняемъ, какъ и въ предыдущихъ текстахъ, знаковъ препинанія оригинала и выбрасываемъ букву ქ, которая за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, обыкновенно всегда повторяется передъ каждою записью, послѣ короникововъ, и которая составляетъ начальную букву слова ქრისტე—„Христосъ“. Знаками препинанія служатъ въ нашемъ оригиналѣ двѣ точки, точка, а иногда и запятая. Сокращенныя слова рукописнаго текста, что, впрочемъ, весьма рѣдко допускается въ нашей рукописи, мы приводимъ въ полной формѣ.

которые факты въ нашей рукописи имѣютъ иное освѣщеніе, чѣмъ какое мы привыкли видѣть въ извѣстныхъ до сихъ поръ источникахъ. По достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ относительно нашего перечня можно сдѣлать такое общее замѣчаніе: чѣмъ ближе событія къ Восточной Грузіи, тѣмъ хронологія ихъ точнѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще вотрѣчаются неточности относительно мѣста и времени.

აღწერა რომელთამე შეხდომილთა საქმეთა ქრისტეს აქეთით და ქართულის ქორონიკონით და თჳს რიცხჳთ.	Описаніе нѣкоторыхъ событій отъ Рождества Христова и по грузинскому короникону, съ указаніемъ числа мѣсяца.
ჩხნჱ—ტმვ. როსტომ მეფე მიიცვალა, გიორგობის იზ.	1658—346. Царь Ростомъ умеръ, ноября 17-го [1]).
ჩხნთ—ტმზ. შაჰნავაზ გამეფდა, იანვარს ა.	1659—347. Шахъ-Навазъ воцарился, января 1-го [2]).

[1]) Chronique géorgienne (p. 298) и грузинскій историкъ Сехнія Чхеидзе относятъ смерть карталинскаго царя Ростома къ 1659 году; но числа мѣсяца не указываютъ. По Вахушту, Ростомъ умеръ въ 1658 г. (H. G. II, 1, pp. 74, 395; II, 2, pp. 5, 8).

[2]) Вахуштъ воцареніе Вахтанга V, или Шахъ-Наваза I, относитъ къ тому же 1658 г., въ которомъ умеръ, по его сообщенію, царь Ростомъ(ibid.), но Chr. géor. (p. 298—299) сообщаетъ, что сардарь Папуна Цицишвили, посланный немедленно послѣ смерти Ростома курьеромъ въ Персію, вернулся назадъ *къ Новому году* съ грамотою шаха, коею шахъ назначалъ царемъ Карталиніи Шахъ-Наваза I. Судя по всему сказанному, Ростомъ умеръ 17-го ноября 1658 г., а

ႹႵႢႡ—ႲႬ. ხოჯა მელიქ ბებუდა გარდაიცვâალა, მკათათვის ზ.	1662—350. Ходжа-Меликъ-Бебуда умеръ, іюля 7-го.
ႹႵႮႣ—ႲႭႡ. დიდი ხიზნობა იქმნა, მარიამობის ვ.	1684—372. Случилось большое выселеніе (хизноба), августа 6-го [1]).
ႹႵႯႡ—ႲႮႥ. ხოჯა ზადა გარდაიცვალა, მარტის ვ.	1698—386. Ходжа - Зада умеръ, марта 6-го.
ႹႶႨႡ—Ⴓ. ვახტანგ მეფე ტფილისიდამ ისპაანს წაბძანდა, მაისს ა.	1712—400. Царь Вахтангъ поѣхалъ изъ Тифлиса въ Испагань, мая 1-го [2]).
ႹႶႨႣ—ႳႡ. ალი ყული ხანს ხანობა მისცეს ტფილისისა და მოვიდა, ღვინობისთვს ლა.	1714—402. Али-Кули-Ханъ былъ назначенъ Тифлисскимъ ханомъ и пріѣхалъ, октября 31-го [3]).
ႹႶႨႡ—ႳႥ. შაჰნავაზ გამეფებული იმერეთიდამ მობრძანდა ტფილისს ქალაქს.	1718—406. Шахъ-Навазъ, объявленный царемъ, пріѣхалъ изъ Имеретіи въ г. Тифлисъ [4]).
ႹႶႨႡ—ႳႥ. სურხავმა ბოლ-	1718—406. Сурхавъ опу-

Шахъ-Навазъ воцарился послѣ полученія грамоты шаха, 1-го января 1659 г.

[1]) ხიზნობა (хизноба) означаетъ выселеніе жителей съ цѣлью скрыться отъ непріятелей или отъ заразной болѣзни.

[2]) Вахуштъ указываетъ 23-ье апрѣля этого же года (Dates), а Сехнія Чхеидзе 22-ое апрѣля того же года (H. G. II, 2, p. 31).

[3]) Али-Кули-Ханъ, или Iесе, братъ царя Вахтанга VI, былъ назначенъ въ 1714 г. царемъ Карталиніи. По Вахушту, онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ изъ Персіи въ сентябрѣ 1714 г. (H. G. II, 1, pp. 111, 400; II, 2, p. 32).

[4]) Вахуштъ пріѣздъ Шахъ-Наваза, или Вахтанга VI, въ Тифлисъ относитъ къ августу 1719 г. (Dates).

ნისები წაახდინა, მოქალაქენი მრავალნი მოსწყვდნა, მკათათვს იე, დღესა სამშაბათსა.

стошилъ Болнисеби [1]), многихъ горожанъ убилъ, іюля 15-го, во вторникъ.

ႹႶႨჁ—ႳႥ. პატრების საყდარი დააქციეს, და ოქევარტერი ტფილისის ქალაქს ჰბრძანდებოდა, ღვინობისთვეში.

1718—406. Разрушили церковь патеровъ; océваръ-теръ [2]) находился въ городѣ Тифлисѣ, въ мѣсяцѣ октябрѣ.

ႹႶႩႠ—ႳႧ. თავრიზის რომელიმე ადგილი ჩაძვრა საშინელის ძვრისაგან, აპრილის ივ.

1721—409. Нѣкоторыя мѣста Тавриза провалились отъ страшнаго землетрясенія, апрѣля 16-го.

ႹႶႩႠ—ႳႧ. მირვეიზის შვილი მაჰმუდ მოვიდა, ისპაანი დაიჭირა, აპრილის ივ.

1721—409. Пришелъ Махмудъ, сынъ Мирвейса, занялъ Испагань, апрѣля 16-го [3]).

---

[1]) *Болнисеби* есть множественное число отъ Болниси. Этимъ авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что были опустошены всѣ деревни и небольшой городъ Болнисскаго ущелья. Эта фраза въ такой же формѣ встрѣчается и у Вахушта, который относитъ все это къ 1717 г. (Dates).

[2]) „Океваръ-теръ“—выраженіе армянское. Дословно—„духовный владыка“. Старинная его форма: „hогеворъ-теръ“; теперь говорятъ—„океворъ-теръ“. Разъясненіемъ этого и нѣкоторыхъ другихъ словъ изъ восточныхъ языковъ я обязанъ профессору Н. Марру.

[3]) Сехнія Чхеидзе указываетъ 10-ое октября 1722 г. (H. G. II, 2, p. 37). По Вахушту, Махмудъ подступилъ къ Испагани въ мартѣ 1722 г. (H. G. II, p. 82, грузинскій текстъ. Дата эта въ переводѣ Броссе пропущена, см. H. G. II, 1, p. 116. Dates Вахушта указываютъ апрѣль (?) 1722 г.). Афганцы подступили къ Испагани черезъ три дня послѣ битвы при деревнѣ Гульнабадъ 8 марта (нов. стиля) 1722 г. и заняли городъ, послѣ изъявленія покорности шаха, 12 октября того же

ႹႶႩႠ—ႣႧ. შამახია სურხავმა ლეკის ჯარით და ჰაჯი დაუთმა დაიჭირეს, მარიამობის თ.

1721—409. Сурхавъ съ лезгинскимъ войскомъ и Аджи-Даутъ заняли Шемаху, августа 9-го [1]).

ႹႶႩႡ—ႣႨ. ტფილისის ქალაქიდამ მეფე ვახტანგ ლაშქრით განჯას წაბძანდა, ენკენისთვის ი.

1722—410. Царь Вахтангъ отправился съ войскомъ изъ Тифлиса въ Ганджу, сентября 15-го [2]).

ႹႶႩႡ—ႣႨ. მეფე ვახტანგ განჯიდამ ქალაქს ტფილისს შემობძანდა, გიორგობის ი.

1722—410. Царь Вахтангъ пріѣхалъ изъ Ганджи въ Тифлисъ, ноября 10-го [3]).

ႹႶႩႢ—ႣႨႠ. მაჰმად ყულიხან, რომელი არს კოსტანტინე, ქალაქს ტფილისს მოადგა, და ციხის კარები დაკლიტეს, იანვარს კთ.

1723—411. Махмадъ-Кули-Ханъ, или Константинъ, подступилъ къ городу Тифлису. Крѣпостныя ворота заперли, января 29-го [4]).

ႹႶႩႢ—ႣႨႠ. მახმად ყულიხან სეიდაბათიდამ გააქციეს, აპრილის იბ.

1723—411. Махмадъ-Кули-Хана прогнали отъ Сеидъ-Абата, апрѣля 12-го [5]).

года (H. G. II, 2, p. 37, n. 2. Патканова. Дневникъ осады Испагани афганами. Прилож. къ XVII тому Зап. Им. Ак. Наукъ, № 3, стр. 5—17. Бутковъ. Матеріалы для Нов. Ист. Кавказа, ч. 3-ья, стр. 10).

[1]) Этотъ годъ указывается и Бутковымъ (ibid. стр. 9). Въ другихъ источникахъ мы имѣемъ 15-ое августа 1721 г. (H. G. II, 2, p. 34, n. 3).

[2]) По Вахушту, въ сентябрѣ 1722 г. царь Вахтангъ второй разъ поѣхалъ въ Ганджу (въ первый разъ онъ ѣздилъ въ маѣ этого же года). Dates.

[3]) Вахуштъ не указываетъ, когда пріѣхалъ Вахтангъ изъ Ганджи, но сообщаетъ, что царь оставался тамъ три мѣсяца (H. G. II, 1, p. 118).

[4]) Вахуштъ (Dates) и Сехнія Чхеидзе указываютъ тоже январь мѣсяцъ этого же года (H. G. II, 2, p. 37—38).

[5]) Вахуштъ относитъ пораженіе Махмадъ-Кули-Хана при Табор-

Ⴙ႖ႩႢ—ႳႨႠ. თურქის ჯარი ტფილისს ქალაქს შემოვიდა, თიბათვის ი.

1723—411. Турецкое войско вступило въ городъ Тифлисъ, іюня 10-го[1]).

Ⴙ႖ႩႣ—ႳႨႡ. მეფე ვახტანგ და მისი შვილი ბაქარ და დედოფალი რუსუდან, ტფილისიდამ წარვიდნენ მოსკოვს, რუსეთის ჴელმწიფესთან, თიბათვის კ.

1724—412. Царь Вахтангъ, его сынъ Бакаръ и царица Русадана выѣхали изъ Тифлиса въ Москву къ русскому государю, іюня 20-го [2]).

Ⴙ႖ႩႣ—ႳႩႡ. რუსეთის ჴელმწიფე პეტრე ალექსის ძე მიიცუ̂ალა და მისი მეუღლე ეკატერინა გაჴელმწიფდა, ფებერვლის ივ.

1724—422 Русскій государь Петръ Алексѣевичъ умеръ, и его супруга Екатерина вступила на престолъ, февраля 16-го [3]).

Ⴙ႖ႪႣ[4])—ႳႩႡ. თამაზ-ხან მოვიდა, შამახია დაიჭირა, ჯარიმა გამოართო, წავიდა ყუმუხს, სურხავის ქუ̂ეყანა მოარბივა, გა-

1734 [4])—422. Тамазъ-Ханъ, придя, занялъ Шемаху, взыскалъ штрафъ, отправился въ Кумухъ, опустошилъ страну Сур-

---

ской горѣ къ 16-му апрѣля этого же года (Dates). См. также у Сехнія Чхеидзе (H. G. II, 2, p. 38).

[1]) Въ этомъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, Вахуштъ указываетъ приходъ турокъ. По Ганвею, 12-го іюня турки уже находились подъ стѣнами Тифлиса (H. G. II, 1, p. 123, n. 1).

[2]) По Вахушту, Вахтангъ VI выѣхалъ въ Россію 15-го іюля 1724 г. (Dates). Но Вахтангъ поѣхалъ въ Россію изъ Имеретіи черезъ Рачу, поэтому изъ Тифлиса онъ долженъ былъ выѣхать раньше.

[3]) Корониконъ этой даты указываетъ не 1724, а 1734 годъ. Чтобы согласовать его съ годомъ отъ Р. Х., слѣдовало поставить უიბ—412, но въ обоихъ случаяхъ дата невѣрна, потому что Петръ Великій умеръ, какъ извѣстно, 28 января 1725 г.

[4]) Начиная отсюда, въ оригиналѣ годы отъ Р. Х. на 10 лѣтъ отступаютъ отъ годовъ короникоНовъ.

მობრუნდა და განჯას გარ-მოადგა, ღვინობის-თვის ი.

хава и, вернувшись, окружилъ Ганджу, октября 10-го [1]).

ჩღლდ—უკბ. ტფილისის მელიქი აშხარ-ბეგ ისაყ ფაშამ ჩამოარჩო, ენკენის-თვის ი.

1734—422. Исакъ-Паша повѣсилъ тифлисскаго мелика Ашхаръ-Бека, сентября 10-го.

ჩღლზ—უკე. ქალაქიდამ ოსმალი გავიდა და ხანჯალ-ხანი შემოვიდა, მარიამობისთვეს.

1737—425. Осмалы (турки) ушли изъ Тифлиса, и вступилъ *туда* Ханджалъ-Ханъ, въ мѣсяцѣ августѣ [2]).

ჩღლზ—უკე. თამაზ-ხან მოვიდა ტფილისს ქალაქს, კ დღე დადგა, წაბძანდა ჭარზედ, შემდგომად შამახიას და დაღისტანს, ღვინობისთვეს.

1737—425. Тамазъ-Ханъ пришелъ въ городъ Тифлисъ, остался 20 дней, отправился на Дчаръ, затѣмъ—на Шемаху и Дагестанъ, въ мѣсяцѣ октябрѣ [3]).

ჩღლვ[4])—უკდ. თამაზ-ხან წაბძანდა მუღამში და იქ

1736[4])—424. Тамазъ-Ханъ отправился въ Мугань

[1]) Сехнія Чхеидзе указываетъ эти событія въ этомъ же году, при чемъ осаду Ганджи Тамазъ-Ханомъ относитъ тоже къ октябрю мѣсяцу, но числа не указываетъ (H. G. II, 2, p. 47). Этотъ же годъ указанъ и у Вахушта (Dates).

[2]) Вахуштъ указываетъ 1734 г. (H. G. II, 1, p. 130 и Dates).

[3]) Вахуштъ и Сехнія Чхеидзе указываютъ 1735 г. По словамъ послѣдняго, Шахъ-Тамазъ вступилъ въ Тифлисъ 6 октября 1735 г. и выѣхалъ изъ него 25-го числа того же мѣсяца (H. G. II, 1, p. 130; II, 2, p. 49—50). То обстоятельство, что за послѣдними двумя фактами слѣдуютъ факты 424 короникона или 1736 г. и такимъ образомъ нарушается хронологическая послѣдовательность—показываетъ, что тутъ, вмѣсто 423 (უკგ) короникона, ошибочно выставленъ 425 (უკე).

[4]) Въ оригиналѣ по ошибкѣ написано ჩუკვ—1826.

იქმნა ერანის ჴელმწიფედ, დაიდგა თავსა გჳრგჳნი და დაირჭო საჴელმწიფო ჯიღა, მარტის იბ.

и тамъ сдѣлался иранскимъ государемъ: надѣлъ на голову корону съ государственнымъ перомъ (султаномъ), марта 12-го [1]).

ჩღლვ—უკდ. შამახია აჰყარეს, ახსუს ციხეში ჩამოასხეს ქალაქის ქოჩი, მარტის ე.

1736—424. Выселили шемахійцевъ, городскихъ жителей (кочи) [2]) загнали въ крѣпость Ахоу, марта 5-го [3]).

ჩღლჱ—უკვ[4]). სპასალარი იბრეიმ ხან, ნ(ა)დირშას ძმა, წავიდა ჭარზედ, ჰადრიბეჟანის ლაშქრით და დამარცხდა, ზემო სანგარში იყო, ღვინობისთვის იჱ.

1738—426[4]). Спасаларъ Ибраимъ-Ханъ, братъ Надиръ-Шаха, отправился на Дчаръ съ адербейджанскимъ войскомъ и потерпѣлъ пораженіе; онъ былъ въ

[1]) Сехнія Чхеидзе и Вахуштъ указываютъ этотъ же годъ, только число мѣсяца у послѣдняго не 12-ое марта, а 9-ое. Ганвей указываетъ 11-ое марта (H. G. II, 1, p. 132, n 1; p. 404; II, 2, p. 50). По другимъ свѣдѣніямъ, Надиръ былъ объявленъ шахомъ Ирана 5-го февраля 1736 г. и короновался 26-го числа того же мѣсяца. (См. Кишмишевъ. Походы Надиръ-Шаха. Тифлисъ. 1889 г., стр. 101—102).

[2]) „Кочи" слово персидское; въ словарѣ Чубинова переводится какъ „кочевой", „кочующій народъ", но означаетъ еще: 1) передвиженіе лагеря, переселеніе, выселеніе куда-либо; 2) жена, дѣти, домочадцы, семья; 3) жители; 4) помощь, служба. Это слово въ нашемъ источникѣ встрѣчается нѣсколько разъ.

[3]) Сехнія Чхеидзе указываетъ этотъ же годъ (H. G. II. 2, p. 53), но Вахуштъ относитъ все это къ 1739 г. (Dates). См. также Буткова Мат. для Нов. Ист. Кавк. I, стр. 210, III, стр. 66. Гдѣ собственно Ибраимъ потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ, источники не даютъ опредѣленнаго указанія (H. G. II, 1, p. 133, n. 2).

[4]) Въ рукописи უკე—425.

Верхнемъ окопѣ, октября 18-го.

ႹႶႪႧ—ႳႩႦ. შაჰნადირის შვილმან შაჰთამაზის შვილი და მისი გუ̂არი და ნათესავნი სრულიად ამოსწყვიტა, მაისს ა.

1739—427. Сынъ Надиръ-Шаха *убилъ* сына Шахъ-Тамаза и совершенно уничтожилъ его фамилію и родственниковъ, мая 1-го [1]).

ႹႶႪႧ—ႳႩႦ. შაჰნადირმან ყანდაარი დაიჭირა ციხითურთ.

1739—427. Шахъ-Надиръ занялъ Кандагаръ съ крѣпостью [2]).

ႹႶႪႧ—ႳႩႦ. შაჰნადირ წაბძანდა ჰინდოეთზედ (sic). იქმნა დიდი ბრძოლა, და მძლეველმან კმლითა შაიჯანაბათი დაიპყრა.

1739—427. Шахъ-Надиръ отправился на Индію. Произошло большое сраженіе, и, побѣдивъ оружіемъ, Шахъ-Надиръ занялъ Шайджанабатъ [3]).

ႹႶႫ—ႳႩჁ. შაჰნადირ წაბძანდა ბუხარაზედ, ჰსძლო ძლიერად და ლანგთემურის სათვლავის ქვა

1740—428. Шахъ-Надиръ отправился на Бухару, одержалъ большую побѣду и взялъ лазуре-

---

[1]) Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (Dates).

[2]) Сехнія Чхеидзе указываетъ 4-ое марта 1738 г., и съ этимъ согласны и другіе источники (H. G. II, p. 53, n. 2). Окончательно персы овладѣли Кандагаромъ 16-го марта 1738 г. (Походы Надиръ-Шаха, стр. 144).

[3]) Сехнія Чхеидзе и другіе источники указываютъ этотъ же годъ (H. G. II, 2, p. 54, n. 2). 19-го марта Надиръ торжественно выѣхалъ въ г. Дели, или Шайджанабатъ, по другимъ—Шахджанабадъ (Походы Надиръ-Шаха, стр. 200. Мат. для Нов. Ист. Кавк., т. I, 209, III, 66—67).

ლაჯვ̂არდი წამოიღო, მკათათვის ა.

ჩღმ—ჳკჱ. სურხავის შვილი აღსუს ციხეზედ მოვიდა და მოასარა უყო, გამოვიდნენ აგაჯაჯში ყიზილ-ბაშნი. იქმნა ბრძოლა, და ყიზილბაშთ ლეკის ჯარი სრულიად მოსრეს, ღვინობისთვის ი.

ჩღმა—ჳკთ. შაჰნადირმან ბუხარა დაიპყრა და სამარყანდამდის ჯარი გაუსია, და ლანგთემურის საფლავის ქვ̂ა მახმად ხან ახალი ხან სარდარს გამოატანა და თურქმანის ლაშქარიც ოცი ათასი თან აახლო ამ ჟამში.

вый надгробный камень Лангъ-Темура (Тамерлана), іюля 1-го [1]).

1740—428. Сынъ Сурхава подошелъ къ крѣпости Ахсу и окружилъ [2]) *ее*. Кизилбаши (персы) пришли въ Агагаджъ. Произошло сраженіе, и кизилбаши совершенно уничтожили лезгинское войско, октября 10-го.

1741—429. Шахъ-Надиръ занялъ Бухару, напустилъ войска до Самарканда и выслалъ *домой* надгробный камень Лангъ-Темура черезъ сардаряМахмадъ-Ханъ-Ахали-Хана. въ то же время давъ ему въ сопровожденіе 20,000 туркменскаго войска [3]).

---

[1]). Походъ на Бухару дѣйствительно относится къ этому же году. 23-го августа Надиръ расположился лагеремъ въ 20-ти верстахъ отъ Бухары, эмиръ которой немедленно изъявилъ покорность (Походы Надиръ-Шаха, стр. 212. Матеріалы для Нов. Ист. Кавк. I, 208; III, 68).

[2]) მოასარა უყო (моасара уko—сдѣлалъ осаду). „Моасара“, или „моhасара“, слово арабскаго корня, вошедшее въ персидскій и турецкій языки и означающее осаду. Этого слова въ грузинскихъ лексиконахъ нѣтъ.

[3]) Объ этомъ событіи уже упомянуто въ предыдущемъ примѣчаніи. Повтореніе его здѣсь и другая варіація содержанія записи показы-

ႹႶႫႠ—ႳႩႧ. შაჰნადირ წაბძანდა ლეკზედ. მივიდა, კუმუხს დაჯდა და ავარს ჯარი გაუსივა და ლეკის დიდი ქოჩი წამოასხა, მარიამობისთჳს ივ.

1741—429. Шахъ-Надиръ отправился на лезгинъ; пришелъ и остановился въ Кумухѣ, напустилъ на аваровъ войско и забралъ большое количество лезгинскаго населенія, августа 16-го [1]).

ႹႶႫႡ—ႳႪ. იმამ ყული-ხან ქალაქსა ტფილისს ხანად დაჯდა, მელიქ ზურაბა და მისი შვილი ავთანდილ უდანაშაულოდ ჯოხის ცემით ორნივე ტფილისში დაკოცა.

1742—430. Имамъ-Кули-Ханъ сѣлъ ханомъ въ Тифлисѣ. Онъ безъ вины умертвилъ въ Тифлисѣ палочными ударами мелика Зураба и его сына Автандила [2]).

ႹႶႫႡ—ႳႪ. იქმნა ძრვა საშინელი. ერთსა შინა დღესა ექვს-გზის, და კახეთის სამეფოსა შინა პირველი სამღდელ-მთავრო ალავერდის ეკლე-

1742—430. Въ одинъ день семь разъ повторялось страшное землетрясеніе, и Алавердская церковь, первая епископская каѳедра въ Кахе-

---

вают, по нашему мнѣнію, что тотъ, кто сдѣлалъ сводъ хронологическимъ фактамъ въ нашей рукописи, взялъ упомянутыя записи изъ двухъ разныхъ источниковъ.

[1]) Вахуштъ и другіе источники оправдываютъ эту дату (H. G. II, 1, pp. 134, 405. Мат. для Нов. Ист. Кавк. III, 70—74. Походы Надиръ-Шаха, стр. 214—216).

[2]) Дѣло идетъ, вѣроятно, о Хоросанскомъ Имамъ-Кули-Ханѣ, который, по извѣстію историка Папуны Орбеліани, пришелъ наибомъ въ Карталинію въ 1740 г. (H. G. II, 2, p. 57). Объ его поступкѣ съ меликомъ Зурабомъ и его сыномъ другіе источники ничего не говорятъ. Въ „Гуджарѣ Баратовыхъ изъ Бетаніи“ Имамъ-Кули-Ханъ носитъ прозвище сумасшедшаго хана и, судя по нашему извѣстію, не даромъ. (Записки Вост. Отд. Им. Русск. Арх. Общ., т. VIII, стр. 118).

სია დაიქცა, და დიდოს სოფელიც დაიღუპა, მთვარის ოთხს, მკათათვის კდ, ვართევურის შაბათს დღეს.

тинскомъ царствѣ, была разрушена, и селеніе Дидо погибло, въ 4-ый день луны, іюля 24-го, въ день субботній Вартевура (Преображенія) [1].

ჩღმგ—ულა. შაჰნადირ დაღისტნიდამ გამობრუნდა და წარვიდა, ქალათის ციხე დაიჭირა, მიადგა მუსულს, რომელ-არს ნინევი, ციხე შემოსაფრა, მრავალი ფეშქაში გამოართო, გამობრუნდა, იმამ ჰუსეინს ზიარათი ჰქმნა.

1743—431. Шахъ-Надиръ вернулся изъ Дагестана и, отправившись, занялъ Калатскую крѣпость, подошелъ къ Мосулу, что — Ниневія; окружилъ крѣпость, взялъ многочисленные подарки и, повернувъ, пошелъ на поклоненіе [2]) Имаму Усейну [3]).

---

[1]) Вахуштъ (Dates) и Папуна Орбеліани указываютъ эту же дату, при чемъ послѣдній относитъ это явленіе къ августу мѣсяцу, но прибавляетъ, что землетрясеніе продолжалось 40 сутокъ (H. G. II. 2, p. 67). Слово ვართევურ (Вартевуръ) равняется армянскому „Вардаваръ"— Преображеніе (дословно—праздникъ розъ). Преображеніе у армянъ подвижной праздникъ, который тѣмъ не менѣе всегда падаетъ на воскресный день. Значитъ, землетрясеніе происходило наканунѣ армянскаго Преображенія.

[2]) ზიარათი ჰქმნა (зіарати hкмна—сдѣлалъ зіарати). „Зіарати" слово арабскаго корня, означаетъ посѣщеніе святыхъ мѣстъ, поклоненіе святому. Этого слова нѣтъ въ грузинскихъ лексиконахъ. Имамъ Усейнъ— святой Кербалы, особенно чтимый шіитами.

[3]) Вахуштъ тоже указываетъ на этотъ годъ (H. G. II, 1, pp. 135, 405). Въ другихъ источникахъ—1744 г. (Походы Надиръ-Шаха, стр. 216).

ჩღმვ — ულდ. შამახიაში მყოფნი ლაშქარნი შაჰნადირისანი უკუუდგნენ შაჰნადირს, ცხვირ-მოჭრილი ყაენის შვილი გამოიყვანეს, დასვეს და შამახია დაიპყრეს. ამასვე წელსა იქმნა ბრძოლა. მრავალი მოლაშქრე მოისრა, ნასრულა მირზა, შაჰნადირის შვილი, ხორასნიდამ მოვიდა, ისევ შამახია დაიჭირა.

1746—434. Войска Шахъ-Надира, находящіяся въ Шемахѣ, отложились отъ него. Они привели шахскаго сына, у котораго носъ былъ отрѣзанъ, поставили его *шахомъ* и заняли Шемаху. Въ этомъ же году была борьба. Много воюющихъ погибло. Насрула-Мирза, сынъ Шахъ-Надира, пришелъ изъ Хорасана и опять завоевалъ Шемаху [1]).

ჩღმზ — ულე. ოსმალოიდამ უსუფ-ფაშამ ხაზინა მოიტანა, დაღისტანში გასაგზავნად, არაგვის-პირს ირაკლი მეფემან შეუკრა გზა. დააყრევინეს, და უკანვე გაბრუნდნენ ოსმალნი ახალ-ციხეს, თიბათვის ი.

1747—435. Усупъ-Паша привезъ казну изъ Турціи съ тѣмъ, чтобы послать ее въ Дагестанъ. Царь Ираклій преградилъ ему путь на берегу Арагвы *и* отбилъ *ее*. Турки вернулись назадъ въ Ахалцихъ, іюня 10-го [2]).

ჩღმზ — ულე. თამარ დედოფალი, მეფის ირაკლის

1747—435. Царица Тамара, мать царя Ира-

---

[1]) Ганвей указываетъ этотъ же годъ. Папуна Орбеліани даетъ нѣкоторыя подробности этого событія (H. G. II, 2, p. 77, n. 4).

[2]) Вахуштъ и Папуна Орбеліани относятъ все это къ 1744-му году (H. G. II, 1, pp. 135—136, 405; II, 2, p. 83—84).

მეორის დედა, მიიცვალა, აპრილის იგ.

კლія II, умерла апрѣля 13-го [1]).

ႹႶႫႦ—ႳႪႤ. ტფილისის ქალაქიდამ არბაბის შემოგდებით აყრა მოხდა და წარსჳლა ანანურს, ფებერვლის ი.

1747—435. Вслѣдствіе установленія *подати* „арбаби“, *населеніе* поднялось изъ Тифлиса и отправилось въ Анануръ, февраля 5-го [2]).

ႹႶႫႦ—ႳႪႤ. მეფე თეიმურაზ წაბძანდა მაშათს შაჰნადირის კარზედ.

1747—435. Царь Теймуразъ отправился въ Мешедъ, ко двору Шахъ-Надира [3]).

ႹႶႫႦ—ႳႪႤ. შაჰნადირს მაშათის ქოჩში თავისი ღამის მცჳ̂ელნი, ჰამაშა კეშიკები, დაესხნენ და ღამით ხმლით დაკაფეს, და

1747—435. На Шахъ-Надира въ лагерѣ Мешеда напали ночью свои же караульные, „hамаша-кешики“ [4]), и изру-

---

[1]) Вахуштъ и Папуна Орбеліани относятъ смерть Тамары къ 1746 г. Тамара похоронена въ Мцхетѣ, и эпитафія гласитъ, что она умерла въ субботу 12 апрѣля, въ 3 часа, 1746 г. (Brosset. Voyage arch. 1-er Rapp. p. 26. H. G. II, 2, p. 107, n. 2. Въ послѣднемъ примѣчаніи Броссе днемъ смерти считаетъ 13-ое апрѣля, согласно нашему извѣстію).

[2]) Вахуштъ (Dates), Папуна Орбеліани и Оманъ Мдивани относятъ требованіе этой подати къ этому же году. Царевичъ Давидъ ошибочно относитъ этотъ фактъ къ 1745 г. Подробнѣе всѣхъ объ этомъ говоритъ Папуна Орбеліани (H. G. II, 2, pp. 115—117, 210, 229).

[3]) Всѣ авторы, упомянутые въ предыдущемъ примѣчаніи, кромѣ царевича Давида, согласны съ этою датою. По извѣстію Папуны, Теймуразъ выѣхалъ изъ Тифлиса 10-го мая (H. G. II, 2, pp. 118, 210, 229).

[4]) „hамаша-кешики“ означаетъ по-персидски постоянную стражу, тѣлохранителей.

შაჰნადირის მკედრობა განითვანტა, თიბათვის კ.

ႹႶႫႦ—ႳႪႤ. ადილშაჰ დაჯდა კელმწიფედ, შაჰნადირის ძმის წული, რომელსა პირველ ეწოდა ალი ყული ხან, ხოლო შაჰნადირის შვილი რიზა ყული მირზამ დაიპყრა ხორასანს ქალათი და დაჯდა ყაენად, და მეფე თეიმურაზ იმის დროს წაბრძანდა მაშათისაკენ და ცოცხალი ვერ ნახა ადილშამ, რაცა შაჰნადირის შვილები იყო, ყოველივე დაჰკოცა და თვით იქმნა ყაენად სრულიად ერანისა.

ႹႶႫჁ—ႳႪႥ. ალი ხანმან ჯარი შეჰყარა განჯიდამ ტფილისის ქალაქის დასაპყრობლად. ტფილისიდამ ჯარი გავიდა საომრად, ოქრო-ყანის თავ-

били въ куски. Войско Шахъ-Надира разсѣялось, іюня 20-го [1]).

1747—435. Государемъ сдѣлался Адилъ-Шахъ, племянникъ Шахъ-Надира, котораго прежде звали Риза-Кули-Ханомъ. Сынъ Шахъ-Надира, Риза-Кули-Мирза, занялъ въ Хоросанѣ Калатъ и сдѣлался шахомъ. Царь Теймуразъ въ его время направился къ Мешеду, но не засталъ его въ живыхъ: Адилъ-Шахъ умертвилъ всѣхъ сыновей Шахъ-Надира и самъ сдѣлался шахомъ всего Ирана.

1748—436. Желая завоевать городъ Тифлисъ изъ Ганджи, Али-ханъ собралъ ополченіе. Изъ Тифлиса войско выступило на бой.

[1]) По другимъ извѣстіямъ, Шахъ-Надиръ былъ убитъ 23 іюня 1747 г. Подробности объ его смерти собраны у Броссе изъ разныхъ источниковъ (H. G. II, 2, 119, n. 2). Но скорѣе вѣроятно, что 23 іюня только узнали въ Испагани о смерти Надира (Походы Надиръ-Шаха, стр. 221).

ზედ იქმნა ბრძოლა. ალიხანის ჯარი დამარცხდა, მრავალთ თავი მოჰკჳჱთეს, და ტფილისსა შინა მრავალი შეპყრობილი მოასხეს.

Битва произошла надъ Окроканами. Войско Хана потерпѣло пораженіе. У многихъ отрѣзали головы, а многихъ, взятыхъ въ плѣнъ, пригнали въ Тифлисъ [1].

ჩღმჱ — ულვ. აბდულა-ბეგ წავიდა განჯას, ბარდისთავში ემირ ასლან ხან სარდრიდამ ხუთი ათასი კაცი წარმოა(ს)ხა ყიზილბაშის ჯარი და მოადგა ქალაქსა ტფილისს. ტფილისიდამ ქჳჱვითი ჯარი გავიდა, გორხანის თავზედ ხუთი დიდი თიფი ყიზილბაშის დაამარცხეს. ტფილისის ჯარმან გაიმარჯჳა, ტფილისელი კაცი ორი მოკჳდა, ერთი დაიჭრა. იმათის ჯარიდამ ათას შვიდასი კაცი დაიხოცა: ზოგი მოკჳდა, ზოგი ცოცხალი დაიჭირეს, და მე-

1748—436. Абдулъ-Бегъ поѣхалъ въ Ганджу. Изъ Барды отъ сардаря Эмиръ-Асланъ-Хана взялъ пять тысячъ кизилбашскаго войска и подступилъ къ городу Тифлису. Изъ Тифлиса выступило пѣшее войско. Надъ Горханами пять большихъ кизилбашскихъ полковъ (тифи) [2]) были разбиты. Тифлисскія войска одержали верхъ. Изъ тифлисцевъ было убито два человѣка, раненъ одинъ. Изъ ихъ (непріятельскаго) войска

[1]) Объ этомъ болѣе подробно говоритъ Папуна Орбеліани (H. G. II, 2, p. 123).

[2]) „Тифи" слово персидское; въ лексиконахъ не встрѣчается, но, по словамъ профессора В. Жуковскаго, „тифъ" на бахтіарскомъ нарѣчіи означаетъ „горсть воиновъ конныхъ или пѣшихъ" (см. Матеріалы для персидскаго языка). Сложное слово—„серъ-тифъ" по-персидски означаетъ „начальника войска, полковника".

ფემან ირაკლიმ დაჭე-რილთა მურახასი უყო და თავიანთ ქჳეყანაში გაუშჳა, ბზობის პარას-კევი დღე იყო, აპრილის ა.

погибло 1700 человѣкъ. Нѣкоторые были уби-ты, другіе взяты живы-ми. Плѣнникамъ царь Ираклій оказалъ поми-лованіе [1]) и отправилъ въ ихъ страну. Была пятница Вербной недѣ-ли, 1-ый день апрѣ-ля [2]).

ჩღნა—ულთ. მეფე თეიმუ-რაზ და მეფე ერეკლე ჭარზედ წავიდნენ საბრ-ძოლად, ჭარიდამ ჰაჯი ჩალაბზედ, ჰაჯი ჩალაბ-მან მეფენი დაამარცხა, ამის მიზეზით, რომ მე-ფეთ ჯარი დიდი იყო და დიდს ჯარს თავი ვერ დაუჭირეს. ქართველნი და კახნი ოთხი ათასი დააკლდა, ზოგი მო-კჳდა, ზოგი ალაზანმა მოაშთო, ზოგი ცოცხა-ლი დაიჭირეს, ყველი-

1751—439. Царь Теймуразъ и царь Ираклій отправились воевать на Дчаръ, изъ Дчара—съ Аджи-Чалабомъ. Аджи-Чалабъ разбилъ царей по той причинѣ, что у царей было большое войско и съ большимъ войскомъ они не справились. Карталинцы и кахетинцы потеряли 4000 человѣкъ: нѣкоторые были убиты, другіе утонули въ Алаза-

---

[1]) მურახასი უყო („мурахаси уко). „Мурахаси“ слово арабскаго корня, въ словарѣ Чубинова переведено какъ „отпускъ, увольненіе“, но можетъ означать еще „снисхожденіе“, „разрѣшеніе“, „дозволеніе“, „помилованіе“.

[2]) Объ этомъ событіи упоминаютъ Папуна Орбеліани и царевичъ Давидъ, но у нихъ нѣтъ подробностей, какія указываются здѣсь (H. G. II, 2, pp. 123, 129—130).

ერის ოთხშაბათი დღე იყო, ფებერვლის ია.

ни, а нѣкоторые были взяты живыми. Была среда масленицы, 11-ый день февраля [1]).

ჩღნა—ულთ. მეფე ირაკლი ერევანს წაბძანდა, ავღა-ნი აზატ-ხან თავრიზი-დამ ერევანს მოვიდა, იქმნა ომი ძლიერი, აზატ-ხან დამარცხდა, აზატ-ხან ნახჩევნისაკენ გაიქ-ცა, მკათათვის კჱ.

1751—439. Царь Ираклій отправился въ Эривань. Къ Эривани же подступилъ изъ Тавриза афганецъ Азатъ-Ханъ. Сраженіе было сильное. Азатъ-Ханъ потерпѣлъ пораженіе *и* бѣжалъ по направленію къ Нахичевани, іюля 28-го [2]).

ჩღნბ—უმ. მეფე თეიმუ-რაზ და მეფე ერეკლე ტფილისიდამ ლაშქრით განჯას წაბძანდნენ. [გან-ჯ]ის ხანი შავერდი ხან ციხიდამ მრავლის ფეშ-ქაშით მიეგება და მეფე-ნი ნახა, ეგრეთჳჱ ყარა-

1752—440. Царь Теймуразъ и царь Ираклій отправились съ войскомъ изъ Тифлиса въ Ганджу. Ханъ ганджійскій Шаверди-Ханъ, выйдя изъ крѣпости, встрѣтилъ царей съ

---

[1]) Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (Dates). Папуна Орбеліани и Оманъ Мдивани даютъ подробности этого событія, но хронологія ихъ едва ли вѣрна, ибо первый упоминаетъ объ этомъ подъ 1750 годомъ, а второй подъ 1752 (H. G. II, 2, pp. 159, 212).

[2]) Относительно хронологіи и подробностей тутъ мы должны замѣтить то же самое, что и въ предыдущемъ примѣчаніи (H. G. II, 2, pp. 160, 212—214). Этотъ годъ указывается и въ надписи на колоколѣ въ Итріи, близъ Сурама. Колоколъ пожертвованъ Итрійской церкви 16-го августа 1751 г. Давидомъ Чхеидзе, пріобрѣвшемъ его въ упомянутомъ походѣ (см. „Три историческія хроники“, изданныя мною на грузинскомъ языкѣ, стр. XXVI—XXVII).

დაღის ბრმა ქაზუმ-ხან და შუშის ხანი ფა[ნახან] [ფეშქ́] შ [ე] ბ [ი] თ მეფეები ნახეს. ამ ხანებს უნდოდათ მეფათათვის ჰაჯი ჩალაბი შეერიგებინათ. მეფეებს ეგონათ ამ ხანებს პირობა და შეერთება ჰაჯი ჩალაბთან აქუსთო, ამისთვის ეს ხანები სულ დაიჭირეს და კელ-ხუნდით შებორკილეს და გაძარცვეს, მარტის კა.

многочисленными подарками и видѣлся съ ними. Посѣтили также царей [съ подарками] слѣпой Камузъ-Ханъ карадагскій и шушинскій Пана-Ханъ. Эти ханы хотѣли примирить царей съ Аджи-Чалабомъ. Цари же полагали, что названные ханы условились соединиться съ Аджи-Чалабомъ, и поэтому всѣхъ этихъ хановъ схватили, связали по рукамъ кандалами и ограбили, марта 21-го.

ჩღნბ—უმ. ფანა-ხანის შვილი ჰაჯი ჩალაბთან წავიდა განჯას, ჯარი მოიყვანა, შეიქნა ომი, მეფეთ ნუხიდამ მოყვანილი ჯარი არად ჩააგდეს და ურიგოდ შეებნენ, და დამარცხდენ მეფენი. მეფეთ ლაშქარი მეფეებით ტფილისს წამოვიდნენ, და დატუსაღებული ხანებიც განჯას ჰაჯი ჩალაბთან წავიდნენ, აღდგომის შაბათი დღე იყო, ტფილისელ-

1752—440. Сынъ Пана-Хана отправился къ Аджи-Чалабу и привелъ войско въ Ганджу. Произошла битва. Цари ни во что не ставили приведенное изъ Нухи войско, въ безпорядкѣ вступили въ бой и потерпѣли пораженіе. Царскія войска вмѣстѣ съ царями вернулись въ Тифлисъ, а ханы, бывшіе въ плѣну, отправились въ

ნი მოქალაქენი სავაჭროდ განჯას იყჳნენ, და ჰაჯი ჩალაბის კაცთ აიკლეს, მარტის კჱ.

Ганджу къ Аджи-Чалабу. Была суббота Пасхи. Тифлисскіе мокалаки (купцы) находились въ Ганджѣ съ торговыми цѣлями и подверглись ограбленію со стороны людей Аджи-Чалаба, марта 28-го [1]).

ჩღნბ—უმ. მეფე ირაკლი ჩერქეზში წაბძანდა ჩერქეზის ჯარის გარდმოსაყვანად, მკათათვის ი.

1752—440. Царь Ираклій отправился въ Черкесію, чтобы привести черкесское войско, іюля 10-го.

ჩღნბ—უმ. ჰაჯი ჩალაბის შვილი ალა-ქიში რომ ლაშქრით ბაიდარს მოვიდა, მკათვის ი.

1752—440. Сынъ Аджи-Чалаба, Ага-Кишъ, пришелъ съ войскомъ въ Байдаръ, іюля 10-го.

ჩღნბ—უმ. მეფე ერეკლე რომ ჩერქეზიდამ მობძანდა ჯარით ტფილისს, ჰაჯი ჩალაბის [შვი]ლი დაამარცხა, ენკენისთვის გ.

1752—440. Царь Ираклій, вернувшись въ Тифлисъ изъ Черкесіи съ войскомъ, побѣдилъ сына Аджи-Чалаба, сентября 3-го [2]).

---

[1]) Событія этихъ двухъ параграфовъ у Вахушта (Dates) и Папуны Орбеліани показаны подъ этимъ же годомъ, а у Омана Мдивани подъ 1753 годомъ. Послѣдніе два современника подробно касаются этихъ событій и намѣреніе хановъ измѣнить считаютъ доказаннымъ (H. G. II, 2, pp. 165—168; 214—215).

[2]) Папуна Орбеліани приходъ Ага-Киша въ Байдаръ и побѣду надъ нимъ Ираклія относитъ къ этому же году, а Оманъ Мдивани—къ 1753 г. (Ibid. pp. 171—173, 215).

(ჩღნე)—უმგ. მეფე ირაკლიმ პატრების ეკლესია ქართჳელთ მღჳდელთ მისცა, პატრნი ტფილისით გაყარეს და ფრანგთ ბევრი ჯარიმა წაართჳეს. ეს საქმე იმისთვის მოხდა, რომ ანტონი კათალიკოსი მოაქცთუნეს და გააფრანგეს, კათალიკოსი მღჳდელ-მთავრობიდამ დაამხვეს და რუსეთს განაძეს, გიორგობის ია.

(1755)[1]—443. Царь Ираклій отдалъ патерскія церкви грузинскимъ священникамъ; патеровъ выслали изъ Тифлиса, а съ католиковъ взяли много пени. Это случилось потому, что они (патеры) совратили въ латинство католикоса Антонія. Католикосъ лишенъ былъ сана архипастырства и отправленъ въ Россію, ноября 11-го [2]).

(ჩღჲ)—უმჱ. მეფე თეიმურაზ ტფილისიდამ რუსეთს წაბრძანდა, რათა მუნიდამ ჯარი გარდმოიყჳანოს და ლეკის აოხრებისაგან ქართლი და კახეთი გამოიხსნას, აპრილს ა.

(1760)—448. Царь Теймуразъ поѣхалъ изъ Тифлиса въ Россію, чтобы оттуда привести войско и спасти Карталинію и Кахетію отъ опустошенія лезгинъ, апрѣля 1-го [3]).

(ჩღჲა)—უმთ. მეფე თეიმურაზ მიიცჳალა მოსკოვს, ქრისტეშობის თ.

(1761)—449. Царь Теймуразъ умеръ въ Москвѣ, декабря 9-го [4]).

---

[1]) Начиная отсюда, годы отъ Р. X. въ оригиналѣ не указаны, поэтому мы ихъ ставимъ въ скобкахъ.

[2]) Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (Dates), и другіе источники согласны съ этимъ (H. G. II, 2, p. 234).

[3]) Этотъ же годъ показанъ у Омана Мдивани и у другихъ авторовъ (Ibid. pp. 218, 236).

[4]) Теймуразъ умеръ въ Петербургѣ 8 января 1762 г. (H. G. II, 1, p. 635; II, 2, p. 236).

(ჩღჲჱ)—ფნვ. აღა-მელიქი მიიცვალა, ენკენისთვის იჱ.

(1768)—556. Ага-Меликъ умеръ, сентября 18-го.

(ჩღჟა)—უოთ. მაჰმად-ასან-ხანის შვილი აღამამად ხან მოვიდა მუშკაბარს. ჰადრიბეჯანის ხანები მიეგებნენ ფეშქაშით, ენკენისთვის კე.

(1791)—479. Ага-Махмадъ-Ханъ, сынъ Махмадъ-Асанъ-Хана, пришелъ въ Мушкабаръ. Адербейджанскіе ханы встрѣтили *его* съ подарками, сентября 25-го [2]).

(ჩღჟა)—უოთ. ფანახანის შვილი იბრეიმ ხან, და ომარ-ხან ლეკის ჯარით ნახჩევანზედ მოვიდნენ და დამარცხდენ, გიორგობის კა.

(1791)—479. Ибреимъ-Ханъ, сынъ Пана-Хана, и Омаръ-Ханъ съ лезгинскимъ войскомъ пришли на Нахичевань, но потерпѣли пораженіе, ноября 21-го [3]).

IV.

Приводимый ниже хронологическій перечень фактовъ имѣется въ видѣ приписокъ скорописью „мхедрули“ на переплетѣ одного кондака (требника) [4]). Такъ какъ большинство фактовъ, упоминаемыхъ въ нашемъ источникѣ, мы встрѣчали раньше, то разбирать ихъ въ примѣчаніяхъ не будемъ. Перечень обнимаетъ фак-

---

[2]) Объ этомъ см. H. G. II, 2, p. 259 и Мат. для Нов. Ист. Кавк. II, 318.

[3]) Объ этомъ упоминается у Буткова подъ 1792 г., но по другому извѣстію, тамъ же приведенному, это было въ мартѣ 1791 г. (Мат. для Нов. Ист. Кавк., II 318—319, 319, прим. 1-ое).

[4]) Кондакъ этотъ принадлежитъ священнику В. Карбелову, который обязательно списалъ и доставилъ мнѣ этотъ перечень.

ты, отъ 1728 по 1828-ой годъ. Годы отъ Р. Х. мы выставляемъ въ грузинскомъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ въ началѣ фразъ, хотя въ оригиналѣ они имѣются въ концѣ. Букву ქ въ началѣ каждой записи мы и здѣсь выкидываемъ. Кромѣ того, факты располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

ႹႶႩჁ. ჩიხორის ომი იყო.	1728. Была Чихорская битва.
ႹႶႬႠ. მეფე ალექსანდრე მიიცვალა.	1751. Царь Александръ умеръ.
ႹႶႬႡ. ბაზალეთის ომი იყო.	1752. Была Базалетская битва.
ႹႶႬႥ. ხრესილის ომი იყო.	1756. Была Хресильская битва.
ႹႶჂ. დალამება ყოფილა ერთს საათს.	1760. Было затменіе солнца на цѣлый часъ.
ႹႶჂႡ. ქუთაისი აიღო მეფე სოლომანმა და განსდევნა თათარნი.	1762. Царь Соломонъ взялъ Кутаисъ и прогналъ турокъ.
ႹႶჂႧ. რუხვს ომი იყო აფხაზთა.	1769. Въ Рухвѣ была битва съ абхазцами.
ႹႶႭႢ. ჩხერის ომი იყო, იანვრის ლა.	1773. Была Чхерская битва, января 31-го.
ႹႶႭႥ. იოსებ კათალიკოზი მიიცვალა, მაისის იზსა.	1776. Католикосъ Іосебъ умеръ, мая 17-го.
ႹႶႭႥ. გიორგი ბატონიშვილი მიიცვალა.	1776. Царевичъ Георгій умеръ.
ႹႶႮႤ. დიდი მეფე სოლომან მიიცვალა, აპრილის კგ-სა.	1785. Великій царь Соломонъ умеръ, апрѣля 23-го.

ႹႶႮႦ. ვახანის ციხე აიღო კუნძახმა ლეკმა.	1787. Лезгинъ Кундзахъ взялъ крѣпость Вахань.
ႹႶႮႧ. მეფე დავითის ძე კონსტანტინე იშვა, ივლისის დ-სა.	1789. Родился Константинъ, сынъ царя Давида, іюля 4-го.
ႹႶႯႥ. მეფე დავით მიიცვალა ახალციხეს, იანვრის იბ-სა.	1796. Царь Давидъ умеръ въ Ахалцихѣ, января 12-го.
ႹႶႯႥ. ტფილისის ქალაქი აღაოხრა ხოჯა ხანმა.	1796. Ходжа-ханъ опустошилъ Тифлисъ.
ႹႶႯჁ. მეფე ერეკლე მიიცვალა.	1798. Царь Ираклій умеръ.
ႹႷ. მისი ძე მეფე გიორგი მიიცვალა.	1800. Сынъ его (Ираклія) царь Георгій умеръ.
ႹႷႤ. დოსითეოზ მიტრაპოლიტი ქუთათელი მიიცვალა.	1805. Митрополитъ - кутатель Доситеозъ умеръ.
ႹႷႩႡ. გენათელი მიტროპოლიტი ევთიმე მიიცვალა.	1822. Митрополитъ - генатель Евфимій умеръ.
ႹႷႩႡ. მთავარ ეპისკოპოზი ანტონი მიიცვალა.	1822. Архіепископъ Антоній умеръ.
ႹႷႩႢ. სახლთ-ხუცესი წერეთელი ზურაბ, მეუღლე მისი თამარი, დადიანის ასული, და მათი ასული ქეთევან, მეფე ერეკლის რძალი, მიიცვალნენ ორის თვის განმავლობაში.	1823. Сахлтъ-хуцесъ Зурабъ Церетели, супруга его Тамара, урожденная Дадіани, и дочь ихъ Кетевана, невѣстка царя Ираклія, умерли въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.
ႹႷႩჁ. ახალ-ციხე აიღო პასკევიჩმა, აგვისტოს იე-სა.	1828. Паскевичъ взялъ Ахалцихъ, августа 15-го.

V.

Помѣщенный ниже перечень событій написанъ на полъ-листѣ синей бумаги скорописью гражданскаго письма и касается преимущественно событій XVIII—XIX вв., большею частью уже намъ извѣстныхъ изъ предыдущихъ источниковъ. Нѣсколько записей въ началѣ имѣютъ въ виду хронологическіе факты болѣе древняго періода исторіи Грузіи, но извѣстія этихъ записей въ общемъ согласны съ извѣстіями грузинскихъ лѣтописей, откуда, по всей вѣроятности, онѣ и взяты. Годы отъ Р. Х. и здѣсь мы выставляемъ въ началѣ записей; въ рукописи же они приведены въ концѣ [1]).

ჳმვ. ვახტანგ გორგასლან ხოსროიანი მეფობდა.	446. Вахтангъ Горгасланъ Хосроидъ царствовалъ.
ჩკზ. მეფე ყოვლისა საქართველო - იმერეთისა ბაგრატ კურატ (sic) იყო.	1027. Царь всей Карталиніи и Имеретіи Багратъ куропалатъ былъ (т. е. началъ царствовать).
ჩპთ. მეფე დავით აღმაშენებელი გამეფდა.	1089. Царь Давидъ возобновитель сдѣлался царемъ.
ჩრლ. ეს დავით აღმაშენებელი გარდაიცვალა.	1130. Этотъ Давидъ Возобновитель умеръ.
ჩროა. თამარ მეფე იქმნა მეფედ.	1171. Царица Тамара воцарилась.
ჩრჟჱ. გარდაიცვალა ესეცა.	1198. Она (Тамара) умерла.

[1]) Рукопись передана мнѣ сослуживцемъ моимъ А. В. Кутателадзе, которому и приношу свою благодарность.

ჩსმგ. საქართველოს და იმერეთის მეფობა გაიყო.	1243. Карталинское и Имеретинское царства отдѣлились другъ отъ друга.
ჩტკჱ. კონსტანტინეპოლის ქალაქი აიღო მახმუდ სულტანმან.	1328. Султанъ Махмудъ взялъ городъ Константинополь.
ჩფ. საათაბაგო დაიპყრეს ოსმალოთა და გაათათრეს.	1500, Турки (Османы) покорили Саатабаго и омусульманили ее.
ჩღლა. ჩიხორის ომი იყო.	1731. Была Чихорская битва.
ჩღლა. ხრესილის ომი იყო.	1731. Была Хресильская битва.
ჩღნ მეფე ალექსანდრე მიიცვალა.	1750. Царь Александръ умеръ.
ჩღჲ. მზე დაბნელდა.	1760. Случилось затменіе солнца.
ჩღჲთ. რაჭის ერისთავი დაიჭირა მეფე სოლომონმა.	1769. Царь Соломонъ взялъ въ плѣнъ рачинскаго эристава.
ჩღო. ქუთაისის ციხე აიღო მეფე სოლომონმა.	1770. Царь Соломонъ взялъ Кутаисскую крѣпость.
ჩღოგ. ჩხერის ომი იყო.	1773. Была Чхерская битва.
ჩღოვ. კათალიკოზ იოსებ მიიცვალა.	1776. Католикосъ Іосифъ умеръ.
ჩღოჱ. დედოფალი მარიამ მიიცვალა.	1778. Царица Марія умерла.
ჩღპ. რუხვის ომზე გაიმარჯვა მეფე სოლომონმა.	1780. Царь Соломонъ одержалъ побѣду въ Рухвской битвѣ.

ჩღპდ. მეფე სოლომონ პირ-ველი მიიცვალა.	1784. Царь Соломонъ I умеръ.
ჩღპთ. არჩილის ძე მეფე სო-ლომონ გამეფდა.	1789. Царь Соломонъ II, сынъ Арчила, сдѣлался царемъ.
ჩღჟდ. მარსილზედ დაესხნენ იმერლები აფხაზთა.	1794. Имеретины напали на абхазовъ въ Марсилѣ.
ჩღჟე. ხოჯა-ხან ყეენმან მოა-ოხრა ტფილისი.	1795. Шахъ Ходжа-ханъ (каджаръ) опустошилъ Тифлисъ.
ჩღჟჱ. მეფე ირაკლი მიიც-ვალა.	1798. Царь Ираклій умеръ.
ჩღჟთ. ქაიხოსრო გელოვა-ნი მოკლეს.	1799. Убили Геловани Кай-хосро.
ჩყა. მეფე გიორგი მიიცვა-ლა ქალაქსა.	1801. Царь Георгій умеръ въ Тифлисѣ.
ჩყბ. ლეჩხუმი აიღო მეფე სოლომონმა.	1802. Царь Соломонъ взялъ Лечхумъ.
ჩყე. რაჭას მომსვრელი სე-ნი იყო.	1805. Въ Рачѣ была по-вальная болѣзнь.
ჩყი. იმერეთი დაიპყრეს რუსეთის მთავრობამ.	1810. Русское правитель-ство завладѣло Име-ретіей.
ჩყიბ. ბონაპარტე შევიდა მო-სკოვში და განიდენა რუსთაგან.	1812. Бонапартъ вступилъ въ Москву, но былъ прогнанъ русскими.
ჩყიდ. მეფე მეორე სოლო-მონ მიიცვალა ტრა-პიზონს.	1814. Царь Соломонъ II умеръ въ Требизонтѣ.
ჩყკჱ. მთავარ მმართებელის მოადგილე სიპიაგინი მიიცვალა.	1828. Замѣститель главна-го начальника, Сипя-гинъ умеръ.

ჩყკჱ.	ახალციხე დაიპყრეს რუსთა.	1828.	Русскіе заняли Ахалцихъ.
ჩყნგ. ჩყნდ. ჩყნე.	ოთხნი ხელმწიფენი ერთად მოადგენ დიდსა კელმწიფესა ნიკოლაოზს და სამ წელ ბრძოდენ და ვერაფერი მოაკლეს, ხოლო მან მიუღო ყარსი.	1853 1854 1855	Четыре государя вмѣстѣ ополчились противъ великаго царя Николая и три года воевали, но никакого ущерба не могли причинить, а онъ (Николай) взялъ Карсъ.

Е. Такай-швили, уч. III Тиф. гимназіи.

20 октября
1893 г., г. Тифлисъ.

Два акта католикоса Доментія III, данные въ Константинополѣ.

Первый изъ предлагаемыхъ актовъ принадлежитъ фамиліи Гедевановыхъ, второй фамиліи Тлашедзевыхъ. Актъ Гедевановыхъ написанъ на прекрасной бумагѣ съ золотымъ бордюромъ красивыми гражданскими буквами — „мхедрули“ и черными чернилами. Въ началѣ акта нарисованъ католикосскій гербъ, поддерживаемый двумя ангелами. Вокругъ рисунковъ цвѣты. Первая строчка акта представляетъ замысловатую вязь. Часть вязи, которую мы могли разобрать, гласитъ въ переводѣ: „Доментій съ Божіею помощью католикосъ-патріархъ...“ Далѣе приводится текстъ акта. Знаками препинанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ служатъ по три точки, а передъ и послѣ числовыхъ букъвъ по двѣ точки. Знаки оригинала мы сохраняемъ, но къ нимъ, гдѣ нужно, добавляемъ запятыя. Актъ Тлашадзевыхъ написанъ на бумагѣ тоже гражданскими буквами и черными чернилами. Разбираемые акты интересны тѣмъ, что даютъ довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о католикосѣ Доментіи III и указываютъ лицъ, которые сопровождали его въ Константинополь.

გაარე შემოუწერელო სიბრძნეო და სიმტკიცეო, ღ̃თისა სიტყუაო, მამის თანა განსვენებულო და ქვეყანასა ზედა ბუნებისა მიწისაგანისა თანა კაცთ მოყვარებით შობილო დედისაგან უქორწინებულისა, სიმდაბლით ცისა მომდრეკე-

ლოჲ და ქვე თბეთა ნივთიერთა კორც შესხმითა მამღლებე-
ლოჲ, გმადლობთ შენ მიწისა:. პირთა ცად მეორედ განმა-
ახლებელოჲ და ნათლისა საუკუნოჲსა შანთად ელვარებისა
განმაბრწყინვებელოჲ, მაღალოჲ, ზეშთა ამაღლებულოჲ ძლი-
ერებაო, მეოხებითა მთიებისა მის მაცისკრებელისა, დია კე-
თილისა უბიწოჲსათა, რომელსა ეტვირთე, ვითარ ტარიგი
უბიწო დედისა შენისა უბიწოჲსათა, მხრიმ ზეშთა კურთხე-
ულისთა, მრავალ პატიოსანთა ძალთა საბაოთისათა, მწყობრ
განწესებულთა დასთა საბაოთასა სერავიმ ქერავიმთა, და
ყოველთა ძალთა უხორცოთათა, წმინდისა წინა მორბე-
დისა და აეროვანისა მის გვრიტისა, წმინდისა უდაბნოჲსა
მაშუქებელისა და ცისკრისა წინა მსრბლისა, მამისა სიტ-
ყუისა ქედისა მომდრეკელისა და ნათლის ღებისა მიმღე-
ბელისა იოვანესითა, დაუვალისა წყაროჲსა წყლისა ცხოვე-
ლისასა, ქრისტეს დიდებულისა მიერ ორბად ფრთე მკვეთ
ფიცხელთა, ყოვლისა სოფლისა მომნადირებელთა ქადაგ-
თა ღ~თისა სიტყუისათა, სულელთა, ზეშთა ბრძენთა მოციქულ-
თათა, ღირსთა მამათა, მღდელთ მთავართა, წმინდათა ბუნება-
თა და თვითებათა, სამ ბრწყინვალისა სამებისა და ერთა ბუ-
ნებათა ზედა მიწევნით გამომეტყველთა საშინელთა საიდუმ-
ლოთა, და ყოველთა მღვდელთ მთავართა, ღირსთა მამათა,
უდაბნოჲსა მთიებთა, და განმანათლებელთა საწუთროჲსათა,
და ყოველთა მამათა და წმინდათა მხედრობათა, ასპარაზ-
თა შინა განბრწყინვებულთა, სპარაზენთა, რჩეულთა ქალ-
წულთა, უმკნეს მამათა სორექად გამორჩეულთა და მონო-
ზონებისა ღვაწლითა შეჭურვილთა, და ყოველთა ზეცისა
იერუსალიმისა მოქალაქე ქმნილთა წმინდათათა, ამათითა
მეოხებითა და მინდობითა:. დაფარულმან ძირ მოდგმო-
ბით დავითიან, სოლომონიან, შარვანდიან პანკრატოვანთა
რტოთაგან აღმოცენებულმან, ორისავე ტახტისა საკელმ-
წიფოსა მპყრობელთა შვილნ მეფეთამან, უფლისა მიერ
კურთხევით მაკურთხეველმან, ქართლისა, კახეთისა, სამცხე
საათაბაგოსა კათალიკოზ პატრიარქმან, პატრონმან დო-

მენტიმ, ოდეს საქართველო დაიპყრეს და აღაოკრეს ქვეყანანი ქართლისანი და მრავალნი სულნი მოსრეს, ეკლესიანი ფრიადნი წარტყუენეს, და საჭურჭლენი მათნი და სამკაულნი აიონარეს, და ბოროტი მრავალი მოაწივეს ჩვენ ზედა, მაშინ მივრიდე მცირესა ჟამსა ციხესა მას ლორისასა და დავყავ მას შინა თვე ვითარ: გ: მაშინ აღტყინებულმან სულითა სამწყსოსთვის ვეღარა შევძელ ხილვა სიბრალულებისათვის მათისა. ხოლო ლორითგან მოვიწივე ქვეყანად საერისთოდ ქსნად, მუნ დავყავ თვენი ვითარ: გ: მუნით ჩამოველ ქალაქად ტფილისად, დავყავი თვენი ვითარ: ვ: მაშინ მოივლინა ბრძანებანი, ქურქი და ფარმანი დიდისა კეისრისა:. სულთან აჰმადისაგან, ხოლო ქართლსა შინა ჯდა ფაშად რაჯაბ, ხოლო ქრისტესითგან გარდასრულ იყვნეს წელნი ვითარ: ჩღკე: კარზედ ვეკმენით, და ჩვენგან უარი აღარ გაეწყობოდა, წამოვედით და თან გვიახელ, მივიწიენით სამეუფოსა ქალაქად კოსტანდინოპოლედ, მუნ დავყავით წელნი ვითარ: ბ: თვენი: ჱ: და იქითგან ექსორიად გვყუეს ჭალაკად, რომელსა უხმობენ თათართა ენითა ბოხჩა ადას, ხოლო ბერძულებ სახელ სძევს ტენედო, და ექსორიობაში მუნ დავყავით წელნი ვითარ: თ: ამ ყველგან ჩვენს სამსახურში იყავი, მრავალი შიში და განსაცდელი გარდაიხადე ჩვენისა სამსახურისთვის, ვითაც შენც პატარა ჩვენგან გაზდილი იყავი:. არც ჩვენი გაყრა და გაშორება მოინდომე, და მისად საუქმოდ წყალობას დაგვიაჯე, ვისმინეთ აჯა და მოხსენება შენი, ვიგულის მოდგინეთ და გიბოძეთ შენ ჩვენს სამსახურზედ თავ დადებით ერთგულად: თავადებს: გედევანი ძეს გიორგი სარდლის შვილს, პაატას, ძმათა შენთა ზაალსა და გაბრიელსა, ძმის წულსა თქვენსა გიორგისა, ძეთა და მომავალთა სახლისა თქვენისათა, გიბოძეთ სომხითს თამგრკვალისა, ველკეთილისა და დისველისა, ამ სამისავე ნაცვლობა და მელალობა. სხუა შენი ბიძა:. შვილი ზაალის შვილი დემეტრე ამოწყვეტილი იყო; იმასაც და მის ჯალაბსაც შენთვის ანდერძი ექნათ, თავიან-

თი საგერძო ყოველიფერი, და ჩვენც შემოგვეხვეწენით, და გიბოძეთ წეროვნის მოურაობა, მისი წილი ჯვარის მტვირთველობა და ყოველი ალაგი და მამული მისი, სასახლე შესავალ გასვლითა, ქვევრითა და მარნითა, ვენახითა და საკნავ-სათესითა, წყლითა და წისქვილითა, ყოვლის მისის საწილოს ალაგით. მოგეცით და დავამტკიცეთ სია ესე და მტკიცე სიგელი თანა მდგომთა დარბაზის ერთა ჩვენთათა უცვალებელი და კაცთაგან უცილებელი, გქონდეს და გიბედნიეროს ღ̃თნ ჩვენის საყდრისა და ჩვენს ერთგულობაში, არ მოგეშალოს ჩვენგან, არცა სხუათა ჴ̃ზთა და მეპატრონეთაგან, არცა მეფეთაგან და არცა დედოფალთაგან, არცა დიდთა და არცა მცირეთაგან, რამანც კაცნ, ანუ მეფემან, ანუ დედოფალმან, ანუ ჴ̃ზმან მეპატრონემან, ანუ რომელმანც ძემან კაცთამან ეს ჩვენგან ბოძებული წყალობა მოგიშალოს, მასამც მოეშალოს ყოველი ცხოვრება თავისა თვისისა და ჩვენისამც ცოდვით განიკითხების დღესა მას საშინელსა განკითხვისასა, წყეულ, კრულ და შეჩვენებულმცა არს ხსენება მისი ჩვენგან და ჩვენისა წმინდის კათოლიკე ეკლესიისაგან და ცითა მობაძავისა ცხოველისა სვეტისა მირონ ღ̃თ მყოფელისაგან, მასამც ედების კეთრი გეზისა, შიშთვილი იუდასი, ძრწოლა კაენისა, დანთქმა დათან და აბირონისი, მეხის ტეხილობა დიოსკორესი, მეყსა შინა სიკვდილი არიოზისი, ან რომელმანც ამაზედ სხვა სიგელი გამოაჩინოს, ამითი გამტყუნდეს. აწე თქვენ წმინდანო და ყოვლად სანატრელნო ჴ̃ზ პატრიაქნო, ბრწყინვალენო და ღ̃თის მოყვარენო მეფენო, კეთილ მორწმუნენო დედოფალნო, კეთილად შობილნო ძენო და ასულნო მათნო, და ყოვლად შვენიერნო ერისთავნო, და ყოვლად შემკობილნო, ბრძენნო და მეცნიერნო, თავადნო და აზნაურნო, დიდნო და მცირენო, ყოველნო მართმალ მადიდებელნო და კეთილ მორწმუნენო, კურთხეულნო ქრისტიანენო, რომელმანც ეს ჩვენი ბოძებული წყალობა და სიგელი დაუმტკიცონ, კურთხეულ და ნეტარ იყუნენ ხსენებანი მათნი, ვინც

ჩვენსა შემდგომად იქნებოდეთ, თქვენც ნუვე მოუშლით და მწყალობელნი იყვენით, რათა თქვენიც გაგებული ღ̃თნ განაგოს. დაბადებითგან გარდასრული იყვნეს წელნი ვითარ: კსმვ: ხოლო ქრისტესითგან ჩღლჱ: დაიწერა კელითა შურიკაშვილის ქრისტესიასითა სამეუფოსა მას ქალაქსა კოსტანდინეპოლეს.

Переводъ. „Неописанная Мудрость и Сила, Слово Божіе, равное Богу и изъ человѣколюбія родившееся на землѣ во плоти отъ безбрачной Жены, смиреніемъ покоряющее небо и воспринявшее человѣческое тѣло! благодаримъ Тебя, превратившаго поверхность земли во второе небо, лучезарнымъ свѣтомъ освѣтившаго вѣчность. Великая и всевышняя Сила! ходатайствомъ лучезарной денницы, преблагой и непорочной Матери Твоей Маріи, которой явилъ себя бременемъ, какъ невинный агнецъ; *ходатайствомъ* благословенныхъ свыше многихъ честныхъ силъ Божіихъ, стройно установленныхъ сонмовъ Саваоѳа—серафимовъ и херувимовъ—и всѣхъ безплотныхъ силъ; *ходатайствомъ* прекрасной горлицы, св. Предтечи, осіявшаго св. пустыню, предупредившаго утреннюю зарю и покорившагося слову Отца, Крестителя Іоанна; *ходатайствомъ* проповѣдниковъ слова Божія, *явленныхъ* неизсякаемымъ источникомъ жизни, великимъ Христомъ, быстрокрылыми орлами, покорившими весь міръ; *ходатайствомъ* боговдохновенныхъ, мудрѣйшихъ апостоловъ, достойныхъ отцовъ, епископовъ, прекрасно разъясняющихъ св. ипостась и свойства трисіяющей Троицы и два естества великихъ таинствъ; *ходатайствомъ* всѣхъ архіереевъ, преподобныхъ отцовъ-пустынниковъ, денницъ и просвѣтителей міра, и всѣхъ отцовъ и военачальниковъ святого воинства, блистающихъ на подвизалищѣ; *ходатайствомъ* избранныхъ дѣвъ, паче мужчинъ, предназначенныхъ быть избранною лозою и украшенныхъ схима-

тическими подвигами,—и всѣхъ небесныхъ святыхъ и угодниковъ Іерусалимскаго града; ходатайствомъ и предстательствомъ этихъ защищенный, рожденный отъ отрасли рода Давидова, Соломонова, Панкратова—царя, сынъ царя, владѣвшаго обоими престолами царства, благословеніемъ Божіимъ благословляющій, католикосъ-патріархъ Карталинскій и Самцхе-Саатабаго, владѣтель Доментій,—въ то время когда завоевали Грузію и опустошили карталинскія земли, много людей убили, много церквей разорили и ихъ сокровища и утварь разграбили и много зла причинили намъ,—тогда я удалился на короткое время въ Лорійскую крѣпость и пробылъ въ ней 3 мѣсяца. Воспламененный любовью къ своей паствѣ, я тогда изъ жалости къ ней не былъ въ состояніи посѣтить ее, а только переѣхалъ изъ Лори въ страну Ксанскаго эриставства и остался тамъ 3 мѣсяца; оттуда пріѣхалъ въ Тифлисъ и пробылъ 6 мѣсяцевъ. Въ это время получились приказъ, шуба и фирманъ отъ великаго кесаря султана Ахмада (въ Карталиніи пашою сидѣлъ Раджабъ, а отъ Рождества Христова прошло 1721 г.): онъ призывалъ насъ ко двору, и намъ нельзя было отказать; мы отправились, и ты сопровождалъ насъ; достигли мы царственнаго града Константинополя, жили тамъ 2 года и 8 мѣсяцевъ, а оттуда насъ сослали на островъ, который на турецкомъ языкѣ носитъ названіе Бохча-Ада, а по-гречески называется Тенедо. Тамъ въ ссылкѣ мы пробыли 9 лѣтъ. Вездѣ въ этихъ мѣстахъ ты служилъ намъ, много страха и мученій ты перенесъ для нашей службы; такъ какъ ты съ дѣтства былъ воспитанъ нами, ты не захотѣлъ разлучиться и покинуть насъ. Взамѣнъ этого ты просилъ у насъ милости, и мы, внимая къ твоей просьбѣ и докладу, оказали усердіе и пожаловали вамъ, самоотверженнымъ на

нашей службѣ князьямъ (тавадамъ): Гедеванову Паатѣ, сыну сардаря (военачальника) Георгія, братьямъ твоимъ Заалу и Гавріилу, племяннику вашему Георгію, сыновьямъ и потомкамъ вашего дома,—пожаловали въ Сомхитѣ нацвальство Тамгргвала, Велькетила и Дисвла [1]), нацвальство [2]) и мегалоба [3]) всѣхъ трехъ *деревень мы вамъ пожаловали*. Кромѣ того, племянникъ твой Деметрэ, сынъ Заала, умеръ, не оставивъ потомства; онъ и его семья завѣщали тебѣ все достающееся на ихъ долю; вы и насъ просили, и мы дали вамъ должность моурава Церовани и приходящее на его (племянника) долю крестоносительство, все имѣніе и всѣ земли его, домъ со входомъ и выходомъ, съ кувшинами для вина и погребомъ, виноградникомъ, пашнями и посѣвами, водою и мельницею, и со всѣми на его долю приходящимися землями. Пожаловали и утвердили сію опись и непоколебимый сигель, не измѣнимый нашими придворными чинами и не оспоримый людьми. Богъ да дастъ владѣть имъ ко благу нашей церкви и нашей вѣрности. Не измѣнимъ онъ мною, ни другими католикосами и владѣтелями, ни царями, ни царицами, ни великими, ни малыми. Какой бы человѣкъ—царь ли, или царица, или католикосъ-владѣтель, или кто-нибудь изъ человѣческаго рода—ни нарушилъ данную нами милость, пусть вся его жизнь будетъ нарушена, пусть онъ будетъ судимъ въ день оный страшнаго суда за свои и за наши грѣ-

---

[1]) Послѣднія двѣ деревни находятся въ бассейнѣ Машавери, а Тамгргвала, вѣроятно, то же самое, что и у Вахушта указано подъ названіемъ Дамгало (См. Description géographique de la Géorgie par Vakhoucht, p. 466, карта № 2).

[2]) Нацвали въ деревняхъ служили помощниками и замѣстителями окружныхъ начальниковъ.

[3]) Мегалоба—собираніе хлѣбной подати.

хи, память его пусть будетъ проклята, связана проклятіемъ и предана анаѳемѣ нами и нашею каѳолическою церковью, и столпомъ животворящимъ, равнымъ небесамъ и съ Божіею милостью образующимъ миро; да постигнетъ его проказа Гіезія, удавленіе Іуды, трепетъ Каина, поглощеніе землею Даѳана и Авирона, Діоскорово пораженіе громомъ, смерть Аріоза. Если же кто на это представитъ другой сигель, пусть будетъ уличенъ настоящимъ *актомъ*. Нынѣ вы, святые и блаженнѣйшіе католикосы-патріархи, сіятельные и боголюбивые цари, благовѣрные и благословенные христіане, которые утвердите сей нашъ жалованный даръ и сигель, да будетъ память ваша благословенна и блаженна. Тѣ, которые будете послѣ насъ, и вы не нарушайте, а будьте милостивы, чтобы и вами рѣшенное разрѣшилъ Богъ. Отъ сотворенія міра прошло 7246 лѣтъ, а отъ Рождества Христова 1738. Написано рукою Кристесія Шурикашвили въ царственномъ градѣ Константинополѣ“.

Далѣе идетъ подпись католикоса Доментія вязью: კათალიკოზ პატრიარქი დომენტი.

„Католикосъ-патріархъ Доментій“.

На оборотѣ акта слѣдующія записи:

1. ქ. მღთის: კურთხეულის: და ქართლისა და კახეთისა: სამცხე: საათაბაგოსი (sic): და ყოველთა: ქრისტიანეთა: განმანათლებელის: და: კეთილათ: მაკურთხეველის: ბატონის: ბიძის: ჩვენის: პატრიაქის: კ̃ზის: დომეტის (sic) ბძანება და: მტკიცე: სიგელი: ესე: ჩვენ: ბატონიშვილს: შანავაზს: ასე: დაგვიმკიცებია. | შანავაზ. |

„Богомъ благословеннаго Карталинскаго, Кахетинскаго и Самцхе-Саатабаго и всѣхъ христіанъ просвѣтителя и благословляющаго, господина нашего дяди, патріарха-католикоса Дометія (sic) приказъ и непоколеби-

мый сей сигель мы, царевичъ Шанавазъ, симъ подтверждаемъ". (Слѣдуетъ печать съ надписью: *Шанавазъ*).

2. ვიქმენ: მოწმე: სიგლისა: ამის: ჩვენ: თუმანიშვილი· მიტროპოლიტი: ქრისტეფორე: ქრისტეფორე.

„Свидѣтелемъ сего сигеля былъ я, Туманишвили, митрополитъ Христофоръ. „Христофоръ" (послѣднее слово вязью).

3. არის ამისი მოწამე იორამ მგალობლის შვილი და წინამძვარი ელ ისე | ელისე. |

„Свидѣтель сего—Іорамъ Мгалоблишвили и цинамдзгваръ (настоятель) Елисе (слѣдуетъ печать Елисе).

4. ვარ ამისი მოწიმე (sic) ბერძენი პროტოსინგელი დანიელ. ჭარმეული: გაბრიელ. მაღნლაშვილი: ტარიელ.

„Свидѣтель сего—грекъ протосингелъ Даніилъ" (слѣдуетъ печать Даніила съ греческою перешедшею надписью).

„Чармеули Гавріилъ" (слѣдуетъ печать Гавріила). „Магалашвили Таріелъ" (печать Таріела).

На поляхъ лицевой стороны слѣдующія записи:

1. ქ: ჩვენ. ყოვლისა. საქართველოსა, მამათ მთავარმან. ძემან ქართველთა. მეფისა იესესამან. კათალიკოზ. პატრიარქმან. ანტონი. ბრძანება. ესე ნეტარჴსენებულისა. წმიდისა. მამისა. და. დიდისა. მწყემისა (sic). სანატრელისა. კათალიკოზ. პატრიარქისა. ბიძისა. ჩვენისა. ესრეთ. წარწერით. დავამტკიცით. 1747. აგვისტოს. 7. (Слѣдуетъ подпись католикоса Антонія вязью).

„Мы, всей Грузіи архипастырь, сынъ грузинскаго царя Іесея, католикосъ-патріархъ Антоній, приказъ сей блаженной памяти св. отца и великаго пастыря, и любезнаго католикоса-патріарха, дяди нашего, сею записью утвердили, 1747 г. августа 7-го" (слѣдуетъ подпись католикоса вязью).

2. ქ: ჩვენ. მთავარ ეპისკოპოსი ქართლისა, რომანოზ. დავამტკიცებთ.

„Мы, архіепископъ Карталинскій Романозъ, утверждаемъ“ (слѣдуетъ печать архіепископа Романоза) [1]).

Католикосъ Антоній, свидѣтельствующій нашъ актъ, есть сынъ царя Іесея, ставшій католикосомъ въ 1745 г.; въ 1755 г., заподозрѣнный въ латинствѣ, онъ былъ отправленъ въ Россію, гдѣ сдѣлался архіепископомъ Владимирскимъ и Іерапольскимъ. Въ 1764 г. Антоній, по желанію царя Ираклія II, вернулся въ Грузію и былъ католикосомъ до конца своей жизни, т. е. до 1790 г.

Царевичъ Шанавазъ, или Шахъ-Навазъ, упоминаемый въ записи нашего акта, есть сынъ Вахтанга VI. Христіанское имя его Бакаръ († 1750) (H. G. II, 1, p. 627, 628).

Какъ Антоній, такъ и Бакаръ могли утвердить этотъ актъ только въ Грузіи.

Актъ Тлашадзевыхъ [2]).

ქ. ჩვენს ღვთისა მიერ კურთხევით კურცხეულმან, საქართველოს პატრიარქ-კათოლიკოზმან, ბატონისშვილმა დომენტიმ, ესე წყალობის წიგნი გიბოძეთ შენ ტლაშაძე მღვდელს იესეს, შვილსა შენსა ზაქარიას, ასე რომ, ოდეს ბედნიერს ხვანთქარს კარზედ დავებარებინეთ და ჩვენც ჩვენის მამულისა და საყდრის მოსავლელად წავედით, გიბრძანეთ თან კლება და თან გვიახელით და გვმსახურეთ და ჩვენც გიბოძეთ ატენში სახუცოდ ოცდა სამი კომლი კაცი, რომ ის სახუცო არაოდეს არ გეთხოვებოდეს არა ჩვენგან, და არცა სხვათა შემდგომთა პატრიარქთაგან. ამასავლად გვიბოძებია. ვინც ჩვენსა შემდგომად იქნებოდეთ, ნურავინ მოუშლით, რომ ბევრრიგად გარჯილა ჩვენზედაცა და საყდრის მამულზედაცა. ვინც ჩვენი წყალობა მოუშალოს, წყეულ, კრულ

---

[1]) Актъ этотъ былъ переданъ мнѣ капитаномъ В. М. Гедевановымъ.

[2]) Актъ этотъ переданъ мнѣ Д. Г. Каричашвили.

და შერჩვენებულ იყოს, და ვინც დაუმტკიცოს, კურთხეულ და ნეტარ იყვნენ. არის ამისი მოწამე გერმანოზიშვილი წინამძღვარი დომენტი, მგალობლიშვილი წინამძღვარი ელისე, გედევანიშვილი მოლარეთ-ხუცესი პაატა, ჯარმაული მეჯინიბეთ-ხუცესი გაბრიელ, არქიდიაკონი საგინაშვილი ელისე, დეკანოზიშვილი დარბაზის მოურავი იორამ, თუშმალი ქრისტესია თავილდარი, აზმაითფარაშვილი ქაიხოსრო. თვესა ივლისსა ოცსა დაიწერა წიგნი ესე ქალაქსა შინა სამეუფოსა დიდსა სტამბოლს, რომელ არს კონსტანტინოპოლი, კელითა ანჩისხატის დეკანოზის გიორგი მღვდლისათა. ქორონიკონს „უიე". ქრ. **ႹႶႩႦ**. 7235.

Переводъ. „Мы, благословеніемъ Божіимъ благословенный, католикосъ-патріархъ Карталиніи, царевичъ Доментій, сію жалованную грамоту дали тебѣ, священнику Іесе Тлашадзе, и сыну твоему Захарію въ томъ, что, когда счастливый султанъ пригласилъ насъ *къ своему* двору, и мы, радѣя о нашей родинѣ и церкви, отправились, то приказали вамъ сопровождать насъ, и вы сопровождали и служили намъ. Мы, съ своей стороны, пожаловали *вамъ* въ Атенѣ въ качествѣ сахуцо [1]) двадцать три дыма крестьянъ съ тѣмъ, чтобы это сахуцо никогда не требовалось ни мною ни другими послѣдующими патріархами, *ибо* мы отдали ихъ *вамъ* на кормленіе. Кто будетъ послѣ насъ, да не нарушитъ этого, такъ какъ онъ понесъ много разнообразнаго труда на насъ и на церковное имѣніе. Кто же нарушитъ пожалованное нами, пусть будетъ проклятъ, связанъ проклятіемъ и преданъ анаѳемѣ, а кто утвердитъ, пусть будетъ благословенъ и блаженъ. Свидѣтели сего суть: Германозишвили цинамдзгваръ [2]) Елисе, Ге-

---

[1]) Сахуцо—подать, оброкъ на содержаніе священника. Сахуцо можетъ означать также подать, платимую священниками епископамъ.

[2]) Цинамдзгваръ значитъ настоятель.

деванишвили моларетъ-ухуцесъ [1]) Гавріилъ, архидіаконъ Сагинашвили Елисе, Деканозишвили моуравъ двора Іорамъ, Тушмалъ Кристесія конюшій, Азмайпарашвили Кайхосро. Написана сія грамота въ великомъ царственномъ градѣ Стамбулѣ, который есть Константинополь, рукою анчисхатскаго протоіерея-священника Георгія, въ корониконъ 415, отъ Р. Х. 1727, *отъ сотворенія міра* 7235".

Лица, являющіяся свидѣтелями какъ въ этомъ, такъ и въ первомъ актѣ, вѣроятно, составляли свиту католикоса Доментія III, а священникъ Іесе Тлашадзе, которому данъ разбираемый актъ, оставилъ намъ сочиненіе въ стихахъ: „Католикосъ-Бакаріани", т. е. повѣсть о католикосѣ Доментіи III и Бакарѣ, или Шахъ-Навазѣ III. Въ началѣ своей повѣсти Тлашадзе описываетъ тѣ смуты и войны, которыя имѣли мѣсто въ Грузіи въ эту печальную эпоху, и тѣмъ даетъ общую картину тогдашняго политическаго состоянія края. Затѣмъ авторъ подробно говоритъ о путешествіи Доментія въ Константинополь, знакомитъ насъ съ городами и мѣстечками, черезъ которые они проходили, описываетъ пріемъ католикоса султаномъ, пребываніе Доментія въ Константинополѣ, достопримѣчательности Константинополя и т. д. Къ сожалѣнію, единственная рукопись этого сочиненія, пріобрѣтенная въ Дагестанѣ фотографомъ А. Роиновымъ и переданная имъ „Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія", дефектна. Тѣмъ не менѣе она настолько интересна, что я счелъ нужнымъ издать ее, и она скоро выйдетъ изъ печати.

Е. Такай-швили.

20-го іюля 1895 г.,
г. Тифлисъ.

[1]) Моларетъ-ухуцесъ означаетъ главнаго хранителя казначейства.

Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ (Кухи-Кафъ).

Гора Кафъ (Кавказъ) въ мусульманской литературѣ соединяется съ восточной легендой объ Александрѣ Македонскомъ (Искандарь Зуль-карнейнъ—Александръ Двурогій), который встрѣтилъ въ Кавказскомъ ущельѣ народъ Гога и Магога (Яджужъ и Маджужъ). Въ главѣ XVIII Корана, въ ст. 82—89, разсказано слѣдующее: „Тебя (т.-е. Мухаммада) спрашиваютъ о Зуль-карнейнѣ. Скажи: я прочитаю Вамъ повѣсть о немъ. Мы (т.-е. Богъ) дали ему (Александру) могущество на землѣ и доставили способъ ко всему. Богъ далъ ему способъ итти, покуда онъ не достигъ до запада солнца. Онъ увидѣлъ, что оно западаетъ въ грязный источникъ. Близъ него онъ нашелъ народъ. Мы сказали: Зуль-карнейнъ! либо накажи его, либо окажи ему добро. Зуль-карнейнъ сказалъ: кто дѣлаетъ зло, того мы накажемъ; и послѣ того, когда возвращенъ будетъ онъ ко Господу своему, Онъ накажетъ его жестокою казнью, Но кто увѣруетъ и будетъ дѣлать добро, тому наградой будетъ прекраснѣйшее (рай). Мы скажемъ ему тѣ изъ нашихъ повелѣній, которыя легки.

Послѣ того Богъ далъ ему способъ итти, покуда онъ не достигъ до востока солнца. Онъ увидѣлъ, что оно восходитъ надъ однимъ народомъ, которому Мы не дали никакого покрова въ защиту отъ зноя. Такъ это

было. Мы даемъ теперь свѣдѣніе о томъ, что было съ нимъ (съ Александромъ).

Послѣ того Богъ далъ ему способъ итти, покуда онъ не достигъ промежутка между двумя стѣнами [1]) Онъ увидѣлъ, что тамъ былъ народъ, едва понимавшій какую-либо рѣчь. Онъ сказалъ: Зуль-карнейнъ! Гогъ и Магогъ [2]) причиняютъ бѣды на этой землѣ; не представить ли намъ какую-нибудь плату тебѣ на то, чтобы ты поставилъ стѣну между нами и ими. Александръ сказалъ: могущество, какое далъ мнѣ Господь мой, есть наилучшая для меня плата; вы же только ревностно помогайте мнѣ: я поставлю преграду между вами и ими. Носите ко мнѣ столько кусковъ желѣза, чтобы ими заравнять промежутокъ между скатами этихъ горъ. Потомъ онъ сказалъ: раздувайте такъ, чтобы желѣзо сдѣлалось раскаленнымъ. Онъ сказалъ: несите ко мнѣ расплавленной мѣди и лейте на него. Гогъ и Магогъ не могли влѣзть на нее и не могли пробить ее. Онъ сказалъ: это милость Господа моего. Когда наступитъ предвозвѣщенное Господомъ моимъ, тогда онъ измельчитъ ее въ щебень. Предвозвѣщенное Господомъ моимъ сбудется вѣрно. Въ тотъ день мы выпустимъ ихъ однихъ за другими волною, и когда прозвучитъ труба, Мы столпимъ ихъ толпою“.

Извѣстный изслѣдователь жизни и ученія Мухаммада, А. Шпренгеръ, на основаніи арабскихъ источниковъ замѣчаетъ, что Зуль-карнейнъ былъ не только завоевателемъ и пророкомъ, но и философомъ; онъ изслѣдовалъ всѣ тайны природы; любознательность побудила его предпринять и военные походы. Съ этимъ намѣреніемъ онъ отправился къ горѣ Кафъ, окружающей землю. Онъ на-

---

[1]) Горное ущелье.

[2]) Ср. Бытія 10, 2. Іезек. 38, 39, 1—13. Апокал. 20, 7—9.

шелъ тамъ также и очень маленькія горы и спросилъ главный хребетъ: „ты кто?“. Хребетъ отвечалъ: „я—Кафъ“. Онъ продолжалъ спрашивать: что значатъ вотъ эти маленькія горки вокругъ тебя? Хребетъ отвѣчалъ: „это—мои жилы. Нѣтъ ни одного города, къ которому бы не была протянута одна изъ этихъ жилъ. Когда Богъ хочетъ попытать землю потрясеніемъ, то повелѣваетъ мнѣ подернуть находящіяся въ прикосновеніи со мною жилы. Я слушаю повеленія Его,—и происходитъ землетрясеніе“. Зуль-карнейнъ попросилъ теперь гору Кафъ дать ему понятіе о величіи Бога. Кафъ сказалъ: „никакое описаніе недостаточно для того, чтобы изобразить Его, и самое смѣлое воображеніе не въ состояніи обнять Его“. — „Такъ сообщи мнѣ хоть неудовлетворительное представленіе о Богѣ“.—„Кромѣ земли“, сказала гора Кафъ: „есть пустота въ 500 лѣтъ длины и ширины, а ее покрываютъ снѣговыя горы. Если бы не было этихъ горъ, то земля сгорѣла бы отъ адскаго жара [1])“. У Таляба упоминается, что гора Кафъ состоитъ изъ сплошнаго смарагда и что отъ цвѣта его и небо получаетъ свой цвѣтъ. Смарагдъ люди достаютъ съ этой горы.

Въ толкованіи на Коранъ „Рухуль-баянъ“ разсказывается, что когда Александръ Двурогій отправился въ восточныя страны, то встрѣтилъ двѣ горы, одну противъ другой. По обѣ стороны жили два народа, занимавшіеся земледѣліемъ, а между горами жили Гогъ и Магогъ, которые каждую весну выходили на пашни сосѣдей и уничтожали посѣвы ихъ и четвероногихъ животныхъ. Поэтому они обратились къ Двурогому Александ-

[1]) Das Leben und die Lehre des Mohammad, Nach grösstenteils unbenutzten Quellen bearbeitet von A. Sprenger. Zweite Ausgabe. Zweiter Band. Berlin, 1869. S. 469—470.

дру съ просьбою отгородить ихъ отъ Гога и Магога. Александръ сказалъ имъ, чтобъ они помогли ему въ устройствѣ загороди. Они принесли ему необходимое количество желѣза и мѣди и расплавили это. Изъ этой массы Александръ устроилъ загородку между двумя горами, заперъ тамъ Гога и Магога и освободилъ отъ нихъ сосѣдей. Гогъ и Магогъ останутся тамъ до всеобщаго воскресенія.

О Гогѣ и Магогѣ существуютъ у мусульманскихъ авторовъ два мнѣнія: по одному изъ этихъ мнѣній Гогъ и Магогъ происходятъ изъ потомства Іафета, сына Ноева, именно отъ сына его Тюрка. У Гога и Магога не было ни религіи, ни знаній, ни ремеслъ, и жили они какъ животныя. Жизнь ихъ была настолько продолжительна, что ни одинъ изъ нихъ не умиралъ прежде, чѣмъ не увидѣлъ тысячи потомковъ. Они были великаны, такъ что ростъ у иныхъ достигалъ 120 локтей. У нихъ были столь большія уши, что когда ложились они, то одно ухо подстилали подъ себя, а другимъ прикрывались сверху. Голосъ ихъ походилъ на вой волка, и ѣли они все, что встрѣчали: змѣй, черепахъ и даже слоновъ и крокодиловъ.

Въ другихъ разсказахъ Гогъ и Магогъ называются „желтыми людьми“ (бани-асфаръ) и представляются желтолицыми карликами, не знающими человѣческой рѣчи и не имѣющими одежды, а прикрывающими себя своими длинными ушами. Запертые Александромъ Двурогимъ въ ущелье горы Кафъ бани-асфары стараются пробить и пролизать себѣ выходъ изъ загородки, но не будутъ въ состояніи сдѣлать этого до наступленія кончины міра: освобожденіе Гога и Магога и разсѣяніе ихъ по землѣ считается у мусульмѣ однимъ изъ признаковъ наступленія кончины міра.

Какой же горный хребетъ нужно разумѣть подъ горою Кафъ? Европейскіе ученые обыкновенно утверждаютъ, что подъ горою Кафъ нужно разумѣть *Кавказскій хребетъ* [1]), но это мнѣніе, несмотря на его распространеніе и общепринятое признаніе, не можетъ считаться правильнымъ, потому что Александръ Македонскій не былъ на Кавказѣ и потому что подъ именемъ горы *Кафъ* извѣстенъ другой горный хребетъ, именно Гиндукушъ, чрезъ который македонскій завоеватель дѣйствительно проходилъ. Весною 329 года Александръ, направляясь изъ Кабулистана въ Бактрію, прошелъ чрезъ Гиндукушъ по одному изъ семи переваловъ между 69 и 70 градусами вост. долготы (Арріанъ и Кв. Курцій). Въ теченіе 17 сутокъ двигался македонскій герой по снѣжнымъ вершинамъ этого хребта со своимъ войскомъ, которое должно было страдать и отъ холода и отъ голода, и только въ Драпсакѣ (Эндерабъ), лежащемъ у подножія Гиндукуша, съ сѣверной его стороны, македонское войско, изнуренное трудностью пути, холодомъ и голодомъ, могло получить необходимый отдыхъ. Совершивъ затѣмъ походъ въ Туркестанъ и покоривъ Бактріану и Согдіану, Александръ въ 327 году возвратился въ Бактры (Балхъ) и отсюда двинулся снова чрезъ Гиндукушъ въ свой знаменитый Индійскій походъ.

Такимъ образомъ, македонскій завоеватель, пріобрѣтшій во всемъ восточномъ мірѣ столь громкую извѣстность, а мусульманами причисленный даже къ лику пророковъ подъ именемъ „Искандера Зуль-карейна", естественно могъ оставить свое имя многимъ мѣстностямъ

---

[1]) Смотр. Русскій Энциклопедическій словарь проф. Березина—слово „Кавказъ". Сравн. Brockhaus, Conversations-Lexicon, 10 Band, ст. „Kaf".

въ разныхъ странахъ, а въ томъ числѣ и Гиндукушъ т.-е. гору Кафъ, соединить со своимъ именемъ; Кавказскій же хребетъ могъ получить свое названіе уже по сходству своему съ Кафомъ Индійскимъ, какъ въ отношеніи высоты, такъ и расположенія главнаго кряжа.

Что же касается Гога и Магога, то неудивительно, что горные жители Гиндукуша, отличавшіеся своими хищническими набѣгами на мирныхъ сосѣдей и усмиренные необычайнымъ завоевателемъ, дали послѣдующему времени тему для баснословныхъ разсказовъ о нихъ. Мусульманскіе же писатели древнихъ временъ, не располагавшіе научными средствами фактической провѣрки географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, могли, при помощи своей легковѣрной фантазіи, изобразить гоговъ и магоговъ невѣроятными чудовищами. Самъ авторъ Корана былъ болѣе остороженъ, когда заносилъ на страницы своей законодательной книги легенду объ этихъ народахъ, а послѣдующіе толкователи его книги не стѣснялись уже заносить на свои страницы такія нелѣпости, о которыхъ неудобно и разсказывать. Есть мнѣніе позднѣйшее, что подъ Гогомъ и Магогомъ нужно разумѣть китайцевъ, какъ желтолицыхъ людей.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ.
1894.
Мужская гимназія.

Каникулярная поѣздка по Эриванской губерніи и Карсской области.

I.

Отъѣздъ изъ Эривани. Разнообразный составъ населенія. Переправа чрезъ Араксъ. Подъемъ къ Арарату. Сѣдловина между обоими Араратами. Казачій лагерь. Развалины деревни Велиджанъ. Растительность на высотѣ 7500 ф. Кочевки курдовъ. Черты народнаго характера курдовъ. Типы ихъ, костюмы и наряды. Угощеніе въ курдскомъ шатрѣ. Березовая роща. Отсутствіе разнообразія въ животномъ мірѣ. Пещеры. Лагерная жизнь казаковъ. Разсказъ персидскаго принца о педагогическихъ пріемахъ муллы.

Наступили каникулы 1894 г. Я уже давно собирался ознакомиться съ окраиной, куда меня забросила служба, и потому рѣшилъ воспользоваться каникулярнымъ временемъ для выполненія своего желанія. Попытки мои пріискать себѣ хоть одного компаньона были безуспѣшны и я рѣшилъ ѣздить въ одиночку или съ тѣмъ, кто попадется мнѣ случайно. Прежде всего я выбралъ мѣстности около Арарата, какъ наиболѣе близкія къ Эривани.

Дорога по сосѣдству съ Эриванью представляла мало интереснаго: это были спаленныя солнцемъ поляны, мѣстами густо покрытыя обломками базальтовой лавы или каменные холмы. Далѣе, однако, она начала оживляться культурными полями, рисовыми, хлопковыми, пшеничными; начали попадаться деревни, а въ ложбинахъ, среди холмовъ, раздавалась громкая пѣсня безчисленныхъ цикадъ, замѣнившая собою мертвую тишину предыдущей дороги. Совсѣмъ другіе виды начались со второй станціи. Почти тотчасъ же за станціей, верстахъ въ двухъ-трехъ,

началась непрерывная аллея изъ садовъ: деревни слились одна съ другой и только по надписямъ на столбахъ, попадающихся чуть не въ полуверстѣ другъ отъ друга, можно было видѣть, что въѣзжаешь въ новую деревню. И какихъ только странныхъ для русскаго уха не встрѣтишь тутъ названій: Агамзалы, Харатлю, Буганлу, Куйласаръ. Тоханшалу, Гедаклю, Камарлю.... Въ этихъ деревняхъ рядомъ другъ съ другомъ уживаются и армяне, и татары, и айсоры. Айсоры—многіе ли изъ русскихъ, живущихъ вдали отъ этой окраины, слыхали, что до сихъ поръ существуютъ остатки древнихъ ассирійцевъ? Вѣроятно, найдется немного такихъ. Все это разноплеменное населеніе живетъ мирно рядомъ другъ съ другомъ и по всѣмъ признакамъ живетъ очень недурно: справа и слѣва отъ дороги идутъ сплошною массою нивы, фруктовые сады, виноградники, огороды, раздѣленные глиняными заборами, около которыхъ засажены сплошною массою тополевыя, тутовыя и пшатовыя деревья, служащія для нихъ какъ защитой, такъ и строительнымъ матеріаломъ, а съ пшатовыхъ деревьевъ, кромѣ того, получаются обильные урожаи сильно мучнистыхъ и сладковатыхъ плодовъ. Дома отличаются съ внѣшней стороны опрятностью и не похожи на тѣ звѣриныя берлоги, которыя попадались мнѣ въ нагорной сторонѣ Эриванской губерніи. Жители также были болѣе нарядны и опрятны, что шло совсѣмъ въ разрѣзъ съ обычными картинами мусульманскаго Закавказья, гдѣ скуповатые обитатели, по оставшейся со временъ персидскаго владычества привычкѣ, предпочитаютъ припрятывать свои достатки подальше, а не выставлять ихъ напоказъ, почему изодранныя до невозможности лохмотья составляютъ обычный нарядъ, подъ конецъ становящійся негоднымъ даже для передѣлки на писчую бумагу.

На пути къ Аралыху намъ нужно было переѣхать чрезъ Араксъ. Былъ уже вечеръ, когда мы выѣхали изъ камарлинской станціи, а въ это время здѣсь, какъ и въ Эривани, подъ вечеръ начинаетъ дуть вѣтеръ. Причина вѣтровъ та, что холодный и тяжелый воздухъ съ сосѣднихъ высотъ стекаетъ внизъ на мѣсто теплаго воздуха равнины. Вѣтры эти иногда бываютъ слабы, иногда же принимаютъ характеръ настоящей бури, которая рветъ и мечетъ во всѣ стороны и несетъ съ собою тучи песку и пыли, заставляя все живое искать себѣ убѣжища въ домахъ и сараяхъ. Такая же буря застигла и насъ около самаго Аракса. Всѣ попытки наши сдвинуть поромъ были безуспѣшны, а несущіяся тучи песку подъ конецъ вынудили насъ искать спасенія за сосѣднимъ строеніемъ. Вѣтеръ началъ по временамъ ослабѣвать, и это дало намъ возможность, послѣ дружныхъ усилій, оттолкнуть поромъ и добраться до другого берега. Араксъ въ этомъ мѣстѣ представляетъ неширокую рѣку, приблизительно саженей въ 20—25, но быстрое теченіе, въ соединеніи со страшными порывами вѣтра, дѣлали плаваніе по нему небезопаснымъ на утлыхъ челнокахъ, представляющихъ изъ себя поромъ. Вскорѣ послѣ переправы, начавшій было утихать вѣтеръ снова расходился и въ самомъ Аралыхѣ, куда мы, наконецъ, добрались поздно ночью, онъ обратился въ ураганъ, поднявшій цѣлыя тучи пыли, песку и мелкихъ камней. На ночь мы остановились въ одномъ изъ зданій бывшей штабъ-квартиры Уманскаго полка. Уманцы были переведены отсюда сперва въ Эривань, а потомъ въ Карсъ, а зданія ш.-квартиры отчасти были заняты полтавцами и пограничной стражей, отчасти пришли въ ветхость и развалились. Окрестности Аралыха представляютъ съ сѣверной стороны песчаную, солончаковую и болотистую равнину, изобилующую комарами; съ юга так-

же песчаная равнина, вплоть до подножія Арарата, покрыта жалкимъ кустарникомъ, за которымъ начинается подъемъ къ Арарату, страшно усыпанный громадными обломками, свалившимися сюда во время землетрясенія въ 1840 г., а далѣе во всемъ своемъ величіи представляется Ахуринская разсѣлина, раздѣляющая Араратъ на двѣ части. Путь отъ Аралыха къ сѣдловинѣ между Большимъ и Малымъ Араратомъ, куда мы направлялись, пролегалъ въ видѣ тропинки сперва между кустарникомъ. Жизни въ этомъ кустарникѣ, который почему-то носитъ громкое названіе лѣса, нѣтъ почти никакой: изрѣдка попадались ящерицы, но какія-то вялыя и неповоротливыя. Ѣзда по песчаной тропинкѣ возможна была только шагомъ; окружающія картины скоро мнѣ наскучили, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда мы выберемся на болѣе плотную почву, чтобъ двигаться къ цѣли поскорѣе. Но не тутъ-то было: послѣ песковъ начались камни, обильно усыпавшіе тропику, которая пошла слегка въ гору, проходя по складкамъ подошвы Арарата, и къ необходимости ѣхать по-старому тихо прибавилось еще опасеніе, что вотъ-вотъ конь поломаетъ себѣ ноги или копыта. Растительность среди камней имѣла убогій характеръ: полынь, колючки, безсмертники. Притомъ все это выгорѣло и засохло. Однако съ повышеніемъ мѣстности растительный міръ становился разнообразнѣе; камней тоже становилось меньше. Вверху пѣли жаворонки и мѣстность мало-по-малу приняла степной характеръ. Не будь предъ нами грандіозныхъ сооруженій Арарата, можно было бы подумать, что находишься въ южно-русской степи. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ намъ не попадалось ни одного человѣка. Курды, кочующіе въ этой мѣстности, на лѣто уходятъ на высоты Арарата, поближе къ водѣ, такъ какъ вода

отъ тающихъ на Араратѣ снѣговъ образуетъ потоки только въ верхнихъ частяхъ, которые затѣмъ на склонахъ или даже въ самомъ началѣ уходятъ въ пористыя породы, образующія массивы обоихъ Араратовъ. Несмотря на видимое безлюдье, ѣзда по этимъ мѣстамъ считается небезопасной. Всегда можно разсчитывать, что какой-нибудь бродячій курдъ или татаринъ не пропуститъ случая обобрать или даже пристрѣлить изъ-за камней одинокаго путешественника. Поэтому строго предписывается, чтобы офицеръ имѣлъ конвой изъ двухъ-трехъ казаковъ, а казаки разъѣзжали въ количествѣ не менѣе двухъ человѣкъ. То же самое пришлось сдѣлать и намъ. Мы взяли для конвоя двухъ казаковъ и поѣхали. У подхорунжаго была очень рѣзвая лошадь, почему онъ нерѣдко далеко уѣзжалъ отъ насъ впередъ. Отъ нечего дѣлать я разговорился съ казакомъ. Кубанскій казакъ такъ же простодушенъ и легковѣренъ, какъ и всякій другой русскій простолюдинъ; отличіе его только то, что онъ чувствуетъ, вѣроятно, унаслѣдованную отъ запорожскихъ своихъ предковъ склонность къ войнѣ.

Предъ самой сѣдловиной дорожка пошла по ущельямъ крутыми, неудобными каменистыми подъемами. До сихъ поръ мнѣ не приходилось ѣздить по горамъ, поэтому пришлось всецѣло положиться на опытность и способность своего коня карабкаться по неудобопроходимымъ тропинкамъ. Лошадь и я достаточно таки измучились, прежде чѣмъ выбрались на сѣдловину, гдѣ подъемъ настолько пологій, что можно было безъ затрудненія ѣхать иногда и рысцой. Чистый горный воздухъ, роскошная трава съ безконечной массой цвѣтовъ, среди которыхъ было много такихъ, что они могли бы служить украшеніемъ любого цвѣтника, грандіозныя сооруженія Араратовъ впереди и сбоку доставляли такое истинное удо-

вольствіе, что забывались и усталость, и голодъ, и жажда. Вскорѣ мы увидѣли бѣлыя палатки: это былъ лагерь двухъ сотенъ казаковъ Полтавскаго полка,—цѣль нашей поѣздки, и мы поспѣшили туда.

Первая же ночь показала, что на высотѣ 7500 ф. нельзя спокойно спать подъ однимъ одѣяломъ; пришлось къ одѣялу прибавить все, чтó было изъ платья. Температура падаетъ ночью, вѣроятно, градусовъ до 2—3, днемъ же, наоборотъ, солнце печетъ такъ сильно, что обжигаетъ лицо и руки даже у людей привычныхъ къ жарѣ. Не разсчитывая пробыть здѣсь долго, я на другой же день началъ свои прогулки по окрестностямъ. Составилась небольшая компанія и мы отправились на гору Такяльту, съ которой можно увидѣть всю равнину. Такяльту, въ переводѣ съ татарскаго, означаетъ подсѣдельникъ. И дѣйствительно гора эта расположена подъ сѣдловиной, на восточномъ склонѣ Б. Арарата и представляетъ собою значительныхъ размѣровъ побочный вулканъ. На дорогѣ намъ пришлось осмотрѣть остатки деревни Велиджанъ. Остатки состоятъ изъ каменныхъ изгородей и надгробныхъ памятниковъ, на двухъ-трехъ изъ которыхъ были высѣчены кресты. Изгороди были сдѣланы изъ громадныхъ обломковъ базальта, сложенныхъ безъ всякаго цемента. Подобныя циклопическія постройки часто попадались мнѣ во время послѣдующихъ поѣздокъ, и всякій разъ мнѣ казалось непонятнымъ, зачѣмъ обитателямъ нужно было тратить время и силу на подъемъ сто-пудовыхъ камней, когда безъ хлопотъ можно было соорудить приземистую стѣну изъ болѣе мелкихъ камней. Чтó это была за деревня и когда она кончила свое существованіе, мои спутники ничего не могли мнѣ сказать. Вѣроятно нападенія курдовъ, которые и теперь безпрерывно грабятъ, убиваютъ и калѣчатъ другъ друга, вы-

нудили крестьянъ упомянутой деревни бѣжать отсюда, если только они не были перебиты всѣ за одинъ разъ. Если что-нибудь подобное и случилось, то это уже давно, такъ какъ могильные памятники глубоко зарылись въ землю, а отъ жилищъ остались одни изгороди, все же остальное пространство заросло густою, роскошною травой. Трава повсюду здѣсь отличается свойственною альпійскимъ высотамъ роскошью и разнообразіемъ; въ особенности по небольшимъ ущельямъ, гдѣ она меньше подвергается солнечному припеку, она обращается въ сплошные цвѣточные ковры, между которыми рѣзко выдается макъ, съ лепестками ярко краснаго цвѣта, достигающими трехъ вершковъ въ поперечникѣ; этотъ видъ мака отличается отъ другихъ тѣмъ, что лепестки его не только бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ обыкновенно, но и сидятъ крѣпче и бываютъ въ числѣ 4, 6 и 8, чего мнѣ не приходилось видѣть нигдѣ на низкихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, въ такихъ мѣстахъ нѣтъ ни деревца ни ручейка. Къ оригинальнымъ представителямъ здѣшней флоры нужно причислить грибы, похожіе на дождевики, разнообразной формы, то въ видѣ сердца, то шарообразные, то похожіе на круглый или продолговатый хлѣбъ, и достигающіе 3½ четвертей въ діаметрѣ. Бѣлые массы этихъ грибовъ, разбросанныхъ по южному склону вершины Такяльту, замѣтны уже издали среди выгорающей отъ безводія травы. Во многихъ мѣстахъ трава, кажется, пропадаетъ безъ пользы, потому что вблизи нѣтъ воды, а на водопой гонять скотъ по изборожденной балками и хребтиками мѣстности очень неудобно или совсѣмъ нельзя. Болѣе доступныя мѣста служатъ временными пастбищами весною и осенью, когда выпадающіе снѣга и дожди доставляютъ достаточное количество воды. Тропинка, по которой мы шли, то подни-

малась въ гору, то опускалась въ балку; мѣстами же не было и простой тропинки, и намъ приходилось итти по скользкой выгорѣвшей травѣ. Эти непривычные для меня безпрерывные подъемы и опуски, разрѣженный воздухъ и сильно томившая жажда довели меня и одного моего спутника почти до полнаго изнеможенія, и мы чуть живые добрались, наконецъ, до одной куртинской кочевки, гдѣ можно было вдоволь напиться разбавленнаго водой кислаго молока. Рѣдко случалось мнѣ въ жизни пить что-нибудь съ такимъ удовольствіемъ и въ такомъ количествѣ, какъ этотъ незамысловатый напитокъ. Это подкрѣпило насъ, тѣмъ не менѣе домой я добрался страшно усталымъ и дня два потомъ чувствовалъ боль въ груди. Съ теченіемъ времени я, однако, привыкъ ходить по горамъ долго и скоро, и первое путешествіе на Такальту казалось уже мнѣ игрушкой.

Лагерь былъ расположенъ верстахъ въ 3—4 отъ границы, чѣмъ я рѣшилъ воспользоваться, чтобы взглянуть на чужую землю, тѣмъ болѣе что это мнѣ еще никогда не удавалось. Пограничныхъ знаковъ нигдѣ не было, и граница проходитъ, повидимому, на той высшей линіи сѣдловины, откуда она начинаетъ слегка опускаться къ сѣверной и южной сторонѣ. Растительность, богатая въ окрестностяхъ лагеря, по мѣрѣ приближенія къ границѣ, становилась болѣе тощей; камни, свалившіеся сюда съ М. Арарата попадались чаще, а мѣстами, гдѣ весною текутъ потоки, ихъ столько, что переходъ чрезъ нихъ становится въ высшей степени затруднительнымъ. Верстахъ въ 3-хъ отъ границы можно было видѣть, что сѣдловина между Б. и М. Араратомъ постепенно опускается уступами такъ же и къ Персіи, какъ къ Россіи. За этой сѣдловиной виднѣется такая же равнина, какъ и на Араксѣ, ограниченная съ юга и запада обрыви-

стыми голыми горами. М. Араратъ въ этомъ мѣстѣ вполнѣ доступенъ для подъема; склоны его довольно пологи и почти до верху покрыты травой, правда, довольно скудной, но значительно облегающей подъемъ. Въ половинѣ іюня верхушка его почти цѣликомъ была покрыта снѣгомъ, среди котораго возвышались темно-бурыя скалы. Отдѣльныя клочки снѣга спускались далеко внизъ; вокругъ нихъ зеленѣла трава, тщедушная и рѣдкая, но съ массою синихъ и голубыхъ цвѣтовъ, которые не попадаются уже ниже, на сѣдловинѣ. Животный міръ былъ такъ же бѣденъ, какъ и растительный; изрѣдка попадались небольшіе мотыльки да сѣренькія птички, и тишина нарушалась только лаемъ собакъ да криками животныхъ и людей, расположившихся на богатой травой сѣдловинѣ. Вода отъ тающихъ снѣговъ, большею частью, изчезаетъ тутъ же въ гористыхъ породахъ М. Арарата, почему курды, здѣшніе кочевники, должны отводить канавы отъ болѣе могучихъ потоковъ, текущихъ съ Б. Арарата. Этотъ послѣдній со стороны сѣдловины, имѣющей у его подножія видъ небольшой равнины, поднимается крутыми, обрывистыми и совершенно голыми горами, за которыми начинаются снѣга, сперва отдѣльными клочками, а затѣмъ почти сплошною массою, среди которой возвышаются каменныя глыбы или голые хребты, которые снизу кажутся ничтожными черными или темносѣрыми камешками или бороздами. На самой сѣдловинѣ и на склонахъ обоихъ Араратовъ разбросаны повсюду кочевки курдовъ, невдалекѣ отъ которыхъ пасутся стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота. Издали кочевки эти похожи на цыганскіе таборы. Шатры исключительно чернаго цвѣта. При осмотрѣ шатры эти указываютъ на бо́льшое благосостояніе, чѣмъ это можно встрѣтить у цыганъ. По формѣ своей они напоминаютъ двускатныя

крыши домовъ, съ невысокими стѣнами въ 1—1½ арш. изъ цыновокъ; одной стѣны не хватаетъ. Крыша обыкновенно сдѣлана изъ очень грубой черной или буроватой шерстяной матеріи. Одна сторона шатра обыкновенно бываетъ открыта. Мнѣ нѣсколько разъ пришлось бывать и видѣть издали эти кочевки и повсюду форма шатра оставалась та же. Внутренность иногда бывала раздѣленной на два-три отдѣленія цыновками; тутъ же въ шатрѣ имѣлось маленькое отдѣленіе для телятъ и ягнятъ. остальное же пространство чаще было безъ перегородокъ, и вся семья, въ большинствѣ случаевъ состоящая изъ нѣсколькихъ женатыхъ сыновей или братьевъ и ихъ потомствъ, спитъ въ повалку. Шатры располагаются такъ, чтобъ можно было помѣстить среди нихъ на ночь скотъ. Національный порокъ курдовъ—это склонность къ воровству, грабежу и разбою. Курдъ не пропуститъ случая украсть или отбить вооруженной силой скотъ, если къ этому представляется малѣйшая возможность. А такъ какъ скотъ является единственнымъ имуществомъ курда, то защита и отнятіе его сопровождается убійствами и пораненіями, порождающими, въ свою очередь, желаніе отомстить смертью же или ранами, если противная сторона не пожелаетъ уплатить за кровь. Ссоры эти никогда не прекращаются. За очень непродолжительное время моего пребыванія въ казачьемъ лагерѣ, приходилось слышать жалобы татаръ-кочевниковъ на сосѣднихъ съ казачьимъ лагеремъ курдовъ, что тѣ украли у нихъ корову; въ тотъ же день является курдъ съ заявленіемъ. что вышеупомянутые курды поймали ихъ ословъ и, чтобъ доставить хозяевамъ непріятность, отрѣзали имъ хвосты и уши. Приходитъ новый курдъ и жалуется, что изъ сосѣдней кочевки убили одного и ранили двухъ его родственниковъ, и что они рѣшили так-

же перебить ихъ, если тѣ не помирятся съ ними на выгодныхъ условіяхъ. Однако при дальнѣйшихъ распросахъ оказывается, что убійство и пораненія произошли въ то время, когда жалующійся со своими родичами гналъ украденный имъ скотъ. Обвиняемые въ убійствѣ узнали въ прогоняемыхъ среди камней коровахъ скотъ своихъ родственниковъ изъ сосѣдней кочевки и сочли нужнымъ отнять его. Произошла свалка и одинъ человѣкъ былъ убитъ, а два ранены. Однимъ словомъ, дрязги эти ведутся испоконъ вѣку и могутъ кончиться только тогда, когда совершенно измѣнятся условія мѣстной жизни. Большинство кочевниковъ въ окрестностяхъ лагеря были персидско-подданные, которые заняли русскія пастбища при неоффиціальномъ разрѣшеніи. Поэтому на междоусобія курдовъ смотрятъ довольно спокойно; имъ предлагаютъ только уладить дѣло миромъ, угрожая въ противномъ случаѣ выгнать ихъ или силой или, еще проще, перекопать канаву, по которой идетъ вода для водопоя скота непріятельской кочевки, въ силу чего курды поневолѣ должны были бы уйти отсюда, съ хорошихъ пастбищъ. Такъ какъ отъ ссоръ курдовъ между собою вреда казакамъ не было никакого и ссоры эти кончались мирными соглашеніями, въ родѣ того, что за искалѣченныхъ ословъ пришлось отдать цѣлыхъ, а за убійство заплатить изрядную сумму, то курды обыкновенно оставались на прежнихъ мѣстахъ и спокойно являлись въ лагерь въ одиночку и толпами, принося для продажи и въ особенности въ обмѣнъ на хлѣбъ масло, молоко, сыръ, ягнятъ и т. п. Приходя въ лагерь для торговли и для разрѣшенія недоразумѣній, курды иногда приглашали офицеровъ къ себѣ въ гости. Присматриваясь къ курдамъ въ Эривани и здѣсь на кочевкахъ, я замѣтилъ одну особенность, которая отличаетъ ихъ отъ другихъ туземцевъ

Закавказья, – это бо́льшая выразительность и осмысленность ихъ лицъ. Въ особенности чувство личнаго достоинства замѣтно у ихъ старшинъ или начальниковъ. У курда рѣдко можно встрѣтить такое тупое выраженіе лица, какъ у татарина-крестьянина, а въ манерахъ никогда не увидишь того пресмыкательства или наглости, которая такъ нерѣдка у армянина-горожанина. Формы лица правильны, иногда даже очень красивы. Бороду курды обыкновенно бреютъ, оставляя усы, которые хотя и длинные, однако далеко не достигаютъ той величины, какая обыкновенно изображается на картинахъ. Глаза у большинства сѣрые или зеленоватые. Волосы на головѣ сбриваются или цѣликомъ или только посрединѣ. На голову надѣвается войлочная шапка, обмотанная нѣсколькими черными, пестрыми или красными платками. Цвѣтъ этихъ платковъ ничего не обозначаетъ, какъ увѣряютъ многіе, и выборъ ихъ зависитъ отъ вкуса хозяина. Женщины также надѣваютъ на головы шапочки, обмотанныя платками. Преобладающій цвѣтъ въ нарядѣ женщинъ красный. Самъ нарядъ, по крайней мѣрѣ будничный, въ которомъ мнѣ приходилось видѣть куртинокъ, не отличается замысловатостью: красные штаны, со вдѣтой въ нихъ сорочкой, и два-три отдѣльныхъ куска матеріи, привязанные къ поясу, одинъ спереди, другой сзади, и замѣняющихъ собою юбку. На ноги надѣты чулки и кожаныя лапти, а на головѣ вышеупомянутая шапка съ платками—вотъ и все. Лицъ куртинки обыкновенно не закрываютъ, гдѣ бы онѣ ни были, въ степи или городѣ. Въ видѣ украшенія онѣ прокалываютъ ноздри сбоку и вдѣваютъ нѣчто въ родѣ пуговки; такое украшеніе называется по-куртински „мехъ". Отправившись вечеромъ на прогулку съ сотеннымъ командиромъ Г. и его женою, мы зашли въ сосѣднюю кочевку. Навстрѣчу къ намъ вышло чуть не все

населеніе. Низко раскланявшись съ нами, съ приложеніемъ правой руки къ лѣвой половинѣ груди, старшина послалъ впередъ мальчишекъ съ приказаніемъ приготовить все необходимое для нашей встрѣчи. Потомъ насъ усадили на разостланный на травѣ коверъ и начали предлагать зарѣзать для насъ барашка или корову, говоря на своемъ ломаномъ языкѣ: „Хочешь, барашка пропалъ, бикъ пропалъ" и т. д. Въ это время явились женщины и двѣ изъ нихъ представились нашей спутницѣ. Церемонія представленія состояла изъ пожатія руки, и потомъ вновь представленныя садились рядомъ на коврѣ. Одна изъ нихъ, молоденькая 17-лѣтняя женщина, очень миленькая и довольно опрятная, чего нельзя сказать о другихъ видѣнныхъ мною бабахъ, очень конфузилась, когда мы разспрашивали, сколько ей лѣтъ и какъ ее зовутъ. Приведу нѣсколько образцовъ именъ—женскія: Рагй. Рашй, Хаты, Хазы, Котэ; мужскія: Амб, Хечб, Мистб, Наби. Другая сидѣвшая съ нами куртинка чувствовала себя совершенно свободно, улыбалась и не обнаруживала ни малѣйшаго признака смущенія. Такая же непринужденность замѣтна была и во всей публикѣ, въ особенности среди ребятишекъ, окружившихъ насъ плотною стѣной. Нарядъ на ребятишкахъ, особенно маленькихъ, былъ доведенъ до возможной простоты. Онъ состоялъ изъ страшно заношеннаго родительскаго кафтанишки, прикрывающаго только плечи и немного сзади, передняя же часть тѣла оставалась совершенно голой, при чемъ очень картинно выдавались впередъ испачканные выпяченные животики. Не допустивъ курдовъ убить ради насъ корову или барана, мы должны были отвѣдать молока или лаваша, чтобы они не подумали, что мы пренебрегаемъ ихъ кушаньями. Послѣ этого мы отправились осмотрѣть внутренность шатровъ. Наружная грязь

курдовъ вполнѣ гармонировала съ грязной обстановкой ихъ шатровъ. Тутъ, въ шатрѣ, гдѣ помѣщалось нѣсколько людскихъ поколѣній, находили себѣ пріютъ и телята съ ягнятами. Характерную особенность каждаго куртинскаго шатра составляетъ присутствіе нѣсколькихъ ружей.

Въ верстѣ отъ лагеря находилась березовая роща. Рощу эту можно видѣть изъ Эривани, гдѣ она представляется въ видѣ чернаго пятна на склонѣ М. Арарата. Глядя на это пятно, предполагаешь, что это могучій лѣсъ; на самомъ же дѣлѣ найдешь здѣсь приземистыя корявыя березки, среди которыхъ попадаются небольшія рябиновыя деревья и приземистый можжевельникъ, образующій цѣлыя заросли у опушки лѣса. Лѣсъ этотъ годенъ только на дрова да на мелкія подѣлки въ незамысловатомъ домашнемъ обиходѣ курда.

Животный міръ, какъ въ этомъ лѣсу, такъ и на всей сѣдловинѣ отличается бѣдностью и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Изъ птицъ мнѣ удалось видѣть или слышать: коршуновъ, бѣлыхъ грифовъ, ястребовъ, сорокъ, куропатокъ, жаворонковъ, сову, козодоевъ, перепеловъ да нѣсколько родовъ мелкихъ сѣренькихъ пичугъ, попадавшихся довольно часто среди скалъ Б. Арарата. По словамъ курдовъ, въ лѣсу и скалахъ водятся зайцы, волки и туры, но самому мнѣ видѣть ихъ ни разу не удалось. Попадались часто ящерицы, а при подъемѣ на сѣдловину мною была поймана небольшая земляная черепаха и змѣйка, очень ловко зарывавшаяся въ песчаную почву, благодаря роговому наросту на кончикѣ морды. Изъ насѣкомыхъ чаще всего попадались обычные спутники человѣка—мухи, потомъ мелкія бабочки, пчелы, шмели, мелкіе жучки. Растительный міръ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ представителей семей-

ства злаковъ; между прочимъ, очень часто попадается макъ, незабудки, разные виды ромашки, бѣлой кашки, колокольчиковъ и колючей, растущей кустами, травы, очень богатой смолистымъ веществомъ: достаточно приподнести спичку, чтобъ весь кустъ воспламенился и сгорѣлъ до тла. Растительность, отличающаяся такою роскошью въ маѣ и іюнѣ, совершенно выгораетъ въ началѣ іюля, и все живое спѣшитъ уйти отсюда подальше, гдѣ можно найти хоть каплю воды. Считаю нужнымъ указать также на своеобразную особенность лавовыхъ породъ образовывать пещеры. Отдѣльные потоки или волны тѣстообразной лавы изливались на остывшіе уже пласты и, застывая въ свою очередь, оставляли между собою промежутки или щели въ видѣ сводовъ. Вода, проникая въ эти щели, постепенно увеличиваетъ ихъ и обращаетъ въ пещеры. Если условія благопріятны и своды не обваливаются, пещера достигаетъ значительныхъ размѣровъ и служитъ мѣстомъ для загона скота или для припрятыванія контрабанды. Я осмотрѣлъ наибольшую пещеру. Она имѣла саженъ 15 въ длину и отъ 3 до 5 с. въ ширину. Наибольшая высота ея была въ средней части, такъ что потолокъ едва виднѣлся при свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей; съ того и другого конца потолокъ и полъ сближались и пещера принимала форму щели. На сводахъ потолка блестѣли капли воды, которая образовала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на полу лужи. Вода эта постоянно размываетъ потолокъ, обваливающійся слоями, изъ которыхъ многіе готовы были рухнуть, почему хожденіе по пещерѣ было не совсѣмъ безопасно.

Коснусь теперь въ немногихъ словахъ лагерной жизни казаковъ. Стоящія на сѣдловинѣ 2 сотни приходятъ сюда только на 1-1$^1/_2$ мѣсяца отчасти для того, чтобы охранять границу, а главнымъ образомъ, чтобъ попра-

вить лошадей на свѣжемъ подножномъ корму да и самимъ отдохнуть. Для нихъ пора пребыванія на Араратѣ представляетъ сплошной праздникъ. Ничегонедѣланіе составляетъ главное занятіе и дополняется спаньемъ и лежаніемъ на животѣ или спинѣ съ заложенными подъ голову руками или хожденіемъ другъ къ другу въ гости. Большинство не отличалось особенной подвижностью и на мое предложеніе пойти на прогулку чаще всего давался отвѣтъ: „Чего я тамъ не видалъ?“ По вечерамъ почти вся компанія собиралась въ нашей палаткѣ.

Среди офицеровъ былъ одинъ принцъ персидскій, дѣдъ котораго, послѣ неудачныхъ претензій на персидскій престолъ, бѣжалъ въ Россію и поселился въ Шушѣ. Человѣкъ 20 внуковъ этого претендента на персидскій престолъ были отданы въ науку муллѣ. Ученость муллы была велика, но методъ преподаванія былъ первобытный: мулла больше билъ своихъ вельможныхъ учениковъ, чѣмъ училъ. Къ битью палками и руками и къ обычному сѣченію прибавилось еще битье по пяткамъ. Для этой операціи ноги вдѣвались въ особые хомутки, прикрѣпленные къ толстой палкѣ, и потомъ мулла билъ безъ жалости. Иногда на муллу находило неистовство, раздавался дикій возгласъ: „Палки!“; палки вносились рабочимъ, двери запирались вверху задвижкой и начиналась всеобщая порка: мулла билъ рѣшительно всѣхъ и куда попало. Вся компанія металась по громадной комнатѣ и старалась отпереть дверь, но это удавалось очень нескоро, такъ какъ мулла зорко слѣдилъ за дверью и пойманнаго около нея билъ нещадно. Наконецъ мулла уставалъ, дверь удавалось отпереть и вся компанія стремглавъ убѣгала домой. На другой день въ школу никто не приходилъ, и родители начинали переговоры съ муллой, чтобъ онъ больше не билъ ихъ дѣтей. Мулла обыкно-

венно обѣщалъ, но своимъ обѣщаніямъ не придавалъ никакого значенія и съ перваго же дня начиналъ снова побои и билъ иногда, такъ усердно, что съ ученикомъ случалась рвота, поносъ, дѣлалось ему дурно, а одного изъ принцевъ послѣ экзекуціи пришлось лѣчить около двухъ мѣсяцевъ. Описанный мулла не представляетъ исключенія. Битье учениковъ и теперь обычное явленіе въ татарскихъ школахъ, гдѣ всегда можно видѣть муллу, вооруженнымъ длиннѣйшей палкой, которою онъ бьетъ по спинамъ сидящихъ на корточкахъ учениковъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ посторонняго человѣка. Это можно наблюдать не только въ селеніяхъ, но и въ такомъ сравнительно культурномъ центрѣ, какъ Эривань. Битье по пяткамъ процвѣтаетъ здѣсь и теперь.

II.

Возвращеніе въ Эривань. Дорога въ Игдырь. Эчміадзинъ. Близость турецкой границы. Контрабанда и контрабандисты. Поѣздка верхомъ на пограничный постъ. Домашній бытъ пограничнаго татарина. Осмотръ другихъ постовъ. Бѣдность обстановки постовыхъ офицеровъ. Горное озеро на турецкой территоріи.

Съ сѣдловины я возвратился въ Эривань, откуда направился въ Игдырь, главное селеніе Сурмалинскаго у., лежащее на ю.-з. отъ Эривани.

Дорога изъ Эривани, на разстояніи пяти-шести верстъ идетъ между садами, то удаляясь, то приближаясь къ Зангѣ. которая свѣтлой лентой уходитъ куда-то въ даль. Вначалѣ это путешествіе среди садовъ доставляло удовольствіе, но въ концѣ концовъ высокіе каменные и глиняные заборы, высотою сажени въ $1\frac{1}{2}$, начали нагонять скуку и являлось невольное желаніе выбраться на просторъ, откуда бы можно было взглянуть на Араратъ, на Алагёзъ, на пограничныя горы и равнину.

Наконецъ желаніе было удовлетворено: мы выбрались въ поле. Справа отъ дороги шли небольшіе холмы, усыпанные камнями, съ обнаженными боками и съ фундаментами изъ чернаго базальтоваго туфа. Слѣва шли культурныя поля, главнымъ образомъ рисовыя, залитыя водой, пшеничныя и хлопковыя. Пшеница уже созрѣла и въ большинствѣ случаевъ была сжата и стояла въ снопахъ. На рисовыхъ поляхъ, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, чалтыкахъ, бродили аисты, разыскивая себѣ добычу, а мѣстами виднѣлись рабочіе, прорѣживавшіе густые всходы. Повсюду были видны деревни, тонущія въ садахъ. Вначалѣ мы ѣхали по шоссированный дорогѣ, но вскорѣ ямщикъ свернулъ съ нея и больше уже не возвращался, предпочитая ѣхать или сбоку или совсѣмъ въ сторонѣ. Вслѣдствіе этого до Эчміадзина пришлось сдѣлать вмѣсто 18 верстъ около 25. Шоссейная дорога была по обыкновенію или совершенно заброшена и покрыта толстымъ слоемъ пыли, могущей превратиться при первомъ же случаѣ въ непролазную грязь, или же починялась, что, въ свою очередь, устраняло всякую возможность пользоваться ею.

За культурными полями началась пустыня, мѣстами покрытая жалкой растительностью, въ видѣ полыни и колючекъ. Только вблизи Эчміадзина замѣтны были повсюду признаки дѣятельности человѣка: чалтыки перемѣшивались съ пшеницей и хлопкомъ, бродилъ скотъ и работали жнецы, убирая пшеницу. Наконецъ мы добрались до Эчміадзина. Эчміадзинъ мѣстопребываніе армянскаго католикоса и служитъ для армянъ почти тѣмъ же, чѣмъ для православныхъ русскихъ является Троицкая или Печерская Лавры. Но какимъ убожествомъ является эта патріаршая резиденція въ сравненіи съ грандіозными и богатыми сооруженіями русскихъ монастырей! За Эч-

міадзиномъ характеръ мѣстности началъ нѣсколько мѣняться. Культурныя поля, почти исключительно пшеничныя, перемежаются съ травянистой степью и болотистыми мѣстами, покрытыми травой и камышомъ. То и дѣло приходилось переѣзжать чрезъ мутныя рѣченки, извѣстныя подъ общимъ именемъ Кара-су, т. е. черная или мутная вода. Деревни виднѣлись вокругъ такъ же часто, какъ и раньше. Животный міръ становился также богаче: къ прежнимъ аистамъ присоединились бѣлыя цапли, чайки, чибисы, горленки, сизоворонки, ласточки, скворцы и т. п. Попадались чаще люди и стада коровъ и буйволовъ, на которыхъ нерѣдко возсѣдали пастухи или возвращающіеся съ полей хозяева. Буйволы своей величиной и массивной богатырской фигурой производятъ впечатлѣніе среди сравнительно мелкорослыхъ коровъ. Идетъ этакій богатырь, совершенно не замѣчая сѣдящаго на немъ длинноногаго армянина или татарина. Буйволы очень любятъ валяться въ грязи, почему нерѣдко можно видѣть ихъ измазанными грязью отъ морды до хвоста. Вечеромъ хозяева обыкновенно ихъ моютъ, и такая операція доставляетъ видимое удовольствіе лежащему въ канавѣ буйволу. Уходъ за ними, однако, довольно хлопотливъ; зимою ихъ приходится держать въ тепломъ помѣщеніи, а при случаѣ даже укрывать войлоками.

Наконецъ ночью мнѣ удалось добраться до Игдыря. Это большое село, съ населеніемъ изъ татаръ и армянъ, тысячъ въ пять; служитъ оно мѣстопребываніемъ уѣзднаго начальника и всѣхъ уѣздныхъ учрежденій. Здѣсь находится и таможенная застава. Пойманная контрабанда распродается въ большинствѣ случаевъ здѣсь же. Этимъ пользуются мѣстные жители и за безцѣнокъ покупаютъ то, что̀ уже въ Эривани иногда сто̀итъ вдвое дороже. Изъ Игдыря я хотѣлъ пробраться на границу, желая по-

смотрѣть на житье-бытье обитателей постовъ, для чего нужно было нанять или купить себѣ коня. Поденную плату за очень плохихъ коней армяне-торговцы назначали такую, что гораздо выгоднѣе было купить, что въ скоромъ времени мнѣ и удалось сдѣлать при помощи казачьяго офицера. Въ Игдырѣ мнѣ пришлось завести кое-какія знакомства и наслушаться о житьѣ казаковъ, офицеровъ и рядовыхъ, и всадниковъ земской стражи. Постовые казаки и чапары почти все время проводятъ въ ловлѣ контрабанды и въ погонѣ за разбойниками. Контрабанда идетъ изъ Турціи обыкновенно небольшими партіями и состоитъ изъ коровьяго масла, скота, чая. Поимка ея не сопряжена съ большими опасностями, хотя перестрѣлки, иногда съ пораненіями, совершаются часто. Въ большинствѣ случаевъ контрабандисты предпочитаютъ сбросить на дорогѣ нѣсколько вьюковъ и этимъ отвлечь вниманіе гонящихся, а остальную массу товаровъ поразбросать среди камней въ ущельяхъ, отыскать въ которыхъ что-нибудь довольно мудрено. Пограничное населеніе, армянское и татарское, поголовно укрываетъ воровъ и контрабанду. Поэтому контрабандисты всегда могутъ считать себя въ безопасности, лишь только попадутъ въ первую какую-нибудь деревню, которыя здѣсь находятся на каждомъ шагу, такъ какъ мѣстность густо населена. Обитатели деревни въ мигъ растащутъ привезенное, и дѣлу конецъ. Это обстоятельство и многочисленность ущелій въ пограничныхъ горахъ даетъ возможность провозить контрабанду въ значительныхъ размѣрахъ, несмотря на рьяность казаковъ, пограничной и земской стражи, поощряемыхъ вознагражденіемъ со всякой поимки. Разбойничьи шайки тоже нерѣдко производятъ здѣсь свои операціи. Въ маѣ мѣсяцѣ

этого года была разгромлена такая шайка; о подробностяхъ будетъ разсказано дальше.

Въ Игдырѣ я познакомился съ сотникомъ Ч. Узнавъ, что я желалъ бы побывать на границѣ, онъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ онъ собирается объѣхать свои посты, а по осмотрѣ ихъ обѣщалъ поѣхать на другіе, гдѣ у него есть хорошіе пріятели. Мнѣ оставалось воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Купивъ себѣ лошадь, я въ компаніи съ сотникомъ пустился въ путь. Дорога вначалѣ шла среди полей и деревень. Мѣстами поля были обработаны, мѣстами представляли пастбища для многочисленнаго рогатаго скота игдырцевъ и сосѣднихъ деревень. Селеніе Чарухчи было послѣднее; оно лежало на границѣ пустыни. За ними начиналась холмистая мѣстность. Камни, полынь, колючки и полное безлюдіе съ солнечнымъ припекомъ—вотъ характеристика мѣстности на первыхъ десяти верстахъ. Вначалѣ, пока тропинка вела прямо вверхъ, можно еще было видѣть, обернувшись назадъ, зеленѣющія поля и деревни. Затѣмъ, когда тропинка пошла по длинному ущелью, усыпанному камнями, съ тощею травой, скука и томленье начали овладѣвать мною и моими спутниками. За „великой щелёй", какъ называютъ ущелье казаки конвойные, началась малая, такая же однообразная, какъ и первая, такъ же обсыпанная камнями, какъ и та. Хотя растительности въ ней было больше, но и она была высохшая и убогая. Воды не было нигдѣ, хотя то и дѣло приходилось переѣзжать чрезъ усыпанныя камнями русла высохшихъ потоковъ, видимо буйныхъ и непроходимыхъ во время таянія снѣговъ. Изъ людей никого нельзя встрѣтить. Вся эта мѣстность обитаема только въ раннюю весеннюю пору и осенью, когда вода отъ дождей и тающихъ снѣговъ дѣлаетъ растительность бога-

той и доставляетъ необходимую влагу для всего живого. Пустынность мѣстности дѣлаетъ путешествіе по ней въ одиночку небезопаснымъ, такъ какъ любой бродяга, курдъ или татаринъ, замѣтивъ путешественника, можетъ изъ-за любого камня пристрѣлить его, забросить въ камни и тѣмъ спрятать концы въ воду, или по меньшей мѣрѣ обобрать его и скрыться по какой-либо разсѣлинѣ, такъ какъ на помощь разсчитывать совершенно нельзя. Когда, наконецъ, мы выбрались, изъ ущелій на пологій скатъ, утомленіе и жажда совсѣмъ одолѣли ѣхавшую съ нами жену сотника. Ѣхала она на казачьемъ сѣдлѣ, сидя по-мужски. О дамскомъ сѣдлѣ здѣсь и думать не приходится, такъ какъ его едва ли можно достать, да и пригодность его при постоянныхъ подъемахъ и спускахъ тоже можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Непривычка ѣздить верхомъ, продолжительность ѣзды, солнечный жаръ и жажда довели ее до того, что она уже и не чаяла, какъ добраться до мѣста. То и дѣло приходилось слышать вопросы, скоро ли доберемся до воды. Когда же мы, наконецъ, добрались до канавы съ водой, отведенной жителями этой нагорной страны для поливки своихъ полей, мы и кони такъ и накинулись на нее. Тутъ мнѣ представились всѣ мученія странствій по Сахарѣ, и пришлось на практикѣ убѣдиться въ личной моей непригодности для совершенія походовъ по африканской пустынѣ. Мѣстность на горахъ оживилась: во многихъ мѣстахъ была засѣяна пшеница, трава становилась разнообразнѣй и больше, да и самыхъ камней, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ склоновъ горъ, становилось далеко меньше, хотя все-таки было настолько много, что вспаханныя поля, усыпанныя ими, навели бы страхъ на всякаго обитателя равнины. Наконецъ еще одинъ-два спуска и подъема и предъ нами появилась татарско-куртинская деревуш-

ка Сычанлы, а за ней казачій постъ—цѣль нашей поѣздки. Конецъ поѣздкѣ! Какія это пріятныя слова, когда спина и ноги ноютъ отъ непривычнаго продолжительнаго сидѣнья въ сѣдлѣ на постоянно спотыкающихся и скользящихъ лошадяхъ.

Сычанлы—маленькая деревушка, съ сотней обитателей татаръ и курдовъ. Дома сдѣланы изъ обломковъ камней, цементированныхъ грязью, съ плоскими крышами. Внутренность подобныхъ жилищъ скорѣе похожа на звѣриную берлогу, чѣмъ на мѣстожительство людей. Нѣсколько комнатъ, которыя разъединяются узкимъ и длиннымъ проходомъ, наполнены овцами или коровами, загоняемыми сюда въ жаркую пору дня. Слѣды этихъ временныхъ комнатныхъ обитателей наполняютъ все помѣщеніе запахомъ скотнаго двора, очень непріятнаго для непривычнаго посѣтителя, но не представляющаго ничего дурного для постоянныхъ обитателей, занимающихъ отдѣльно одну-двѣ комнаты, наполненныхъ ѣдкимъ дымомъ и тѣмъ ѣдкимъ, прогорклымъ запахомъ, который получается при скисаніи молочныхъ продуктовъ. Въ этихъ же комнатахъ помѣщается и весь скарбъ хозяевъ, грязный и бѣдный. Кроватей и скамеекъ не имѣется. Спать и сидѣть приходится на полу, гдѣ и какъ кому угодно. Обитатели этихъ берлогъ едва ли сознаютъ всѣ неудобства подобной обстановки, такъ какъ живутъ въ ней съ дѣтства, живутъ такъ, какъ жили ихъ отцы и дѣды. Дома сдвинуты такъ близко, что перебираться отъ одного дома къ другому приходится не по улицамъ, а по крышамъ. Нарядъ жителей грязный, рваный и бѣдный. Бѣдность обитателей еще болѣе усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что и здѣсь, въ горахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы, дѣло не обошлось безъ деревенскаго кулака. Всѣ прилегающія къ деревнѣ земли принадлежатъ какому-то армянину,

пріобрѣвшему ихъ когда-то и за что-то, и прибравшему всѣхъ обитателей къ своимъ цѣпкимъ рукамъ.

Остановился я въ казачьемъ лагерѣ, гдѣ и нашелъ любезный пріемъ со стороны командира сотни. Живетъ здѣсь нѣсколько семей, которыя ведутъ самый мирный образъ жизни, пользуясь роскошнымъ горнымъ воздухомъ и богатой растительностью. Нѣтъ тутъ обычной дачной пыли и сутолоки, которая начинаетъ надоѣдать чуть не съ перваго же дня; отсутствіе вѣчныхъ посѣщеній сосѣдей тоже представляетъ немалую прелесть здѣшней жизни.

Изъ Сычанлинскаго поста я поѣхалъ къ западу, въ компаніи со своимъ сотникомъ, который на другой день собрался осмотрѣть посты, лежащіе къ западу отъ Сычанловъ. Тутъ мнѣ пришлось увидѣть, что дорожки между постами еще хуже, чѣмъ та, по которой намъ пришлось ѣхать изъ Игдыря. То и дѣло приходилось опускаться въ балки и снова подниматься на горы, и въ то же время зорко слѣдить, чтобы конь не попортилъ себѣ ноги о какой-нибудь ужъ очень острореберный и большой камень. На этихъ горахъ живутъ татары и курды. Татары живутъ, большею частью, деревнями, а курды кочевками въ шатрахъ. Вокругъ деревень разбросаны пашни, главнымъ образомъ пшеничныя. Значительность высоты надъ уровнемъ моря становится замѣтной изъ того, что въ то время, когда на равнинѣ хлѣбъ уже убранъ, здѣсь, наоборотъ, онъ еще только началъ колоситься. На вспаханнныхъ поляхъ валяется безконечная масса камней разнообразной величины. Остается только удивляться, какъ мѣстные жители ухищряются еще пахать. Посты, на которыхъ намъ нужно было побывать, разбросаны на разстояніи 7—9 верстъ одинъ отъ другого. На двухъ постахъ, кромѣ казаковъ, находились еще сол-

даты-охотники, присланные сюда изъ Кагызмана, а при нихъ по одному офицеру. Офицеры, живущіе внутри страны, и понятія не могутъ составить себѣ о той жалкой обстановкѣ, въ которой приходится иногда жить ихъ товарищамъ на азіатской границѣ. Жалкіе, полуразвалившіеся, ободранные, безоконные домишки, съ провалившимися земляными крышами—это ихъ помѣщенія; внутренность комнаты представляетъ такой непригядный видъ, что любой деревенскій кабакъ можетъ гордиться предъ нею своею опрятностью. Бросается въ глаза полное отсутствіе обстановки. Скрипучая деревянная кровать, взятая у казака или татарина, представляетъ единственную мебель. На кровать навалено сѣно, прикрытое одѣяломъ и подушкой, единственнымъ багажомъ, захваченнымъ скитальцемъ. Стола тоже нѣтъ, а если что̀ нужно написать, такъ можно пристроиться какъ-нибудь на окнѣ. Вмѣсто табуретки валяется громадный плоскій булыжникъ. Къ этимъ неудобствамъ въ обстановкѣ прибавляется еще неисчислимое количество блохъ, жадныхъ и страшныхъ кровопійцъ, съ которыми воюешь до тѣхъ поръ, пока не выбьешся изъ силъ и не будешь терпѣливо относиться къ нимъ, какъ къ неизбѣжному злу. Кормится такой злополучный офицеръ изъ общаго котла, потому что варить отдѣльно не въ чемъ и нечего, да и не за что. Единственное отличіе въ его жизни отъ жизни казака или солдата то, что онъ два-три раза въ день пьетъ чай и достаетъ себѣ въ изобиліи молока. Солдаты и казаки отправляются съ такихъ постовъ на границу въ секреты для ловли контрабанды и разбойниковъ. Иногда отправляется съ ними и офицеръ, но нерѣдко послѣ первой же ночи предаетъ проклятію эти хожденія и отказывается навсегда отъ желанія лично изловить контрабанду. Ночи и на постахъ очень холодны, а на пограничныхъ высотахъ холодъ бы-

ваетъ такой, что въ несчастной буркѣ, единственномъ нарядѣ, который удобно съ собой захватить, зубъ на зубъ не попадаетъ, тѣмъ болѣе что лежать приходится среди камней, а не въ палаткѣ или комнатѣ. И вотъ, отказавшись отъ хожденій въ секреты, сидитъ такой воинъ дома, валяясь со скуки отъ утра до вечера или въ комнатѣ или на сѣнѣ въ холодкѣ подъ домомъ.

Въ верстахъ пяти отъ Аббасъ-гёльскаго поста, уже на турецкой землѣ, лежитъ Балыкъ-гёль, на высотѣ 7389 фут. Близость разстоянія и сильное желаніе посмотрѣть на горное озеро, довольно значительныхъ размѣровъ (10 верстъ длины и отъ 3 до 5 в. ширины), заставили меня поѣхать рано утромъ туда въ сопровожденіи двухъ казаковъ. Подъемъ къ озеру очень пологій, такъ что добраться до него не представляло никакого труда. Съ самой высшей точки хребта, по которому проходитъ воображаемая пограничная линія, такъ какъ никакихъ знаковъ не имѣется, становится виднымъ голубое озеро, частью скрытое за сосѣдними горами. По очертанію своихъ береговъ оно похоже на Гокчу, только меньшихъ размѣровъ. Склоны прилегающихъ къ озеру горъ, такъ же, какъ и около Гокчи, круты, но покрыты болѣе богатой растительностью. Деревьевъ на этой высотѣ совершенно нѣтъ. Надъ озеромъ носилось множество чаекъ, которыя своими криками, напоминающими раскатистый смѣхъ, нарушали гробовую тишину, царящую въ этой мѣстности. Деревеньки виднѣлись только на западной сторонѣ озера, да и тѣ, какъ мнѣ говорили, почти пусты теперь, потому что турецкое правительство разогнало жителей, составившихъ себѣ репутацію неукротимыхъ разбойниковъ. На три виднѣвшихся деревни оставлено не болѣе пяти семействъ, стада которыхъ бродили на склонахъ горъ около остатковъ снѣга, залегшаго

въ разсѣлинахъ. На озерѣ, въ сѣверной его половинѣ, есть небольшой островокъ, съ котораго доносились громкіе крики безчисленныхъ чаекъ, цѣлыя полчища которыхъ носились въ воздухѣ и плавали на озерѣ, а въ с.-в. углу озера выступаетъ небольшой, но очень крутой полуостровокъ, соединяющійся узкимъ перешейкомъ. На этомъ полуостровѣ имѣются полуразвалившіяся постройки, принадлежащія откупщику рыбныхъ промысловъ. Благодаря холерѣ, бывшей въ то время въ Турціи, граница закрылась и вывозъ пойманной въ озерѣ рыбы въ нашу сторону сдѣлался совершенно невозможнымъ. Въ Турціи чешуйчатыхъ рыбъ не ѣдятъ, и потому промыслы въ этомъ году совершенно прекратились. Въ этомъ озерѣ водится только форель, отличающаяся своимъ вкусомъ.

III.

Кочевка куртинскаго старшины. Очистка шерсти. Поѣздка къ езидскому родоначальнику. Кое-что о религіи езидовъ. Домашняя обстановка родоначальника. Зорскій постъ. Развалины храма. Чингильскій перевалъ и лагерь казачьей сотни. Случай съ четырьмя пограничными солдатами. Видъ съ перевала на Баязетъ. Обратно въ Игдырь.

Изъ Абасъ-гёля мы рѣшили отправиться обратно, но не по старой дорогѣ, а по тропинкѣ, ведущей къ куртинскимъ кочевкамъ, съ тѣмъ чтобы заѣхать на пути въ кочевку родоначальника курдовъ-езидовъ, Гассабъ-аги. Тропинка вначалѣ шла по ущелью, склоны котораго покрыты роскошною травою, а на днѣ шумитъ ручеекъ, берущій начало изъ остатковъ снѣга, залежавшаогся кое-гдѣ вверху по расщелинамъ. Новизна мѣстности, прекрасный воздухъ, роскошная трава съ массою цвѣтовъ, голубое безоблачное небо—все это поднимало духъ и настраивало на веселье, какъ это не-

часто бываетъ на равнинной мѣстности, гдѣ глазъ скоро присмотрится къ окружающей обстановкѣ на цѣлыя версты, а потомъ ищетъ и не находитъ ничего новаго и освѣжающаго. По сторонамъ виднѣлись куртинскія чадры, обычнаго чернаго цвѣта, а около нихъ толпились мужчины въ своихъ характерныхъ головныхъ уборахъ, женщины въ красныхъ нарядахъ и полуголые ребятишки. На пути нашемъ лежала кочевка правительственнаго куртинскаго старшины, Шамшадинова. Самого старика не было дома, и мы были встрѣчены его семьей. Оба сына старшины, молодые люди, съ красивыми и выразительными лицами, очень опрятно одѣтые, любезно предлагали намъ остаться у нихъ погостить, но такъ какъ у моихъ спутниковъ была другая цѣль поѣздки, то мы, напившись молока, отправились дальше. Пользуясь остановкой, я пошелъ осмотрѣть хозяйскую палатку. Палатка или чадра была устроена по общему куртинскому типу, отличаясь только своими размѣрами, нѣсколько большею опрятностью и значительнымъ количествомъ куртинскихъ паласовъ, сложенныхъ въ видѣ забора по одну сторону внутри палатки. Въ палаткѣ толпилась масса народу, преимущественно женщинъ, которыя заняты были приготовленіемъ обѣда. Котелъ, поставленный на камни, былъ тутъ же въ палаткѣ, большую часть которой пополнялъ дымъ и своеобразный запахъ кизяковъ. Другая часть женщинъ занята была очисткой овечьей шерсти. Снарядъ для очистки состоялъ изъ деревянной дощечки, со вбитыми въ нее въ нѣсколько рядовъ длинными тонкими шпильками, концы которыхъ торчатъ къ верху. На такомъ незамысловатомъ приборѣ куртинка съ замѣчательною быстротою очищаетъ шерсть отъ постороннихъ примѣсей. Вся процедура продѣлывается такъ. Женщина беретъ комокъ грязной шерсти,

натыкаетъ ее на шпильки, быстро подхватываетъ руками выдающіяся съ боковъ части, при чемъ грязь остается внизу среди шпилекъ. Продернувъ комокъ шерсти между шпильками нѣсколько разъ, она получаетъ чистую шерсть, отдѣльныя волосинки которой располагаются параллельно другъ другу. Среди женщинъ, ничѣмъ не занятая, разгуливала хозяйская дочка, Катэ-ханумъ. Предразсудокъ о необходимости равенства брака такъ же силенъ у курдовъ, какъ и у другихъ народовъ. Катэ-ханумъ, въ ожиданіи ровни-жениха, могущаго уплатить за нее богатый калымъ, такъ и засидѣлась въ дѣвкахъ. Уже лѣтъ тридцати, сухопарая, черномазая, съ десяткомъ висящихъ во всѣ стороны косичекъ черныхъ волосъ, она производитъ очень непріятное впечатлѣніе, несмотря на чистоту платья и на богатство головного убора, увѣшаннаго золотыми турецкими монетами и стоющаго не менѣе 150 р. Говоритъ она немного по-русски, такъ что съ нею легко было объясняться. Въ шатрѣ устроено отдѣльное помѣщеніе для гостей, устланное коврами и подушками.

Отсюда мы отправились къ езидскому родоначальнику. Дорога пошла быстро въ гору и во многихъ мѣстахъ такъ была усыпана камнями, что лошади съ трудомъ проходили по ней. Потомъ она и совсѣмъ исчезла, и мы поѣхали наугадъ, зная въ общихъ чертахъ, что нужная намъ кочевка находится къ востоку. Такъ какъ граница была очень близка, то мы и рѣшили свернуть въ Турцію. Съ вершины хребта открывался видъ на турецкія ущелья и на отдаленныя снѣговыя горы. По ущелью были разбросаны кочевки турецкихъ курдовъ, славящихся по всей этой мѣстности своими разбойничьими подвигами. Это обстоятельство заставляло насъ держаться поближе къ границѣ. Въ одномъ мѣстѣ при-

шлось видѣть заброшенную теперь дорогу, проложенную къ Эрзеруму нашими саперами во время войны и годную для перевозки пушекъ и тяжестей. Сколько хлопотъ и усилій стоило проложить эту дорогу по здѣшнимъ дебрямъ, и все это теперь предано забвенію, запущено, заросло травой и засыпано камнями съ сосѣднихъ возвышенностей. Мѣстами на пути попадался намъ снѣгъ, плотный какъ ледъ, засыпанный сверху камнями и землей Странно какъ-то было видѣть въ іюлѣ мѣсяцѣ массы снѣга, странно въ особенности послѣ перехода изъ знойной приараксской равнины, гдѣ все живущее только и отдыхаетъ отъ духоты ночью. Свернувъ на русскую землю, мы попали въ развѣтвляющееся ущелье, въ одномъ изъ угловъ котораго виднѣлись куртинскія чадры и около нихъ бѣлая палатка—признакъ, что это кочевка куртинскаго родоначальника, Гассанъ-аги. Пославъ впередъ казака съ извѣстіемъ, что къ Гассанъ-агѣ ѣдутъ гости, мы и сами, наконецъ, пріѣхали туда и были приняты съ тѣмъ радушіемъ, которое можно встрѣтить только у первобытныхъ кочевниковъ. Для насъ была поставлена новая палатка, бѣлая и круглая, въ ней постланы ковры и положены подушки и туда же внесенъ столъ и нѣсколько табуретокъ, такъ чтобы можно по желанію лежать или сидѣть. Пока готовилось угощеніе мы отправились смотрѣть кислый источникъ, протекающій въ ущельѣ, среди густой травы. Вода источника вкусомъ напоминаетъ сельтерскую. Проводить къ источнику взялся братъ Гассанъ-аги. На пути онъ разсказалъ намъ исторію сутяжничества езидовъ съ однимъ армяниномъ-землевладѣльцемъ. Господинъ этотъ предъявилъ права на громадную площадь земель, лежащихъ по ущельямъ и горамъ, отъ Таузкульскаго поста до границы, приблизительно верстъ въ 10 длиною. Предъявивъ свои пре-

тензіи, онъ требовалъ отъ курдовъ и татаръ платы за право пользованія этой землей. Плата взималась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ очень исправно, но наконецъ въ это дѣло вмѣшался езидскій родоначальникъ Гассанъ-ага и затѣялъ процессъ. Въ первыхъ инстанціяхъ процессъ выигрывался армяниномъ. Дѣло, тянувшееся лѣтъ шесть, дошло до сената, который предложилъ разсмотрѣть его вновь. Съ помощью сурмалинскаго начальника, прекрасно знакомаго со всѣми неприглядными пріемами здѣшнихъ богатѣевъ. удалось выяснить нѣкоторые подлоги и фальшивыя показанія. Оказывается, что изъ громадной площади этому армянину собственно принадлежитъ 560 десятинъ, остальная же земля казенная, отданная курдамъ въ пользованіе.

Во время обѣда и чаепитія, Гасанъ-ага, славящійся своимъ гостепріимствомъ и любезностью, охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, за исключеніемъ религіозныхъ, о которыхъ езиды вообще не любятъ говорить съ посторонними. Религія ихъ представляетъ смѣсь язычества, христіанства, кажется, въ видѣ несторіанской секты, и отчасти мусульманства. Они питаютъ большое уваженіе къ дьяволу, какъ временно падшему ангелу, который, наконецъ, получитъ прощеніе и вознаградитъ езидовъ за то почтеніе и услуги, которыя были ему оказаны ими при паденіи его съ неба на землю. Поэтому упоминать имя чорта и вообще отзываться о немъ съ неуваженіемъ въ присутствіи езида, это значитъ оскорбить его религіозное чувство. У езидовъ есть свой главный священникъ или архіерей, живущій въ Турціи, въ Моссулѣ. Архіерей этотъ, называющійся Милешъ-ага, навѣщаетъ свою паству и въ Россіи и всегда встрѣчается съ великимъ почетомъ и подарками. Каждый езидъ даритъ ему, что можетъ: кто лошадей, кто овецъ, кто

деньги. Послѣднее его посѣщеніе было года три тому назадъ; слѣдуетъ сказать, что турецкіе мусульмане, преслѣдующіе всячески езидовъ съ цѣлью обратить ихъ въ свою вѣру дѣлаютъ разъѣзды езидскаго архіерея болѣе чѣмъ опасными. Количество езидовъ вообще не велико, а въ Карсской области, Эриванской и Елисаветпольской губерніяхъ, ихъ насчитывается всего 2—3000. По словамъ людей, долго жившихъ на границѣ, езиды наиболѣе честный элементъ среди куртинскаго народа, хотя они такіе же неустрашимые вояки, какъ и курды-мусульмане. Жизнь на границѣ, вблизи разбойничьяго населенія, сопряженная съ постоянной опасностью лишиться своего единственнаго скота и въ то же время быть застрѣленнымъ или зарѣзаннымъ, пріучила ихъ быть постоянно на сторожѣ и не трусить при видѣ опасности. Особенно часты столкновенія езидовъ съ сосѣдними турецкими курдами, отчаянными разбойниками. Набѣги этихъ головорѣзовъ почти безпрестанны и совершаются съ замѣчательнымъ нахальствомъ, такъ какъ перебравшись чрезъ границу, въ Турцію, они могутъ считать себя въ безопасности, преслѣдовать же ихъ тамъ и для внушенія страха разгромить нѣсколько ближайшихъ кочевокъ считается непозволительнымъ не только солдатамъ или казакамъ, но даже и курдамъ, у которыхъ только что угнанъ скотъ. Переговоры съ турецкой администраціей по поводу вѣчныхъ угоновъ скота и разбоевъ обыкновенно ни къ чему не приводятъ, и пограничное населеніе продолжаетъ по-старому разбойничать. У езидовъ сохранился родовой бытъ, и надъ всѣми русскими езидами есть родоначальникъ; это званіе передается отъ отца къ сыну. Раньше, при слабости администраціи и судовъ, званіе родоначальника имѣло большее значеніе, чѣмъ теперь, такъ какъ почти всѣ дѣла езидовъ между собою

рѣшались родоначальникомъ. Однако и теперь родоначальникъ пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, которое выражается въ принесеніи подарковъ: овецъ, коровъ, лошадей, денегъ, платья, работы и т. д. Это даетъ Гасанъ-агѣ возможность жить на широкую ногу у угощать своихъ гостей, которые бываютъ у него чуть ли не безпрерывно, не только продуктами скотоводства, но и всевозможными напитками. Религія езидовъ не запрещаетъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но изъ всего народа пьетъ, вѣроятно, одинъ только родоначальникъ и пьетъ притомъ очень много. Несмотря на щедрыя даянія, Гасанъ-ага находилъ, однако, что жить теперь благородному человѣку стало хуже, такъ какъ нельзя безнаказанно дѣлать тѣхъ поборовъ, которые были возможны еще не далѣе двухъ десятковъ лѣтъ тому назадъ. Родоначальнику теперь 50 лѣтъ. Это видный, статный мужчина, съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, опрятно и хорошо одѣтый. Палатка, въ которой онъ живетъ со своимъ семействомъ, доходящимъ до 30 душъ, въ лицѣ братьевъ, сыновей, дочерей и прислуги, отличается значительной величиной и опрятностью. Когда я зашелъ въ палатку, тамъ кипѣла работа: женщины варили, пекли, прессовали сыръ, очищали шерсть, вили шерстяныя веревки. Въ качествѣ командирши надъ ними была единственная жена Гассанъ-аги, а въ числѣ работающихъ была и хорошенькая дочка его, въ 9 лѣтъ успѣвшая развиться такъ, что ей смѣло можно было дать 12—13 лѣтъ. Несмотря на обширные размѣры палатки, въ ней былъ такой удушливый воздухъ отъ тлѣвшихъ кизяковъ, что съ непривычки тяжело было дышать. Работавшія женщины нѣсколько конфузились при видѣ русскаго человѣка, хотя не старались спрятаться, какъ это всегда бываетъ у татаръ. Лицъ своихъ онѣ не закрываютъ и

среди нихъ можно было замѣтить нѣсколько очень миловидныхъ. За жену у езидовъ приходится платить, хотя не такія варварскія деньги, какъ у мусульманъ. По закону, езиду можно имѣть только одну жену. Впрочемъ и большинство мусульманъ не могутъ воспользоваться своимъ религіознымъ правомъ имѣть нѣсколько женъ, такъ какъ большая плата за жену дѣлаетъ эту роскошь доступной только людямъ богатымъ.

Такъ какъ ѣхавшая со мною компанія спѣшила возвратиться къ мѣсту службы, то вскорѣ послѣ обѣда мы двинулись къ Таузкульскому посту, съ тѣмъ чтобъ разъѣхаться потомъ въ разныя стороны. И опять пошли предъ нами заросшія травою и цвѣтами склоны хребтовъ и веселыя лужайки, а вечерняя прохлада и прекрасный горный воздухъ придавали еще болѣе веселости нашей компаніи. Ночевали мы на посту, гдѣ пришлось выдержать ожесточенное нападеніе блохъ, этихъ враговъ всѣхъ путешествующихъ. На другой день мы отправились обратно на Сычанлинскій постъ, гдѣ спутникъ мой и руководитель, сотникъ, остался; оттуда же мнѣ пришлось отправиться далѣе одному, воспользовавшись тѣмъ, что по тому же направленію ѣдутъ и казаки.

Отъ Сычанловъ до Зорскаго поста верстъ 18. Большая часть дороги идетъ въ гору, пересѣкая иногда ущелья, или проходя почти по ровному платó. Растительность повсюду отличалась густотой и высотой. Во многихъ мѣстахъ трава была скошена и по мѣстному обычаю свернута въ небольшіе пучки. Встрѣчались нерѣдко пашни, на которыхъ пшеница еще только начинала колоситься. Люди встрѣчались рѣдко, да и то только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ косили траву. Вся масса населенія ушла на болѣе высокія мѣста, поближе къ клочкамъ снѣга,

сохранившагося на высотахъ, или къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ протекалъ ручеекъ.

Въ Зорахъ пришлось остановиться ночевать. На казачьемъ посту офицера не было, и я рѣшилъ просить гостепріимства у офицера пограничной стражи Я., каковое мнѣ и было оказано съ тѣмъ радушіемъ, которое можно встрѣтить только у людей, заброшенныхъ судьбой на отдаленную, рѣдко посѣщаемую культурными людьми окраину. Семья Я. состоитъ изъ него самого и его жены. Самъ онъ бывшій драгунскій офицеръ, не болѣе года перемѣнившій служебную дѣятельность. Перемѣнивъ службу, онъ, съ западной границы, попалъ на границу съ Персіей и только съ мѣсяцъ до моего пріѣзда былъ переведенъ на Зоры, гдѣ солдаты пограничной команды должны смѣнить казаковъ. Жизнью своею на этомъ посту мужъ и жена пока довольны; припоминая всѣ неудобства житья на персидской границѣ, они разсчитываютъ, что жизнь на Зорахъ вознаградитъ ихъ за всѣ перенесенные невзгоды. И дай Богъ, чтобъ ихъ надежды сбылись, потому что разсказы казаковъ о томъ, что страшные снѣжные завалы въ горахъ отрѣзываютъ людей отъ всего міра, заставляютъ сомнѣваться въ возможности счастливой жизни на посту, по крайней мѣрѣ въ зимнее время. Лѣтомъ здѣсь, пожалуй, даже лучше, чѣмъ въ дачныхъ мѣстахъ, если только человѣкъ не отличается особенной общительностью или разборчивъ на общество, потому что непріятныя по чему-либо люди не будутъ мозолить здѣсь тебѣ глаза въ продолженіе всего дачнаго періода, а людей пріятныхъ можно зазвать хотя бы на короткое время. На другой день я, хозяинъ и гостившій здѣсь игдырскій мировой посредникъ отправились осмотрѣть минеральный источникъ, протекающій верстахъ въ двухъ отъ поста къ югу. Источникъ этотъ

не нанесенъ на пяти-верстную карту, которая не отличается тою правильностью, какую можно было бы отъ нея ожидать. Источникъ оказался маленькимъ, съ кисловатой водой и вкусомъ желѣза, ржавчина отъ котораго образовала налетъ на камняхъ и травѣ. Цѣлебныя свойства воды неизвѣстны и никто ею не пользуется. Вблизи находится другой минеральный источникъ, того же состава, но еще меньшихъ размѣровъ.

Своеобразную особенность почти всего пройденнаго пути составляло полное отсутствіе древесной растительности. Мѣстами попадались ивовыя деревья, но такія тщедушныя, что представляли собою тѣнь своихъ равнинныхъ собратьевъ-богатырей. Не знаю, чѣмъ объяснить отсутствіе лѣса, такъ какъ на сѣдловинѣ между Большимъ и Малымъ Араратомъ имѣется березовая роща, лежащая нѣсколько выше всѣхъ этихъ мѣстъ.

Въ деревнѣ Зоры, населенной теперь езидами, живущими въ ней только зимою, а лѣтомъ выходящими повыше на кочевки, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, остающихся для косьбы сѣна, и потому почти безлюдной, существуютъ развалины какого-то древняго христіанскаго храма, вѣроятно армянскаго. Отъ вліянія всесокрушающаго времени сохранились частью стѣны и своды. Къ этому храму въ опредѣленное время стекаются армяне для совершенія богослуженія и принесенія кровныхъ жертвъ. Во время своего посѣщенія я нашелъ тамъ въ стѣнныхъ нишахъ крохотныя восковыя свѣчи, отчасти обгорѣвшія, отчасти совершенно цѣлыя, потомъ массу глиняныхъ плошекъ, вѣроятно для сожиганія кунжутнаго масла, очень часто замѣняющаго здѣсь собою оливковое.

Изъ Зоръ я отправился далѣе на востокъ, на Чингильскій перевалъ, гдѣ расположилась лагеремъ казачья сотня. Для конвоя я получилъ двухъ казаковъ, которые,

какъ потомъ оказалось, ни разу не ѣздили на Чингилъ. Въ результатѣ отъ такого конвоированія получилось то, что мы, зная о положеніи лагеря только въ общихъ чертахъ, сбились и потеряли тропинку, то попадали не туда, куда слѣдовало, и вмѣсто 10—11 верстъ сдѣлали не менѣе 15, при чемъ измучились не только кони, но и ѣздоки; по временамъ приходилось совсѣмъ слѣзать съ коня. Дорога то поднималась на хребетъ, то спускалась въ глубокое ущелье; склоны хребтовъ доходили до 50° крутизны, и тропинка, густо усыпанная камнями, вилась по косогору, такъ быстро опускаясь, что мнѣ, человѣку еще новому въ горахъ, становилось довольно жутко. Оступись конь и соскользни съ тропинки, то отъ всадника и коня получились бы обезображенные куски мяса. Въ одномъ мѣстѣ тропинка совсѣмъ исчезла. Ѣхавшій впереди казакъ направилъ своего коня на вершину гребня; намъ, конечно, приходилось слѣдовать за нимъ. Привычные къ хожденію по горамъ кони сами выбирали себѣ направленіе, не прямо вверхъ, а по ломанымъ линіямъ, и несмотря на подобныя мѣры облегченія, все-таки страшно измучились уже на половинѣ горы, обливались пôтомъ и страшно храпѣли. Положеніе всадниковъ тоже далеко было незавидно. Коню приходилось карабкаться по косогору, при чемъ его правая половина была ниже лѣвой, и всаднику приходилось балансировать, чтобъ удержать себя въ равновѣсіи и облегчить коня. Гдѣ подъемы и спуски были довольно пологи, тамъ только приходилось отдыхать и людямъ и лошадямъ, но такихъ мѣстъ было сравнительно мало. Если мужчинамъ приходилось плохо, то представляю себѣ положеніе женщины, которой почему-либо нужно проѣзжать по такимъ трущобамъ. Это случилось съ г-жей Я., которая, во время переѣзда изъ Мучинскаго ущелья

на Зорскій постъ, натерпѣлась и страху и мученья, подъ конецъ отказалась отъ коня и должна была пѣшкомъ карабкаться на горы, гдѣ даже и привычнымъ людямъ приходится обливаться пóтомъ. Люди на этомъ пути встрѣчались рѣдко. Деревушки, служащія зимовниками, стояли пустыми, такъ какъ населеніе ушло на кочевки и здѣсь оставались только тѣ, кому нужно было скосить сѣно или присмотрѣть за хлѣбомъ, засѣяннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иногда въ ущельяхъ попадались куртинскія кочевки. Трава почти повсюду отличалась густотой и разнообразіемъ и прикрывала собой ту массу камней, которая является, кажется, характеристическою особенностью здѣшнихъ мѣстностей. Камней особенно много было на склонахъ отдѣльныхъ горныхъ вершинъ, которыя то и дѣло попадались на пути то справа, то слѣва отъ дороги. И какихъ только не было названій: тутъ была и Шишъ-тапа, и Дюбуръ, и Баружъ. Все это громоздилось повсюду, и какими крохотными букашками казались въ собственныхъ глазахъ тѣ, которымъ приходилось пробираться вблизи нихъ. Наконецъ, взобравшись на послѣдній хребтикъ, мы увидали въ лощинѣ бѣлыя палатки казачьяго лагеря и направились туда. Хозяевъ-офицеровъ не оказалось въ лагерѣ: они ушли на прогулку, и мнѣ ничего не оставалось, какъ пойти розыскать ихъ и тамъ же познакомиться.

При въѣздѣ своемъ въ лагерь я замѣтилъ тамъ четырехъ пограничныхъ солдатъ. При возвращеніи съ прогулки, есаулъ разсказалъ мнѣ, какъ эти солдаты съ Зорскаго поста попали къ нему въ лагерь. Солдаты пошли съ поста въ секретъ и залегли въ камняхъ на границѣ, сравнительно недалеко отъ казачьяго лагеря. Нѣсколько ниже залегшихъ солдатъ были кочевки курдовъ, пасшихъ здѣсь свой скотъ. Вдругъ солдаты замѣтили 8 во-

оруженныхъ курдовъ, пробиравшихся чрезъ хребетъ, среди камней, изъ Турціи, вѣроятно съ цѣлью угона скота русскихъ курдовъ. Курды также замѣтили солдатъ. Началась перестрѣлка, и такъ какъ солдаты не особенно разсчитывали на свою силу, то они и рѣшились убраться заблаговременно, пока ихъ еще не перебили. Среди камней они добрались до кочевки, гдѣ двое и остались, а два спустились въ лагерь съ просьбой о помощи. Казаки поскакали туда и выручили оставшихся, а курды-разбойники съ достоинствомъ храбрыхъ рыцарей медленно удалились во-свояси. Послѣ этого солдаты не рѣшались уйти на Зорскій постъ ни прямо чрезъ горы и ущелья ни въ обходъ, опасаясь, что курды переловятъ ихъ, такъ какъ дѣло клонилось уже къ вечеру. Но въ концѣ концовъ, вѣроятно подъ вліяніемъ насмѣшекъ казаковъ, они собрались таки съ духомъ и ушли. Въ самомъ дѣлѣ, малодушію солдатъ не приходится особенно удивляться: трудно требовать отъ мирнаго крестьянина, взятаго прямо отъ сохи, чтобъ онъ сразу проявлялъ храбрость. А гдѣ наберешься этой храбрости, когда онъ дома отродясь не держалъ ружья, а тутъ приходится сталкиваться съ головорѣзами, вся жизнь которыхъ проходитъ или въ грабежахъ и убійствахъ, или въ выслушиваніи воспламеняющихъ разсказовъ о ловкомъ угонѣ скота или молодецкомъ отпорѣ нападающимъ. Стрѣляютъ курды вообще прекрасно, такъ что нашему солдату трудно въ этомъ отношеніи тягаться съ нимъ.

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ на Чингилѣ, я пошелъ къ границѣ посмотрѣть на Баязетъ и прилегающія турецкія земли. Лучше всего для этого воспользоваться вечернимъ временемъ, такъ какъ утромъ многія мѣстности на западныхъ склонахъ горъ остаются въ тѣни и потому кажутся очень неясными. Тотчасъ почти отъ пограничнаго столба, который мнѣ пришлось

увидѣть здѣсь впервые, начинается скатъ, за которымъ лежитъ такая же равнина, какъ и на русской сторонѣ. Въ ближайшихъ къ намъ мѣстахъ она покрыта озерами, болотами и камышами, въ которыхъ, говорятъ, водится масса всякой дичи и, между прочимъ, кабановъ. За этими болотистыми мѣстами виднѣются сухія, но на нихъ нѣтъ ничего такого, что̀ видно на русской равнинѣ, которая, при взглядѣ на нее съ горъ, почти вся испещрена желтыми четырехугольниками нивъ. За равниной начинаются горы, и вблизи Баязета, расположеннаго въ ущельѣ, видны кое-гдѣ пашни и сады, но количество ихъ очень незначительно въ сравненіи съ охватываемою глазами площадью. Отдѣльныхъ зданій въ Баязетѣ различить нельзя было, и почти весь городъ представляется въ видѣ кучи бѣловатыхъ камней, разбросанныхъ по ущелью; ясно видна только крѣпость въ верхней части города; внизу подъ городомъ видна также большая постройка—крѣпость или постъ. Въ верхней крѣпости во время послѣдней войны съ турками, нашимъ солдатамъ пришлось выдержать осаду, во время которой страшный голодъ заставлялъ ихъ ѣсть все, что̀ попадалось; ѣли даже источенную червями падаль, при чемъ тутъ же приходилось выковыривать червей. Только ловкость и неустрашимость Сиволобова, успѣвшаго пробраться изъ города и давшаго знать о стѣсненномъ положеніи нашихъ солдатъ, спасла ихъ отъ голодной или насильственной смерти.

Къ востоку отъ лагеря возвышается Большой Араратъ, величественная блестящая макушка котораго сплошь покрыта снѣгомъ. Самая верхушка съ турецкой стороны довольно крута, зато подъемъ до вѣчнаго снѣга гораздо доступнѣе и на немъ не замѣтно тѣхъ обрывистыхъ горъ и разсѣлинъ, которыя такъ рѣзко бросаются въ глаза на русскомъ склонѣ. Малый Араратъ совсѣмъ скрытъ за Большимъ.

Изъ Чингиля я направился снова въ Игдырь. Дорога шла чрезъ Орговскій постъ, сначала по скату горъ, потомъ по равнинѣ, и казалась мнѣ прекрасной послѣ того, что я видѣлъ во время предыдущихъ поѣздокъ. Камней было сравнительно мало; подъемы и спуски достаточно пологи. Растительность, по мѣрѣ спуска, становилась все блѣднѣе и однообразнѣе, такъ какъ дожди идутъ здѣсь очень рѣдко, а солнце жжетъ съ неменьшей силой, чѣмъ на равнинѣ, гдѣ искусственное орошеніе даетъ возможность утилизировать это тепло и успѣшно бороться съ отсутствіемъ дождей въ лѣтнее время. Равнина вблизи горъ была покрыта камнями; затѣмъ камни исчезли, и дорожка пошла среди жесткихъ колючихъ травъ, густо покрывающихъ собою солончаковую почву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ травы было мало, и на поверхности земли виднѣлась соль, въ видѣ бѣлаго налета или коры, гулко хрустѣвшей подъ копытами лошади. Эта мѣстность заливается водами Аракса во время половодья. Каназы въ это время наполняются водой, которая, выступивъ изъ береговъ, заливаетъ окрестныя мѣста, обращающіяся потомъ въ топкія болота. Грубая трава, покрывающая эти солончаки, скашивается для скота, а колючки идутъ на кормъ верблюдамъ, предпочитающимъ ихъ, по какимъ-то особымъ вкусовымъ ощущеніямъ, всякой другой травѣ. Вблизи Игдыря почва дѣлается лучше и обращена почти въ сплошную ниву. Хлѣбъ повсюду былъ скошенъ и стоялъ въ стогахъ или уже былъ смолоченъ. Здѣсь повсюду опять были видны признаки благосостоянія, такъ мало замѣтнаго на пограничныхъ горахъ.

IV.

Отъѣздъ изъ Игдыря. Дорога по Араксу. Развалины древней Эрвандакерты. Аджи-чай. Кульпы. Дорога въ Кагызманъ. Кагызманскіе сады. Сокращенный путь изъ Кагызмана въ Карсъ. Подъемъ на карсское плоскогорье. Кочевка на плоскогорьѣ. Погоня за мнимыми контрабандистами. Татарская деревня. Костюмъ жителей. Пріѣздъ въ Карсъ.

Изъ Игдыря я рѣшилъ предпринять болѣе продолжительную поѣздку. Разсчитывалъ я выѣхать пораньше утромъ, но тутъ случился цѣлый рядъ препонъ и, между прочимъ, не оказалось сѣдельнаго потника, кѣмъ-то украденнаго. Пока купленъ былъ войлокъ и сшитъ потникъ, было уже часовъ 9 или 10, когда, наконецъ, удалось мнѣ выѣхать. Шоссейная дорога за Игдыремъ то извивалась среди полей, то проходила чрезъ деревни, представлявшіе почти вездѣ сплошной садъ. Нигдѣ нельзя было замѣтить пустырей: все было распахано, засѣяно пшеницей и хлопкомъ, по окраинамъ котораго росла клещевина, какъ предохранительное средство противъ потравъ скота, который не любитъ этого растенія. Пшеница почти повсюду была скошена и частью уже смолочена. Хлѣбъ здѣсь молотятъ способомъ, придуманнымъ, вѣроятно, еще во времена Ниневіи и Вавилона. Вмѣсто русскихъ цѣповъ и катковъ или усовершенствованныхъ молотилокъ употребляется доска, длиною аршина въ 2 и шириною въ 1 ар., въ которую снизу вбита масса острореберныхъ осколковъ кремня. Такую доску привязываютъ къ 1—2 быкамъ или буйволамъ, сверху на нее становится кто-либо изъ ребятъ и погоняетъ быковъ. Въ результатѣ получается вымолоченное зерно, а вмѣсто нашей соломы труха, извѣстная здѣсь подъ названіемъ самана. Саманъ идетъ на кормъ скоту и примѣшивается къ глинѣ при постройкахъ.

За татарской деревушкой Кити шоссе близко подошло къ Араксу. Араксъ въ этомъ мѣстѣ величественъ

только во время разлива. Усыпанное камнями русло его имѣетъ значительную ширину, самъ же Араксъ такъ жалокъ, что скорѣе похожъ на рѣчушку, чѣмъ на шумнаго и опаснаго богатыря, каковымъ онъ бываетъ во время разлива. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ распадается на нѣсколько рукавовъ, въ 3—4 саж. ширины. Вода изъ Аракса разбирается въ значительномъ количествѣ для орошенія. Поливка поля составляетъ все, и наша русская пословица „что посѣешь, то и пожнешь“ мало здѣсь примѣнима; „что польешь, то и пожнешь“, говорятъ здѣсь. Въ верстѣ-другой на западъ отъ деревни равнинный характеръ мѣстности постепенно мѣняется, и Араксъ течетъ уже среди холмовъ, надвинувшихся на него съ сѣвера и юга. Берега становятся обрывистыми и каменистыми, такъ какъ вулканическія породы выступаютъ наружу. Около Каракалинскаго поста мѣстность совершенно пустынна: нигдѣ не видно ни нивъ ни деревень. Тутъ же находятся остатки древней крѣпости. По объясненію чапарскаго урядника, крѣпость эта когда-то принадлежала татарскому хану и была разрушена Надиръ-шахомъ. Армянскіе историки считаютъ развалины этой крѣпости остатками своей столицы Эрвандакерта. Они же разсказываютъ, что около этого города библейскій прокаженный Іовъ, сидя у своего гноища, бесѣдовалъ съ тремья друзьями, пришедшими навѣстить его. Но мѣстные жители ничего не знаютъ объ историческомъ значеніи этихъ развалинъ. Во всякомъ случаѣ, размѣры и длина остатковъ каменныхъ стѣнъ, отъ которыхъ остались фундаменты, да кое-что изъ башенъ, показываютъ, что крѣпость эта представляла значительную твердыню, а оставшіяся части башенъ изъ обломковъ черной лавы или изъ тесанаго камня, или одного краснаго цвѣта или слоями изъ краснаго и чернаго, указываютъ на богатство и прихотливость

вкуса владѣтелей крѣпости. Башни, однако, почти всѣ развалились. Городъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ, упирающемся съ сѣвера обрывистыми скатами въ Араксъ, а съ юга отдѣляется отъ прочей холмистой равнины неглубокимъ оврагомъ, такъ что нѣтъ тутъ ни глубокихъ пропастей, съ шумящей водой, ни суровой прелести башенъ, о которыхъ говорится въ „Всеобщей географіи“ Реклю, а есть только неглубокіе овраги и жалкіе остатки былого величія. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ видны развалины немногочисленныхъ зданій; кромѣ того, внизу подъ обрывомъ видны хорошо сохранившіеся скелеты домовъ. По армянскимъ лѣтописямъ въ этой столицѣ жило 30,000 еврейскихъ и 20,000 армянскихъ семействъ. Преобладаніе евреевъ объясняется тѣмъ, что столицу построилъ царь еврейскаго происхожденія. Все это теперь запустѣло, разрушилось, заросло сорными травами; канавы засорились и на мѣстѣ цвѣтущаго и кипѣвшаго жизнью города осталась мертвая каменная пустыня. Только нѣсколько семействъ курдовъ приходили на зимовку, да и тѣ не живутъ въ развалинахъ, а пріютились въ естественныхъ пещерахъ, образовавшихся въ базальтовомъ основаніи крѣпости въ томъ мѣстѣ, гдѣ это основаніе отдѣляется отъ равнины оврагомъ, сажени въ 3—4 глубиной. Предъ входами курды устроили маленькіе заборы, оставляя только небольшіе проходы въ пещеры. Я было хотѣлъ пробраться въ одну изъ нихъ, но ѣдкій запахъ сажи и дыма не далъ мнѣ возможности проникнуть далѣе начала. Если запахъ дыма и копоти силенъ и теперь, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ухода курдовъ на кочевки, то можно вообразить себѣ житье обитателей этихъ пещеръ въ зимнее время, когда сильный холодъ заставляетъ всю семью сидѣть въ этой берлогѣ и усиленно жечь кизяки. Входы

всѣхъ пещеръ покрыты толстымъ слоемъ сажи; такіе же слои сажи видны и на потолкахъ пещеръ, такъ какъ срубъ не имѣется и для дыма остается только одинъ путь—входъ въ пещеру.

За постомъ дорога снова вьется среди усыпанныхъ камнями бугровъ, закрывающихъ отъ глазъ все кругомъ. Потомъ она снова выходитъ на ровное мѣсто, и снова потянулись поля, а невдалекѣ виднѣлись деревни. Араксъ ушелъ въ сторону, и шоссе съ бугровъ спустилось въ лощину, гдѣ протекаетъ Аджи-чай, почти цѣликомъ разобранный въ канавы, такъ что самая рѣчка стала похожа на канавки, текущія среди широкаго, усыпаннаго голышами русла. Почва повсюду глинистая. Прилегающія горы также состоятъ изъ глины, въ которой мѣстами виднѣются болѣе или менѣе обкатанные камни. Въ низменныхъ мѣстахъ видны были культурныя поля, преимущественно хлопковыя. Верхушки же и склоны горъ были или совершенно обнажены или покрыты тощими кустиками травки. Замѣтивъ издали поселокъ, я поспѣшилъ туда, воображая, что это Кульпы, однако это было другое многолюдное селеніе, которое на 5-верстную карту почему-то не нанесено. Наконецъ, мнѣ удалось добраться и до Кульпъ, гдѣ я и остановился у смотрителя соляныхъ промысловъ Л. Самого хозяина не оказалось дома: онъ былъ въ сосѣдней деревнѣ. Часа въ 2—3 ночи, когда меньше всего можно было ожидать его пріѣзда, вдругъ слышу шумъ и громкій говоръ: это возвратился домой хозяинъ съ компаніей. Только утромъ я узналъ, что вся пріѣхавшая компанія гонялась за контрабандой.

Изъ Кульпъ я отправился въ Кагызманъ, до котораго 60 верстъ. Желая нѣсколько сократить дорогу, я вначалѣ отправился не по шоссе, а по тропинкѣ между

холмами. Сомнительно, чтобъ была какая-нибудь польза отъ этихъ сокращеній. Дорожка то постоянно извивалась по склонамъ холмовъ, то шла круто въ гору или такъ же круто спускалась. Коню приходилось постоянно напрягаться, да и всаднику тоже; о быстрой ѣздѣ и думать не приходилось, и всю дорогу нужно было ѣхать шажкомъ. Одно, чтб было поучительно въ этой поѣздкѣ, такъ это то, что пришлось посмотрѣть на дикую и скудную природу во всей ее наготѣ, да испытать невольное грустное чувство одиночества среди однообразныхъ холмовъ, застилавшихъ отовсюду горизонтъ. На пути нерѣдко попадались высохшія русла потоковъ, почти повсюду покрытыя налетомъ соли. Почва вездѣ состоитъ изъ глины или продуктовъ разрушенія буроватыхъ рухляковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходившихъ наружу или значительными слоями или въ видѣ обломковъ. Мѣстность была совершенно безжизненна: ни людей ни вездѣсущихъ птицъ нигдѣ не было на этомъ сокращенномъ пути, и только при поворотѣ на шоссе въ одномъ мѣстѣ пришлось увидѣть небольшія нивы, на которыхъ работало нѣсколько человѣкъ. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, я выбрался таки на шоссе, которое показалось мнѣ прекраснѣйшей дорогой, послѣ многочисленныхъ камней, безпрерывныхъ подъемовъ и спусковъ. Шоссе иногда близко подходило къ Араксу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было размыто рѣкой. Подобныя разрушенія пути мнѣ пришлось видѣть неоднократно: этому въ особенности способствовали оползни, составляющіе обычное здѣсь явленіе. Горы повсюду были покрыты скудной растительностью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже совершенно обнажены, такъ какъ оползни большими и малыми массами не даютъ возможности укорениться растеніямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около дороги и на

склонахъ горъ валялись громадные обломки конгломератовъ, состоящихъ изъ обкатанной гальки и булыжниковъ, сцементированныхъ известью или гипсомъ. Дорога то подходила къ Араксу, то уходила отъ него, переходя то на правую, то на лѣвую сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горы отступали и около рѣки тянулась равнина; въ другихъ мѣстахъ онѣ надвигались такъ близко, что мѣсто для дороги необходимо было прорубать въ нихъ. Среди породъ преобладали, большею частью, осадочныя: глины, рухляки, известняки, гипсы, но мѣстами выступали и изверженныя. Дорога была безлюдна, населеніе попадалось рѣдко; изъ проходящихъ встрѣтилось только нѣсколько человѣкъ курдовъ и татаръ. Наконецъ показался и Кагызманъ, потонувшій весь въ садахъ. Съ первыхъ же шаговъ начали попадаться новые наряды, невиданные въ Эриванской губ.: красныя фески, обмотанныя платками фески, штаны съ мѣшкообразными сидѣньями, широкіе кушаки изъ цвѣтныхъ матерій. Вопросы мои, гдѣ живетъ такой-то офицеръ, были непонятны встрѣчавшимся мужикамъ, и мнѣ стоило большихъ хлопотъ, чтобъ узнать хоть приблизительно, гдѣ живутъ вообще офицеры. Воспользоваться указаннымъ направленіемъ въ азіатскихъ поселкахъ гораздо мудренѣе, чѣмъ въ европейскихъ городахъ, такъ какъ безконечные изгибы и развѣтвленія узкихъ, кривыхъ и однообразныхъ улицъ собьютъ съ толку даже и опытнаго человѣка. Послѣ ряда путаницъ я добрался, наконецъ, до базара, гдѣ отъ попавшихся солдатъ допытался, что̀ мнѣ нужно было. Потонувшій въ садахъ Кагызманъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе на всякаго пріѣзжаго. Здѣсь я познакомился съ техникомъ Кагызманскихъ соляныхъ промысловъ, который предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ осмотрѣть копи, расположенныя верстахъ въ 3.

отъ города, на скатѣ горъ къ Араксу. Разработка мощныхъ залежей соли производится отчасти прямо съ поверхности посредствомъ удаленія верхнихъ слоевъ гипса и синей глины, отчасти посредствомъ штоленъ. Разработка съ поверхности занимаетъ обширную площадь и начата еще при турецкомъ владычествѣ. Осмотрѣнная мною штольня тянулась глубоко подъ землей и вѣтвилась въ разныя стороны. Въ одномъ изъ отдѣловъ штольни работало 3 рабочихъ, взрывавшихъ соль посредствомъ пороха. При всякомъ взрывѣ приходилось прятаться за всякіе выступы во избѣжаніе быть убитымъ или искалѣченнымъ отлетающими кусками соли, что̀ и случилось за нѣсколько дней до моего пріѣзда съ однимъ рабочимъ: осколокъ фунтовъ въ 15 ударилъ его такъ, что вырвалъ чуть не всѣ внутренности, и бѣднякъ умеръ на мѣстѣ. Соль въ Кагызманѣ, какъ и въ Кульпахъ, не чиста, окрашена въ грязный цвѣтъ глиной и мергелемъ. Состоитъ она изъ безчисленнаго множества слоевъ отъ вершка до аршина толщиной. Въ одномъ мѣстѣ имѣется гнѣздо совершенно прозрачной кристаллической соли, но такъ какъ входъ въ это отдѣленіе завалился, то осмотрѣть его не удалось.

Вечеромъ я столкнулся съ осетиномъ, чеченцемъ и лезгиномъ. Осетинъ оказался чапарскій урядникъ, захворавшій лихорадкой на Ахъ-чайскомъ посту и уѣхавшій въ Карсъ на поправку. Чеченецъ былъ его всадникъ, который долженъ былъ сопровождать его въ Карсъ, а лезгинъ—прапорщикъ милиціи, пріѣхавшій проводить ихъ въ Кагызманъ. Всѣ три были типичнѣйшіе горцы. Урядникъ собирался вскорѣ уѣхать по какой-то короткой дорогѣ и предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ. Мнѣ уже достаточно были знакомы эти краткія дороги изъ предыдущаго путешествія, тѣмъ не менѣе я согласился ѣхать съ

нимъ, увлекшись перспективой переночевать въ степи. Однако, вмѣсто предполагаемой ночевки на плоскогорьѣ, мы вынуждены были остановиться въ Харѣ. Деревня эта находится верстахъ въ 10 отъ Кагызмана, однако мы ѣхали до ней 3½ часа; тьма была такая, что не видно было ѣдущаго впереди, почему тропинка была вскорѣ утеряна, и мы, поминутно проваливаясь въ промоины и натыкаясь на камни, совсѣмъ не могли разобрать, гдѣ мы и куда намъ нужно было ѣхать. Наконецъ вдали показался огонекъ—это была деревня Харъ и мы съ величайшимъ трудомъ добрались до нея. Охота ѣхать дальше у насъ пропала и мы остановились въ деревнѣ, гдѣ и переночевали у старшины. Утромъ я и урядникъ двинулись дальше, а чеченца отпустили назадъ. Дорога круто пошла въ гору и во многихъ мѣстахъ была густо усыпана камнями. Хорошо, что мы остановились ночевать въ деревнѣ, а то, вѣроятно, кто-нибудь изъ насъ свернулъ бы тутъ себѣ голову. Пришлось слѣзть съ лошади и итти пѣшкомъ, такъ какъ иначе трудно было разсчитывать благополучно добраться до Карса. По этой дорожкѣ обыкновенно ходятъ вьючные ослы и катеры изъ Карса въ Кагызманъ и обратно, сокращая такимъ образомъ путь верстъ на 15—20. Но эти сокращенія возможны только для человѣка, хорошо знакомаго съ дорогой; что же касается моего осетина, то онъ, оказалось, ни разу не ѣздилъ по этимъ мѣстамъ, почему вмѣсто сокращенія разстоянія и сбереженія времени, мы колесили туда и сюда, теряли дорогу, шатаясь по камнямъ и травянистымъ полямъ съ рыхлой почвой и нерѣдко попадавшимися камнями, и сдѣлали вмѣсто сокращенія 16—20 верстъ настолько же болѣе, и только часовъ въ 9 вечера добрались до Карса. Не будь у меня компаса и пятиверстной карты, то нельзя было бы даже и къ

ночи добраться до города. Это была моя послѣдняя попытка сокращать разстоянія: „Три версты будетъ обходомъ, напрямикъ пройдешь и шесть“. Подъемъ изъ деревни Харъ на карсское плоскогорье, возвышающееся здѣсь въ видѣ хребта Кара-дага, тянется на протяженіи верстъ 7. Подъемы во многихъ мѣстахъ довольно круты, и видъ справа и слѣва отъ дороги унылъ и однообразенъ: скудная растительность, глиняные полуобнаженные скаты холмовъ, на обрывистыхъ бокахъ которыхъ выходятъ слоистые полуразрушенные рухляки и другія осадочные породы, а сверху все это прикрыто мощными слоями изверженныхъ породъ, возвышающихъ въ видѣ непроходимой обрывистой стѣны. По мѣрѣ подъема растительность становилась богаче, и мѣстами на пологихъ склонахъ виднѣлись пшеничныя и ячменныя поля, еще совершенно зеленыя. Наконецъ мы выбрались на плоскогоріе. Обширное пространство представляло слегка волнистую поверхность, покрытую повсюду прекрасною травой. Пашенъ попадалось очень мало и кочевое населеніе, состоящее изъ курдовъ и татаръ, занимается только скотоводствомъ. Мы заѣхали въ одну, расположившуюся близъ озера кочевку, настолько многолюдную, что мнѣ еще ни разу не приходилось видѣть такой. Чадры были разбросаны на протяженіи верстъ трехъ. Мы остановились около одной чадры напиться кислаго молока съ водой, какъ очень хорошаго средства противъ жары. Въ чадрѣ намъ разостлали коверъ и пока мы наслаждались питьемъ, на насъ, какъ на рѣдкихъ гостей, сошлись посмотрѣть обитатели нѣсколькихъ сосѣднихъ шатровъ. Все это былъ народъ бѣдно одѣтый: грязныя изорванныя лохмотья составляли нарядъ взрослыхъ, а ребятишки ходили совсѣмъ полуголыя, нисколько ни заботясь о прикрытіи своихъ выпяченныхъ грязныхъ жи-

вотиковъ. Я угостилъ хозяйскихъ ребятишекъ бывшими со мною вишнями и курагой, и это обстоятельство привлекло чуть не съ дюжину сосѣднихъ ребятъ, съ жадностью смотрѣвшихъ на розданныя рѣдкія лакомства. При случаѣ они не стѣснялись отнимать фрукты у болѣе слабыхъ, за что и получали оплеухи со стороны старшихъ. Бывшія здѣсь бабы и дѣвки нисколько не стѣснялись присутствіемъ постороннихъ людей и продолжали свою работу. Между прочимъ, онѣ сбивали невиданнымъ мною до сихъ поръ способомъ масло: молоко наливалось въ очень длинный, подвѣшенный съ обѣихъ концовъ боченокъ, который раскачивается по своей длинной оси, и чрезъ нѣсколько времени тамъ получается масло.

Отсюда мы отправились дальше. Дѣло было уже около полудня, и нужно было напоить и покормить лошадей. Проѣхавъ нѣсколько лощинъ въ напрасныхъ расчетахъ отыскать воду, мы остановились въ одной изъ нихъ, желая наконецъ дать конямъ передохнуть и покормиться. Спустя часъ, мы поймали лошадей и начали собираться въ дорогу. Вдругъ въ ¼ версты разстоянія мы замѣтили двухъ всадниковъ, курдовъ или татаръ, направлявшихся къ намъ по лощинѣ. Татары тоже замѣтили насъ и быстро начали удаляться, прямо чрезъ пашни. На наши оклики остановиться они только съ большей поспѣшностью пустились удирать. Въ рукахъ одного виднѣлось ружье. Ѣздить съ оружіемъ здѣшнимъ азіатамъ, во избѣжаніе разбоевъ, не дозволяется, и всякій чапаръ, казакъ или солдатъ тотчасъ же долженъ отнять его и представить, куда слѣдуетъ, и оружіе и хозяина. Чаще всего случается, что хозяину накладутъ въ шею, а ружье отнявшій присвоитъ себѣ. Немудрено, что и у моего спутника разгорѣлось желаніе разжиться ру-

жьемъ. Онъ хотѣлъ было уже гнаться за ними, но я отклонилъ это намѣреніе. Вначалѣ я думалъ, что убѣгавшіе были мирные проѣзжіе, испугавшіеся насъ и потому убѣгавшіе, а потомъ, обсудивъ поспѣшность отступленія татаръ и скачку ихъ по балкамъ съ явной цѣлью скрыться отъ насъ, мы пришли къ заключенію, что это, должно быть, или контрабандисты, или разбойники, или воры, вѣроятно собиравшіеся украсть и нашихъ лошадей, когда тѣ гуляли на свободѣ, а мы лежали въ травѣ. Поэтому рѣшено было поймать ихъ и отнять таки ружье. Началась отчаянная скачка по нивамъ, по каменямъ, по степи, и мы, неожиданно для убѣгавшихъ, спрятавшихся за холмомъ, выскочили вблизи нихъ. Чапаръ былъ повыше, я скакалъ, опустившись въ балку; поэтому татары оказались среди насъ и тутъ имъ ничего не оставалось болѣе, какъ удирать по прямой линіи въ гору и подвергнуться разстрѣлянію или остановиться на наши крики, что они и сдѣлали. Подскакавъ поближе, мы увидѣли верховыхъ татаръ съ длинной палкой и эта-то палка и показалась намъ ружьемъ въ рукахъ одного. Было ли ружье, или нѣтъ, трудно сказать, потому что невдалекѣ стоялъ татаринъ, у котораго убѣгавшіе могли взять длинную палку, а ружье припрятать на нивѣ. На наши вопросы, чего они тутъ разъѣзжаютъ, они отвѣчали, что рад и удовольствія по случаю праздника; а на вопросъ, зачѣмъ они отъ насъ убѣгали, когда мы окликали, они отвѣчали, что они ничего не слыхали, а скакали быстро потому, что хотѣлось такъ. Посмѣявшись надъ своей неудачей, мы уѣхали дальше.

До сихъ поръ намъ на пути не попадалось ни одной деревни. Съѣстныхъ припасовъ мы не захватили съ собою, а между тѣмъ время было такое, что пора бы была и поѣсть чего-нибудь. Поэтому мы рѣшили воспользоваться первой

попавшейся деревней, чтобъ остановиться тамъ. Деревня Хаджи-Халилъ населена татарами, и мнѣ здѣсь впервые пришлось поближе посмотрѣть на костюмъ здѣшнихъ татаръ, совсѣмъ непохожій на костюмъ их ъ эриванскихъ соплеменниковъ. Одѣваются татары по-турецки: штаны съ широкими сидѣньями, похожими на привѣшенные мѣшки; вмѣсто кафтановъ куртки, иногда распитыя; на головахъ фески, перевязанныя платками или шарфами, свернутыми въ шнуры; на ногахъ короткіе чулки и поршни изъ грубой недубленой кожи; какъ дополненіе къ этому у многихъ имѣются цвѣтные кушаки. Дома построены изъ необтесанныхъ камней, цементированныхъ землей. Внутренность ихъ обширна, но темна, удушлива и грязна; свѣтъ проникаетъ только чрезъ двери и отверстія въ крышахъ, служащія для выхода дыма; домашній скарбъ не многосложенъ; тутъ же можно найти и арбу, и вьюки, и стойло. Вся деревня, благодаря отсутствію древесной растительности, производитъ нехорошее впечатлѣніе. Во время закуски татары разсматривали мою магазинку и большинство изъ нихъ прекрасно знало, какъ ее заряжать и стрѣлять. Разговорились мы съ татарами объ ихъ житьѣ; они выражали неудовольствіе на современные порядки. На мои вопросы, на чьей бы они были сторонѣ въ случаѣ нашей войны съ турками, они безъ всякихъ обиняковъ объявили, что будутъ помогать туркамъ. Во время войны на этихъ татаръ, конечно, совсѣмъ нельзя будетъ полагаться, а между тѣмъ русская колонизація Карсской области идетъ какъ-то вяло; русскихъ въ области наберется не больше тысячъ 12.

Отсюда мы отправились далѣе къ Карсу. На пути стали попадаться деревни, жители которыхъ были заняты косьбой и уборкой сѣна; чаще стали попадаться ни-

вы, хотя все-таки и здѣсь представлявшія оазисы среди необозримыхъ степныхъ пространствъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Карса плоскогоріе дѣлаетъ уступъ и образуетъ новую, болѣе низкую равнину. Характеръ мѣстности и здѣсь степной, хотя засѣянныхъ мѣстъ несравненно больше. Вдали показались укрѣпленія Карса, вовсе не поражающія съ перваго раза человѣка, наслушавшагося о неприступности и грандіозности этой твердыни. Внизу, подъ горой, виднѣлся городъ, бѣлыя зданія котораго и отсутствіе растительности производятъ особое впечатлѣніе на всякаго, привыкшаго предъ этимъ видѣть всѣ поселенія, тонущими въ садахъ. Предъ въѣздомъ въ городъ расположены были какія-то земляныя укрѣпленія, тоже не произведшія на меня никакого впечатлѣнія. А между тѣмъ это было сильное укрѣпленіе, главнымъ образомъ спрятанное въ землѣ.

V.

Отъѣздъ изъ Карса къ западной границѣ. Молоканскія деревни. Конфигурація мѣстности. Сосновый лѣсъ. Судьба горцевъ-переселенцевъ. Саракамышъ. Оригинальныя геологическія образованія на турецкой границѣ. Греческій поселокъ Бардусъ. Развалины крѣпости и церквей. Окраска почвы. Красота природы. Характеристика жителей. Развалины крѣпости въ окрестностяхъ селенія. Турецкій пограничный постъ. Обратно въ Карсъ.

Изъ Карса я отправился къ западной границѣ. Выѣхалъ я вечеромъ, разсчитывая заночевать въ какомъ-нибудь русскомъ поселкѣ: доѣхалъ до перваго изъ нихъ, Владикарса, который заселенъ молоканами, и остановился здѣсь. Это довольно большая деревня, построенная на русскій ладъ: небольшихъ размѣровъ деревянные дома, въ 2—3 комнаты, стоятъ на высокихъ фундаментахъ, съ деревянными-двускатными крышами и съ нѣсколькими

окнами, выходящими на улицу и на дворъ, съ пѣтухами и другими украшеніями на гребнѣ крыши; вытянуты они въ одну линію по обѣимъ сторонамъ единственной улицы. Въ деревнѣ стоялъ отрядъ солдатъ пограничной стражи, который расположился постоемъ по домамъ. Разговорился я съ хозяиномъ за чайкомъ о житьѣ-бытьѣ русскихъ поселенцевъ. Пришлось услышать жалобы, что живется имъ тутъ плоховато въ сравненіи съ прежнимъ мѣстожительствомъ въ Тифлисской губерніи, потому что зимы страшно долги, тянутся мѣсяцевъ по семи, отчего хлѣбъ не всегда успѣваетъ вызрѣвать. Во время долгой зимы скотъ приходится кормить дома, так что съ трудомъ хватаетъ большихъ даже запасовъ сѣна. А сѣна дѣйствительно они запасаютъ очень много, такъ какъ во время моего пріѣзда въ селеніе безпрерывно везли громадные фургоны сѣна, несмотря на то что почти въ каждомъ дворѣ стояли уже цѣлые стога. Урожаи хлѣба тоже бываютъ неважные: самъ 2—3, почему по необходимости приходится прибѣгнуть къ побочнымъ источникамъ дохода—къ извозу. Почти каждый молоканинъ имѣетъ одинъ или нѣсколько фургоновъ, съ которыми онъ и уходитъ изъ дому, главнымъ образомъ зимою, для перевозки товаровъ. Иногда промыселъ этотъ бываетъ очень выгоденъ, чаще же даетъ только возможность прокормить лошадей и заработать нѣсколько денегъ на уплату податей. Несмотря на жалобы, что плохое здѣсь житье, общій видъ деревни производитъ впечатлѣніе зажиточности. Такое же, если не лучшее впечатлѣніе, производило и слѣдующее молоканское селеніе Ново-Селимъ, въ которомъ имѣется до 150 дворовъ, растянувшихся версты на двѣ по одному направленію. Всѣ русскіе поселки рѣзко отличаются отъ туземныхъ: ихъ можно узнать уже издали по типу построекъ и правильности расположенія;

между тѣмъ какъ обширные дома туземцевъ: грековъ, армянъ, татаръ, турокъ и т. д. сдѣланы изъ булыжника, цементированнаго грязью или известью, съ плоскими крышами, и прислонены почти другъ къ другу или разбросаны безъ всякаго порядка. Издали они похожи на груду мусора или развалинъ, да и внутри болѣе похожи на логовища звѣрей, чѣмъ на жилища разумныхъ существъ.

Природа почти повсюду представляетъ слегка волнистую степь, покрытую отличной травой. Пашни попадаются сравнительно рѣдко и то только вблизи селеній. Хлѣбъ повсюду былъ еще зеленъ и по немъ видно было, что находишься на высотѣ тысячъ 6 футовъ. Вблизи Саракамыша дорога вступаетъ въ ущелье. Склоны прилегающихъ горъ повсюду покрыты массой камней, которыхъ почти не было замѣтно на пройденномъ пути. Поэтому растительность значительно уступала въ роскоши предыдущимъ мѣстамъ. Но зато вблизи Саракамыша появляется сосновый лѣсъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становится гуще и рослѣе. На пути къ Саракамышу попадалось самое разнообразное населеніе. Между прочимъ, пришлось повстрѣчать чеченское селеніе Эдди-Килиса, т. е. семь церквей, отъ которыхъ остались безформенныя развалины. Странная судьба преслѣдуетъ людей: послѣ покоренія Кавказа часть горскихъ племенъ жила въ Турціи, но послѣ присоединенія Карской области все-таки опять попала подъ русское владычество. По своимъ наружнымъ признакамъ всѣ горцы-переселенцы отличаются отъ мѣстныхъ жителей какъ своею опрятностью и покроемъ платья, такъ и постройкой избъ, менѣе похожихъ на звѣриныя берлоги.

Саракамышъ, въ которомъ собираются солдаты и казаки для маневровъ и расположена штабъ-квартира Елисаветпольскаго полка, представляетъ небольшое селе-

ніе, построенное на городской ладъ. Знакомыхъ здѣсь у меня никого не было, почему я рѣшился уѣхать на границу на слѣдующій день. Началъ я разспрашивать о дорогѣ на казачій постъ, расположенный верстахъ въ 30 отъ Саракамыша. Дорогу мнѣ указали, но при этомъ начали убѣждать не ѣхать туда въ одиночку, такъ какъ путь безлюдный и проходитъ частью по глухому лѣсу и горамъ, а разбои здѣсь не рѣдкость; итакъ, еще не задолго предъ этимъ на той же дорогѣ одного человѣка повѣсили, а другого застрѣлили. Такіе разсказы сопровождали меня рѣшительно повсюду: тамъ зарѣзали, тамъ повѣсили, тамъ застрѣлили, тамъ ограбили и т. п., и что почти никого не удавалось изловить, такъ какъ граница всего въ нѣсколькихъ верстахъ, а грабители всегда успѣваютъ уйти за границу раньше, чѣмъ о дѣлахъ ихъ станетъ извѣстно полиціи. Разсказы эти не удерживали меня, но не скажу, чтобъ они не обнаружили вліянія на мое состояніе духа и въ немалой степени отравляли то удовольствіе, которое получалось отъ путешествія. Ѣдешь, бывало, по глухой, но живописной мѣстности и, вмѣсто того чтобъ любоваться окружащей природой, главнымъ образомъ тратишь свое вниманіе на то, нѣтъ ли вблизи чего-нибудь подозрительнаго. Поэтому, наслушавшись о саракамышинскихъ страхахъ, я рѣшилъ, для очищенія совѣсти, навести справки, нѣтъ ли казаковъ съ того поста, куда я собирался ѣхать, и въ случаѣ если не будетъ никого, то уже тогда ѣхать одному. Попутчики нашлись и, пока они тамъ снаряжались, я отправился въ лѣсъ, чтобъ убить время до отъѣзда да и посмотрѣть на давно уже невиданный мною сосновый лѣсъ. Лѣсъ оказался довольно мелкимъ, по крайней мѣрѣ на окраинахъ, куда я заходилъ. Попадались мѣстами и старыя сосны, но какъ рѣдкость. Травка въ лѣсу бы-

ла довольно жиденькая и ничего не имѣла общаго съ тою богатою травянистою растительностью, которую находишь въ лѣсахъ средней полосы Европейской Россіи. Своеобразную особенность, замѣченную мною здѣсь въ лѣсу, раньше на пути изъ Карса къ Саракамышу и затѣмъ далѣе, составляло громадное количество разнообразной величины обломковъ чернаго обсидіана, валяющихся какъ на самой поверхности, такъ и пронизывающихъ почву на болѣе или менѣе значительную толщину. Странное, давно уже неиспытываемое мною, чувство удовольствія охватило меня, когда я очутился среди лѣса, пополненнаго смолистымъ запахомъ. Вспомнились мнѣ времена студенчества, когда мнѣ приходилось забираться въ сосновый лѣсъ въ окрестностяхъ Москвы и въ полной тиши любоваться лѣсными богатырями, гдѣ-то далеко вверху шумящими своими зелеными вѣтвями. Какъ хорошо. бывало, чувствуешь себя послѣ надоѣвшей московской сутолоки. То же самое пришлось испытать и въ саракамышскомъ лѣсу, несмотря на то что въ окрестностяхъ селенія онъ далеко уступаетъ сѣвернымъ лѣсамъ.

Часа въ два пополудни пріѣхали за мной мои попутчики, офицеръ и два казака, и мы отправились. До поста было верстъ 30, почему намъ и нужно было поспѣшить, чтобъ попасть къ вечеру домой. Дорога шла нѣкоторое время по лѣсу, но потомъ она вышла изъ него, и предъ нами снова начались то узкія ущелья, то широкія плоскогорья. Почти повсюду страна представляла травянистую степь. Кое-гдѣ трава была скошена. Мѣстность было пустынная; за всю дорогу попались только четверо конныхъ турокъ, пробиравшихся куда-то, и больше никого и ничего, даже птицъ нигдѣ не было. Деревни попадались только въ началѣ и въ концѣ дороги. Въ на-

чалѣ жили осетины, въ концѣ греки. Всѣ здѣшніе греки переселенцы изъ Турціи. Заняли они тучныя и довольно ровныя земли, такъ что земледѣліе являлось вполнѣ достойнымъ занятіемъ, тѣмъ не менѣе пашни были рѣдки, да и тѣ въ убогомъ состояніи. Въ общемъ, мнѣніе о здѣшнихъ грекахъ таково, что это народъ лѣнивый, грубый и нечистоплотный. Деревни ихъ дѣйствительно имѣютъ непривлекательную наружность. Столь же непривлекательна и наружность самихъ грековъ: въ большинствѣ случаевъ это народъ приземистый, неуклюжій, съ лица некрасивый. Наряжаются они въ широкія турецкія штаны и куртки, на головахъ носятъ фески, часто перевязанныя цвѣтными платками; платье обыкновенно сдѣлано изъ грубой домотканой матеріи и почти всегда рваное. Женщины лицъ своихъ не закрываютъ и это даетъ возможность видѣть, что онѣ такъ же некрасивы, какъ и мужчины. Выраженіе лица обыкновенно угрюмое и даже дикое. Внутреннія качества находятся въ соотвѣтствіи съ наружнымъ. Причину вырожденія столь знаменитаго въ древнія времена еллинскаго племени слѣдуетъ искать во многовѣковомъ гнетѣ турокъ, отнимавшихъ наиболѣе красивыхъ женщинъ и мальчиковъ, и своими преслѣдованіями заставлявшихъ наиболѣе даровитыя натуры переходить въ мусульманство. Въ племени, поэтому, оставался наиболѣе слабый элементъ, не замѣчавшій незавидность своего положенія и который все болѣе и болѣе тупѣлъ и вырождался, пока не дошелъ до той жалкой ступени, на которой онъ теперь находится. Сомнительно, чтобы теперешніе малоазійскіе греки были на самомъ дѣлѣ прямые потомки грековъ, а не еллинизированные туземцы Малой Азіи. Изъ Саракамыша пріѣхали мы на постъ въ греческую деревню Еникей, гдѣ мой попутчикъ былъ начальникомъ. За-

нятое имъ помѣщеніе имѣло очень приличный характеръ; да и вообще на здѣшнихъ постахъ, какъ мнѣ пришлось увидѣть, помѣщенія для офицеровъ очень просторны и удобны и живутъ они здѣсь, несмотря на скуку и однообразіе, гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Квартиры у нихъ — казенныя зданія, съѣстные припасы настолько дешевы, что отъ жалованья имъ еще удается дѣлать небольшія обереженія. На другой день моему руководителю нужно было отвезти деньги своему командиру въ Караурганъ, чѣмъ я воспользовался и отправился туда съ нимъ. Дорогой пришлось увидѣть знакомыя мнѣ только по книгамъ геологическія образованія. Склоны горъ обвѣтрились и разрушились, но не равномѣрно, какъ это обыкновенно бываетъ, а только мѣстами, почему повсюду во множествѣ возвышались отдѣльныя столбы, самыхъ разнообразныхъ очертаній, напоминая то колонны, то зданія, то окаменѣлыхъ людей и животныхъ. Нѣчто подобное встрѣчается между Карсомъ и Саракамышемъ, хотя остатки вывѣтрившихся горъ скорѣе похожи тамъ на обломки, случайно скатившіеся сверху. Вблизи Караургана имѣется цѣлый рядъ пещеръ, въ которыхъ въ былыя времена смутъ и треволненій населеніе находило себѣ пріютъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ поста проходитъ граница, за которой виднѣлся турецкій постъ, пріютившійся у скалы, а вблизи него деревня. Отношенія русскихъ и турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ самыя мирныя, и поѣздки другъ къ другу совсѣмъ не рѣдкость.

Изъ Караургана я снова возвратился въ Еникей. Выѣхали мы поздно и, несмотря на поспѣшность, съ какой возвращались, ночь все-таки захватила насъ и нѣсколько верстъ пришлось проѣхать въ полнѣйшей темнотѣ. Дороги тутъ и днемъ заставляютъ ѣздока зорко смотрѣть подъ ноги что же пришлось испытать въ непроглядной тьмѣ,

трудно передать. На другой день я рѣшилъ отправиться въ Бардусъ, къ чему подбивали меня разсказы о величіи природы въ этомъ селеніи и о томъ, что для меня, естественника, найдется много тамъ интереснаго. Бардусъ расположенъ верстахъ въ 18 къ сѣверу. Дорога вначалѣ не представляла ничего новаго,—начались давно знакомыя картины: ущелья, съ очень пологими скатами, и плоскогорья. Все это было въ большинствѣ случаевъ покрыто густой травой, хотя было также достаточно мѣстъ, гдѣ выступали наружу кристаллическія материнскія породы, или на поверхности валялось громадное количество камней. Мѣстность была почти безлюдна: кое-гдѣ попадались греки, занятые косьбой сѣна. Пашни также были рѣдки, но хлѣбъ былъ хорошій. Изрѣдка попадались канавки съ водой. Несмотря на значительность высоты надъ уровнемъ моря, лѣто здѣсь бываетъ настолько знойное, что поливка полей и въ особенности огородовъ въ большинствѣ случаевъ необходима. Огороды можно было видѣть изрѣдка только подлѣ деревень. Казаки на своихъ постахъ устроили себѣ маленькіе огороды, на которыхъ они разводятъ обыкновенныя, но необходимыя въ хозяйствѣ, огородныя растенія: капусту, бураки, картофель, лукъ, салатъ и пр. Наиболѣе рачительные сотенные командиры или вахмистры позаботились также о разведеніи при постахъ: куръ, гусей, индюковъ и свиней, которыми и лакомятся въ торжественныхъ случаяхъ. Наилучшій изъ видѣнныхъ мною постовыхъ огородовъ находится въ Бардусѣ. Бардусъ, греческій поселокъ, лежитъ въ ущельѣ, окруженномъ отовсюду грандіозными отрогами Саганлугскаго хребта, обрывыстыя и крутыя склоны которыхъ особенно величественно поднимаются съ сѣверной стороны селенія. Разушающіяся породы во многихъ мѣстахъ образовали грандіозныя утесы, иногда

расположенные въ нѣсколько ярусовъ другъ надъ другомъ. Въ деревнѣ находятся развалины старинной крѣпости. Развалины эти еще хорошо сохранились. Расположены онѣ на крутомъ съ южной и обрывистомъ съ сѣверной стороны холмѣ. Подъемъ и входъ въ развалившуюся крѣпость довольно труденъ и теперь, когда никакая опасность не грозитъ входящему. Въ былыя же времена, когда толстыя стѣны были цѣлы, и за стѣнами сидѣла цѣлая шайка головорѣзовъ, для которыхъ и своя и чужая жизнь не представляла никакой цѣнности, она представляла недоступную твердыню, которую можно было взять только многочисленному отряду или голодомъ. Нѣсколько разъ я уже посѣщалъ развалины крѣпостей и всякій разъ на умъ приходило, что въ этихъ молчаливыхъ и пустынныхъ розвалинахъ когда-то кипѣла жизнь, гремѣло оружіе, устраивались пиры, на которыхъ владѣтель крѣпости, ханъ или бекъ, со своими вѣрными слугами обсуждалъ планы набѣга на сосѣдей или проѣзжихъ купцовъ, составлялись заговоры, обсуждались мѣры защиты на случай нападенія непріятелей. Сердца бились отъ радости, горя, злобы, зависти и счастья на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь молчаливыя развалины стоятъ спокойно и безмолвно, ничѣмъ не выдавая когда-то кипѣвшей здѣсь жизни. Въ этой крѣпости до послѣдняго времени находилась древняя христіанская икона, несмотря на то что здѣсь раньше жили турки. Присутствіе указываетъ на существованіе здѣсь христіанства, искорененнаго турками, которые, однако, почему-то не осмѣлились удалить икону. Къ числу другихъ достопримѣчательностей Бардуса, заселеннаго въ старинные годы христіанами, принадлежатъ развалины двухъ церквей, небольшихъ размѣровъ. Отъ одной остались только обломки, изъ тесанаго камня, на которомъ высѣчены узоры. На

одномъ изъ камней замѣтна надпись, какъ мнѣ сказали, на церковно-грузинскомъ языкѣ. Судя по обломкамъ камней, церковь или часовня была довольно хорошо устроена. Отъ другой тоже небольшой церкви остались только куски стѣнъ, сложенныя изъ обломковъ камней, цементированныхъ известью. Характерная особенность всѣхъ здѣшнихъ старинныхъ построекъ та, что извести не жалѣли; можно съ увѣренностью сказать, что $^1/_3$—$^1/_4$ всякой развалины состоитъ изъ извести. Подлѣ этой развалины находится огородъ, ограда котораго состоитъ изъ громадныхъ камней, достигающихъ 13 четвертей въ длину и 4 четверти въ вышину. Ширины мнѣ не удалось измѣрить. Судя по длинѣ и высотѣ камня, вѣсъ его не менѣе 150 пудовъ. Остается только удивляться, какимъ способомъ жители деревни могли ворочать эти громады и взваливать ихъ иногда болѣе чѣмъ на сажень высоты. Такія циклопическія постройки въ здѣшнихъ мѣстахъ попадаются нерѣдко. Послѣ завоеванія Карсской области, жившіе въ Барджѣ турки подверглись притѣсненіямъ со стороны казаковъ, ушли за границу, а на мѣсто ихъ явились греки, убѣгавшіе, въ свою очередь, отъ турецкихъ преслѣдованій. Бывшая въ селеніи большая турецкая мечеть обращена въ церковь, а минаретъ въ колокольню. Не будь на стѣнахъ мечети высѣчено арабскихъ надписей, едва ли незнакомый человѣкъ могъ бы догадаться о метаморфозѣ мечети въ церковь. Такова превратность судьбы: сперва христіанство было вытѣснено мусульманствомъ, потомъ мусульманство, въ свою очередь, вытѣснилось христіанствомъ.

На другой день я побывалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окрестныхъ высотъ, которыя отовсюду громоздятся въ видѣ отдѣльныхъ хребтиковъ, направляющихся къ ущелью, по которому протекаетъ небольшая, но шумная горная

рѣчка. Хребты эти получились отъ размыванія одного общаго массива и раздѣлены крутыми балками. Въ большинствѣ случаевъ растительность на нихъ тощая, а мѣстами и вовсе нѣтъ даже ничего, такъ какъ оклоны круты и постоянно размываются, а осадочныя породы, глинистые сланцы, глины и гипсы, доведенные до различной степени разрушенія, не всегда способствовали развитію даже жалкой растительности. Почти повсюду разбросаны отдѣльными деревцами кипарисы, издававшіе ароматическій запахъ, тутъ же стелется обоку и можжевельникъ. Деревца достигали не болѣе 1—2 саженъ высоты и росли такъ рѣдко, что казались насажденіями рукъ человѣка или сильно вырубленнымъ лѣсомъ. Почва на небольшихъ сравнительно разстояніяхъ была окрашена въ различные цвѣта: синій, красноватый, бурый и почти черный; преобладалъ буровато-черный цвѣтъ. Во многихъ мѣстахъ замѣтны были странныя и новыя для меня минералогическія образованія: кажется глина, темной окраски, а можетъ и другая горная порода, полуразрушенная, неоднократно выступающая изъ-подъ синей глинистой массы, была покрыта какъ бы глазурью. Глазурь эта прикрывала какъ отдѣльные небольшіе кусочки, такъ и большіе куски. Обыкновенно она проникала во всѣ трещины, внутренній же составъ породы оставался безъ измѣненія. Составъ глазури нѣсколько напоминалъ известковое образованіе (гипсъ), хотя съ точностью сказать было трудно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хребтики сверху и съ боковъ были покрыты массою обкатанной мелкой гальки самыхъ разнообразныхъ горныхъ породъ. Въ промоинахъ видно было, что галька составляетъ мощный слой, хотя толщину его опредѣлить не удалось. Спускаясь внизъ съ одного хребтика, въ бока котораго врѣзывались многочисленныя новыя промоины, я замѣ-

тилъ цѣлый рядъ маленькихъ ручейковъ, образовавшихся, вѣроятно, отъ бывшаго наканунѣ небольшого дождя. Ручейки эти стекали въ одно общее русло, дно котораго покрыто было крупнымъ пескомъ. При этомъ наблюдался интересный фактъ, знакомый мнѣ только по книгамъ: ручей становился все меньше и, наконецъ, исчезалъ въ пористой породѣ; потомъ саженяхъ въ 10—20 снова появлялась вода, количество которой становилось все больше и больше, пока, наконецъ, не начинала шумѣть рѣчка, для того чтобы снова изчезнуть нѣсколько пониже. Найти ископаемыхъ на пройденномъ пути, несмотря на тщательный осмотръ многихъ мѣстъ, мнѣ не удалось. Зато на поверхности валялась масса различныхъ раковинъ, во многихъ изъ которыхъ еще сидѣли слизняки. Спустившись внизъ, я искупался въ рѣчкѣ, узкой и мелкой, но шумливой и быстро текущей. Берега рѣчки заросли ивнякомъ. Изъ людей вблизи никого не было, такъ какъ Бардусъ былъ не ближе двухъ верстъ. Странныя чувства испытываетъ человѣкъ, когда онъ одинъ, среди дикой природы, опускается въ воды бурнаго потока. Слышится только шумъ катящейся воды, и напряженному слуху не удается схватить ни одного другого звука, который бы хоть сколько-нибудь разсѣялъ смутное чувство одиночества, охватывающее со всѣхъ сторонъ.

Къ вечеру съѣхалась на постъ вся компанія и внесла болѣе жизни и шуму въ домашней обиходъ. Офицеръ охотничьей команды, бывшей на посту, пошелъ со мною на другой день прогуляться на сосѣднюю гору къ лѣсу, гдѣ мы и засѣли въ тѣни кипарисовъ. Во время разговора онъ сказалъ, что вотъ уже 3 года приходитъ на лѣтнее время въ Бардусъ и такъ полюбилъ и сроднился съ этимъ мѣстомъ, что уходъ для него отсюда обыкновенно составляетъ большое огорченіе. И дѣйствительно,

открывавшаяся предъ нами панорама представляла привлекательную картину: съ южной стороны, значительной высоты, съ мягкими очертаніями, горы покрыты были соснами и кипарисами. Онѣ круто спускались къ шумѣвшей внизу рѣчкѣ Бардусъ-чаю. Съ сѣвера горы, изрѣдка покрытыя кипарисами, были страшно изрыты внизу и окрашены въ самые разнообразные цвѣта: синій, красный, черный, бурый, желтый, выступавшіе отдѣльными пятнами, безъ всякаго порядка. Вверху слѣва возвышался пологій, покрытый травой громадный массивъ, а справа нѣсколько меньшая, но зато болѣе высокая гора, оканчивавшаяся на вершинѣ обрывистымъ базальтовыхъ утесомъ. Воздухъ вокругъ насъ былъ напоенъ своеобразнымъ ароматомъ сосенъ, кипарисовъ и можжевельника, а пріятная прохлада въ тѣни деревьевъ спасала отъ солнечнаго припека, такъ что для меня вполнѣ была понятна привязанность поручика къ данной мѣстности.

Характеристику мѣстныхъ грековъ мнѣ пришлось услышать въ Бардусѣ нѣсколько иную, чѣмъ въ Караурганѣ. Общій отзывъ офицеровъ и казаковъ, съ которыми мнѣ удавалось говорить, таковъ, что греки хотя и имѣютъ дурныя стороны, тѣмъ не менѣе они меньше своихъ сосѣдей занимаются воровствомъ, рѣдко укрываютъ разбойниковъ, къ русскимъ относятся дружелюбнѣе и вполнѣ понимаютъ, какое значеніе имѣетъ для нихъ мѣстная военная стража. Они скоро выучиваются говорить по-русски, хотя и плохо, и будь здѣсь русскіе поселки, легко можно было бы разсчитывать, что лѣтъ чрезъ 30 греки или совсѣмъ или значительно обрусѣли бы. Такъ характеризовали грековъ и офицеры, и простые казаки, бывающіе въ очень близкихъ сношеніяхъ съ ними, почему ее нужно считать болѣе или менѣе правильной.

Въ окрестностяхъ Бардуса, верстахъ въ 2—3 отъ поста, находятся развалины крѣпости. Расположена она на очень крутомъ утесѣ, съ трехъ сторонъ почти недоступномъ для подъема и только съ одной стороны утесъ настолько пологъ, что подъемъ хотя и труденъ, но возможенъ. Съ этой стороны возвышаются остатки высокой, но тонкой стѣны, сложенной изъ обломковъ, цементированныхъ известью. Крѣпость эта, какъ и находящаяся въ Бардусѣ, вѣроятно служила убѣжищемъ для окрестныхъ жителей въ смутныя времена, а, можетъ-быть, и мѣстожительствомъ какого-нибудь владѣтеля, державшаго всю прилегающую мѣстность въ страхѣ и повиновеніи. Въ крѣпости сохранилось нѣчто въ родѣ бассейна для воды, выложеннаго плитнякомъ. Общее впечатлѣніе таково, что крѣпость представляла сильный оплотъ, неодолимый въ тѣ времена, когда люди сражались шашками, копьями, стрѣлами или стрѣляли изъ фитильныхъ или кремневыхъ ружей. Если мнѣ приходилось плохо при спускѣ по пологому даже склону, когда приходилось хвататься за камни и вѣтви и ходить зигзагами, то можно себѣ представить положеніе поднимающагося, когда сверху въ него бросаютъ камни и всякія смертоносныя оружія.

У основанія горы, на которой находятся развалины крѣпости, протекаетъ маленькая горная рѣчка. Она служитъ границей Россіи съ Турціей. Тутъ же за рѣчкой находится турецкій постъ. Отношенія нашихъ и турецкихъ офицеровъ самыя мирныя; они бываютъ въ гостяхъ другъ у друга всякій разъ, когда кому-нибудь изъ нихъ сдѣлается скучно. Чаще всего нападаетъ скука на турокъ, такъ какъ занятій у нихъ никакихъ нѣтъ, и все время проводится въ куреніи кальяна, въ ѣдѣ и спаньѣ. Особенность положенія турецкихъ офицеровъ та, что жало-

ванье они получаютъ большею частью натурой: сукномъ, чаемъ, сахаромъ и т. п. и какъ бы на мелочные расходы имъ выдается нѣсколько рублей. Недостатокъ денежнаго содержанія вынуждаетъ ихъ жить контрибуціей съ окружающихъ жителей, и на эту контрибуцію офицеры, въ силу вѣковыхъ традицій, смотрятъ какъ на нѣчто принадлежащее къ ихъ привилегіямъ. Какъ-то я, въ компаніи съ поручикомъ, собрался въ гости къ туркамъ. Хозяевъ-офицеровъ никого не оказалось, почему мы ограничились только осмотромъ поста и удалились. Для гостей имѣется отдѣльная большая комната, единственная мебель которой состояла изъ широкой и высокой нары, устроенной въ видѣ дивана, на которомъ гости возсѣдаютъ, поджавши ноги. Помѣщеніе для солдатъ велико, очень свѣтло и гораздо опрятнѣе многихъ помѣщеній, устроенныхъ для нашихъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не выдерживаютъ никакого сравненія. Конюшни также просторны. Во время нашего пріѣзда на постъ привезли сѣно. На мой вопросъ, по чемъ они покупаютъ сѣно, со стороны моего спутника послѣдовало объясненіе, что турки сѣна не покупаютъ, а берутъ безвозмездно съ населенія, которому вмѣняется это въ числѣ другихъ натуральныхъ повинностей.

Изъ Бардуса мы благополучно добрались до Саракамыша. Дорога сначала шла все въ гору. Крутой и продолжительный подъемъ потребовалъ значительныхъ усилій со стороны нашихъ лошадей, но зато открывшійся съ высоты видъ достаточно вознаградилъ насъ за продолжительное неудобное сидѣнье на поднимающихся лошадяхъ. Бардусъ виднѣлся тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ, придавленный громоздившимися повсюду высокими горами, изъ которыхъ южныя были покрыты травой и лѣсомъ, а сѣверныя, большею частью обрывистыя, окан-

чивающіяся утесами изъ вулканическихъ породъ, прикрывающихъ лежавшія внизу осадочныя породы, были или совсѣмъ голыя, или покрытыя тощею травою и изрѣдка разбросанными кипарисами. Еще одинъ поворотъ и Бардусъ, оставившій такое хорошее по себѣ воспоминаніе, скрылся навсегда. Снова началась степь, расположившаяся по Саганлугскому хребту. Мѣстность имѣла волнистый характеръ, то слегка поднималась, то пересѣкалась болѣе или менѣе глубокими балками. Вскорѣ показался и лѣсъ. Намъ нѣсколько разъ то приходилось въѣзжать въ лѣсъ, то снова ѣхать по степи. Мѣстами степь была совершенно свободна отъ камней; въ другихъ мѣстахъ камней было достаточно: это, вѣроятно, выступали обломки материнскихъ породъ. Почва представляла, большею частью, прекрасный черноземъ, и только изрѣдка была обработана; въ большинствѣ же случаевъ она нетронута, вѣроятно, со временъ своего образованія, и единственный способъ ея эксплуатаціи была уборка сѣна и пастьба скота, виднѣвшагося на пути въ многихъ мѣстахъ. Воды также было достаточно. Въ одномъ мѣстѣ приземистаго утеса, возвышавшагося вблизи дороги, валялся еще снѣгъ небольшими клочками. Вѣроятно положеніе его среди камней, съ сѣверной стороны утеса, сохранило его отъ таянія, такъ какъ былъ уже конецъ іюля, и снѣгъ въ это время исчезаетъ даже на болѣе высокихъ мѣстахъ. Вблизи утеса расположилась маленькая кочевка, по случаю ли рѣзки скота, или, можетъ-быть, оттого, что тамъ валялась падаль, но вблизи кочевки вилось большое количество хищныхъ птицъ, среди которыхъ много было грифовъ, этихъ богатырей пернатаго міра. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли вдали цѣлыми группами. При нашемъ проѣздѣ они медленно поднялись съ мѣста и, кружась, поднимались все выше и выше. Сколь-

ко силы видно въ этомъ богатырѣ, плавающемъ въ воздухѣ и, почти не двигая крыльями, поднимающемся на страшную высоту! Поневолѣ позавидуешь ихъ привольной завидной долѣ. Переночевавъ въ Саракамышѣ на хуторѣ охотничьей команды, я отправился обратно въ Карсъ. Потянулись старыя знакомыя мѣста. Вблизи одного греческаго селенія мнѣ снова пришлось увидѣть цѣлыя стаи грифовъ, выжидавшихъ на краю утеса, когда собака покончитъ свой пиръ возлѣ издохшей коровы. Нѣкоторые изъ грифовъ, наиболѣе смѣлые или голодные, отдѣлились отъ стаи и разсѣлись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ падали. Наиболѣе удалыми оказались вороны, вертѣвшіяся около самой собаки, и видимо порядкомъ надоѣвшія послѣдней, такъ какъ она то и дѣло издавала грозное рычаніе. Сдѣланные мною выстрѣлы изъ ружья разогнали всю стаю, не причинивъ ей болѣе никакого вреда. Любо было смотрѣть на десятки парившихъ въ воздухѣ грифовъ и бѣлыхъ орлановъ, вѣроятно состязавшихся между собою въ плавности и быстротѣ полета. Вся масса поднялась на значительную высоту, откуда нѣкоторые направились снова къ падали, другіе же унеслись въ какую-то даль.

Въ Карсъ я добрался уже ночью и остановился у знакомаго священника.

VI.

По дорогѣ въ Александрополь. Малороссійскій поселокъ. Духоборы. Башъ-Кадыкляръ съ Аладжинскими высотами. Развалины Ани. Характерныя особенности развалинъ. Александрополь. Дорога въ Эривань мимо Алагеза. Обратно въ Эривань.

Изъ Карса я отправился по александропольской дорогѣ. Дорога шла мимо цитадели и фортовъ по берегу Карсъ-чая, прорывшаго себѣ глубокое русло среди

твердыхъ вулканическихъ породъ. Ущелье довольно живописное. Выйдя изъ ущелья, дорога пошла по степи. Первое селеніе, чрезъ которое мнѣ пришлось проѣзжать, было русское. Даже не зная имени, по одному только внѣшнему виду, можно было бы угадать, что здѣсь живутъ не туземцы, до того, вообще, наружность русскихъ селъ отлична отъ армянскихъ и татарскихъ. Вся мѣстность вокругъ представляла степной характеръ, однако пашни попадались довольно часто и хлѣбъ на нихъ былъ очень недуренъ. Прилегающія къ дорогѣ мѣста заселены, въ большинствѣ случаевъ, русскими, главная масса которыхъ сектанты. Все это народъ работящій и предпріимчивый и потому, несмотря на трехлѣтній неурожай, не потерялъ той степени благосостоянія, къ которой такъ стремится нашъ крестьянинъ внутреннихъ губерній и не достигаетъ ея. Верстахъ въ 20-ти отъ Карса, въ селеніи Заимѣ, я встрѣтилъ малороссовъ, переселившихся сюда изъ Екатеринославской губерніи. Два изъ нихъ везли на фургонахъ поклажу въ Александрополь, а третій пробирался къ себѣ въ селеніе „Хорошее“, бывшее верстахъ въ пяти, и предложилъ мнѣ отправиться къ нему ночевать. Пріѣхали мы часовъ въ 9—10, когда семья моего спутника уже спала. Хату хозяйка только что вымазала глиной и въ комнатѣ стояла страшная духота. Рѣшено было, что я и хозяинъ ляжемъ спать на дворѣ, на сѣнѣ. Однако къ утру было такъ прохладно, какъ я и не ожидалъ по предыдущему жаркому дню. Утромъ съ хозяиномъ сѣли мы пить чай, а заботливая хозяйка начала готовить намъ пышки на маслѣ. Разговорились мы о житьѣ-бытьѣ ихъ въ этой сторонѣ. Въ общемъ они выражали недовольство, такъ какъ вотъ уже три года неурожай, и только въ этомъ году, кажется, дѣла поправятся. Зимы также холодны и длинны.

заработковъ никакихъ, а извозомъ пока не умѣютъ заниматься, такъ что за время поселенія здѣсь пришлось прожить почти все, что принесли съ собою. Показывая на свой рваный кафтанишко, хозяинъ сказалъ, что такъ „въ Россіи“ онъ велъ хозяйство на „полную губу“, а тутъ приходится ходить вотъ въ чемъ. Долго такъ онъ жаловался, однако общее впечатлѣніе отъ его разсказовъ таково, что онъ принадлежитъ къ категоріи лицъ, для которыхъ мила пословица „хоть гирше, да инше“. Любопытна наклонность нашихъ хохлушекъ соблюдать чистоту въ домахъ. Къ молоканамъ, которые живутъ несравненно зажиточнѣе малороссовъ, послѣдніе и въ особенности бабы относятся свысока за несоблюденіе чистоплотности. О духоборахъ, однако, у нихъ мнѣніе очень хорошее. Явившись на новыя мѣста, переселенцы купили себѣ сакли и поселились въ нихъ. Внутренность сакли обыкновенно никогда не бѣлится и потому имѣетъ непривлекательный видъ. Мужчины еще относились къ этому неудобству философски, бабы же просто голосить начали. Бросились отыскивать бѣлую глину, но нашли только желтую. Взялись съ горя и за желтую. Пошла бабья работа и сакли были вымазаны, потомъ найдена была верстъ за 30 и бѣлая глина, которою они и выбѣлили вновь отстроенныя на малороссійскій ладъ хаты.

Къ числу неудобствъ, испытываемыхъ новыми поселенцами. принадлежитъ также и то, что пришли они сюда изъ теплой Екатеринославской губерніи, гдѣ во всякой деревнѣ подлѣ дома найдешь и вишни, и груши, и другія деревья, а на поляхъ засѣяны арбузы и дыни; тутъ же климатъ настолько суровъ, что, кромѣ хилыхъ ивъ, ничего болѣе не растетъ. Вотъ и плачутъ бабы, припоминая прелести прошлой жизни. Нѣкоторыя изъ

нихъ заявляютъ, что давно бы сбѣжали, если бы знали дорогу на старыя мѣста.

Изъ Хорошаго я отправился дальше проселочной дорогой. Въ большинствѣ случаевъ земля представляла пастьбища, хотя попадались и пашни, на которыхъ хлѣбъ былъ еще не убранъ, и почти вездѣ былъ хорошъ. Желая пробраться посмотрѣть на развалины древняго армянскаго города Ани, я направился проселочной дорогой чрезъ Башъ-Кадыкляръ. Путь мой пролегалъ чрезъ русское селеніе „Горѣлое“, населенное духоборами. Приходится удивляться той степени благосостоянія, которая такъ замѣтно бросается въ глаза, когда въѣзжаешь въ сектантскій поселокъ. Въ особенности богаты села духоборовъ. Все это народъ рослый, красивый, чисто одѣтый; мужчины бреютъ бороду; женщины во время работъ носятъ широкополыя соломенныя шляпы, обшитыя снизу и отчасти сверху красной матеріей, такъ что въ это время онѣ не похожи на русскихъ бабъ-крестьянокъ. Проѣзжая чрезъ деревню, я возлѣ всякаго дома видѣлъ скирды сѣна и хлѣба, который безпрестанно возили съ полей на фургонахъ. Въ этомъ селеніи мнѣ въ первый, кажется, разъ въ Закавказьѣ пришлось увидѣть, что молотятъ катками, а не досками, какъ это принято здѣсь повсюду.

Башъ-Кадыкляръ, въ которомъ я остановился покормить коня, оказался небольшой армянской деревней, съ кривыми, запутанными переулками, съ приземистыми домами, сложенными изъ обломковъ камней, безъ древесной растительности, съ нѣсколькими родниками прекрасной прѣсной воды. Окрестности унылы, слегка волнисты и съ невысокой голой горой, Кизилъ-топа; дальше возвышается знаменитая въ исторіи послѣдней Русско-Турецкой войны Аладжа, съ сохранившимися на ней турецкими окопами, изъ-за которыхъ пролито столько русской крови.

Часа въ 4 вечера я добрался таки до развалинъ Ани. Уже издали показались остатки стѣны, съ нѣсколькими башнями, верхи которыхъ были разрушены; виднѣлись также остатки церквей, уцѣлѣвшіе отъ всеразрушающаго вліянія времени. Дорога проходила чрезъ довольно хорошо сохранившіяся ворота, потомъ пошла среди грудъ камней, получившихся отъ разрушенныхъ жилищъ, и, наконецъ, привела меня къ маленькому поселку, съ десяткомъ армянскихъ и куртинскихъ семей, въ которомъ жилъ монахъ, присланный сюда изъ Эчміадзина. Проживъ тамъ сутки, я имѣлъ возможность осмотрѣть развалины. Съ двухъ сторонъ городъ окруженъ глубокими оврагами, съ третьей простирается равнина, и на ней-то особенно хорошо сохранилась стѣна. Толщина стѣны не особенно значительна, отъ 1½ до 2 арш. Облицована она снаружи и изнутри тесанымъ камнемъ; внутри же сложена изъ простого колотаго или рванаго камня, цементированнаго известью. Стѣна окружала городъ со всѣхъ сторонъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была двойная: одна стѣна проходила вверху, другая внизу оврага надъ обрывомъ. По размѣрамъ площадь, окруженная стѣной, приблизительно равна Московскому кремлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за стѣной на равнинѣ валяются груды камней и стоятъ развалины церквей, что́ указываетъ на то, что сюда продолжался или самъ городъ или расположены были подгородныя селенія. Если вѣрить даннымъ армянскихъ лѣтописей, по всей вѣроятности преувеличеннымъ, то въ Ани было не менѣе 100 тысячъ жителей, и тысяча церквей возвышали свои куполы надъ другими зданіями. Въ пространствѣ, огражденномъ стѣной, сохранились довольно хорошо нѣкоторыя церкви, одна мечеть, съ высокимъ минаретомъ и арабской надписью, и зданіе, именуемое дворцомъ. Вблизи жилища

монаха лежитъ обрушившійся восьмигранный минаретъ, при паденіи своемъ расколовшійся по швамъ на отдѣльныя призмы въ 2—4 слоя, лежащія одна на другой и вблизи другъ друга. Другой минаретъ хорошо сохранился; обвалилась только верхушка; ступени, ведущія на верхъ минарета, сильно повытерты: видно, что много имъ пришлось послужить во времена величія прилегающей красивой мечети. Однако онѣ настолько еще хороши, что подъемъ на вершину минарета вполнѣ доступенъ. Взобравшись на верхъ минарета, сѣлъ я тамъ на площадку, и мысли о быломъ величіи города, о заботахъ, печаляхъ и радостяхъ людскихъ, когда-то составлявшихъ всю суть жизни обитателей, невольно потекли длинной вереницей. Осмотрѣнныя мною полуразрушенныя церкви, большія и малыя, не производили сильнаго впечатлѣнія. Построены онѣ прочно, но тяжеловѣсно и неэффектно; мѣста для нихъ выбраны такъ неудачно, что онѣ въ былыя времена, вѣроятно, были очень мало замѣтны среди зданій. Особенность почти всѣхъ этихъ церквей та, что въ нихъ незамѣтно ни внутри ни снаружи штукатурки, почему голыя стѣны, сложенныя изъ высѣченныхъ камней чернаго и буроватаго туфа, имѣютъ угрюмый видъ и производятъ сумрачное впечатлѣніе. Только въ очень рѣдкихъ мѣстахъ на сводахъ купола сохранилась штукатурка съ изображеніемъ на ней святыхъ и ангеловъ въ византійскомъ вкусѣ. Размѣры всѣхъ сохранившихся и раскопанныхъ развалинъ церквей и монастырей незначительны. Единственное изъ нихъ большое зданіе—соборъ имѣетъ саженъ 6 высоты. Колонны внутри собора имѣютъ приблизительно 5 саж. высоты; достигаютъ онѣ купола, уже обвалившагося. Если предположить, что куполъ имѣетъ 4 сажени, то самое большое зданіе имѣло 9 саж. высоты. Дворецъ также малъ по своимъ размѣрамъ. Ха-

рактерная особенность старыхъ здѣшнихъ построекъ заключается въ томъ, что всѣ онѣ сдѣланы изъ камня, на которомъ высѣчены прекрасные орнаменты, хорошо сохранившіеся, несмотря на дѣйствіе всесокрушающаго времени. Не умѣя употреблять краски да и не разсчитывая на ихъ долговѣчность, армянскіе и мусульманскіе строители того времени умѣли дѣлать рисунки, комбинируя извѣстнымъ образомъ черный и красный базальтовый туфъ. Изъ сочетанія высѣченныхъ черныхъ и красныхъ призмъ они устраивали и своды, и горизонтальные потолки. Многіе изъ такихъ рисунковъ, гдѣ они только сохранились, и теперь еще производятъ пріятное впечатлѣніе. Строителями наиболѣе крупныхъ зданій, вѣроятно, были греки и персіяне, такъ какъ въ постройкахъ и рисункахъ, сдѣланныхъ красками, видна работа и вкусъ того и другого народа. Среди развалинъ города имѣется нѣсколько тоннелей, въ которые я, однако, не опускался. Отъ бывшихъ въ нихъ мнѣ приходилось слыхать, что тоннели, большею частью, обвалились, да и въ сохранившихся частяхъ нельзя заходить далеко, такъ какъ тамъ воздухъ спертъ такъ, что тухнутъ свѣчи и дышать нечѣмъ, а въ самомъ началѣ попадаются змѣи. Городъ разрушенъ уже давно; прошло нѣсколько столѣтій, какъ его совсѣмъ покинули жители. Какъ всякій вообще большой городъ, Ани представлялъ заманчивую добычу для самыхъ разнообразныхъ завоевателей: арабовъ, персовъ, турокъ, татаръ и т. п., пока наконецъ въ 1319 году землетрясеніе не довершило разрушенія и не разогнало жителей, остатки которыхъ разбрелись въ разныя стороны. Внизу овраговъ, окружающихъ Ани, въ рыхлой песчаниковой почвѣ устроены многочисленныя пещеры, отчасти полузавалившіяся. Во многихъ изъ нихъ курды и татары прячутъ свой скотъ во время непогоды. Боль-

шая часть изъ нихъ устроены незамысловато и представляютъ простыя, грубо выдолбленныя углубленія въ обрывистомъ скатѣ. Въ нѣкоторыхъ замѣтны попытки прежнихъ жильцовъ украсить нѣсколько неприглядную картину звѣриной норы: устроены маленькіе карнизы, правильныя углубленія въ стѣнахъ, волнистыя линіи и т. п. Такъ какъ монахъ, который проживаетъ среди развалинъ, очень мало говоритъ по-русски и отличается полнымъ незнаніемъ исторіи окружающихъ его развалинъ, то мнѣ и нельзя было добиться отъ него, кто устроилъ пещеры, первобытные ли обиталели этой мѣстности, или монахи въ христіанскую эпоху.

Изъ Кашеванка, въ которомъ находятся развалины монастыря, служившаго мѣстомъ судилища для армянскихъ царей, я разсчитывалъ направиться въ Аргино, лежащее на александропольскомъ шоссе, съ цѣлью осмотрѣть тамъ развалины храма, въ стѣнахъ котораго находятся громадные камни, своего рода мегалитическая постройка, но сдѣлать этого не удалось. Мнѣ указали на другую дорогу и только въ сосѣднемъ селеніи я замѣтилъ ошибку. Возвращаться обратно мнѣ не хотѣлось, почему я и направился прямо въ Александрополь. Мѣстность эта довольно густо заселена. Почти повсюду засѣяна была пшеница и ячмень, отчасти уже убранныя съ полей; сѣнокосныя мѣста попадались рѣдко да и трава на нихъ была тощая и рѣдкая. Подъ вечеръ я добрался до Александрополя. На другой день я отправился осматривать городъ, показавшійся мнѣ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ Эривань. Дома устроены хорошо, улицы, въ большинствѣ случаевъ, прямыя; на базарѣ также больше жизни, чѣмъ въ Эривани. Изъ Александрополя я отправился въ Эривань. Дорога чрезъ Абаранъ имѣетъ верстъ 100 длины; шоссейная дорога начинается приблизительно на полови-

нѣ этого разстоянія. Въ началѣ дорога шла среди засѣянныхъ или распаханныхъ полей. Часто попадались деревни или виднѣлись невдалекѣ. Хлѣбъ во многихъ мѣстахъ уже былъ скошенъ или убирался хозяевами (было уже начало августа). У подошвы Алагеза, который во время своего путешествія мнѣ пришлось объѣхать кругомъ, начали попадаться степныя пространства, на которыхъ паслись стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота, хотя пашни все-таки преобладали и виднѣлись даже на значительной высотѣ на самомъ Алагезѣ. Видно было, что населеніе, главнымъ образомъ, занималось земледѣліемъ, а скотоводство составляло только подспорье въ хозяйствѣ. Населеніе довольно разноплеменное и состоитъ изъ татаръ, курдовъ и армянъ. Мѣстность у сѣвернаго и восточнаго склоновъ Алагеза незамѣтно повысилась до того, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ не видно было ни одного деревца, что указывало на довольно суровыя и длинныя зимы. Только на южной сторонѣ Алагеза дорога быстро уходитъ внизъ, и въ Аштаракѣ и сосѣднихъ деревняхъ населеніе усиленно занимается садоводствомъ; въ Аштаракѣ насчитывается болѣе 4000 садовъ, главнымъ образомъ виноградныхъ. Рѣзкій контрастъ представляютъ между собой деревни съ садами и безъ садовъ. Мнѣ уже достаточно прискучилъ видъ голыхъ деревень Карсской области, и потому потонувшія въ садахъ селенія произвели самое отрадное впечатлѣніе. Дорога изъ Аштарака въ Эривань на разстояніи 20 верстъ совершенно безводна, такъ что горе будетъ тому путнику, который предъ этимъ наѣлся чего-нибудь соленаго. Дорога вначалѣ идетъ все въ гору, потомъ до самой Эривани опускается. Здѣсь проходитъ шоссе; мѣстами оно хорошо, мѣстами же ужасно плохо. Въ особенности плоха дорога около самой Эривани. Насту-

пившая темнота и страшные камни на дорогѣ заставляли меня пробираться черепашьимъ шагомъ, такъ что я достаточно успѣлъ измучиться, пока, наконецъ, добрался таки до города.

VII.

Природа пріараксской равнины. Орошеніе. Нахичеванскіе соляные промыслы. Опыты земледѣлія въ пустынной мѣстности Иланъ-дагъ—змѣиная гора. Джульфы. Строеніе горъ. Ордубатъ. Шелкомотальни. Акулисы. Армяне-зоки. Костюмы. Торговые обороты акулисцевъ. Школа. Монастырская церковь. На обратномъ пути. Гробница Ноя подъ Нахичеванью. Возвращеніе въ Эривань.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Эривани, я имѣлъ еще достаточно свободнаго времени, которымъ и рѣшилъ воспользоваться для ознакомленія съ юго-восточнымъ угломъ Эриванской губерніи, для того чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о природѣ и жизненныхъ условіяхъ различныхъ частей пріараксской мѣстности. Однако, послѣ безконечнаго рода разнообразныхъ впечатлѣній, способность воспринимать новыя въ значительной степени ослабѣла, да и тропическая жара равнины, послѣ нагорной прохлады, дѣйствовала на меня разслабляющимъ образомъ. Самая природа мѣстности, въ особенности недалеко отъ Эривани, однообразна: это равнина, почти сплошь обработанная и довольно густо заселенная. Хозяйство повсюду здѣсь поливное, почему въ мѣстахъ, изобилующихъ водою, населеніе образовало многочисленныя деревни: вездѣ глазъ вашъ видитъ деревни, поля, уже убранныя или снова распаханныя. За Камарлю начинаютъ уже надвигаться горы, сперва только съ сѣверной стороны, а далѣе, то справа то слѣва отъ дороги, иногда заставляя ее про-

бираться по узкимъ проходамъ, оставшимся между ними. Горы эти имѣютъ самый печальный видъ: на нихъ или совсѣмъ нѣтъ никакой растительности или, если и есть чтó, то этó полынь или бурьянъ, совершенно выгорѣвшій подъ палящими лучами здѣшняго солнца. Очертанія горъ также не замысловаты, почему видъ ихъ скоро надоѣдаетъ и глазъ ищетъ чего-нибудь другого освѣжающаго, но, къ сожалѣнію, ничего не находитъ. Степь, по которой проходитъ Кахановскій каналъ, представляетъ болѣе пріятную картину: на всемъ пространствѣ, какое можетъ охватить глазъ, видно зеленое поле, поросшее или густою травою, или засѣянное хлопкомъ и рисомъ. Каналъ этотъ проведенъ недавно, почему населеніе сравнительно еще рѣдко на орошаемой имъ площади. Бичомъ этой плодоносной мѣстности является громадное количество комаровъ, мошекъ, оводовъ и тому подобныхъ враговъ человѣка и скотины. Мнѣ недолго пришлось ѣхать около канала, но и за этотъ короткій періодъ кровопійцы успѣли измучить и меня и моего коня. Положеніе обитателей орошаемой мѣстности очень незавидно. Единственный способъ успѣшно бороться съ этими врагами—это дымъ. Проѣзжая вечеромъ вблизи нѣкоторыхъ деревень, я видѣлъ ихъ окутанными дымомъ отъ тлѣющаго кизяка, испускающаго при горѣніи густой и довольно ѣдкій и противный запахъ. Ночевать пришлось въ Садаракѣ, татарской деревнѣ. Истинное наказаніе заѣхать русскому въ эту мѣстность, въ особенности ночью: ни онъ туземцевъ ни тѣ его не понимаютъ, чтó случилось со мною, и я, вѣроятно, цѣлый часъ ѣздилъ по деревнѣ, пока, наконецъ, нашелъ почтовую станцію. Деревня эта оказалась довольно многолюдной въ сравненіи съ предыдущими поселеніями. Въ первый разъ пришлось мнѣ видѣть здѣсь громадное количество хлѣба

около деревни. Все населенiе съ ранняго утра занято было молотьбой его; на дорогѣ безпрерывно попадались навьюченные хлѣбомъ быки. Русскiе обыкновенно запрягаютъ быковъ въ воза, здѣсь же, наоборотъ, болѣе предпочитаютъ навьючивать на ихъ и, кажется, не ошибаются въ расчетѣ, потому, что на каждаго быка наваливаютъ столько, что отъ него видна только одна голова. Хлѣбъ молотили во всѣхъ попадавшихся деревняхъ, производившихъ впечатлѣнiе зажиточности и даже богатства, что можно объяснить изобилiемъ воды. Безпрестанно попадались небольшiя рѣченки или отведенныя отъ нихъ канавы. Канавы обыкновенно вьются вдоль склоновъ горъ, но здѣсь я встрѣтилъ для себя новость: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проводившiе канаву нашли удобнѣе устроить въ холмахъ тоннели, чѣмъ дѣлать длинные и дорого стоющiе обходы. Канава вдругъ исчезала въ горѣ и потомъ неожиданно выходила изъ нея на другой сторонѣ. Такому способу проведенiя способствовало самое строенiе горъ, образовавшихся или изъ полуразрушенныхъ сланцеватыхъ рухляковъ, или просто изъ глины, песку и гальки. За селенiемъ Пусiаны дорога вышла на чистое поле, и деревни, которыя раньше окружали меня со всѣхъ сторонъ, теперь виднѣлись далеко въ сторонѣ, да и то рѣдко. Попадалось много мѣстъ невоздѣланныхъ, вѣроятно благодаря недостатку въ водѣ, и дорога почти на всемъ пути до Нахичевани представляла унылый, пустынный видъ. Но доѣжжая верстъ 10—12 до Нахичевани, можно видѣть къ сѣверу отъ дороги въ сосѣднихъ горахъ небольшiя бѣлыя пятнышки—это Нахичеванскiе соляные промыслы. Къ нимъ я и направился, разсчитывая найти тамъ что-нибудь для себя интересное. Верстахъ въ 6 отъ дороги начинались безжизненныя горы, почти голыя, сильно изборожденныя, такъ какъ и гипсы

и глины представляютъ неустойчивыя породы, безпрерывно разрушаемыя весенними снѣговыми водами. Добравшись до промысловъ, я отыскалъ здѣсь смотрителя К., который занятъ былъ въ этотъ моментъ сооруженіемъ небольшого бассейна для воды. Воду, необходимую для обихода на промыслахъ, приходится привозить за 13 верстъ, и потому устройство бассейна имѣло довольно основательныя причины. Устраивалъ его собственноручно самъ К. Самъ онъ бывшій военный, но изъ него вышелъ хорошій сельскій хозяинъ, чему можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что онъ всячески пытается заняться хозяйствомъ на участкѣ земли, принадлежащемъ солянымъ промысламъ. Земля эта, вѣроятно, никогда никѣмъ не обрабатывалась, такъ какъ отсутствіе воды и трудность проведенія ея туда изъ другихъ мѣстъ дѣлаетъ занятіе земледѣліемъ довольно рискованнымъ. Однако это не помѣшало ему вотъ уже въ продолженіе двухъ лѣтъ производить на горахъ опыты. Первый годъ былъ не совсѣмъ удаченъ: пришлось потерпѣть небольшой убытокъ. На другой годъ была уже прибыль на всемъ посѣянномъ: на льнѣ, ячменѣ, горохѣ и т. п. Вся площадь засѣяннаго была не болѣе десятины. Тѣмъ не менѣе успѣхъ и пріобрѣтенный навыкъ въ предпринятыхъ опытахъ придалъ ему бодрости, и онъ на слѣдующій годъ хочетъ обработать земли не менѣе 20—25 десятинъ, для чего уже выписалъ небольшой, но удобный для распашки плугъ и нѣкоторыя другія земледѣльческія орудія. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи, кажется, не имѣетъ границъ: среди пустынныхъ горъ онъ пытается устроить садъ; нѣкоторыя деревца остались живы, несмотря на страшную жару и полное безводіе, большинство же пропало, хотя это обстоятельство нисколько не смущаетъ предпринимателя. Одновре-

монно г. К. занимается, и химіей, и механикой, и строительнымъ искусствомъ, и всѣмъ, что только придетъ ему въ голову или на что только натолкнетъ его однообразіе и изолированность его жизни на промыслахъ, отъ которыхъ до перваго культурнаго центра, невзрачной Нахичевани, 12—13 верстъ. Говоря о своихъ намѣреніяхъ заняться земледѣліемъ, онъ повелъ меня посмотрѣть на мощный слой кристаллическаго гипса, тянущагося на значительную длину. Указавъ на него, онъ высказалъ надежду, что въ случаѣ успѣха въ земледѣліи, которое можетъ дать ему даровой кормъ для скота, онъ займется разработкой этого гипса и, вѣроятно, успѣетъ въ этомъ, такъ какъ богатые залежи почти прозрачнаго кристаллическаго гипса дадутъ ему неистощимый источникъ для полученія лучшаго сорта гажи. Всѣ горы вокругъ промысловъ состоятъ изъ гипса и глины. Гипсъ здѣсь встрѣчается и кристаллическій, и зернистый, и аморфный; глина главнымъ образомъ синяя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадается и буроватая. Въ верхнихъ частяхъ, около промысловъ, горы почти сплошь покрыты галькой, иногда въ нѣсколько саженъ толщины. Иногда слои гальки и глины перемежаются. Во множествѣ на склонахъ горъ валяются куски известняка, хотя сплошной массы его отыскать мнѣ не удалось. Почти подлѣ самаго входа въ шахту имѣется слой глины съ безчисленнымъ множествомъ отпечатковъ рыбокъ. По словамъ К., попадаются также отпечатки насѣкомыхъ и растеній, но мнѣ самому лично не удалось отыскать таковыхъ. Подъ руководствомъ К., я отправился осмотрѣть выработки каменной соли. Въ Кульпахъ и Кагызманѣ я осмотрѣлъ только новыя шахты. Здѣсь же новая школьня соединяется со старыми выработками. Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось ходить такъ много подъ землей.

Безъ человѣка, знакомаго со всѣми безчисленными ходами, едва ли кому-нибудь можно было бы выбраться оттуда: до того ходы эти похожи другъ на друга и до того они представляютъ запутанный лабиринтъ. Испытываешь какое-то странное, трудно передаваемое ощущеніе, разгуливая среди этихъ соляныхъ корридоровъ, съ тысячами кристалловъ, въ которыхъ отражается свѣтъ отъ твоей лампы. Шаги твои замираютъ безшумно, потому что полъ покрытъ слоемъ синей глины, а мощный слой соли и глины вверху, съ боковъ и снизу не даетъ возможности распространиться никакому шуму. Изрѣдка приходилось натыкаться на отдушину, сдѣланную искусственно или образовавшуюся отъ провала въ старыхъ выработкахъ. Выработки эти велись безобразнымъ путемъ и имѣютъ такую ширину и высоту, что остается только удивляться, какъ они не обрушивались, когда въ нихъ велись работы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они теперь полузавалились. Тѣмъ не менѣе старыя шахты, находящіяся въ связи съ новыми, производятъ очень сильное впечатлѣніе своею обширностью и безконечностью. Температура въ штольняхъ остается всегда одною и той же—градусовъ въ 10 Ц.; воздухъ сухой, такъ что въ общемъ шахты могли бы служить прекрасными погребами для сохраненія вина и т. п. продуктовъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ уголковъ шахты смотритель К. сохранялъ шелковичную грену.

Своеобразную особенность Нахичеванскихъ, Кульпинскихъ и Кагызманскихъ промысловъ составляютъ постройки изъ каменной соли: склады, амбарники, пристройки къ домамъ, заборы—все это сдѣлано изъ кусковъ соли, сцементированныхъ гипсомъ. Постройки эти гораздо дешевле каменныхъ и земляныхъ, однако не отличаются особенной долговѣчностью, такъ какъ дожди и

тающіе снѣга мало-по-малу растворяютъ соль и разрушаютъ зданія.

Дорога съ промысловъ въ Нахичевань шла нѣкоторое время среди холмовъ и отличалась той безжизненностью, которая такъ рѣзко бросается въ глаза во всѣхъ мѣстахъ разработки каменной соли. Воды нигдѣ не было. Попался въ одномъ мѣстѣ маленькій ручей, но и тотъ содержалъ въ себѣ горько-соленую воду. Наконецъ, дорога вышла на шоссе, около котораго то и дѣло начали попадаться бакши, сплошь заваленныя дынями. Дыни и арбузы отличаются здѣсь своимъ вкусомъ и ароматичностью; притомъ цѣны на нихъ очень низки, такъ что это напоминало мнѣ мою родину, степную полосу Европейской Россіи, гдѣ въ лѣтнюю пору арбузами и дынями завалены всѣ базары. Виноградъ и другіе фрукты также очень хороши и гораздо дешевле, чѣмъ въ Эривани.

За Нахичеванью дорога проходитъ по равнинѣ. Почва повсюду глинистая, сѣраго цвѣта. Во многихъ мѣстахъ земля воздѣлана. Хлѣбъ давно уже убранъ съ полей, которыя мѣстами снова распаханы. Невдалекѣ виднѣлись деревни, спрятавшіяся въ садахъ. По мѣрѣ удаленія отъ Нахичевани, начали попадаться пустыри, по всѣмъ признакамъ уже давно нераспахиваемые. Горы сначалѣ были далеко и отличались разнообразіемъ. Среди нихъ въ особенности замѣтно выдавалась Иланъ-дагъ—змѣиная гора, съ разсѣченною верхушкой. Богатая народная фантазія успѣла придумать объясненіе причины разсѣченія горы: это змѣиный царь, во время своего полета, зацѣпился хвостомъ за вершину горы и разсѣкъ ее пополамъ. Здѣшнія горы осадочнаго происхожденія; въ большинствѣ случаевъ онѣ сильно обвѣтрились и потому приняли самыя разнообразныя очертанія. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога пересѣкаетъ небольшой

отрогъ, горныя породы разрушились до того, что приняли форму стѣнъ, заборовъ и т. п. Слоистое строеніе оставшихся частей еще болѣе располагаетъ принять ихъ за куски стѣнъ, и если бы только не значительность ихъ размѣровъ, то обманъ былъ бы вполнѣ возможенъ. Нерѣдко попадались совершенно пересохшія рѣчки. Въ одномъ мѣстѣ дорога на значительномъ разстояніи идетъ по сухому руслу. Интересно знать, какимъ это образомъ совершается сообщеніе во времена разлива рѣчки. Сама дорога, которая показана на картѣ какъ шоссейная, на самомъ дѣлѣ, начиная съ Нахичевани, не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ шоссе: это простая проселочная дорога, проходящая по глинистому или каменистому грунту, съ тѣмъ только отличіемъ, что многія проселочныя дороги все-таки бываютъ лучше; даже мостики чрезъ многочисленныя канавы почти цѣликомъ развалились. Направленіе дороги выбрано тоже плохо: то она вдругъ лѣзетъ въ гору, то также круто спускается или идетъ по страшно усыпанному камнями дну потока. Часа за два до пріѣзда въ Джульфу, поднялся сильный вѣтеръ, принявшій подъ конецъ характеръ настоящей бури, несущей цѣлыя тучи песка, пыли, камешковъ, застилающихъ собою все, что впереди. Такъ какъ солнце уже сѣло, то поднявшаяся пыль превратила вечеръ въ темную ночь, и я былъ радъ-радешенекъ, когда мнѣ наконецъ удалось добраться до Джульфинской почтовой станціи. Въ это время мнѣ удалось видѣть рѣдкій случай медленнаго паденія метеора, ярко освѣтившаго собою всю мѣстность и оставившаго по себѣ слѣдъ, долго горѣвшій фосфорическимъ свѣтомъ.

Вставъ по обыкновенію рано утромъ, я рѣшилъ осмотрѣть Джульфу, въ которой собственно нечего было осматривать. Это крохотный поселокъ, состоящій изъ

зданій таможни, казармъ, каравансараевъ, почтовой станціи и нѣсколькихъ частныхъ зданій. Расположена она на равнинѣ, прилегающей къ Араксу, который освобождается тутъ изъ тѣснившихъ его скалъ, нѣсколько дальше къ западу. Здѣсь Араксъ представляетъ небольшую спокойную рѣку, въ ущельѣ же онъ, какъ говорятъ, рветъ и мечетъ во всѣ стороны, въ особенности во время половодья. Если гдѣ и слѣдуетъ посмотрѣть на Араксъ, то именно въ этомъ ущельѣ, похожемъ на узкія ворота, прорубленныя въ громадныхъ высотахъ, которыя заперли собою выходъ водамъ, составлявшимъ когда-то одно безбрежное море по всей теперешней долинѣ Аракса.

За Джульфами дорога на протяженіи 5—6 верстъ проходитъ по равнинѣ, безплодной, усыпанной камнями и изрытой снѣговыми водами. Далѣе начинается ущелье, проходящее среди горъ, самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ очертаній. Осадочныя слоистыя породы, изъ которыхъ сооружены эти горы, окрашены въ разнообразныя цвѣта, то синій. то черный, то бурый и наверху чаще всего въ красный цвѣтъ. Постоянно разрушаемыя дѣятельностью атмосферы и воды, онѣ приняли, съ сѣвера отъ дороги, самую разнообразную форму: то видишь предъ собою громадный столъ, то конусъ, то башню съ нѣсколькими ярусами одинъ надъ другимъ, то будто замокъ или части крѣпостной стѣны, то высокій и крутой обрывъ, стѣны котораго сложены изъ громадныхъ плитъ. Къ югу отъ дороги горы, наоборотъ, пологи, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно видѣть ихъ южные склоны, можно замѣтить, что и онѣ также вдругъ оканчиваются обрывами, какъ и тѣ горы, которыя возвышаются къ сѣверу отъ дороги. За этими ближайшими горами чернѣли живописныя громады Карабахскихъ горъ. Во многихъ мѣстахъ въ лощинахъ виднѣлись

куски снѣга, указывающіе на значительность высоты этихъ горъ. Къ югу отъ дороги, въ мѣстахъ, гдѣ горы раздвигались, виднѣлся Араксъ, около котораго пріютились тонущія въ садахъ селенія, рѣзко выдаваясь своей зеленой окраской среди окружающей ихъ пустыни. На ровныхъ мѣстахъ, гдѣ есть вода, жители занимаются земледѣліемъ, но хлѣбъ на поляхъ уже давно былъ сжатъ. и отчасти поля снова распаханы, почему мѣстность совершенно была безжизненна. Горы покрыты скудной растительностью, но и эта растительность уже успѣла выгорѣть отъ дѣйствія жгучихъ лучей здѣшняго солнца и отъ полнаго отсутствія дождей; на обрывистыхъ же мѣстахъ вовсе ничего нѣтъ, почему видъ зеленѣющихъ деревень и производитъ такое отрадное впечатлѣніе на глазъ, утомленный сѣрыми и бурыми красками окружающей страны. Наконецъ показался и Ордубатъ, расположившійся у склона чернѣвшихъ вдали горъ и потонувшій въ садахъ, составившихъ себѣ такую громкую славу своими громадными персиками, шарали и тарали. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Ордубатѣ, я пошелъ осмотрѣть достопримѣчательности этого города. Первое, что мнѣ пришлось увидѣть, это былъ остатокъ великана налбанда (прививки чинара на карагачѣ). Ничего подобнаго мнѣ не приходилось видѣть раньше: внутренность дупла по длинной его оси имѣетъ аршинъ 5 въ длину и не менѣе сажени въ ширину. Богатырь налбандъ, несмотря на страшную рану внутри, все-таки еще продолжалъ зеленѣть и бодриться, хотя видно было, что ему скоро наступитъ конецъ; раньше въ дуплѣ помѣщалась небольшая лавченка, а по временамъ любители-картежники устраивали въ дуплѣ игру, для чего было вполнѣ достаточно мѣста. Ордубатъ считается центромъ шелкомотальнаго производства по Араксу. Побывалъ я

и на образцовой фабрикѣ и на простой шелкомотальнѣ. Первая, по случаю праздника, не работала; на второй татары занимались размоткой шелка съ коконовъ. Разматывающіе снаряды устроены были по образцу фабричныхъ, только приводились въ движеніе ногами. Работа шла очень оживленно, шелкъ разматывался быстро и плотно,— видно, что для рабочихъ это была хорошо знакомая работа.

Къ вечеру я собрался осмотрѣть берегъ Аракса, гдѣ онъ проложилъ себѣ дорогу среди высокихъ горъ. Горы съ той и другой стороны нависли обрывами, на которые, вѣроятно, никогда не ступала нога человѣческая. Араксъ катилъ хотя и быстро, но безъ всякаго грознаго шума и грохота свои мелкія воды, чрезъ которыя легко было перейти въ бродъ; однако слѣды отъ воды на прибрежныхъ утесахъ указываютъ на величіе и непроходимость рѣки въ половодье. Во время пребыванія моего на берегу стояла полная тишина, нарушаемая только небольшимъ плескомъ воды, который становится незамѣтнымъ, когда все вниманіе поглощено созерцаніемъ окружающей дикой природы. А, между тѣмъ, еще не такъ давно здѣсь раздавалась съ обоихъ береговъ пальба, стоившая жизни двумъ солдатамъ, сгубленнымъ пулями разбойниковъ.

По сосѣдству съ Ордубатомъ находится оригинальное армянское селеніе, называемое Авулисами. Населено оно армянами, извѣстными подъ названіемъ зоковъ. Откуда произошло это названіе и что̀ оно собою обозначаетъ ни зоки ни армяне не могли дать мнѣ объясненія, хотя и пытались пуститься въ дебри филологіи; однако объясненія и для меня и для нихъ казались неубѣдительными. Зоки живутъ еще въ 7—8 деревняхъ. Хотя они и считаютъ себя армянами, тѣмъ не менѣе самостоятельный языкъ, большая часть словъ котораго въ корнѣ со-

вершенно отлична отъ армянскихъ, а армянскіе слова сильно видоизмѣнены, даетъ поводъ думать, что зоки остатки какого-нибудь самостоятельнаго племени, которое, принявъ религію и богослужебный языкъ армянъ, мало-по-малу привыкло считать себя армянами, какъ это можно наблюдать надъ цыганами въ Эривани. Между собою они говорятъ только на своемъ языкѣ. По типу они также отличаются отъ прочихъ армянъ. Тѣ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть близко, были или голубоглазые, или со свѣтлымъ оттѣнкомъ глазъ и волосы имѣли болѣе свѣтлые, нежели у прочихъ армянъ. Нарядъ женскій также совершенно не такой, какой носятъ армянки прочихъ мѣстностей. Шлычки у нихъ на головахъ значительной высоты, въ то время какъ прочія армянки носятъ эти шлычки крохотныхъ размѣровъ, приблизительно величиной съ чайное блюдце. Цѣлыя ряды серебряныхъ украшеній висятъ спереди и сзади, такъ что голова такой франтихи очень похожа на голову ломовой лошади, за которой ухаживаетъ рачительный кучеръ, навѣшивающій на свою любимицу все, чтó только можетъ тамъ помѣститься. На плечи надѣта съ рукавами накидка, нѣсколько напоминающая персидскій кафтанъ. Кафтанъ этотъ не застегивается, и потому изъ-подъ него виденъ прочій нарядъ: кофта, очень узкая юбка и широкій кушакъ, нѣсколько разъ опоясывающій тѣло. Ноги обуты въ сапоги или башмаки съ высокими голенищами,—разобрать это трудно, потому что, за исключеніемъ самой ступни, все прикрыто черными штанами, расшитыми галунами. Общее впечатлѣніе отъ наряда зокскихъ франтихъ очень неблагопріятно, хотя онъ и дорогъ, такъ какъ дѣлается изъ шелковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта. Женщинъ въ такомъ нарядѣ встрѣчалось очень много, хотя тутъ же попадались наряженныя въ обыкновенный

армянскій костюмъ и даже въ европейскій. Рядомъ съ высокимъ древнимъ кокошникомъ уживаются и шляпки послѣдней моды. Причину подобнаго контраста въ какомъ-то затерянномъ на окраинѣ селеніи слѣдуетъ искать въ предпріимчивости зоковъ, ведущихъ, и особенно въ прежніе времена, свою торговлю по всѣмъ наиболѣе выдающимся городамъ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Марсели, Парижѣ и даже въ Америкѣ. Торговыя операціи въ западной Европѣ даютъ возможность инымъ изъ нихъ получать образованіе въ тамошнихъ университетахъ. Большая часть акулисцевъ съ молоду уходитъ во всѣ стороны на заработки; нажившіи капиталы на чужбинѣ, они возвращаются въ Акулисы, обзаводятся здѣсь семьей, но живутъ дома недолго: большая часть ихъ жизни проходитъ на чужбинѣ, семьи же остаются въ родномъ селеніи, получая деньги на расходъ отъ тѣхъ, которые живутъ гдѣ-то вдали. Сами акулисцы очень гордятся своими торговыми дѣлами и свое селеніе называютъ уголкомъ Европы или уголкомъ Парижа. Пожалуй, уголкомъ Европы еще можно назвать, хотя и не вполнѣ, потому что селеніе построено на азіатскій ладъ, т. е. улицы кривыя, узкія и нерѣдко послѣ нѣскольких изворотовъ совершенно неожиданно прекращаются. Дома, однако, устроены лучше и опрятнѣе, чѣмъ въ прочихъ селеніяхъ, и по формѣ и величинѣ скорѣе походятъ на городскія, чѣмъ на деревенскія. Случайно натолкнувшись на одного бывшаго ученика семинаріи, я имѣлъ возможность побывать въ его домѣ, правда, не очень богатомъ, тѣмъ не менѣе вовсе и не бѣдномъ. Даже въ этомъ домѣ, средняго типа, можно было видѣть обстановку на городской ладъ: вѣнскія стулья, диванъ, столы, фототрафическіе виды, обои на стѣнахъ, ковры на полу. Потолокъ въ залѣ представлялъ остатки восточнаго вкуса: по всей длинѣ

своей онъ сдѣланъ былъ изъ дерева съ самыми разнообразными рѣзными украшеніями, и въ общемъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Въ селеніи имѣется нѣсколько церквей и упраздненныхъ монастырей. Практичные акулисцы воспользовались монастырскими помѣщеніями и устроили въ нихъ школу, гдѣ занимается 8 учителей и 2 учительницы, обучающіе около 400 мальчиковъ и дѣвочекъ. Зашелъ я въ монастырскую церковь. Размѣры ея очень значительны, обстановка богатая. Куполъ внутри разрисованъ, какъ въ татарскихъ мечетяхъ, сѣроватыми красками. Богослуженіе во время моего пребыванія въ церкви еще не начиналось, хотя уже туда явилось нѣсколько женщинъ въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ; одна изъ нихъ была даже въ чадрѣ, бѣлаго цвѣта, покроемъ своимъ скорѣе напоминающей похоронный саванъ, чѣмъ обычную чадру.

Изъ Акулисъ мнѣ пришлось возвращаться въ Ордубатъ ночью. Ѣзда по здѣшнимъ кривымъ безтолковымъ улицамъ возможна только въ сопровожденіи хорошо знающаго дорогу, въ противномъ случаѣ придется испытать немало огорченій. На другой день, къ удивленію своему, въ Ордубатѣ я встрѣтилъ странствующаго торговца-ярославца, очень ловко разсовывающаго свои товары между чиновниками. Предпріимчивые ярославцы расходятся по всей безпредѣльной русской землѣ, однако встрѣтить офеня на этой окраинѣ я все-таки не разсчитывалъ. На обратномъ пути изъ Ордубата въ Нахичевань мнѣ пришлось обратить вниманіе на равнину, прилегающую къ Акулисамъ. Значительная часть ея представляетъ ложе пересохшей рѣки, сплошь усыпанное камнями. Остальная часть ея хотя такъ же каменистая, однако для обработки пригодна, если бы только владѣльцы позаботились хотя нѣсколько поочистить землю отъ камней. Земля не

обрабатывается, вѣроятно, отъ недостатка воды, такъ какъ вода отъ рѣчки и родниковъ цѣликомъ разбирается для поливки безчисленныхъ садовъ Верхнихъ и Нижнихъ Акулисъ. При выходѣ изъ холмовъ, вблизи Нахичевани, на дальнемъ западѣ показался Большой Араратъ, на переднемъ фонѣ котораго едва чернѣлъ Малый, въ видѣ какого-то пригорка у основанія Большого. Остановившись въ Нахичевани для ночевки, я рѣшилъ воспользоваться остаткомъ дня и отправился посмотрѣть на гробницу Ноя. Почему это мѣсто называется гробницей Ноя, едва ли кто могъ бы отвѣтить положительно. На мѣстѣ погребенія Ноя устроено небольшое многогранное приземистое кирпичное зданіе, съ плоской крышей и двумя входами. Внутренность выбѣлена, по срединѣ стоитъ столбъ, поддерживающій потолокъ, а около этого столба устроено нѣчто въ родѣ жертвенника, на которомъ лежала при моемъ посѣщеніи небольшая кучка золы. На сводахъ потолка можно было видѣть множество мелкихъ камешковъ, прилѣпленныхъ гадающими. У армянъ существуетъ повѣрье, что если камень приклеится при надавливаніи къ стѣнѣ или потолку, то желаніе исполнится. Такихъ пытающихъ судьбу было достаточно и въ гробницѣ Ноя.

По сосѣдству съ гробницей стоятъ развалины глиняной крѣпости, бывшей твердыни нахичеванской. Она незначительныхъ размѣровъ и гораздо меньше эриванской крѣпости и также, какъ и та, заброшена и развалилась. Таковы превратности судьбы. Что когда-то представляло грозу для всего края, то теперь лежитъ въ прахѣ и забвеніи!

VIII.

Прелесть природы въ Дарачичагѣ. Минеральные источники. Дорога изъ Эривани къ Гокчѣ. Гокча. Охота на озерѣ. Составъ населенія въ Еленовкѣ. Дорога въ Семеновку. Делижань.

Дарачичагъ, въ переводѣ долина цвѣтовъ, дачное мѣсто для эриванскихъ чиновниковъ и прочей зажиточной публики. Послѣ столькихъ странствій по дикимъ, мало или вовсе некультурнымъ мѣстамъ, пришлось мнѣ пріѣхать и въ Дарачичагъ, небольшое селеніе русскихъ сектантовъ, обращающееся въ лѣтнее время въ маленькій городокъ, со всѣми его удобствами и неудобствами, со злобами и интересами горожанъ. Выборъ мѣста подъ дачи оказался очень удачнымъ. Вся страна на югъ отъ Дарачичага представляетъ изъ себя безлѣсную жаркую мѣстность, въ которой духота, комары и мошки способны отравить веселое лѣтнее время. Расположено это селеніе на горахъ, на высотѣ тысячъ въ 6 футовъ, покрытыхъ лиственнымъ лѣсомъ, разбросаннымъ также по всѣмъ прилегающимъ ущельямъ. Значительность высоты, лѣсъ и близость къ Эривани, откуда можно получать всевозможныя фрукты и овощи, дѣлаютъ жизнь въ Дарачичагѣ настолько удобной и пріятной, что сюда стремится всякій, у кого есть хоть какія-нибудь средства. Лѣсомъ и горами не оканчиваются достопримѣчательности Дарачичага. Здѣсь имѣются и минеральные источники, известковый и углекислый, возлѣ которыхъ всегда въ вечернее, а въ праздники и во всякое время можно встрѣтить гуляющихъ, приходящихъ сюда напиться воды. Вода одного источника слегка кисловата и напоминаетъ собою сельтерскую, уступая ей въ силѣ и дѣйствіи на желудокъ, тѣмъ не менѣе публика пьетъ воду съ удовольствіемъ всякій разъ, какъ только доберет-

ся до источника. Сама обстановка располагаетъ къ прогулкамъ къ источникамъ. Оба они расположены не особенно далеко отъ селенія; вокругъ нихъ мѣсто сплошь заросло лѣсомъ, такъ что есть гдѣ посидѣть и полежать въ тѣни, подышать при этомъ чистымъ воздухомъ, а легкій подъемъ въ гору на пути къ источнику, кромѣ удовольствія, доставляетъ еще и пользу вѣчно сидящимъ по своимъ канцеляріямъ чиновникамъ.

Эривань расположена у основанія горъ, на равнинѣ, которая тянется далѣе къ Арарату; оттуда дорога къ озеру Гокчѣ поднимается постепенно въ гору. При началѣ подъема открывается красивая панорама расположенной внизу Эривани, потонувшей въ садахъ, число которыхъ достигаетъ болѣе 1000. Изъ зелени повсюду выступали дома съ плоскими крышами, возвышались церкви и блестѣли на солнцѣ куполы мечетей, покрытыхъ голубыми изразцами. Невзрачный самъ по себѣ городишка, благодаря своей разбросанности, казался и большимъ и красивымъ. За городомъ на равнинѣ виднѣлись безчисленныя деревни, такъ же, какъ и Эривань, тонущія въ садахъ, а на горизонтѣ величественно возвышались грандіозныя постройки Арарата, производящаго такое неотразимое впечатлѣніе на всякаго и въ особенности вновь пріѣзжаго, который не въ состояніи будетъ оторваться отъ той чудной картины, которую представляетъ великанъ Араратъ, поднимающійся прямо съ равнины и уносящей свою ледяную вершину въ заоблачную высь. Тотчасъ же по выходѣ изъ Эривани вплоть до перваго селенія Кинакиръ дорога проходитъ по пустынѣ, во многихъ мѣстахъ усыпанной обломками базальта. Обширная площадь плодородной земли, пропадаетъ безъ всякой видимой пользы, потому что сюда не проведена вода, которая для здѣшней жаркой и лишенной дождей страны представляетъ рѣши-

тельно все,—гдѣ есть вода, тамъ плодоносная, получившаяся отъ разрушенія базальта почва даетъ громадныя урожаи; гдѣ воды нѣтъ, тамъ жизнь бываетъ только во время таянія снѣговъ, а потомъ на долго все обращается въ пустыню. То же наблюдается и здѣсь. За безжизненной равниной расположилось селеніе съ его многочисленными садами, производящее такое отрадное впечатлѣніе послѣ унылыхъ картинъ предыдущаго пути. Земли за этимъ селеніемъ разрабатываются, хотя и не вездѣ; попадаются пустыри, и чѣмъ далѣе уходишь отъ Эривани, тѣмъ количество необработанныхъ земель становится все болѣе и болѣе. Дорога постепенно поднимается, и хотя этотъ подъемъ не особенно замѣтенъ при проѣздѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, тѣмъ не менѣе на растительности замѣтна уже разница; сады становятся все меньше и хуже и, наконецъ, совсѣмъ прекращаются, а потомъ исчезаетъ даже и древесная растительность, такъ что уже въ Еленовкѣ, около Гокчи, имѣется только нѣсколько жалкихъ и тощихъ деревцевъ. Хлѣбъ вблизи Эривани убранъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вблизи же Гокчи только еще скашивался, а на сосѣднихъ горахъ даже мѣстами еще зеленъ, хотя уже наступилъ сентябрь, четвертаго числа котораго выпалъ здѣсь первый снѣгъ. Общее впечатлѣніе отъ хлѣба во всей этой нагорной сторонѣ неблагопріятно: онъ приземистъ, рѣдокъ и со слабо развитыми колосками. Лѣто здѣсь наступаетъ поздно, зима рано, а въ лѣтнее время дожди перепадаютъ рѣдко, что въ общей сложности дѣйствуетъ неблагопріятно на занятіе земледѣліемъ. Единственной поддержкой для обитателей этого суроваго нагорья, преимущественно русскихъ, служитъ извозъ, которымъ они занимаются чуть ли не поголовно. Пашни разбросаны повсюду; ихъ достаточно и на холмахъ, хотя главная

масса этихъ холмовъ представляютъ пустыри, покрытые жалкой выгорѣвшей травой, по которой нельзя составить ни малѣйшаго понятія о той роскошной растительности, которая появляется здѣсь весной и въ началѣ лѣта. Самые холмы не отличаются живописностью; это коническія возвышенности, остатки многочисленныхъ вулкановъ, опоясывающихъ все западное побережье Гокчи, и въ доисторическія времена своей величественной дѣятельностью наводившихъ страхъ и ужасъ на все живущее вблизи и заливавшихъ расплавленными массами громадныя площади. Большею частью, первобытныя породы скрыты подъ рыхлой почвой, получившейся отъ разрушенія ихъ, мѣстами же они выходятъ наружу въ видѣ ноздреватой базальтовой лавы, а вблизи селенія Ново-Николаевки видны мощные слои чернаго обсидіана. Громадное количество обсидіана въ болѣе культурныхъ странахъ, чѣмъ здѣшняя, вѣроятно, составили бы капиталъ, а тутъ все это пропадаетъ даромъ, и на вопросы, дѣлаютъ ли что-нибудь изъ него, съ удивленіемъ смотрятъ на вопрошающаго и не особенно вѣрятъ, чтобъ это твердое стекло можно было бы рѣзать и обтачивать. Выходы обсидіана настолько мощны, длинны и многочисленны, какъ это можно встрѣтить очень и очень рѣдко. Это капиталъ для будущаго, а теперь жители пользуются землею только для земледѣлія, а озерами для ловли рыбы. Къ числу такихъ озеръ принадлежитъ и Гокча, этотъ громадный бассейнъ питающій своими водами безчисленные источники, бьющіе на склонахъ тѣхъ горъ, гдѣ она расположилась. Гокча, имѣющая верстъ 60 въ длину и въ южной части до 40 верстъ въ ширину, производитъ хорошее впечатлѣніе во всякое время, и въ особенности рано утромъ, когда отдаленные гористые берега, скрытые отъ взоровъ наблюдателя, постепенно начинаютъ поя-

вляться изъ туманной дымки, покрывающей и берега и зеркальную водную поверхность. Рано утромъ вѣтеръ бываетъ здѣсь рѣдко, а потому поверхность воды остается или совсѣмъ гладкой, или только слегка волнуется. По мѣрѣ поднятія солнца воздухъ начинаетъ волноваться, а вмѣстѣ съ нимъ начинаютъ появляться на озерѣ и волны; съ теченіемъ времени онѣ становятся все больше и больше и безконечной вериницей гонятся другъ за другомъ, покрываясь на поверхности своей бѣлой пѣной. Вѣтеръ вскорѣ стихаетъ, но поднятое имъ волненіе остается еще долгое время. На поверхности воды, имѣющей зеленоватую, синюю и темно-голубую окраску, виднѣются стаи водныхъ птицъ: утокъ, чаекъ, лысухъ, нырковъ, безбоязненно плавающихъ вблизи людей, такъ какъ охотятся на нихъ рѣдко и то только случайно попавшіе сюда охотники. Я остановился на нѣсколько дней у знакомаго въ Еленовкѣ. Пользуясь тѣмъ, что у него имѣется своя лодка, я иногда отправлялся на охоту по озеру. У каждой породы птицъ была своя манера спасаться отъ непріятнаго сосѣдства охотниковъ: утки улетали, быстро уносясь въ высоту и въ сторону; бакланы были болѣе неизворотливы, хотя вскорѣ горькій опытъ научилъ и ихъ большому проворству; лѣнивыя же, ожирѣвшія лыски предпочитали лучше отплывать, чѣмъ летѣть; когда преслѣдованіе доводило ихъ до крайности, то онѣ съ крайней неохотой начинали прибѣгать къ помощи крыльевъ; однако слабыя ихъ крылья не давали имъ возможности прямо подниматься на воздухъ и онѣ принуждены были пробѣгать по водѣ много саженей, отчаянно хлопая крыльями, прежде чѣмъ удавалось начать полетъ. Полетъ, однако, скоро кончался и лыска грузно шлепалась въ воду, предпочитая опять спасаться вплавь. Лѣнь и неповo-

ротность лыски дѣлала ее легкой добычей, хотя охотники не особенно увлекаются этой дичью по причинѣ невысокаго достоинства ея мяса. Труднѣе всего давалась охота на нырковъ. Это превосходные мастера спасаться отъ преслѣдованія, ныряя въ воду и показываясь потомъ далеко и въ совершенно другой сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ они скрылись. Попытки мои изловить хоть одного такого молодца въ открытомъ озерѣ всегда были безуспѣшны, и если когда можно его застрѣлить, то это съ берега, вблизи котораго онъ часто ловитъ рыбу, не разсчитывая наткнуться на охотника, такъ какъ бабы и мужики, занимаясь своими дѣлами, никогда его здѣсь не тревожатъ. Нырки попадаются на озерѣ въ большомъ количествѣ, и если бы кто взялъ на себя трудъ научить крестьянъ сдирать съ этой птицы прекрасную ея пуховую, серебристаго цвѣта, шкурку, то это могло бы служить для нихъ выгоднымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

Населеніе Еленовки и еще цѣлаго ряда деревень состоитъ изъ русскихъ сектантовъ-молоканъ, прыгуновъ, субботниковъ и т. п. Отправившись однажды ночью на рыбную ловлю съ острогой, я разговорился со своими гребцами. На вопросы мои, изъ какихъ губерній явились сюда ихъ предки, мнѣ пришлось услышать любопытный отвѣтъ. Множество изъ нихъ — это потомки людей неизвѣстнаго происхожденія: кто былъ бѣглый солдатъ, кто бѣжалъ изъ Сибири, кто спасался отъ крѣпостной зависимости или тюрьмы и т. п. Весь этотъ людъ, направлялся не прямо сюда, а являлся во вновь присоединенныя мѣста черноморскаго побережья, куда принимали всякаго, не особенно заботясь разузнать, кто онъ и откуда. Въ Анапѣ, Керчи и другихъ городахъ такой пришелецъ приписывался и, взявъ паспортъ, уходилъ сюда уже какъ легальное лицо. Фамиліи придумывались вся-

кія, а иногда прямо заявлялось, что фамиліи своей не помнитъ, и потому среди такихъ выходцевъ можно было встрѣтить съ такими фамиліями, какъ: Голопузъ, Голыя Колѣнки, Ничегонезнайкинъ, Непомнящій и т. д. Сами потомки теперь со смѣхомъ разсказываютъ о своихъ предкахъ и о своемъ происхожденіи. Во время рыбной ловли взошла полная луна и положила конецъ нашей охотѣ. Разговорились мы о лунѣ. Спрашиваю я своихъ молоканъ, далеко ли до луны.—А кто его знаетъ! отвѣчаютъ. Когда я сказалъ имъ, что если бы кто-нибудь изъ нихъ могъ поѣхать въ извозъ со своимъ фургономъ на луну, то ему пришлось бы ѣхать туда лѣтъ 18—20 и столько же обратно, то мой спутникъ, обращаясь къ молоканину, державшему острогу, въ шутку сказалъ, что, вѣроятно, его Ѳекла не узнала бы его послѣ такого путешествія. Тотъ согласился, что мудрено было бы чрезъ 40 лѣтъ узнать его супругѣ.

Дорога изъ Еленовки къ Семеновкѣ идетъ нѣкоторое время мимо Гокчи. Проѣздъ по этому мѣсту въ лѣтнее время можетъ доставить только одно удовольствіе, благодаря красивымъ картинамъ отдаленныхъ береговъ и безбрежнаго синяго озера. Однако въ распутницу и особенно зимою, которая начинается здѣсь рано и кончается поздно, какъ и въ отдаленной сѣверной Архангельской губ., проѣздъ мимо Гокчи не только не доставитъ удовольствія, но причинитъ немало страху и хлопотъ всякому, кто только на него рѣшится. Дорога часто идетъ вдоль обрывистаго или крутояраго берега и ограждена для безопасности столбиками, аршина въ 1½ высотою, да и то не вездѣ. Зимою снѣгу здѣсь падаетъ столько, что не только эти столбики, но и телеграфные столбы засыпаются чуть не доверху. Дорогу очищаютъ по мѣрѣ возможности, тѣмъ не менѣе уровень ея посте-

пенно повышается, столбики постепенно уходятъ подъ снѣгъ, а потомъ и совсѣмъ исчезаютъ. Положеніе проѣзжающаго становится очень незавиднымъ: то онъ нѣсколько дней не можетъ выѣхать со станціи, потому что безпрерывно падающій снѣгъ заваливаетъ все и отнимаетъ всякую мысль расчистить путь, то, если дорогу сколько-нибудь сдѣлаютъ удобной для проѣзда, онъ рискуетъ свалиться съ кручи въ озеро при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ лошадей, такъ какъ при расчисткѣ дороги снѣгъ сбрасываютъ въ сторону озера и дорога имѣетъ такую форму: съ одной стороны возвышается многосаженная каменная и снѣговая стѣна, а съ другой—многосаженный обрывъ къ озеру, полотно же самой дороги наклонено въ сторону этого обрыва, такъ что рабочимъ, ямщику и проѣзжимъ приходится то и дѣло поддерживать сани, чтобъ они не полетѣли внизъ. Конечно такіе завалы и такое состояніе дороги бываетъ не всегда, но настолько часто, что проѣздъ чрезъ Малый Кавказъ и въ особенности мимо Гокчи представляетъ своего рода подвигъ. Сколько разъ мнѣ ни приходилось разговаривать со своими знакомыми, которыхъ необходимость заставляла ѣхать зимой въ Тифлисъ, почти всякій разъ приходилось слышать, что имъ не хотѣлось бы испытать въ другой разъ то, чтб они испытывали во время этого проѣзда. Поговорку „кто на морѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не молился“ здѣсь съ удобствомъ можно перемѣнить „кто мимо Гокчи зимой не ѣздилъ, тотъ и Богу досыта не молился“. Въ особенности плохо бываетъ, когда на полпути къ станціи неожиданно захватываетъ буранъ. Снѣгъ сверху, снизу, съ боковъ застилаетъ все впереди, залѣпляетъ глаза, вѣтеръ рветъ такъ, что на ногахъ не устоишь, а своимъ завываніемъ заглушаетъ даже то, чтб говоритъ ямщикъ или сосѣдъ въ саняхъ

и вотъ при такихъ условіяхъ нужно ѣхать во что бы то ни стало, рискуя или быть погребеннымъ подъ снѣгомъ или свалиться въ озеро. Но это бываетъ обыкновенно зимой. Лѣтомъ опасности нѣтъ никакой и потому проѣздъ мимо Гокчи доставляетъ только одно удовольствіе, которое еще болѣе увеличивается, если проѣзжаешь мимо при восходѣ солнца. Истинное удовольствіе испытываешь также при спускѣ съ горъ къ Делижану и потомъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ ѣзды за Делижанъ вдоль по ущелью. Делижанъ лежитъ верстахъ въ 10 отъ Семеновки—далеко внизу, въ ущельѣ, почему дорога проведена съ многочисленными изгибами и растягивается на 18 верстъ. Невдалекѣ отъ Семеновки, которая лежитъ на самомъ перевалѣ, начинается лѣсъ, раскинувшійся далеко на сѣверъ. Изгибы шоссе проходятъ по этому лѣсу, состоящему главнымъ образомъ изъ лиственныхъ породъ: дуба, граба, ясеня, а также и сосны, которыя общей своей массой закрываютъ отъ глазъ уже высокоподнявшееся солнце. Ущелье за Делижаномъ одно изъ лучшихъ ущелій, какія попадаются въ Закавказскомъ краѣ и поѣздка по немъ можетъ доставить истинное удовольствіе, послѣ однообразныхъ равнинъ Куры и Аракса.

Учитель Эриванской учительской
семинаріи *В. Дѣвицкій.*

Эривань
1894 г.

Елисаветполь и его окрестности въ орнитологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ.

Мѣстность, на которой расположенъ городъ Елисаветполь, представляетъ собою небольшую долину, по которой протекаетъ рѣчка Ганжинка, составляющая притокъ Куры съ правой стороны. На этой рѣчкѣ лежитъ городъ Елисаветполь, извѣстный прежде подъ именемъ Ганжи. Эта долина, имѣетъ наклонъ къ сѣверу, и въ болѣе низкой части ея, близъ селенія Лякъ, находится довольно много болотъ и мочежинъ, сплошь покрытыхъ камышомъ, осокой и другими болотными растеніями. Со всѣхъ почти сторонъ долина окаймлена холмами и горами, поросшими мѣстами густымъ лиственнымъ лѣсомъ, въ которомъ находятъ убѣжище многія породы дикихъ животныхъ; мѣстами же встрѣчаются такія возвышенности, которыя лишены почти всякой растительности. Если на Елисаветполь смотрѣть съ какого-нибудь близлежащаго холма, то глазамъ представляется широкое поле, посреди котораго раскинулся городъ, утопающій въ зелени виноградныхъ и другихъ фруктовыхъ садовъ; среди этой зелени величественно возвышаются огромные вѣковые чинары (Platanus orientalis—платанъ, настоящій чинаръ), достигающіе нерѣдко въ окружности сажени и болѣе. Весною особенно пріятное впечатлѣніе производитъ на наблюдателя богатство растительнаго царства, съ которымъ, какъ извѣстно, тѣсно бываетъ связана и фауна мѣстности.

Значительное разнообразіе мѣстности обусловливаетъ и разнообразіе видовъ животнаго царства. Особенно это замѣчается на пернатыхъ представителяхъ этого царства, такъ какъ нравы гнѣздованія и предметы добычи у послѣднихъ очень разнообразны.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду перечислить птицъ, какъ обитающихъ въ Елисаветполѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ постоянно, такъ равно и бывающихъ здѣсь временно—пролетомъ.

Отъ начала весны и до поздней осени сады и окрестности Елисаветполя оглашаются крикомъ и пѣніемъ множества разнообразныхъ птицъ.

Первыми предвѣстниками весны являются скворцы и жаворонки, въ особенности послѣдніе; они появляются вмѣстѣ съ оттепелью, въ концѣ февраля или въ началѣ марта, и какъ только покажется на поляхъ травка, ужъ раздается ихъ веселая пѣсня. Часто случается, что въ теплыя зимы жаворонки отъ насъ вовсе не улетаютъ, а остаются на зимовку; тогда они обыкновенно держатся на поляхъ небольшими стайками. Будучи застигнуты холодомъ врасплохъ, они перелетаютъ ближе къ городу и даже въ самый городъ, гдѣ ихъ можно встрѣтить тогда бѣгающими по городскимъ улицамъ. Здѣсь водятся два вида жаворонковъ: *жаворонокъ полевой* (турагай, Alauda arvensis L.) и *жаворонокъ хохлатый* (турагай, Al. cristata L.; Galerita cristata L.).

Жаворонки поютъ недурно и мѣстные жители часто держатъ ихъ въ клѣткахъ. Они скоро привыкаютъ къ неволѣ и становятся вполнѣ ручными.

Скворцы на зиму оставляютъ Елисаветполь и предпринимаютъ правильные перелеты; они такъ же, какъ и жаворонки, служатъ одними изъ первыхъ предвѣстниковъ весны. *Сизый скворецъ* съ бѣлыми крапинками, или *обыкновенный* (Sturnus vulgaris L.), прилетѣвъ, проводитъ время на поляхъ и лугахъ, гдѣ пасутся стада, около которыхъ онъ всегда нахо-

дитъ себѣ въ изобиліи пищу, состоящую изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, водящихся въ шерсти и на кожѣ овецъ, коровъ и др. домашнихъ животныхъ. Вьетъ онъ гнѣзда въ расщелинахъ стѣнъ, въ дуплистыхъ деревьяхъ, подъ крышами домовъ и пр. Для постройки гнѣзда онъ пользуется всѣмъ, что только попадается: соломенкой, перышкомъ, клочкомъ шерсти и т. п. Птенцовъ онъ выводитъ два раза въ лѣто. Поетъ скворецъ недурно, подражая голосу другихъ птицъ. Взятый молодымъ изъ гнѣзда, скворецъ, такъ же какъ и жаворонокъ, быстро становится ручнымъ.

Розовый скворецъ, или *каменный*, *ширкунъ* (Pastor roseus L.) прилетаетъ гораздо позже, въ половинѣ марта или въ началѣ апрѣля. Татары считаютъ эту птицу священною, такъ какъ она извѣстна имъ, какъ ревностная истребительница саранчи. Какъ первый, такъ и второй видъ совершаетъ свой отлетъ въ концѣ октября мѣсяца.

Немного позже, въ концѣ марта, какъ только деревья начинаютъ зеленѣть, и въ воздухѣ станутъ носиться насѣкомыя, прилетаетъ и наша всеобщая любимица, *городская ласточка* (каранкудж, Hirundo urbica L.). Однѣ изъ ласточекъ сейчасъ же начинаютъ исправлять свое прошлогоднее гнѣздышко, другія, отыскавъ себѣ пріютъ, строятъ новое, въ которомъ, нѣсколько дней спустя, можно найти до 6-ти яицъ. Объ этой птичкѣ у мѣстныхъ мусульманъ существуетъ слѣдующее преданіе:

Богъ приказалъ пророку Ибрагимъ-Халилу (Аврааму) пойти въ Мекку и на одной изъ ея равнинъ построить точно такой же храмъ, какой нѣкогда построилъ Муса (Моисей) въ Іерусалимѣ. Ибрагимъ-Халилъ исполнилъ приказаніе Бога: храмъ былъ выстроенъ, куда и стали стекаться массами богомольцы. Въ то время страну ту населялъ особый народъ, извѣстный подъ именемъ Адъ. Узнавъ о построеніи храма царь этой страны приказалъ собрать войско и немедленно разрушить весь храмъ до основанія. Согласно волѣ царя войско было собрано и

отправлено въ Іерусалимъ, но въ тотъ самый моментъ, когда оно собиралось исполнить приказаніе своего властелина, молитва Избрагимъ-Халила была услышана Богомъ: прилетѣли ласточки въ такомъ количествѣ, какъ великъ былъ отрядъ, и взявши въ клювъ по камню, каждая изъ нихъ бросила камнемъ въ голову воина; такимъ образомъ, всѣ воины были побиты, кромѣ одного, который и побѣжалъ къ царю съ извѣстіемъ о случившемся. Царь не повѣрилъ разсказу, но въ это время ласточка пролетала надъ головой спасшагося воина, и едва послѣдній успѣлъ вскрикнуть: „Вотъ, вотъ, царь! еще одна", какъ камень упалъ изъ клюва и убилъ его. Сдѣлавшись свидѣтелемъ столь необыкновеннаго явленія, царь испугался и немедленно отмѣнилъ свое приказаніе. Послѣ этого событія Богъ научилъ ласточекъ пѣть молитву, въ которой онѣ предупреждаютъ людей не убивать ихъ, ибо Богъ убившаго ласточку накажетъ смертью.

Послѣ прилета ласточекъ, незамѣтнымъ для наблюдателя образомъ, опустѣлые наши сады, лѣса и поля населяются всевозможными птицами. Повсюду раздаются самые разнообразные голоса: кричатъ и щебечутъ щеглы (дрыр), дрозды, иволги, дубоносы, чижики (сари-кёнак); чирикаютъ воробьи (сăрчă), звенитъ какъ колокольчикъ желтенькая овсянка, свищетъ и щелкаетъ соловей, ему вторитъ малиновка...

Крикливая иволга (зёрд, Oriolus galbula L.) одна изъ самыхъ красивыхъ здѣшнихъ птицъ. Самецъ имѣетъ зеленоватую спину, ярко-желтую грудь и черныя крылья. Поетъ онъ звонко и недурно, въ особенности во время кладки яицъ и высиживанія.

Черный дроздъ (кара-товук, Turdus merula L.) проводитъ здѣсь время круглый годъ, не исключая и зимы; въ это время онъ питается червями, которыхъ находитъ въ садахъ, и зимующими улитками, скорлупу которыхъ онъ продалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ. Самецъ-дроздъ начинаетъ пѣть съ марта мѣ-

сяца и поетъ до поздняго лѣта. У мѣстныхъ мусульманъ часто можно встрѣтить чернаго дрозда въ клѣткахъ; они его очень любятъ за подвижность, веселость и переимчивость. Кромѣ чернаго дрозда, на весеннемъ пролетѣ, во второй половинѣ февраля или въ началѣ марта, останавливается въ нашихъ садахъ *дроздъ-деряба* (кара-товук, T. viscivorus L.) и *бѣлозобикъ* (T. torquatus L.), съ бѣлымъ ожерельемъ вокругъ шеи. Попадается по Ганжинкѣ *оляпка*, или *водяной дроздъ* (кара-товук, Cinclus aquaticus Briss.), котораго охотники называютъ водянымъ воробьемъ. Онъ по величинѣ немного меньше чернаго дрозда; опоренье у него плотное, черно-бураго цвѣта, съ бѣлой грудью и короткимъ хвостикомъ; онъ хорошо ныряетъ и гребетъ въ водѣ крыльями.

Соловей Гафиза, или *персидскій* (бюль-бюль, Lusciola Hafizi Severz.) прилетаетъ къ намъ въ половинѣ или въ концѣ апрѣля. Соловьевъ бываетъ очень много, такъ что ихъ можно встрѣтить въ каждомъ небольшомъ садикѣ, поросшемъ кустарникомъ; тамъ они гнѣздятся и выводятъ дѣтей. Птенцы соловья истребляются въ большомъ количествѣ кошками и крысами. Здѣшніе соловьи не обладаютъ тѣмъ превосходнымъ чарующимъ пѣніемъ, которымъ отличается восточный или западный соловей. Пѣніе ихъ значительно бѣднѣе содержаніемъ и однообразнѣе. Такъ въ самый разгаръ поры любви, когда между самцами идетъ соревнованіе, они не въ состояніи сдѣлать болѣе пяти строфъ, и то короткихъ и отрывистыхъ. Образъ жизни ихъ ничѣмъ не отличается отъ образа жизни вышеупомянутыхъ соловьевъ, т. е. восточнаго и западнаго.

Кромѣ перечисленныхъ пѣвчихъ птицъ, здѣсь еще водятся: *плиска*, или *трясогузка* (Motacilla alba L.), самая обыкновенная, живая и подвижная птичка; она селится всего охотнѣе около воды и отличается своимъ длиннымъ хвостикомъ, которымъ она постоянно потряхиваетъ. Она часто зимуетъ у насъ, а если и улетаетъ, то возвращается ранней

весной (въ началѣ марта). Трясогузка, подобно ласточкѣ и другимъ пѣвчимъ птицамъ, питаетъ непримиримую вражду къ хищникамъ.

Затѣмъ здѣсь попадается: *сѣрый сорокопутъ* (Enneoctonus excubitor L.), *сорокопутъ-жуланъ* (E. collurio L.), *снигирь* (Pyrrhula vulgaris Bechst.), сивоворонка, удодъ, щурка или пчелоѣдъ и зимородокъ. Первые два хищны и драчливы; питаются или маленькими птичками, или жуками, которыхъ они имѣютъ обыкновеніе накалывать на колючки кустовъ, а затѣмъ проголодавшись, съѣдаютъ.

Снигирь по величинѣ немного больше воробья; зиму проводитъ въ окрестностяхъ или въ самомъ городѣ, гдѣ его можно встрѣтить отыскивающимъ себѣ пищу по люднымъ проѣзжимъ улицамъ и дорогамъ.

Сивоворонка, или *ракша* (Coracias garrula L.) и *удодъ-пустошка* (опопъ, шана-думъ, Фатьма-баджи, Upupa epops L.) принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ. Первая прилетаетъ въ началѣ апрѣля, а вторая—во второй половинѣ марта. Какъ сивоворонка, такъ и удодъ имѣютъ красивое опереньe. Преобладающая окраска первой—голубая, а второй—пестрая. У удода на головѣ есть хохолъ изъ подъемныхъ перьевъ, расположенныхъ въ два ряда. Осенью оба эти вида улетаютъ на югъ во второй половинѣ сентября.

Объ удодѣ у татаръ существуетъ слѣдующее сказаніе:

Жили-были два брата по имени Усубъ и Насибъ; у нихъ была сестра Фатьма, которая имѣла обыкновеніе носить головной гребешокъ. Однажды у нихъ пропала лошадь, и братья, уходя на розыскъ ея, приказали сестрѣ, къ ихъ возвращенію, приготовить обѣдъ; она сварила молочный супъ и стала поджидать братьевъ. Долго ждала она ихъ, но никакъ не могла дождаться: стала безпокоиться и рѣшилась наконецъ сама итти отыскивать братьевъ. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ поисковъ, она обращается къ Богу съ просьбой, моля превра-

тить ее въ птицу, чтобъ легче было отыскать любимыхъ братьевъ. Молитва ея была услышана: Богъ превратилъ ее въ удода *), на головѣ котораго вмѣсто гребешка получился хохолокъ. Удодъ и по настоящее время розыскиваетъ братьевъ, покрикивая: „Опбпъ гюль-тапъ, Усубъ, Насибъ судди ашъ!" т. е. удодъ! розу найди; Усубъ, Насибъ—молочный супъ. Послѣ того какъ сестра превратилась въ птицу-удода, отцовское богатство, доставшееся ей по наслѣдству, осталось на землѣ, и потому теперь, когда его спрашиваютъ: „Удодъ, гдѣ твое отцовское богатство?", онъ ударяетъ клювомъ въ землю, желая этимъ какъ бы сказать, что все отцовское богатство осталось на землѣ.

Щурка золотистая (Merops apiaster L.) и *зимородокъ голубой* (Alcedo ispida L.)—землекопы; они прокапываютъ себѣ длинные ходы въ крутыхъ косогорахъ, по обрывистымъ берегамъ рѣкъ, и расширяютъ заднiй конецъ прохода въ видѣ пещеры, гдѣ самочка кладетъ яйца. Зимородокъ тамъ остается на зиму, а щурка нѣтъ; она прилетаетъ весной весьма рано, въ началѣ апрѣля, а отлетаетъ на югъ въ среднихъ числахъ октября. Обѣ эти птички отличаются яркостью своего оперенья, которое можно видѣть только у тропическихъ птицъ. Зимородки живутъ парами, а щурки обществами. Въ жаркiй солнечный день нерѣдко бываютъ слышны звуки щурокъ, высоко носящихся въ воздухѣ.

Всѣ вышеназванныя мелкiя птички, которыя въ продолженiе лѣта населяютъ и оживляютъ наши поля, сады и лѣса, относятся къ многочисленному разряду пѣвчихъ птицъ (Oscines). Всѣ онѣ заслуживаютъ не только пощады, но и покровительства, такъ какъ истребляютъ огромное количество вредныхъ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ, яицъ, куколокъ и т. п. Кромѣ того, почти всѣ онѣ доставляютъ намъ удовольствiе

*) Удодъ по-татарски называется опопъ или Фатьма-баджи; последнее слово въ переводѣ на русскiй языкъ означаетъ „сестра-Фатьма".

своимъ пѣніемъ. Большая часть изъ нихъ покидаетъ насъ въ началѣ осени, когда дни становятся короче, а ночи прохладнѣе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ, какъ напр. щегловъ, овсянокъ и др., которыя проводятъ здѣсь и зиму. Онѣ въ это время собираются обыкновенно въ небольшія общества и летаютъ по садамъ, огородамъ и полямъ, при чемъ ведутъ кочевую, или бродячую жизнь.

Теперь перейду къ перечисленію болѣе крупныхъ лѣсныхъ птицъ. Изъ *лазящихъ* (Scansores, Zygodactyli) или *парнопалыхъ* здѣсь водятся: бездомная кукушка и нѣсколько породъ дятловъ.

Обыкновенная кукушка (Cuculus canorus L.) прилетаетъ сюда въ концѣ апрѣля и, какъ перелетная птица, проводитъ у насъ только лѣто; среди тысячи веселыхъ пѣсенъ, раздающихся въ густой чащѣ лѣса, слышится и ея заунывное кукованье; она отлетаетъ въ концѣ октября.

Изъ нѣсколькихъ различныхъ видовъ дятловъ, встрѣчающихся на Кавказѣ, здѣсь попадаются три особыхъ вида: *дятелъ-вертиголовка* (агадж дäлäя, Jynx torquilla L), *зеленый дятелъ* (Picus viridis L.) и *черный дятелъ* (P. martius L.) съ красною макушкой; послѣдній по величинѣ гораздо больше первыхъ двухъ; они водятся въ смѣшанномъ лиственномъ лѣсу Азата (селеніе въ 20-ти верстахъ отъ Елисаветполя). Постукивая по деревьямъ, какъ плотники, дятлы производятъ своеобразную музыку, которая слышится далеко въ лѣсу.

Семейство воронъ (Corvinae) распространено повсюду. Здѣсь можно встрѣтить почти всѣ виды его. Самый большой представитель—*черный воронъ* (дулаш, Corvus corax L.). Между мѣстнымъ населеніемъ о немъ ходитъ повѣрье, что будто бы онъ, посмотрѣвши на свое крыло, опредѣляетъ, гдѣ должна находиться падаль, которою онъ главнымъ образомъ питается. Карканье ворона, по народному понятію, предвѣщаетъ несчастіе. Изъ другихъ воронъ извѣстны: *черная* и *сѣрая вороны*

(гарга, Corvus corone L. и C. cornix L.), всѣмъ знакомыя птицы; *грачъ* (таган, C. frugilegus L.) во всемъ похожій по величинѣ, строенію и образу жизни на сѣрую ворону, только весь онъ чернаго цвѣта и у основанія клюва имѣетъ голую, бѣловатую кожу, которая образовалась отъ частаго всовыванія клюва въ землю при отыскиваніи въ ней пищи; этимъ послѣднимъ признакомъ и карканьемъ грачъ отличается отъ черной вороны. Обѣ эти птицы всеядныя, подобно всѣмъ прочимъ членамъ этой семьи. *Сорока бѣлобокая* (căгсаган, Pica caudata Briss.), очень хитрая, умная и подвижная птица, и *сойка* (Garrulus glandarius L.). Послѣдняя одна изъ самыхъ красивыхъ представительницъ этого семейства. Молодая сойка отличается своею способностью перенимать голоса другихъ птицъ; она выучивается говорить нѣсколько словъ и довольно точно подражаетъ голосу человѣка. Всѣ эти птицы живутъ у насъ осѣдло и приносятъ немалую пользу тѣмъ, что уничтожаютъ всякую падаль и, такимъ образомъ, являются одними изъ лучшихъ и естественныхъ оздоровителей города и его окрестностей. Сѣрая и черная вороны вьютъ свои гнѣзда на городскихъ чинарахъ, и вообще любимыми мѣстами ихъ являются небольшія рощи съ высокими, старыми деревьями. Весну и лѣто онѣ проводятъ, большею частью, попарно; осенью живутъ большими стаями и цѣлый день остаются на поляхъ. Зимою онѣ переселяются въ городъ, гдѣ скитаются въ одиночку, а къ вечеру составляютъ большія сборища, при чемъ долгое время летаютъ надъ городскимъ садомъ, выбирая себѣ удобное мѣсто для ночлега.

Почти одновременно съ прилетомъ пѣвчихъ и другихъ лѣсныхъ птицъ, появляются у насъ въ большомъ количествѣ и ихъ смертельные враги—*хищныя птицы* (Rapaces). Онѣ устраиваютъ свои гнѣзда въ лѣсахъ и скалахъ, гдѣ также поселяются цѣлыя скопища маленькихъ птичекъ, а потому добыча у нихъ всегда имѣется подъ рукою. Вылетаютъ онѣ на свой промыселъ преимущественно утромъ и вечеромъ. Разрядъ хищныхъ,

какъ извѣстно, раздѣляется по образу жизни на двѣ группы: дневныхъ и ночныхъ. Изъ дневныхъ хищныхъ здѣсь попадаются: *орелъ бѣлохвостый* некрупной породы (Haliaëtus albicilla L.), *черный коршунъ* (чалаган, Milvus niger Briss.), *красный коршунъ*, два вида ястребовъ: *ястребъ-утятникъ* (кырги, Astur palumbarius L.) и *ястребъ-перепелятникъ* (Astur nisus L.); последній видъ употребляется здѣшними татарами для охоты на перепеловъ и даже курочекъ. Для охоты выбираютъ обыкновенно ровную открытую мѣстность. *Соколъ пустельга* (тäрлан, Falco tinnunculus L.) и *соколъ-кобецъ*, или *кобчикъ* (нäрик, F. vespertinus L.), небольшія хищныя птицы, чаще другихъ изъ этого семейства собираются въ незначительныя общества, цѣлый день парятъ въ воздухѣ, зорко высматривая себѣ добычу, и, завидя ее, стрѣлою кидаются на нее; у насъ они истребляютъ въ большомъ количествѣ полевыхъ мышей. Прилетаетъ ихъ сюда такое множество, что нѣкоторые даже гнѣздятся подъ крышами жилыхъ домовъ. Правильныхъ перелетовъ они не дѣлаютъ, и только перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, и потому каждаго представителя этого семейства можно встрѣтить всегда и зимою.

У мѣстныхъ татаръ о ястребѣ и пѣтухѣ есть такой разсказъ:

Однажды ястребъ обратился къ пѣтуху со слѣдующими словами: „Пѣтухъ, почему ты не любишь людей и не слушаешься ихъ, между тѣмъ какъ они тебя любятъ и считаютъ одной изъ умныхъ птицъ? Когда они хотятъ поймать тебя, ты убѣгаешь и всячески стараешься скрыться, перелетая съ одной крыши на другую. А вотъ я, хотя и дикая птица, но, когда меня люди поймаютъ и сдѣлаютъ ручнымъ, слушаюсь ихъ и хожу всегда съ ними на охоту. Если же во время охоты и отлетаю, то по первому же ихъ зову возвращаюсь къ нимъ опять обратно“. На это пѣтухъ отвѣчаетъ ястребу: „Какъ же ты глупъ, какъ я вижу. Если бы ты зналъ цѣль, съ какою они насъ ловятъ, то не сказалъ бы этого и, очу-

тившись на моемъ мѣстѣ, не только перелеталъ бы съ крыши на крышу, а улетѣлъ бы совсѣмъ за высокія горы, чтобъ только съ глазъ долой и скрыться отъ людей. Вѣдь, тебѣ известно, кажется, что жареныхъ ястребовъ еще никогда не видали, а пѣтуховъ—очень часто“.

Ко второй группѣ хищныхъ, какъ я уже упомянулъ раньше, относятся *ночныя хищныя* (raptatores nocturni); ихъ попадается пять различныхъ видовъ. Изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія огромной величины *филинъ* (япалаг, байкуш, Strix Bubo, Bubo maximus L.), достигающій до 2-хъ футовъ вышины. Весной онъ даетъ о себѣ знать очень громкимъ, глухимъ и далеко слышнымъ крикомъ „бугу“. Въ лунныя ночи, онъ кричитъ чаще, нежели въ темныя; крикъ его какъ-то зловѣще раздается по лѣсу. На ряду съ такимъ огромнымъ представителемъ этого семейства, можно встрѣтить очень маленькихъ совъ, напримѣръ *сыча-малютку* (Glaucidium passerinum L.), который величиною немного больше дрозда.

Съ первыхъ чиселъ апрѣля и въ продолженіе всего лѣта сычи эти ведутъ между собою по ночамъ перекличку съ вершинъ чинаровъ, напоминая перекличку ночныхъ сторожей.

Совы остальныхъ видовъ получаютъ свое названіе отъ мѣстности, гдѣ онѣ, большею частью, проводятъ время. Такъ, различаются: *сова лѣсная, болотная* (байкуш, Strix brachyotus L.) и *степная*, или *сѣрая неясыть* (Syrnium aluco L.).

Еще изъ ночныхъ хищниковъ часто здѣсь встрѣчается *лунь полевой* (Strigiceps cyaneus L.); онъ всегда держится недалеко отъ болотъ и, летая низко надъ землей, ловитъ зазѣвавшихся мелкихъ птичекъ.

Ночной образъ жизни совъ, ихъ внѣшній непривлекательный видъ и въ особенности ихъ неблагозвучный голосъ, способствуютъ возникновенію нерасположенія къ нимъ и служатъ поводомъ къ преслѣдованію ихъ, котораго онѣ вовсе не заслуживаютъ. Своимъ особеннымъ крикомъ, раздающимся въ

ночное время и напоминающимъ голосъ человѣка, онѣ сдѣлались предметомъ многихъ вымышленныхъ разсказовъ и предзнаменованій. Вотъ нѣкоторыя изъ повѣрій о нихъ елисаветпольскихъ татаръ и армянъ:

Жили давнымъ-давно братъ да сестра. Родной-матери у нихъ не было, а была мачеха. Разъ она приказываетъ имъ погнать воловъ на пастбище. Братъ съ сестрою тотчасъ же послушались приказанія мачехи и погнали воловъ въ поле. Волы паслись, а братъ и сестра разговаривали между собою и до того увлеклись своимъ разговоромъ, что забыли про воловъ, которые паслись недалеко отъ нихъ. Вотъ они вглянули: воловъ нѣтъ! Бросились искать туда, сюда... нѣтъ: волы пропали! Со слезами на глазахъ возвратились они домой. Мачеха спрашиваетъ, о чемъ они плачутъ и почему пришли одни, не пригнавъ съ собою воловъ? Какъ только она узнала, что волы пропали, она въ сердцахъ сильно побила ихъ и сейчасъ же послала назадъ, строго приказавъ имъ, чтобъ волы непремѣнно были найдены и приведены домой, въ противномъ случаѣ пусть и сами они не показываются ей на глаза. Съ грустью, понуривъ головы, пошли братъ съ сестрой искать воловъ. Идутъ они молча, а слезы такъ и катятся по ихъ лицамъ. Шли очень они долго, но воловъ никакъ не могли найти. Наконецъ они остановились и порѣшили искать воловъ врозь: братъ долженъ былъ итти подъ одну гору и все время спрашивать: „гтаръ? т. е. нашла“, а сестра должна была отвѣчать: „вочъ—нѣтъ!“ и искать подъ другой горой. Долго они искали, но поиски ихъ оказывались тщетными: воловъ не было. Боясь возвратиться къ мачехѣ безъ воловъ, они стали просить Бога, чтобъ Онъ превратилъ ихъ въ птицъ. Желаніе ихъ сбылось: Богъ превратилъ ихъ въ совъ, которыя и до сихъ поръ разыскиваютъ воловъ и теперь еще одна спрашиваетъ: „гтаръ?“, а другая отвѣчаетъ: „вочъ!“

У мусульманъ существуетъ разсказъ на библейскій мотивъ объ Іаковѣ и его двѣнадцати сыновьяхъ.

Узнавъ о пропажѣ своего любимаго сына Іосифа, Іаковъ призвалъ къ себѣ двухъ слугъ: Усуба и Насиба и послалъ ихъ разыскать Іосифа. Слуги долго искали его, но найти не могли; тогда они обратились съ молитвой къ Богу, прося Его даровать имъ крылья: летая, они надѣялись отыскать Іосифа. Богъ исполнилъ ихъ молитву. Получивъ крылья, они поднялись на воздухъ, и чтобы не потерять другъ друга, стали перекликаться между собою: Усубъ? Насибъ? Усубъ? Насибъ?...

Подобные же разсказы, съ небольшими измѣненіями, пытающіеся объяснить этотъ однообразный и заунывный окликъ двухъ ночныхъ птицъ, существуетъ и между другими инородцами Кавказа. Вообще ночныя птицы дали большой матеріалъ для народной фантазіи, такъ, что суевѣрій и разсказовъ о нихъ существуетъ очень много. Такъ, напримѣръ, татары считаютъ филина мудрѣйшей изъ всѣхъ птицъ и бекомъ ихъ *). Филинъ въ первобытное время, по сказанію татаръ, былъ домашнею птицей, но когда замѣтилъ, что люди стали убивать пророковъ, онъ удалился отъ нихъ, боясь чтобы они и его не убили. Удалившись отъ людей, онъ сталъ жить подъ кровлями заброшенныхъ зданій, въ старыхъ банняхъ, въ разсѣлинахъ скалъ и т. п. Такъ какъ любимыми мѣстами филина служатъ развалины, то однажды люди спросили его: «чего на свѣтѣ больше: развалинъ или строеній?»—«Развалинъ», отвѣчалъ онъ: «потому что со временемъ всѣ строенія превратятся въ развалины»—«А кого больше на свѣтѣ: мужчинъ или женщинъ?»—«Женщинъ, потому что мужчины, которые слушаются женщинъ, тоже женщины».

Крикъ филина, по повѣрью мусульманъ, предвѣщаетъ то зло, то добро. Когда онъ кричитъ надъ домомъ, то хозяева, во избѣжаніе несчастья, выставляютъ ему въ деревянномъ сосудѣ разныя лакомства.

Теперь остается еще упомянуть о птицахъ, составля-

*) Татарское названіе филина „бай-куш" означаетъ бекъ-птица.

ющихъ главный предметъ охоты здѣшнихъ охотниковъ-любителей и промышленниковъ.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, когда большая часть пернатыхъ занята высиживаніемъ яицъ, прилетаетъ къ намъ для той же цѣли *перепелъ* (бильдирчин, Coturnix communis Bonn.). Нужно замѣтить, что они у насъ бываютъ не всегда въ одинаковомъ количествѣ: иной годъ много, другой—совсѣмъ мало. Задорные крики самцовъ: «пить-полоть, пить-полоть» радуютъ сердце истаго охотника. Весною на перепеловъ обыкновенно не охотятся, какъ и на всякую другую дичь, когда она въ порѣ любви и размноженія. Охота, разрѣшенная правительствомъ, начинается 15-го іюля и продолжается до самаго отлета перепеловъ, т. е. до октября мѣсяца. Случается здѣсь нерѣдко видѣть перепеловъ и зимою.

Вмѣстѣ съ перепеломъ летитъ также и его спутникъ *дергачъ* или *коростель* (ельба, Crex pratensis Bechst.). Это очень хитрая и проворная птица. Она бѣгаетъ такъ скоро, что легко можетъ скрыться отъ преслѣдованія собакъ, отъ которыхъ онъ прячется въ сырыхъ мѣстахъ, поросшихъ густой травой.

Осень самая лучшая пора для охотника; въ это время большая часть птицъ покидаетъ гнѣзда, и молодые выводки, руководимые родителями, показываются всюду.

Разрядъ *куриныхъ* (Gallinae), или *скребущихъ* (Rasores) болѣе другихъ преслѣдуется охотниками, во-первыхъ, потому что курей стрѣлять легче, а, во-вторыхъ,—охота на нихъ гораздо прибыльнѣе, чѣмъ охота на такую мелкую дичь, какъ бекасъ, или гаршнепъ, которые, по мнѣнію охотника-промышленника, и заряда пороху не стоятъ. Самый большой и красивый представитель этого семейства *колхійскій*, или *обыкновенный фазанъ* (кыргавул, Phasianus colchicus L.). Онъ составляетъ гордость той мѣстности, гдѣ поселился. Летитъ ли фазанъ, или сидитъ, можно съ полнымъ правомъ сказать, что это одна изъ граціознѣйшихъ птицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—самая красивая по опе-

ренью. Лучшая охота на фазановъ—это часъ или два послѣ восхода солнца, когда они выходятъ изъ камышей на ближайшія поля, засѣянныя чалтыкомъ (рисомъ) или пшеницей. Въ полдень они скрываются въ чащу непроходимаго кустарника или камыша, гдѣ сидятъ, такъ притаившись, что самая хорошая собака и та не въ состояніи ихъ оттуда выгнать. Вечеромъ, часовъ около пяти или шести, ихъ опять можно встрѣтить на тѣхъ же ближайшихъ жнивахъ. Зимою, при недостаткѣ своей обычной пищи, фазаны питаются жолудями.

Сюда же относятся еще слѣдующіе виды: *сѣрая куропатка* (чиль, Starna cinerea L. *) складомъ своимъ и опереньемъ очень похожа на перепела, только она гораздо больше его; *горная курочка* (кăклик, Perdix chucar Gray.), которая своимъ крикомъ оживляетъ наши холмы и горы, и наконецъ турачъ.

На этой птицѣ, какъ принадлежащей, главнымъ образомъ, только этой мѣстности, я остановлюсь немного дольше.

Турачъ (турач, Attagen francolinus L.) по величинѣ больше горной курочки. По свѣтло-коричневому полю разбросаны черныя перья съ бѣлыми каемками. У самца вся грудь черная и вокругъ шеи темно-коричневый ободокъ. Эти птицы осѣдлыя, какъ и вообще все это семейство. Живутъ турачи на поляхъ и лугахъ, держась по близости воды около кустарниковъ и камышей. Густыхъ лѣсовъ они избѣгаютъ, на деревья не садятся. Когда они бываютъ вспугнуты, то рѣдко садятся на поле, а стараются добраться до мѣстъ болѣе безопасныхъ: до кустовъ и камышей. Турачи въ холодныя и снѣжныя зимы, когда трудно бываетъ отыскать кормъ, приближаются къ деревнямъ и залетаютъ въ саманники, гдѣ ихъ ловятъ тогда безъ всякаго труда. Птица эта очень нѣжная и холодныхъ, суровыхъ зимъ не выноситъ. Водится она исключительно въ Елисаветпольской губерніи и частью въ Бакинской, т. е. по сред-

*) Perdix cinerea Briss.

нему и нижнему теченію Куры. Гнѣзда ихъ безыскусственны и помѣщаются на землѣ, почему во время весенняго сильнаго размыва рѣкъ и рѣчекъ ихъ истребляется огромное количество. Наши охотники-промышленники являются непримиримыми врагами этой птицы, и если только не будутъ приняты надлежащія мѣры къ ихъ охраненію, то въ недалекомъ будущемъ имъ грозитъ совершенное истребленіе.

Мѣстные татары слѣдующимъ образомъ выражаютъ весеннее токованіе турача:

Турачъ всегда поетъ:
Дитъ-диди дитъ-диди!
Охъ! меня поймаютъ,
На вертелѣ сжарятъ.
Дитъ-диди, дитъ-диди!
Мое мясо съѣдятъ,
Мои кости бросятъ.
Дитъ-диди, дитъ-диди!

Голуби прилетаютъ къ намъ очень рано; они подобно отряду куриныхъ любятъ жизнь общественную и скитаются по полямъ стаями, хотя гнѣздованіе совершается строгимъ образомъ одною четою. Самый малый и нѣжный видъ этого семейства *горлица* (огеин, ала-бахта, Turtur auritus Ray.); затѣмъ слѣдуетъ *сизый голубь* (гёгäрчин, Columba livia Briss.) и *витютень*, или *вяхирь* (Palumbus torquatus Aldr.). Въ концѣ лѣта они сильно преслѣдуются ружейными охотниками, которые выжидаютъ ихъ днемъ на крайникъ деревьяхъ лѣса или рощи, по близости текучей воды, куда они прилетаютъ на водопой. На зиму горлица и витютень перелетаютъ отъ насъ въ болѣе теплыя страны въ поискахъ за зимнимъ пристанищемъ, причемъ горлица улетаетъ раньше витютня; сизый же голубь въ небольшомъ количествѣ остается здѣсь зимовать; онъ селится по крутымъ и обрывистымъ берегамъ Ганжинки. Время отлета—октябрь, въ который какъ голуби, такъ и большинство

здѣшнихъ птицъ покидають наши поля и лѣса и улетаютъ въ страны съ болѣе мягкою зимою.

Взамѣнъ пѣвчихъ и другихъ лѣсныхъ птицъ, сюда прилетаютъ съ сѣвера птицы болотныя и степныя. Нѣкоторыя изъ нихъ остаются здѣсь на зиму, другія же летятъ дальше, въ болѣе теплыя страны.

Въ послѣднихъ числахъ августа, или въ началѣ сентября, на нашихъ ляпскихъ болотахъ и мочежинахъ появляются бекасы. Прежде другихъ видовъ прилетаетъ *бекасъ-барашекъ* (Scolopax gallinago L.). Во время весенняго и осенняго пролета ихъ бываетъ очень много; вспугнутые они вылетаютъ по нѣскольку штукъ разомъ. Охота на нихъ трудная: отъ охотника требуются качества мѣткаго стрѣлка. Полетъ ихъ быстръ и красивъ, какъ ни у одной изъ птицъ. При полетѣ дѣлаютъ они граціозные зигзаги. Срываясь, бекасъ кричитъ «осскипъ, осскипъ».

Почти одновременно съ бекасомъ прилетаетъ, но въ крайне маломъ количествѣ *гаршнепъ* (S. gallinula L.); это тотъ же бекасъ, какъ по устройству тѣла, такъ и образу жизни, но только по величинѣ въ два раза менѣе послѣдняго.

Немного позже, въ половинѣ или въ концѣ октября, появляется и *лѣсной бекасъ*, или *вальдшнепъ* (S. rusticola L.), любимая дичь всѣхъ охотниковъ. Прилетѣвъ, онъ останавливается на нѣкоторое время по опушкамъ лѣса, а затѣмъ спускается и къ намъ въ сады. Поднятый, онъ взлетаетъ, сильно хлопая крыльями, что непріятно дѣйствуетъ на нервы впечатлительнаго охотника и заставляетъ часто дѣлать промахи. Вальдшнепа здѣсь иногда можно встрѣтить и зимою: это такъ называемые отсталые по какимъ-либо причинамъ; они при весеннемъ обратномъ пролетѣ вальдшнеповъ снова присоединяются къ своимъ товарищамъ.

Дупель (S. major L.) прилетаетъ позже прочихъ видовъ бекасовъ и вообще здѣсь является весьма рѣдкимъ гостемъ.

На весеннемъ пролетѣ онъ у насъ бываетъ въ среднихъ числахъ апрѣля, а на осеннемъ—во второй половинѣ октября. Стоянка, какъ на первомъ, такъ и на второмъ пролетѣ, продолжается не болѣе недѣли. Охота на дупеля гораздо легче, чѣмъ охота на бекаса, не потому только, что онъ больше его, но также потому, что полетъ у него тяжелъ и менѣе быстръ и извилистъ. Изъ другихъ болотныхъ птицъ можно часто вспугнуть изъ камышей *сѣрую цаплю* (дурна, Ardea cinerea L.). Случается также видѣть, какъ расхаживаетъ по болоту, отыскивая добычу, *бѣлая цапля* (Ard. alba L.). Весьма обыкновенна также и *малая бѣлая цапля* (Ard. nivea Gm.), которая ходитъ, внимательно выслѣживая на болотѣ лягушекъ и улитокъ. Иногда съ крикомъ „ки-ги“ носится надъ болотомъ *чибисъ-пигалица* (Vanellus cristatus L.), мѣрно и плавно разсѣкая воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Весною по ночамъ раздается громкій, короткій рычащій звукъ—это звукъ *выпи*, или *водяного быка* (Ardea stellaris L.). Она тоже относится къ семейству цапель, но только ведетъ жизнь ночную. Здѣсь встрѣчаются два вида выпи: *большой выпь* и *малый*, или *красный* (Ardea stellaris L.).

Въ густой травѣ по берегамъ Ганжинки живетъ уединенно *водяной пастушокъ* (Rallus aquaticus L.), а также и *камышница зеленоногая*, или *чортова курица* (Gallinula chloropus). Обѣ эти птицы очень пугливы, бѣгаютъ хорошо и летаютъ плохо и недалеко; пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, онѣ поскорѣе стараются сѣсть въ густой камышъ.

Изъ *куликовъ* (джюнг) можно нерѣдко наблюдать *малаго кроншнепа* (Numenius phaeopus L.), появляющагося здѣсь весной и осенью на пролетѣ, и *береговика* (Actitis hypoleucos L.), съ его нераздѣльнымъ спутникомъ *черньшомъ* (Totanus ochropus L.), который съ писклявымъ крикомъ то и дѣло перелетаетъ съ одного берега на другой.

Съ наступленіемъ зимы начинается охота на утокъ и

стрепетовъ; послѣдніе прилетаютъ въ концѣ осени; иногда цѣлыя тучи ихъ носятся на нашихъ поляхъ и, смотря по погодѣ, если она теплая, то остаются здѣсь на болѣе продолжительное время, если же холодная, то улетаютъ далѣе на югъ, а затѣмъ чрезъ нѣкоторое время вновь возвращаются, и такимъ образомъ кочуютъ всю зиму, перелетая съ одного мѣста на другое. Съ наступленіемъ весны птицы эти окончательно повидаютъ наши поля и улетаютъ на сѣверъ, гдѣ онѣ гнѣздятся и выводятъ дѣтей. *Стрепетъ* (Otis tetrax L.), въ высшей степени осторожная птица, садится обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, откуда издали уже можетъ видѣть приближеніе опасности. Охота на нихъ, а также и на *дрохвъ* (Otis tarda L.), относящихся, какъ и первые, къ семейству куриноголенастыхъ и прилетающихъ почти одновременно съ первыми, производится послѣ проливнаго дождя, такъ какъ въ то время перья у нихъ такъ сильно намокаютъ, что они съ трудомъ перелетаютъ небольшія пространства.

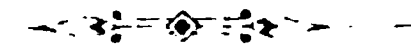
Почти одновременно со стрепетами прилетаютъ на наши лявскія болота и озерца *утки* самыхъ разнообразныхъ породъ; нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются здѣсь только для отдыха, чтобы потомъ, набравъ новыхъ силъ, продолжать свой путь далѣе къ берегамъ Каспія; другія остаются у насъ до весны. Эти послѣднія питаются или на поляхъ, засѣянныхъ озимыми хлѣбными растеніями, или же отыскиваютъ себѣ пищу на незамерзающихъ канавахъ и проточинахъ родниковой воды. Случается, что утки залетаютъ въ лѣсъ, и, не найдя тамъ болѣе подходящей для себя пищи, питаются даже желудями. Здѣсь можно встрѣтить слѣдующіе виды плавающихъ птицъ: *крякву* (ёрдак, Anas boschas L.), прародительницу нашей домашней утки; *чирка-трескунчика* (Pterocyanea querquedula L.), *чернушку* (Fuligula cristata Ray.), *крахаля-лутка* (Mergellus albellus L.), *крахаля-большого* (Mergus merganser L.), *нырка-гоголя* (Glaucion clangula L.), *малую казарку* (Anser minutus

Naum.), *баклана* (Carbo) и *гагару* (гу). Охота на утокъ у насъ производится или рано утромъ на разсвѣтѣ, или же на вечернемъ перелетѣ, когда онѣ предъ заходомъ солнца слетаются съ пастбищъ на ночлегъ къ водѣ. Раннею весною онѣ обратно улетаютъ отъ насъ на сѣверъ къ себѣ на родину.

Этимъ послѣднимъ перечисленіемъ плавающихъ птицъ я заканчиваю свой краткій обзоръ класса птицъ, обитающихъ въ Елисаветполѣ и его окрестностяхъ постоянно, несмотря даже на самые холодные мѣсяцы года, и бывающихъ здѣсь временно пролетомъ. Прослѣдивъ постепенно отъ начала весны и до конца зимы всѣхъ представительницъ этого класса, нужно замѣтить, что онѣ здѣсь весьма многочисленны и разнообразны. Всюду, гдѣ бы ни приходилось быть человѣку, онъ всегда имѣетъ возможность, видѣть или слышать птицъ, самыхъ разнообразныхъ породъ.

Учитель Елисаветпольскаго ремесленнаго
училища *В. Емельяновъ.*

Г. Елисаветполь
1895 года.



ВОСПОРЪ КИММЕРІЙСКІЙ

въ эпоху

СПАРТОКИДОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ составленію настоящаго сочиненія, считаю нелишнимъ сказать, что главною задачею я поставилъ себѣ прослѣдить политическую исторію Воспора Киммерійскаго въ эпоху Спартокидовъ, только вкратцѣ упомянувъ о народахъ, подчиненныхъ Воспору, о городахъ и религіи.

Скудость матеріала, находящагося въ источникахъ, отрывочность извѣстій, дошедшихъ до насъ отъ древнихъ авторовъ, подчасъ впадающихъ въ заблужденіе, какъ напр. Діодоръ Сицилійскій, одинъ изъ главныхъ авторовъ по данной эпохѣ, не позволили мнѣ подробно изложить постепенный ходъ исторической жизни на Воспорѣ. Особенно же дѣлается ощутительнымъ недостатокъ источниковъ со Спартока IV до Перисада IV-го, послѣдняго представителя Спартокидовъ, когда главными путеводителями въ исторіи Воспора служатъ надписи, монеты или только намеки древнихъ авторовъ.

При составленіи этой работы я главнымъ образомъ пользовался слѣдующими трудами новыхъ ученыхъ:

П. П. Сабатье. Керчь и Воспоръ, С.-Петербургъ 1851 г.

А. Ашикъ. Воспорское Царство, Одесса 1848 г.

Г. Спасскій. Босфоръ Киммерійскій, Москва 1846 г.

„ Археолого-Нумизматическій Сборникъ, Москва 1850 г.

В. Григорьевъ. Цари Воспора Киммерійскаго, С.-Петербургъ 1851 г.

Муравьевъ-Апостолъ. Путешествіе по Тавридѣ, С.-Петербургъ 1823 г.

M. Raoul-Rochette. Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien, à Paris 1822.

A. Schäfer. Demosthenes und seine Zeit, Leipzig 1856.

„ Athenischer Volksbeschluß zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos.

А. Орѣшниковъ, Босфоръ Киммерійскій, Москва 1884 г.

Compte rendu de la commission impériale archéologique—an. $18^{78}/_{79}$, 1880, 1874, 1865, 1875, 1872, 1877.

Boeck. Corpus inscriptionum Graecarum.

Dittenberger. Corpus inscriptionum Atticarum.

M. Thirion. De civitatibus, quae a Graecis in Chersoneso Taurica conditae fuerunt, Nanceii 1884.

Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, Lipsiae 1883.

В. В. Латышевъ. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, С.-Петербургъ 1885 г.

Мищенко. „Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царствомъ Воспорскимъ"—отдѣльный оттискъ изъ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій"—за 1878 г.

В. В. Латышевъ. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Volumen secundum, Petropoli 1890.

Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, Одесса. Т. IV, отдѣленіе 1-е 1858, Т. III 1852, Т. VI 1867, Т. IX 1875.

Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. IV, С.-Петербургъ 1887.

Нейманъ. Die Hellenen im Skythenlande, Berlin 1855.

Глава I-ая.

О народахъ Воспора Киммерiйскаго.

Въ Азiи въ VI-мъ в. до Р. X. образовалась сильная персидская монархiя, которая быстро расширила свои границы на западъ до Еллиспонта, Пропонтиды и Эгейскаго моря. Греческiя колонiи, лежавшiя по западному берегу нынѣшней Малой Азiи, не будучи въ силахъ сдержать движенiе персовъ на западъ, должны были подчиниться ихъ власти. Греки, считавшiе себя выше другихъ народовъ, въ которыхъ они видѣли только варваровъ, съ неудовольствiемъ переносили эту зависимость отъ персовъ; кромѣ того, присоединились еще нѣкоторыя несправедливости со стороны побѣдителей, слѣдствiемъ которыхъ было неудачное возстанiе малоазiйскихъ грековъ противъ своихъ поработителей. Жители нѣкоторыхъ греческихъ городовъ Малой Азiи, опасаясь жестокаго наказанiя за свое возмущенiе, а также не желая оставаться въ рабствѣ у варваровъ, оставляли свою родину и искали новыхъ мѣстъ для поселенiй, по большей части, на берегахъ Понта Евксинскаго. Съ этого времени и начинается на немъ особенное оживленiе, благодаря которому стали выступать на историческое поприще новые народы, жившiе по берегамъ этого моря. До этого времени о мѣстахъ и народахъ, находившихся по берегамъ Понта Евксинскаго, мы имѣли отрывочныя указанiя у Омира, Дiодора Сицилiйскаго и Иродота.

Дiодоръ, передавая миѳъ о походѣ аргонавтовъ въ Колхиду, между прочимъ говоритъ, что по одному разсказу, Iасонъ со своими спутниками прибылъ къ Таврикѣ, гдѣ впослѣдствiи Ифигенiя была жрицей Артемиды [1]).

Эта Таврика, или, какъ еще иначе называли ее древнiе, Херсонисъ Таврическiй, по свидѣтельству Плинiя [2]), была нѣ-

---

[1]) Diodor. Sicul. lib. IV c. 44.
[2]) Plini Secundi. Ed. Ianus, Lipsiae 1854. p. 174. T I. lib. IV c. 85.

когда островомъ и только послѣ соединилась узкимъ перешейкомъ съ материкомъ, что доказываетъ и Thirion [1]), принимая во вниманіе устройство этой страны.

Херсонисъ Таврическій образуетъ три большихъ полуострова, изъ которыхъ одинъ, выдающійся въ южной части Херсониса, носилъ названіе Κριοῦ μέτωπον и, по словамъ Стравона [2]), отстоялъ отъ противоположнаго ему мыса Малой Азіи Κάραμβις на 2500 стадіевъ; на западъ отъ него находился другой полуостровъ Παρθένιον [3]), а къ востоку—третій, который древніе называли τραχεῖαν Χεῤῥόνησον; онъ отдѣлялся отъ берега Азіи узкимъ проливомъ—Воспоромъ Киммерійскимъ, который соединяетъ Понтъ Евксинскій съ Мэотидой.

Поверхность Херсониса Таврическаго въ южной части гориста, при чемъ горы круто спускаются къ морю и, постепенно понижаясь внутрь страны, переходятъ въ низменность, омываемую заливомъ Каркинитскимъ съ западной и Гнилымъ болотомъ съ восточной стороны перешейка. Вся низменная часть Херсониса, пересѣкаемая маленькими, несудоходными рѣками, по словамъ Стравона [4]), была очень плодородна.

Самымъ древнимъ народомъ, поселившимся въ Херсонисѣ Таврическомъ и на сѣверномъ берегу Понта Евксинскаго, по мнѣнію грековъ, были киммерійцы, по имени которыхъ и самый Воспоръ былъ названъ Киммерійскимъ; у нихъ былъ городъ Киммериконъ (Κιμμερικόν), защищаемый со стороны перешейка отъ материка рвомъ и валомъ [5]).

Нельзя съ точностью указать то время, когда и откуда киммерійцы переселились на Воспоръ, но во всякомъ случаѣ

---

1) M. Thirion. De civitatibus, quae a Gr. in Chers. Taur. conditae fuerunt, p. 8.

2) Strab. lib. II c. V § 15. Editio Mülleri, Парижъ 1853 г. (въ скобкахъ на 1500 стадіевъ).

3) Strab. lib. VIII c. IV.

4) Strab. lib. VII c. V § 6.

5) Strab. lib. XI c. II § 5.

раньше появленія пѣсенъ Омира, такъ какъ они упоминаются уже Омиромъ [1]), какъ люди, живущіе въ вѣчномъ мракѣ. Только спустя около трехъ вѣковъ послѣ Омира, у древнихъ авторовъ попадаются болѣе подробныя указанія о народахъ, живущихъ какъ въ самомъ Херсонисѣ, такъ и по сѣверному берегу Понта Евксинскаго.

Въ VI-мъ и VII-мъ вв. къ сѣверному берегу Понта Евксинскаго устремился изъ Азіи новый народъ—скиѳы, которые называли себя сколотами [2]).

Киммерійцы, не будучи въ состояніи бороться съ сильнымъ врагомъ, покинули свои земли и, преслѣдуемые скиѳами, чрезъ Кавказскія горы прошли въ Азію [3]); эту страну они сильно опустошили, при чемъ взяли и Сарды, за исключеніемъ акрополя, при царѣ лидійскомъ Ардисѣ [4]) (VII в.); но при Аліатѣ они снова были изгнаны изъ Азіи [5]). Послѣ этого дальнѣйшихъ упоминаній объ этомъ народѣ мы не встрѣчаемъ. Однако слѣды киммерійцевъ на Херсонисѣ Таврическомъ остались. Иродотъ [6]) говоритъ: „и теперь еще въ Скиѳіи есть киммерійскія стѣны, киммерійская переправа, страна по имени Киммерія и Воспоръ Киммерійскій“.

Потомъ на Херсонисѣ являются тавры, народъ неизвѣстнаго происхожденія. Thirion [7]), вопреки Стравону [8]), который относитъ ихъ къ скиѳамъ, считаетъ тавровъ не скиѳами, а оставшимися киммерійцами на томъ основаніи, что Иродотъ [9]) рѣзко отличаетъ ихъ отъ скиѳовъ.

---

[1]) Homeri Odyss. XI v. 13 et sqq.

[2]) Diodor. Sicul. lib. II c. 43 (τὸ μὲν οὖν πρῶτον παρὰ τὸν Ἀράξην ποταμὸν ὀλίγοι κατῴκουν) и Herodot. lib. IV c. XI.

[3]) Herodot. lib. IV c. I.

[4]) Ibid. lib. I c. XV.

[5]) Ibid. lib. I c. XVI.

[6]) Ibid. lib. IV c. XII.

[7]) Thirion. De civit., quae a Gr. in Chers. Taur. c. fuerunt, p. 14.

[8]) Strab. lib. VII c. IV.

[9]) Herodot. lib. IV c. 99—103.

Изъ скиѳскихъ племенъ, обитавшихъ по сѣверному берегу Понта Евксинскаго отъ рѣки Истра до Тира и отъ Тира до Танаиса, мы упомянемъ только тѣ племена, которыя были сосѣдями воспоранцевъ и входили въ какія-нибудь съ ними сношенія. Во-первыхъ, мы назовемъ скиѳовъ-номадовъ, которые, перейдя Араксъ, завладѣли землями киммерійцевъ; далѣе упоминаются Σκύθαι ἀροτῆρες, сѣявшіе хлѣбъ для продажи; Σκύθαι γεωργοί и наконецъ—скиѳы царскіе, которые, съ одной стороны, граничили съ Херсонисомъ Таврическимъ, а съ другой—съ Танаисомъ. Послѣдніе были самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ скиѳскихъ племенъ, которыя они считали себѣ подвластными.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о народахъ, жившихъ на азіатской сторонѣ Воспора, подвластныхъ Спартокидамъ. Во-первыхъ, мы назовемъ мэотовъ.

Мэоты у древнихъ авторовъ имя собирательное [1]); Стравонъ [2]) къ нимъ относитъ синдовъ, дандаріевъ, торетовъ и много другихъ мелкихъ народовъ.

Синды (Σινδοί), вѣроятно, переселились изъ Мидіи или Персіи, такъ какъ Синдъ была область около Вактріаны. Границы ихъ простирались отъ озера Мэотиды до Горгипіи и Ваты, гдѣ было выстроено много греческихъ городовъ. Кромѣ Стравона, о нихъ упоминаетъ также Мела [3]) подъ именемъ Sindones и Діонисій Періигитъ [4]).

На возвышенности къ югу отъ синдовъ и къ сѣверу отъ иніоховъ, отъ Кубани до Черныхъ горъ, жили *тореты* [5]), владѣнія которыхъ простирались до Чернаго моря.

---

[1]) Appian. De bello Mithridatico c. CII p. 260, edit. Didot, Parisiis 1850.

[2]) Strab. lib. XI c. II § 11.

[3]) Pompon. Mela p. 30, edit. Partey 1867.

[4]) Dionys. Perieget. v. 680. Σαυρομάτας δ'ἐπέχουσιν ἐπασσύτεροι γεγαῶτες Σινδοί, Κιμμέριοί τε καὶ οἱ πέλας Εὐξείνοιο Κερκέται, Τορέται τε καὶ ἀλκήεντες Ἀχαιοί.

[5]) Plini. Historia Naturalis lib. VI c. 5 § 17, edit. Ianus, Lipsiae 1855 (Oretae).

Третій народъ *дандаріи*, какъ можно судить по словамъ Стравона [1]), жили недалеко отъ Кубани (Ὕπανις).

Тацитъ [2]) помѣщаетъ ихъ по сосѣдству съ Воспорскимъ царствомъ и говоритъ, что они имѣли своихъ царей. Плутархъ [3]) говоритъ, что дандаріи жили около Мэотиды.

Ашикъ [4]) говоритъ, что Плиній смѣшиваетъ эти два народа, т. е. мэотовъ и дандаріевъ, и полагаетъ, что дандаріи жили на Кавказѣ. Мнѣ кажется, едва ли можно такъ толковать текстъ Плинія (см. примѣчаніе [5]), какъ толкуетъ его Ашикъ; скорѣе можно подумать, что Плиній относитъ дандаріевъ не къ мэотамъ, а къ сарматамъ и помѣщаетъ ихъ далеко отъ предѣловъ Воспорскаго царства; однимъ словомъ, Плиній хотя и неточно указываетъ на мѣстожительство дандаріевъ, но во всякомъ случаѣ трудно согласиться съ Ашикомъ, что онъ смѣшиваетъ ихъ съ мэотами и полагаетъ, что они жили на Кавказѣ.

Четвертымъ народомъ въ Азіи, повиновавшимся Спартокидамъ, были *ѳатеи* (Θατεῖς), обитавшіе около Мэотиды по рѣ-

---

Idem Strab. lib. XI c. II § 11 Τορεάται.
Scylax p. 31 (74) Τορέται.
Boeck. Corpus inscriptionum Graecarum № 2117 и др. Τορετῶν.

1) Strab. lib. XI c. II § 11, 13 sq. Φαρνάκης δέ ποτε καὶ τὸν Ὕπανιν τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διά τινος παλαιᾶς διώρυγος ἀνακαθάρας αὐτὴν (καὶ) κατακλύσαι τὴν χώραν.

2) Tacit. Annal. lib. XII c. 15. edit. Nipperdey.

3) Plutarch. Vita Luculli c. XVI (Λαρδάριοι).

4) Ашикъ «Воспорское Царство» p. 15.

5) Plini Hist. Natur. lib. VI c. 7 § 19. A Cimmerio adcolunt Maeotici, Hali, Serni, Serrei, Cizi, Gnissi (другіе читаютъ Psessi). Dein Tanain amnem gemino ore influentem incolunt Sarmatae, Medorum (ut ferunt) suboles, et ipsi in multa genera divisi. Primi Sauromatae Gynaecocratumenoe, Amazonum connubia. Dein Nevazae, Coitae, Cizi, Messeniani, Cotobachi, Cetae, Zigae, Tindari (др. читаютъ Dandarii), Thyssagetae, Iyrcae, usque ad solitudines saltuosis convallibus asperas, ultra quas Arimphaei, qui ad Riphaeos pertinent montes.

кѣ Θάτης, о которой упоминаетъ Діодоръ [1]). Помпоній Мела [2]) въ своемъ сочиненіи „Описаніе земли" говоритъ, что Thaetaës жили по берегу Мэотиды между другими мэотскими племенами, къ которымъ онъ относитъ и ѳатеевъ.

Въ надписи № 2134 [3]) встрѣчается имя народа Ψησσῶν (псиссы), подвластнаго Левкону.

Этотъ народъ Плиній [4]) относитъ къ мэотамъ и помѣщаетъ его, по всей вѣроятности, недалеко отъ рѣки Танаиса. Можно навѣрное сказать, что этотъ народъ во времена Спартокидовъ жилъ по сосѣдству съ государствомъ Воспорскимъ.

Нужно замѣтить, что границы на азіатской сторонѣ Воспора не были постоянны, а часто мѣнялись, смотря по тому, какой архонтъ правилъ на Воспорѣ; такъ, въ надписи, относящейся къ Перисаду I-му, эта граница на югѣ доходила до горъ Кавказа [5]).

Такимъ образомъ, при Спартокидахъ территорія государства на азіатской сторонѣ была гораздо обширнѣе, чѣмъ на европейской. Граница Воспорскаго государства въ эпоху Спартокидовъ на европейской сторонѣ шла отъ пролива до города Ѳеодосіи [6]), гдѣ до Левкона I-го находили себѣ убѣжище воспорскіе изгнанники [7]), а съ Левкона I-го и Ѳеодосія вошла въ составъ этого государства; при Перисадѣ I-мъ граница уже про-

---

1) Diodor. Sicul. lib. XX c. 22 и 23. Θάψις др. Θάτης.

2) Pompon. Mela lib. I § 114 строки 17, 18, 19, edit. Partey. Oram, quae a Bosphoro ad Tanain usque deflectitur, Maeotici incolunt, Thaetaës, Erachi, Phicores et ostio fluminis proximi Xamatae; вм. Thaetaës др. читаютъ Toretae, но это едва ли правильно, такъ какъ Toretae жили въ другомъ мѣстѣ, какъ я сказалъ выше; см. предыдущую страницу.

3) Boeck. Corp. inscr. gr. n. 2134.

4) Plini Hist. Natur. lib. VI c. 7 § 19. Jnissi—alii—Psess.

5) Boeck. C. i. G. n. 2104.

6) Strab. lib. VII c. IV.

7) Anonymus—Peripli Ponti Euxini p. 5 (51_{20-21}. p. 415, edit. Mülleri Parisiis 1882).

стиралась до вершинъ Таврическихъ горъ [1]); о сѣверной же границѣ этого государства нѣтъ точныхъ указаній. Главный элементъ народонаселенія на европейской сторонѣ составляли греки-колонисты.

Глава II-ая.

О городахъ Воспора Киммерійскаго.

Пантикапэонъ.

Столица Воспора Киммерійскаго на европейской сторонѣ Пантикапэонъ (Παντικάπαιον, Panticapaeum), основанная при устьѣ Мэотиды [2]), была выстроена на холмѣ, гдѣ находился и акрополь и имѣла въ окружности 20 стадіевъ. На восточной сторонѣ города была выстроена верфь (νεώρια) и гавань на 30 кораблей [3]). Въ Пантикапэонѣ, какъ столицѣ не только европейскихъ воспоранцевъ [4]), но и всѣхъ вообще [5]), по всей вѣроятности, въ акрополѣ находился царскій дворецъ Спартокидовъ; въ немъ же были и ихъ могильные склепы. Діодоръ [6]), повѣствуя о междоусобной борьбѣ дѣтей Перисада, говоритъ, что Менискъ, начальникъ наемниковъ, привезъ убитаго Сатира въ Пантикапэонъ для погребенія; здѣсь же онъ упоминаетъ, что въ немъ τὸ βασίλειον·ἦν ἀεὶ τῶν ἐν Βοσπόρῳ βασιλευσάντων.

По свидѣтельству Стравона [7]), Плинія [8]) и Амміана Марцелина [9]), Пантикапэонъ былъ основанъ милисійцами; Скилакъ [10])

---

[1]) Boeck. C. i. G. n. 2104.

[2]) Scymn. Orbis descriptio v. 835 p. 231, edit. Mülleri Parisiis 1882 г.

[3]) Strab. lib. VII c, IV—4, $_{20-25}$. О томъ же см. у Спасскаго Б. К. р. 12 № 17.

[4]) Strab. lib. XI c. II 10, 41.

[5]) *Ammian. Marcellini* lib. XXII, 8, 26. *Strab.* lib. VII c. IV 4 $_{20-25}$.—*Eustath.* p. 273, edit. Mülleri Paris. 82.

[6]) Diodor. Siculi. lib. XX c. 22 sq.

[7]) Strab. lib. VII c. IV 4_{20-25}.

[8]) Plini Hist. Natur. lib. IV c. 87 edit. Ianus.

[9]) A. Marcellini lib. XXII, 8, 26.

[10]) Scylax c. 68 p. 57, edit. Mülleri. Paris. 1882.

называетъ его просто греческимъ городомъ. Ни о времени [1]) его основанія, ни объ его основателѣ—не говорятъ намъ древніе авторы, только Евстаѳій [2]) передаетъ, что имя свое Пантикапэонъ получилъ отъ рѣки Пантикапы (Παντικάπης) и что основателемъ его былъ сынъ какого-то Эита, можетъ-быть, сына Мидіи (Медеи); нужно замѣтить, что это извѣстіе Евстаѳія учеными признается баснословнымъ. Другимъ народамъ Пантикапэонъ былъ извѣстенъ также и подъ именемъ Воспора [3]).

Что касается имени этого города, то правильнѣе называть его Пантикапэонъ, а не Пантикапея, потому что у древнихъ авторовъ, за исключеніемъ Павсаніи, и въ надписяхъ встрѣчается форма Παντικάπαιον, а не Παντικαπαία (v. Boeck C. i. G. p. 98). Изъ русской надписи XI-го в. князя Глѣба Святославича, видно, что Пантикапэонъ-Воспоръ въ XI в. у русскихъ носилъ имя „Керчево", изъ котораго потомъ обра-

---

1) Изъ новыхъ ученыхъ *Григорьевъ* «Цари В. К.» p. 11 относитъ его основаніе къ 1/2 VI в. до Р. Х.; *Boeck* c. i. gr. T II p. 91—къ царствованію Кира, т. е. къ 1/2 VI в. до Р. Х. *Ѳ. Ѳ. Соколовъ* «Лекціи по Др. Исторіи» 1882/83 p. 108 тоже къ VI-му в. до Р. Х. Нейманъ же въ своемъ сочиненіи «Die Hellenen im Scythenlande» p. 480, Berlin 1855 г. относитъ основаніе Пантикапэона къ 511 году. Князь А. Сибирскій въ своемъ трудѣ «Взглядъ на автономію и исторію Пантикапеи» p. 123, помѣщенномъ въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей p. 123. T. VI-й, Одесса 1867 г., полагаетъ, что основаніе Пантикапэона «произошло въ короткій промежутокъ времени между походомъ Дарія Истаспа въ Скиѳію, около 515—513 г. до Р. Х. и, конечно, катастрофою возстанія іонянъ противъ персовъ, т. е. паденіемъ Милита въ 494-мъ году».

2) *Eustath* c. 311 p. 272, 273, edit. Mülleri. Paris. 82 г. Ἀπὸ δὲ Παντικάπου τοῦ ποταμοῦ καὶ τὸ ἐκεῖ ὀνομάζεται Παντικάπαιον, πόλις μεγάλη, κτίσμα παιδὸς Αἰήτου, λόφος κύκλῳ περιοικούμενος, σταδίων εἴκοσι, μητρόπολις τῶν ἐκεῖ Βοσπορανῶν.

3) Anonym. Peripli Ponti Euxini p. 414, edit. Mülleri (Примѣчаніе).
Boeck. C. i. Gr. T II № 2059.
Plini Hist. Natur. lib. IV. § 78.

зовалось новѣйшее имя Керчь [1]), мѣсто которой и занималъ когда-то Пантикапэонъ [2]).

Θеодосія.

Другой важный городъ воспорскаго государства—Θеодосія (Θεοδοσία, Theodosia, Θεοδοσίη или Θευδοσία(η) лежалъ на берегу моря, къ западу отъ Пантикапэона, на разстояніи 530 стадіевъ [3]). Этотъ городъ находился въ очень плодородной мѣстности, такъ что, по словамъ Стравона [4]), поля въ окрестности Θеодосіи давали урожай самъ 30. Городъ Θеодосія имѣлъ прекрасную гавань на 100 кораблей, нисколько не уступавшую Пантикапейской гавани [5]). Спасскій [6]) говоритъ, что изъ Θеодосіи Греція получала пшеницы болѣе, чѣмъ изо всѣхъ прочихъ мѣстъ, при чемъ онъ дѣлаетъ ссылку на Димосθена, между тѣмъ какъ Димосθенъ говоритъ, что не изъ Θеодосіи въ частности, а вообще со всего Понта (Leptin. 467_{31}).... πρὸς τοίνυν ἅπαντα τὸν ἐκ τῶν ἄλλων ἐμπορίων ἀφικούμενον ὁ ἐκ τοῦ Πόντου σῖτος εἰσπλέων ἐστίν. Правда, Стравонъ [7]) даетъ очень крупную цифру (2,100,000 медимновъ) хлѣба, вывезеннаго изъ Θеодосіи при Левконѣ.

Существованіемъ своимъ Θеодосія обязана милисійцамъ [8]);

---

1) Кн. А. Сибирскій «Взглядъ на автономію и исторію Пантикапеи» p. 173, см. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. VI, Одесса 1867 г.

2) П. Дюбрюксъ. Описаніе развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, отъ входа въ проливъ близъ Еникальскато маяка до горы Опукъ включительно, при Черномъ морѣ, p. 16-я см. Записки Одесскаго Общества исторіи и древн., Одесса Т. IV отдѣленіе I-е 1858 г.

3) Strab. lib. VII c. IV.

4) Ibid.

5) Demosthen. Leptin. 467. $_{33}$.

6) Спасскій «Б. К.» p. 26.

7) Strab. lib. VII. c. IV.

8) Anonym. Peripli Ponti Euxini p. 415_{51}, edit. Mülleri. Paris. 82 г. Scylax c. 68 p. 57, edit. Mülleri Paris. 82 г. называетъ ее городомъ греческимъ.

о времени же ея основанія у древнихъ авторовъ мы не находимъ никакихъ извѣстій. Имя свое она получила или отъ сестры, или отъ жены Левкона [1]). Спасскій [2]) по этому поводу заявляетъ рѣшительное несогласіе на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, Ѳеодосія носила уже это имя раньше Левкона, въ чемъ, говоритъ онъ, можно удостовѣриться изъ сочиненія Скилака, жившаго, по его мнѣнію, за 100 лѣтъ до Левкона. Но кажется, что мнѣніе Миллера [3]) о времени жизни Скилака справедливѣе, чѣмъ мнѣніе Спасскаго, а Миллеръ утверждаетъ, что авторъ Peripli жилъ въ IV в., слѣдовательно гораздо позже Левкона. Бэкъ [4]) тоже говоритъ, что Левконъ, завоевавъ Ѳеодосію, что́ не удалось его отцу, и выстроивъ въ ней новую гавань, очень можетъ быть, перемѣнилъ имя города на имя Ѳеодосіи—по имени или сестры или жены.

Ѳеодосія находилась на мѣстѣ нынѣшняго города того же названія [5]). По свидѣтельству анонимнаго составителя древняго перипла Чернаго моря, Ѳеодосія называлась на языкѣ тавровъ или аланъ Ἀρδάβδα, т. е. городъ семи боговъ [6]). Это названіе Мюлленгофъ [7]) и считаетъ первоначальнымъ. По его мнѣнію, вторая половина слова αβδα—зендское hapta, греч. ἑπτά, санскритск. saptan, латинское septem, др.-нѣм. siboun,

---

[1]) Scholia πρὸς Λεπτίνην p. 645, edit. Mülleri Tii—Oratores Attici.

467$_9$ Θευδοσία χωρίον Βοσπόρου... Ρ. Τὸ μὲν ὄνομα τῷ ἐμπορίῳ ἢ ἀπὸ τῆς ἀδελφῆς ἢ ἀπὸ τῆς γαμετῆς διαφωνεῖται.

[2]) Спасскій «Б. К.» p. 26.

[3]) Geographi Graeci Minores edit. Müllerus, Parisiis 1882 г. p. XXXVII, Ti.

[4]) Boeck C. i. G. Tii/i, p. 96.

[5]) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, Tii С.-Петербургъ 1890.

[6]) В. Юргевичъ. «О именахъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвіи, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго прибрежья Понта Эвксинскаго, p. 10 см. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. VIII отдѣленіе 1-е и 2-е, Одесса 1872 г.

[7]) Auszug aus dem Monatsbericht der Königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin. 1866 p. 563.

тогда какъ первая αρδ произошла изъ зендск. eredhwa—высокій, древне-персидск. arda, латинск. arduus, др.-кельтск. arduas. Такъ какъ, однакожъ, составъ слова рождаетъ сомнѣніе, то слѣдуетъ, думаетъ онъ, предположить перестановку и считать настоящимъ именемъ Ἀβδάρδα или Ἁβδάρδα—семью богами возвышенный городъ. Шафарикъ [1]) сравниваетъ осетинское aafd—семь и персидское choda—богъ; Лелевель [2]) осетинск. irt-and или artiw-awd—семь свѣтилъ. В. Юргевичъ [3]) считаетъ возможнымъ производить имя Ἀρδάβδα отъ персидскаго ardaw—духъ, геній, божество и dash—даръ отъ санскритскаго da—давать. Такимъ образомъ, по мнѣнію Юргевича, Θευδοσία, т. е. даръ боговъ представляетъ только переводъ древнѣйшаго названія Ἀρδάβδα.

Нимфэонъ.

Городъ Нимфэонъ (Νυμφαῖον) находился между Θеодосіей и Пантикапэономъ, въ очень плодородной мѣстности и имѣлъ хорошую гавань. Скилакъ [4]) называетъ его городомъ греческимъ; основанъ онъ былъ по преданію, записанному у Стефана Византійскаго [5]), нимфами. Вѣроятно, со времени экспедиціи Перикла въ Понтъ (440 г.), онъ принадлежалъ аѳинянамъ и платилъ имъ по таланту податей [6]), но во время правленія на Воспорѣ Сатира I-го [7]) отпалъ

[1]) Шафарикъ. «Славянскія Древности». С. III § 16.

[2]) Лелевель. Narody na ziemiach sław. p. 130.

[3]) В. Юргевичъ. «О именахъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвіи, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго прибрежья Понта Эвксинскаго, стр. 10 см. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. VIII отдѣленіе 1-е и 2-е 1872 г.

[4]) Scylax, p. 57, edit. Müllerus TI Par. 1882 г.

[5]) Stephan. Byzant. TI p. 592 edit. Augustus Meinecius Berolini 1849 г.

[6]) Harpocration. edit. Immanuelis Becceri, Berolini 1833 г. p. 153.

[7]) Schäfer „Demoſt. und ſeine Zeit“ p. 238. *Thirion.* De civit., quae a Gr. in C. T. c. fuer. p. 52. *Ашикъ* относитъ къ Спартоку II-му, котораго помѣщаетъ около 460 г.,—вѣроятно, опечатка, такъ какъ этого сомнительнаго Спартока II-го относятъ къ 428/7—407/6 гг.

отъ аѳинянъ и перешелъ къ воспоранцамъ по измѣнѣ Гилона [1]).

Нимфэонъ находился въ $3^1/_2$ верстахъ къ югу отъ Керчи по почтовой дорогѣ [2]).

Далѣе на европейской сторонѣ мы упомянемъ еще о двухъ городахъ—Парѳеніонѣ [3]) (Παρθένιον) въ 40 стадіяхъ и Мирмикіонѣ [4]) (Μυρμήκιον) въ 20 стадіяхъ отъ Пантикапэона.

Парѳеніонъ находился въ 4-хъ верстахъ отъ Еникальской крѣпости [5]), быть-можетъ, на томъ мысу, гдѣ нынѣ стоитъ маякъ у Еникале [6]).

Мирмикіонъ стоялъ въ 2-хъ верстахъ къ западу отъ мыса между Еникале и керченскимъ портомъ [7]).

На азіатской сторонѣ были слѣдующіе города: Фанагорія, Кипъ, Ермонасса, Горгипія, Ахилліонъ, Синдскій портъ и Вата.

Фанагорія столица азіатскихъ воспоранцевъ [8]), по свидѣ-

1) Αἰσχίνου ὁ κατὰ Κτησιφῶντος «Oratores Attici» edit. Mülleri T. II p. 128 Paris. 1858 г.

2) П. Дюбрюксъ. «Описаніе развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго и т. д.» р. 34-я. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. IV 1858. В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. T. II С.-Петербургъ 1890, p. 10 (ubi hodie est praedium Elteghen).

3) Strab. lib. VII. c. IV. § 5.

4) Plini. Hist. Natural. lib. IV § 87 edit. Ianus.
Strab. lib. XI. c. II. § 6.

5) П. Дюбрюксъ. «Описаніе развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго и т. д.» р. 6-я. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. IV отдѣленіе 1-е 1858.

6) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. T. II С.-Петербургъ 1890, p. X.

7) П. Дюбрюксъ. «Описаніе развалинъ и т. д.» р. 5.; В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. T. II, С.-Петербургъ 1890, p. 10.

8) Strab. lib. XI. c. II § 10. Этотъ городъ у Стравона называется то Φαναγορία, то Φαναγόρειον, то τὰ Φαναγόρεια.

тельству однихъ древнихъ авторовъ, была основана іонянами [1]), по свидѣтельству другихъ—тіосцами [2]). Основателемъ Екатей [2]) называетъ Фанагора, Арріанъ [1]) Фенагора Тіоскаго, который, убѣгая отъ притѣсненій персовъ, основалъ этотъ городъ. На основаніи этого послѣдняго извѣстія Арріана можно съ большею вѣроятностью предположить, что Фанагорія была основана въ VI-мъ в. до Р. X., когда тіосцы, не желая быть въ рабствѣ у персовъ, оставили свой городъ и искали новыхъ мѣстъ для поселенія.

Амміанъ Марцелинъ [3]) и Скилакъ [4]), первый вмѣстѣ съ Ермонассой, а второй съ Кипомъ называютъ ее городомъ греческимъ. Фанагорія находилась на лѣвомъ берегу рѣки Кубани [5]), около станціи Сѣнной [6]) или какъ точнѣе опредѣляетъ В. В. Латышевъ [7]) „Phanagoriam sitam fuisse in litore sinus Tamanici, non longe a statione hodierna Sennaja dicta, ubi nunc exstant villae Schapirovii et Semeniakae, plerique viri docti consentiunt“.

---

1) Dionys. Perieget. v. 553 p. 137/8 edit. Müllerus Paris. 1882 г.

Eustath. p. 324. edit. Müller. Tɪɪ. Paris. 1882 (Арріанъ).

2) Anonym. Peripl. Ponti Euxini p. 412 edit. Müller. Tɪ. Paris. 1882.

Scymni Peripl. v. 886 p. 233. edit. M. Tɪ. Paris. 82 г.

Εἶτ' ἔστιν Ἑρμώνασσα Φαναγόρειά τε, ἣν Τηΐους λέγουσιν οἰκίσαι ποτέ καὶ Σινδικὰς λιμὴν, ἔχων οἰκήτορας Ἕλληνας ἀπὸ τῶν ἐγγὺς ἥκοντας τόπων.

3) Ammian. Marcellini lib. XXII c. VIII § 30.

4) Scylax p. 59 edit. Mülleri T I. Paris. 1882 г.

5) Strab. lib. XI c. II § 10. Εἰσπλεύσαντι δ'εἰς τὴν Κοροκονδαμῖτιν ἥ τε Φαναγορία ἐστί, πόλις ἀξιόλογος, καὶ Κῆποι καὶ Ἑρμώνασσα καὶ τὸ 'Απάτουρον, τὸ τῆς 'Αφροδίτης ἱερόν· ὧν ἡ Φαναγορία καὶ οἱ Κῆποι κατά τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἵδρυνται, εἰσπλεύσαντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ.

6) К. Герцъ. «Археологическая топографія Таманскаго полуострова» Труды Московскаго Археологическаго Общества. Т. II-й 1870.

7) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae sept. Ponti Euxini. T. II, С.-Петербургъ 1890, p. XI.

Кипъ (Κῆποι [1]), Κῆπος [2]), по Стравону находившійся на островѣ „по лѣвую сторону вплывающему въ Кубань", былъ основанъ милисійцами [2]); но о времени его основанія мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Скилакъ [3]) называетъ его просто городомъ греческимъ.

Положеніе Кипа учеными опредѣляется различно: одни полагаютъ его у станицы Ахтанизовской, другіе у хутора Артюхова и проч. [4]).

Воспорскими тираннами былъ основанъ городъ *Киммерисъ* (Κιμμερὶς πόλις) [5]), который находился на полуостровкѣ, называемомъ нынѣ Фонтанъ [6]).

Ермонасса (Ἑρμώνασσα), колонія іонянъ, основана въ одномъ столѣтіи съ Фанагоріей. Основателемъ ея былъ Ермонъ [7]) (Ἕρμων), а по свидѣтельству Арріана, приводимому у Евстаѳія [7]), Ермонасса была основана митилинейцемъ Семандромъ (Σέμανδρος Μυτιληναῖος), вождемъ эолійцевъ, и имя свое получила отъ жены Семандра Ермонассы (Ἑρμωνάσσα), которая по смерти мужа правила этимъ городомъ. Положеніе этого города неизвѣстно.

Горгипія (Γοργιπία), основанная въ IV-мъ в. до Р. Х. тестемъ Перисада I-го Горгипомъ, находилась въ странѣ синдовъ, на берегу моря [8]), и имѣла, по всей вѣроятности, гавань

---

1) Scylax p. 59. edit. Mülleri T. I. Paris. 1882.

2) Scymni v. 899. p. 234 edit. Müllerus. Paris. 1882.
Anonym. Peripl. Ponti Euxini p. 413. edit. Mül. Paris. 1882. T. I.
Plini Hist. Naturalis lib. VI § 18. T. I. p. 219 edit. Ianus.

3) Scylax p. 59 edit. Mül. Par. 82 г.

4) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae sept. Ponti Euxini. T. II, p. XI, С.-Петербургъ 1890 г.

5) Scymni. v. 899 p. 234. edit. Mül. TI. Paris 82 г., Anonym. P. P. Eux. p. 413 TI, edit. Mül.

6) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. T. II, p. XI, С.Петербургъ 1890 г.

7) Eustath. p. 324_{549} edit. Müllerus. TII Paris. 82 г.

8) Strab. lib. XI c. II § 10, 11, 12.

и вела морскую торговлю, о чемъ можно судить на основаніи дошедшей до насъ монеты [1]), на которой изображена передняя часть корабля. Бэкъ думаетъ, что она находилась между синдами и ахейцами [2]).

На мѣстѣ Горгипіи теперь, по предположеніямъ Бэка (C. i. G. T II n⁰ 2130) и Бруна, раздѣляемымъ и В. Латышевымъ [3]), находится городъ Анапа.

Ахилліонъ (Ἀχίλλειον), основанный, по мнѣнію Бэка [2]) Археанактидами въ V-мъ вѣкѣ, находился въ самомъ узкомъ мѣстѣ Воспора (20 стадіевъ) [4]); въ 90 же стадіяхъ отъ него находился памятникъ Сатира, одного изъ славныхъ вождей Воспора [4]), можетъ-быть, того самого, о которомъ упоминаетъ Поліэнъ [5]).

Синдскій портъ (Σινδικὸς λιμήν) находился при устьѣ Кубани; время его основанія не извѣстно. Древніе географы говорятъ [6]), что въ этомъ городѣ жило много грековъ, приходившихъ сюда изъ сосѣднихъ городовъ для торговыхъ оборотовъ; Скилакъ [7]) прямо называетъ его городомъ греческимъ.

Стефанъ Византійскій [8]) говоритъ, что этотъ городъ назывался также Горгипіей.

Рауль-Рошеттъ [9]), слѣдуя за Стефаномъ Византійскимъ, считаетъ точно также Горгипію и Синдскій портъ однимъ городомъ и сообразно съ этимъ мнѣніемъ онъ исправляетъ

---

1) Спасскій. «Босф. Ким.» p. 32 № 4-й.
2) Boeck. C. i. Gr. T II p. 99 и 100.
3) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, T II p. XII, С.-Петербургъ 1890 г.
4) Strab. lib. XI c. II § 6 и 7.
5) Polyaen. lib. VIII. 55 p. 329 edit. Woelfflin. Lipsiae 1860 г.
6) Scymn. p. 233, edit. Müll. Paris. 82 г. и Anonym. Peripl. Ponti Eux. p. 412/3 T I, edit. Mül. Par. 82 г.
7) Scylax edit. Müller. Paris. 82 г. T I p. 59.
8) Stephan. Byzant. edit. Augusti Meinekii. Berolini 1849 г. T I p. 592.
9) Raoul-Rochette. Antiquit. Grecq. p. 90 и 91.

текстъ Стравона. Но мнѣ кажется, что мнѣніе Бэка [1]) справедливѣе, чѣмъ мнѣніе Рауль-Рошетта,—а именно Бэкъ, сопоставивъ тѣ мѣста изъ Стравона, гдѣ онъ упоминаетъ о Горгипіи, считаетъ этотъ городъ совершенно самостоятельнымъ, особымъ городомъ, лежащимъ, какъ свидѣтельствуютъ монеты этого города, при морѣ. По мнѣнію Бэка, Синдскій портъ находился недалеко отъ предѣловъ ахейцевъ, между устьями Кубани и Ватой.

Наконецъ *Вата* (Πάτους, Βατά) по Скилаку [2]) городъ греческій; по Стравону [3]) этотъ городъ имѣлъ гавань и находился за предѣлами синдовъ; но—впрочемъ, въ точности опредѣлить мѣсто его положенія нельзя, хотя Стравонъ и опредѣляетъ разстояніе отъ Ваты до порта Синдскаго въ 400 стадіевъ. На этомъ основаніи положеніе Ваты можно съ нѣкоторою вѣроятностью пріурочить къ нынѣшнему Новороссійску.

Глава III-ья.

О божествахъ, чтимыхъ на Воспорѣ.

Религіозное міросозерцаніе обитателей Воспора сложилось подъ вліяніемъ, съ одной стороны, религіи грековъ, а съ другой—жителей Востока. Имена божествъ, которымъ поклонялись обитатели Воспора, мы узнаемъ, по большей части, изъ надписей и на основаніи монетъ. Въ большинствѣ случаевъ культы различныхъ боговъ занесены сюда изъ Іоніи и другихъ греческихъ государствъ а также и съ Востока.

Аполлонъ (Ἰητρός [4]) почитался въ Пантикапэонѣ, Фанагоріи [5]) и, насколько можно судить по монетамъ, въ Горгипіи [6]). Кромѣ Аполлона, въ Пантикапэонѣ существовалъ культъ Ди-

[1]) Boeck. C. i. Gr. Тп p. 99 и 100.
[2]) Scylax edit. Mülleri, Paris. 82 г. T. I p. 59.
[3]) Strab. lib. XI c. II § 14.
[4]) Compte-Rendu de la c. imp. archéologiq. 1865 г. p. 205.
[5]) Boeck. C. i. Gr. T. II №№ 2014 и 2118.
[6]) Спасскій. «Б. К.» p. 31 № 1-й.

митры, которая называлась Θεσμοφόρος [1]) (законодательница), Иракла [2]), Арея [3]) и, какъ видно по монетамъ, Асклипія [4]), Вакха [4]), Зевса [4]), Аѳины [4])—послѣдней, вѣроятно, съ того времени, какъ воспоранцы заключили дружбу съ аѳинянами [5]); кромѣ того, какъ въ Пантикапэонѣ, такъ и другихъ городахъ Воспора почитались Діоскуры [6]). Но, судя по множеству монетъ, дошедшихъ до насъ съ изображеніемъ Пана [6]), можно сдѣлать вѣроятное предположеніе, что это божество особенно было чтимо въ Пантикапэонѣ и, вѣроятно, считалось патрономъ города и, какъ предполагаетъ Thirion [7]), ему Пантикапэонъ былъ обязанъ первымъ слогомъ въ своемъ имени.

Въ Фанагоріи почитались тѣ же самыя божества, что́ и въ Пантикапэонѣ, но въ особенности въ ней и Кипѣ распространенъ былъ культъ Артемиды Ἀγροτέρας; здѣсь же почиталась и Афродита Ἀπάτουρος, храмъ которой находился въ Фанагоріи [8]). Имя Ἀπάτουρος Афродита по Стравону [8]) получила отъ обмана (ἐξ ἀπάτης), такъ какъ она, преслѣдуемая гигантами, призвала на помощь себѣ Иракла и, скрывшись съ нимъ въ пещерѣ, передала ихъ по одному Ираклу для избіенія; кромѣ эпитета Ἀπάτουρος, въ надписяхъ мы находимъ еще при имени Афродиты эпитеты Οὐρανία и Μεδέουσα [9]).

Кромѣ этихъ греческихъ божествъ, въ надписи царицы Комосаріи [10]) мы встрѣчаемъ еще упоминаніе о двухъ боже-

---

1) Boeck. C. i. Gr. T. II №№ 2106 и 2107.
2) Ibid. № 2120 b. и Спасскій «Б. К.» p. 17 № 62.
3) Ibid. № 2108 b.
4) Спасскій. «Б. К.» p. 17 №№ 65, 66, 60. p. 16 №№ 55 и 57. p. 15 № 47. и p. 17 № 64.
5) Thirion. «De civitatibus, quae a Gr. in Chers. Taur. conditae fuerunt» p. 40.
6) Спасскій. «Б. К.» p. 17 № 64 и Пану около 300 мон. p. 13, 14 и 15.
7) Thirion. «De c., quae a Gr. in Ch. T. c. f.» p. 41.
8) Strab. lib. XI c. II § 10 въ Фанагоріи.
9) Compte-Rendu de la com. imp. archéolog. 1872 г. p. 171.
10) Boeck. C. i. Gr. T. II p. 157 № 2119.

ствахъ—Санергѣ и Астарѣ, божествахъ восточнаго культа. Бэкъ [1]), слѣдуя за Кэллеромъ, считаетъ эти божества сирійскими и халдейскими и думаетъ, что Астара есть луна, а Санергъ—солнце.

Покончивъ съ этими предварительными свѣдѣніями, я перехожу къ главной части своего труда—къ политической исторіи Воспора Киммерійскаго въ эпоху Спартокидовъ.

Глава IV-ая.

Цари-Спартокиды.

На Воспорѣ въ теченіе 42 лѣтъ власть находилась у Археанактидовъ съ Ol. 75 до Ol. 85_3 [2]); послѣ же нихъ на сцену выступаетъ новый родъ правителей—Спартокиды.

Чтó касается происхожденія Спартокидовъ, то рѣшить этотъ вопросъ очень трудно, такъ какъ положительныхъ свѣдѣній по этому поводу мы не имѣемъ у древнихъ авторовъ. Григорьевъ [3]) и Thirion [4]) полагаютъ, что они по происхожденію были варвары и, въ подтвержденіе своего мнѣнія, послѣдній приводитъ мнѣніе S. Perrot, что ни Спартокъ ни кто другой изъ его преемниковъ не принимали участія лично ни на какихъ греческихъ играхъ, между тѣмъ какъ и тиранны Сициліи и македонскіе цари, которые считали себя греками, старались одерживать на нихъ побѣды, чтобы прославить имя свое между греками; оба они въ самомъ имени Спартока видятъ не греческое происхожденіе.

Основателемъ этой, такъ сказать, династіи на Воспорѣ былъ Спартокъ I-й, который правилъ только въ теченіе 7 лѣтъ съ $438/_7$—$432/_1$ [5]).

[1]) Ibid.

[2]) Diodor. Sicul. lib. XII c. 31 p. 125 edit. Bekkeri Lipsiae 1854 г.

[3]) Григорьевъ. «Цари В. К.» p. 13.

[4]) Thirion. «De civ., quae a Gr. in Ch. T. c. fuerunt» p. 47.

[5]) Diodor. Sicul. lib. XII c. 31 p. 125 edit. Bekkeri Lipsiae 1854 г.

Какъ широко простиралась власть его и что было въ его правленіе, объ этомъ мы ничего не знаемъ.

По смерти Спартока правителемъ Воспора сталъ Селевкъ [1]); какъ предполагаютъ, это былъ сынъ Спартока, но странно, что Діодоръ, который далѣе такъ тщательно отмѣчаетъ родство правителей, здѣсь ни слова не говоритъ о родствѣ Спартока съ Селевкомъ. Имя этого правителя, можетъ-быть, скрывается у Стравона [2]) въ имени Σελεύκωνα. Правилъ онъ всего четыре года съ $432/_1$ до $428/_7$ г. Кто правилъ послѣ этого Селевка, авторы намъ ничего не говорятъ, такъ что здѣсь, въ промежутокъ отъ Селевка до Сатира I-го, открывается обширное поле для остроумія ученыхъ. Одни ученые, напримѣръ, Бэкъ [3]), Thirion [4]) думаютъ, что послѣ Селевка правилъ Спартокъ II-й, другіе—Григорьевъ [5]), Ашикъ [6]) и Спасскій [7]) принимаютъ это мнѣніе съ оговоркой.

Основаніемъ этого мнѣнія служатъ слѣдующія слова Діодора: „Въ это же время ($393/_2$) умеръ Сатиръ, сынъ Спартока, царь Воспора, послѣ 14-лѣтняго правленія; власть принялъ сынъ его Левконъ и правилъ 40 лѣтъ". Основаніе, по моему мнѣнію, очень шаткое [8]).

---

[1]) Ibid. lib. XII c. 36 p. 129.

[2]) Strab. lib. VII, c. III § 8 p. 250, edit. Mülleri et Dübneri Paris. 1853 г. чтеніе Λεύκωνα.

[3]) Boeck. C. i. Gr. T. II/I p. 91.

[4]) Thirion. «De civit., que a Gr. in Ch. T. c. fuerunt» p. 49.

[5]) Григорьевъ. «Цари В. К.» p. 14.

[6]) Ашикъ. «Восп. Царство» p. 45.

[7]) Спасскій. «Б. К.» p. 45.

[8]) *Примѣчаніе.* Если мы допустимъ существованіе Спартока II-го, то спрашивается, кто такой этотъ Спартокъ II-й, чей онъ сынъ? На этотъ вопросъ могутъ быть два отвѣта: Спартокъ II-й былъ или сыномъ Спартока I-го или сыномъ Селевка; возможенъ еще и третій отвѣтъ, именно—Спартокъ II-й не былъ сыномъ ни Спартока I-го ни Селевка. Если предположить, что Спартокъ II-й былъ сыномъ Спартока I-го, то необходимо тогда допустить и слѣдующія предположенія: раньше было сказано, что считаютъ Селевка сыномъ Спартока I-го, что Селевкъ правилъ сейчасъ же за Спар-

Итакъ, спустя 16 лѣтъ по смерти Селевка на Воспорѣ правилъ Сатиръ I-й съ $40^7/_6—388/_7$, приблизительно 19 лѣтъ. Діодоръ [1]) подъ Ol. 96_4 говоритъ: „Въ это время умеръ Сатиръ (I-й) сынъ Спартока, царь Воспора, послѣ 14 лѣтняго правленія. Ему наслѣдовалъ сынъ его Левконъ, правившій 40 лѣтъ". (Если бы Левконъ остался по смерти отца малолѣтнимъ, то Діодоръ, по всей вѣроятности, не приминулъ бы объ этомъ упомянуть). Нужно замѣтить, что Діодоръ въ данномъ мѣстѣ дѣлаетъ ошибку, а именно: изъ постановленія аѳинянъ

токомъ I-мъ, слѣдовательно, Селевкъ былъ старшій сынъ, а Спартокъ II-й младшій. Далѣе изъ послѣдующей исторіи видно, что власть на Воспорѣ переходила строго отъ отца къ сыну и только въ случаѣ междоусобной войны отъ брата—къ брату; если же власть отъ Селевка перешла къ его брату Спартоку II-му, то необходимо допустить одно изъ двухъ предположеній: или Селевкъ умеръ бездѣтнымъ, и власть его мирнымъ путемъ перешла къ его брату Спартоку, или по смерти Спартока I-го была междоусобная война между его дѣтьми Селевкомъ и Спартокомъ II-мъ, продолжавшаяся около 4-хъ лѣтъ, во время которой Селевкъ, какъ старшій, считался правителемъ Воспора. Считать же Спартока, отца Сатира, сыномъ Селевка и внукомъ Спартока I-го, по моему мнѣнію, рѣшительно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, если допустимъ это второе предположеніе, то тогда Сатиръ I-й будетъ правнукомъ Спартока I-го, и тогда только 24 года будутъ отдѣлять время правленія прадѣда отъ правленія правнука, потому что по Діодору Спартокъ I-й умеръ въ 432/1 году, а Сатиръ началъ править съ 407/6 года или, какъ предполагаетъ Ѳ. Ѳ. Соколовъ (Конспектъ по древней исторіи для студентовъ С.-П. И. И. Ф. И. р. 102), нѣсколько раньше. Надо сдѣлать много предположеній, чтобы правнукъ maximum чрезъ 24 года наслѣдовалъ своему прадѣду и, скончавшись—по Діодору—чрезъ 14 лѣтъ, а по болѣе правильному расчету, чрезъ 19 лѣтъ—могъ оставить взрослаго наслѣдника. По моему мнѣнію, предполагать между Селевкомъ и Сатиромъ I-мъ Спартока II-го совершенно излишне—по слѣдующимъ соображеніямъ: не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что Діодоръ, который такъ тщательно отмѣчаетъ родство Спартокидовъ, не сдѣлалъ даже намека на родство только въ одномъ случаѣ, именно не обозначилъ родства между Спартокомъ I-мъ и Селевкомъ? Имѣемъ ли мы право считать Селевка родственникомъ Спартока I-го? Если принять во вниманіе то обстоятельство, что Діодоръ намъ совсѣмъ не говоритъ о томъ, при какихъ обсто-

[1]) Diodor. Sicul. lib. XIV c. 93 p. 411 T. II.

въ честь дѣтей Левкона, относящагося къ 346 году [1]), Шеферъ такъ опредѣляетъ время правленія Спартокидовъ отъ Сатира I-го до Перисада I-го. Изъ всѣхъ отрывочныхъ извѣстій Діодора о Спартокидахъ онъ считаетъ заслуживающимъ больше всего довѣрія извѣстіе о смерти Перисада I-го [2]), такъ какъ здѣсь онъ одинъ разсказываетъ подробно о происшествіяхъ въ Воспорскомъ царствѣ, именно о войнѣ между братьями. Всѣ остальныя показанія по Шеферу—суть просто хронологическія замѣтки, стоящія внѣ связи съ историческимъ разсказомъ: „Послѣдняя замѣтка", говоритъ далѣе Шеферъ: „сводитъ управленіе Спартока IV-го [3]) до 284/3 года, а декретъ аѳинскій въ честь его [4]) принадлежитъ, по всей вѣро-

ятельствахъ власть на Воспорѣ перешла отъ Археанактидовъ къ Спартокидамъ, по родству ли, или другимъ какимъ причинамъ,— а даетъ намекъ на какой-то переворотъ, происшедшій на Воспорѣ, то можно сдѣлать такое предположеніе, что во время этого переворота власть получилъ Спартокъ I-й; но члены дома Археанактидовъ или ихъ приверженцы,—едва ли могли спокойно смотрѣть на Спартока и едва ли не пытались возвратить себѣ потерянную власть и значеніе. Не былъ ли, такимъ образомъ, Селевкъ однимъ изъ членовъ дома Археанактидовъ или ихъ приверженцевъ? Не были ли и тѣ 16 лѣтъ, отъ смерти Селевка до вступленія Сатира I-го—временемъ борьбы между Археанактидами и Спартокидами, пока не возмужалъ Сатиръ I-й, сынъ Спартока I-го, и не преодолѣлъ своихъ враговъ? Итакъ, по моему мнѣнію, Сатиръ I-й былъ сыномъ Спартока I-го, и Діодоръ, не описывая самого переворота, говоритъ намъ о результатѣ смутъ, т. е. что все-таки въ концѣ концовъ борьба, начавшаяся по смерти Спартока I-го окончилась въ пользу сына этого Спартока I-го Сатира I-го. На основаніи такихъ соображеній, я считаю Спартока, отца Сатира I,—Спартокомъ Первымъ, а не Вторымъ, и промежутокъ отъ смерти Селевка до начала правленія Сатира I-го покрытымъ для насъ мракомъ неизвѣстности; и даже признавъ существованіе Спартока II-го между Селевкомъ и Сатиромъ I, чтó мы прибавляемъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о Воспорѣ, кромѣ одного пустого имени?

1) Schäfer „Athenischer Volksbeschluß zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos" Rhein. Mus. T. XXXIII.

2) Diodor. Sicul. lib. XX c. 22 p. 469. T III edit. Bec. 53 г.

3) Ibid. C. C p. 556.

4) Corpus inscript. Attic. № 311.

ятности, къ $286/_5$ г. и, такимъ образомъ, стоитъ въ согласіи съ опредѣленіемъ Діодора. Если будемъ теперь считать", говоритъ далѣе авторъ: „назадъ отъ той подробной главы, съ которой связана смерть Перисада I-го, т. е. $310/_9$ г., то онъ долженъ начать свое 38-ми лѣтнее правленіе раньше $348/_7$ г. Ol. 108_1, какъ Діодоръ и относитъ къ Ol. 107_4, и этимъ мы близко подходимъ ко времени нашихъ извѣстій". Прибавляя сюда 40 лѣтъ правленія Левкона [1]),—мы получаемъ годъ $388/_7$, т. е. годъ смерти Сатира I-го. А что Сатиръ I-й началъ править съ $407/_6$, а можетъ-быть и раньше, объ этомъ мы находимъ извѣстіе у оратора Лисія [2]) въ рѣчи „pro Mantitheo", гдѣ онъ говоритъ: „и какъ разъ предъ несчастіемъ въ Еллиспонтѣ отецъ насъ послалъ къ Сатиру на Понтѣ". Несчастіе, о которомъ упоминаетъ здѣсь ораторъ, есть пораженіе въ 405 году аѳинскаго флота при Эгосъ-Потамосѣ спартанцами подъ начальствомъ Лисандра; слѣдовательно еще до 405 года правилъ Сатиръ.

Этотъ Сатиръ I-й находился въ тѣсной дружбѣ съ аѳинянами, такъ что нѣкоторые аѳиняне посылали къ нему своихъ сыновей съ различными цѣлями, какъ мы уже видѣли изъ вышеприведеннаго извѣстія оратора Лисія. Исократъ [3]) эту дружбу Сатира съ аѳинянами рисуетъ предъ нами еще яснѣе. Отъ него мы узнаемъ, что Сатиръ изъ всѣхъ грековъ болѣе всего былъ расположенъ къ аѳинянамъ и, въ случаѣ недостатка у нихъ хлѣба, корабли другихъ купцовъ уходили пустыми, а аѳинскіе возвращались нагруженными; кромѣ того,

---

[1]) Diodor. Siculi. lib. XIV c. 93 p. 411 Tn edit. B. 53 r.

[2]) Lysiae «pro Mantitheo» p. 171_4 «Oratores Attici» edit. C. Mülleri Tı. Paris. 1847 г.

[3]) Isocrat. Τραπεζιτικός p. 205_{57} Tıı edit. Benseler Lipsiae 1860 г.

Ἄξιον δὲ καὶ Σατύρου καὶ τοῦ πατρὸς ἐνθυμηθῆναι, οἳ πάντα τὸν χρόνον περὶ πλείστου τῶν Ἑλλήνων ὑμᾶς ποιοῦνται, καὶ πολλάκις ἤδη διὰ σπάνιν σίτου τὰς τῶν ἄλλων ἐμπόρων ναῦς κενὰς ἐκπέμποντες ὑμῖν ἐξαγωγὴν ἔδοσαν.

въ частныхъ тяжбахъ различныхъ купцовъ, аѳинскіе купцы находили себѣ снисхожденіе. Изъ этой же рѣчи мы видимъ, что греческіе переселенцы въ Понтѣ достигали высокихъ должностей у Спартокидовъ, напр. Сопея [1]) поставилъ Сатиръ начальникомъ обширной области и всего войска; затѣмъ по проискамъ враговъ, Сопей былъ обвиненъ въ злыхъ умыслахъ противъ Сатира и былъ схваченъ, а за его сыномъ (котораго защищаетъ нашъ ораторъ), отправившимся путешествовать по Елладѣ на двухъ корабляхъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и съ большимъ количествомъ денегъ, былъ посланъ приказъ возвратиться назадъ, въ случаѣ же неповиновенія съ его стороны, отъ аѳинянъ потребовать его выдачи. Но по прошествіи нѣкотораго времени Сатиръ убѣдился въ невинности Сопея и, желая предъ нимъ загладить свой промахъ, облекаетъ его еще бо́льшею, чѣмъ прежде, властью и женитъ своего сына, вѣроятно, Левкона на его дочери [2]). Вѣроятно, Гилонъ, котораго Эсхинъ [3]) называетъ измѣнникомъ, передалъ этому Сатиру аѳинскій городъ Нимфэонъ; но Шеферъ [4]) и Тирьонъ [5]), основываясь на томъ обстоятельствѣ, что аѳиняне были очень дружны съ этимъ Сатиромъ, полагаютъ, что послѣ пораженія аѳинскаго флота они не могли удержать за собой Нимфэона и оказывать ему, въ случаѣ нужды, помощи,—поэтому городъ при особенныхъ какихъ-нибудь обстоятельствахъ, по совѣту Гилона, передался подъ покровительство сильнаго Сатира—друга аѳинянъ. Изъ надписи 346 г. [6])—мы видимъ, что въ честь Сатира аѳиняне поставили памятникъ съ надписью, въ которой, вѣроятно, перечислялись его заслуги для аѳинянъ.

---

1) Ibid. p. 191_3. Σινωπεύς, alii Σωπαῖος, alii Σωπάλος.

2) Isocrat. Τραπεζιτικός p. 193 edit. B. TII.

3) Αἰσχίνου ὁ κατὰ Κτησιφῶντος «Oratores Attici» edit. Mülleri TII p. 128.

4) Schäfer. „Demosth. und seine Zeit" p. 238.

5) Thirion. «De civit, quae a Gr. T. condit. fuerunt» 52.

6) Schäfer. „Der Ath. Volkb. zu Ehr. Leuk. von B." L. $45,_2$ p. 420.

Сатиръ этотъ скончался при осадѣ города Өеодосіи [1]) въ 388/7 году.

Мнѣ кажется очень страннымъ, почему Тирьонъ [2]) считаетъ этого Сатира—Сатиромъ II-мъ, не приводя никакихъ доказательствъ; этотъ фактъ скорѣе можно было бы объяснить опечаткой, что впрочемъ не отмѣчено въ книгѣ, если бы у него не было другой не меньшей странности, а именно, онъ пользуясь надписями Бэка и не постаравшись напередъ опровергнуть мнѣніе этого ученаго относительно войны Сатира съ царицею Тиргатао, говоритъ, вопреки мнѣнію Бэка [3]), что Сатиръ велъ съ нею войну и, желая помирить извѣстія Поліэна [4]) со схоліастомъ Димосөена [5]) и съ Арпократіономъ [5]), продолжаетъ, что онъ умеръ при осадѣ Өеодосіи. Посмотримъ же теперь, что сообщаетъ намъ Поліэнъ о Сатирѣ, который, по мнѣнію Thirion'a, былъ сыномъ Спартока и умеръ подъ Өеодосіей.

(Polyaeni. lib. VIII § 55). „Мэотянка Тиргатао вышла замужъ за Екатея, царя синдовъ, которые обитаютъ немного выше Воспора. Вотъ этого-то Екатея, лишеннаго власти, возстановилъ на престолѣ Сатиръ, тираннъ Воспора, и выдалъ за него дочь свою замужъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Екатей убилъ свою первую жену. Но Екатей, любя Тиргатао, не рѣшился ее убить, а навсегда заключилъ ее подъ крѣпкій караулъ, откуда ей удалось убѣжать. Хотя Екатей и Сатиръ

---

[1]) Demosthenis quae supersunt, edit. Ioannes Reiske Londini 1822 г. p. 511 46—710. Θευδοσία χωρίον κείμενον ἐγγὺς Σκυθῶν, ὃ πολιορκῶν Σάτυρος ἐτελεύτησεν.

[2]) Thirion. «De civit., quae a Gr. in Ch. T. condit. fuerunt» p. 50.

[3]) Бэкъ. C. i. Gr. TII p. 92_2.

[4]) Polyaeni Strategicon, edit. Eduardi Woelfflini, Lipsiae 1860 г. lib. VIII § 55 p. 328—329.

[5]) Ἁρποκρατίωνος περὶ τῶν λέξεων.—Θευδοσίαν. Δημοσθένης ἐν τῷ περὶ τῶν ἀτελειῶν, ὅτι Σάτυρος Θευδοσίαν πολιορκῶν ἐτελεύτησεν. ἔστι δὲ χωρίον κείμενον ἐγγὺς Σκυθῶν.

со своими приближенными неутомимо разыскивали ее, боясь, чтобы она не возбудила къ войнѣ противъ нихъ мэотовъ, однако не могли ея найти. Тиргатао же, пробираясь по пустыннымъ и гористымъ дорогамъ, днемъ скрываясь въ лѣсахъ, а ночью продолжая путь, наконецъ пришла къ такъ называемымъ яксаматамъ, а оттуда въ царство своихъ родныхъ. Не заставъ въ живыхъ отца, она, выйдя замужъ за его преемника, ведетъ яксаматовъ на войну противъ Екатея и Сатира и, склонивъ на свою сторону многія мэотскія воинственныя племена, такъ сильно опустошила страну Екатея и причинила такъ много вреда подданнымъ Сатира, что они оба, давъ ей въ заложники сына Сатирова—Митродора, просили у нея мира. И она на это согласилась. Однако, они не сдержали клятвы. Сатиръ уговорилъ двухъ своихъ друзей явиться къ царицѣ подъ видомъ бѣглецовъ, ищущихъ защиты, и составить противъ нея заговоръ. Когда они убѣжали, Сатиръ сталъ требовать у нея выдачи ихъ; но она, уважая законы гостепріимства, написала ему въ отвѣтъ, что оказала бѣглецамъ свое покровительство.

Послѣ этого заговорщики приступили къ выполненію своего плана: въ то время какъ одинъ изъ нихъ велъ съ царицей разговоръ о важныхъ дѣлахъ, другой, намѣреваясь поразить ее обнаженнымъ мечомъ, промахнулся, попавъ ей въ поясъ, который она носила.

Сбѣжавшіеся тѣлохранители стали допрашивать заговорщиковъ, которые и сознались, что они подосланы тиранномъ съ цѣлью убить царицу. Услышавъ это, Тиргатао убиваетъ заложника Митродора и подвергаетъ страшному опустошенію области Сатира—до тѣхъ поръ, пока Горгиппъ, сынъ Сатира, скончавшагося отъ этого горя, принявъ бразды правленія, самъ со многими дарами не отправился просить мира и не получилъ его".

Итакъ, изъ этого разсказа Поліэна видно, что Сатиръ

былъ тиранномъ на Воспорѣ и умеръ съ горя, оставивъ по себѣ преемникомъ—сына Горгиппа. Изъ двухъ извѣстныхъ намъ Сатировъ ни тотъ ни другой не могутъ быть этимъ Сатиромъ, потому что одинъ изъ нихъ Сатиръ I-й, сынъ Спартока, какъ мы сказали выше, скончался при осадѣ Ѳеодосіи [1]), а другой Сатиръ, сынъ Перисада I-го, о которомъ мы будемъ говорить ниже, умеръ въ междоусобной борьбѣ съ братомъ своимъ Евмеломъ отъ раны, полученной при осадѣ замка Аріафарна, и, кромѣ того, ни тотъ ни другой Сатиръ не оставили по себѣ наслѣдникомъ Горгиппа. Очевидно, что Сатиру I-му, занятому войной съ Тиргатао, немыслимо было думать о покореніи другихъ городовъ и вести одновременно войну въ двухъ различныхъ пунктахъ. Невозможно также предположить, чтобы Сатиръ, заключивъ съ Тиргатао миръ, отправился осаждать Ѳеодосію, гдѣ онъ, пораженный вѣстью о новомъ опустошительномъ нашествіи царицы, умеръ съ горя—невозможно потому, что, подославъ къ ней убійцъ, онъ долженъ былъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за исходомъ дѣла и, въ случаѣ неудачи, долженъ былъ приготовиться къ новой войнѣ, такъ какъ онъ могъ предвидѣть, что война будетъ неизбѣжна, если замыслы его будутъ открыты, чтó и случилось. Нечего и говорить, что другой Сатиръ, занятый войной съ братомъ изъ-за обладанія престоломъ, не могъ вести войны съ Тиргатао, когда его власть была непрочна.

Итакъ, мнѣ кажется, совершенно невозможно согласить извѣстіе Поліэна съ извѣстіемъ, находящимся у Арпократіона и схоліаста Димосѳена, а нужно выбирать что-нибудь одно, и я склоняюсь скорѣе на сторону послѣднихъ двухъ.

На основаніи всего вышесказаннаго, Бэкъ, какъ кажется, совершенно основательно предположилъ, что Сатиръ, о кото-

---

[1]) Муравьевъ-Апостолъ. «Путешествіе по Тавридѣ» с. 273 добродушно сознается въ своемъ незнаніи, откуда почерпается это извѣстіе.

ромъ упоминаетъ Поліэнъ, отецъ Горгиппа, что онъ былъ однимъ изъ Спартокидовъ и что онъ современникъ Левкона. Можетъ-быть, Левконъ или Спартокъ III-й, по Бэку, поставилъ его начальникомъ надъ азіатскимъ Воспоромъ, гдѣ Поліэнъ и отмѣчаетъ его царство, и, можетъ-быть, про могилу этого-то Сатира на азіатской сторонѣ Воспора упоминаетъ Стравонъ [1]); по смерти же этого Сатира Перисадъ I-й назначилъ на его мѣсто сына его Горгиппа, чтó окажется еще болѣе правдоподобнымъ, если считать его тестемъ Перисада. А чтó касается до того, что Поліэнъ называетъ Сатира и Горгиппа тираннами Воспора, то это покажется не такъ страннымъ, если мы примемъ во вниманіе обычай древнихъ называть дѣтей царей царями, а дѣтей и даже внуковъ тиранновъ—тираннами, въ особенности если имъ поручалась какая-нибудь часть въ тиранніи.

Спасскій [2]), основываясь на только что упомянутомъ извѣстіи Стравона, утверждаетъ, что на азіатской сторонѣ погребенъ не кто иной, какъ Сатиръ I-й, чтó, какъ видно изъ вышесказаннаго, совершенно неосновательно. Да и въ самомъ дѣлѣ, если Сатиръ I-й умеръ подъ Ѳеодосіей, то къ чему было такъ далеко везти хоронить его? Не естественнѣе ли ожидать, что его, по примѣру предыдущихъ правителей, похоронили въ столицѣ Пантикапэонѣ—въ усыпательницѣ царей?

Муравьевъ-Апостолъ [3]), высказывая мнѣніе, противоположное мнѣнію Спасскаго, впадаетъ въ другую ошибку, считая могилу на азіатской сторонѣ Воспора могилой древнѣйшаго Сатира, принадлежавшаго къ дому Археанактидовъ.

Сынъ Сатира I-го Левконъ правилъ по Діодору [4]) 40

[1]) Strab. lib. XI c. II. Ἐντεῦθεν δ᾽ἐπὶ τὸ Σατύρου μνῆμα ἐνενήκοντα στάδιοι τοῦτο δ᾽ἐστὶν ἐπ᾽ἄκρας τινὸς χωστὸν ἀνδρός τῶν ἐπιφανῶς δυναστευσάντων τοῦ Βοσπόρου.

[2]) Спасскій. «Босф. Киммер.» p. 46.

[3]) Муравьевъ-Апостолъ. «Путеш. по Тавридѣ» p. 273.

[4]) Diodor. Sicul. lib. XIV c. 93 p. 411 Tii et lib. XVI c. 31 p. 36 Tııı edit. B.

лѣтъ—отъ 388/7 до 348/7. Получивъ въ свои руки власть, онъ, вѣроятно, продолжалъ начатую еще его отцомъ осаду города Ѳеодосіи, которая, какъ видно изъ его титула [1]), и сдалась ему.

Левконъ, выстроивъ въ ней гавань на 100 [2]) кораблей и украсивъ городъ, назвалъ его Ѳеодосіей по имени или жены, или сестры своей. По примѣру своего отца, Левконъ находился съ аѳинянами, которые даже дали ему право гражданства и ателію, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, которыя очень ясно рисуетъ предъ нами Димосѳенъ [3]) въ рѣчи противъ Лептина: „Такъ какъ, судьи", говоритъ ораторъ по поводу предложенія Лептина лишить аѳинскихъ гражданъ ателіи: „въ его законѣ ясно написано: „никто ни изъ гражданъ, ни изъ ἰσοτελεῖς, ни изъ чужестранцевъ не долженъ быть свободнымъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ не обозначено, отъ чего свободнымъ,—отъ хоригіи ли, или другой какой повинности, но только просто—„свободнымъ не долженъ быть ни-

---

1) Compte-Rendu de la com. imp. arch. an. 1872 p. 171. Надпись, открытая на полуостровѣ Тамани; высота 1 арш. 14½ вер., ширина 5 ½ вер., толщина 7½ вер.

Δήμαρχος Σκύθεω
ἀνέθηκεν Ἀφροδίτῃ
Οὐρανίῃ Ἀπατούρῳ
Μεδεούσῃ·
ἄρχοντος
Λεύκωνος Βοσπόρου
καὶ Θεοδοσίης.

Boeck. C. i. Gr. T. II p. 1010 № 2134. Надпись, найденная въ церкви Св. Григорія въ Нахичевани, куда, по Бэку, она была перенесена изъ Ѳеодосіи.

Στρατοκλῆς ὑπὲρ πατρὸς τοῦ ἑαυτοῦ
Δεινοστράτου ἱερησαμένου Ἀπόλλωνι Ἰητρῷ
ἀνέθηκεν Λεύκωνος ἄρχοντος Βοσπόρου
καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων
Τορετέων Δανδαρίων Ψησσῶν.

2) Strab. lib. VII c. IV p. 257, edid. M. et. Dindorf.

3) Demosth. πρὸς Λεπτίνην p. 9—11 T. II edit. Becceri Lipsiae 1854 г.

кто, кромѣ потомковъ Армодія и Аристогитона“, и такъ какъ въ словѣ „никто“ содержатся всѣ остальные, а къ слову „чужестранцы“ (ξένοι) не присоединено ограниченія—„пока онъ живетъ въ Аѳинахъ“,—то отнимаетъ также и у Левкона, правителя Воспора, и у его дѣтей представленный имъ съ вашей стороны почетный подарокъ. Конечно, Левконъ, какъ извѣстно, по происхожденію чужестранецъ, но аѳинскій гражданинъ, по вашему назначенію. Но ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, въ силу этого закона, ему уже нельзя будетъ пользоваться ателіею. А между тѣмъ, какъ изъ прочихъ благодѣтелей государства каждый оказывался намъ полезнымъ только на время, онъ, очевидно, оказывалъ намъ услуги непрерывно, и притомъ въ вещахъ, въ которыхъ особенно нуждалось наше государство. Вѣдь вамъ, конечно, извѣстно, что никакой народъ не употребляетъ такъ много привознаго хлѣба, какъ мы. Подвозъ хлѣба изъ Понта уже одинъ сравнится съ подвозомъ изъ остальныхъ торговыхъ мѣстъ. И этому нечего удивляться; это происходитъ не оттого только, что та страна производитъ много хлѣба, но, преимущественно, оттого, что Левконъ, тамошній правитель, предоставилъ свободу отъ пошлинъ тѣмъ, которые пріѣзжаютъ съ грузомъ въ Аѳины, и плывущимъ сюда транспортнымъ судамъ разъ навсегда предоставилъ право—первымъ нагружать корабли. Ибо ту же самую привилегію, которую онъ получилъ для себя и своихъ дѣтей, онъ также съ своей стороны предоставилъ всѣмъ вамъ. Обратите же вниманіе, насколько это важно. Ото всѣхъ, которые у него нагружаютъ хлѣбъ, онъ беретъ одну тридцатую. Теперь, ежегодно привозится оттуда къ намъ около 400,000 медимновъ, какъ это можно видѣть изъ списковъ ввозимаго хлѣба у ситофилаковъ. Слѣдовательно, онъ на 300,000 медимновъ даетъ намъ 10,000 медимновъ и на 100,000—приблизительно 3,000 медимновъ. Будучи далекъ отъ того, чтобы отнять это благодѣяніе у государства, онъ, кромѣ того, еще приказалъ устро-

ить гавань въ Өеодосіи, которая, по словамъ корабельщиковъ, ни въ чемъ не уступаетъ гавани Воспора, и также тамъ предоставилъ намъ свободу отъ пошлинъ. Чтобы не упоминать далѣе о многихъ другихъ заслугахъ, которыя какъ онъ, такъ и его предки оказали намъ, я приведу только одно, а именно: во время всеобщаго недостатка хлѣба, два года тому назадъ, онъ прислалъ хлѣба не только для покрытія вашихъ собственныхъ нуждъ, но въ такомъ количествѣ, что вы при продажѣ его выручили 15 талантовъ, которыми завѣдывалъ Каллисөенъ. Итакъ, аөиняне, чтó вы должны ожидать отъ столь заслуженнаго у васъ человѣка, если онъ услышитъ, что вы, въ силу закона, отняли у него ателію, и даже въ случаѣ, если вы когда-нибудь перемѣните образъ мыслей и не будете въ состояніи утвердить за нимъ таковую. Развѣ вы не знаете, что этотъ законъ, въ случаѣ если онъ будетъ утвержденъ, отнимаетъ ателію не только у него, но и у тѣхъ изъ васъ, которые вывозятъ у него хлѣбъ. Ибо этого никто не можетъ себѣ представить, чтобы онъ равнодушно перенесъ объявленіе предоставленныхъ ему вами выгодъ недѣйствительными, а вы бы продолжали пользоваться выгодами, которыми пользуетесь у него. Итакъ, не обращая вниманія на убытки, которыми несомнѣнно грозитъ этотъ законъ, онъ, кромѣ того, лишаетъ васъ выгодъ, которыми вы до сихъ поръ пользовались.... Изъ этихъ рѣшеній, судьи, вы видите, съ какимъ полнымъ правомъ Левконъ получилъ отъ васъ ателію. И для всего этого вы сообща съ нимъ поставили столбы съ надписями въ Воспорѣ, въ Пиреѣ, Іеронѣ. Обратите вниманіе теперь на то, къ какой безмѣрной низости влечетъ васъ этотъ законъ, въ силу котораго цѣлое государство является болѣе вѣроломнымъ, чѣмъ одинъ человѣкъ. Ибо не думайте, что тѣ столбы представляютъ что-нибудь иное, какъ договоры относительно всего, чтó вы получили или чтó сами подарили. О Левконѣ можно сказать, что онъ крѣпко держится ихъ и постоянно готовъ ока-

зывать вамъ добро, напротивъ, вы, несмотря на то что эти договоры лежать у всѣхъ предъ глазами, лишили ихъ силы, и это гораздо хуже, чѣмъ если бы вы ихъ сломали; такимъ именно образомъ, они, пока только будутъ существовать, будутъ служить опорой для тѣхъ, которые пожелаютъ поносить государство".

О посылкѣ хлѣба Левкономъ аѳинянамъ также упоминаетъ Стравонъ [1]); такъ, отъ него мы узнаемъ, что Левконъ изъ Ѳеодосіи выслалъ аѳинянамъ 2,100,000 медимновъ. Изъ относящагося къ 369 году [2]) декрета аркадцевъ, въ честь Левкона, можно заключить, что они за услуги послѣдняго дали ему какія-то привилегіи; по всей вѣроятности, среди нихъ Левконъ вербовалъ для себя наемниковъ и помогалъ имъ хлѣбомъ. А что воспорскіе правители имѣли у себя наемниковъ, то объ этомъ можно заключить изъ Діодора [3]), гдѣ онъ разсказываетъ про междоусобную борьбу между братьями, о чемъ будетъ сказано ниже.

Щедрости Левкона относительно аѳинянъ соотвѣтствовало и его могущество. Такъ, мы знаемъ, что, кромѣ Ѳеодосіи, онъ правилъ еще многими азіатскими народами: синдами [4]), то-

---

[1]) Strab. lib. VII c. IV § 6 p. 258 edit. M. et Dind.

[2]) Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum p. 169. Lipsiae 1883.

Надпись, найденная на валу Пантикапэона.

Ἔδοξεν τοῖς Ἀρκάσιν Λεύκωνα τὸν Σατύρου Παντικαπαῖταν.

[3]) Diodor. Sicul. lib. XX c. 22 sq.

[4]) Compte-Rendu de la com. imp. archéol. p. 205, an. 1865. Надпись найдена въ 1864 г. представляютъ собой известковую плиту, въ длину 1 арш. 3 вер., выш. 9½ вер., толщины 3½ верш.

Κρέουσα Μέδοντος Δήμητρι....
ἄρχοντος Λεύκωνος Βοσπόρου....
καὶ βασιλεύοντος Σίνδων....

Отсутствіе части камня возбуждаетъ сомнѣніе, не находилось ли въ 3-й строкѣ, кромѣ синдовъ, еще мэоты и др. народы, а во 2-й стр., кромѣ Воспора—не была ли еще упомянута и Ѳеодосія. Остается также неизвѣстнымъ вопросъ о томъ, былъ ли прибавленъ особый эпитетъ въ 1-й строкѣ къ имени Димитры.

ретами, дандаріями и псиссами [1]), о которыхъ мы уже сказали выше. Не извѣстно, какъ широко простирались владѣнія прежнихъ воспорскихъ правителей, и первый ли Левконъ покорилъ эти народы, или уже они, или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, были покорены до него. Если только мы повѣримъ разсказамъ Поліэна [2]), то окажется, что Левконъ велъ войну съ ираклеотами, изъ которой Поліэнъ упоминаетъ слѣдующіе два случая:

„Левконъ, узнавъ во время войны съ ираклеотами, что нѣкоторые изъ тріирарховъ желаютъ ему измѣнить и перебѣжать на сторону непріятеля, приказалъ схватить ихъ и привести къ нему. Когда тріирархи были приведены, онъ сказалъ: „я и прежде слышалъ про васъ дурныя рѣчи, но не вѣрилъ имъ, да и теперь не безпокойтесь, чтобы я назначилъ другихъ тріирарховъ; я сдѣлалъ это потому, чтобы въ случаѣ пораженія—не подозрѣвать васъ въ измѣнѣ“. Показывая видъ, что онъ расположенъ къ заподозрѣннымъ, Левконъ дѣлаетъ ихъ родственниковъ начальниками областей. Когда же кончилась война, онъ снарядилъ надъ ними судъ, дабы не показалось, что онъ безо всякаго основанія подозрѣваетъ ихъ. Когда виновные вмѣстѣ со своими родственниками явились, Левконъ, окруживъ ихъ вооруженными солдатами, приказалъ ихъ перебить“.

Другой случай былъ слѣдующій:

„Когда ираклеоты шли морскимъ походомъ на Левкона и хотѣли высадиться гдѣ-нибудь въ его странѣ, онъ, видя, что его воины злоумышляютъ противъ него и не хотятъ сопротивляться врагамъ, выстроилъ свои войска такъ: въ первые ряды поставилъ тяжеловооруженныхъ, а позади ихъ скиѳскихъ стрѣлковъ, которымъ во всеуслышаніе объявилъ, чтобы

---

[1]) Compte-Rendu de la com. imp. archéol. Boeck C. I. Gr. T. II p. 1010. № 2134 смотр. стр. 8 этого сочиненія.

[2]) Polyaeni Strategic. lib. VI 9 p. 224—225 ed. Woelfflini.

они стрѣляли изъ лука и убивали всѣхъ тяжеловооруженныхъ, если послѣдніе струсятъ и позволятъ непріятелю высадиться. Тяжеловооруженные, услышавъ такой приказъ, сильно сопротивлялись высадкѣ непріятеля".

Изъ этого же сочиненія [1]) мы узнаемъ, что противъ Левкона намѣревался итти походомъ Мемнонъ, зять сатрапа Артабаза; по всей вѣроятности, это обстоятельство относилось уже къ послѣднимъ лѣтамъ правленія и жизни Левкона, такъ какъ изъ рѣчи Димосѳена [2]), 352 года, мы знаемъ, что Мемнонъ былъ еще ἄνθρωπος νέος. Вотъ что́ про этотъ случай разсказываетъ намъ Поліэнъ:

„Мемнонъ, намѣреваясь сдѣлать нападеніе на Левкона, тиранна Воспора, посылаетъ къ нему на корабляхъ посломъ византійца Архивіада, подъ предлогомъ заключить съ нимъ дружескій союзъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы узнать о величинѣ его городовъ и количествѣ народонаселенія. Вмѣстѣ съ Архивіадомъ также отправился и Аристоникъ изъ Олинѳа, славный греческій пѣвецъ, который во время остановокъ на пути пѣлъ въ театрахъ, а потомъ передавалъ Архивіаду о количествѣ людей, посѣщающихъ театръ".

Всѣ древніе писатели, которые даютъ намъ кое-какія свѣдѣнія о Левконѣ, отзываются о немъ съ самой выгодной для него стороны; такъ, напр., Поліэнъ [3]) разсказываетъ намъ про Левкона ходящіе, вѣроятно, въ древности анекдоты, свидѣтельствующіе о его мудрости. „Левконъ", разсказываетъ Поліэнъ: „нуждаясь въ деньгахъ, объявилъ, что онъ намѣренъ чеканить новую монету; поэтому всѣ начальники областей должны были принести ему старую монету для перечеканки. Когда они принесли всю монету, сколько у нихъ ея ни было, онъ, сдѣлавъ на ней другой знакъ, увеличилъ вдвое стоимость

---

[1]) Polyaeni Strategic. lib. V, 44 p. 210, edit. Woelfflini.
[2]) Demosth. Κατὰ Ἀριστοκράτους p. 150, edit. B.
[3]) Polyaeni Strat. lib. VI 9 p. 224, edit. W.

монеты; такимъ образомъ, получивъ половину всѣхъ денегъ, никого изъ граждан не оставилъ въ убыткѣ".

Тотъ же авторъ передаетъ намъ и другой случай:

„Левконъ, узнавъ, что друзья и многіе граждане составили противъ него заговоръ, призываетъ къ себѣ всѣхъ торговыхъ людей и проситъ ихъ одолжить ему денегъ, говоря, что онъ заплатитъ имъ ихъ, какъ только получитъ долгъ съ непріятеля. Они съ удовольствіемъ одолжаютъ его. Тогда Левконъ, собравъ ихъ во дворѣ и объявивъ имъ о заговорѣ граждан противъ него, сказалъ, что они прежде должны сдѣлаться его тѣлохранителями и спасти его, если желаютъ получить свои деньги. Купцы, не желая потерять денегъ, одни, взявъ оружіе, сдѣлались тѣлохранителями, а другіе—стражами дворца. Послѣ этого Левконъ, съ помощью этихъ купцовъ и самыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ, схватываетъ заговорщиковъ, казнивъ которыхъ, возвращаетъ купцамъ деньги".

Дѣйствительно, на эти извѣстія иначе нельзя смотрѣть, какъ на ходячіе анекдоты, потому что трудно допустить, чтобы противъ такого образцоваго правителя, какимъ былъ Левконъ, какъ по разсказамъ самого Поліэна, такъ и другихъ писателей, такъ много составлялось заговоровъ. Разсказъ же Поліэна о перечеканкѣ монеты, вѣроятно, позаимствованъ изъ правленія Левкона II-го и только измѣненъ примѣнительно къ Левкону I-му, чтобы охарактеризовать его находчивость, о чемъ, впрочемъ, мы скажемъ ниже, когда будемъ излагать правленіе Левкона II-го.

Еще болѣе благопріятный отзывъ о Левконѣ даетъ Діонъ Хрисостомъ [1]), который называетъ его государемъ мужественнымъ, человѣколюбивымъ, милостивымъ къ своимъ подданнымъ, чтителемъ добродѣтели, безпокоившимся о томъ, чтобы не оказаться хуже кого-нибудь изъ хорошихъ людей, и опорой сла-

[1]) Dionis Chrysostomi Oratio II de regno, edit. Dindorfii, Lipsiae 1857 p. 37—38.

быхъ. Съ этимъ отзывомъ Діона согласуется отзывъ Хрисиппа [1]), на который ссылается также и Стравонъ [2]). Хрисиппъ говоритъ, что Левконъ былъ мудрымъ правителемъ и при дворѣ его господствовала строгая дисциплина и добрые нравы, что подтверждается и показаніемъ Энея [3]) о томъ, что Левконъ, тираннъ Воспора, уволилъ отъ службы нѣкоторыхъ тѣлохранителей, впавшихъ въ долги или вслѣдствіе игры въ кости или вслѣдствіе другихъ пороковъ.

Примѣчаніе. Сабатье [4]), слѣдуя мнѣнію Седильо, считаетъ этого Левкона—Левкономъ II-мъ, при чемъ сознается, что онъ не знаетъ источниковъ, по которымъ онъ устанавливаетъ время правленія Перисада I-го, Левкона I-го и Сагавра. Дѣйствительно, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній къ тому, почему Спартокидовъ Левкона и Перисада нужно считать вторыми, какъ сдѣлано это у Сабатье.

Тирьонъ [5]) и Орѣшниковъ [6]) считаютъ Горгиппа, который основалъ городъ Горгиппію, братомъ Левкона; но мы уже сказали выше о томъ, кто былъ этотъ Горгиппъ и приводили свои основанія.

Основываясь на словахъ Клавдія Эліана [7]) „ἡ τῶν Λευκωνιδῶν περὶ Βόσπορον“, свидѣтельствующихъ о томъ, что съ Левкона—Спартокиды получили новое названіе Левконидовъ, можно съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что время правленія Левкона было блестящее, такъ что Левконъ считается какъ бы вторымъ основателемъ династіи.

---

1) Plutarchi. «Moralia» de Stoicorum repugnantiis c. XX TII p. 1276 edit. Dübneri, Paris. 1841.
2) Strab. lib. VII c. III § 8 p. 250 TI edit. M.
3) Aeneae. «Commentarius Poliorceticus» edit. Hercher. Berolini p. 13. 1870.
4) Сабатье. «Керчь и Воспоръ» стр. 32—34.
5) Thirion. «De civit., quae a Gr. in. Ch. T. con. fuerunt» p. 54.
6) Орѣшниковъ. «Б. Ким.» стр. 20.
7) Claudii Aeliani. «Varia historia» TII p. 82_{13} edit. Hercheri, Lipsiae 1866.

По смерти Левкона власть на Воспорѣ перешла къ двумъ его сыновьямъ Спартоку II и Перисаду I, которые и управляли государствомъ сообща [1]) съ 348/7 до 343/2 года, а съ 343/2 г. по смерти Спартока Перисадъ остался единственнымъ повелителемъ Воспора до 310/9 года. Діодоръ [2]), а за нимъ и всѣ новѣйшіе ученые до открытія надписи, которая будетъ приведена нами ниже, дѣлили это царствованіе на два, причемъ для правленія Спартока II-го удѣляли время отъ 353/2—348/7, а до 310/9 для Перисада; но о хронологіи правленій съ Сатира I-го до Перисада I-го нами уже сказано, когда было говорено о правленіи Сатира I-го.

Какъ видно изъ надписи 346 г., новые правители прежде всего послали въ Аѳины пословъ съ извѣщеніемъ о принятіи ими власти и подтвержденіемъ аѳинянамъ прежде дарованныхъ имъ льготъ. Считаю нелишнимъ въ этомъ мѣстѣ помѣстить переводъ этой замѣчательной надписи, которая проливаетъ много свѣта на запутанную исторію Воспора Киммерійскаго.

„Спартоку, Перисаду, Аполлонію—сыновьямъ Левкона—при архонтѣ Ѳемистоклѣ въ восьмую пританію эгійской филы, въ которой Лисимахъ, сынъ Сосидима, ахарнеецъ, былъ секре-

Σπαρτόκῳ Παιρισάδῃ
Ἀπολλωνίῳ Λεύκωνος παισί
Ἐπὶ Θεμιστοκλέους ἄρχοντος
ἐπὶ τῆς Αἰγηΐδος ὀγδόης πρυτ-
ανείας, ᾗ Λυσίμαχος Σωσιδήμ-

[1]) Sylloge Inscrip. Graec. edit. Dittenberger p. 171. Надпись представляетъ колонну изъ пенteликскаго мрамора; въ верхней части колонны изображены три мужескія фигуры—двѣ въ сидячемъ положеніи, а одна стоя. Надпись эта найдена въ Пиреѣ и издана Кумануадисомъ въ Аѳинеонѣ т. VI 1877 г.

[2]) Diodor. Sicul. lib. XVI c. 31 p. 36 edit. B. Tm и c. 52 p. 60.

таремъ, Θеофилъ, алимузіецъ, былъ предсѣдателемъ пританов, Андротіонъ, сынъ Андрона, изъ гаргитскаго дома предложилъ относительно того, о чемъ просятъ Спартокъ и Перисадъ и о чемъ возвѣщаютъ пришедшіе отъ нихъ послы, дать отвѣтъ, что народъ аѳинскій хвалитъ Спартока и Перисада за то, что они хорошіе люди и объявляютъ народу аѳинскому, что они будутъ заботиться о высылкѣ хлѣба, подобно тому, какъ заботился ихъ отецъ, и что они охотно будутъ помогать, если въ чемъ будетъ нуждаться народъ; послы должны объявить имъ, что они, поступая такимъ образомъ, всего достигнутъ отъ аѳинскаго народа. А такъ какъ они даютъ аѳинянамъ подарки такіе же, какіе дали Сатиръ и Левконъ, то и для Спартока и Перисада быть такимъ же подаркамъ, какіе далъ народъ Сатиру и Левкону,—увѣнчать ихъ на великихъ па-

ου 'Αχαρνεὺς ἐγραμμάτευεν, Θεόφιλος 'Αλιμούσιος ἐπεστάτει, 'Ανδροτίων "Ανδρωνος Γαργήττιος εἶπεν· περὶ ὧν ἐπέστειλε Σπάρτοκος καὶ Παιρισάδης καὶ οἱ πρέσβεις οἱ ἥκοντες παρ' αὐτῶν ἀπαγγέλλουσιν, ἀποκρίνασθαι αὐτοῖς, ὅτι ὁ δῆμος ὁ 'Αθηναίων ἐπαινεῖ Σπάρτοκον καὶ Παιρισάδην ὅτι εἰσὶν ἄνδρες ἀγαθοὶ καὶ ἐπαγγέλλονται τῷ δήμῳ τῷ 'Αθηναίων ἐπιμελήσεσθαι τῆς ἐκπομπῆς τοῦ σίτου, κάθαπερ ὁ πατὴρ αὐτῶν ἐπεμελεῖτο καὶ ὑπηρετήσειν προθύμως ὅτου ἂν ὁ δῆμος δέηται, καὶ ἀπαγγέλλειν αὐτοῖς τοὺς πρέσβεις, ὅτι ταῦτα ποιοῦντες οὐδενὸς ἀτυχήσουσιν τοῦ δήμου τοῦ 'Αθηναίων· ἐπειδὴ δὲ τὰς δωρειὰς διδόασιν 'Αθηναίοις, ἅσπερ Σάτυρος καὶ Λεύκων ἔδοσαν, εἶναι Σπαρτόκῳ καὶ Παιρισάδει τὰς δωρειάς, ἃς ὁ δῆμος ἔδωκε Σατύρῳ καὶ Λεύκωνι, καὶ στεφανοῦν χρυσῷ στεφάνῳ Παναθη-

наѳинеяхъ золотымъ вѣнкомъ—цѣною по 1000 драхмъ каждый. Вѣнки же эти сдѣлать аѳлоѳетамъ за годъ до великихъ панаѳиней, согласно постановленію народа, состоявшемуся ранѣе относительно Левкона, и объявить, что аѳинскій народъ увѣнчиваетъ Спартока и Перисада, дѣтей Левкона, за ихъ добродѣтель и за ихъ расположеніе къ народу аѳинскому. А такъ какъ они посвящаютъ вѣнки Аѳинѣ Поліадѣ, то аѳлоѳетамъ—положить эти вѣнки въ храмѣ съ слѣдующей надписью: Спартокъ и Перисадъ, дѣти Левкона, увѣнчанные народомъ аѳинскимъ, посвятили Аѳинѣ. А такъ какъ деньги на эти вѣнки аѳлоѳетамъ даетъ казначей народа изъ суммъ, ассигнуемыхъ народу на расходы, сообразно съ его постановленіями, то въ настоящемъ случаѣ—выдать аѳлоѳетамъ деньги

ναίοις τοῖς μεγάλοις ἀπὸ χιλίων δραχμῶν ἑκάτερον· ποιεῖσθαι δὲ τοὺς στεφάνους το- ὺς ἀθλοθέτας τῷ προτέρῳ ἔτει Παναθηνα- ίων τῶν μεγάλων κατὰ τὸ ψήφισμα τοῦ δήμου τὸ πρότερον ἐψηφισμένον Λεύκωνι καὶ ἀνα- γορεύειν, ὅτι στεφανοῖ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων Σπάρτοκον καὶ Παρισάδην τοὺς Λεύκωνος παῖδας ἀρετῆς καὶ εὐνοίας ἕνεκα τῆς εἰς τ- ὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων· ἐπειδὴ δὲ τοὺς στεφ- άνους ἀνατιθέασι τῇ Ἀθηνᾷ τῇ Πολιάδι, τοὺς ἀθλοθέτας εἰς τὸν νεὼ ἀνατιθέναι το- ὺς στεφάνους, ἐπιγράψαντας· Σπάρτοκος καὶ Παιρισάδης Λεύκωνος παῖδες ἀνέθεσα- ν τῇ Ἀθηναίᾳ, στεφανωθέντες ὑπὸ τοῦ δήμ- ου τοῦ Ἀθηναίων· τὸ δὲ ἀργύριον διδόναι το- ῖς ἀθλοθέταις εἰς τοὺς στεφάνους τὸν τοῦ δήμου ταμίαν ἐκ τῶν εἰς τὰ κατὰ ψηφίσματα τῷ δήμῳ μεριζομένων· τὸ δὲ νῦν εἶναι παρ

на эти вѣнки изъ военной кассы; секретарю же совѣта написать это рѣшеніе на каменной колоннѣ и поставить вблизи колонны Сатира и Левкона; на надпись же эту казначею народа выдать тридцать драхмъ. Поблагодарить пословъ Сосиса и Өеодосія за то, что они заботятся о пріѣзжающихъ изъ Аөинъ въ Воспоръ и пригласить ихъ для угощенія на другой день въ пританій. Проедрамъ же—которымъ выпадетъ жребій засѣдать въ народѣ 18-го елафиволіона, тотчасъ же послѣ религіозныхъ дѣлъ разсуждать о томъ, какъ бы сыновья Левкона получили деньги, которыя задолжалъ имъ народъ, чтобы они не стали упрекать народъ аөинскій, не получивъ денегъ. Дать моряковъ, которыхъ просятъ Спартокъ и Перисадъ; посламъ же переписать имена моряковъ, которыхъ они возьмутъ,

---

αδοῦναι, τοὺς ἀποδέκτας τὸ εἰς τοὺς στεφάνους ἐκ τῶν στρατιωτικῶν χρημάτων· ἀναγράψαι δὲ τὸ ψήφισμα τόδε τὸν γραμματέα τῆς βουλῆς ἐν στήλῃ λιθίνῃ καὶ στῆσαι πλησίον τῆς Σατύρου καὶ Λεύκωνος· ἐς δὲ τὴν ἀναγραφὴν δοῦναι τὸν ταμίαν τοῦ δήμου τριάκοντα δραχμάς· ἐπαινέσαι δὲ τοὺς πρέσβεις Σῶσιν καὶ Θεοδόσιον, ὅτι ἐπιμελοῦνται τῶν ἀφικνουμένων Ἀθήνηθεν εἰς Βόσπορον, καὶ καλέσαι αὐτοὺς ἐπὶ ξένια εἰς τὸ πρυτανεῖον εἰς αὔριον· περὶ δὲ τῶν χρημάτων τῶν ὀφειλομένων τοῖς παισὶ τοῖς Λεύκωνος ὅπως ἂν ἀπολάβωσιν χρηματίσαι τοὺς προέδρους οἳ ἂν λάχωσι προεδρεύειν ἐν τῷ δήμῳ τῇ ὀγδόῃ ἐπὶ δέκα πρῶτον μετὰ τὰ ἱερά, ὅπως ἂν ἀπολαβόντες τὰ χρήματα μὴ ἐγκαλῶσι τῷ δήμῳ τῷ Ἀθηναίων· δοῦναι δὲ τὰς ὑπηρεσίας ἃς αἰτοῦσι Σπάρτοκος καὶ Παιρισάδης τοὺς δὲ πρέσβεις ἀπογράψαι τὰ ὀνόματα τῶν

для секретаря совѣта; тѣмъ же, которыхъ перепишутъ послы, насколько хватитъ силъ, лучше исполнять приказанія сыновей Левкона. П......ος, сынъ Тимократа, кріоней, сдѣлалъ добавку въ предложеніи Андротіона: увѣнчать Аполлонія, сына Левкона...."

ὑπηρεσιῶν ὧν ἂν λάβωσιν τῷ γραμματεῖ τῆ ς βουλῆς, οὓς δ'ἂν ἀπογράψωσιν εἶναι ἐν τῷ τεταγμένῳ ποιοῦντας ἀγαθὸν ὅ τι ἂν δύνω νται τοὺς παῖδας τοὺς Λεύκωνος. Π... ος Τιμοκράτους Κριωνεὺς εἶπε· τὰ μὲν ἄλλακ αθάπερ Ἀνδρωτίων, στεφανῶσαι δὲ καὶ Ἀπολ λώνιον τὸν Λεύκωνος υἱὸν ἐκ τῶν...

Объ Аполлоніи больше ничего не извѣстно. По всей вѣроятности, онъ добровольно отказался отъ власти въ пользу своихъ братьевъ, потому что едва ли бы, въ противномъ случаѣ, аѳиняне рѣшились сдѣлать почетныя постановленія въ его пользу; а если бы онъ пользовался равною властью со своими братьями, то нельзя тогда ничѣмъ объяснить того факта, что про него, какъ бы забыли сначала, а потомъ только, въ концѣ постановленія, будто вспомнивъ про его существованіе, сдѣлали упоминаніе и о немъ. Такимъ образомъ, изъ этой надписи мы видимъ, что Спартокъ II-й и Перисадъ I-й, какъ и отецъ ихъ Левконъ, пользовались правомъ аѳинскаго гражданства и ателіей.

Перисадъ I-й, сдѣлавшись чрезъ 5 лѣтъ по смерти брата Спартока II-го единоличнымъ правителемъ Воспора, продолжалъ оказывать свое расположеніе аѳинянамъ. Такъ, изъ рѣчи Димосѳена [1]), относящейся къ 330 г., мы узнаемъ, что Перисадъ издалъ указъ, по которому всякій, покупающій хлѣбъ для аѳинской гавани, не платилъ пошлинъ. Благодарные аѳи-

---

[1]) Demosth. Πρὸς Φορμίωνα § 36 p. 316 Tn edit. B.

няне за услуги Перисада I-го по старанію Димосеена, котораго Динархъ [1]) упрекаетъ въ томъ, что будто бы онъ былъ подкупленъ тираннами Воспора, которые посылали будто ему по 1000 медимновъ пшеницы въ годъ, поставили на площади мѣдные памятники въ честь Перисада I-го, сына его Сатира II-го и тестя Горгиппа.

Кромѣ аеинянъ, Перисадъ I-й имѣлъ сношенія съ городомъ Амисомъ въ Малой Азіи, отдѣльнымъ гражданамъ котораго онъ давалъ проксенію и ателію; такъ мы имѣемъ надпись [2]), въ которой говорится, что Перисадъ и дѣти его дали

[1]) Dinarch. Κατὰ Δημοσθένους p. 162—43 edit. M. Tu.
. . . ἢ τὸ χαλκοῦς ἐν ἀγορᾷ στῆσαι Βirισάδην καὶ
Σάτυρον καὶ Γόργιππον τοὺς ἐκ τοῦ Πόντου
τυράννους παρ'ὧν αὐτῷ χίλιοι μέδιμνοι τοῦ
ἐνιαυτοῦ πυρῶν ἀποστέλλονται....

[2]) C-Rendu de la com. imperial. archéolog. 1865 г. p. 205 № 3. Надпись эта представляетъ плиту бѣлаго мрамора длиною 6$^1/_2$ в., шириною 4$^1/_2$ в., толщиною 2 в., сверху украшена карнизомъ, а съ праваго бока обломана.

Βότρι Διονυσίου Πειραεῖ προξενία
Παιρισάδης καὶ παῖδες Βότρυ
Διονυσίου Πειραεῖ καὶ ἐγκόνοις
ἔδοσαν προξενίαν καὶ ἀτέλειαν
πάντων χρημάτων ἐν παν-
τὶ Βοσπόρῳ αὐτοῖς καὶ χρήμασιν
τοῖς τούτων καὶ εἴσπλουν κ-
αὶ ἔκπλουν καὶ πολέμου καὶ
εἰρήνης ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεί.

Изъ этой надписи видно, что сыновья Перисада еще при жизни отца приняли участіе въ составленіи государственнаго акта. Ботрисъ, къ которому относится этотъ декретъ, конечно, былъ гражданиномъ города Амиса, а не аеинскаго дима Пирея, потому что лицо, которое принадлежало къ этому диму, въ пантикапейскомъ декретѣ непремѣнно было бы названо аеинняниномъ. Да, кромѣ того, какъ мы уже видѣли изъ декрета аеинянъ 346 г., Перисадъ былъ гражданиномъ аеинскимъ. А что Амисъ носилъ имя Пирея, то объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующихъ словъ Стравона lib. XII с. III § 14. . . Ἀμισός, πόλις ἀξιόλογος, διέχουσα τῆς Σινώπης περὶ ἐνναχοσίους σταδίους φησὶ δ'αὐτὴν Θεόπομπος πρώτους Μιλησίους κτίσαι . . . .Καππαδόκων ἄρχοντα, τρίτον δ' ὑπ' Ἀθηνοκλέους ἐποικισθεῖσαν, Πειραιᾶ μετονομασθῆναι καὶ ταύτην δὲ κατέσχον οἱ βασιλεῖς, ὁ δ' Εὐπάτωρ ἐκόσμησεν ἱεροῖς καὶ προσέκτισε μέρος...

Ботрису, сыну Діонисія, пирейцу, и его потомкамъ—проксенію, ателію на всемъ Воспорѣ, свободный—безъ особыхъ условій въѣздъ и выѣздъ ненарушимо и во время войны и во время мира.

Во время правленія Перисада I-го Воспорское государство достигаетъ высокой степени могущества.

Этотъ могущественный правитель удачными войнами расширилъ предѣлы государства и царствовалъ надъ многими народами.

О постепенномъ расширеніи предѣловъ Воспорскаго государства мы можемъ судить по надписямъ. Такъ, въ одной надписи [1]) Перисадъ I-й названъ архонтомъ Воспора и Өеодосіи и царемъ синдовъ, торетовъ и дандаріевъ. Въ болѣе же поздней, чѣмъ эта, надписи онъ уже называется архонтомъ Воспора и Өеодосіи и царемъ синдовъ и всѣхъ мэотовъ; съ такимъ титуломъ мы имѣемъ три надписи [2]). Несмотря однако

---

[1]) Boeck. C. i. Gr. Tii p. 156 n. 2117. Надпись на известковомъ камнѣ въ 1' англ. длины, 8½" шир., 1'7" толщ. найдена 1819 г. Кёппеномъ около Фанагоріи.

Ξενοχλείδης Πόσιος ἀνέθηκε
τὸν ναὸν Ἀρτέμιδι ἀγροτέρᾳ
ἄρχοντος Παιρισάδευς τοῦ
Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδο-
σίης καὶ βασιλεύων Σίνδων
καὶ Τορετῶν καὶ Δανδαρίων.

[2]) Boeck. C. i. Gr. Tii p. 156 n. 2118. Надпись изъ бѣлаго мрамора найдена около города Тамани.

Μήστωρ Ἱπποσθένεος ὑπὲρ τοῦ πατρὸς
ἀνέθηκε Ἀπόλλωνι ἀγωνοθετήσας
ἄρχοντος Παιρισάδεος Βοσπόρου
καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων
καὶ Μαϊτῶν πάντων.

Ашикъ. «Воспор. Цар.» p. 57 № 7. Надпись на синеватомъ мраморѣ найдена въ Керчи 1833 г.

Ὁ δεῖνα Κοιράνου ἀνέθηκεν ὑπὲρ τῆς θυγατρὸς
Ἰτίης Ἀρτέμιδι Ἐφεσείῃ ἄρχοντος
Παιρισάδους Βοσπόρου καὶ Θευδοσίης καὶ βα-
σιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων.

Compte-Rendu de la com. imp. archéolog. 1865 p. 205 № 2.

на то, что въ этихъ надписяхъ онъ названъ царемъ всѣхъ мэотовъ, въ болѣе поздней, чѣмъ эта надпись,—послѣ словъ πάντων Μαϊτῶν добавлено еще и Θατέων, т. е. прибавленъ еще народецъ, относящійся къ мэотамъ [1]).

Наконецъ въ болѣе общихъ чертахъ показаны границы Воспорскаго государства при Перисадѣ I-мъ [2]). Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что Перисадъ I-й царствовалъ не надъ одними только азіатскими мэотами, какъ думаетъ Ашикъ [3]), но и надъ европейскими или, по крайней мѣрѣ, надъ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ пользу своего мнѣнія Ашикъ приводитъ то обстоятельство, что мэоты европейской стороны по-

---

Надпись сѣраго мрамора, длин. 1 ар. 2 в., выс. 15 в., толщ. 8 в., найдена около Керчи.

Σατυρίων Πανταίκου ἱερησάμενος
ἀνέθηκεν Ἀπόλλωνι ἰητρῷ
ἄρχοντος Παιρισάδεος Βοσπόρου
καὶ Θευδοσίης καὶ βασιλεύοντος
Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων.

1) Compte-Rendu de la com. imp. arch. 1875 p. 87. Надпись найдена въ Керчи выс. 7½ в., шир. 1 ар. 6 в., толщ. 15 в.

Φαινίππου Ἀ... καὶ
ἀδελφοῦ Ἀρτεμ...
ἄρχοντος Παιρισάδεος Θεοδο
σίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδω
ν καὶ Θατέων

Boeck. C. i. Gr. Tıı p. 157 n. 2119. Надпись изъ гранита; найдена около Фанагоріи.

Κομοσαρύη Γοργίππου θυγάτηρ, Παιρισάδους γυνὴ εὐξαμένη ἀνέθηκε ἰσχυρῷ θείῳ Σανεργεῖ καὶ Ἀστάρᾳ ἄρχοντος Παιρισάδους Βοσπόρου καὶ Θευδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων καὶ Θατέων.

Изъ этой надписи мы узнаемъ имя супруги Перисада—Комасаріи, которая была дочерью Горгиппа, о которомъ было сказано выше.

2) Boeck. C. i. Gr. Tıı p. 148 n. 2104. Надпись найдена въ 1823 г. около Керчи.

Εἰκόνα Φοίβῳ στῆσ' ἀντιστὰς Φανόμαχος Σόου
ἀθάνατον θνητῷ πατρὶ γέρας τελέσας
Παιρισάδεος ἄρχοντος ὅσην χθόνα τέρμονες ἄκροι
Ταύρων Καυκάσιός τ' ἐντὸς ἔχουσιν ὅροι.

3) Ашикъ. «Восп. Цар.» стр. 58.

виновались скиѳамъ. Дѣйствительно, Ксенофонтъ [1]) говоритъ, что мэоты въ Европѣ повиновались скиѳамъ, но если принять во вниманіе то обстоятельство, что Перисадъ велъ войну со скиѳами, о чемъ мы узнаемъ изъ Димосѳена [2]), и, во-вторыхъ, что Перисадъ, какъ передаетъ Стравонъ [3]), былъ причисленъ къ числу боговъ, вѣроятно, за то, что онъ возвеличилъ свое государство, то, не безъ основанія можно предположить, что и эту войну со скиѳами Перисадъ окончилъ съ успѣхомъ и принудилъ ихъ отказаться отъ власти надъ мэотами въ свою пользу. Бэкъ [4]) въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что едва ли даже и азіатскіе мэоты всѣ повиновались Перисаду, а въ другомъ— что слова πάντων Μαϊτῶν стояли только для пышности титула. Но если слова πάντων Μαϊτῶν принимать какъ сказанныя только для пышности титула, то окажется, что заслуги Перисада для государства, насколько мы объ этомъ можемъ судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, не такъ велики, чтобы за нихъ можно было причислить его къ числу боговъ, такъ какъ уже отецъ его Левконъ покорилъ синдовъ, торетовъ, дандаріевъ, псиссовъ и Ѳеодосію и, такимъ образомъ, на долю Перисада выпадаетъ только покореніе ѳатеевъ.

Вѣроятно, къ этому Перисаду относится извѣстіе, приводимое Поліэномъ [5]).

Перисадъ, царь Понта, по Поліэну, въ одной одеждѣ дѣлалъ смотръ войскамъ, въ другой шелъ походомъ на непріятелей и въ третьей, въ случаѣ неудачи, бѣжалъ съ поля битвы, такъ какъ онъ желалъ, чтобы на смотрахъ всѣ его видѣли, въ походахъ никто изъ непріятелей его не зналъ, а во время бѣгства никто ни изъ людей, близкихъ къ нему, ни

[1]) Xenoph. Memorabilia, edit. Dindorfii, Lipsiae 1875 г. lib. II c. I. p. 36.
[2]) Demosth. πρὸς Φορμίωνα § 8 TII p. 310 edit. B.
[3]) Strab. lib. VII c. IV § 4 p. 257 edit. M. et D. TI.
[4]) Boeck. C. i. Gr. TII p. 101 et. p. 97.
[5]) Polyaeni Strategic. lib. VII § 37 p. 253 edit. W.

изъ враговъ не могъ узнать его. И дѣйствительно, Перисадъ I-й могъ принимать такія мѣры предосторожности, тѣмъ болѣе что онъ, вѣроятно, велъ много войнъ со скиѳскими и мэотскими племенами.

О правленіи дѣтей Перисада я буду излагать по Діодору [1]).

По смерти Перисада I-го въ 310/9 году дѣти его начали междоусобную войну изъ-за престола,—то были Евмелъ, Сатиръ и Пританисъ. Сатиръ II-й, будучи старшимъ братомъ—по смерти отца занялъ его мѣсто. Евмелъ же, заключивъ союзъ съ сосѣдними варварами и собравъ сильное войско, сталъ

Примѣчаніе. Положительно становишься втупикъ и не знаешь, что думать относительно труда г. Спасскаго „Босф. Киммер.“. Онъ, во-первыхъ, говоритъ на стр. 48: „Спартокъ III-й или даже IV-й“, такъ называетъ онъ сына Левкона I-го, „царствовалъ до 283 г.“ и, во-вторыхъ, царствованіе Перисада, такъ сказать, разлагаетъ на два царствованія—Перисада I-го, сына Левкона, и Перисада II-го, сына Спартока III-го или IV-го, при чемъ Перисаду I-му, по Спасскому, совершенно не находится времени для правленія, потому что послѣ Левкона, очевидно, сталъ править, по его мнѣнію, Спартокъ III-й или IV-й, старшій его сынъ, а послѣ Спартока III-го или IV-го, какъ говоритъ самъ Спасскій на стр. 50, царствовалъ съ 284 г. уже Перисадъ II-й, сынъ Спартока. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, когда же наконецъ правилъ Перисадъ I-й, сынъ Левкона. Но Спасскій про Спартока говоритъ просто „царствовалъ“, а про Перисада I-го „былъ царемъ на азіатской сторонѣ и архонтомъ на европейской“; на основаніи этихъ словъ можно подумать, что Спасскій на европейской сторонѣ допускаетъ въ одно и то же время царя и архонта, такъ какъ время правленія Перисада I-го онъ не отмѣчаетъ.

Но удивительнѣе всего и ничѣмъ необъяснимы слѣдующія

[1]) Diodor. Sicul. lib. XX c. 22—27 p. 469—475 edit. B.

оспаривать у брата царство. Узнавъ объ этомъ, Сатиръ выступилъ противъ него съ сильнымъ войскомъ и, перейдя рѣку Тапсъ [1]) и будучи уже близко отъ непріятелей, окружилъ войско боевыми колесницами, которыхъ у него было много; затѣмъ, выстроивъ свое войско въ боевой порядокъ, самъ принялъ команду надъ средней шеренгой, по обычаю скиѳовъ. Вмѣстѣ съ нимъ выступили въ походъ и греческіе наемники числомъ около 2,000 человѣкъ, ѳракійцевъ было столько же; кромѣ того, въ союзѣ съ нимъ были скиѳы, числомъ около 20,000 человѣкъ, не меньше же было у него и конницы. Союзникомъ же Евмела былъ Арифарнъ (Ἀριφάρνης), царь ѳракійскій, съ конницей въ 20,000 челов. и пѣхотой 22,000 челов. Между братьями произошла кровопролитная битва, въ которой Сатиръ, командуя отборнымъ войскомъ и

слова г. Спасскаго на стр. 48: „Спартокъ III-й или IV-й умеръ въ 283 г.“—на стр. 50: „Перисадъ II-й началъ править съ 284 г.“ и на стр. 51: „этотъ же Перисадъ II-й былъ современникомъ 14 лѣтъ Филиппу Македонскому, Александру Великому во все его непродолжительное царствованіе и болѣе 13 лѣтъ Лисимаху“?!!

Де-Бозъ *) Сатира и Горгиппа, о которыхъ упоминаетъ Динархъ **), называя ихъ τοὺς ἐκ τοῦ Πόντου τυράννους, считаетъ дѣтьми Левкона и братьями Перисада, съ которыми послѣдній, по его мнѣнію, долженъ былъ подѣлиться властью. Но, слѣдуя мнѣнію Бэка ***), гораздо справедливѣе считать Сатира этого—сыномъ Перисада, а Горгипа тестемъ его; а что касается того, что они названны тираннами, то объ этомъ было нами сказано выше.

---

[1]) Θάφιν alii Θάτην.

*) Археолого-Нумизматическій Сборникъ изд. Спасскимъ стр. 15 «О царяхъ В. К.».

**) Dinarch. κατὰ Δημοσθένους p. 162_{73} edit. M. Tn.

***) Boeck. C. i. Gr. Tn/1 p. 93.

вступивъ въ кавалерійское сраженіе съ конницей Арифарна, стоявшей противъ него, въ срединѣ непріятельскаго войска, послѣ упорнаго сопротивленія, съ большимъ урономъ съ той и другой стороны, обратилъ въ бѣгство царя варваровъ. Въ то время, какъ Сатиръ былъ занятъ преслѣдованіемъ разбитаго непріятеля, ему донесли, что братъ его Евмилъ одержалъ побѣду на правомъ крылѣ и обратилъ въ бѣгство его наемниковъ. Сатиръ тотчасъ прекращаетъ преслѣдованіе, спѣшитъ на помощь къ своимъ и во второй разъ дѣлается виновникомъ побѣды. Весь непріятельскій лагерь обратился въ бѣгство, и теперь стало ясно, что Сатиръ и старшій по рожденію и болѣе храбрый, чѣмъ его братъ, достоинъ принять отцовскую власть. Войско же Арифарна и Евмила, разбитое въ этомъ сраженіи, укрылось въ царскій дворецъ. Этотъ дворецъ находился у рѣки Тапса, которая, обтекая эту страну и имѣя значительную глубину и крутые берега, дѣлаетъ дворецъ неприступнымъ. Тутъ же кругомъ замка находился густой лѣсъ, чрезъ который вели двѣ дороги, укрѣпленныя башнями и деревянными засѣками; около же замка было много болотъ, на которыхъ на сваяхъ были выстроены цѣлыя деревни.

При такой неприступности страны, Сатиръ прежде всего опустошилъ окрестности и выжегъ деревни, захвативъ въ нихъ много плѣнныхъ и добычи. Затѣмъ, рѣшивъ завладѣть дорогами и потерявъ на первой дорогѣ много людей при осадѣ укрѣпленій, принужденъ былъ отступить. Потомъ онъ дѣлаетъ нападеніе на другую дорогу, которая шла по болотамъ, и овладѣваетъ деревянными засѣками. Разбивъ эти укрѣпленія и перейдя рѣку, онъ занялся рубкой лѣса, чрезъ который лежалъ путь къ замку. Когда Сатиръ съ большой энергіей принялся за это дѣло, Арифарнъ, опасаясь, чтобы замокъ не былъ взятъ съ бою, очень упорно сталъ обороняться, такъ какъ единственное спасеніе онъ видѣлъ въ побѣдѣ. Съ этою цѣлью по обѣимъ сторонамъ дороги онъ разставляетъ

стрѣлковъ, которые легко могли ранить рубщиковъ лѣса, между тѣмъ какъ ихъ никто не могъ ни видѣть ни защищаться отъ ихъ стрѣлъ. Воины Сатира три дня рубили густой лѣсъ, пролагая путь съ большими усиліями. На четвертый день они уже приблизились къ стѣнамъ, поражаемые дождемъ стрѣлъ и неся большія потери. Тогда Менискъ, начальникъ наемниковъ, мужъ мудрый и храбрый, первый напалъ на стѣну, храбро вступилъ въ битву съ ея защитниками и въ то время, какъ онъ уже терялъ силы отъ массы враговъ, напиравшихъ на него, Сатиръ оказалъ ему помощь, но при этомъ самъ былъ раненъ копьемъ въ плечо; отъ этой раны съ наступленіемъ ночи Сатиръ и умеръ, процарствовавъ по смерти отца своего Перисада I-го только девять мѣсяцевъ. Менискъ же, начальникъ наемниковъ, снялъ осаду и отступилъ съ войскомъ въ городъ Гаргазу (Γάργαζαν), а отсюда по рѣкѣ онъ отвезъ тѣло царя въ Пантикапэонъ къ брату его Пританису, который, съ большою пышностью совершивъ похороны брата, поспѣшилъ въ Гаргазу. Евмилъ послалъ къ нему пословъ съ просьбой уступить ему часть государства, но Пританисъ, не обративъ на просьбу брата никакого вниманія, оставилъ въ Гаргазѣ гарнизонъ и поспѣшилъ въ Пантикапэонъ, чтобы упрочить за собою власть. Въ это время Евмилъ, съ помощью варваровъ, взялъ Гаргазу и много другихъ городовъ и мѣстечекъ; затѣмъ онъ въ одной битвѣ разбилъ Пританиса и, преградивъ ему всякій путь къ отступленію на перешейкѣ, около озера Мэотиды, принудилъ его согласиться на условія, по которымъ Пританисъ долженъ былъ сдать ему свое войско на капитуляцію и позволить Евмилу принять участіе въ управленіи страной.

Когда же Пританисъ, находясь въ Пантикапэонѣ, гдѣ былъ дворецъ царей Воспора, сдѣлалъ попытку снова захватить въ свои руки власть, то, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ бѣжать въ Кипы (Κήπους), гдѣ и былъ убитъ. Евмилъ

же по смерти брата, желая упрочить за собою власть, убилъ всѣхъ друзей, а также женъ Сатира и Пританиса и дѣтей, за исключеніемъ мальчика Перисада, сына Сатира, которому удалось верхомъ на лошади бѣжать изъ города къ скиѳскому царю Агару (Ἄγαρος). Затѣмъ Евмилъ, созвавъ въ народное собраніе гражданъ, негодовавшихъ на него за убіеніе своихъ родственниковъ, оправдался предъ ними въ этомъ избіеніи и возстановилъ отцовскую власть. Онъ далъ имъ ателію, которою пользовались ихъ предки, жители Пантикапэона; обѣщалъ освободить всѣхъ отъ налоговъ,—однимъ словомъ, обо многомъ онъ говорилъ, склоняя народъ на свою сторону. Потомъ благодѣяніями и законными поступками онъ заслужилъ у своихъ подданныхъ благорасположеніе и удивленіе за свою добродѣтель.

Діодоръ говоритъ, что туземцы вѣрили немного смѣшнымъ предсказаніямъ оракула о смерти Сатира и Евмила. Сатиру, какъ говорили они, было предсказано остерегаться мыши (τὸν μῦν), чтобы не погибнуть отъ нея. Поэтому онъ ни рабамъ ни свободнымъ гражданамъ своей страны не позволялъ носить этого имени и всѣми мѣрами старался уничтожать мышей, думая этимъ устранить отъ себя опасность. Но умеръ онъ, получивъ рану въ мышцу (εἰς τὸν μῦν); такимъ образомъ, предсказаніе оракула исполнилось.

Евмилу же предсказана была смерть отъ качающагося и подвижного дома; съ тѣхъ поръ онъ никогда не выходилъ изъ дому прежде, чѣмъ дѣти тщательно не разсмотрѣли крышу и фундаментъ дома; погибъ же онъ отъ навѣса, сдѣланнаго надъ повозкой. Однажды, возвращаясь поспѣшно изъ Синдики домой на какой-то праздникъ, онъ ѣхалъ въ четырехколесной крытой повозкѣ. На пути лошади его чего-то испугались (вѣроятно навѣса, такъ какъ самъ Діодоръ говоритъ, что Евмилъ погибъ διὰ τὴν ὀχουμένην ἐπὶ τοῦ τεθρίππου σκηνήν), и понесли повозку. Такъ какъ возница не могъ ихъ сдержать,

то Евмилъ, боясь, чтобы лошади не унесли его въ оврагъ, попытался выскочить, но, запутавшись мечомъ въ колесѣ, былъ стащенъ съ повозки и тотчасъ же умеръ.

Евмилъ былъ очень дѣятельнымъ правителемъ и въ теченіе своего правленія, продолжавшагося пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ—съ 309—304/3 г., успѣлъ много сдѣлать добра, такъ что слава объ его великодушіи и его благодѣяніяхъ, по словамъ Діодора, распространилась не только по его царству, но почти по всей вселенной. Онъ постоянно осыпалъ благодѣяніями византійцевъ, жителей Синопа и другихъ грековъ, живущихъ на

Примѣчаніе. Кёлеръ *) думаетъ, что междоусобная война между братьями происходила на европейской сторонѣ и что царскій дворецъ, куда скрылись Евмилъ и Арифарнъ, разбитые Сатиромъ II-мъ, принадлежалъ не Арифарну, а правителямъ Воспора и находился на нынѣшней горѣ Опукѣ; здѣсь же, по его мнѣнію, протекала и рѣка Θάτης; Гаргаза же, по его мнѣнію, лежала къ западу отъ Пантикапэона **), около бывшей турецкой крѣпости Арабатъ. Но мнѣ кажется, что мнѣніе Бэка относительно этого вопроса гораздо справедливѣе. Бэкъ ***) говоритъ, что война была не на европейской сторонѣ Воспора, а на азіатской. Вотъ вкрацѣ основанія, приводимыя имъ для подтвержденія своего мнѣнія. Во-первыхъ, не замѣчается никакихъ слѣдовъ ни лѣсовъ, ни болотъ, ни

*) H. K. E. Köhlers „Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von Ludolf Stephani, Band II St.-Petersburg 1850 S. 150. Die eben berührte Verwechselung des Schloßes des Bosporus mit der nicht weit von ihr entfernten Stadt Theodosia, liefert einen gar nicht verwerflichen Nebenbeweis, daß jenes auf den Bergen vormals lag, der jetzt Opuck heißt. Denn wäre jenes Schloß nicht auf diesem Felsberg errichtet gewesen, wies hätte man es mit Theodosia verwechseln können.

**) Köhlers ibid. S. 188. So folgt offenbar, daß Gargasa westlich von Pantikapäum gelegen haben müsse. S. 189... in der Nähe der vormals türkischen Festung Arabat, nur ein wenig mehr westlich...

***) Boeck. C. i. G. TII/I p. 103 и 104.

Понтѣ. Онъ не только далъ убѣжище 1000 каллатіанамъ (жители города Κάλλατις), которые, осажденные Лисимахомъ и терпя крайнюю нужду, оставили свою страну, но и позволилъ имъ

рѣки около горы Опука, о которыхъ упоминаетъ Діодоръ. Во-вторыхъ, не вѣроятно, чтобы Евмилъ имѣлъ отдѣльный дворецъ около Опука, тогда какъ дворецъ правителей Воспора находился въ Пантикапэонѣ, а потому, основываясь на словахъ Діодора, что разбитые Евмилъ и Арифарнъ убѣжали въ „царскій дворецъ", Бэкъ считаетъ этотъ дворецъ—дворцомъ Арифарна, такъ какъ его Діодоръ называетъ царемъ, а Евмила не называетъ этимъ именемъ; а если дворецъ этотъ принадлежалъ Арифарну, то онъ не могъ находиться около Θеодосіи, въ предѣлахъ Воспорскаго государства. Въ-третьихъ, странно, говоритъ Бэкъ, что ни разу не упомянута Θеодосія, славный городъ, если только война велась около этого города. По разсказу Діодора скорѣе можно предположить, что война происходила на азіатской сторонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели Сатиръ могъ бы спокойно смотрѣть на то, что братъ его Евмилъ по сосѣдству съ Пантикапэономъ собираетъ столь громадную армію? Если допустимъ, что Евмилъ собиралъ войска на европейской сторонѣ и около Θеодосіи, то почему мы не находимъ у Діодора упоминанія ни о скиθахъ среди его войскъ ни о греческихъ наемникахъ, между тѣмъ какъ тотъ же авторъ говоритъ, что въ войнѣ Сатира были и греческіе наемники и скиθы. Далѣе Діодоръ говоритъ, что, разбивъ брата и подступивъ къ замку, Сатиръ опустошилъ „непріятельскую землю", сжегъ деревни и захватилъ много плѣнныхъ и добычи; очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ о странѣ Арифарна, а не о Воспорскомъ государствѣ, такъ какъ оно для Сатира не было страною непріятельской. Потомъ изъ словъ Діодора видно, что Сатиръ умеръ на 9 мѣсяцѣ своего правленія, слѣдовательно, отсюда можно заключить, что походъ занялъ очень много вре-

основать городъ и, сверхъ того, раздалъ имъ участокъ земли, такъ называемый Ψόαν; очистилъ море отъ пиратовъ-иніоховъ, тавровъ и ахейцевъ; присоединилъ къ своему государству много

мени, и это не удивительно, потому что много войскъ надо было переправить въ Азію и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ. Затѣмъ Пританисъ, по смерти брата явившись въ Гаргазу и оставивъ тамъ гарнизонъ, неужели могъ оставаться спокойнымъ въ Пантикапэонѣ и не поспѣшить подать помощь осажденной Евмиломъ Гаргазѣ, если она была близко отъ Пантикапэона. Кромѣ того, Бэкъ ссылается на Птоломея (Geogr. V. 9), который на азіатской сторонѣ помѣщаетъ городъ Герусу (Γέρουσα) и рѣку Псатъ (Ψάτης); эту Герусу и Псатъ онъ считаетъ за Гаргазу и Тапсъ, что очень возможно, такъ какъ греки обыкновенно передѣлывали варварскія собственныя имена на свой ладъ. Далѣе, кажется невѣроятнымъ, чтобы память о Гаргазѣ совершенно исчезла, такъ какъ Страбонъ, которому очень хорошо былъ извѣстенъ Херсонисъ, не упомянулъ объ этомъ городѣ. Наконецъ, Пританисъ, выступивъ походомъ на брата, былъ отрѣзанъ отъ Пантикапэона на перешейкѣ около озера Мэотиды; если бы Гаргаза лежала близъ Арабата, то, прежде чѣмъ дойти до перешейка, Пританисъ долженъ былъ завладѣть городами и крѣпостями, которыя уже были взяты Евмиломъ; но объ этомъ Діодоръ ничего не говоритъ. Считаю эти доводы достаточно убѣдительными, что война происходила на азіатской сторонѣ, а не на европейской.

У Діодора сказано, что Арифарнъ былъ царемъ ѳракійцевъ, но Бэкъ предлагаетъ читать не ѳракійцевъ (ὁ τῶν Θρᾳκῶν), а ѳатеевъ (ὁ τῶν Θατέων), на томъ основаніи, что, во-первыхъ, Ѳракія слишкомъ была удалена отъ Воспора и что 42,000 ѳракійцевъ очень трудно было провести въ Азію; во-вторыхъ, Арифарнъ—имя скорѣе не ѳракійское, а или персидское или мидійское, мэоты же и савроматы обыкновенно

смежныхъ варварскихъ земель, чѣмъ еще болѣе прославилъ свое царствованіе; намѣревался также покорить всѣ народы, жившіе у Понта, но смерть пресѣкла его планы.

носили или персидскія или мидійскія имена; въ-третьихъ, Діодоръ прямо говоритъ, что Евмилъ заключилъ союзъ πρός τινας τῶν προςχώρων βαρβάρων, такъ что подъ сосѣдними варварами скорѣе нужно подразумѣвать—племена мэотскія, въ числѣ которыхъ были и ѳатеи. Главною причиною заблужденія Кёлера по этому вопросу послужило то обстоятельство, что онъ фактъ смерти Сатира подъ Ѳеодосіей относитъ не къ Сатиру I-му, а къ Сатиру II-му *).

Сабатье **) также слѣдуетъ мнѣнію Кёлера и, кромѣ того, рѣчи Исократа и Лисія онъ относитъ къ этому Сатиру, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить.

Спасскій ***) предъ правленіемъ Сатира II-го и Евмила помѣщаетъ какого-то Левкона II-го, „извѣстнаго только изъ упоминанія о немъ Кёлера“ (sic!), но и этому Левкону II-му, какъ и Перисаду I-му у Спасскаго рѣшительно нѣтъ ни времени ни мѣста для правленія, потому что, какъ мы уже видѣли, послѣ Перисада правилъ 9 мѣсяцевъ Сатиръ II-й, а потомъ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ—Евмилъ, а послѣ Евмила правилъ сынъ его Спартокъ III-й, по Діодору 20 лѣтъ, такъ что никакого Левкона II-го послѣ правленія Перисада I-го мы не встрѣчаемъ около 26 лѣтъ.

---

*) Köhlers Band II S. 150. „Theodosia ist ein Ort der nahe an den Skythen liegt, bei dessen Belagerung Satyrus starb“. Dieselbe Bemerkung wird im Wörterbuche des Photius mitgetheilt. Da es nun gar sehr unwahrscheinlich ist, daß Satyrus I bei der Belagerung von Theodosia geblieben sei, Satyrus II aber an den Wunde, die er bei dem Sturme der unweit Theodosia gelegenen Feste des Bosporus erhielt, starb, so ist im Gegentheil sehr einleuchtend, daß der Ausleger des Demosthenes und so weiter...

**) Сабатье. «Керчь и Воспоръ» стр. 45.

***) Спасскій. «Б. К.» стр. 51.

По смерти Евмила правителемъ Воспора сталъ сынъ его Спартокъ III-й съ 304 по 285/4 годъ [1]).

Въ нѣсколькихъ надписяхъ [2]) мы находимъ упоминаніе о немъ, какъ о сынѣ Евмила. Но самый важный памятникъ, проливающій много свѣта на это царствованіе, представляетъ аѳинскій декретъ [3]) въ честь Спартока. Этотъ декретъ напи-

---

1) Diodor. Sicul. lib. XX c. C. p. 556 Tııı, edit. B.

2) Boeck, C. i. Gr. Tıı/ı p. 148. n. 2105. Надпись бѣлаго мрамора найдена на развалинахъ Пантикапэона, но не извѣстно, кѣмъ она была увезена въ Тамань, гдѣ и была списана Кёлеромъ.

— — σκις Μολπαγόρου ὑπὲρ Μοιροδώρου τοῦ υἱοῦ
ἀνέθηκε βασιλεύοντος Σπαρτόκου τοῦ Εὐμήλου.

n. 2106. Надпись, найденная въ 1824 г. на развалинахъ Пантикапэона близъ Керчи.

Ἡ δεῖνα τοῦ δεῖνος θυγάτηρ, Ἱπποσθένους γυνή, ἀνέ-
θηκε Δήμητρι Θεσμοφόρῳ, ἄρχοντος Σπαρτόκου τοῦ
Εὐμήλου.

n. 2120. Надпись на мраморной плитѣ, найденная въ Тамани и долго сохранявшаяся въ оградѣ Таманской церкви, гдѣ и списана Кёлеромъ.

Ἡ δεῖνα Φαιδίμου θυγάτηρ Σ.. Ρ... κου δὲ γυνή,
ἀνέθηκεν Ἀφροδίτῃ εὐξαμένη ἄρχοντος Σπαρτόκου τοῦ
Εὐμήλου Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος...

3) Corpus Inscriptionum Atticarum, edit. Ulrici Koehleri, Tıı/ı Berolini, 1877, n. 311 p. 133/4. Надпись имитскаго мрамора найдена въ аѳинскомъ акрополѣ и относится къ 286/5 до Р. X.

Ἐπὶ Διοτίμου ἄρχοντος ἐπὶ τῆς Ἀντιγονίδος ἑ-
βδόμης πρυτανείας, ᾗ Λυσίστρατος Ἀριστομά
χου Παιανιεὺς ἐγραμμάτευεν· Γαμηλιῶνος ἕνῃ
καὶ νέᾳ, ἐνάτῃ καὶ εἰκοστῇ τῆς πρυτανείας
ἐκκλησίᾳ· τῶν προέδρων ἐπεψήφιζε...
... οσθένου Ξυπεταιὼν καὶ συμπρόεδροι ἔδο-
ξεν τῷ δήμῳ. Ἀγύρριος Καλλιμέδοντος Κολλο-
τεὺς εἶπεν· ἐπειδὴ πρότερόν τε οἱ πρόγονοι οἱ
Σπαρτόκου χρείας παρέσχηνται τῷ δήμῳ καὶ
νῦν Σπάρτοκος παραλαβὼν τὴν εἰς τὸν δῆμον οἰ-
κειότητα κοινῇ τε τῷ δήμῳ χρείας παρέχε-
ται καὶ ἰδίᾳ Ἀθηναίων τοῖς ἀφικνουμένοις
πρὸς αὐτόν· ἀνθ' ὧν καὶ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων αὐτοὺς
πολίτας ἐποιήσατο καὶ ἐτίμησεν εἴκοσιν χαλκαῖς
ἔν τε τῇ ἀγορᾷ καὶ ἐν τῷ ἐμπορίῳ καὶ
ἄλλαις δωρεαῖς, αἷς προσήκει τιμᾶσθαι τοὺς
ἀγαθοὺς ἄνδρας καὶ διέθετο ἐάν τις βαδίζει

санъ былъ при архонтѣ аѳинскомъ Діотимѣ 286/$_5$ г., въ седьмую пританію Антигоновской филы въ мѣсяцѣ Гамиліонѣ. Эту надпись въ подлинникѣ я прилагаю въ примѣчаніи.

Изъ этой надписи видно, что Спартокъ, подобно своимъ

ἐπὶ τὴν ἀρχὴν τὴν τῶν προγόνων αὐτοῦ καὶ τὴν Σπαρτόκου βοηθεῖν παντὶ σθένει καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλασσαν· ἔτι δὲ Σπάρτοκος ἀφικομένης πρεσβείας παρ' Ἀθηναίων ἀκούσας ὅτι ὁ δῆμος κεκόμισται τὸ ἄστυ συνήσθη τοῖς εὐτυχήμασι τοῦ δήμου καὶ δέδωκεν σίτου δωρεὰν μυρίους καὶ πεντακισχιλίους μεδίμνους, ἐπαγγέλλεται δὲ καὶ εἰς τὸ λοιπὸν χρείαν παρέξεσθαι τῷ δήμῳ καὶ... ειν καθότι ἂν δύνηται καὶ ταῦτα πράττει προαιρούμενος διαφυλάττειν τὴν εὔνοιαν τὴν (εἰς τὸν δῆμον τὴν παραδεδομένην αὐτῷ παρὰ τῶν προγόνων· ὅπως ἂν οὖν φαίνηται ὁ δῆμος χάριτος μεμνημένος πρὸς τούς εὔνους διὰ τοῦ ἔμπροσθεν χρόνου διαμεμενηκότας αὐτῷ τύχῃ ἀγαθῇ δέδοχθαι τῷ δήμῳ ἐπαινέσαι μὲν τὸν βασιλέα Σπάρτοκον Εὐμήλου Βοσπόριον καὶ στεφανῶσαι χρυσῷ στεφάνῳ ἀπὸ δραχμῶν ἀρετῆς ἕνεκα καὶ εὐνοίας ἣν ἔχων διατελεῖ πρὸς τὸν δῆμον καὶ ἀνειπεῖν τὸν στέφανον Διονυσίων τῶν μεγάλων τραγῳδοῖς ἐν τῷ ἀγῶνι, τῆς δὲ ποιήσεως τοῦ στεφάνου καὶ τῆς ἀναγορεύσεως ἐπιμεληθῆναι τοὺς ἐπὶ τῇ διοικήσει· στῆσαι δ'αὐτοῦ καὶ εἰκόνα χαλκῆν ἐν τῇ ἀγορᾷ παρὰ τοὺς προγόνους καὶ ἑτέραν ἐν ἀκροπόλει· ὅπως ἂν δὲ καὶ εἰδῇ ὁ βασιλεὺς Σπάρτοκος τὰ ἐψηφισμένα τῷ δήμῳ, χειροτονῆσαι πρέσβεις τρεῖς ἄνδρας ἐξ Ἀθηναίων ἁπάντων, οἵτινες αἱρεθέντες ἀπαροῦσιν καὶ τό τε ψήφισμα ἀποδώσουσι καὶ ἀπαγγελοῦσι τὴν εὔνοιαν, ἣν ἔχει πρὸς αὐτὸν ὁ δῆμος καὶ παρακαλοῦσιν αὐτὸν... ειν τῷ δήμῳ καθότι ἂν δύνηται, δοῦναι δὲ ἐφόδια τῶν πρεσβείων ἑκάστῳ τὸ τεταγμένον· ὅπως ἂν δὲ καὶ ὑπόμνημα ᾖ τῆς οἰκειότητος καὶ τῶν δωρειῶν τῶν προστιθεμένων αὐτῷ πρὸς ταῖς ὑπαρχούσαις, τὸν γραμματέα τὸν κατὰ πρυτανείαν ἀναγράψαι τόδε τὸ ψήφισμα ἐν στήλῃ λιθίνῃ καὶ στῆσαι ἐν ἀκροπόλει, τὸ δὲ ἀνάλωμα τὸ γενόμενον μερίσαι τοὺς ἐπὶ τῇ διοικήσει.

Ὁ δῆμος.

предкамъ, оказывавшимъ много благодѣяній какъ вообще всѣмъ грекамъ, такъ въ частности и аѳинянамъ, заключилъ съ аѳинянами дружбу и обѣщалъ оказывать имъ всевозможныя выгоды; поэтому народъ аѳинскій, почтившій статуями и другими подарками предковъ Спартока, какъ и подобаетъ чтить хорошихъ людей, обѣщаетъ помогать и ему изо всѣхъ силъ и на сушѣ и на морѣ въ томъ случаѣ, если кто нападетъ на страну его и его предковъ. Спартокъ посылалъ аѳинянамъ хлѣбъ; такъ, онъ однажды послалъ имъ въ подарокъ 15,000 медимновъ хлѣба и объявилъ, что и на будущее время не будетъ забывать ихъ, соблюдая къ народу расположеніе, переданное ему отъ предковъ. Аѳиняне, получивъ такой подарокъ, рѣшили похвалить Спартока, царя Воспора, сына Евмилова, и увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ за его добродѣтель и расположеніе, которое онъ постоянно оказывалъ народу; вѣнокъ же этотъ рѣшили провозгласить на великихъ діонисіяхъ, на состязаніи трагическихъ поэтовъ; изготовленіе и провозглашеніе вѣнка было возложено на завѣдующаго государственною казною. Кромѣ того, аѳиняне рѣшили поставить ему двѣ статуи, одну на площади, вблизи статуй предковъ, а другую въ акрополѣ. Аѳиняне изъ своей среды выбрали трехъ пословъ и послали ихъ къ Спартоку передать ему это постановленіе народа и его расположеніе, а также попросить у него и на будущее время посильной помощи. Де-Бозъ на цѣлое столѣтіе раньше помѣщаетъ время правленія этого Спартока, но это очевидная несообразность. Онъ говоритъ, что правленіе Спартока, сына Евмила, кончилось за 389 лѣтъ до Р. Х., тогда какъ намъ извѣстно, что въ это время правилъ на Понтѣ Сатиръ I-й. Далѣе нѣтъ никакой возможности хронологически опредѣлить время правленія послѣдующихъ Спартокидовъ—со Спартока III-го до послѣдняго Перисада включительно, даже о порядкѣ правленія ихъ дѣлаются только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Такъ, на основаніи надписей можно

предположить, что послѣ Спартока III-го правилъ сынъ его Перисадъ II-й.

Этому Перисаду приписываются слѣдующія надписи:

1) „Леостратъ поставилъ (этотъ памятникъ) Димитрѣ въ честь брата своего Кратиса въ царствованіе Перисада, сына Спартока“ [1]).

2) „Въ царствованіе Перисада, сына Спартока, Естіея, дочь Минодора, посвящаемая поставила Фригійской матери [2]).

3) „Посвященіе памятника Ираклу сыномъ Тимогена въ правленіе Перисада, сына Спартока“ [3]).

4) „Царя Перисада, сына царя Спартока, родосцы: Иппоклъ и Доріей и Иппократъ, дѣти Агисарха, поставили всѣмъ богамъ“ [4]).

5) „Левконъ, сынъ Перисада, воздвигъ эту статую Аполлону-врачу, послѣ бытности своей жрецомъ, въ то время какъ Перисадъ, сынъ Спартока, былъ архонтомъ Воспора и Θеодосіи, царемъ синдовъ, всѣхъ мэотовъ и θатеевъ“ [4]).

---

[1]) Boeck. C. i. Gr. TII/I p. 149. Надпись на сѣроватомъ мраморѣ была вдѣлана въ мраморномъ полу церкви въ Керчи.
Βασιλεύοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου Λεώστρατος ὑ-
πὲρ τοῦ ἀδελφοῦ Κράτητος τοῦ δεῖνος Δήμητρι ἀνέθηκεν.

Бэкъ надписи съ формою Παιρισάδου относитъ къ Перисаду II-му и слѣд., тогда какъ всѣ съ формою Παιρισάδους или Παιρισάδεος къ Перисаду I-му, p. 92.

[2]) Boeck. C. i. Gr. TII/III p. 1001. Надпись бѣлаго мрамора съ сѣрыми и синими жилами—найдена вблизи Керчи. п. 2107 в.
Βασιλεύοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου Ἑστιαία
Μηνοδόρου θυγάτηρ ἱερωμένη ἀνέθηκεν μητρὶ Φρυγίᾳ.

[3]) Ibid. п. 2120 в. TII/I. Надпись изъ мрамора найдена есауломъ Пуленцовымъ около древней Фанагоріи.

Βασιλεύοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου
ὁ δεῖνα Τιμογένου
. . . κράτην Ἐπικράτου,
. . . Ἐπικράτης Κρητίνην
. . . Ἡρακλεῖ.

[4]) Ашикъ. «В. Ц.» p. 62. Надпись на мраморномъ пьедесталѣ, найденномъ въ Керчи въ 1842 г.

На основаніи этихъ надписей съ большою вѣроятностью можно заключить, что послѣ Спартока III-го нѣкоторое время на Понтѣ правилъ сынъ его Перисадъ II-й. Вѣроятно, при этомъ Перисадѣ, союзники Евмила, ѳатеи опять стали подданными воспорскихъ архонтовъ.

Нельзя съ увѣренностью сказать, кто правилъ непосредственно за этимъ Перисадомъ II-мъ. Различные ученые предлагаютъ различный порядокъ правленія, не приводя собственно никакихъ твердыхъ основаній. Большинство изъ нихъ опирается на различные типы монетъ, дошедшихъ до насъ отъ Спартокидовъ; но судя по тому, что одна и та же монета спеціалистами относится однимъ къ одному, а другимъ совершенно къ другому члену дома Спартокидовъ, можно считать эти основанія весьма шаткими и произвольными, а потому, не приводя мнѣній многихъ ученыхъ нумизматовъ по этому вопросу, я упомяну только о тѣхъ правителяхъ, имена которыхъ мы читаемъ на надписяхъ.

Такъ, въ одной надписи [1]) мы встрѣчаемъ имя Спартока, сына Перисада, котораго можно считать Спартокомъ IV-мъ (minimum). Можетъ-быть, этотъ Спартокъ былъ сыномъ Перисада II-го и братомъ Левкона II-го, каковымъ и признаетъ его Ашикъ [2]) по формулѣ, которою начинается эта надпись, и по формѣ буквъ. Объ этомъ Спартокѣ больше достовѣрнаго мы ничего не имѣемъ; но если принять во вниманіе замѣтку схоліаста Овидія и отнести ее къ Спартоку IV-му, то окажется, что онъ былъ убитъ своимъ братомъ. Схоліастъ гово-

Βασιλέα Παιρισάδην βασιλέως Σπαρτόκου Ἱπποκλῆς
καὶ Δωριεὺς καὶ Ἱπποκράτης Ἀγησάρχου
Ῥόδιοι ἀνέθηκαν θεοῖς πᾶσι.

[1]) Boeck. C. i. Gr. TII/II p. 1002. Известковый камень, найденный въ Керчи 1833 г.

Βασιλεύοντος Σπαρτόκου
Τοῦ Παιρισάδου Ἄγλαος
Ἡρακλείδου Διονύσῳ.

[2]) Ашикъ. «Восп. Цар.» p. 64.

ритъ (Ibid. v. 312): Левконъ, одинъ изъ царей понтійскихъ, умертвилъ Спартока, брата своего, побуждаемый женою этого послѣдняго; но когда захотѣлъ склонить ее къ преступной связи, то самъ былъ ею умерщвленъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что послѣ Спартока IV-го нѣсколько времени на Понтѣ правилъ братъ его Левконъ II-й. Разсказъ Поліэна [1]) о перечеканкѣ монеты и отзывы Аѳинея [2]) о какомъ-то Левконѣ не могутъ быть отнесены къ Левкону I-му, такъ какъ, по свидѣтельству очень многихъ древнихъ авторовъ [3]), тотъ былъ очень умнымъ, добрымъ и могущественнымъ правителемъ и совсѣмъ не нуждался въ такихъ мѣрахъ для увеличенія своихъ финансовъ.

Слѣдовательно, предположеніе о существованіи другого Левкона вполнѣ правдоподобно. Съ отзывомъ схоліаста Овидія объ этомъ Левконѣ согласуются отзывы Поліэна и Аѳинея. Отзывъ Поліэна мы уже приводили, когда говорили о Левконѣ I-мъ; Аѳиней же разсказываетъ, что Левконъ II-й сказалъ одному изъ окружающихъ его льстецовъ, клеветавшему на одного изъ числа его немногихъ друзей: „Я убилъ бы тебя, клянусь богами, если бы тираннія не нуждалась въ дурныхъ людяхъ".

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что Левконъ II-й былъ на Понтѣ самымъ дурнымъ правителемъ изо всѣхъ намъ извѣстныхъ Спартокидовъ.

Мнѣ кажется, что замѣтка схоліаста не совсѣмъ правдоподобна, а потому вполнѣ положиться на нее рискованно. Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не понятны для насъ отношенія Левкона къ женѣ брата, когда она сначала въ союзѣ съ Левкономъ убиваетъ своего мужа, а потомъ рисуется особой высокой нравственности. Быть-можетъ, что Левконъ былъ убитъ женою

1) Polyaeni Strategic. edit. Woelflin. p. 224.

2) Athenaeus. lib. VI c. LXXI p. 486, edit. Schweighaeuser. 1802. Tn.

3) Стр. 51 и 52 этого сочиненія.

своего брата, убитаго имъ, чему схоліастъ и старался пріискать болѣе или менѣе правдоподобную причину.

Наконецъ, одна надпись даетъ намъ еще имена Перисада и сына и преемника его Перисада IV-го minimum [1]). Вѣроятно царица Камасарія Младшая была матерью Перисада Филомитора, о чемъ можно заключить изъ сопоставленія словъ надписи Φιλομήτωρ и Φιλότεκνος и, по всей вѣроятности, Камасарія по смерти своего мужа, правителя Воспора, вышла въ другой разъ замужъ за Аргота, а править началъ сынъ ея Перисадъ. Сынъ Перисада III-го—Перисадъ IV-й былъ, можетъ-быть, послѣднимъ правителемъ изъ дома Спартокидовъ, послѣ котораго правилъ Миѳрадатъ [2]). Этотъ послѣдній Перисадъ, какъ мы можемъ судить по дошедшей до насъ надписи [3]), былъ убитъ своимъ воспитанникомъ Савмакомъ, царемъ скиѳскимъ, а вскорѣ же затѣмъ Діофантъ, вождь царя Миѳрадата, захвативъ съ помощью херсониситовъ царя Савмака, отослалъ

---

[1]) C-Rendu de la commis. impér. archéolog. an. 1877 p. 250 sqq. Надпись на известковомъ камнѣ найдена около Керчи—высота 1 ар. $6^1/_2$ вер., ширина 10 вер., толщина $4^1/_2$ вер.

Ὑπὲρ ἄρχοντος καὶ βασιλέως
Παιρισάδου τοῦ βασιλέως Παι-
ρισάδου φιλομήτορος καὶ βασι-
λίσσης Καμασαρύης τῆς Σπαρτό-
κου θυγατρὸς φιλοτέκνου καὶ
Ἀργότου τοῦ Ἰ... θου, βασιλίσ-
σης Καμασαρύης ἀνδρὸς, ὁ συνα-
γωγὸς Θεόκριτος Δημητρίου καὶ
οἱ θιασῖται ἀνέθηκαν τὴν στή-
λην Ἀφροδείτῃ Οὐρανίῃ, τοῦ Βοσπό
ρου Μεδεούσῃ.
Θεόκριτος Δημητρίου,
Παπίας Πα...
Στράτων Α...
Παπίας Θ...
Ἀλλι...

[2]) Въ послѣднее время въ наукѣ принято такое чтеніе.

[3]) В. В. Латышевъ. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. TI, С.-Петербургъ 1885 n. 185 p. 174 sqq.

его къ царю Миөрадату и, такимъ образомъ, доставилъ ему престолъ воспорскій.

Лукіанъ [1]) въ одномъ изъ своихъ діалоговъ упоминаетъ еще о двухъ правителяхъ Воспора—о Левканорѣ и Еввіотѣ, но эти лица учеными признаются вымышленными героями его разсказа, а не дѣйствительно существовавшими лицами.

Орѣшниковъ [2]), правда, на весьма шаткихъ основаніяхъ даетъ слѣдующій порядокъ правленія Спартокидовъ со Спартока III-го: Левконъ II-й, Перисадъ III-й, Перисадъ IV-й, Перисадъ V-й, Перисадъ VI-й, послѣдній изъ дома Спартова.

Сабатье [3]) Левканора и Еввіота помѣщаетъ тотчасъ за Спартокомъ, сыномъ Евмила, а потомъ говоритъ о Спартокѣ V-мъ, отцѣ Перисада III-го, или, по моему мнѣнію, Перисада II-го. Дальнѣйшій порядокъ правителей нѣсколько согласуется съ вышеприведеннымъ мною, только съ тою разницей, что Спартокъ IV-й у него названъ Спартокомъ III-мъ, а Левконъ II-й—Левкономъ III-мъ.

Глава V-ая.

О государственномъ устройствѣ на Воспорѣ.

Греки, основавшіе колоніи по сѣверному берегу Понта Евксинскаго, безъ сомнѣнія, держались такихъ же формъ правленія, какими они пользовались въ своемъ прежнемъ отечествѣ. Они, по всей вѣроятности, и здѣсь сходились въ народное собраніе, на которомъ рѣшали всѣ важнѣйшія дѣла и выбирали для себя особыхъ чиновниковъ, архонтовъ и другихъ; потомъ архонты со временемъ усилились и сдѣлались не только пожизненными, но даже наслѣдственными. Эти архонты, по всей вѣроятности, совѣщались съ народнымъ со-

---

1) Luciani. Sam. opera edit. Iacobitz Тп Lipsiae 1860. p. 290 sqq (Τόξαρις—§ 44 sqq).
2) Орѣшниковъ. «В. К.» стр. 28.
3) Сабатье. «К. и В.» стр. 36.

браніемъ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, а впослѣдствіи, можетъ-быть, со времени Спартокидовъ управляли самостоятельно, такъ что греческіе города только номинально пользовались свободой, а на самомъ дѣлѣ они вполнѣ зависѣли отъ воли архонтовъ. Діодоръ [1]) даетъ намъ намекъ на народныя собранія и на ихъ важную роль въ дѣлахъ правленія; онъ говоритъ, что Евмилъ, захвативъ въ свои руки власть, созвалъ народное собраніе, предъ которымъ онъ оправдывался въ совершенномъ имъ поступкахъ и ἀποκατέστησε τὴν πάτριον πολιτείαν.

По мнѣнію Бэка [2]), въ отдѣльныхъ греческихъ городахъ на Понтѣ могли существовать ежегодные архонты, которые даже могли быть эпонимами. Такъ, въ одной надписи n. 2121, найденной около Фанагоріи, мы читаемъ имя эпонима Каллія, сына Евпамона (ἐπὶ Καλλίᾳ Εὐπάμονος); въ Фанагоріи [3]) мы находимъ чиновниковъ, завѣдующихъ гимнастическими играми —ἀγωνοθέται, а въ Горгиппіи—γυμνασίαρχοι. Кромѣ того, на Воспорѣ мы находимъ синодъ (σύνοδος), который завѣдывалъ религіозными дѣлами и игралъ довольно видную роль; члены этого синода назывались θιασῖται, а предсѣдателемъ этихъ ѳіаситовъ былъ συναγωγός. Всѣ эти чиновники безусловно повиновались Спартокидамъ. Власть въ домѣ Спартокидовъ переходила отъ отца къ сыну и только въ рѣдкихъ случаяхъ отъ брата къ брату. Такъ, мы знаемъ, что по смерти Спартока II-го ему наслѣдовалъ братъ его Перисадъ I-й, Спартоку IV-му—братъ его Левконъ II-й, но, можетъ-быть, что Спартокъ II-й и Спартокъ IV-й умерли бездѣтными; мы имѣемъ только одинъ случай, когда младшій братъ наслѣдуетъ старшему, несмотря на то что у послѣдняго былъ сынъ—это именно Пританисъ наслѣдовалъ брату своему Сатиру II-му, у ко-

---

1) Diodor. Sicul. lib. XX c. 24 p. 473 Tn edit. B.
2) Boeck. C. I. Gr. p. 106 et. 107. n. 2118 n. 2131.
3) C-Rendu de la commis. impér. archéolog. p. 253. 1877.

тораго былъ сынъ Перисадъ. Но нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что въ это время происходила междоусобная война между братьями, а Перисадъ, оставшись малолѣтнимъ по смерти отца, не надѣясь на свою опытность въ такое трудное время, могъ отказаться отъ власти въ пользу дяди своего Пританиса. Что касается титула, который носили Спартокиды, то у древнихъ авторовъ и надписяхъ мы находимъ различныя наименованія: то δυνάσται [1]), то τύραννοι [1]), то ἡγεμόνες [1]), то μόναρχοι, то βασιλεῖς [2]) и наконецъ ἄρχοντες [3]). Въ надписяхъ же, какъ мы видѣли, они обыкновенно называются архонтами Воспора и Ѳеодосіи и царями азіатскихъ народовъ. На первомъ мѣстѣ всегда стоитъ титулъ архонта, на второмъ—титулъ царя; это съ тою цѣлью, чтобы показать, что греческіе архонты царствуютъ надъ азіатскими народами, а не наоборотъ—азіатскіе цари правятъ греками. До Спартока III-го этотъ титулъ на надписяхъ соблюдается довольно строго, а съ этого времени титулъ царя начинаетъ брать перевѣсъ, и наконецъ остается одинъ только этотъ послѣдній титулъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что греки на Понтѣ со времени Спартока III-го все больше и больше теряли свою самостоятельность, и, наконецъ, обратились въ простыхъ подданныхъ. В. В. Латышевъ [4]) преобла-

---

[1]) Strab. lib. VII c. 4 § 4 p. 257 edit. M. (μοναρχηθῆναι); lib. XI c. II § 2 p. 425. Polyaeni lib. V, 44 τύραννος.

[2]) Diodor. Sicul. lib. XX c. 22; lib. XVI c. 52 etc. Polyaeni lib. VII p. 273 edit. W.

[3]) Demosth. Leptin. p. 10 Тн edit. B.

[4]) Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graece et latine edidit Basilius Latyschev, Volumen Secundum, Petropoli, 1890 an. p. XXVI и XXVII «Solemnis Spartocidarum denominatio ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ βασιλεύων Σινδῶν κτλ., quia potentiae genus in Graecos et in barbaros accurate distinquitur, retinebatur usque ad Spartocum IV, qui primus in titulis (nn⁰ 348 et 349) brevius dicitur ἄρχων καὶ βασιλεύων, genetivis illis omissis, qui antea constanter addebantur; idem n⁰ 13 ἄρχων tantum adpellatur, n⁰ 14 tantum βασιλεύς; quae differentia mihi videtur explicanda, ut

даніе титула царя надъ титуломъ архонта въ позднѣйшихъ надписяхъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ко времени написанія этихъ надписей разница между титулами царя и архонта стала исчезать, и оба эти титула употреблялись promiscue; съ того же времени, какъ полководцы Александра Македонскаго, по его смерти, стали принимать титулъ царя, такъ и правители Воспора стали называть себя преимущественно царями. Впрочемъ, какъ мы видѣли изъ рѣчей Исократа [1]) и Димосѳена [2]), и прежніе Спартокиды вполнѣ самостоятельно завѣдывали дѣлами правленія и всѣ внѣшнія сношенія велись отъ ихъ имени и всѣ ихъ распоряженія и привилегіи, данныя аѳинянамъ, приписываются всецѣло имъ.

Такимъ образомъ, Спартокиды являются совершенно независимыми и самостоятельными монархами, какими и называютъ ихъ почти всѣ древніе авторы. Народы азіатской стороны имѣли своихъ царей; напримѣръ, мы знаемъ, что у ѳатеевъ былъ царь, союзникъ Евмила, Арифарнъ [3]), у синдовъ—Екатей [4]).

---

coniciamus eum primitus archontem fuisse, deinde regium nomen assumpsisse, sed potius ita, ut statuamus ea aetate omne iam discrimen, quod fuerit inter nomina archontis et regis, evanuisse et regem promiscue modo illo nomine fuisse vocatum, modo hoc, modo utroque; sed regium nomen sane praevaluit usu, praesertim cum iisdem fere temporibus Alexandri Magni duces eorumque posteri idem nomen sumpsissent, quorum exemplum sequi potuerunt Bosporani. Inde facillime explicatur etiam, quomodo factum sit, ut Athenienses Spartocum IV publice praedicarint regem in decreto, cuius supra fecimus mentionem. Similiter Paerisadem II Spartoci IV f. in tit. 35 Rhodii statuam consecrantes nuncuparunt regem regis filium, cum in tit. 15 idem antiquiori modo dictus sit archon Bospori et Thedosiae et rex Sindorum etc., nn° vero 16 et 17 item rex. Alius Paerisades in tit. 19 dicitur archon et rex, regis filius. His omnibus compositis mihi quidem satis videtur comprobatum regium nomen inde a Spartoci IV aetate in Bosporo praevaluisse.

1) Isocrat. Trapez. p. 191 edit. Benseleri.
2) Demosth. Leptin. p. 10 Tii edit. B.
3) Diodor. Sicul. lib. XX c. 23 p. 471 Tiii edit. B.
4) Polyaeni Strategic. lib. VIII 55 p. 328, 329, edit. W.

Кромѣ того, Аппіанъ [1]) говоритъ, что азіатскія племена повиновались многимъ царькамъ; но эти царьки были подъ верховною зависимостью царей Воспора, отъ которыхъ они иногда отлагались, о чемъ мы можемъ судить на основаніи надписей. Такъ, напримѣръ, въ надписи n. 2134 a [2]) Левконъ названъ царемъ синдовъ, торетовъ, дандаріевъ и псиссовъ, а его преемникъ Перисадъ І-й, въ надписи n. 2117 [2]), названъ царемъ только синдовъ, торетовъ и дандаріевъ безъ псиссовъ, и только впослѣдствіи, когда онъ вновь подчинилъ себѣ псиссовъ и другія азіатскія племена, онъ сталъ называться царемъ всѣхъ мэотовъ. Кромѣ того, изъ надписи n. 2119 видно, что Перисадъ названъ царемъ синдовъ, всѣхъ мэотовъ и ѳатеевъ, затѣмъ до самаго Перисада II-го, сына Спартока III-го, мы не встрѣчаемъ на надписяхъ имени ѳатеевъ, а только отъ Діодора узнаемъ, что они были союзниками Евмила, а не подданными, но въ надписи, относящейся ко времени Перисада II-го, этотъ народъ упомянутъ въ числѣ его подданныхъ [3]).

Глава VI-ая.

О сношеніяхъ Спартокидовъ съ другими государствами.

Воспоръ игралъ довольно важную роль въ исторіи древняго міра, о чемъ можно судить уже на основаніи тѣхъ отрывочныхъ извѣстій, которыя сохранились до настоящаго времени. Какъ мы увидимъ ниже, на Воспоръ для торговыхъ операцій приходили купеческіе корабли изъ очень отдаленныхъ странъ. Самымъ важнымъ предметомъ торговли, привлекавшимъ на Воспоръ иностранныхъ купцовъ, былъ хлѣбъ. Отъ

---

[1]) Appiani. «De bello Mithridatico» c. CII p. 260 edit. Didot. Paris. 1850.
[2]) Boeck. C. I. Gr. TII/3 p. 1010.
[3]) Ашикъ. «В. Ц.» стр. 63, № 15.

Стравона [1]) мы знаемъ, что около Θеодосіи и Пантикапэона лежали самыя плодородныя мѣстности, дававшія урожай самъ 30; тотъ же авторъ говоритъ, что, кромѣ хлѣба, важнымъ предметомъ торговли были: соленая рыба, ленъ, пенька, рабы, строевой лѣсъ, особенно корабельный, смола, кожи, мѣха и т. п.

Кромѣ этихъ сырыхъ продуктовъ, изъ Воспора въ греческія страны вывозилось много рабовъ, о чемъ, кромѣ Стравона, можно судить на основаніи комедій Аристофана [2]).

Греческіе же купцы, въ обмѣнъ на эти сырые продукты Воспора, привозили продукты греческой и въ частности аттической почвы, произведенія греческихъ ремеслъ и искусствъ, о чемъ можно заключить по находимымъ въ курганахъ на югѣ Россіи вещамъ [3]).

Но нужно замѣтить, что всѣ предметы торговли, вывозимые изъ Греціи на Воспоръ, имѣли назначеніе удовлетворять требованіямъ людей богатыхъ, тогда какъ съ Воспора шли продукты самые необходимые для обыденной жизни всѣхъ грековъ, такъ что, въ случаѣ непріязненныхъ отношеній съ правителями Воспора, они и, въ особенности, аѳиняне принуждены были бы терпѣть сильный недостатокъ въ хлѣбѣ. Поэтому аѳиняне всѣми силами старались поддерживать добрыя отношенія съ правителями Воспора, давая имъ права граждан-

---

[1]) Strab. lib. VII p. 255—258; lib. XI c. II § 2, 12, 17 p. 423, 425 и 427. edit. M. et. D.

[2]) Aristophan. Ἀχαρνῆς υ. 54 p. 8 Ti edit. Becceri Londini 1829, встрѣчается слово τοξόται, объясненіе котораго мы находимъ въ лексиконѣ Фотія p. 219 и 220, edit. Naber Ti Leidae E. I. Brill. 1864.

p. 219. Τοξόται οἱ δημόσιοι ὑπηρέται τοὺς δ' αὐτοὺς καὶ Σκύθας ἔλεγον καὶ Σπευσινίους ἀπὸ τοῦ πρώτου συντάξαντος αὐτούς.

p. 220. Τοξόται καὶ Σκύθαι καὶ Σπευσίνιοι οἱ δοῦλοι οἱ δημόσια Ἀθήνησιν, ἀπὸ Σπευσίνου τοῦ πρώτου καταστήσαντος αὐτοὺς εἰς τὴν ὑπηρεσίαν.

— Λυσιστράτη υ. 184. edit. B. Καλῶς λέγεις ποῦ'σθ' ἡ Σκύθαινα.

[3]) Ашикъ. «В. Ц.» часть III-ья.

ства и освобождая ихъ ото всѣхъ повинностей, связанныхъ съ этимъ правомъ.

Путь къ Киммерійскому Воспору открылся для Аѳинъ въ эпоху освобожденія Греціи отъ нашествія Ксеркса, когда въ 478 г. до Р. Х. аѳиняне овладѣли Византіей на Воспорѣ Ѳракійскомъ. Со времени основанія Дилосскаго союза въ 477 г., когда въ зависимости отъ аѳинъ были почти весь Еллиспонтъ, Пропонтида и Воспоръ Ѳракійскій, условія для сношеній съ греческими колоніями на Понтѣ и въ частности съ Киммерійскимъ Воспоромъ сдѣлались еще болѣе благопріятными. Важнымъ моментомъ въ исторіи этихъ сношеній должно было послужить появленіе Перикла около 440 г. во главѣ значительнаго флота въ Понтѣ Евксинскомъ, когда къ вождю республики явились представители греческихъ городовъ южнаго побережья Понта съ разнаго рода заявленіями, при чемъ Периклъ принималъ эти заявленія къ свѣдѣнію [1]). Съ конца же V-го в. до Спартока III-го включительно, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, сношенія Аѳинъ съ правителями Воспора дѣлаются безпрерывными.

Спартокиды, окруженные со всѣхъ почти сторонъ полудикими племенами, часто возстававшими противъ нихъ, напримѣръ, Левконъ I-й, Перисадъ I-й, Сатиръ II-й, принуждены были постоянно держать у себя греческихъ наемниковъ, которыхъ они, по большей части вербовали у аѳинянъ. Естественно, что въ благодарность за это, а также за тѣ привилегіи и почести, которыя аѳиняне давали правителямъ Воспора, и они, въ свою очередь, платили имъ тѣмъ же. Такъ, мы уже видѣли, что Сатиръ I-й [2]) приказалъ нагружать аѳинскіе корабли первыми, такъ что въ годы недостатка хлѣба въ

---

[1]) Мищенко. «Торговыя сношенія Аѳинской республики съ Царствомъ Воспорскимъ» стр. 10 отдѣльнаго оттиска изъ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» за 1878 г.

[2]) См. стр. 33 этого сочиненія.

Аттикѣ, другіе коммерческіе корабли уходили пустыми; точно также и въ частныхъ тяжбахъ различныхъ купцовъ онъ далъ нѣкоторыя преимущества аѳинскимъ купцамъ. Въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ съ аѳинянами былъ и преемникъ Сатира I-го, Левконъ I-й. Послѣдній даже освободилъ отъ пошлинъ корабли, отправлявшіеся въ Аѳины, что облегчало послѣднимъ конкуренцію съ прочими портами, увеличивая частныя богатства гражданъ; кромѣ того, открытіе новаго порта въ Ѳеодосіи при Левконѣ I-мъ еще болѣе расширяло торговые обороты аѳинянъ; присылка же дарового хлѣба въ годы неурожая освобождало ихъ отъ чрезмѣрнаго повышенія цѣны на хлѣбъ и отъ голода.

Послѣдующіе правители: Спартокъ II-й, Перисадъ I-й, Евмилъ и Спартокъ III-й подтверждали эти привилегіи, данныя ихъ предками аѳинянамъ. Благодарные аѳиняне, въ свою очередь, кромѣ гражданства и привилегій, данныхъ правителямъ Воспора, ставятъ въ честь ихъ и въ акрополѣ и на площадяхъ мѣдные памятники съ надписями и провозглашаютъ на общественныхъ празднествахъ отъ ихъ имени вѣнки съ посвященіемъ Аѳинѣ [1]).

Насколько важна была для аѳинянъ торговля хлѣбомъ, можно судить, во-первыхъ, по обилію касающихся этого предмета свидѣтельствъ, сравнительно съ количествомъ свѣдѣній о прочихъ предметахъ ввоза; во-вторыхъ, по тому, что въ Аѳинахъ существовали особые законы о хлѣбной торговлѣ и о торговцахъ хлѣбомъ; въ-третьихъ, въ Аѳинахъ существовала особая коллегія чиновниковъ, называемыхъ ситофилаками [2]),

[1]) См. стр. 57 этого сочиненія.

[2]) Harpocration edit. Imm. Becceri, Berolini 1833 p. 167. Σιτοφύλακες· Δείναρχος ἐν τῇ Καλλισθένους εἰσαγγελίᾳ ἀρχή τις ἦν Ἀθήνησιν, ἥτις ἐπεμελεῖτο ὅπως ὁ σῖτος δικαίως πραθήσεσθαι καὶ τὰ ἄλφιτα καὶ οἱ ἄρτοι· ἦσαν δὲ τὸν ἀριθμὸν ιἐ, ἰ μὲν ἐν ἄστει, ἐ δ' ἐν Πειραιεῖ, ὡς Ἀριστοτέλης ἐν Ἀθηναίων πολιτείᾳ.

Photius edit. Naber Tι. Leidae E. I. Brill. 1864. Σιτοφύλακες. Ἀρχή τις ἦν Ἀθήνησιν, ἥτις ἐπεμελεῖτο ὅπως ὁ σῖτος δικαίως πραθήσε-

для надзора за точнымъ исполненіемъ купцами предписанныхъ правилъ о хлѣбной торговлѣ; въ-четвертыхъ, наконецъ—самая суровость наказаній за нарушеніе этихъ правилъ.

Въ аѳинскомъ законодательствѣ существовали слѣдующія стѣснительныя мѣры для торговцевъ хлѣбомъ: всякій контрактъ на поставку хлѣба въ какую-либо иную гавань, а не аѳинскую признавался недѣйствительнымъ; законъ запрещалъ давать ссуду денегъ на снаряженіе судна или доставку груза, если они не предназначались для Аѳинъ [1]).

Смертная казнь постигала уличеннаго въ отправкѣ хлѣба не въ Пирей [1]); законъ воспрещалъ одному лицу покупать больше 50 медимновъ хлѣба [2]); прибыль отъ продажи хлѣба должна быть по оболу на медимнъ [2]). На случай неурожая была учреждена спеціальная хлѣбная касса, которой завѣдывали особые чиновники для закупки хлѣба и продажи нуждающимся по уменьшенной цѣнѣ. Общественный хлѣбъ помѣщался въ Одіонѣ или Помпіонѣ, или въ длинномъ портикѣ, или корабельной верфи [3]). Кромѣ Аѳинъ, правители Воспора имѣли также сношенія съ другими городами, о чемъ можно судить на основаніи надгробныхъ надписей; но сказать что-нибудь подробнѣе объ этихъ сношеніяхъ мы пока не имѣемъ возможности. Такъ, изъ надписей, найденныхъ, по большей части, около Керчи, видно, что были какія-то сношенія съ сосѣдними городами: Ираклеей Таврической [4]), Херсони-

---

σθαι καὶ τὰ ἄλφιτα καὶ οἱ ἄρτοι· ἦσαν δὲ τὸν ἀριθμὸν πάλαι μὲν πέντε καὶ δέκα ἐν ἄστει, πέντε δὲ ἐν Πειραιεῖ, ὕστερον δὲ τριάκοντα μὲν ἐν ἄστει, πέντε δὲ ἐν Πειραιεῖ.

Suida edit. Bernhardy-Bruhn 1853. p. 778 Tii—какъ у Арпократіона.

[1]) Demosth. edit. B. πρὸς Λάκριτον p. 331 Tii и πρὸς Φορμίωνα p. 317 Tii.

[2]) Лисій. Κατὰ τῶν Σιτοπωλῶν p. 195—196 § 5, 6, 8. Oratores Attici Ti edit. M.

[3]) Мищенко. «О торгов. снош. аѳинской респуб. съ Ц. Восп.» стр. 5 отдѣльнаго оттиска.

[4]) C-Rendu de la com. imp. archéol. 1877. p. 279. Надпись

сомъ [1]) и Одессой [2]). Кромѣ того, велись сношенія съ Амисомъ [3]), Митилиною [4]), Кромнами [5]), Синопомъ [6]), Византіей [6]), Аркадцами [6]) и даже отдаленными Сиракусами [7]).

IV-го в. на мѣстномъ известковомъ таврическомъ камнѣ; высота 2 ар. 11 вер., ширина $12^1/_2$ вер., толщина 5 вер.

Πύῤῥος Εὐρυνόμου Ἡρακλειώτας

C-Rendu pe la com. imp. archeol. 1874. p. 108. Надпись III-го или IV-го в.—высота 9 вер., ширина 9 вер., толщина $1^3/_4$ вер.

Μρσίνη Ἡρακλεῶτις.

1) C-Rendu pour an. 1875 p. 89. Надпись IV-го в., высота 2 арш., ширина $12^1/_2$ вер., толщина 4 вер.

Καλλικράτης Εὐκρίτου Χερσονησίτης.

Надпись IV-го в., высота 1 ар. 2 вер., ширина $13^1/_2$ вер., толщина 4 вер.

Κέφαλος Κεφαλίωνος Χερσονησίτης.

2) C-Rendu pour an. $18^{78}/_{79}$ p. 171. Надпись—высота 13 вер., ширина 8 вер., толщина 2 вер.

Δίφιλος Μνησιφῶντος Ὀδησίτης.

3) C-Rendu pour an. 1865 p. 205 sqq. Декретъ Перисада о проксеніи Діонисію.

4) C-Rendu pour an. 1874 p. 109. Надпись—высота $1^1/_2$ ар., ширина 12 вер., толщина 3 вер.

Δίφιλε Νικοδήμου Μυτιλη-
ναῖε, χαῖρε·
Σωπύρα γυνὴ Διφίλου
Μυτιληναίη—χαῖρε.

5) C-Rendu pour an. 1880 p. 132. Надпись—высота 11 вер., толщина 4 вер., ширина $8^1/_2$ вер. (II-го в.).

Κρόνος Ποσειδεωνίου· Κρωμνίτης.

6) См. то же сочиненіе.

7) Надпись, найденная близъ Керчи, относится къ IV-му в. до Р. Х.

Μέλας Σίμου Συρακόσιος.

№ 300. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graec. et lat. edidit Basilius Latyschev. Volumen Secundum, Petropoli an. 1890.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Опустивъ имена правителей—Спартокидовъ, существованіе которыхъ представляется довольно сомнительнымъ, мы получимъ такую генеалогическую таблицу:

Спартокъ I-й 438/7—432/1

Селевкъ 432/1—428/7

Періодъ междоусобій 428/7—407.

Сатиръ I-й сынъ Спартока I-го 407—388/7.

Левконъ I-й 388/7—348/7.

Спартокъ II 348/7—343/2, Перисадъ I 348/7—310/9, Аполлоній

Сатиръ II (310/9), Пританисъ (310/9), Евмилъ (309—304,

Перисадъ.

Спартокъ III 304—285/4

Перисадъ II съ 285/4

Левконъ II и Спартокъ IV?

Перисадъ III

Перисадъ IV (послѣдній).

Нѣсколько иную генеалогію Спартокидовъ представляетъ намъ В. В. Латышевъ [1]).

Спартокъ I-й 438—432

Селевкъ 432—429.

---

[1]) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, graec. et lat. edidit Basilius Latyschev, Petropoli an. 1890 p. XXXII.

Спартокъ II? 429—407?

Сатиръ I 407—387.

Левконъ 387—347. Метродоръ. Горгиппъ

Спартокъ III 347—342. Перисадъ I 347—309. Комосарія, жена Перисада I.

Аполлоній

Сатиръ II (309). Пританисъ (309) Евмилъ ($309/_8$—303)

Перисадъ.

Спартокъ IV 303—284

Перисадъ II 284—?

Спартокъ V. Левконъ II. Алкаѳое

. . . .

Спартокъ

Перисадъ III? Камасарія Арготъ

Перисадъ IV?

. . . .

Перисадъ V? (послѣдній).

В. Кёне въ своей статьѣ „О генеалогіи и о монетахъ Спартокидовъ“, помѣщенной въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“ Т. III. Одесса 1852 года, стр. 232, 233, 236-я даетъ нѣсколько иную генеалогію Спартокидовъ:

Спартокъ I 438—432

Селевкъ 432—429

Спартокъ II 429—407.

Сатиръ I 407—393.

Левконъ I 393—353	Ѳеодосія сестра или жена Левкона.	Метродоръ убитый Тиргатао	Горгиппъ, царь скидовъ, наслѣдникъ Гекатеоса, отецъ Комо-	N N дочь, жена Гекатеоса, царя синдовъ.

саріи жены
Перисада I.

Спартокъ III 353—348 | Перисадъ I 348—311, жена его Комосарія, дочь Горгиппа.

Перисадъ I

Сатиръ II 311—310. Пританисъ 310—309. Евмилъ 309—304.

Перисадъ скрывается бѣгствомъ къ Агару, царю скиѳовъ; прочія дѣти, равно какъ и жены Сатира II и Пританиса были умерщвлены Евмиломъ.

Спартокъ IV 304—289; жена его была дочерью Федима.

Перисадъ II 289—?

Спартокъ V около 250 г. Левконъ II 240

Спартокъ VI и съ 220 Левконъ

Левконъ III, предшественникъ или наслѣдникъ Спартока VI-го, жилъ, кажется, около 200-хъ годовъ. Ему нужно приписать и перечеканку монетъ, о которой упоминаетъ Поліэнъ.

Левканоръ, быть-можетъ, сынъ или внукъ Левкона III-го

Евбіотъ, побочный братъ Левканора около 175 г.

Неизвѣстный царь, около 160 г.

Перисадъ III-й 178—115 г.

Приведенныя нами таблицы даютъ наглядную картину того, какъ ненадежными становятся наши свѣдѣнія о Спартовидахъ съ того момента, какъ прекращаются извѣстія Діодора Сицилійскаго и данныя, извлекаемыя изъ надписей.

С. Мельниковъ-Разведенковъ.

Новороссійскъ.
1895 г.

Замѣтки.

Стр. 12. Городъ Ардабда.

Знаменитый академикъ Палласъ пытался объяснить это названіе кистинскими (чеченскими) словами уар—семь и дада—отецъ, Богъ (*Pallas,* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Lpz. 1799, B. I, 416, 417). Толкованіе это повторено и Семеномъ Броневскимъ въ его „Новѣйшихъ географическихъ и историческихъ извѣстіяхъ о Кавказѣ", ч. II, 153. Но еще Клапротъ, въ своемъ сочиненіи „Voyage au Mont Caucase, II, 352. 353" справедливо замѣтилъ, что вуор дѣйствительно значитъ по-чеченски *семь,* частица же дада не имѣетъ въ этомъ языкѣ никакого значенія; по-чеченски отецъ—да, Богъ—деле. Въ новѣйшее время вполнѣ научные попытки объясненія сложнаго названія Ардабда посредствомъ осетинскаго языка сдѣлали В. Томашекъ (*Wilhelm Tomaschek,* Die Goten in Taurien. Wien 1881, S. 7. 8) и особенно профессоръ Всеволодъ Миллеръ въ своихъ „Осетинскихъ этюдахъ", III, 76. 96.

Стр. 16. Городъ Ермонасса.

Покойный Ф. К. Брунъ, основываясь на подробномъ разборѣ показаній Стравона о географическомъ положеніи Ермонассы, предлагалъ искать слѣды этого города около станицы Титоровской на Таманскомъ полуостровѣ (*Ф. Брунъ,* Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ периплам и по компасовымъ картамъ въ IX томѣ Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей). Такое же мнѣніе высказано и Я. М. Лазаревскимъ въ его статьѣ „Курганы Таманскаго полуостро-

ва" (Извѣстія Имп. Археол. Общ., т. II, 28). О древностяхъ около Титоровской станицы см. *К. Гёрца* Археологическую топографію Таманскаго полуострова, стр. 103. 104.

Е. Вейденбаумъ.

Стр. 5. Тавры, Таврическія горы.

По-сирійски туіра означаетъ *гора, горный хребетъ* (см. Русско-Айсорскій и Айсорско-Русскій словарь, XX вып. Сб. мат.). Если допустить, что названіе Таврическаго горнаго хребта (Ταυρικὰ ὄρη)—сирійскаго происхожденія, то оттуда же пошло и наименованіе жителей этихъ горъ—*тавровъ* (по-сирійски: нӑҫӑ ды-туірӑнӑ). Связь между древними жителями Крымскаго полуострова и семитическими племенами (финикіянами и др.) во всякомъ случаѣ можетъ относиться только къ догреческому періоду исторіи этого края. Семитическаго же происхожденія и названіе горныхъ системъ Тавра и Антитавра въ Малой Азіи. У греческихъ писателей—Стравона (7, 309) и др. Таврическія горы назывались также Κιμμέριον ὄρος, а жители Κιμμέριοι. Это слово иранскаго происхожденія: у евреевъ-татовъ кемер означаетъ *хребетъ*, ср. перс. کمر (см. В. Миллера, Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка, С.-П. 1892 г.).

Стр. 6. Мэоты.

Мэоты (Μαιῶται, встрѣчается въ надписяхъ и въ формѣ: Μαΐται) получили свое названіе отъ Мэотиды—у грековъ Μαιῶτις или Μαιῆτις λίμνη, у римлянъ palūs Maeōtis. Это слово можно объяснить изъ адыгскаго языка. Составныя его части: меі—*вонь*, и ја̓те—*болото, тина, лужа*, стало-быть: *вонючая лужа* (см. мой Русско-Кабардинскій словарь, XII вып. Сб. мат.), каковымъ Азовское море, поросшее по берегамъ камышами со стоячей водой, могло дѣйствительно, по сравненію съ

Чернымъ моремъ, представляться воображенію окружающихъ его народовъ.

Стр. 6. Синды.

На правомъ берегу Тиберды находятся развалины замка Сынты (В. Миллеръ, Осетинскіе этюды, стр. 8). Въ кабардинскихъ сказаніяхъ упоминается народъ *кинты*, который можно поставить въ связь съ упоминаемыми здѣсь синдами (Пшибадиково, XII вып. Сбор. мат.). На стр. 17 Синдскій портъ.

Стр. 8. Псиссы.

Имя народа Ψησσῶν происхожденія адыгскаго: пси—*вода, рѣка;* стало-быть, живущіе по рѣчному берегу. Замѣчу, что рѣка Кубань по-адыгски называется Псыз. Корень пси встрѣчается и въ названіи рѣки Ψάτης (стр. 54).

Л. Лопатинскій.

ОТДѢЛЪ II.

СКАЗКИ,

собранныя воспитанниками

Закавказской учительской семинаріи.

1. Богатырь Гасанъ.

Татарская сказка.

У одного человѣка были сынъ и дочь, на которыхъ онъ не могъ нарадоваться, но дивъ отнялъ ихъ у него. Отецъ очень скучалъ и все думалъ о томъ, какъ бы возвратить своихъ дѣтей. Спустя два года, Богъ далъ ему сына, который съ дѣтства отличался необыкновенною силою. Его звали Гасаномъ. Видя безысходную бѣдность своихъ родителей, онъ сталъ заниматься воровствомъ. Сначала онъ кралъ яйца, потомъ куръ и, наконецъ, лошадей и коровъ. Сосѣди пожаловались на Гасана его родителямъ. Родители сколько ни уговаривали его не трогать чужого добра, но Гасанъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не красть. Разъ въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Гасанъ, остановился караванъ. Гасанъ отправился къ этому каравану и увидѣлъ, что ношу одного верблюда не могутъ поднять съ мѣста нѣсколько человѣкъ. Гасанъ сказалъ имъ: «Чтó вы мнѣ дадите, если я ношу подниму одинъ?» Они разсмѣялись и обѣщали отдать ему ношу, если онъ ее подниметъ одинъ. Гасанъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поднялъ вверхъ. Караванщики не измѣнили своему слову и отдали Гасану ношу, которая состояла изъ двадцати пудовъ

желѣза. Гасанъ взялъ желѣзо и отнесъ его кузнецу, которому заказалъ сдѣлать дубину и цѣпь, равнаго съ ней вѣса. Чрезъ нѣсколько времени дубина и цѣпь были готовы. Принеся домой заказанные предметы, Гасанъ видитъ, что мать его плачетъ. Онъ обращается къ матери и спрашиваетъ: «О чемъ, матушка, плачешь?» — «Дорогой мой сынъ!» отвѣчала мать: «у тебя были братъ и сестра; ихъ отнялъ у насъ дивъ за два года до твоего рожденія». Гасанъ сказалъ: «Милая матушка! приготовь мнѣ все нужное для дороги и укажи, въ какую сторону унесъ дивъ брата и сестру.» Мать исполнила просьбу сына. Гасанъ взялъ дубину, цѣпь, запасъ хлѣба съ масломъ и пустился въ путь. На дорогѣ онъ почувствовалъ тяжесть и молвилъ про себя: «Вмѣсто того чтобы таскать тяжесть на спинѣ, лучше я сяду и все съѣмъ». Такъ онъ и сдѣлалъ: сѣлъ у ключа, съѣлъ все, чтó взялъ съ собою, напился воды и пустился въ путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли шелъ нашъ Гасанъ, сказать трудно: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ, онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ жилъ чудовище-дивъ. Въ этомъ мѣстѣ Гасанъ увидѣлъ, что оселъ носитъ воду, а на дворѣ сидитъ дѣвушка. Увидѣвъ Гасана, дѣвушка спросила: «Кто ты такой, откуда и куда идешь?» — «Я—братъ вашъ и пришелъ освободить васъ изъ рукъ этого проклятаго дива», отвѣчалъ Гасанъ. Дѣвушка, признавъ въ немъ своего брата, сказала ему: «Милый братецъ! лучше ты иди за своимъ дѣломъ, а не то—дивъ придетъ и убьетъ тебя; мнѣ жаль тебя». «А гдѣ нашъ братъ?» спросилъ Гасанъ.—«Тотъ самый оселъ, который возитъ воду диву,—нашъ братъ,» отвѣчала сестра: «тутъ есть женщина-колдунья, которая обратила нашего брата въ осла посредствомъ заклинанья». Въ это время возвращается дивъ съ охоты и, увидѣвъ дома незванаго гостя, спрашиваетъ у своей жены: «Кто это такой? Какъ онъ осмѣлился зайти сюда?» Жена отвѣтила, что этотъ человѣкъ—ея братъ.

Тогда дивъ успокоился и приказалъ женѣ приготовить роскошный обѣдъ. За обѣдомъ Гасанъ сказалъ диву, что онъ пришелъ увезти сестру и брата. Дивъ разсердился, всталъ съ мѣста и подошелъ къ Гасану съ цѣлью убить его; но Гасанъ поспѣшно всталъ съ мѣста и вступилъ съ дивомъ въ борьбу. Долго они боролись; одинъ не могъ побороть другого. Наконецъ, дивъ собралъ послѣднія свои силы и повалилъ Гасана; но онъ не успѣлъ отрубить головы своему противнику: Гасанъ выскочилъ изъ-подъ него и, помолившись Богу, убилъ дива. Потомъ онъ пошелъ съ сестрою къ колдуньѣ. Услышавъ о смерти дива, она тотчасъ обратила брата Гасана изъ осла въ человѣка.

На слѣдующій день Гасанъ, взявъ съ собою брата и сестру, пустился въ путь. На дорогѣ они остановились ночевать. Ложась спать, Гасанъ сказалъ, что сонъ его продолжится три дня, добавивъ, что если они пожелаютъ итти домой, то могутъ итти. Вотъ легли они спать. Утромъ братъ и сестра проснулись, а Гасанъ все спитъ. Злой и неблагодарный братъ говоритъ сестрѣ: «Давай убьемъ Гасана, а сами пойдемъ домой». Сестра сколько ни уговаривала не трогать Гасана, освободителя ихъ изъ плѣна дива, но не могла остановить брата: онъ убилъ Гасана и привязалъ тѣло его къ дереву. Потомъ взялъ онъ сестру, возвратился домой и разсказалъ матери обо всемъ случившемся съ ними. Мать обрадовалась смерти Гасана, потому что весь народъ былъ недоволенъ имъ за его воровство. На третій день прилетѣли три голубя и сѣли на то дерево, къ которому былъ привязанъ Гасанъ. Младшему голубю стало жаль Гасана и говоритъ онъ старшему, подъ видомъ котораго былъ ангелъ Гавріилъ: «Надо помочь этому бѣдному Гасану.» Гавріилъ отвѣчаетъ: «Если ты слетишь внизъ, соединишь голову съ туловищемъ и обведешь своимъ перышкомъ по ранѣ, то Гасанъ оживетъ». Такъ и сдѣлалъ младшій голубь. И что́ же случилось? Гасанъ чихнулъ разъ-другой, очнулся и

видитъ, что онъ привязанъ къ дереву. Освободившись кое-какъ, онъ отправился домой.

Придя домой, Гасанъ убилъ своего злого, неблагодарнаго брата. Мать донесла объ этомъ царю. Царь призвалъ къ себѣ Гасана и отправилъ его въ дремучій лѣсъ за дровами съ тою цѣлью, чтобы Гасана тамъ растерзали дикіе звѣри. Гасанъ взялъ дубину, цѣпь, двѣ арбы съ быками и пустился въ путь. Вотъ приблизился онъ къ лѣсу и вдругъ видитъ, что за нимъ идутъ два льва. Онъ поймалъ ихъ и привязалъ къ дереву, а потомъ нагрузилъ свои арбы дровами и на слѣдующій день возвратился назадъ, взявъ съ собою и львовъ. Весь народъ былъ удивленъ, услышавъ о подвигѣ Гасана. Наконецъ, Гасану здѣсь надоѣло жить, и онъ отправился, куда глаза глядятъ.

На дорогѣ ему встрѣтился молодой человѣкъ, который стоялъ у рѣчки и брызгалъ водою на разстояніе нѣсколькихъ верстъ. Гасанъ спросилъ его: «Почему ты это дѣлаешь?» Онъ отвѣтилъ, что ждетъ Гасана и намѣренъ съ нимъ бороться. Его звали Ага-Керимомъ. «Гасанъ—я! выходи бороться!» сказалъ Гасанъ. Они вступили въ борьбу. Гасанъ остался побѣдителемъ и хотѣлъ убить Ага-Керима, но онъ умолялъ не убивать его и просилъ взять съ собою. Гасанъ согласился, и они пошли дальше. На пути имъ встрѣтился другой человѣкъ, по имени Гюль-Мамедъ, который разрывалъ скалы и бросалъ въ воздухъ огромные камни. Гасанъ спросилъ о причинѣ, почему онъ такъ дѣлаетъ. Гюль-Мамедъ отвѣтилъ такъ же, какъ и первый встрѣчный. Побѣдивши его, Гасанъ, по просьбѣ, взялъ и его съ собою. Наконецъ, они остановились въ одномъ пустынномъ мѣстѣ, устроили себѣ жилище и начали жить, какъ Богъ велитъ. Каждый день одинъ изъ нихъ оставался дома для приготовленія обѣда, а двое отправлялись на охоту на оленей. Разъ, когда дома остался Ага-Керимъ, къ нему явился старичокъ, ростомъ въ полъ-аршина, а борода его

была въ аршинъ. Этотъ старичокъ попросилъ у Ага-Керима поѣсть чего-нибудь. Ага-Керимъ далъ ему, какъ малому и старому, мало; старичокъ, не довольствуясь этимъ, вынулъ волосъ изъ бороды, завязалъ имъ руки и ноги Ага-Кериму, съѣлъ всѣ приготовленныя кушанья и ушелъ домой. Возвратились Гасанъ и Гюль-Мамедъ съ охоты и видятъ, что Ага-Керимъ готовитъ обѣдъ. Они спросили его, почему онъ такъ опоздалъ; Ага-Керимъ оправдывался тѣмъ, что онъ былъ боленъ. На другой день дома остался Гюль-Мамедъ; съ нимъ случилось то же самое, что́ съ Ага-Керимомъ. На третій день остался Гасанъ; тотъ же самый старичокъ явился къ нему и попросилъ у него покушать. Гасанъ не отказалъ ему; но далъ мало маленькому ростомъ старику, просящему милостыни. Старичокъ вышелъ изъ терпѣнія и хотѣлъ его то же связать, но Гасанъ ударилъ его по шеѣ разливательной ложкой, и голова старичка оторвалась отъ туловища и упала на землю; потомъ голова и туловище покатились вонъ изъ ихъ жилища.

Послѣ возвращенія товарищей Гасанъ, взявъ ихъ, отправился по слѣдамъ крови и дошелъ до колодца. Оставивъ товарищей на верху колодца, Гасанъ опустился въ колодецъ. Когда онъ шелъ по дну колодца, ему представился рядъ комнатъ; Гасанъ отворилъ первую дверь и увидѣлъ, что въ комнатѣ сидитъ дѣвушка. Она попросила Гасана уйти поскорѣе, пугая его дивомъ. Гасанъ оставилъ ее и вошелъ во второю комнату, гдѣ также сидѣла дѣвушка. Наконецъ, онъ вошелъ въ третью комнату; въ ней была прекрасная дѣвица, возлѣ которой лежалъ тотъ же самый старичокъ и любовался ею. Увидя Гасана, старичокъ спрятался. Взявъ съ собою этихъ дѣвушекъ, Гасанъ возвратился по дну колодца, на верху котораго ждали его товарищи. Сперва вытащили первыхъ двухъ дѣвушекъ; когда очередь дошла до прекрасной дѣвицы, то она не хотѣла выходить и сказала: «Пусть сначала вытащутъ тебя; увидѣвъ меня, они оставятъ тебя тутъ.» Гасанъ не согла-

сился; тогда она сказала: «Если они тебя не вытащатъ, тогда смотри: утромъ здѣсь будутъ бороться два барана—бѣлый и черный; ты прыгай на чернаго, онъ отброситъ тебя на бѣлаго, а бѣлый выброситъ вверхъ на бѣлый свѣтъ. Предсказаніе дѣвицы сбылось; но Гасанъ, вмѣсто того чтобы сѣсть на чернаго, сѣлъ на бѣлаго, который бросилъ его на чернаго барана, а черный—въ темное подземное царство.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ жилъ, неизвѣстно: скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. Наконецъ, онъ остановился у одной старухи, у которой попросилъ воды; она вмѣсто воды дала ему молока; тогда Гасанъ спросилъ у старухи: «Развѣ здѣсь нѣтъ воды?» Старуха отвѣтила: «У нашего ключа живетъ чудовищная змѣя, которой каждый день надо давать по человѣку, чтобы она пускала насъ брать воду. Сегодня очередь царевны; скоро она будетъ здѣсь.» Чрезъ нѣсколько времени явилась царевна, и народъ сталъ толпиться, чтобы взять воды. Вмѣсто царевны бросился къ змѣѣ Гасанъ съ мечомъ въ рукѣ и убилъ ее, когда она уже готова была проглотить принесенную жертву. Царевна тотчасъ обмочила руку кровью змѣи и сдѣлала замѣтку на спинѣ Гасана. Царевна невредимо возвратилась домой и разсказала отцу о случившемся. Царь приказалъ созвать всѣхъ жителей города, но между ними не было освободителя царевны. Тогда одинъ изъ визирей сказалъ царю, что у одной старухи находится незнакомый человѣкъ. Призвали его къ царю, и царевна узнала въ немъ освободителя. Поблагодаривъ Гасана, царь пожелалъ, чтобы онъ женился на его дочери. Гасанъ отказался отъ этого предложенія; но онъ только попросилъ, чтобы ему указали средство выйти на бѣлый свѣтъ. Подумавши, царь сказалъ: «Недалеко отъ города находится баобабъ, на которомъ живетъ Рохъ (птица необыкновенной силы и величины). У него каждый разъ крокодилъ съѣдаетъ дѣтей; онъ только можетъ тебѣ помочь.» Гасанъ отправился къ этому дереву и сѣлъ подъ нимъ. Чрезъ нѣсколь-

ко времени явился крокодилъ и хотѣлъ влѣзть на дерево. Увидѣвъ это, Гасанъ бросился на крокодила и убилъ его и легъ спать подъ деревомъ. Спустя немного времени, явился Рохъ и хотѣлъ убить соннаго Гасана, но дѣти объявили ему, что онъ освободилъ ихъ отъ смерти. Рохъ подлетѣлъ къ Гасану, разбудилъ его и хотѣлъ поблагодарить его; но Гасанъ попросилъ Роха только о томъ, чтобы онъ помогъ ему выйти на бѣлый свѣтъ. Рохъ сказалъ Гасану, чтобы онъ приготовилъ дорожные припасы. Гасанъ исполнилъ просьбу Роха. На другой день Рохъ взялъ на себя Гасана съ припасами и пустился въ путь. На дорогѣ припасы кончились; тогда Гасанъ досталъ ножикъ, отрѣзалъ отъ бедра кусокъ мяса и отдалъ Роху; но Рохъ не проглотилъ мяса, а держалъ во рту, такъ какъ это мясо казалось ему очень сладкимъ. Вышедши на свѣтъ бѣлый, Рохъ опустилъ Гасана, но Гасанъ ходить не могъ отъ раны. Тогда Рохъ досталъ изо рта мясо, положилъ на мѣсто и обвелъ перышкомъ; затѣмъ отдалъ ему перышко, говоря: «Если когда-нибудь ты будешь въ бѣдѣ, то поднеси перо къ огню, и я предстану предъ тобой!» Скоро рана зажила, и онъ поступилъ къ одному лавочнику служить.

Спустя нѣсколько времени, Гасанъ услышалъ, что Ага-Керимъ и Гюль-Мамедъ готовятся сыграть свадьбу. Онъ сталъ думать о томъ, какъ бы похитить дѣвушекъ у бывшихъ товарищей. Вдругъ ему вспомнились слова Роха. Гасанъ поднесъ перышко къ огню, и не прошло минуты, какъ Рохъ очутился предъ нимъ. Гасанъ сказалъ: «Дорогой Рохъ! приведи ко мнѣ красивую лошадь съ драгоцѣнною сбруей и доспѣхами.» Рохъ исполнилъ желаніе Гасана. Онъ вооружился, сѣлъ на коня и поѣхалъ туда, гдѣ жили его товарищи. На слѣдующій день Ага-Керимъ и Гюль-Мамедъ начали играть свадьбу. Она продолжалась десять дней. На послѣдній день свадьбы они сѣли на своихъ коней и выѣхали въ поле съ окружающими людьми для джигитовки. Услышавъ объ этомъ, Гасанъ сѣлъ на лошадь и

выѣхалъ на то же поле. Во время джигитовки конь Гасана то и дѣло обгонялъ коней Ага-Керима и Гюль-Мамеда. Тогда они, получивши большое оскорбленіе, попросили Гасана снова пуститься съ ними въ перегонку. Гасанъ согласился и во время джигитовки отрубилъ имъ обоимъ головы. Послѣ этого Гасанъ выдалъ двухъ дѣвушекъ замужъ за другихъ, а самъ женился на прекрасной дѣвицѣ, и стали они жить, да поживать да добра наживать.

Съ неба упало три яблока: одно—мнѣ разсказчику, другое служителямъ, а третье дервишу, просящему милостыни.

Записана въ селеніи Агдамъ Шушинскаго уѣзда, Елисавет. губерніи

Абдулъ-Керимъ Велибековымъ.

---

2. Царевичъ Асланъ и дивъ.

Татарская сказка.

Въ глубокой древности, когда еще рѣки текли молокомъ и волкъ пасся вмѣстѣ съ овцой, когда вездѣ была тишь, да гладь, да Божья благодать жилъ царь съ царицей. У нихъ былъ сынъ, котораго за сверхъестественную силу прозвали Асланомъ *). Разъ царь за что-то разгнѣвался на свою супругу и осудилъ ее на смертную казнь. Узнавъ объ этомъ, Асланъ рѣшился спасти свою мать. Темною ночью, онъ ее увезъ тайкомъ изъ отцовскаго дома и уѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго ли, коротко ли ѣхалъ сынъ съ своею матерью; далеко ли, близко ли они заѣзжали, неизвѣстно; извѣстно только то, что они пріѣхали въ страну, гдѣ жили сорокъ братьевъ дивовъ. У этихъ дивовъ была сестра, Дюйня-гюзили, такая красавица, что всякій готовъ

*) Асланъ—левъ.

былъ не ѣсть и не пить, лишь бы только на нее глядѣть. Одинъ изъ этихъ дивовъ разсердился на братьевъ, построилъ себѣ домъ въ сторонѣ отъ нихъ и жилъ въ немъ. Къ этому-то дому приблизились наши путники. Дива не было дома, а входъ въ домъ былъ загроможденъ тяжелымъ камнемъ. Асланъ схватилъ одною рукою этотъ громадный камень и забросилъ его такъ далеко, какъ можно видѣть глазомъ. Когда дивъ возвратился домой, царевичъ былъ на охотѣ. Видя камень, брошенный на громадное разстояніе, дивъ не рѣшился войти въ домъ и думалъ: «Кто бы это могъ быть этотъ незваный гость?» Между тѣмъ его замѣтила царица-мать, которой онъ такъ приглянулся, что она рѣшилась изъ-за него извести со свѣта своего единственнаго сына. Она призываетъ дива и говоритъ, чтобы онъ поскорѣе укрылся, а то придетъ Асланъ, и имъ обоимъ не избѣгнуть смерти.

Съ этого времени дивъ и царица стали жить душа въ душу. Царевичъ ничего не зналъ объ этомъ, и они рѣшили извести его. Царица, по совѣту дива, притворилась больной, и, когда Асланъ спросилъ у матери: «Чего ей хочется?», она отвѣтила, что если онъ достанетъ ей три кисти золотого винограду, то она, можетъ-быть, выздоровѣетъ. Золотой виноградъ можно было достать изъ сада двухъ братьевъ-близнецовъ. Садъ этотъ берегли левъ со львицей, и около этого сада ни птица не могла пролетѣть, ни звѣрь пробѣжать. Много богатырей отправлялось въ этотъ садъ, чтобы достать ягодъ для своихъ невѣстъ, но никто не возвращался живымъ. Несмотря на все это, Асланъ поѣхалъ за виноградомъ. Послѣ многихъ приключеній онъ, наконецъ, дошелъ до сада. Здѣсь онъ умертвилъ льва и львицу, но дѣтеныши ихъ такъ привязались къ нему, что они ни на минуту не оставляли его и оказали ему впослѣдствіи большія услуги. Доставъ винограду, Асланъ пустился обратно въ путь. Дорогой на него напали тридцать восемь дивовъ. Благодаря львятамъ, онъ одержалъ

надъ ними побѣду, и скоро виноградъ доставилъ матери. Она не только не выздоровѣла, но, напротивъ, еще болѣе стала охать и жаловаться на болѣзнь, и послала сына на болѣе трудное дѣло, а именно: достать арбузъ изъ сада тѣхъ сорока дивовъ, о которыхъ было упомянуто выше.

На другой день Асланъ отправился доставать арбузъ; но, вмѣстѣ съ нимъ, пошли и львята. Достигши сада, Асланъ, утомленный долгимъ путешествіемъ, повалился на сочную траву и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ. Тѣмъ временемъ дивы посылаютъ одного изъ своей среды въ садъ, чтобы узнать, все ли тамъ благополучно. Пришедши въ садъ, дивъ вступаетъ въ борьбу со львятами, и они растерзываютъ его. Видя, что посланный не возвращается, дивы посылаютъ другого, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Но и его постигаетъ та же участь, чтó и перваго. Тогда дивы посылаютъ третьяго и т. д.; всѣ тридцать девять дивовъ побывали поодиночкѣ въ саду, и всѣхъ растерзали львята. Проснувшись, Асланъ увидѣлъ львятъ съ ногъ до головы въ крови; онъ очень сожалѣлъ, что не могъ проснуться раньше, чтобы помочь имъ. Потомъ онъ, оправившись, пошелъ расматривать жилище дивовъ и нашелъ безчисленное множество пышныхъ комнатъ. Пройдя много комнатъ, онъ вошелъ, наконецъ, въ одну громадную залу, гдѣ было столько дверей, что онъ не зналъ, въ которую войти. Тогда ему въ глаза бросились двери, сдѣланныя изъ золота и усѣянныя драгоцѣнными каменьями. Онъ легонько толкнулъ ихъ. Двери отворились. Вошедши въ комнату, онъ увидѣлъ дѣвицу неземной красоты: это и была сестра дивовъ, Дюйня-гюзели. Впечатлѣніе, которое она произвела на Аслана, было такъ сильно, что онъ упалъ въ обморокъ. Дюйня-гюзели подошла къ нему, подняла его съ земли и обошлась съ нимъ, какъ самая нѣжная супруга.

На другой день Асланъ собрался въ обратный путь. Дюйня-гюзели просила Аслана не покидать ее. Но Асланъ сказалъ,

что у него больная мать, и онъ долженъ отнести ей арбузъ; если же онъ не возвратится чрезъ три дня, то, значитъ, его нѣтъ въ живыхъ. Они обмѣнялись кольцами въ знакъ супружескаго обѣта, и Асланъ отправился въ обратный путь. Онъ скоро доставилъ своей матери арбузъ, и она выздоровѣла. На другое утро она просила сына поиграть съ нею. Во время игры она связывала руки Аслана крѣпчайшими веревками; но Асланъ при малѣйшемъ напряженіи разрывалъ ихъ. Тогда царица спросила у Аслана, что́ было бы ему не по силамъ? Асланъ отвѣтилъ, что если завязать ему руки струнами, то онъ не въ состояніи будетъ разорвать ихъ. Въ видѣ опыта, она завязала ему руки струнами, и дѣйствительно онъ не могъ разорвать ихъ; тогда она кликнула дива, чтобы убить беззащитнаго Аслана. Дивъ, однако, пожалѣлъ богатыря; онъ только выкололъ ему глаза и бросилъ его въ ближайшій оврагъ. Здѣсь ему приносили пищу и питье его львята.

Случилось такъ, что около этого оврага проходилъ караванъ. Караванщики, увидѣвъ несчастнаго страдальца, взяли его съ собою. Тѣмъ временемъ Дюйня-гюзели, прождавъ три дня, сочла Аслана погибшимъ и справляла по немъ поминки. И днемъ и ночью двери ея дома были отворены для всѣхъ, такъ что къ ней каждый день заѣзжало множество всякаго народу. Всѣхъ безплатно кормили, а бѣдныхъ даже и награждали. Путь караванщикамъ лежалъ около дома Дюйня-гюзели. Узнавъ, что тамъ можно пообѣдать безплатно, они заѣхали туда подкрѣпиться въ дорогѣ. Имъ тотчасъ подали пищу и питье, и они послѣ омовенія рукъ и ногъ, какъ это встарь велось, сѣли за столъ и стали ѣсть и пить. Асланъ догадался, гдѣ находится, и потому, когда ему поднесли вина, онъ, выпивъ до половины стаканъ, опустилъ въ него кольцо, полученное отъ Дюйня-гюзели; затѣмъ онъ попросилъ служителя, чтобы онъ отнесъ стаканъ своей госпожѣ и попросилъ ее выпить до дна. Дюйня-гюзели, допивъ стаканъ, увидѣла свое кольцо, отданное

Аслану. Она тотчасъ же приказала привести къ ней человѣка, который послалъ ей стаканъ. Слуги привели къ ней слѣпца Аслана. Увидѣвъ недавняго героя слѣпымъ, Дюйня-гюзели не могла произнести ни одного слова. Потомъ, оправившись, она пошла съ нимъ въ садъ. Здѣсь, сѣвши подъ тѣнистымъ деревомъ, Асланъ началъ разсказывать ей о своихъ приключеніяхъ. Она слушала его съ участіемъ. Во время разсказа Дюйня-гюзели увидѣла, какъ двѣ лякушки подрались: одна выколола глаза другой. Тогда побѣдившая лякушка вставила глаза пострадавшей, нашла какую-то траву и, пожевавъ ее, помазала глаза, послѣ чего они зажили. Она разсказала объ этомъ Аслану и намазала той же травой ему глаза. Асланъ прозрѣлъ. Какъ они обрадовались, это всякій можетъ себѣ представить! На другой день Асланъ поѣхалъ къ своей матери. Тамъ онъ умертвилъ какъ ее, такъ и дива, сжегъ ихъ трупы и пепелъ разсѣялъ во всѣ четыре стороны. Отомстивъ, онъ возвратился къ своей возлюбленной и наслаждался съ нею всѣми благами, какія только доступны смертному человѣку.

Записано въ селѣ Бешташенѣ Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губ.

А. С. Гашибаязовымъ.

---

3. Невѣрная жена и вѣрная невѣста.

Татарская сказка.

Однажды Шахъ-Аббасъ, знаменитый властитель Персіи (1585—1628), переодѣвшись въ одежду простолюдина, по обыкновенію, отправился гулять по Тегерану, съ цѣлью узнать, что происходитъ въ городѣ и какъ ведутъ себя его подданные. Проходя по улицамъ, онъ услышалъ въ одномъ домѣ пріятный женскій голосъ. Шахъ подошелъ ближе и сталъ прислушиваться.

Оказалось, что это супруги ведутъ между собою разговоръ. Молодая и очень красивая жена, обращаясь къ своему мужу, говорила: «Милый другъ! знаешь ли, какое горе я испытываю, когда нѣсколько часовъ не вижу тебя? Молю тебя: по крайней мѣрѣ при мнѣ будь ласковъ и веселъ и не мучь бѣдную дочь твоего дяди грустнымъ видомъ. Ради Аллаха, скажи мнѣ правду, не разлюбилъ ли ты меня, бѣдную? О, Боже, тогда пошли мнѣ лучше смерть.—«Не мучь меня, моя ненаглядная», отвѣтилъ супругъ: «каждая твоя слезинка дороже мнѣ всего на свѣтѣ, потеря волоска изъ твоей косы для сына дяди твоего тяжеле казни шаха. Развѣ я могу разлюбить тебя! Нѣтъ, нѣтъ, милая! лучше лишиться жизни, чѣмъ разлюбить тебя. Дай Богъ, чтобы мы не испытали горя разлуки». Слыша всѣ эти слова, шахъ очень радовался, что между его подданными есть такіе нѣжные супруги. По возвращеніи домой, онъ захотѣлъ испытать обоихъ супруговъ и съ этой цѣлью сперва отправилъ человѣка къ мужу съ требованіемъ, чтобы онъ развелся съ своею женою, угрожая въ противномъ случаѣ смертной казнью. Когда посланный передалъ мужу слова шаха, то онъ отвѣтилъ, что готовъ перенести всякія лишенія, но ни въ какомъ случаѣ не разведется съ женою. Потомъ шахъ отправилъ старуху къ женѣ съ предложеніемъ, чтобы она убила своего мужа и вышла за шаха замужъ. Узнавъ о такомъ намѣреніи шаха, вѣроломная женщина отвѣтила: «Скажи шаху, что я готова исполнить его желаніе.» Услышавъ это, шахъ ночью переодѣлся и пошелъ посмотрѣть, чтó она будетъ дѣлать. Подошедши поближе къ ихъ дому, шахъ заглянулъ чрезъ щель въ комнату и увидѣлъ, что мужъ спитъ, положивъ свою голову на ея колѣна, а она погружена въ задумчивость; затѣмъ жена, убѣдившись, что мужъ спитъ крѣпкимъ сномъ, вынула его кинжалъ и съ такою быстротою вонзила ему въ грудь, что шахъ не успѣлъ даже крикнуть и остановить преступленіе, и потомъ затворила дверь крѣпко-накрѣпко. Алая кровь не-

винной жертвы струей потекла изъ-за двери на дворъ. Шахъ омочилъ свои пять пальцевъ въ кровь и, приложивъ ихъ къ двери, сдѣлалъ какъ бы печать на нихъ. Затѣмъ онъ возвратился въ свой дворецъ и всю ночь не могъ спать отъ гнѣва. Утромъ онъ приказалъ одному изъ военачальниковъ отправиться въ ту часть города, гдѣ ночью совершилось убійство и тамъ, гдѣ на двери дома будетъ кровавая печать, взять хозяйку и привести къ нему. Когда военачальникъ пошелъ въ указанное мѣсто, то увидѣлъ, что на всѣхъ дверяхъ этой части города находятся печати крови. Военачальникъ вернулся къ шаху и разсказалъ ему все видѣнное. Надо замѣтить, что хитрая женщина, вставши рано утромъ, увидѣла кровавый знакъ пальцевъ и догадалась, въ чемъ дѣло. Она наполнила кровью мертвеца кувшинъ и приложила одинаковую печать къ дверямъ всѣхъ сосѣдей, а мертвеца изрубила въ куски и бросила въ яму, а затѣмъ яму засыпала землею. Узнавъ о хитрости женщины, шахъ пришелъ въ ярость; но въ это время онъ долженъ былъ итти войною на Туркестанъ; поэтому онъ поручилъ великому хану (визирю), чтобы онъ къ его возвращанію перебилъ всѣхъ женщинъ, не исключая ни своихъ, ни даже семейства шаха: «А если», прибавилъ шахъ: «не исполнишь моего приказанія, то погублю тебя и все твое поколѣніе.»

Издавъ такой приказъ, шахъ отправился въ Туркестанъ. Великій ханъ съ горестью вернулся домой. Дома его столѣтній отецъ замѣтилъ печальный видъ хана и спросилъ о причинѣ грусти. Ханъ разсказалъ отцу приказаніе шаха. Тогда отецъ сказалъ хану: «Сынъ мой, не печалься и не трогай никого, а когда шахъ потребуетъ тебя, то скажи, что тебя не пустилъ исполнить приказаніе столѣтній отецъ, который хочетъ его видѣть по поводу даннаго имъ приказанія». Ханъ исполнилъ совѣтъ отца. Каково было удивленіе шаха, когда, возвратившись чрезъ семь лѣтъ изъ похода, онъ увидѣлъ, что женщины толпятся на улицахъ и число ихъ даже гораздо больше прежняго.

Пріѣхавъ во дворецъ, шахъ приказалъ привести къ себѣ великаго хана. Когда тотъ пришелъ и поклонился шаху въ ноги, то шахъ съ такимъ гнѣвомъ крикнулъ на него, что окружающіе сановники затрепетали отъ страха. «Великій повелитель мой!» промолвилъ ханъ: «я готовъ былъ исполнить твое приказаніе, но меня не допустилъ до этого столѣтній мой отецъ, который хочетъ видѣть тебя по поводу твоего приказанія». Шахъ немного смягчился и приказалъ привести старика.

Тотчасъ привели старика и, съ дозволенія шаха, посадили около него. Шахъ обратился къ старику и спросилъ, почему онъ не пустилъ сына исполнить его приказаніе. Тогда старикъ поклонился ему въ ноги и сказалъ: «Великій повелитель Персіи! твое повелѣніе невозможно по многимъ причинамъ: если ты прикажешь истребить всѣхъ женщинъ, то народъ возстанетъ противъ тебя; если же не возстанетъ, то въ скоромъ времени твое государство погибнетъ безъ женщинъ; наконецъ, по одной вѣроломной женщинѣ нельзя еще думать, что всѣ женщины измѣнницы. Я знаю примѣры такихъ женщинъ, которыя гораздо выше многихъ храбрыхъ мужчинъ. Для доказательства я разскажу тебѣ слѣдующее событіе. У покойнаго твоего отца было сорокъ богатырей, во главѣ которыхъ стоялъ я, какъ самый сильный и храбрый изъ всѣхъ. Однажды мнѣ донесли, что ночью одного изъ богатырей убили, но неизвѣстно, кто. Тогда я собралъ остальныхъ богатырей, и мы стали думать о томъ, кто могъ бы его убить, но ничего у насъ не выходило. На другой день мнѣ донесли, что ночью убили еще одного богатыря. Словомъ, въ продолженіе 39 дней, кромѣ меня, всѣ богатыри были поодиночкѣ перебиты. Ночью наканунѣ 40-го дня я услыхалъ, что на дворѣ меня зовутъ по имени. Я всталъ съ постели и въ одной рубахѣ хотѣлъ было выйти на дворъ, но меня задержала жена, говоря: «Куда идешь? прежде всего одѣнься, возьми свои доспѣхи, а я пойду и приведу изъ конюшни твоего коня.» Она

пошла и привела мнѣ коня; я сѣлъ на него и въ полномъ вооруженіи выѣхалъ навстрѣчу незнакомому гостю. При видѣ меня, въ полномъ вооруженіи, незнакомецъ приказалъ мнѣ ѣхать за нимъ слѣдомъ. Дорогой я сталъ думать о томъ, куда онъ меня ведетъ и рѣшилъ, что онъ хочетъ меня убить, какъ, по всей вѣроятности, и всѣхъ остальныхъ моихъ товарищей. Чтобы предупредить опасность, я взялъ свою тяжелую булаву, поднялся на конѣ и, что́ есть мочи, ударилъ незнакомца по головѣ. Тотъ обернулся и грозно сказалъ: «Не время шутить.» Чрезъ нѣсколько часовъ я опять собралъ всѣ силы и сильнѣе прежняго ударилъ его по головѣ. Онъ вторично обернулся и сказалъ: «Самедъ, не во-время шутишь.» Наконецъ, я произнесъ имя Аллаха и въ третій разъ ударилъ. Тогда онъ повернулъ своего коня, поднялъ меня съ сѣдла какъ шапку и, тряся на воздухѣ, сказалъ: «Хочешь, ударю тебя оземь такъ, что раздробятся всѣ твои кости!» Я дрожалъ, какъ листъ, и ничего не могъ сказать. Потомъ онъ посадилъ меня на сѣдло и приказалъ больше не трогать его. Въ полночь мы пріѣхали въ дремучій лѣсъ. Незнакомецъ слѣзъ съ коня и сказалъ мнѣ: «Смотри—вотъ къ сѣдлу привязанъ мѣшокъ, наполненный золотомъ; держи мою лошадь, а я пойду въ то мѣсто, гдѣ, какъ видишь, свѣтится огонекъ; тамъ находится мой злѣйшій врагъ съ войскомъ. Я пойду пѣшкомъ сразиться съ нимъ. Если ты услышишь, что я три раза произнесъ громко имя Бога, то знай, что я его убилъ, а если нѣтъ, то знай, что онъ меня убилъ; тогда возьми себѣ и лошадь и золото и ступай себѣ съ Богомъ домой». Я сидѣлъ и слушалъ, что́ будетъ. Вдругъ я услышалъ такой стукъ и шумъ, какъ будто сражаются два большія непріятельскія войска. Два раза услышалъ я имя Бога, наконецъ, услышалъ и въ третій разъ. Чрезъ нѣсколько часовъ вижу незнакомецъ идетъ ко мнѣ, неся въ рукахъ человѣческую голову, громадной величины. Мы сѣли на лошадей, и я послѣдовалъ за незнакомцемъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ остановил-

ся въ одномъ мѣстѣ и приказалъ мнѣ слѣзть съ лошади. Я повиновался. Онъ подошелъ къ могилѣ, которая находилась подъ деревомъ, съ деревяннымъ памятникомъ. Взявъ отрубленную голову, онъ ударилъ ею о памятникъ и, разбивъ черепъ въ куски, сказалъ, обращаясь къ могилѣ: «Милый женихъ! вотъ голова того злодѣя, который вѣроломно убилъ тебя.» Сказавъ эти слова, онъ вынулъ кинжалъ, положилъ на землю остреемъ вверхъ и животомъ упалъ на него съ такою силой, что кончикъ кинжала вышелъ чрезъ спину. Потомъ, обратясь ко мнѣ, незнакомецъ сказалъ: «Я невѣста богатыря, который спитъ въ этой сырой могилѣ. Его убилъ человѣкъ, черепъ котораго я разбила; онъ хотѣлъ жениться на мнѣ, но я не измѣнила первому своему жениху; ради его я убила его врага и сама лишаюсь жизни. Теперь ступай и позови людей, чтобы меня похоронили, какъ слѣдуетъ, и употреби все мое золото на поминки. Возьми лошадь себѣ и извини меня за причиненное тебѣ безпокойство; твоихъ товарищей я убила за то, что ни одного изъ нихъ не застала въ полномъ вооруженіи. То, что случилсь съ ними, случилось бы и съ тобой, если бъ и ты вышелъ безъ вооруженія»! Сказавъ эти слова, она скончалась. «Мой повелитель!» сказалъ столѣтній отецъ хана шахъ-Аббасу: «на свѣтѣ есть и такія женщины, какихъ ты видѣлъ, но есть и такія, какихъ я видѣлъ. Теперь разсуди самъ: можетъ ли кто-нибудь изъ твоихъ подданныхъ по храбрости и вѣрности сравняться съ той женщиной, которую я видѣлъ?»

Шахъ Аббасъ глубоко былъ тронутъ разсказомъ старца, и онъ не только простилъ его сына, но даже наградилъ обоихъ и сталъ больше прежняго уважать ихъ, отмѣнивъ приказаніе объ истребленіи женщинъ.

Записано въ г. Казахѣ Елисаветпольской губерніи

Агаларомъ Кіясбековымъ.

4. О двухъ братьяхъ.

Татарская сказка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были два сосѣда-пріятеля. Прежде они были богаты, но потомъ обѣднѣли и вошли въ долги. Условившись, они продали свое имущество, уплатили долги и, оставивъ своимъ женамъ по четыреста рублей, отправились въ чужія страны. Долго ли они шли, коротко ли, о томъ Аллахъ вѣдаетъ, но только чрезъ нѣсколько времени они прибыли въ одно мѣсто, гдѣ расходились двѣ дороги: одна вела на востокъ, а другая на западъ. Друзья сѣли около дороги и разсуждали о томъ, кому и куда итти. Наконецъ, они рѣшили вотъ что сдѣлать: одинъ изъ нихъ долженъ былъ итти на востокъ, другой на западъ; при этомъ они дали другъ другу такое обѣщаніе: если жизнь ихъ тамъ будетъ хороша, то они должны будутъ жениться и оставаться тамъ; если же у одного изъ нихъ родится дочь, а у другого сынъ, то сынъ одного долженъ отправиться къ другому и жениться на его дочери.

Послѣ этого рѣшенія они обнялись, побратались, простились, и каждый пошелъ своею дорогой. Долго ли, коротко ли они шли, объ этомъ ничего неизвѣстно, но только каждый изъ нихъ находился на два года пути отъ того мѣста, гдѣ они простились въ послѣдній разъ. Одинъ изъ нихъ очутился въ восточномъ, а другой въ западномъ государствѣ. Работая въ потѣ лица, каждый говорилъ: «О, Господи, Ты можешь и дать и взять!» Богу угодны были эти рѣчи, и Онъ приказалъ ангелу Гавріилу одного изъ нихъ сдѣлать восточнымъ, а другого западнымъ царемъ, не отнимая жизни у царей этихъ странъ; когда Гавріилъ затруднялся въ исполненіи этого приказанія, то Богъ сказалъ: «Одного изъ царей сдѣлай сумасшедшимъ, а у другого пусть распухнетъ животъ, и онъ не будетъ способнымъ къ

управленію государствомъ. Прежде царемъ сдѣлался тотъ, который пошелъ на западъ. Послѣ восшествія на престолъ онъ проводилъ время весело, не вспомнивъ о своемъ братѣ. Между тѣмъ тотъ, который отправился на востокъ, поступилъ на службу къ одному семейству. Разъ пришелъ къ нему человѣкъ (это былъ ангелъ Гавріилъ), и далъ ему драгоцѣнный камень, указавъ на честнаго лавочника, у котораго онъ долженъ былъ размѣнять этотъ камень. Послѣ того какъ незнакомецъ ушелъ, нашъ путешественникъ размѣнялъ камень и, купивъ себѣ хорошее платье, началъ жить не хуже другихъ людей. Въ скоромъ времени у восточнаго царя распухъ животъ, и онъ не могъ управлять государствомъ.

Народъ собрался и рѣшился избрать себѣ новаго царя. Старѣйшины города пустили птицу, которая должна была разрѣшить сомнѣніе гражданъ объ избраніи царя. Птица эта сѣла на голову нашего путешественника, который и избранъ былъ царемъ: такимъ образомъ одинъ изъ братьевъ сдѣлался царемъ Востока, а другой Запада. Чрезъ годъ западный царь вспомнилъ о своемъ братѣ и послалъ къ восточному царю посланца: если въ твоемъ государствѣ есть человѣкъ такого-то имени и фамиліи, то оказывай ему помощь: онъ мой братъ, и ты всѣ издержки получишь отъ меня обратно. На это восточный царь отвѣтилъ: Любезный братъ, поздравляю тебя съ царствомъ, я тоже царь! Такъ они прожили нѣсколько лѣтъ. Чрезъ нѣсколько времени западный царь написалъ брату, что онъ женится и предлагаетъ ему тоже жениться, и оба поженились. Послѣ женитьбы у восточнаго царя родилась дочь Лейли, а у западнаго царя родились одна за другой три дочери. Когда Лейли выросла, то многіе цари сватали ее за своихъ сыновей, но отецъ ея отвѣчалъ всѣмъ одно и то же, что племянникъ пріѣдетъ и возьметъ ее за себя замужъ. Когда Лейли исполнилось тринадцать лѣтъ, отецъ ея написалъ брату своему: «У меня дочь уже невѣста: пришли сына». Это очень огорчило западнаго царя, и онъ не зналъ, что

и дѣлать. Написать, что у него нѣтъ сына, онъ не рѣшался, и потому ходилъ угрюмый и мрачный. Дочери его уже выросли (старшей было 16 лѣтъ, средней 15 и младшей 13): онѣ замѣтили горе отца и спросили его о причинѣ горя. Отецъ долго отказывалъ, но потомъ, не устоявъ противъ усиленныхъ просьбъ дочерей, сказалъ имъ: «Дочери мои! у васъ есть дядя. Мы съ нимъ условились, что если у одного родится сынъ, а у другого дочь, то наши дѣти должны пережениться. Вотъ теперь братъ пишетъ мнѣ, что у него дочь уже невѣста, и проситъ, чтобы я послалъ сына повидаться съ нею; но у меня нѣтъ сына, и я не знаю, что сдѣлать». Тогда старшая дочь сказала родителю: «Позволь мнѣ одѣть мужское платье и поѣхать увидѣть свою сестру и передать отъ тебя поклонъ». Царь позвалъ визиря, разсказалъ о своемъ горѣ, а потомъ о предложеніи дочери. Визирь отвѣтилъ: «Государь мой! пускай дочь твоя одѣнется и поѣдетъ, а я съ нѣсколькими людьми нападу на нее, и если она не испугается, то, значитъ, доѣдетъ до твоего брата, а если испугается, то вернется назадъ.» Сказано—сдѣлано. Царская дочь, увидѣвъ на дорогѣ неизвѣстныхъ людей, закричала отъ испуга и возвратилась домой. То же случилось и со второю дочерью.

Послѣ этого стала просить и меньшая дочь царя, чтобы пустили и ее ѣхать. Царь говорилъ: «Дочь моя! и старшія твои сестры хотѣли ѣхать, но не сумѣли; куда же тебѣ ѣхать!» Но царевна выпросила позволеніе, одѣлась въ мужское платье, вооружилась въ старинные богатырскіе доспѣхи, сѣла на лучшаго коня и, простившись съ родителями, отправилась въ путь. Визирь сказалъ своимъ людямъ, чтобы они не очень ужъ пугали ее, потому что она еще ребенокъ. Визирь съ людьми спрятались около дороги. Чрезъ нѣсколько времени они увидѣли, что ѣдетъ переодѣтая царевна. Одинъ изъ людей визиря вышелъ на дорогу и закричалъ, чтобы онъ (т. е. царевна) возвратился: не то его убьютъ. Не обращая на его голосъ никакого вни-

манія, она тихо подъѣхала къ нимъ. Тогда всѣ они вышли къ всаднику, остановили лошадь подъ уздцы и сказали, что должны убить его, потому что они враги его отца. На это всадникъ отвѣтилъ: «Я вамъ ничего не сдѣлалъ и поэтому прошу васъ пустить меня ѣхать своею дорогою, а не то, поплатитесь дорого». Они отвѣчали что такихъ, какъ онъ, много убито ими и зарыто здѣсь. Всадникъ сказалъ: «Покажите-ка могилу одного изъ нихъ мнѣ, чтобы я могъ помолиться за нихъ.» Они долго спорили, такъ какъ не могли указать могилы. Наконецъ, одинъ изъ нихъ ударилъ палкой ея коня. Конь взвился на дыбы: она вспыхнула, вынула мечъ и, всѣхъ уложивши мертвыми, поѣхала своею дорогою.

От западнаго царя до восточнаго царства было два года пути верхомъ, но это пространство царевна проѣхала въ одинъ годъ и два мѣсяца. Слухъ объ убійствѣ визиря быстро пронесся по царству ея отца, но, кромѣ царя, никто не зналъ убійцы. Хотя царю жалко было визиря, но все-таки онъ радовался, что дочь его доѣдетъ до брата.

Оставимъ царя съ его думою и вернемся къ нашему переодѣтому путнику. Чрезъ четырнадцать мѣсяцевъ онъ пріѣхалъ въ царство своего дяди. Дядя съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Прибывъ въ царство дяди, онъ остановился въ домѣ одной старухи. Старуха, видя такого прекраснаго юношу, залюбовалась имъ. Угостивши гостя, чѣмъ Богъ послалъ, старуха, спросила его, кто онъ такой и откуда. На это онъ отвѣтилъ: «Я будущій зять здѣшняго царя; иди, поздравь его съ моимъ пріѣздомъ». Старуха, не помня себя отъ радости, побѣжалъ къ царю и поздравила съ пріѣздомъ племянника. Посыпались на старуху награды, какъ лѣтній дождь. Послѣ этого царь со всѣми вельможами, сановниками, всѣмъ войскомъ вышелъ навстрѣчу зятю. По коврамъ, устланнымъ отъ дома старухи до дворца, и съ музыкой отправился онъ во дворецъ. Послѣ нѣкотораго времени царь созвалъ всѣхъ сосѣднихъ властелиновъ по

случаю пріѣзда племянника. Всѣ сосѣдніе цари пріѣхали посмотрѣть на царевича, жениха прекрасной Лейли.

При видѣ статнаго юноши всѣ были въ восторгѣ и всѣ говорили, что царевичъ и царевна Лейли созданы какъ разъ другъ для друга. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Царевна, сильно влюбившаяся въ юношу, сказала своей матери: «Дорогая мама, двоюродный братъ пріѣхалъ; не лучше ли сыграть нашу свадьбу?» Мать поговорила съ мужемъ и сказала мнимому жениху, что желала бы видѣть его своимъ зятемъ; но женихъ отвѣчалъ: «Въ первый разъ, какъ я подалъ Лейли руку, я назвалъ ее сестрой и потому не могу жениться на ней».

Лейли, которая въ это время стояла на балконѣ, услышавъ это, лишилась чувствъ. Царемъ были вызваны со всѣхъ сторонъ врачи, но никто не могъ вылѣчить ея. Одинъ изъ тѣхъ царей, который сваталъ за своего сына Лейли и которому служилъ помѣхой племянникъ царя, послалъ врача, который долженъ былъ указать, для выздоровленія Лейли, такое лѣкарство, въ поискахъ за которымъ онъ лишился бы жизни. Этотъ врачъ явился предъ царемъ и сказалъ, что для выздоровленія его дочери нужно свѣжее львиное молоко.

Несмотря на многократныя просьбы дяди остаться дома, мнимый юноша надѣлъ богатырскіе доспѣхи, сѣлъ на коня и выѣхалъ изъ города съ цѣлью привезти львинаго молока. Онъ былъ грустенъ и, думая о своемъ несчастьѣ, ѣхалъ все дальше, самъ не зная куда. Очутившись въ безплодной пустынѣ, онъ вдругъ услышалъ грозный голосъ: «Стой!» Онъ остановился. Предъ нимъ стоялъ воинъ, одной рукой держа лошадь его подъ уздцы, а другой поднявъ мечъ. «Чего ты здѣсь ищешь? здѣсь до сихъ поръ ни птица не пролетѣла, ни звѣрь не пробѣжалъ!» Онъ отвѣтилъ, что заблудился и самъ не знаетъ, какъ очутился въ такомъ мѣстѣ. На это незнакомецъ улыбнулся, а когда юноша спросилъ о причинѣ улыбки, то отвѣтилъ ему, что смѣется потому, что такая молодая дѣвушка соверши-

за столько подвиговъ. Юноша спросилъ, по чемъ онъ знаетъ, что онъ женщина. Незнакомецъ на это отвѣтилъ: «Я указатель дороги заблудившимся, помощь для людей въ нуждѣ: я пророкъ Хидреллазъ». При этихъ словахъ дѣвушка соскочила съ коня, упала предъ нимъ на колѣни и, чистосердечно разсказавши о всемъ случившемся, заплакала. Хидреллазъ утѣшалъ ее и сказалъ: «Вотъ на той скалѣ, въ пещерѣ, лежитъ львица; я такъ сдѣлаю, что она не почувствуетъ ничего, пока ты будешь ее доить и наполнять свой сосудъ». При этомъ пророкъ далъ ей сосудъ въ видѣ кувшина. Дѣвушка, какъ сказалъ ей пророкъ, такъ и сдѣлала. Когда она наполнила свою посуду, пророкъ въ многовеніе ока доставилъ ее къ городу и, простившись съ нею, исчезъ. Она возвратилась домой съ кувшиномъ львинаго молока, изъ котораго еще шелъ паръ. Къ несчастью, и это лѣкарство не помогло. Тогда врачъ сказалъ: На такомъ-то мѣстѣ находится гнѣдой морской жеребецъ съ бѣлымъ пятномъ на головѣ; если его убить и почку подать больной, то она вылѣчится». Бѣдная дѣвушка должна была снова отправиться въ путь. Немного проѣхавъ, она опять встрѣтила пророка. Послѣднiй спросилъ о цѣли ея поѣздки, и она разсказала о томъ, куда ѣдетъ. Хотя пророкъ увѣрялъ ее, что это никакой пользы не принесетъ, но все-таки она отправилась въ путь. Когда они прибыли на морской берегъ, то пророкъ сказалъ: «Возьми веревку, сдѣлай петлю и ожидай, пока лошади придутъ пить воду. Когда жеребецъ войдетъ въ петлю, то ты тяни веревку, а я прибѣгу и помогу тебѣ. «Сказано—сдѣлано. Она увела жеребца, но какъ сказалъ пророкъ, такъ и случилось: и это средство не помогло больной.

Послѣ неудачныхъ попытокъ извести жениха, врачъ ушелъ изъ дворца. Тогда была позвана вѣдьма-старуха; ей обѣщали много золота, если она погубитъ жениха. Она взялась это сдѣлать. Однажды, когда женихъ сидѣлъ за чаемъ, вошла старуха. Она начала бесѣдовать о томъ-о семъ, а затѣмъ сказала, что есть

яблоня, на которой растутъ три яблока: если больной царевнѣ дать одно изъ этихъ яблокъ, то она вылѣчится. Женихъ ожилъ. Онъ спросилъ о мѣстѣ, гдѣ находится эта яблоня, и попросилъ старуху указать путь туда. Старуха сказала, что она имѣетъ большой горшокъ, гдѣ они обое могутъ помѣститься; если они сядутъ, то горшокъ понесетъ ихъ прямо къ тому мѣсту. Женихъ скоро одѣлся, написалъ письмо дядѣ о томъ, что онъ поѣхалъ за новымъ лѣкарствомъ для Лейли, а затѣмъ тайно вышелъ изъ дворца, усѣлся со старухой въ горшокъ, и они полетѣли по воздуху. Чрезъ нѣсколько времени они слѣзли съ горшка, и старуха сказала: «Вотъ, видишь эти груды камней; чрезъ нихъ идетъ тропинка прямо на холмъ, гдѣ находится яблоня съ чудесными яблоками; сорви яблоки, возвращайся назадъ, а я буду ждать тебя здѣсь.» Говоря это, старуха все болѣе и болѣе приближалась къ горшку; но женихъ, обладая большимъ умомъ, догадался, что старуха хочетъ убѣжать, схватилъ мечъ и разрубилъ ее, а потомъ разбилъ и горшокъ.

Скоро онъ пришелъ въ отчаяніе, видя, что ему вернуться нельзя; совершивъ намазъ, онъ сталъ молить Бога о помощи. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ улыбающееся лицо пророка. «Чего отчаиваешься!» спросилъ онъ ее съ улыбкой. «Чтó мнѣ дѣлать, отецъ мой,» сказала она, рыдая: «какая я несчастная! Я пріѣхала, чтобы обрадовать дядю, а между тѣмъ случилось такое несчастье. Сколько я скитаюсь по лѣсамъ и по полямъ!» Тогда пророкъ сталъ ее успокоивать и утѣшать тѣмъ, что волшебное яблоко вылѣчитъ Лейли, а, очень можетъ быть, и ея судьба измѣнится къ лучшему. Потомъ пророкъ обратилъ ея вниманіе на камни: «Видишь ли эти камни? Они были когда-то людьми, но одинъ ангелъ разсердился на царя этой страны и обратилъ жителей въ камни, и самого царя въ полукамень; каждый день въ опредѣленное время ангелъ бьетъ его два часа колючками. Дворецъ царя находится на вершинѣ этого холма. Тотъ путь, который указала

тебѣ старуха, опасный потому, что кто ни пойдетъ по этому пути, то обратиться въ камень. Я перенесу тебя туда, на вершину холма, къ этому царю, а дальше все будетъ зависѣть отъ того, какъ ты примешься за дѣло. Царь, конечно, поможетъ тебѣ.» Послѣ этихъ словъ пророкъ доставилъ ее на вершину холма и указалъ путь, по которому она могла бы найти царя. Дѣвушка пошла по указанному пути и скоро послышались охи и вздохи царя. Когда она отворила двери въ комнату царя, то услышала жалостный голосъ, который умолялъ вошедшаго не бить его. Дѣвушка успокоила его, говоря, что она не побьетъ его. Тогда царь стеръ кровь съ глазъ своихъ и, смотря на нее, спросилъ: «Кто ты таковъ, зачѣмъ ты зашелъ въ такое проклятое мѣсто?» Переодѣтая дѣвушка отвѣтила: «Я простой человѣкъ, и меня привела сюда моя несчастная судьба».—«Ты не простой человѣкъ», сказалъ царь, разразившись громкимъ хохотомъ: «ты царское дитя и притомъ женщина». Тогда царевна спросила: «По чемъ ты можешь знать, что я царское дитя и притомъ женщина?» Царь отвѣтилъ: «Если бы ты не была царское дитя, то ты бы тоже побила меня, а если бы ты была мужчина, то при входѣ сказала бы селямъ.» Дѣвушка, сознавшись въ справедливости его словъ, разсказала ему о своемъ дѣлѣ и попросила у него совѣта. Царь сказалъ: «У меня тамъ въ комнатѣ много веревокъ. Возьми самую толстую веревку, привяжи одинъ конецъ къ своей поясницѣ и спустись съ подоконника внизъ. Ангелъ прилетитъ скоро въ видѣ голубя, сниметъ свою голубиную сорочку, оставивъ ее на окнѣ, и начнетъ бить меня; тогда ты ловкимъ движеніемъ поднимись на подоконникъ и схвати сорочку. Послѣ этого что ты захочешь, все онъ сдѣлаетъ для тебя. Сказано—сдѣлано. Ангелъ прилетѣлъ съ пучкомъ свѣжей колючки, чтобы бить царя, но послѣдній, сверхъ всякаго ожиданія, сталъ громко смѣяться. Ангелъ былъ пораженъ этой выходкой царя и остановился съ поднятою рукою. Тогда царь сказалъ: Бей, бей! чего стоишь! небось,

предчувствуешь наказаніе!» Ангелъ сказалъ, что сегодня не будетъ его бить. Въ это время онъ увидѣлъ, что его сорочки нѣтъ, а въ углу стоитъ неизвѣстный человѣкъ въ богатырскихъ оспѣхахъ. Ангелъ оробѣлъ; потомъ, узнавши царевну, обѣщался исполнить всѣ ея просьбы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она лозвратила ему сорочку. Въ это время появился пророкъ. Ангевъ сказалъ пророку: «Кто помолится съ пророкомъ вмѣстѣ, то Богъ приметъ его молитву. Я буду молиться, а ты скажи «аминь», и Богъ сдѣлаетъ царевну мужчиною». Сказано—сдѣлано, и царевна сдѣлалась мужчиною. Богъ за ея труды и лишенія сдѣлалъ ее мужчиной, сохранивъ ту красоту, какую она имѣла.

Послѣ этого ангелъ далъ новому царевичу то яблоко, за которымъ онъ пріѣхалъ, и освободилъ царя и его подданныхъ отъ наказанія. Царь съ царевичемъ возвратились въ новоосвобожденный городъ и пировали. Послѣ пира царевичъ поѣхалъ къ дядѣ. На дорогѣ онъ увидѣлъ пророка, который сидѣлъ на срединѣ дороги задомъ къ нему. Царевичъ дудивился, потомъ соскочилъ съ коня и побѣжалъ къ пророку, чтобы обнять его. Пророкъ обрадовался и сказалъ: «Я хотѣлъ испытать тебя: ты уже достигъ своей цѣли и я теперь хотѣлъ узнать, обратишь ли ты на меня вниманіе, или проѣдешь мимо». Послѣ этихъ словъ царевичъ упалъ предъ нимъ на колѣни и со слезами на глазахъ благодарилъ его. Потомъ простился съ пророкомъ и поѣхалъ къ дядѣ, чтобы вылѣчить Лейли и жениться на ней. Ночью, наканунѣ свадьбы, къ отцу новаго царевича пришелъ неизвѣстный человѣкъ и сказалъ: «Я пророкъ Хидреллазъ; поздравляю тебя съ тѣмъ, что дочь твоя сдѣлалась мужчиною и женится на дочери твоего брата». Утромъ на родинѣ царевича праздновали его свадьбу.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, разсказчику, другое слушателю, а третье нищему, который стоитъ у калитки и проситъ подаянія.

Записалъ въ сел. Дагкесаманѣ Казахскаго уѣзд., Елисаветпольской губерніи

Исрафилъ Мурадовъ.

5. Патамъ-бѣднякъ.

Татарская сказка.

Въ городѣ Дамаскѣ въ древности жилъ бѣднякъ, по имени Патамъ. Онъ былъ до такой степени бѣденъ, что даже не имѣлъ жилища, въ которомъ бы могъ защитить себя отъ холода и ненастья; лѣтомъ онъ спалъ на улицѣ или на крышѣ, подъ открытымъ небомъ. Наступала зима; бѣдному Патаму приходилось испытывать всѣ невзгоды суроваго времени года. Наконецъ, нашъ бѣднякъ рѣшился выкопать себѣ землянку, и обратился къ городскимъ жителямъ съ просьбою, чтобы тѣ дали ему заступъ и лопату. Жители сжалились надъ нимъ и исполнили его просьбу. Тогда бѣднякъ отправился за городъ, гдѣ выбралъ себѣ удобное мѣсто и началъ копать землю. На глубинѣ одного аршина въ землѣ Патамъ нашелъ семь кюповъ*), наполненныхъ золотомъ. Радости бѣдняка не было границъ. Онъ взялъ горсть золота, а потомъ покрылъ кюпы землею и поспѣшилъ на базаръ; продавъ тамъ золото, Патамъ нанялъ работниковъ, которые огородили то мѣсто, гдѣ бѣднякъ нашелъ золото, каменною стѣною. Потомъ онъ пригласилъ мастеровъ и приказалъ имъ построить такое зданіе, которое бы превосходило всѣ городскіе дома изяществомъ и своими размѣрами, обѣщавъ имъ заплатить огромную сумму денегъ. Постройка продолжалась цѣлый годъ. Было выстроено такое великолѣпное зданіе, что оно приводило въ восторгъ всякаго путешественника, которому приходилось проѣзжать чрезъ Дамаскъ. Жители были сильно удивлены такою перемѣною въ судьбѣ Патама: человѣкъ, котораго они видали собирающимъ милостыню, теперь сдѣлался первымъ богачомъ въ городѣ. Всякій разъ, когда его спрашивали, какимъ это образомъ онъ пріи-

*) Кюпъ—большой глиняный кувшинъ, въ который наливаютъ вино.

обрѣлъ столько богатствъ, онъ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать: «Какъ вамъ извѣстно, я проводилъ свою жизнь въ крайне бѣдственномъ положеніи: терпѣливо переносилъ я холодъ, голодъ и всякія невзгоды; никогда не роталъ на свою судьбу, а, напротивъ, всегда благодарилъ Бога. За такое великое терпѣніе Богъ наградилъ меня богатствомъ, и черные дни моей жизни замѣнилъ свѣтлыми».

Вскорѣ послѣ этого Патамъ женился на дочери богатаго купца. Въ знакъ благодарности Богу, который такъ щедро вознаградилъ его, онъ построилъ особый домъ съ семью дверями; когда приходили къ нему нищіе за милостынею, то они таковую получала чрезъ каждую изъ этихъ дверей.

II

Однажды къ Патаму пришли нищіе, а въ числѣ ихъ дервишъ. По своему обыкновенію, Патамъ подалъ милостыню. Получивши милостыню, нищіе разошлись, но дервишъ остался на дворѣ. Когда Патамъ увидѣлъ дервиша, стоящаго на дворѣ, то сказалъ ему: «Дервишъ, вѣдь, ты получилъ милостыню, чего тебѣ еще нужно? если въ чемъ-нибудь нуждаешься, то скажи мнѣ: я исполню твое желаніе». Дервишъ отвѣчалъ: «Я ни въ чемъ не нуждаюсь; всю свою жизнь я провожу въ путешествіяхъ и теперь иду на востокъ. Проходя чрезъ этотъ городъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ жизнію въ немъ. На городской площади я увидѣлъ толпу нищихъ, идущихъ куда-то; я спросилъ ихъ, куда они идутъ. Нищіе мнѣ отвѣчали, что въ ихъ городѣ живетъ богатый человѣкъ, по имени Патамъ; онъ построилъ особый домъ для бѣдныхъ, гдѣ подаетъ милостыню; вотъ мы теперь идемъ къ нему, чтобы получить милостыню. Я тоже присоединился къ этой толпѣ и вмѣстѣ съ ними пришелъ къ тебѣ. Теперь я больше не въ состояніи продолжать свой путь: я сильно усталъ; но, какъ чужеземецъ, я здѣсь никого не знаю, гдѣ бы стать мнѣ на ночлегъ; поэтому я попро-

шу тебя позволить мнѣ переночевать въ твоемъ домѣ». Патамъ охотно согласился и позволилъ ему переночевать у себя. Дервишъ разсказывалъ Патаму о тѣхъ странахъ, гдѣ ему приходилось побывать и о разныхъ случаяхъ изъ своей жизни. Всѣ эти разсказы дервиша произвели на Патама сильное впечатлѣніе. Наконецъ, Патамъ обратился къ своему собесѣднику со слѣдующими словами: «Нѣсколько лѣтъ, какъ я построилъ этотъ домъ; ежедневно сюда приходитъ нѣсколько сотъ бѣдныхъ за милостынею, и каждый изъ нихъ получаетъ отъ меня семь разъ деньги. Ты много путешествовалъ и на своемъ вѣку встрѣчалъ много людей; скажи мнѣ: не видалъ ли ты гдѣ-нибудь на свѣтѣ человѣка, подобнаго мнѣ»?

На это дервишъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, ты отличаешься щедростью и помогаешь бѣднымъ; но я видѣлъ одного человѣка, который своею щедростью превосходитъ тебя. Въ городѣ Діарбекирѣ живетъ человѣкъ, по имени Ферхадъ. Онъ еженедѣльно по пятницамъ устраиваетъ у себя угощеніе, и на это угощеніе приглашаетъ бѣдныхъ и нищихъ; своимъ гостямъ онъ подаетъ пловъ на золотыхъ блюдахъ, при чемъ изъ каждаго блюда кушаютъ два человѣка; по окончаніи обѣда, по приказанію хозяина, одинъ беретъ себѣ золотое блюдо, а другой золотую крышку отъ этого блюда».

Патамъ до такой степени былъ удивленъ этою вѣстью, что нѣкоторое время ничего не могъ говорить. Его мучило любопытство; онъ хотѣлъ своими глазами увидѣть этого необыкновеннаго человѣка. Раньше онъ гордился тѣмъ, что на свѣтѣ нѣтъ ему равнаго въ щедрости, но теперь онъ согласился съ тѣмъ, что Ферхадъ щедрѣе его.

И вотъ Патамъ сказалъ дервишу: «Мнѣ очень желательно увидѣть этого замѣчательнаго человѣка своими глазами, и поэтому я непремѣнно завтра пойду въ городъ Діарбекиръ; но я имѣю къ тебѣ двѣ просьбы: во-первыхъ, давай помѣняемся одеждами, а, во-вторыхъ, до моего возвращенія оставайся въ

моемъ домѣ и подавай нищимъ подаяніе такъ же, какъ я самъ подаю имъ».

При этомъ Патамъ передалъ ему ключъ отъ того сундука, гдѣ хранились деньги.

III

На другой день, рано утромъ, Патамъ всталъ, переодѣлся дервишомъ и, простившись съ новымъ хозяиномъ, пустился въ путь. Дервишъ пожелалъ ему счастливаго пути.

Долго ли, коротко ли шелъ нашъ Патамъ, объ этомъ ничего неизвѣстно, но только чрезъ нѣсколько недѣль онъ прибылъ въ Діарбекиръ. На городской площади онъ увидѣлъ человѣка, который кричалъ во все горло: «Несчастные и нищіе, приходите на угощеніе Ферхада!» Со всѣхъ сторонъ собирались бѣдняки вокругъ крикуна; съ каждой минутой число ихъ возрастало: не успѣлъ оглянуться нашъ Патамъ, какъ ихъ собралось нѣсколько сотенъ. Патамъ тоже присоединился къ этой толпѣ. Толпа нищихъ пошла слѣдомъ за крикуномъ. Такимъ образомъ, Патамъ-бѣднякъ очутился въ громадномъ семиэтажномъ зданіи, выстроенномъ изъ бѣлаго мрамора. Всякій незнакомецъ, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, могъ бы подумать, что это царскій дворецъ. Такъ и думалъ Патамъ. Они вошли въ огромную залу, устланную шелковыми коврами. Патаму жаль было ступить ногами на дорогіе ковры. Зала эта до такой степени была велика, что всѣ триста человѣкъ помѣстились въ ней. Предъ обѣдомъ гости должны были по мусульманскому обряду вымыть руки; для исполненія этого обряда служители принесли золотой рукомойникъ съ водой и золотой тазъ. Когда гости вымыли руки, то слуги подали пловъ на золотыхъ блюдахъ, съ золотыми крышками. За каждымъ блюдомъ сидѣли два человѣка. По окончаніи обѣда гости должны были раздѣлить между собою золотыя блюда и золотыя крышки. При дѣлежѣ на долю Патама досталась золотая крышка. Когда нищіе разо-

шлись, то Патамъ попросилъ Ферхада позволить ему переночевать у него. Ферхадъ далъ свое согласіе. Когда онъ остался наединѣ съ Ферхадомъ, то обратился къ нему со слѣдующими словами: «Мнѣ очень любопытно узнать, откуда ты достаешь столько золота; сегодня здѣсь было триста человѣкъ, и каждый изъ нихъ получилъ: кто по золотому блюду, кто по золотой крышкѣ. Разскажи мнѣ свою исторію: какимъ образомъ ты пріобрѣлъ столько золота»?

—«Я не раскажу тебѣ своей исторіи до тѣхъ поръ, пока не разскажетъ своей исторіи богатый купецъ Зоххакъ, который живетъ въ такомъ-то городѣ. Онъ продаетъ свой товаръ покупателямъ съ барышомъ; когда же они, взявъ свои вещи, выходятъ изъ его лавки, то Зоххакъ зоветъ ихъ обратно въ лавку; товаръ беретъ онъ назадъ, а покупателямъ возвращаетъ полученныя деньги, а потомъ зажигаетъ товаръ и любуется пламенемъ. Если онъ тебѣ разскажетъ, почему такъ поступаетъ, тогда и я разскажу тебѣ свою исторію».

VI

На другой день, рано утромъ, Патамъ пустился въ путь. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Послѣ пятидневнаго пути онъ дошелъ до того города, гдѣ жилъ, по словамъ Ферхада, Зоххакъ. Патамъ засталъ его сидящимъ въ своемъ магазинѣ. Магазинъ его былъ биткомъ набитъ всевозможными мануфактурными товарами. Покупатели толпами стекались въ его магазинъ. Патамъ увидѣлъ, какъ купецъ послѣ продажи звалъ покупателей обратно въ лавку, возвращалъ имъ полученныя деньги, бралъ у нихъ назадъ проданныя вещи и потомъ зажигалъ ихъ. Озадаченный этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, Патамъ никакъ не могъ угадать, почему такъ поступаетъ купецъ. Вечеромъ, когда онъ заперъ свою лавку и пошелъ домой, то Патамъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Позволь мнѣ, дервишу, въ эту ночь остаться у тебя;

будь настолько великодушнымъ, и не откажи мнѣ въ этой моей просьбѣ».

Зоххакъ, выслушавъ благосклонно просьбу незнакомца, велѣлъ ему итти за собою. Вечеромъ Патамъ, измученный любопытствомъ, обратился къ Зоххаку со слѣдующимъ вопросомъ: «Почему, ты, продавши свой товаръ съ хорошимъ барышомъ, отбираешь его назадъ и сжигаешь? если ты будешь такъ поступать, то чрезъ нѣсколько времени истощишь всѣ свои богатства, и тебя постигнетъ бѣдность. Вѣроятно, здѣсь есть какая-то другая причина, которую я не могу угадать, если ты самъ не разскажешь мнѣ своей исторіи».

На это Зоххакъ отвѣчалъ: «Я свою исторію разскажу тебѣ тогда, когда ты разскажешь мнѣ исторію кузнеца Искендера. Въ одномъ городѣ живетъ какой-то кузнецъ, по имени Искендеръ. Онъ ведетъ замѣчательную жизнь: у него хорошая мастерская и нѣсколько учениковъ. Онъ бросаетъ желѣзо въ печь, а когда оно раскалится, то схватываетъ желѣзными клещами и кладетъ на наковальню, но какъ только онъ возьметъ въ руки молотъ, чтобы ударить по раскаленному желѣзу, то онъ тутъ же бросаетъ и молотъ и желѣзо, а самъ бѣжитъ на кладбище, обнимаетъ тамъ три могилы и горько плачетъ. Эта исторія повторяется съ нимъ каждый день по нѣскольку разъ. Такимъ образомъ, онъ не только ничего не дѣлаетъ, но напрасно расходуетъ свои деньги. Если ты откроешь мнѣ эту тайну, то и я разскажу тебѣ свою исторію». Утомленный Патамъ хотѣлъ было отсюда вернуться назадъ на свою родину, но ему досадно было вернуться назадъ домой ни съ чѣмъ послѣ столь продолжительнаго путешествія.

V

На другой день, на разсвѣтѣ, нашъ путникъ собрался въ дорогу. Долго ли, коротко ли шелъ нашъ путникъ, объ этомъ Аллахъ вѣдаетъ, но чрезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ

указанномъ городѣ. Патамъ нашелъ кузнеца Искендера въ такомъ положенiи, какъ ему разсказалъ Зоххакъ. Патамъ попросилъ у него позволенiя переночевать, на что̀ и получилъ согласiе. Ночью, когда подавали ужинъ, Патамъ сказалъ кузнецу Искендеру: «Я не приму пищи до тѣхъ поръ, пока ты не откроешь мнѣ своей тайны. Почему ты, когда кладешь желѣзо на наковальню, бросаешь молотокъ и желѣзо и бѣжишь на кладбище? Почему напрасно расходуешь деньги на учениковъ и уголья? Вѣдь, безъ причины ты этого не дѣлаешь».

Кузнецъ Искендеръ отвѣчалъ: «Пока ты отвѣдай пищи, а потомъ я разскажу тебѣ свою исторiю». Обрадованный Патамъ съ необыкновеннымъ нетерпѣнiемъ ожидалъ разсказа Искендера. Послѣ ужина тотъ началъ свой разсказъ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ муаззиномъ въ мечети. Мой голосъ до такой степени былъ хорошъ, что когда я пѣлъ, то птицы стаями прилетали, окружали со всѣхъ сторонъ минаретъ и слушали мое пѣнiе; благодаря такому голосу, въ этомъ городѣ всѣ уважали меня и давали хорошее жалованье.

Однажды я, по своему обыкновенiю, взобрался на минаретъ, чтобы пропѣть полудневную молитву. Въ это время я посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что до двѣнадцати часовъ остается четверть часа; поэтому, я долженъ былъ ждать срока. Въ этотъ моментъ вдругъ прилетѣла ко мнѣ на минаретъ бѣлая, красивая птица, которая чуть было не коснулась моей головы. Она мнѣ очень понравилась; я протянулъ руку, чтобы поймать ее. Какъ только я коснулся ея рукой, она поднялась и меня подняла съ собою. Какъ далеко отъ поверхности земли она подняла меня, объ этомъ я не могу сказать, но только земля, когда я посмотрѣлъ съ высоты, показалась мнѣ въ видѣ маленькой точки. Но отъ страха я больше не могъ смотрѣть на землю. Какимъ образомъ я очутился на землѣ и на какомъ мѣстѣ, объ этомъ я не вѣдаю, но я увидѣлъ, что нахожусь на роскошной степи. На этой степи я увидѣлъ тро-

ninку, по которой я и пошелъ. Вдругъ моимъ глазамъ представилась живописная картина: я увидѣлъ передъ собою семиэтажный дворецъ громадной величины, построенный изъ золотыхъ кирпичей. Мнѣ очень хотѣлось узнать, кому принадлежитъ этотъ дворецъ; съ этою цѣлью я вошелъ въ него. По мраморнымъ ступенямъ я подымался съ одного этажа на другой, вездѣ и повсюду дивясь чудесамъ. Изразцы яркихъ цвѣтовъ и лѣпная работа въ этомъ дворцѣ были доведены до замѣчательной степени совершенства.

На самомъ верхнемъ этажѣ, въ одной комнатѣ, я увидѣлъ красавицу, которая спала на золотомъ тронѣ. Она была такъ красива, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Я стоялъ предъ спящей царицей въ какомъ-то оцѣпененіи; плѣненный ея красотой, я не могъ совладать со своимъ сердцемъ и, подойдя ближе, нагнулся, чтобы поцѣловать ее, но тутъ я поскользнулся и упалъ на нее.

Сейчасъ она проснулась и закричала на весь дворецъ. На крикъ ея мгновенно сбѣжались вельможи и служители. Тогда царица обратилась къ нимъ и, указывая на меня, сказала: «Этотъ человѣкъ хотѣлъ обезчестить меня; что́ вы на это скажете?»

Одинъ вельможа сказалъ: «такому злодѣю нужно отрубить голову!»; другой сказалъ: «такого человѣка нужно сжечь», а третій сказалъ: «такого неуча нужно отдать на растерзаніе звѣрямъ.»

Въ это время я отъ страха дрожалъ всѣмъ тѣломъ и думалъ, что́ будетъ со мною, если царица приведетъ всѣ эти рѣшенія въ исполненіе. Наконецъ, сама царица рѣшила такимъ образомъ: «Я прощаю ему: когда онъ увидѣлъ меня, то у него въ сердцѣ разгорѣлась любовь, и онъ, увлекшись своимъ чувствомъ, рѣшился на такое смѣлое дѣло. Кто его принесъ сюда, пускай тотъ и отнесетъ его на родину». Приказаніе ея немедленно было исполнено; меня вывели изъ дворца. Въ скоромъ

времени я былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я очутился въ первый разъ. Прилетѣла та же самая птица, которая меня принесла сюда; она взяла меня къ себѣ на крылья и поднялась. Чрезъ нѣсколько минутъ я былъ на минаретѣ, гдѣ я находился четверть часа тому назадъ. Я посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что какъ разъ двѣнадцать часовъ. Я началъ пѣть молитву, но мой голосъ до такой степени измѣнился, что люди стали подымать меня на смѣхъ и говорили: «Какой ты глупый человѣкъ; съ такимъ противнымъ голосомъ ты хочешь занимать мѣсто нашего муаззина. Бывало, когда запоетъ нашъ муаззинъ, то всѣ птицы прилетали слушать его пѣніе. Это не нашъ муаззинъ: твой голосъ такъ далеко стоитъ отъ голоса того, какъ небо отъ земли!»

Съ тяжелой грустью я выслушивалъ подобные отзывы. Послѣ потери голоса я больше не хотѣлъ жить въ этомъ городѣ. Рѣшившись оставить свой родной городъ, я поручилъ матери свою молодую жену (было не больше шести мѣсяцевъ, какъ я женился) и также отдалъ ей деньги на расходы до моего возвращенія. Послѣ того какъ мать благословила меня, я выѣхалъ изъ родного города. Пріѣхавши въ другой городъ, я принялся за кузнечное ремесло. Тамъ я оставался пятнадцать лѣтъ. Въ продолженіе этого времени мой прежній голосъ началъ постепенно возвращаться. Собравши свои богатства, заработанныя мною тежелымъ трудомъ, я вернулся на свою родину. Когда я приблизился къ нашему городу, то сильно стемнѣло, и поэтому городскія ворота были заперты. Вслѣдствіе этого, я вынужденъ былъ провести ночь за воротами, подъ открытымъ небомъ, и ждать до слѣдующаго дня; но сердце мое сильно волновалось: послѣ такой продолжительной разлуки я со страшнымъ нетерпѣніемъ ждалъ счастливой встрѣчи со своимъ семействомъ. Долго не думая, я рѣшился въ ту же минуту пробраться въ городъ. Оставивъ свою лошадь и свои вещи за воротами, самъ

я перелѣзъ чрезъ городскую стѣну и, направившись къ своему дому, нашелъ все свое семейство спящимъ. Вдругъ я увидѣлъ, что около моей жены спитъ какой-то юноша, лѣтъ пятнадцати. При видѣ этой картины, я вышелъ изъ себя и пришелъ въ дикую ярость. Мнѣ было очень досадно: «Неужели и мать измѣнила мнѣ.... Неужели и моя вѣрная супруга забыла обо мнѣ и, пользуясь моимъ отсутствіемъ, успѣла найти себѣ любовника! Охъ, Боже мой!»

Обнаживъ свою саблю, я зарѣзалъ всѣхъ спящими: сперва я отрубилъ голову матери, потомъ измѣнницѣ женѣ и, наконецъ, юношѣ. Послѣ совершенія этихъ убійствъ, я вложилъ саблю въ ножны и вышелъ вонъ изъ своего дома. Перелѣзши обратно чрезъ городскія стѣны, я ждалъ, когда отворятъ ворота. На другой день, когда ворота отворились, я въѣхалъ въ городъ. Въ городѣ меня встрѣтила плачущая толпа нашихъ родственниковъ и извѣстила меня о случившемся несчастіи. «Въ эту ночь,» говорили они: «въ твой домъ забрался какой-то злодѣй безбожный и отсѣкъ голову твоей матери, твоей женѣ и твоему сыну.» Я только тутъ узналъ свою ошибку, началъ рыдать, рвать на себѣ волосы, бить себя по головѣ кулакомъ, но все было напрасно: потеряннаго не воротишь! День и ночь я проводилъ въ уединеніи и плакалъ, но никакъ не могъ слезами облегчить своего горя. Потомъ я открылъ мастерскую, которую ты видѣлъ. Но какъ только я накладываю раскаленное желѣзо на наковальню, то моя мать, жена и сынъ съ отрубленными головами предстаютъ предо мною. Сперва мать обращается ко мнѣ со слѣдующими словами:

«Неблагодарный сынъ мой! ты покинулъ меня и свою беременную жену на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Потомъ она родила сына. Я собирала милостыню, кормила и пріютила твою несчастную супругу и малолѣтняго сына. Охъ, Боже мой! какія лишенія переносила я... Вмѣсто того чтобы получить отъ тебя благодарность, ты, не

зная, въ чемъ дѣло, отрубилъ мнѣ, безвинной женщинѣ, голову»!...

Потомъ жена начинаетъ говорить: «Безжалостный мужъ мой! Мы съ тобою только шесть мѣсяцевъ жили вмѣстѣ; потомъ по неизвѣстной мнѣ причинѣ ты отправился на чужбину, оставивъ меня безъ всякаго защитника. Я родила тебѣ сына и усердно воспитывала его. Когда онъ плакалъ, спрашивая: «Гдѣ мой папа? когда онъ пріѣдетъ?» то я всегда успокаивала его, говоря: «Скоро пріѣдетъ твой отецъ и тебѣ привезетъ много гостинцевъ.» Въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ намъ часто приходилось голодать цѣлыми сутками, не находя куска хлѣба. Терпѣливо я переносила эти невзгоды и утѣшалась надеждой на радостную встрѣчу съ тобою. Въ концѣ концовъ, чтó же вышло изъ моего ожиданія? Ты, не зная, въ чемъ дѣло, напрасно отрубилъ мнѣ, безвинной твоей женѣ, голову... Очень хорошо ты отблагодарилъ меня за мои страданія»...

Наконецъ, сынъ мой обращается ко мнѣ: «Жестокій отецъ! какъ тебѣ совѣсть позволила погубить своего единственнаго несчастнаго сына? Сколько лѣтъ я ожидалъ твоего возвращенія и счастливой встрѣчи. Мои сверстники въ праздничные дни одѣвались въ изящныя платья и гордились своими родителями; они издѣвались надъ моимъ изорваннымъ платьемъ и называли меня нищимъ сиротой; я плакалъ и спрашивалъ мамы: «Мама, неужели нѣтъ у меня отца? Мои сверстники одѣты въ новое платье; они издѣваются надо мною и называютъ меня сиротою.» Бѣдная моя мать всегда успокаивала меня, говоря: «Успокойся, сынъ мой: въ скоромъ времени твой отецъ пріѣдетъ съ богатыми подарками; тогда и тебѣ будетъ весело.» Подозрѣвая свою жену въ безчестіи, ты пролилъ кровь трехъ невинныхъ мучениковъ.»

Въ это время я, бросая молотокъ, клещи и желѣзо, хочу поймать ихъ; но они убѣгаютъ, я бѣгу за ними. Такимъ образомъ мы доходимъ до кладбища, гдѣ каждый изъ нихъ скры-

вается въ своей могилѣ. Я обнимаю могилы и плачу до тѣхъ поръ, пока у меня въ сердцѣ не становится легче, а потомъ возвращаюсь въ свою лавку. Это случается со мною каждый день столько разъ, сколько я накладываю раскаленное желѣзо на наковальню. Совѣсть мучаетъ меня, и въ моемъ сердцѣ образовалась неисцѣлимая рана. Въ этомъ-то и заключается вся тайна моего поступка. До какого времени продолжится это со мною, не знаю.»

Патамъ-бѣднякъ былъ тронутъ до глубины сердца грустною исторіею кузнеца Искендера.

VI

На другой день Патамъ, простившись съ Искендеромъ, пустился въ обратный путь. Пришедши къ Зоххаку, онъ разсказалъ ему все то, что слыхалъ отъ кузнеца Искендера. Зоххакъ внимательно выслушалъ разсказъ Патама и былъ пораженъ злопоручной судьбою кузнеца Искендера. Тогда Зоххакъ сказалъ Патаму: «Ты исполнилъ то, что я тебѣ предложилъ; теперь я могу открыть тебѣ свою тайну. Мой отецъ былъ первый богачъ въ этомъ городѣ. Нашъ домъ былъ въ центрѣ города и далеко превосходилъ другіе дома красотою и величиною. При нашемъ домѣ находился красивый садъ, въ которомъ было много всевозможныхъ фруктовыхъ деревьевъ, а посрединѣ находился мраморный резервуаръ (чарховозъ), окруженный кустами розъ. Какъ прелестенъ былъ этотъ садъ весною, когда все начинало зеленѣть и цвѣсти! Цвѣты благоухали, а повсюду раздавались серебристые голоса птицъ.

У меня была сестра, которая вела знакомство съ дочерьми Хурійскаго царя. Онѣ каждый годъ, весною, прилетали въ видѣ голубей въ нашъ садъ, гдѣ онѣ ѣли, пили, веселились съ моею сестрою и купались въ нашемъ резервуарѣ. Я каждый день ходилъ въ садъ и гулялъ; но когда царевны прилетали,

то мнѣ строго запрещалось ходить туда. Впрочемъ сестра, когда въ саду были ея сверстницы, затворяла за собой ворота.

Однажды пришло время, когда дочери Хурійскаго царя, по своему обыкновенію, должны были прилетѣть къ сестрѣ. Рано утромъ я вошелъ въ садъ и спрятался въ кустарникѣ. Солнце стояло въ зенитѣ. Вдругъ я увидѣлъ трехъ голубей, спустившихся съ неба, прямо въ нашъ садъ. Моя сестра со своими подругами давно ожидала ихъ. Чтó же представилось моимъ глазамъ? Голуби, сбросивъ съ себя птичью оболочку, превратились въ писанныхъ красавицъ. Изъ всѣхъ трехъ сестеръ мнѣ особенно понравилась младшая, и я рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть ею. Когда царевны бросились въ резервуаръ купаться, то я, улучивъ подходящую минуту, тихонько подкрался къ тому мѣсту, гдѣ находились голубиныя шкурки дочерей Хурійскаго царя. Захвативъ шкуру младшей сестры, я опять спрятался на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Выкупавшись, царевны стали надѣвать свои шкуры. Двѣ старшія сестры уже ихъ надѣли, но шкурку своей младшей сестры онѣ никакъ не могли найти. Тогда младшая царевна обратилась къ моей сестрѣ со слѣдующими словами: «Развѣ мы не просили тебя, чтобы, когда мы бываемъ у васъ, никого не пускали въ садъ? Вѣроятно, здѣсь находится какой-нибудь человѣкъ, который и похитилъ мою голубиную шкурку.»

Сестра долго молчала, не зная, чтó отвѣчать царевнѣ. Голова ея наполнена была различными догадками; ей казалось удивительнымъ, кто это могъ сдѣлать и откуда это ему удалось забраться въ садъ, тѣмъ болѣе что она сама затворила ворота.

Онѣ начали осматривать кусты, чтобы найти похитителя шкурки. Скоро ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ: онѣ нашли меня лежащимъ между кустами розъ. При видѣ меня, сестра пришла въ ярость и начала бранить меня. Она хотѣла отнять у меня шкурку, но царевна остановила ее, говоря: «Лучше ты оставь его въ покоѣ: онъ нисколько не виноватъ въ этомъ дѣ-

лѣ; видно, моя судьба такова. Одна волшебница предсказала мнѣ это. Къ тому же эта голубиная шкурка теперь потеряла свое значеніе, потому что человѣческая рука коснулась ея.» Потомъ она сказала своимъ: «Дорогія мои сестры! отнесите отъ меня поклонъ милымъ родителямъ и скажите имъ, пусть они не горюютъ обо мнѣ. Чтó же дѣлать, надо подчиниться Божьей волѣ: значитъ Богу такъ было угодно!»

Сестры обнялись, поцѣловались и разстались. Двѣ сестры опять превратились въ голубей и улетѣли во-свояси.

Царевна подошла ко мнѣ и, взявши меня за руки, прибавила: «Теперь я принадлежу тебѣ; ты мой мужъ, а я твоя жена; пойдемъ къ твоему отцу для принятія благословенія, а потомъ вступимъ въ бракъ.»

Я былъ въ неописанномъ восторгѣ. Мы вышли изъ сада и отправились домой. Моя злая сестра уже успѣла доложить моему отцу обо всемъ случившемся и обвиняла меня предъ отцомъ въ томъ, чтó я оскорбилъ ея подругъ. Отецъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ грознымъ голосомъ: «Во-первыхъ, ты нарушилъ правила гостепріимства и самымъ нахальнымъ образомъ оскорбилъ дочерей Хурійскаго царя, подругъ твоей сестры; во-вторыхъ, я, какъ твой отецъ, долженъ былъ по своему выбору женить тебя, но ты самъ, по своему вкусу, избралъ невѣсту; ты не подумалъ, что я могу не согласиться на твою женитьбу. Ты не считаешь меня отцомъ, слѣдовательно я не считаю тебя сыномъ и лишаю тебя права быть моимъ наслѣдникомъ. Возьми свою избранную невѣсту и отправляйся съ ней, куда хочешь. Скорѣе вонъ отсюда, чтобы мои глаза больше не видѣли тебя, измѣнника?.

Напрасно я валялся у ногъ отца, напрасно умолялъ его, чтобы онъ простилъ меня. Непреклонный отецъ началъ кричать пуще прежняго:» Если сегодня же вы не уйдете изъ этого дома, то я прикажу своимъ слугамъ прогнать васъ самымъ безжалостнымъ образомъ.»

Я пришелъ къ своей невѣстѣ, печальный и грустный. Она спросила меня о причинѣ печали. Я не могъ скрыть правды и разсказалъ все то, чтó услышалъ отъ своего отца. Она меня утѣшала, говоря: «Не горюй, мой милый! возьми эти деньги и купи лучшій домъ въ здѣшнемъ городѣ. Ты долженъ исполнить приказаніе отца». Сказавъ это, она дала мнѣ нѣсколько сотенъ червонцевъ. Взявъ эти червонцы, я тотчасъ же пошелъ и купилъ себѣ домъ. Поселившись въ этомъ домѣ, я вступилъ съ царевной въ бракъ. При этомъ она мнѣ объяснила слѣдующее: «Если ты хочешь навсегда владѣть мною и никогда не разставаться, то, когда у насъ родится ребенокъ, ты не бери его на руки; въ противномъ случаѣ, мы разстанемся съ тобою на всю жизнь.»

Я обѣщалъ исполнить ея просьбу. Потомъ она мнѣ дала много денегъ, и я открылъ лавку, которую ты видѣлъ, и занялся торговлей. Чрезъ годъ моя жена родила красивую дочь. Я очень любилъ ее и всей душой привязался къ ней; я часто хотѣлъ взять ее на руки и поцѣловать, но во-время вспоминалъ о томъ, чтó сказала мнѣ моя жена. Однажды я, пользуясь ея отсутствіемъ, взялъ ребенка на руки и поцѣловалъ его. Въ это время внезапно вошла въ комнату моя жена. Увидѣвъ это, она пришла въ ярость и сказала мнѣ сердитымъ голосомъ: «Развѣ я не приказывала тебѣ не брать младенца на руки? Развѣ я не предупреждала, что если ты будешь дѣйствовать не такъ, какъ я тебѣ приказываю, то тебѣ придется за это много страдать?» При этихъ словахъ она отняла у меня бѣднаго ребенка и разорвала пополамъ. Ребенокъ тотчасъ же превратился въ птицу и улетѣлъ вонъ изъ комнаты. «На этотъ разъ я прощаю тебя,» начала моя жена: «если же въ другой разъ случится это, то ты лишишься той, которую ты любишь больше своей жизни: мы разстанемся навѣки.»

Чрезъ годъ она родила такого красиваго сына, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Отцовская любовь разго-

рѣлась въ моемъ сердцѣ, но я не рѣшался прикоснуться къ моему ребенку, хотя мнѣ очень хотѣлось его расцѣловать. Но однажды я не вытерпѣлъ: улучивъ время, когда моей супруги не было дома, я взялъ ребенка, обнялъ и поцѣловалъ его. Въ ту же минуту она вошла въ комнату. Озлобленная и разгнѣванная она вырвала у меня ребенка и, какъ голодный волкъ, поймавшій ягненка, растерзала его. Ребенокъ моментально превратился въ птицу и улетѣлъ. Потомъ она обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами: «Ну, теперь оставайся съ Богомъ; ты самъ былъ причиною постигшаго тебя несчастья; не даромъ я предупреждала тебя... «Съ этими словами она превратилась въ голубя и улетѣла. Скоро она скрылась изъ моихъ глазъ. Удрученный этимъ печальнымъ событіемъ, я долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею. Эта разлука такъ подѣйствовала на меня, что я нѣсколько дней и ночей не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, а все время плакалъ. Но видя, что этимъ никакъ не могу помочь своему горю, я пересталъ плакать по цѣлымъ днямъ и опять принялся за свое дѣло; каждый день я хожу въ лавку и занимаюсь торговлею. Въ мою лавку толпами стекаются покупатели со всѣхъ концовъ земли. Какъ только я получаю отъ нихъ деньги за проданныя вещи, то моя супруга является ко мнѣ со своими младенцами и говоритъ мнѣ: «Твой родной отецъ прогналъ тебя изъ дому; но я въ эту несчастную минуту не покинула тебя: я покровительствовала тебѣ, отдала тебѣ деньги, и ты купилъ домъ и открылъ лавку. Ты очень плохо отплатилъ мнѣ за оказанныя мною услуги: благодаря твоему упрямству, я погубила двухъ своихъ невинныхъ младенцевъ, а потомъ я принуждена была разлучиться и съ тобою, хотя это было для меня очень тяжело. Причиною всѣхъ этихъ несчастій служилъ ты самъ. Оказывается все это для тебя ничего: словно ты радуешься этому случаю; теперь ты пользуешься моими богатствами. Покупатели несмѣтнымъ числомъ стекаются къ твоей лавкѣ, и ты продаешь имъ свои

оvары, получая большую прибыль; но я не позволю тебѣ, тобы ты пользовался моимъ богатствомъ. Бери у покупателей проданные товары и сжигай ихъ предъ моими глазами.» Потому я, исполняя ея приказаніе, беру у покупателей проданные товары и сжигаю ихъ. Она смотритъ на пламя горящихъ товаровъ, но какъ только они догораютъ, то она опять улетаетъ. Я очень радъ этому обстоятельству, потому что только этимъ путемъ вижу свою любимую жену. Вотъ въ этомъ-то и заключается причина того, что тебѣ кажется столь удивительнымъ.»

VII

Патамъ, поблагодаривъ Зоххака, который удовлетворилъ его любопытству, вернулся въ городъ Діарбекиръ. Прибывши туда, онъ разсказалъ Ферхаду подробно обо всемъ томъ, чтó сообщилъ ему Зоххакъ. Ферхадъ съ интересомъ выслушалъ разсказъ своего собесѣдника, и когда тотъ кончилъ свой разсказъ, то Ферхадъ сказалъ ему: «Ты сообщилъ мнѣ весьма интересную для меня вѣсть; теперь слушай, и я тебѣ разскажу свое приключеніе.

Я единственный сынъ богатыхъ родителей. Когда пришли послѣднія минуты жизни моего отца, то онъ, чувствуя близость смерти, позвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

«Любезный сынъ! пришелъ послѣдній часъ моей жизни. Слушай внимательно, чтó я тебѣ скажу. Каждый человѣкъ рано или поздно долженъ умереть: это общій законъ природы. Лютая смерть ко всѣмъ относится одинаково: для нея нѣтъ разницы между могущественнымъ царемъ и послѣднимъ рабомъ. Теперь пришла и моя очередь подвергнуться этой участи.

Послѣ моей смерти ты не предавайся особенной печали и не падай духомъ; ибо этимъ ты только можешь разгнѣвать Бога. Я оставляю тебѣ столько богатствъ, сколько не оставлялъ никогда никакой отецъ. Вотъ слушай, чтó я завѣ-

щаю тебѣ: во-первыхъ, не довѣряйся никому, не испытавши его въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ; во-вторыхъ, избѣгай товарищества съ дурными людьми; въ-третьихъ, имѣй въ виду то, что я не уроженецъ этого города: я переселился сюда изъ Йемена, будучи еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Я поссорился со своею мачехою и, покинувъ въ темную ночь отцовскій домъ, прибылъ въ этотъ городъ. Слѣдовательно, я никакого родственника здѣсь не имѣю; всѣ мои родственники находятся на моей родинѣ. Если послѣ моей смерти найдутся здѣсь родственники, то ты не вѣрь: они имѣютъ какую-нибудь затаенную цѣль. Но, впрочемъ, въ городѣ живетъ мой пріятель, съ которымъ я раздѣлялъ и радость и горе. Ты можешь обращаться къ нему за совѣтомъ, когда тебѣ придется плохо. Ты не забывай моего завѣта и...» Съ этими словами отецъ испустилъ послѣдній вздохъ и отдалъ свою душу Богу.

Смерть моего отца поразила меня. Я пересталъ ѣсть и пить, и все время плакалъ. Въ это время, когда я такъ горевалъ, приходитъ ко мнѣ толпа въ сорокъ человѣкъ: всѣ выражаютъ сочувствіе моему горю, и каждый изъ нихъ выдаетъ себя за какого-нибудь близкаго родственника моему отцу. Тогда я подумалъ: зачѣмъ отецъ меня обманулъ: онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь нѣтъ ни одного родственника, а между тѣмъ число ихъ простирается до сорока. Они начали утѣшать меня, говоря:

«Никакою силою, хотя бы даже сдвинуть гору съ ея основанія или сводъ небесный повалить на землю, не воротишь того, кто покинулъ нашу землю. Тво рыданія, твои слезы напрасны.»

Однажды, пришедши ко мнѣ, они сказали: «Удивляемся твоему терпѣнію: все время ты, какъ женщина, сидишь дома. Развѣ можно въ разгаръ весны сидѣть дома? Поля и сады благухаютъ душистымъ запахомъ ландыша. Пойдемъ съ нами, прогуляемся и будемъ наслаждаться природою.» Мы пошли гулять. Они такъ устроили, что я совершенно забылъ о такъ недавно постигшемъ меня несчастіи.

Почти каждый день мы устраивали прогулки и пирушки, куда и приглашали музыкантовъ и пѣвцовъ. Подъ вліяніемъ своихъ дурныхъ товарищей я началъ кутить. Съ теченіемъ времени я совершенно сдѣлался пьяницею. Нѣсколько лѣтъ велъ я такую жизнь, и чтó же вышло въ концѣ концовъ? Я растратилъ всѣ отцовскія богатства. Впослѣдствіи я продалъ свóй домъ и все свое имѣніе. Въ короткое время и эти деньги были истрачены мною на общее веселье; такимъ образомъ, я совершенно промотался. Вдругъ я вспомнилъ о своей бѣдной матери; «Чтó же съ нею случилось,» думалъ я: «послѣ того, какъ я продалъ свой домъ?» Я засталъ ее въ лачужкѣ, гдѣ жила нѣкогда наша прислуга. Она сидѣла на рогожѣ и пряла нитки. Увидѣвши меня, она вымолвила:» Сынъ мой, какъ скоро ты забылъ завѣщаніе своего покойнаго отца! Развѣ онъ не сказалъ тебѣ, чтобы ты избѣгалъ дурныхъ товарищей? Развѣ онъ не говорилъ тебѣ, что у насъ здѣсь нѣтъ никакихъ родственниковъ? Безсовѣстные люди! они соблазнили моего сына и погубили и его и меня!»

«Чтó ты говоришь», сказалъ я ей: «они меня считаютъ своимъ братомъ и готовы пожертвовать за меня своею жизнью».— «Ахъ, легковѣрный сынъ мой! ты не знаешь того, что они всю свою жизнь проводятъ въ обманѣ и вѣроломствѣ. Многихъ людей они уже разорили. Ты для ихъ удовольствія истратилъ все свое богатство и сдѣлался нищимъ; послѣ этого они даже не будутъ и кланяться тебѣ».

Эти слова крайне удивили меня, но я хотѣлъ удостовѣриться въ вѣрности словъ своей матери и съ этою цѣлью сходилъ къ одному изъ своихъ товарищей-братьевъ; изъ всѣхъ сорока пріятелей онъ больше выражалъ мнѣ свою искреннюю любовь и всегда называлъ «братомъ». Дошедши до его дома, я постучался въ двери. Когда мой пріятель-братъ вышелъ изъ дому, то я привѣтствовалъ его саламомъ (поклономъ) и сказалъ: «Чтó это, братъ, давно тебѣ не видать!...» Но онъ грубо пре-

рвалъ мою рѣчь: «Какое ты право имѣешь называть меня братомъ, когда я тебя вовсе не знаю». Раздосадованный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ своего пріятеля-брата, я сказалъ: «Какъ тебѣ не совѣстно такъ безбожно врать? Всѣ свои богатства я употребилъ на общее удовольствіе и не жалѣлъ для тебя послѣдней копейки. Благодаря тебѣ, я сдѣлался бѣднякомъ, и вмѣсто того чтобы поблагодарить меня за мою чрезмѣрную доброту, ты такъ нагло врешь мнѣ въ глаза».—«Ты съ ума сошелъ, или съ того свѣта явился?» сказалъ тотъ: «я въ первый разъ въ своей жизни вижу тебя. Убирайся скорѣе: я не имѣю дѣла съ дураками!» Съ этими словами онъ захлопнулъ двери и ушелъ.

Я только тутъ понялъ значеніе отцовскихъ словъ, только тутъ я догадался, чтó за люди были мои пріятели и какъ они меня обманули. Возвратившись домой къ матери, я упалъ предъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки и ноги и произнесъ умоляющимъ голосомъ: «Дорогая мать! прости меня: я кругомъ виноватъ предъ тобою; я погубилъ тебя и себя».

Мать поцѣловала меня и успокоила ласковыми словами: «Любезный сынъ», начала она: «человѣкъ не минуетъ своей судьбы; ты нисколько не виноватъ: чтó написано, то будетъ съ тобою. Чтó ты подѣлаешь съ этими злодѣями, которые всю свою жизнь проводили въ обманѣ и мошенничествѣ».

«Теперь чтó же мнѣ дѣлать», спросилъ наконецъ я: «вѣдь не могу же я съ сумою ходить по городу за подаяніемъ; хотя я потерялъ свое богатство, но не лишился еще чести».

Мать отвѣчала мнѣ: «Помнишь, твой покойный отецъ предъ смертью сказалъ тебѣ: «Сынъ мой, когда ты будешь въ затруднительномъ положеніи, то обращайся за совѣтомъ къ моему старому товарищу». Ты сходи къ нему: можетъ-быть, онъ какъ-нибудь тебя выручитъ».

Обрадованный этою вѣстью, я поспѣшилъ къ старому товарищу отца. Предъ нимъ я палъ на колѣни, разсказалъ

о всемъ случившемся и просилъ его поправить мое дѣло; при этомъ я умолялъ его: «Ради моего отца, твоего вѣрнаго друга, выведи меня изъ этого затруднительнаго положенія».

«Сынъ мой», началъ старикъ: «для твоего счастья я готовъ принять всѣ мѣры; но есть только одно единственное средство помочь твоему горю: въ какой-то башнѣ живетъ дивъ съ семью головами. Онъ владѣетъ несмѣтнымъ богатствомъ. Сверхъ того, у него есть двѣ лампады, отличающіяся чудесными свойствами; одна называются золототворною, а другая—серебротворною. Пока золототворная лампада горитъ яркимъ свѣтомъ, золото льется изъ нея крупными каплями, и въ продолженіе однѣхъ сутокъ получается нѣсколько пудовъ золота; во время горѣнія серебротворной лампады изъ нея льется крупными каплями серебро, и въ теченіе сутокъ получается нѣсколько десятковъ пудовъ серебра. Если ты добудешь одну изъ этихъ лампадъ, то будешь богаче и счастливѣе прежняго; но ты постарайся достать первую изъ нихъ. Впрочемъ я долженъ предупредить тебя: дорога, ведущая въ эту башню, усѣяна чудовищами. Много находилось смѣльчаковъ, которые домогались этихъ лампадъ, но никто изъ нихъ не возвращался назадъ: всѣ они были погублены этими чудовищами. Смотри, и съ тобою можетъ случиться то же самое».

«Ничего», отвѣчалъ я: «давно я окончилъ бы свою жизнь самоубійствомъ, если бы не было у меня матери. Мнѣ ея жаль. Чтó ей бѣдной дѣлать послѣ моей смерти. Пойду попытаю своего счастья: или сдѣлаюсь добычею чудовищъ, или благополучно достигну своей цѣли. Если я не вернусь назадъ, то прошу тебя оказывать покровительство моей матери и не допускать ее предаваться горю".

Старикъ успокоилъ меня. «Ты не безпокойся о своей матери. Я устрою все дѣло такъ, что она даже не замѣтитъ твоего отсутствія. Ступай съ Богомъ; желаю тебѣ счастливаго пути! Дай Богъ, чтобы ты вернулся назадъ безъ всякаго вреда, достигши своей цѣли».

Старикъ далъ мнѣ свое благословеніе, и я отправился въ путь. Послѣ трехневнаго путешествія я дошелъ до того мѣста, гдѣ дорога раздѣлялась на три части: одна изъ нихъ вела на востокъ, другая на западъ, а третья шла прямо. Я долго оставался въ недоумѣніи, не зная, которою изъ этихъ трехъ дорогъ итти дальше. Будучи усталымъ, я рѣшился отдохнуть до слѣдующаго дня и легъ спать. Во снѣ я вижу, что кто-то говоритъ мнѣ: «Молодой человѣкъ, не робѣй: отправляйся смѣло среднею дорогою! Я тебѣ порука въ томъ, что не подвергнешься никакой опасности и благополучно достигнешь своей цѣли».

Ободренный этимъ сновидѣніемъ, я на разсвѣтѣ отправился средней дорогою. Вездѣ по дорогѣ валялись кучами трупы людей и животныхъ. Вдругъ я вижу, что дорога преграждена громадными пахучими кустами, которые срослись между собою такъ плотно, что даже не пропускали дневнаго свѣта. Тогда я подумалъ: «Какой пріятный запахъ они издаютъ: если бы у меня было время, то я понюхалъ бы ихъ». Въ эту минуту кусты посторонились, дали мнѣ дорогу, и я свободно прошелъ между ними. Когда я отошелъ отъ нихъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, то они снова сцѣпились другъ съ другомъ. Идя дальше, я увидѣлъ рѣку, текущую кровью. „Какая это чистая и прозрачная вода», сказалъ я: «если бы у меня было время, то я утолилъ бы свою жажду». Въ ту же минуту въ рѣкѣ вся кровь исчезла, и осталось сухое русло. Какъ только я перешелъ на другой берегъ, то рѣка опять наполнилась кровью. Я пошелъ дальше. Вдругъ вижу съ обѣихъ сторонъ дороги къ столбамъ привязаны желѣзными цѣпями: съ одной стороны чудовище-собака, а съ другой чудовище-конь. Предъ собакой лежало сѣно, а предъ конемъ—кусокъ мяса. Я взялъ сѣно и положилъ предъ конемъ, а мясо предъ собакой. Въ ту же минуту они посторонились и дали мнѣ дорогу. Какъ разъ на срединѣ дороги находилось двое дверей: одна изъ нихъ была

отперта, а другая заперта. Первую я затворилъ, а вторую отворилъ и опять пошелъ своею дорогою. Дальше я вижу, что на дорогѣ лежатъ два ковра: одинъ изъ нихъ былъ разложенъ, а другой сложенъ. Первый коверъ я сложилъ, а второй разостлалъ и опять пошелъ дальше. И, наконецъ, я увидѣлъ башню, цѣль моихъ стремленій. Въ этой башнѣ я увидѣлъ красавицу-царевну. При видѣ меня, она была сильно удивлена и въ то же самое время видимо обрадована. «Какимъ образомъ ты попалъ сюда,» начала она: «нѣсколько уже лѣтъ, какъ похитилъ меня владѣлецъ башни, семиглавый дивъ. Я дочь могущественнаго царя. Однажды я со своими сверстницами-подругами отправилась гулять. Въ это время семиглавый дивъ, влюбившійся въ меня, утащилъ меня въ свою башню. Вотъ съ тѣхъ поръ я и нахожусь здѣсь. Ни разу не случалось мнѣ видѣть человѣческаго лица: никто не можетъ добраться до этой башни, потому что дорога, ведущая къ ней усѣяна разными чудовищами. Каждый человѣкъ, который дерзнетъ пробраться въ это проклятое мѣсто, погибаетъ отъ этихъ чудовищъ. Я удивляюсь, какимъ образомъ они пропустили тебя. Мнѣ очень жаль тебя: въ скоромъ времени дивъ вернется съ охоты и, замѣтивъ тебя, растерзаетъ на мелкія части.»

Я разсказалъ ей о томъ, какъ я добрался до этой башни, и зачѣмъ я пришелъ сюда; при чемъ я успокоилъ ее словами: «Не бойся: въ скоромъ времени я освобожу тебя». Она очень обрадовалась и указала мнѣ мѣсто, гдѣ находилась золототворная лампада. Взявши ее, я осѣдлалъ самую лучшую лошадь дива Гиратъ, которая въ одинъ часъ можетъ обѣжать весь свѣтъ. Я съ царевной-красавицей сѣлъ на эту лошадь и ускакалъ. Когда дивъ вернулся съ охоты и замѣтилъ пропажу царевны, то закричалъ во все горло: «Мой устланный коверъ, держи ихъ»!

Устланный коверъ отвѣчалъ: «Нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты меня устлалъ, а онъ взялъ да сложилъ меня; я не могу держать его: я не хочу за добро пла-

тить зломъ». Затѣмъ онъ приказалъ второму, третьему, и четвертому и т. д. чудовищу поймать бѣглецовъ, но каждое изъ нихъ, въ свою очередь, отвѣчало точно такимъ же образомъ, какъ первое; словомъ, никто не повиновался приказанію дива и не трогалъ насъ. Мы помчались, какъ пущенная изъ лука стрѣла. Когда мы доѣхали до нашего города, уже ночь раскинула свой покровъ, и серебристая луна всплыла на небосклонѣ въ тихомъ своемъ великолѣпіи. По пріѣздѣ домой я, продавши золото, полученное изъ золототворной лампады, заплатилъ свои долги и купилъ домъ. Вскорѣ послѣ того я женился на красавицѣ-царевнѣ. Золототворную лампаду я поставилъ въ особомъ помѣщеніи, и ежедневно получаю изъ нея нѣсколько пудовъ золота. Въ знакъ благодарности Богу я еженедѣльно по пятницамъ устраиваю угощеніе, куда приглашаю бѣдныхъ и нищихъ. Послѣ ѣды я раздаю имъ золотыя блюда и крышки, чтобы они отъ продажи этихъ вещей кормили свою семью. Для приготовленія блюдъ и крышекъ я нанялъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые приготовляютъ ихъ каждую недѣлю. Вотъ вся моя исторія, которую ты съ такимъ любопытствомъ хотѣлъ узнать».

Патамъ поблагодарилъ Ферхада и на другой день, съ восходомъ солнца уже былъ на пути въ свой городъ. Прибывши домой. Патамъ разсказалъ дервишу о всемъ случившемся и щедро его вознаградилъ за то, что, благодаря ему, пріобрѣлъ столько интересныхъ свѣдѣній, а также убѣдился, что на свѣтѣ есть люди щедрѣе его самого. Послѣ Патамъ-бѣднякъ думалъ: «Хотя Ферхадъ щедрѣе меня, но у него есть изъ чего быть щедрымъ: золототворная лампада будетъ горѣть до безконечности, и изъ нея будетъ получаться всегда золото. Эту лампаду можно сравнить съ неизсякаемымъ ключомъ, изъ котораго вѣчно бьетъ вода; но мое богатство въ сравненіи съ его богатствомъ ничтожно. Если я не буду воздерживаться отъ лишнихъ расходовъ, то могу опять сдѣлаться такимъ же

бѣднякомъ, какимъ былъ прежде». Вслѣдствіе этого онъ затворилъ лишнія двери, кромѣ одной, чрезъ которую продолжалъ раздавалъ милостыню. Это Патамъ совершалъ до своей смерти, оставивъ своимъ сыновьямъ порядочное состояніе.

Записано въ г. Шемахѣ Бакинской губерніи

Абдулъ-Кани Эфендіевымъ.

---

6. Святая рыба.

Татарская сказка.

Давнымъ-давно въ Египтѣ жилъ бѣдный рыбакъ. Каждый день онъ ловилъ въ рѣкѣ Нилѣ рыбу и, продавая добычу, кормилъ свою семью. Однажды онъ взялъ съ собой на работу пятнадцатилѣтняго своего сына Джамалъ-Эддина. Въ этотъ день рыба ловилась очень плохо. Наконецъ, когда утомленный рыбакъ въ послѣдній разъ закинулъ въ рѣку сѣть, поймалась такая красивая рыба, какой онъ никогда не видалъ. Рыбакъ очень обрадовался, отдалъ эту рыбу своему сыну и сказалъ ему: «Держи ее хорошенько; сегодняшній уловъ счастливѣе прежнихъ: эту рыбу я поднесу въ подарокъ сыну халифа, а онъ за нее дастъ мнѣ много денегъ.» Но мальчикъ сжалился надъ трепещущей красивой рыбкой и бросилъ ее обратно въ воду. Когда старикъ узналъ объ этомъ, то побилъ бѣднаго мальчика и сказалъ ему: «Я тебя, неблагодарнаго негодяя, до сихъ поръ кормилъ, чтобы ты помогалъ мнѣ въ работѣ, а теперь смотри, сколько вреда ты мнѣ надѣлалъ. Ступай и болѣе не показывайся мнѣ на глаза!» Джамалъ-Эддинъ сколько ни умолялъ отца, прося у него прощенія, ничего не помогло. Наконецъ онъ побрелъ печально, самъ не зная куда. Вотъ подхо-

дитъ онъ къ рѣкѣ и видитъ, что у берега сидитъ человѣкъ и молится. Когда Джамалъ-Эддинъ подошелъ къ нему, онъ всталъ, поклонился низко и спросилъ, куда онъ идетъ. Джамалъ-Эддинъ объяснилъ ему свое несчастіе; незнакомецъ сказалъ: «Дорогой Джамалъ-Эддинъ, я тоже несчастный, потому что никого не имѣю; меня зовутъ Ибрагимомъ; давай побратаемся и пойдемъ въ Чинское государство *) и, что̀ тамъ заработаемъ, будемъ дѣлить пополамъ. Джамалъ-Эддинъ согласился и пошелъ съ нимъ въ Чинъ.

Пришедши въ столицу этого государства, они остановились въ домѣ бѣдной старухи и условились платить ей за квартиру четыре динара въ недѣлю. Чрезъ нѣсколько дней Ибрагимъ, который былъ свѣдущъ въ медицинѣ, попросилъ старуху развѣдать, нѣтъ ли въ городѣ больныхъ, нуждающихся въ лѣченіи. Старуха разсказала гостямъ, что дочь самого императора съ нѣкотораго времени потеряла способность говорить, и что императоръ въ своемъ приказѣ обѣщаетъ выдать свою дочь замужъ за того, кто ее вылѣчитъ отъ этого недуга; но бѣда въ томъ, что по тому же указу всякій, кто потерпитъ неудачу въ лѣченіи царевны, будетъ обезглавленъ, такъ какъ по правиламъ двора никто изъ мужчинъ не имѣетъ права видѣть лица царской дочери; много знаменитыхъ врачей пыталось вылѣчить ее, но за неудачу всѣ они поплатились головой. Услышавъ все это, Ибрагимъ сказалъ хозяйкѣ, что онъ непремѣнно пойдетъ во дворецъ и вылѣчитъ дочь императора. Сколько бѣдный Джамалъ-Эддинъ ни плакалъ и умолялъ товарища не ходить на такое опасное дѣло, но тотъ не послушался и отправился къ императору Императоръ принялъ новаго смѣльчака и, объяснивъ ему обстоятельства, при которыхъ его дочь сдѣлалась нѣмой, предостерегъ его не браться за такое рискованное дѣло, а въ случаѣ успѣха далъ ему царское слово женить его на царевнѣ. Ибрагимъ поклонился и пошелъ въ покои царевны. Какъ только онъ вошелъ

* Китай.

въ комнату царевны, императоръ приказалъ прислушиваться и наблюдать у двери, заговоритъ ли царевна съ новымъ врачомъ. Войдя въ комнату царевны, Ибрагимъ поклонился ей и потомъ обратился къ тутъ же сидящему на жерди попугаю со слѣдующими словами: «Я пришелъ сюда посовѣтоваться съ тобою по важному дѣлу, такъ какъ извѣстно, что попугаи птицы очень умныя.» Попугай сказалъ: «Говори.» Тогда Ибрагимъ началъ: «Въ Персіи нѣкогда жили два шаха, родные братья. У одного было три сына, а у другого одна дочь, очень умная и красивая; каждый изъ этихъ трехъ братьевъ хотѣлъ жениться на прекрасной царевнѣ-двоюродной сестрѣ; но отецъ не позволялъ имъ сдѣлать этого, такъ какъ видѣлъ, что всѣ они трое одинаково ее любятъ; и притомъ онъ зналъ, что женитьба одного вызоветъ неудовольствіе двухъ другихъ. Когда отецъ царевичей умеръ, то каждый изъ этихъ трехъ братьевъ хотѣлъ жениться на прекрасной царевнѣ и просилъ дядю выдать царевну замужъ за него. Но умный шахъ рѣшилъ такъ: пусть они пойдутъ въ другія страны учиться и возвратятся одновременно; кто изъ нихъ по возвращеніи окажется лучше, за того онъ и выдастъ свою дочь, Маріамъ. Царевичи согласились на такое предложеніе и отправились каждый въ другую страну. Чрезъ восемь лѣтъ они собрались въ одномъ городѣ и спросили другъ у друга, кто чему научился. Старшій сказалъ: «Я пріобрѣлъ даръ узнавать, что̀ случается въ какомъ-либо отдаленномъ мѣстѣ.» Средній сказалъ: «У меня есть коврикъ: если кто сядетъ на него, то можетъ съ быстротою молніи пріѣхать туда, куда пожелаетъ.» Младшій сказалъ: «Я знаю такое лѣкарство, что могу вылѣчить даже умирающаго.» Тогда оба младшіе братья стали просить старшаго, чтобы онъ разсказалъ имъ, въ какомъ положеніи находится дочь дяди. Старшій царевичъ задумался и, вдругъ поблѣднѣвши, сказалъ, что царевна больна при смерти и муллы читаютъ надъ нею священныя молитвы. Тогда младшій сказалъ: «Если бы я былъ тамъ, то вылѣчилъ бы ее.»

Средній сказалъ, что онъ сейчасъ повезетъ ихъ туда, и они всѣ трое сѣли на коврикъ. Не успѣли они оглянуться, какъ увидѣли дворецъ дяди; пошли они во дворецъ и увидѣли, что царевна умираетъ. Младшій царевичъ далъ больной нужныя лѣкарства и вылѣчилъ ее. «Теперь скажи,» спросилъ Ибрагимъ попугая: «за кого изъ трехъ царевичей шахъ долженъ выдать свою дочь?» Попугай нарочно сказалъ: «конечно тому, кто привезъ ихъ.» Все это время царевна молча глядѣла на собесѣдниковъ; но увидя, что попугай говоритъ неправду, она съ большимъ трудомъ собрала свои силы и сказала: «Безумная тварь! нужно выдать царевну за того, кто вылѣчилъ ее!» Ибрагимъ съ радостью вышелъ къ царю и попросилъ его исполнить свое обѣщаніе. Но сановники сказали императору: «Развѣ можно выдать царевну замужъ за простого рабочаго? Ему слѣдуетъ дать нѣсколько рублей и этимъ онъ будетъ доволенъ, и если онъ насъ спроситъ, то мы скажемъ, что вовсе мы не слыхали словъ царевны. Если онъ желаетъ жениться на царевнѣ, пусть еще разъ заставитъ ее говорить.» Императоръ принялъ совѣтъ царедворцевъ и отказалъ въ просьбѣ Ибрагиму. Увидя несправедливость царя, Ибрагимъ сказалъ ему: «Великій повелитель! если ты не вѣришь мнѣ, такъ иди слушай самъ, но чтобы царевна тебя не видѣла. Императоръ согласился и пошелъ слушать самъ.

Когда во второй разъ Ибрагимъ вошелъ къ царевнѣ, онъ замѣтилъ, что она глядѣла на него очень внимательно. Онъ опять поклонился царевнѣ, а потомъ обратился къ попугаю и сказалъ: «Я во второй разъ пришелъ къ тебѣ по такому же важному дѣлу, какъ прежде.» Тогда попугай сказалъ: «Говори, послушаемъ.» Ибрагимъ началъ: «Однажды мулла, плотникъ и портной шли вмѣстѣ. Имъ пришлось проходить чрезъ лѣсъ. Вскорѣ настала ночь, и они остановились ночевать. Такъ какъ наши путники въ лѣсу боялись волковъ и разбойниковъ, то должны были караулить свое имущество

по очереди. Первая очередь караулить выпала плотнику. Онъ долго стоялъ на часахъ, но наконецъ его началъ одолѣвать сонъ. Чтобы развлечься, онъ взялъ топоръ, вытесалъ изъ дерева человѣческую фигуру, поставилъ ее и легъ спать, разбудивши портного, какъ очередного караульнаго. Портной увидѣлъ человѣческую фигуру и убѣдившись, что это продѣлка плотника, сшилъ платье и надѣлъ на эту фигуру. Нарядивъ такимъ образомъ фигуру, онъ разбудилъ муллу. Стоитъ сонный мулла на часахъ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ фигуру и очень испугался. Но когда онъ убѣдился, что это продѣлка товарищей, а не живой человѣкъ, то подошелъ поближе. Затѣя товарищей очень понравилась муллѣ, и онъ обратился къ Богу съ молитвою: «Всемогущій Создатель, не допусти меня покраснѣть предъ моими товарищами, дай этой фигурѣ жизнь!» Богу понравилась его душевная молитва, и Онъ далъ жизнь фигурѣ: она чихнула и стала красавицей-дѣвушкой. Когда портной и плотникъ встали и увидѣли, что ихъ деревянный чурбанъ превратился въ красивую дѣвушку, то начали спорить между собою о томъ, кому изъ нихъ должна она принадлежать. «Скажи.» прибавилъ Ибрагимъ: «кто изъ этихъ трехъ претендентовъ имѣетъ больше правъ на дѣвушку?» Попугай снова нарочно сказалъ: «Конечно, портной!» Тогда опять царевна съ трудомъ вымолвила: «Глупая ты птица! дѣвушка должна принадлежать муллѣ!» Слова эти услышалъ самъ императоръ. Когда Ибрагима ввели къ императору, то онъ отдалъ ему свою дочь и много цѣнныхъ подарковъ.

Взявъ царевну, Ибрагимъ съ радостью пошелъ къ своему названому брату, Джамалъ-Эддину. Тотъ очень обрадовался, и они рѣшили возвратиться въ отечество. Согласились и поѣхали. Когда они доѣхали до того мѣста, гдѣ Джамалъ-Эддинъ встрѣтилъ Ибрагима, то тамъ Ибрагимъ остановился и сказалъ: «Любезный братъ, мы должны здѣсь разстаться. Давай теперь раздѣлимъ пополамъ какъ богатство наше, такъ и царевну,

потому что мы условились все дѣлить пополамъ.» Джамалъ-Эддинъ воскликнулъ. Какъ это можно! Раздѣлимъ пополамъ богатство, а ты возьми царевну: я ея не хочу.» Но Ибрагимъ стоялъ на своемъ, и съ этой цѣлью онъ взялъ царевну, привязалъ ее къ дереву, взялъ саблю и сказалъ: «Братъ, смотри нужно разсѣчь ее пополамъ.» И побѣжалъ онъ съ саблею къ царевнѣ. Испуганная полунѣмая царевна воскликнула, и въ это время изъ ея рта выпала маленькая ящерица. Ибрагимъ убилъ ящерицу и сказалъ: «Царевнѣ мѣшала говорить эта ящерица, которую она проглотила вмѣстѣ съ водою. Если бы она не испугалась, то ящерица не упала бы. Теперь возьми и царевну и богатство себѣ, а я здѣсь останусь. Если хочешь узнать, куда я долженъ итти, то я скажу тебѣ. Я та самая рыба, которую ты отпустилъ въ рѣку. Богу понравилось твое милосердіе, и Онъ послалъ меня въ образѣ человѣка, чтобы вознаградить тебя за твое доброе дѣло. Помни это и не забывай бѣдныхъ и несчастныхъ.» Сказавъ это, Ибрагимъ сдѣлался невидимымъ. Отъ избытка чувства благодарности за такую милость, Джамалъ-Эддинъ упалъ на землю и долго лежалъ безъ движенія. Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ царевну, стоящую надъ его головой. Царевна начала говорить съ нимъ ласково; они обняли другъ друга и плакали отъ радости. Когда Джамалъ-Эддинъ возвратился домой, то родители очень обрадовались, и онъ женился на прекрасной царевнѣ. Проживши нѣкоторое время въ своемъ отечествѣ, Джамалъ-Эддинъ со своимъ семействомъ и родителями поѣхалъ въ Чинъ къ императору-тестю. Такъ какъ у императора не было дѣтей, кромѣ Маріамы, то послѣ его смерти Джамалъ-Эддинъ сдѣлался повелителемъ Чинскаго царства; онъ долго и счастливо царствовалъ со своей прекрасной супругой. Съ неба упало три яблока: одно разсказчику, другое слушателямъ, а третье дервишу.

Записано въ сел. Агкегнакъ Казахскаго уѣз., Елисаветпольской губ.

Агаларомъ Кіясбековымъ.

7. Золотая рыбка.

Татарская сказка.

Давнымъ-давно, въ незапамятныя времена, не въ нашемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ одинъ царь. Однажды царь сильно заболѣлъ; онъ призвалъ врачей со всей страны, обѣщая половину всего царства тому, кто его вылѣчитъ; врачи долго думали и много старались, но никто изъ нихъ не могъ помочь больному государю. Наконецъ вѣщій астрологъ доложилъ царю, что въ морѣ находится золотая рыбка, которая можетъ ему помочь. Царь приказалъ рыбакамъ по всему морскому берегу закинуть невода. Въ числѣ рыбаковъ пошелъ къ морю и царскій сынъ; онъ закинулъ неводъ и къ великой его радости[1] въ немъ оказалась золотая рыбка. Золотая рыбка стала умолять царевича человѣческимъ голосомъ отпустить ее въ море, обѣщаясь за это откупиться отъ него, чѣмъ только онъ пожелаетъ. Царевичъ сжалился надъ несчастною рыбкой и отпустилъ ее обратно въ море. Въ это время у царской постели находился астрологъ, которому царь приказалъ узнать, не поймали ли золотую рыбку? Погадавши по звѣздамъ, астрологъ сказалъ: «Великій государь! Твой единственный сынъ поймалъ рыбку, но, сжалившись надъ нею, опять отпустилъ ее въ море». Тогда царь разгнѣвался на своего сына и велѣлъ прогнать его изъ своего царства. Царица, узнавъ о печальной участи царевича, позвала его къ себѣ, поцѣловала и сказала: «Прощай, любезный сынъ! настало время разстаться мнѣ съ тобою. Иди съ Богомъ, но только помни мое послѣднее слово, которое тебѣ пригодится: выбирай себѣ товарищемъ такого человѣка, который, чтó бы ни случилось, былъ бы при тебѣ и который бы все, чтó тебѣ достанется на долю, дѣлилъ съ тобою пополамъ». Сказавъ это, мать вторично поцѣловала его и благословила на путь. Царевичъ пошелъ, куда глаза

глядятъ. Долго ли шелъ онъ, коротко ли, но шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ товарища. Вотъ товарищъ царевича во время обѣда взялъ себѣ большой кусокъ хлѣба, а царевичу далъ маленькій. Вспомнивъ наставленіе матери, царевичъ объявилъ ему, что онъ больше не можетъ быть его товарищемъ, и отправился дальше. Долго ли шелъ царевичъ, коротко ли, но шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ себѣ новаго товарища, по имени Ахмеда. Настало время обѣда. Ахмедъ взялъ хлѣбъ и, разломавши его пополамъ, передалъ половину своему товарищу. Царевичъ съ перваго же его поступка узналъ въ немъ своего дѣйствительнаго товарища, и они отправились дальше. Вотъ новые товарищи пришли въ одно государство и поселились въ столичномъ городѣ. Здѣсь Ахмедъ сталъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, а царевичъ продавалъ его издѣлія по городскимъ улицамъ и базарамъ. Однажды царевичъ, по обыкновенію, пошелъ на базаръ и увидалъ, что весь народъ куда-то бѣжитъ. Царевичъ направился за толпою и пришелъ на царскій дворъ и чтó же онъ увидѣлъ? Прекрасная царевна сидитъ на балконѣ и молчитъ, а предъ нею стоитъ юноша, который сколько ни старался, не могъ заставить царевну заговорить. Наконецъ, по приказанію царя, юноша былъ казненъ, такъ какъ царемъ заранѣе было объявлено, что всякій, кто заставитъ царевну говорить, въ награду женится на ней, а кто не сумѣетъ этого сдѣлать, тому голову съ плечъ долой. Когда толпа разошлась, царевичъ пришелъ и разсказалъ Ахмеду все, чтó онъ видѣлъ на царскомъ дворѣ. Тогда Ахмедъ сказалъ царевичу, что онъ непремѣнно заставитъ говорить царевну и возьметъ ее замужъ. Съ этою цѣлью онъ пошелъ къ царю и доложилъ ему о своемъ намѣреніи попытать счастья. Въ назначенный день Ахмедъ явился, предложилъ визирямъ слушать за дверьми его разговоръ съ царевною, а самъ вошелъ въ залу и говоритъ подушкѣ, на которой сидѣла царевна: «Здравствуй, подушка!» — «Здравствуй!» отвѣчаетъ подушка. Царевна изумилась этому чудесному

явленію и молча насторожила уши, удивляясь тому, какъ это подушка можетъ говорить. Ахмедъ опять говоритъ: «Подушка! знаешь ли, чтó я скажу?»—«Нѣтъ, не знаю», отвѣчаетъ подушка. Тогда Ахмедъ началъ: «Когда-то жили-были три честныхъ человѣка: столяръ, портной и мулла. У нихъ было много барановъ, почему они и должны были по очереди пасти и караулить свое стадо. Однажды ночью на караулѣ стоялъ столяръ, а товарищи спали. Соскучившись отъ бездѣлья, онъ срубилъ дерево, вытесалъ изъ него изображеніе человѣка, поставилъ его и самъ легъ спать. Затѣмъ сталъ сторожить портной. Онъ также соскучился, но вдругъ онъ увидѣлъ въ темнотѣ, вблизи, человѣческую фигуру. Онъ подходитъ и видитъ—стоитъ деревянная фигура. Тогда портной сшилъ платье и надѣлъ его на свою находку. Сдѣлавъ это, онъ легъ спать, разбудивъ муллу на очередной караулъ. Мулла, стоя на часахъ, также увидѣлъ, что стоитъ человѣкъ, но безъ души. Онъ сталъ молиться Богу, прося его оживить деревянную фигуру, и Богъ исполнилъ его желаніе: «Теперь, подушка, скажи, кому изъ этихъ трехъ долженъ принадлежать этотъ человѣкъ?»—«Столяру», говоритъ подушка.—«Нѣтъ, портному», отвѣчаетъ Ахмедъ нарочно, чтобы вызвать царевну на возраженіе. Ахмедъ и подушка твердили свое, и между ними произошелъ споръ. Царевна, между тѣмъ, не могла понять, почему эта проклятая подушка не говорила съ нею до сихъ поръ, а теперь говоритъ съ Ахмедомъ. Когда такимъ образомъ затянулся споръ между подушкой и Ахмедомъ, царевна вышла изъ терпѣнія и вдругъ воскликнула: «Человѣкъ этотъ не можетъ принадлежать ни портному ни столяру, а муллѣ». Тогда визири съ великою радостью вошли въ залу и объявили Ахмеда женихомъ царевны. Ахмедъ съ царевною пришелъ домой и говоритъ царевичу: «Я беру царевну замужъ и радъ бы навѣки жить вмѣстѣ съ тобою, но жаль, что судьба рѣшила намъ разстаться. Теперь давай по условію все имущество раздѣлимъ пополамъ. Царевичъ согла-

сился, и они раздѣлили между собою все свое имущество поровну. Затѣмъ Ахмедъ сказалъ: «Давай раздѣлимъ и царевну пополамъ, такъ какъ она составляетъ часть нашего имущества» Царевичъ долго уговаривалъ его оставить эту мысль, но слова его были тщетны: Ахмедъ повѣсилъ царевну на дерево вверхъ ногами; затѣмъ вынулъ кинжалъ и сильно размахнулся имъ надъ ея головою; у царевны отъ испуга сдѣлалась рвота, и изо рта ея вылѣзла змѣя, которая мѣшала ей говорить. Послѣ этого Ахмедъ передалъ царевну своему другу-царевичу и сказалъ: «Это злое животное мѣшало царевнѣ; теперь она можетъ свободно говорить. Затѣмъ, братъ, прощай! но прежде скажи, узнаешь ли ты меня, или нѣтъ. Я та самая золотая рыба, которую ты нѣкогда поймалъ, но, сжалившись надъ ней, опять отпустилъ!» Царевичъ изумился, какъ это рыба могла сдѣлаться человѣкомъ. Но еще болѣе изумился онъ, когда услышалъ отъ Ахмеда, что онъ посланный Богомъ святой ангелъ. Затѣмъ Ахмедъ выпустилъ кровь изъ своей жилы, далъ ее царевичу и сказалъ: «Это—лѣкарство; когда поѣдешь домой, отдай его своему отцу, который и до сихъ поръ страдаетъ тою неизлѣчимою болѣзнію, какою страдалъ и при тебѣ: оно поможетъ ему.» Сказавъ эти слова, Ахмедъ скрылся изъ глазъ, а царевичъ со своею молодою женою пріѣхалъ домой, гдѣ и вылѣчилъ отца кровью своего чудеснаго товарища. Царь скончался въ глубокой старости и оставилъ свой престолъ и царство доброму царевичу.

Записалъ эту сказку *Самедъ Аджаловъ.*

---

8. Гусейсъ-богатырь.

Татарская сказка.

Въ царствованіе знаменитаго персидскаго царя Шахъ-Аббаса былъ замѣчательный богатырь, по имени Гусейнъ. Онъ

былъ незнатнаго рода, изъ племени курдовъ и родился въ какомъ-то селѣ. Когда онъ выросъ, то поступилъ на службу пастухомъ, потому что отецъ его былъ бѣдный. Вотъ какое обстоятельство послужило причиною того, что онъ сдѣлался знаменитымъ богатыремъ: разъ онъ выдѣлъ дочь старшины села, и молодая кровь въ немъ закипѣла; онъ пришелъ домой и сказалъ отцу, чтобы онъ пошелъ къ старшинѣ и просилъ выдать дочь за него замужъ. Отецъ, сколько ни отговаривалъ сына, говоря, что тотъ не выдастъ за пастуха своей дочери, но Гусейнъ настаивалъ на своемъ, такъ что отецъ, наконецъ, согласился на его просьбу и пошелъ къ старшинѣ. Кланяясь низко, онъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Къ несчастью моему, у меня одинъ сынъ, но и тотъ глупъ: онъ не даетъ мнѣ покоя и даже покушался на мою жизнь, требуя, чтобы я пришелъ къ тебѣ и просилъ для него руки твоей дочери; теперь я не знаю, чтó дѣлать: я самъ хорошо понимаю, что мой сынъ ея не достоинъ». На это старшина, смѣясь, сказалъ: «Ступай, скажи ему, чтó для исполненія этого намѣренія нужно 50 руб., которыхъ у тебя нѣтъ; тогда онъ перестанетъ дурачиться». Отецъ возвратился домой и сказалъ сыну объ этомъ, но Гусейнъ нисколько не смутился и пошелъ пасти свое стадо.

Однажды ночью онъ покинулъ стадо и отправился въ городъ, думая, что въ городѣ можно скорѣе добыть денегъ. Пришедши въ городъ, Гусейнъ не зналъ, куда дѣваться, и, наконецъ, зашелъ въ трактиръ. Трактирщикъ спросилъ его, не нужно ли ему чего-нибудь покушать, но Гусейнъ отвѣчалъ, что онъ сытъ. Въ это время онъ слѣдилъ за всѣми дѣйствіями прислуги трактирщика. Видя его бѣдность, трактирщикъ накормилъ его и, когда понадобились дрова, попросилъ, чтобы онъ ему нарубилъ дровъ, на чтó Гусейнъ съ радостью согласился. Отъ взялъ топоръ и очень скоро обратилъ лежавшее на дворѣ бревно въ мелкія полѣнья. Увидавъ это, трактирщикъ удивился его силѣ и спросилъ, не хочетъ ли онъ поступить къ нему на службу.

Тогда Гусейнъ сказалъ: «Для этого-то я и пришелъ сюда; но когда наймешь меня, то долженъ другихъ уволить, потому что я хочу исполнять работы за всѣхъ!» Трактирщикъ согласился и нанялъ его за 50 руб. на одинъ годъ. Прошло нѣсколько времени, и Гусейнъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца года.

Въ это время въ городѣ явился изъ другого государства богатырь-пелюанъ; онъ требовалъ, чтобы вышелъ противъ него другой богатырь на единоборство, съ тѣмъ условіемъ, что кто будетъ побѣжденъ, тотъ долженъ заплатить извѣстную сумму денегъ. Онъ вышелъ на площадь и ожидалъ богатыря; на этой площади были три стула: на одномъ стулѣ сѣлъ чужой богатырь, а два другихъ были поставлены: одинъ для намѣстника, а другой для другого богатыря.

Народъ стекался со всего города на площадь; конечно, и трактирщикъ также собрался пойти туда. Гусейнъ спросилъ его, куда онъ идетъ. Тотъ отвѣчалъ, что на площади будутъ бороться богатыри; когда же они начнутъ бороться, то онъ возьметъ и его, а пока пусть ожидаетъ. Но такъ только трактирщикъ ушелъ, Гусейнъ тотчасъ заперъ трактиръ и послѣдовалъ за хозяиномъ; онъ пришелъ на площадь, добрался до богатыря и сѣлъ на тотъ стулъ, который приготовленъ былъ для намѣстника; но какъ только онъ сѣлъ, стулъ сломался, и Гусейнъ сѣлъ на другой стулъ. Объ этомъ доложили намѣстнику, который приказалъ поставить еще два стула: для себя и для богатыря. Богатырь взглянулъ на мощную фигуру Гусейна и смутился, но, увидя, что онъ смотритъ какимъ-то чудакомъ, успокоился. Вскорѣ пришелъ намѣстникъ со своимъ богатыремъ. Усѣвшись, богатыри сначала спорили другъ съ другомъ, а потомъ вступили въ единоборство. Они долго боролись, но никто не вышелъ побѣдителемъ; поэтому они разошлись и отложили борьбу до слѣдующаго дня.

Когда трактирщикъ и Гусейнъ пришли домой, то трак-

тирщикъ началъ упрекать Гусейна въ томъ, что онъ лѣзетъ туда, куда не слѣдуетъ.

Насталъ другой день, и трактирщикъ опять приказалъ Гусейну, чтобы онъ не ходилъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ его не позоветъ; но Гусейнъ тотчасъ же пошелъ за трактирщикомъ и, придя туда, опять сѣлъ на тотъ самый стулъ, на которомъ сидѣлъ наканунѣ. Богатыри опять начали бороться, но, какъ и наканунѣ, никто не одержалъ верхъ; тогда они начали дѣйствовать мечомъ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ голова персидскаго богатыря была отрублена противникомъ. Тогда побѣдитель началъ кричать: «Или приведите другого, или дайте условленную сумму денегъ!».

Народъ разошелся. Намѣстнику было очень досадно и онъ не зналъ, что́ дѣлать. Наконецъ онъ попросилъ у богатыря срока въ 40 дней.

Пришедши домой, Гусейнъ сказалъ трактирщику: «Иди и доложи намѣстнику, что у тебя есть слуга, который не прочь бы побороться съ этимъ богатыремъ.» Трактирщикъ пошелъ къ намѣстнику и доложилъ ему объ этомъ. Намѣстникъ обрадовался и тотчасъ потребовалъ къ себѣ Гусейна. Когда Гусейнъ явился, то намѣстникъ приказалъ дать ему воинскіе доспѣхи. Но Гусейнъ не зналъ, что́ съ ними дѣлать. Тогда намѣстникъ приказалъ, чтобы его повели туда, гдѣ учились пріемамъ борьбы пелюаны, и его научили всякимъ уловкамъ, употребляемыхъ при борьбѣ. Въ теченіе 40 дней Гусейнъ уже научился хорошо владѣть оружіемъ. На сороковой день вышелъ онъ на площадь. Увидя Гусейна, чужеземный богатырь смутился, такъ какъ узналъ въ немъ того же самаго человѣка, который сломалъ стулъ 40 дней тому назадъ; но дѣлать нечего: онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, и въ скоромъ времени Гусейнъ повалилъ его на землю и отсѣкъ ему голову.

Послѣ этой побѣды намѣстникъ представилъ Гусейна царю Шахъ-Аббасу, который, испытавъ его силу, предложилъ исполнить нѣсколько подвиговъ. Участникомъ и путеводителемъ Гу-

сейна въ этихъ подвигахъ былъ такъ называемый айяръ-мирза, котораго Шахъ-Аббасъ разыскалъ слѣдующимъ образомъ: онъ приказалъ привести колдунью и обратился къ ней со слѣдующими словами: «Скажи мнѣ, колдунья, кто можетъ быть путеводителемъ такого человѣка, какъ Гусейнъ?» Она отвѣтила: «Твое требованіе можетъ удовлетворить только айяръ-мирза, который живетъ въ Исфаганѣ; отецъ его торгуетъ саманомъ, почему онъ извѣстенъ подъ именемъ «Саманчи-оглы Мирза» (сынъ торговца саманомъ). Когда по приказу царя его отыскали и превели, то царь спросилъ: «Какъ твое имя»? «У мемя безчисленное множество именъ», отвѣтилъ мирза. «Перечисли нѣсколько изъ нихъ!» сказалъ царь. Онъ началъ пересчитывать нѣкоторыя свои достоинства, а одно даже показалъ на дѣлѣ: онъ вдругъ исчезъ, а голосъ его слышался на крышѣ.

Шахъ-Абасъ далъ имъ много денегъ и отправилъ въ сосѣднее языческое государство съ цѣлью взять контрибуцію и сестру царя Бухтуннаса. Гусейнъ вмѣстѣ съ айяромъ отправился въ путь. Чрезъ нѣкоторое время они приблизились къ столицѣ Бухтуннаса. Въ окрестности города они нашли пещеру и остановились тамъ. Когда смерклось, по обычаю, раздались съ башенъ крики, при чемъ различались слѣдующія слова: «Царствованіе Бухтуннаса и время Гаргуша» (Гаргушъ былъ главный пелюанъ Бухтуннаса). Въ это время Мирза подкрался къ башнѣ и прокричалъ слѣдующія слова: «Царствованіе Шахъ-Аббаса и время Гусейна!» Услышавъ этотъ крикъ, люди хотѣли поймать его, но не удалось, потому что нашъ Мирза умѣлъ летать подобно птицамъ. На другой день Мирза отправился въ городъ и узналъ, что вездѣ говорятъ о нихъ. Мирза купилъ нужныя вещи, возвратился домой и разсказалъ Гусейну все, что слыхалъ въ городѣ. Какъ только насталъ вечеръ, Гусейнъ надѣлъ свои доспѣхи и отправился на площадь, при чемъ сломалъ городскія ворота. Идя по дорогѣ, когда

встрѣчалась городская стража, Гусейнъ хваталъ человѣка за горло и не пускалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не падалъ въ обморокъ. Такимъ образомъ, они дошли до площади, гдѣ ожидали ихъ Гаргушъ и его ученики. Чтобы извѣстить о томъ, что онъ пришелъ, Гусейнъ взялъ глыбу земли и бросилъ на площадь, потомъ самъ взошелъ туда, а Мирза спрятался въ одномъ углу. Гаргушъ приказалъ принести для Гусейна стулъ. Тотчасъ принесли стулъ, и, когда Гусейнъ сѣлъ на него, онъ сломался. Тогда Гаргушъ разсердился и приказалъ принести другой стулъ, и съ этимъ случилось то же самое. Смутившись при видѣ такой силы, Гаргушъ сказалъ: «Я знаю, для чего ты пришелъ сюда, но жалѣю тебя; лучше ты прими нашу вѣру и останься здѣсь; я попрошу царя, чтобы онъ сдѣлалъ тебя главнымъ богатыремъ и назначилъ тебѣ хорошее жалованье», Гусейнъ отвѣчалъ: «Я пришелъ сюда не оставаться здѣсь, но увезти сестру вашего царя и взять контрибуцію». Они много другъ съ другомъ спорили, наконецъ, встали со своихъ мѣстъ и начали бороться. Сколько они ни боролись, но не могли побороть другъ друга и разошлись ни съ чѣмъ. Гусейнъ съ Мирзою возвратились къ себѣ въ пещеру. На другой день произошло то же самое, но въ этотъ разъ оба богатыря взялись за мечи. Гусейнъ сталъ на одно колѣно и, держа щитъ, сказалъ Гаргушу: «Нашъ законъ требуетъ, чтобы сперва ударилъ противникъ; поэтому ты теперь ударь». Гаргушъ сперва отказался, а потомъ, собравъ всѣ силы, ударилъ мечомъ такъ, что мечь разрубилъ щитъ и дошелъ до бровей Гусейна. Увидя это, Мирза поблѣднѣлъ, но такъ какъ уже было позднее время, онъ тотчасъ потушилъ всѣ фонари, и они живыми выбрались оттуда. На слѣдующій день Мирза пошелъ искать въ городѣ врача, который былъ бы ему землякомъ. Въ городѣ онъ вездѣ слышалъ разговоръ о томъ, что Гаргушъ ранилъ чужеземнаго богатыря, который и убѣжалъ; при этомъ всѣ радовались, за исключе-

ніемъ лавочника, сидѣвшаго печально въ своей лавкѣ. Тогда Мирза, узнавъ въ немъ персіянина, подошелъ ближе и разсказалъ ему обо всемъ; тотъ, къ счастью, оказался врачомъ и поэтому съ радостью взялся лѣчить Гусейна, при чемъ сказалъ Мирзѣ, чтобы онъ привелъ Гусейна въ его домъ, который находится въ окрестностяхъ города. Мирза очень обрадовался, пошелъ къ Гусейну и разсказалъ ему объ этомъ. Ночью они вышли изъ пещеры и пошли въ домъ того персіянина, который обѣщался Мирзѣ лѣчить Гусейна. Чрезъ мѣсяцъ Гусейнъ выздоровѣлъ. Онъ опять вышелъ на площадь, и былъ вторично раненъ Гаргушомъ. Выбравшись изъ города, они опять пришли туда, гдѣ въ первый разъ лѣчился Гусейнъ. Когда рана немного зажила, Гусейнъ отправился въ садъ этого персіянина и очень много плакалъ, потому что не хотѣлъ ни умирать отъ руки Гаргуша ни возвратиться домой, не совершивши какого-нибудь подвига; наконецъ, онъ здѣсь заснулъ и увидѣлъ во снѣ, что кто-то ему говоритъ: «Не плачь и не горюй: ты побѣдишь не только его, но и всѣхъ, кто будетъ вступать съ тобою въ единоборство.» Гусейнъ всталъ и, ободренный этими словами, пошелъ домой; онъ скоро вылѣчился и въ одинъ прекрасный вечеръ отправился на площадь. Здѣсь онъ опять далъ право первымъ ударить Гаргушу, который, собравши всѣ свои послѣднія силы, нанесъ ударъ мечомъ, но онъ, разрубивъ щитъ, отскочилъ назадъ. Тогда Гусейнъ всталъ и такъ ударилъ Гаргуша мечомъ, что разрубилъ его пополамъ. Гусейнъ приказалъ ученикамъ Гаргуша сказать царю, чтобы онъ отдалъ свою сестру и уплатилъ деньги. Разграбивъ при этомъ нѣсколько лавокъ, Гусейнъ съ Мирзою выбрались изъ города.

На слѣдующую ночь Мирза отправился къ царю и, когда всѣ спали, зашелъ въ спальню его и сказалъ ему о томъ, чтобы сейчасъ же онъ отдалъ все, что они имѣютъ право взять. Царь попросилъ его подождать.

Бухтуннасъ рѣшился выставить противъ Гусейна другого

богатыря: онъ послалъ за нимъ въ тотъ городъ, гдѣ онъ жилъ, съ приказаніемъ явиться со своимъ айяромъ. Богатырь пріѣхалъ, и, когда въ одинъ вечеръ Мирза хотѣлъ закричать на башнѣ, царскій айяръ напалъ на Мирзу, но Мирза съ помощью хитрости не попался въ руки врага. Услышавъ объ этомъ, Гусейнъ не пошелъ бороться съ новымъ богатыремъ.

Разъ, когда Мирза былъ въ городѣ, другой айяръ около дороги выкопалъ яму и бросилъ на дорогу шелковый арканъ, а самъ скрылся въ ямѣ. Когда Мирза возвращался, онъ увидѣлъ на дорогѣ шелковый арканъ и хотѣлъ поднять его; вдругъ арканъ обвился вокругъ его ногъ, и Мирза упалъ на землю. Тутъ же Мирза увидѣлъ надъ собою другого айяра, который хотѣлъ убить его; тогда Мирза попросилъ, чтобы онъ убилъ его собственнымъ мечомъ. Врагъ согласился, но, вынувши его изъ ножонъ, упалъ въ обморокъ; этимъ Мирза воспользовался и убилъ своего опаснаго противника.

Когда не стало другого айяра, Гусейнъ съ Мирзою отправился на площадь и вступилъ съ новымъ богатыремъ въ борьбу: скоро онъ повалилъ его и убилъ. На слѣдующую ночь Мирза отправился въ царскій дворецъ и сказалъ царю, чтобы онъ отдалъ сестру и деньги. Бухтуннасъ попросилъ, чтобы ему дали срокъ на 40 дней; Мирза позволилъ и ушелъ.

Царь приказалъ навезти на равнину, находящуюся около города, много дровъ. Приказъ царя исполнили. Потомъ онъ повелѣлъ зажечь дрова. Когда они разгорѣлись, то Гусейнъ и Мирза вырыли яму около костра, и спрятались тамъ. Въ это время пришли сюда царь съ сестрою и своей свитой; царь велѣлъ бросить свою сестру въ огонь, чтобы она не попалась въ чужія руки. Тогда Гусейнъ и Мирза вышли изъ ямы, напали на пришедшихъ и стали съ ними сражаться. Три дня они бились съ царскими людьми и не допускали бросить сестру царя въ огонь. Шахъ-Аббасъ, услышавъ объ этомъ, прибылъ съ войскомъ и, послѣ трехдневной осады, взялъ городъ и перебилъ

много жителей. Во время борьбы Бухтуннасъ приказалъ умертвить свою сестру, но самъ былъ убитъ персами. Послѣ побѣды Шахъ-Аббасъ назначилъ Гусейна намѣстникомъ этого города, а Мирзѣ далъ большое жалованье.

Шахъ-Аббасъ возвратился въ свою столицу Исфаганъ, и горожане съ торжествомъ встрѣтили своего царя.

Записано въ сел. Дагкесаманѣ Казахскаго уѣзд., Елисаветпольской губ.

Мехрали Мурадовымъ.

---

9. О двухъ братьяхъ—Шакурѣ и Шакуратѣ.

Киргизская сказка.

Въ глубокой древности жилъ одинъ царь. У него умерла жена, отъ которой остались два сына—Шакуратъ и Шакуръ. Старшему, Шакурату, было 16 лѣтъ, а младшему, Шакуру—14. Послѣ смерти жены царь женился на другой. Однажды царь со своей свитой выѣхалъ изъ столицы на охоту. Послѣ отца выѣхалъ и старшій сынъ Шакуратъ. Мачеха не любила своихъ пасынковъ и постоянно думала о томъ, какъ бы избавиться отъ нихъ. Вотъ она выдумала слѣдующій способъ: по возвращеніи мужа она наклеветала ему на оставшагося дома младшаго сына, будто бы онъ ее обидѣлъ и хотѣлъ убить, говоря: «Ты мнѣ не мать, и я не хочу, чтобъ ты жила при мнѣ!» Выслушавъ жалобу жены и совсѣмъ не разобравъ дѣла, легкомысленный царь велѣлъ стражѣ вывести царевича далеко за городъ, убить его и въ доказательство этого намочить его рубаху въ его же крови и представить ему. Стража повиновалась: отвела царевича Шакура въ поле, далеко за городъ, и хотѣла привести въ исполненіе царскій приказъ, но Шакуръ умолялъ не убивать его, со слезами доказывая свою невинность. Онъ умолялъ позволить ему повидаться въ послѣдній разъ со сво-

имъ уѣхавшимъ на охоту братомъ, а рубаху просилъ намочить въ крови барана и представить отцу. Зная, какъ несправедливы бываютъ мачехи по отношенію къ своимъ пасынкамъ, стража сжалилась надъ Шакуромъ; она дала ему кусокъ золота, величиною въ кулакъ, и отпустила на волю, а затѣмъ намочила рубаху царевича въ крови зарѣзаннаго барана и представила царю.

Между тѣмъ бѣдный царевичъ бѣжалъ, рыдая и жалуясь на свою судьбу, въ ту сторону, куда поѣхалъ старшій братъ. Въ полдень онъ увидѣлъ издали возвращающагося съ охоты брата со спутниками. Нельзя себѣ представить, что̀ сдѣлалось съ Шакуратомъ, когда онъ, подъѣзжая къ бѣжавшему мальчику, узналъ въ немъ своего брата. Видя въ такомъ жалкомъ видѣ своего брата, онъ соскочилъ съ лошади, бросился къ нему съ плачемъ, обнялъ его и отъ сердечной боли лишился чувствъ. Придя въ себя и узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ отдалъ своимъ спутникамъ лошадь и рубаху и попросилъ ихъ вручить отцу и сказать, что къ его радости умеръ и старшій сынъ. Спутники исполнили желаніе своего добраго царевича.

Шакуръ и Шакуратъ пустились въ путь-дорогу. Къ вечеру они сильно утомились и почувствовали жажду; къ счастью, невдалекѣ протекалъ родникъ; они подошли къ нему и напились воды, а затѣмъ поднялись на гору. Тѣмъ временемъ солнце сѣло; стало смеркаться. Братья избрали себѣ удобное мѣсто на горѣ для ночевки и расположились спать. Тутъ, къ несчастью, находилась огромная ядовитая змѣя, которая, когда братья заснули, приползла и смертельно ужалила младшаго брата; онъ тутъ же умеръ. Шакуратъ долго горевалъ, лилъ горькія слезы и недоумѣвалъ, что̀ дѣлать съ умершимъ братомъ: у него не было ни орудія, чтобы закопать тѣло брата, ни савана. Какъ ни любилъ онъ своего брата, но судьба рѣшила разстаться ему съ нимъ.

Шакуратъ помолился Богу, оставилъ около брата выше-

упомянутый кусокъ золота и на камнѣ сдѣлалъ такую надпись: «О, добрый человѣкъ, возьми этотъ кусокъ золота и, ради Бога, похорони моего брата!» Лишившись такимъ образомъ единственнаго брата и друга, онъ продолжалъ свой путь. Долго ли, коротко ли шелъ Шакуратъ, не извѣстно; извѣстно только то, что онъ, подойдя къ одному городу, увидѣлъ предъ собою толпу людей. Подошелъ онъ къ одному человѣку и спросилъ, что у нихъ тутъ случилось. Встрѣчный отвѣтилъ ему, что на ихъ городъ напало чудовище, въ видѣ змѣи, и пожираетъ людей. Получивъ отъ встрѣчнаго такой отвѣтъ, Шакуратъ спросилъ: «Что дастъ вашъ царь тому, кто избавитъ его и его столицу отъ этого чудовища?» Происходя изъ царскаго рода, онъ съ малолѣтства зналъ много языковъ и, между прочимъ, языкъ змѣи и умѣлъ сдѣлать ручнымъ всякое животное.

Услышавъ отъ пришельца такія слова, встрѣчный обрадовался и донесъ объ этомъ царю. Царь не повѣрилъ этому, но обѣщалъ дать Шакурату полъ-царства и сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, если только онъ избавитъ столицу отъ чудовища.

Шакуратъ, получивъ отъ царя такое обѣщаніе, горячо помолился Богу, взялъ въ руку кинжалъ и пошелъ прямо къ чудовищу. По Божьей волѣ чудовище остановилось, какъ окаменѣлое, и проговорило человѣческимъ голосомъ, что оно впредь не станетъ нападать, если царь обѣщаетъ давать ему ежегодно на съѣденіе по одному юношѣ и по одной дѣвицѣ. Царь на это согласился, а Шакурата, по обѣщанію, сдѣлалъ наслѣдникомъ. Вскорѣ послѣ этого царь умеръ, такъ что Шакуратъ сдѣлался властителемъ этой страны.

Теперь вернемся къ умершему Шакуру. Шли мимо богомольцы и прочли, что́ было написано на камнѣ. Тронутые просьбою брата этого юноши, они стали молиться Богу отъ чистаго сердца и просили Его даровать несчастному жизнь. Богъ услышалъ молитву богомольцевъ и даровалъ Шакуру жизнь. Ожившій Шакуръ, разсказалъ богомоль-

цамъ все, что случилось до его смерти, отдалъ имъ свое золото, поблагодарилъ ихъ и отправился въ путь. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, не извѣстно; но однажды ночью, видитъ онъ издалека свѣтъ; онъ дошелъ до освѣщенной избушки и видитъ, что въ ней сидятъ старикъ со старухой и плачутъ, а между ними—дѣвушка, которая тоже плачетъ. Шакуръ вошелъ въ избушку. Увидя его, старики сильно испугались, но Шакуръ успокоилъ ихъ, говоря, что онъ не причинитъ имъ никакого вреда. Потомъ онъ спросилъ о причинѣ ихъ горя и узналъ, что они должны завтра представить свою единственную дочь на съѣденіе чудовищу. На это Шакуръ сказалъ: «Не плачьте, добрые старики, а завтра доставьте меня чудовищу въ одеждѣ вашей дочери; сегодня же накормите меня и сами ложитесь спать» Слыша это, старики не вѣрили своимъ ушамъ. Рано утромъ явился отъ царя посолъ, чтобы взять ихъ дочь. Шакуръ выпросилъ у стариковъ булатный кинжалъ, надѣлъ одежду ихъ дочери и отправился вмѣстѣ съ посломъ къ чудовищу. Посолъ оставилъ Шакура чудовищу на съѣденіе, а самъ пошелъ доложить царю объ исполненіи его приказа.

Держа кинжалъ поперекъ, Шакуръ сталъ предъ чудовищемъ; когда оно раскрыло свою пасть и проглотило жертву, кинжалъ перерѣзалъ всѣ внутренности и разрѣзалъ его пополамъ, такъ что Шакуръ вышелъ наружу; но при этомъ онъ лишился чувствъ. Въ это время царь присылаетъ двухъ своихъ вельможъ развѣдать, успокоилось ли чудовище, или нѣтъ. Придя, они видятъ разрѣзанное чудовище и внутри его еле живую дѣвицу. Вельможамъ давно хотѣлось прославиться какимъ-нибудь подвигомъ, чтобы пріобрѣсти любовь царя. Вотъ они, воспользовавшись случаемъ, доложили царю, что это они убили чудовище; затѣмъ они дѣвицу оттащили въ поле и второпяхъ кое-какъ зарыли въ неглубокую яму, думая, что она умерла. Царь повѣрилъ вельможамъ и щедро вознаградилъ ихъ за такую услугу.

Старикъ со старухой, представившіе чудовищу вмѣсто дочери Шакура, задумали принести въ жертву барана въ воспоминаніе своего благодѣтеля-юноши и съ этою цѣлью пошли въ поле. Тамъ они закололи жертву. Въ это время старуха какъ-то нечаянно засунула въ яму ногу и сильно испугалась, почувствовавъ подъ ногами что-то мягкое; она сказала объ этомъ старику. Старикъ пришелъ и вытащилъ изъ ямы еле живого Шакура въ одеждѣ своей дочери. Старикъ очень удивился, недоумѣвая, какъ онъ могъ сюда попасть, послѣ того какъ былъ съѣденъ чудовищемъ. Онъ принялся за лѣченіе, и труды его увѣнчались успѣхомъ: Шакуръ выздоровѣлъ и былъ усыновленъ старикомъ. Старикъ былъ ткачомъ; однажды онъ посылаетъ своего сына на базаръ для покупки хлопчатой бумаги. Тутъ Шакуру встрѣчаются два царскихъ вельможи, которые спросили юношу, кто онъ такой. Шакуръ отвѣтилъ, что онъ сынъ старика-ткача и пришелъ на базаръ за покупкою. Вельможи знали, что у этого старика нѣтъ сына, повели Шакура къ старику и спросили, откуда онъ взялъ такого юношу. Старикъ испугался и разсказалъ всю правду. Вельможи-злодѣи, узнавши въ Шакурѣ убійцу чудовища и испугавшись, что онъ откроетъ ихъ злодѣйство, отняли у старика сына и продали его проѣзжающему каравану за ничтожную цѣну, взявъ съ караванщиковъ обѣщаніе не показывать этого юноши въ городѣ. Караванщики съ Шакуромъ продолжали свой путь. На пути имъ предстояло переправиться чрезъ море. Для благополучной переправы чрезъ него требовалось принести человѣческую жертву: иначе предстояла гибель во время перехода. Приблизившись къ морю, караванщики рѣшились принести въ жертву Шакура и сказали ему объ этомъ. Бѣдный юноша умолялъ оставить его въ живыхъ, обѣщая имъ счастливую переправу. Караванщики сжалились надъ нимъ и оставили его въ живыхъ. Тогда Шакуръ на берегу моря горячо помолился Богу, отрѣзалъ свой мизинецъ и бросилъ въ

море. Господь услышалъ горячую молитву Шакура, и море раздѣлилось на двѣ части: открылось сухое дно, и караванщики переправились на другой берегъ. Послѣ этого Шакура приняли за святого и одарили его, кто какъ могъ, такъ что у Шакура оказались три верблюда съ вьюками. Караванщики прибыли въ городъ, гдѣ должны были дѣлать покупки. Въ городѣ Шакуръ увидѣлъ одного человѣка, везущаго на арбѣ сундукъ, въ которомъ что-то по временамъ посвистывало; при этомъ хозяинъ сундука кричалъ: «Кто желаетъ быть счастливымъ, покупайте мой сундукъ», не говоря ничего о томъ, чтó тамъ находится.

Шакуру захотѣлось купить этотъ сундукъ и онъ заплатилъ за него три верблюда съ вьюками. Прежде чѣмъ привезти сундукъ домой, онъ открылъ его и чтó же видитъ? Предъ нимъ явилась такая красавица, что ни въ сказкѣ разсказать ни перомъ описать! При видѣ своего хозяина, она воскликнула: «О, добрый молодецъ, твои злоключенія еще не миновали! Я досталась тебѣ къ твоему несчастію: кто только увидитъ меня, тотъ захочетъ овладѣть мною и потому убьетъ тебя. Я хочу сохранить о тебѣ добрую память: запиши всѣ событія въ твоей жизни и дай мнѣ эту запись.» Шакуръ написалъ все, чтó случилось съ нимъ послѣ смерти матери и отдалъ запись дѣвицѣ. Караванщики полюбопытствовали узнать, чтó находится внутри сундука и попросили Шакура его открыть. Онъ было отказался, говоря, что продавецъ сундука обманулъ его, но караванщики насильно отняли у него ключъ и, открывъ сундукъ, увидѣли красавицу. Они поздравили Шакура съ покупкою, но въ сердцѣ утаили зло. Готовясь въ обратный путь, они предложили и Шакуру ѣхать съ ними. Онъ согласился. Караванщики благополучно переправились чрезъ вышесказанное море, отняли у Шакура дѣвицу, а бѣднаго хозяина ея положили въ сундукъ и пустили въ море. Сундукъ поплылъ по вѣтру. Между караванщиками завязалась ссора: никто не хотѣлъ уступить красавицы другому.

Среди них былъ одинъ почтенный старикъ, который помирилъ своихъ спутниковъ: онъ уговорилъ товарищей не ссориться и предложилъ принести красавицу въ подарокъ царю; въ благодарность за нее царь дастъ имъ большую сумму денегъ, которую и можно будетъ раздѣлить поровну между всѣми. Всѣ согласились съ мнѣніемъ старика. И дѣйствительно, царь щедро вознаградилъ караванщиковъ деньгами: они остались очень довольными и продолжали свой путь. Этимъ царемъ былъ Шакуратъ.

Красавица передала царю запись Шакура, въ которой была изображена вся жизнь его. Каково же было изумленіе царя Шакурата, когда онъ отъ подаренной ему дѣвицы узналъ о своемъ умершемъ братѣ Шакурѣ. Онъ палъ на колѣни предъ дѣвицей, прося ее разсказать ему, что́ сдѣлали караванщики съ ея хозяиномъ. Она разсказала, какъ караванщики пустили Шакура въ сундукѣ въ море.

Долго ли плылъ сундукъ, коротко ли, неизвѣстно, но онъ былъ пойманъ однимъ рыбакомъ, который, не осмѣливаясь самъ открыть его, представилъ находку царю своей страны. Царь за это богато отблагодарилъ рыбака, а сундукъ взялъ себѣ. Открывъ сундукъ, онъ увидѣлъ въ немъ красиваго, но еле живого юношу; онъ привелъ его въ чувство и, разспросивъ подробно, узналъ, кто онъ такой и всѣ его приключенія. У царя не было сына, и онъ сдѣлалъ Шакура своимъ наслѣдникомъ.

Что́ же дѣлаетъ царь Шакуратъ для отысканія своего брата? Онъ далъ приказъ своимъ подданнымъ, чтобы они разыскали человѣка, поймавшаго на морѣ сундукъ, внутри котораго былъ юноша. Послы разъѣхались по бѣлу свѣту. Двое изъ пословъ пріѣхали въ царство, гдѣ находился Шакуръ. Они узнали отъ горожанъ, что дѣйствительно наслѣдникъ ихъ царя былъ пойманъ въ сундукѣ на морѣ. Послы обрадовались и пошли къ царю. Придя къ нему, они пали на колѣни и разсказали всю исторію брата царя ихъ Шакурата. Тутъ они убѣдились, что наслѣдникъ былъ дѣйствительно то лицо, которое они разыскивали.

Нельзя описать радости Шакура, когда онъ узналъ, что его братъ еще живъ и что онъ царемъ въ одномъ государствѣ. Шакуръ попросилъ позволенія отъ отца съѣздить къ брату. Тотъ позволилъ ему, далъ свиту и отправилъ его къ брату. Послы же поспѣшили раньше доложить своему царю объ успѣхѣ своихъ поисковъ. Шакуратъ тоже съ большою свитою выѣхалъ навстрѣчу брату. Они при встрѣчѣ соскочили съ лошадей, съ плачемъ обняли другъ друга, и оба долгое время не могли говорить отъ слезъ. Шакуръ нѣсколько времени оставался у брата, а Шакуратъ велѣлъ разыскать всѣхъ караванщиковъ и жестоко наказалъ не только ихъ, но и двухъ своихъ вельможъ за то, что́ они сдѣлали съ братомъ. Конечно и старика со старухой, которые его пріютили и вмѣсто дочери отдали съ его же согласія чудовищу, онъ щедро одарилъ деньгами. Шакуръ и Шакуратъ задумали поѣхать къ своему родителю, который по настоянію злой жены своей изгналъ сыновей. Братья собрали большое войско и отправились въ свой родной городъ. Прибывъ туда, они узнали, что ихъ отецъ за то, что погубилъ своихъ сыновей, былъ низложенъ съ престола. Братья долго искали родителя въ городѣ и, наконецъ, нашли его нищимъ, поддерживающимъ свою жизнь подаяніемъ добрыхъ людей. Они предложили отцу развестись съ женою и быть опять царемъ, но отецъ не соглашался на это; онъ говорилъ, что лучше быть попрежнему нищимъ, чѣмъ разлучиться съ женою. Тогда Шакуръ и Шакуратъ поняли, что дѣло не чисто: они собрали всѣхъ колдуновъ и показали имъ отца. Колдуны нашли, что онъ заколдованъ своею женою-колдуньей и освободили его отъ чаровъ. Отецъ юныхъ царей только тогда созналъ свою ошибку и далъ разводъ женѣ. Потомъ Шакуръ и Шакуратъ низложили намѣстника отца и возвели родителя опять на престолъ, а сами возвратились въ свои царства. Дѣвушку, которую братъ купилъ за три верблюда съ вьюками, Шакуратъ возвратилъ брату, а самъ женился на другой красавицѣ. Оба брата и ихъ отецъ до кон-

ца жизни оставались царями и провели остальную часть жизни весьма счастливо.

Записалъ въ фортѣ Александровскомъ Закаспійской области

Мухамедія Кентаевъ Ташкеновъ.

---

10. Богатырь Ецемей, сынъ Ецея.

Карачаевская сказка.

Въ одинъ прекрасный майскій день, около мельницы, играли дѣти въ альчики. «Эхъ вы, игроки!», вдругъ чей-то незнакомый голосъ раздался за ними: «да развѣ такими камешками можно въ альчики попасть»!

Дѣти въ смущеніи оглянулись назадъ: предъ ними, съ недовольнымъ видомъ, стоялъ мальчикъ лѣтъ десяти. То былъ Ецемей, наслѣдникъ ихъ князя, убитаго гдѣ-то въ дальней сторонѣ. Окинувъ любопытнымъ взоромъ пришельца, дѣти продолжали свою игру. Вдругъ Ецемей схватилъ стоящій вблизи жерновъ и пустилъ имъ прямо въ рядъ альчиковъ: отъ большой тяжести жернова они обратились въ порошокъ. Дѣти, бросивъ на богатыря испуганный взглядъ, со слезами на глазахъ пустились бѣжать къ матери въ мельницу. «Мама, мама», сказали они: «злой Ецемей не даетъ намъ играть и жерновомъ разбилъ наши альчики».—«Вотъ я ему покажу, какъ обижать моихъ дѣтей»! сказала мать, выходя изъ мельницы. «Ахъ ты, грубіянъ,» закричала она на Ецемея: «зачѣмъ поломалъ альчики у моихъ дѣтей! Ужъ не хотѣлъ ли ты этимъ показать имъ свою силу! Да, если ты ужъ такой силачъ, то пробовалъ бы свою силу на Кубѣ, убійцѣ твоего отца!» Услыша эти слова, Ецемей покраснѣлъ и, опустивъ голову, пошелъ задумчиво домой. «Сколько разъ», идя по дорогѣ, думалъ онъ про себя: «я спрашивалъ свою мать, гдѣ погибъ мой бѣдный отецъ, и она никогда не отвѣча-

ла мнѣ; теперь я узналъ это, но отъ кого—отъ простой бабы, которая даже упрекнула меня въ томъ, что я не отомстилъ за отца». Пришедши домой, онъ со слезами на глазахъ бросился на шею матери. «Что съ тобой, мой милый сынъ?» спросила заботливо мать, гладя по его щекѣ рукой. «Я хочу ѣсть; сжарь мнѣ кукурузы», притворно сказалъ Ецемей. Мать исполнила его желаніе и подала ему на тарелкѣ горячей кукурузы; но тотъ сказалъ: «Ты все твердишь, что крѣпко любишь меня, но отчего ты не даешь мнѣ кукукузу изъ собственной руки»! Мать, насыпавъ кукурузы въ горсть, съ улыбкой протянула сыну руку. Ецемей, схвативъ руку, такъ сильно пожалъ ее, что мать покраснѣла отъ боли и стыда и, вырывая руку, съ гнѣвомъ крикнула на сына: «Ахъ ты, гадкій сынъ! не могъ найти, кому бы, кромѣ меня, пожать руку»?—«Пока ты не скажешь, кто убилъ моего отца, гдѣ его доспѣхи и конь лихой, я не выпущу твоей руки», сказалъ сынъ. «Милый мой сынъ»! нѣжно воскликнула мать, догадавшись, въ чемъ дѣло: «рано тебѣ знать о горькой участи твоего отца, но если ты такъ сильно желаешь знать объ этомъ, то слушай: твой отецъ убитъ злодѣемъ Кубой, а отомстить за его смерть поѣхала съ дружиною наша молодая княжна—сестра твоего отца. Уѣзжая она просила меня послать къ ней на помощь и тебя, когда ты выростешь и почувствуешь силу исполнить свой святой долгъ, но пока ты, какъ ребенокъ, еще слабъ и помощи оказать ей не можешь.—«Мать моя, не обижай меня такими словами,» тихо возразилъ ей Ецемей: «я не ребенокъ и не слабъ: я чувствую полную силу отомстить Кубѣ за смерть моего отца; мнѣ стыдно и больно слушать упреки по этому поводу изъ устъ глупыхъ бабъ. Скажи же, гдѣ доспѣхи и добрый конь отца»!—«Тамъ за желѣзными дверями, подъ высокой нашей башней», неохотно сказала мать. Сынъ живо очутился у дверей и сильною рукой сорвалъ ихъ съ петлей. Предъ нимъ въ темнотѣ и сырости стоялъ, сверкая глазами, добрый конь, который

отъ сильнаго голода и томительной жажды, прогрызъ семь слоевъ земной коры; съ тѣхъ поръ, какъ лишился хозяина, онъ никого къ себѣ не подпускалъ и не принималъ ни пищи ни воды. Увидя у дверей пришельца, конь сердито кинулся на него, но Еџемей смѣлою рукой схватилъ его за гриву и спокойно вывелъ на свѣтъ. Затѣмъ онъ поитъ, купаетъ и кормитъ его. На другой день утромъ, на разсвѣтѣ, богатырь пошелъ къ матери прощаться: «Дорогая мать, священный долгъ требуетъ отомстить за отца, и я оставляю тебя; ты поменьше думай обо мнѣ и моли Аллаха, чтобъ онъ даровалъ мнѣ мужество и силу и помогъ побѣдить злодѣя Кубу»! Мать, обливаясь горькими слезами, бросилась обнимать сына, рыдая: «Милый мой сынъ, рано ты берешься за отцовскій завѣтъ! что будетъ со мной несчастной, когда ты погибнешь отъ руки невѣрнаго Кубы»!.. И многое другое причитывала мать, но сынъ недолго ее слушалъ: вырвавшись изъ ея объятій, онъ смѣло вскочилъ на коня и ударилъ его плетью. Взвился конь на дыбы, забѣсновался и заметался, какъ пораженный стрѣлой, не подчиняясь волѣ смѣлаго сѣдока. Напрасно богатырь старался успокоить разгоряченнаго коня: онъ, сердито грызя удила, то рвался, то метался, то прыгалъ, то, какъ вихрь, летѣлъ впередъ безъ памяти. Вскипѣла кровь у лихого наѣздника: въ сильномъ гнѣвѣ онъ дернулъ узду коня и нажалъ ему ребра ногами. Алая кровь потекла по бокамъ разгоряченнаго коня и бѣлою пѣной покрылась его узда. Присмирѣлъ ретивый конь и, подчиняясь сѣдоку, быстро помчался въ путь.

Долго ли, коротко ли онъ ѣхалъ, не извѣстно, но къ вечеру одного дня нашъ герой на вѣрномъ конѣ въѣхалъ въ темный лѣсъ. Подъѣхавъ къ небольшой полянѣ, Еџемей слѣзаетъ съ коня и, пустивъ его на траву, сталъ заботиться объ ужинѣ и ночлегѣ. Повернулся направо—настрѣлялъ туровъ и оленей, повернулся налѣво—набилъ козъ и барановъ. Затѣмъ, на скорую руку построилъ шалашъ, покрылъ его шкурами

оленей и сталъ крутить на палкѣ предъ костромъ тушу цѣлаго оленя. Когда поджаривалось мясо, онъ посыпалъ его пахучей солью, и аппетитный запахъ жаренаго мяса распространился по всей окрестности. Едва онъ отвѣдалъ вкуснаго мяса, какъ подошли къ нему два незнакомыхъ витязя. Нашъ богатырь проворно поднялся и уступилъ гостямъ мѣсто. Они робко сѣли у огня и устремили удивленные взоры на хозяина. «Что за диво», каждый думалъ про себя: «парень кажется небольшой, а поднимаетъ одной рукой тушу цѣлаго оленя! Ецемей ихъ кормитъ, поитъ и, наконецъ, спрашиваетъ:» Гости дорогіе, какая судьба привела васъ сюда; вы, можетъ-быть, обитатели этой страны, или, какъ и я, находитесь въ пути и зашли ко мнѣ отдохнуть?»—«Мы посланы княжной Ецеевой, ѣдущей отомстить могучему Кубѣ за смерть своего брата», отвѣтствовали тѣ: «теперь будетъ десять лѣтъ, какъ она ждетъ своего племянника, не имѣя возможности перейти чрезъ многоводную рѣку. Нынѣ же, услыша запахъ жаренаго мяса изъ лѣса, она намъ сказала, что запахъ идетъ какъ будто отъ той соли, которую имѣютъ одни Ецеевы; чтобъ въ этомъ убѣдиться, мы пришли сюда и, увидя шалашъ, рѣшились войти въ него»—«Да, не ошиблась сестра моего отца», сказалъ гордо Ецемей: «я пріѣхалъ сюда оказать ей слабую помощь свою.» Гости обрадовались и, поклонившись князю въ поясъ, предложили ему теперь же выѣхать изъ лѣса къ ожидающей его княжнѣ. Тотъ на это согласился и велѣлъ подвести себѣ коня. Витязи коня ему подвели, и вскорѣ всѣ трое выѣхали изъ лѣса. Вдали виднѣлась прекрасная долина. Среди той долины, подъ тѣнью вѣтвистаго дерева были раскинуты шатры княжны Ецеевой. Сюда направились они и, когда стали приближаться къ шатрамъ, одинъ витязь, обратясь къ Ецемею, сказалъ: «О твоемъ пріѣздѣ я долженъ доложить княжнѣ», и поскакалъ быстро впередъ. Услыша, что пріѣхалъ давно жданый гость дорогой, княжна радостно бросилась къ нему навстрѣчу. «Хоть ждала

тебя я давно», сказала ему она: «но не думала такъ рано увидѣться съ тобой! Какую же помощь ты можешь оказать мнѣ теперь?»—«Это я покажу тебѣ на дѣлѣ», отвѣтилъ гордо Ецемей: «а пока вотъ что́ скажу: завтра на зарѣ я уѣду отсюда, ты же, пока не возвращусь сюда, жди меня здѣсь съ войскомъ своимъ. И только одного я прошу: не мѣшать мнѣ ни въ чемъ и во всемъ полагаться на меня!»—«Конечно, если ты берешь все дѣло на себя, я не стану мѣшать тебѣ ни въ чемъ,» сказала ему сестра отца: «не даромъ говорятъ, что у женщинъ волосъ длиненъ, да умъ коротокъ: мы ошибаемся часто и въ самыхъ простыхъ дѣлахъ, а здѣсь дѣло мужское и не нашего ума—дѣлай ты, какъ хочешь: я во всѣмъ полагаюсь на тебя». Утромъ Ецемей садится на своего коня и снова пускается въ путь. Достигши крутого берега огромной рѣки, онъ дернулъ за узду коня и конь мгновенно очутился въ мутныхъ волнахъ. Но недолго онъ боролся съ бурными волнами и живо очутился на другомъ берегу. Тутъ сѣдокъ пустилъ коню удила, и конь, почуя волю господина, понесъ его во весь опоръ: поля, лѣса, горы, долины, ручьи, рѣки, стремнины—все только мелькало предъ ними. И долго вѣрный конь безъ устали скакалъ; наконецъ, къ вечеру одного дня онъ прискакалъ въ область Кубы. Смѣлый сѣдокъ, сдвинувъ шапку сердито на лобъ, кипѣлъ жаждой предстоящей мести и съ обнаженной шашкою въ рукѣ, грозно бросился на стражу табуновъ Кубы. Тѣ мигомъ окружили его и обнажили свои сабли; но увы въ послѣдній разъ они ихъ обнажили: нашъ герой отважный махая шашкою влѣво и вправо, смѣлою рукою сносилъ имъ съ плечъ головы долой; въ одну минуту овладѣлъ онъ безчисленными табунами Кубы и погналъ ихъ обратно къ себѣ. Подъѣзжая къ знакомой рѣкѣ, Ецемей думалъ про себя: «Неужели только съ этой добычей мнѣ обратно ѣхать къ сестрой моего отца; это было бы похоже не на побѣду, а на бѣгство робкаго мальчишки отъ преслѣдованія Кубы! Нѣтъ, этому не бывать; пусть луч-

ше сестра отца гонитъ домой табуны злодѣя, а отвѣтъ за нихъ я самъ отдамъ ему».

Такъ думая, Едемей перегналъ табуны чрезъ рѣку и выстрѣломъ изъ ружья далъ объ этомъ знать своимъ. Въ минуту воины окружили табуны и поздравили богатыря съ побѣдой. «Да, ты вѣрно сдержалъ данное слово», сказала княжна, обнимая радостно Едемея: «ты на дѣлѣ показалъ мнѣ силу свою. Теперь безъ войны, но со славой пора намъ возвратиться домой!»—«Пора, но не мнѣ», молвилъ, смѣясь, Едемей: «ты пріѣхала раньше и поэтому уѣзжай раньше меня».—«Что же ты будешь дѣлать здѣсь послѣ насъ?» спросила изумленная княжна»—«Поѣду еще разорять Кубу», сказалъ грозно Едемей: «а ты, пока нѣтъ погони за табунами, гони ихъ съ войскомъ домой». Сестра отца грустно собралась въ путь и, прощаясь, сказала сыну брата: «Знаю, опасной славы ты ищешь себѣ, но уговорить тебя я не въ силахъ!»

Проводивъ тетку за лѣсъ, богатырь возвратился назадъ и, перешедши рѣку, пустился съ конемъ снова въ путь. Къ полудню одного дня герой остановился отдохнуть у зеленаго холма. Здѣсь онъ слѣзъ съ коня и, снявъ сѣдло, пустилъ его на волю. Затѣмъ, положивъ сѣдло подъ голову, онъ ложится на холмѣ отдохнуть и скоро засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Вдругъ слышитъ онъ сквозь сонъ ржанье вѣрнаго коня. Очнувшись, онъ проворно поднялся на ноги и посмотрѣлъ внимательно на коня. Вѣрный конь, поднявъ впередъ чуткія уши и устремивъ вдаль умные свои глаза, стоялъ какъ вкопаный. «Что онъ тамъ видитъ?» подумалъ богатырь и сталъ внимательно вглядываться въ темную даль. И видитъ далеко, какъ бы въ туманѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо соединяется съ землей, летитъ какая-то точка, летитъ и постепенно увеличивается. Вотъ различаетъ богатырь и голову и ноги; еще мгновенье и онъ видитъ вдали всадника. Но что за конь бѣжитъ подъ нимъ: на шести ногахъ онъ скачетъ, какъ черный воронъ летитъ, пыль столбомъ вздымаетъ,

изъ ноздрей паръ валитъ; подъ нимъ земля тяжело дышитъ, на лбу звѣзда горитъ, въ глазахъ огонь блеститъ, по бокамъ зайцы играютъ, изъ-подъ ногъ чайки вылетаютъ! Прискакалъ конь и у холма остановился. «Эй, мальчикъ,» обратился къ Ецемею сидѣвшій на конѣ богатырь: «не видалъ ли ты, кто прогналъ здѣсь мои табуны?» —«Да, я видѣлъ,» сказалъ Ецемей: «вонъ туда одинъ человѣкъ вчера ихъ погналъ», и указалъ пальцемъ на сѣверъ. Пустился всадникъ въ путь, а Ецемей, провожая его глазами, думалъ про себя: «лети, лети, наѣздникъ ты безумный; не скоро ты возвратишь свои табуны». Но всадникъ скоро прискакалъ назадъ. «Ахъ, ты, презрѣнный мальчишка!» закричалъ онъ на нашего богатыря: «смѣешь ты обманывать меня!» —«Виноватъ», сказалъ Ецемей: «отъ страха указалъ я тебѣ путь не въ ту сторону; помнится, табуны угнали по той долинѣ», и указалъ ему путь на западъ. Пустился опять по указанной дорогѣ всадникъ. «Негодный мальчишка, ты опять вздумалъ шутить надо мной!» вазвратившись чрезъ нѣкоторое время, закричалъ на Ецемея всадникъ: «теперь тебѣ не избѣжать моихъ плетей!—«Помилуй,» сказалъ Ецемей: «ты такъ сердито обращаешься со мной, что я отъ сильнаго испуга совсѣмъ теряюсь и невѣрно указываю путь. Теперь я помню хорошо, что табуны твои угнали на востокъ; если пустишься туда, ужъ вѣрно безъ табуновъ не возвратишься.»—«Послѣдній разъ поскачу я туда, и если обнаружится твой обманъ, я съ тебя, мальчуганъ, голову сорву» грозно сказалъ Куба и живо поскакалъ на востокъ. Вдоволь насытившись своими проказами, Ецемей самодовольно осматривалъ свое оружіе. «Погибъ ты, юноша надменный!» прискакавъ въ третій разъ, вскричалъ Куба: «знаешь, надъ кѣмъ ты вздумалъ шутить? Кто стоитъ предъ тобой, и что̀ теперь ожидаетъ тебя, нахала! Скажи, какъ смѣлъ ты издѣваться надо мною? Кто побудилъ тебя сыграть со мной такую шутку? Не тотъ ли, кто угналъ мои табуны и оставилъ здѣсь тебя, чтобъ ты, обманывая меня, далъ ему время съ ними скрыться? Отвѣчай

же: жизнь твоя у меня въ рукахъ».—«Пока я ея тебѣ не отдалъ», смѣясь, отвѣчалъ нашъ богатырь противнику: «но, признаюсь, это я угналъ твои табуны и, чтобъ показать, насколько твои угрозы страшны мнѣ, я самъ заставилъ тебя три раза скакать понапрасну. Если желательно тебѣ узнать, кто тебя такъ сильно огорчилъ, то знай: я сынъ Ецеева и пріѣхалъ отомстить за смерть своего отца»!—«Теперь все ясно мнѣ», сказалъ Куба, бросивъ презрительный взглядъ на своего противника: «ну, стрѣльба или борьба»!—«Борются бабы у насъ», насмѣшливо отвѣчалъ Ецемей. Отъѣхавъ на ружейный выстрѣлъ, Куба молча слѣзаетъ съ коня и подымается на сосѣдній холмъ. Ецемей, повинуясь обычаю старины, проворно вытащилъ винтовку изъ чехла и первымъ выстрѣлилъ изъ нея. «Теперь ужъ очередь моя», язвительно сказалъ раненый противникъ: «черностволку полузарядомъ заряжу и тебя, мальчугана, однимъ выстрѣломъ уложу». И зарядивъ тотчасъ завѣтную черностволку, онъ нетерпѣливою рукою придавилъ курокъ и попалъ молодому герою въ правый бокъ; но не смутился этимъ Ецемей и вторымъ выстрѣломъ ранилъ Кубу въ лѣвое плечо. И закипѣла между ними битва. Въ дыму очутились противники; какъ громъ ихъ ружья гремятъ и пули изъ нихъ по очереди летятъ, какъ звѣзды мерцаютъ огни, учащаясь отъ выстрѣловъ борцовъ. Неизвѣстно, какъ долго продолжалась бы битва, если бы къ вечеру не истощился у нихъ порохъ. «Пора намъ отдохнуть», сказалъ Куба: «я поѣду домой и возьму пороху и провизіи».—«Конечно, это намъ необходимо», одобрительно сказалъ Ецемей и легъ на спину отдохнуть. Съ трудомъ сѣвши на коня, пустился Куба домой. Прискакавъ въ полночь во дворъ, онъ слѣзъ съ коня и, опираясь на ружье, вошелъ въ комнату. «Эй, жена», закричалъ онъ у порога: «иди скорѣй и избавь меня отъ мучительной боли и тяжести пуль»! Живо подбѣжала къ нему жена и, уложивъ его на разостланный коверъ, стала своимъ полотенцемъ тереть по тѣлу его. Какъ градъ сыпались на

коверъ свинцовыя пули изъ тѣла израненнаго Кубы. «Съ какимъ это большимъ войскомъ сегодня велъ ты борьбу»! замѣтила Кубѣ жена. «Нѣтъ», отвѣтилъ онъ, легко вздохнувши: «Сегодня не съ войскомъ я боролся, а получилъ столько пуль отъ десятилѣтняго мальчика».

Какъ только наступило утро, Куба ужъ былъ на мѣстѣ битвы и, закусивъ съ противникомъ, по обычаю, раздѣлилъ пополамъ пули и порохъ. «Пора намъ снова взяться за дѣло,» сказалъ онъ Ецемею. «Я готовъ,» спокойно отвѣтилъ тотъ. И снова битва закипѣла; къ вечеру она опять прекратилась: обремененный пулями Ецемея, Куба снова пустился домой. Нашъ же герой, израненный тяжелыми пулями, еле двигалъ своими членами, но былъ готовъ стоять до конца. Прошла мучительная ночь. Куба, прискакавъ, раздѣлилъ съ Ецемеемъ порохъ и пули и снова вступилъ съ нимъ въ битву. Вотъ, наконецъ, настала и третья ночь. Куба, прискакавъ попрежнему домой и получивъ при помощи жены исцѣленіе, сталъ въ раздумьѣ ходить по комнатѣ. «Не разъ я воевалъ съ цѣлымъ войскомъ и воевалъ на поединкахъ, но никогда не встрѣчалъ я такого противника», думалъ молча Куба: «онъ еще молодъ, не возмужалъ, но кто изъ смертныхъ согласился бы вступить съ нимъ въ бой, когда онъ достигнетъ своего совершеннолѣтія?»

Утромъ, прискакавъ въ четвертый разъ на мѣсто битвы, Куба нашелъ своего противника лежащимъ на холмѣ безъ дыханія. «Черностволка не измѣнила мнѣ» со злымъ восторгомъ, глядя на убитаго, сказалъ онъ: «она ему раздробила всѣ члены». Снявъ съ него доспѣхи, онъ привязалъ къ хвосту коня онѣмѣлый трупъ и съ этою добычей пустился шагомъ въ обратный путь, ведя подъ уздцы коня своего противника. Къ ночи онъ достигъ своего дома и, слѣзая съ коня, обратился къ своей женѣ: «Вотъ съ кѣмъ я дрался цѣлыхъ три дня», сказалъ онъ и насмѣшливо указалъ на охладѣвшій трупъ юноши. «Какого ты несчастнаго младенца убилъ»,

замѣтила съ жалостью жена: «не стыдно было тебѣ на такого маленькаго ребенка поднимать свое ружье»?—«На видъ онъ маленькій, но на дѣлѣ удаленькій», отвѣтилъ ей мужъ: «теперь ужъ ночь; не знаю, чтó мнѣ дѣлать съ нимъ, но я не засну спокойно ночью, если не поставлю надъ нимъ караула»—«Неужели этотъ ребенокъ такъ сильно напугалъ тебя, что надъ безжизненымъ трупомъ его хочешь поставить караулъ», съ презрѣніемъ сказала жена. «Это ужъ дѣло мое», сердито возразилъ ей мужъ и, поставивъ надъ трупомъ нашего героя цѣлый отрядъ воиновъ, онъ пошелъ съ женой почивать въ покои. Скоро онъ погрузился въ глубокій сонъ. Но жена не смыкала очей: милый образъ прекраснаго юноши все носился въ ея воображеніи. «Пойду, потру его полотенцемъ и, если удастся мнѣ ему возвратить жизнь, пусть скорѣй уйдетъ отъ злодѣя-мужа» подумала она про себя и, привставъ съ кровати и осторожно сойдя съ постели, незамѣтно подошла къ воинамъ. «Мужъ мой сегодня не здоровъ», она сказала имъ: «и напрасно онъ заставилъ васъ караулить; идите съ Богомъ по домамъ». Воины молча ей поклонились и тотчасъ удалились. Она съ трепетомъ подошла къ тѣлу юноши и стала тереть его полотенцемъ. Какъ градъ, съ каждымъ прикосновеніемъ чудеснаго полотенца, сыпались пули. Мгновенно дрожь пробѣжала по холодному тѣлу юноши, и онъ открылъ глаза. Спасительница стыдливо побѣжала въ комнату къ мужу, а нашъ герой осторожно пошелъ за нею. »Ой, идетъ мой врагъ», вдругъ сквозь сонъ сказалъ Куба, вздрогнувъ. «Спитъ онъ вѣчнымъ сномъ подъ присмотромъ твоихъ воиновъ», сказала ему жена, и успокоенный Куба снова заснулъ. А Ецемей, между тѣмъ, приближался все ближе и ближе. «Охъ, онъ здѣсь», задрожавъ отъ страха, проворчалъ опять Куба. «Никого здѣсь нѣтъ», успокоила его жена: «а если онъ и здѣсь, то ничего тебѣ не можетъ сдѣлать: тамъ въ огромномъ сундукѣ лежатъ двадцать сундучковъ, вложенныхъ одинъ въ другой, и въ послѣднемъ, двадцатомъ сундучкѣ, лежитъ

тотъ «Черный ножъ», который одинъ грозитъ тебѣ смертью. И вторично погрузился въ сонъ глубокій Куба. Услыша слова своей спасительницы, Ецемей осторожно подошелъ къ кровати, тихонько вытащилъ ключи и проворно досталъ роковой ножъ. Затѣмъ сталъ онъ подходить къ Кубѣ, а послѣдній, чувствуя приближеніе его, задрожалъ отъ страха и что-то хотѣлъ сказать, но быстрый ударъ мгновенно поразилъ его въ шею, и покатилась голова суроваго Кубы. Потомъ Ецемей, осторожно вытащивъ обезглавленный трупъ изъ теплаго ложа, влѣзъ туда самъ такъ тихо, что жены не разбудилъ. Какъ только запѣли первые пѣхухи, пробудился отъ сладкаго сна Ецемей. «Эй, жена, вставай же скорѣе и собирай все въ дорогу», голосомъ Кубы сказалъ онъ: «къ утру намъ нужно покинуть сей край: наша область окружена вражьими войсками» а самъ между тѣмъ, одѣвшись въ доспѣхи и заперши въ сундучки кровавый ножъ, вышелъ осѣдлать своего коня. Жена, ничего не зная о случившемся и принимая Ецемея за мужа, стала укладывать всѣ вещи. Къ утру домъ Кубы былъ покинутъ навсегда. Переѣзжая чрезъ рѣку и увидя отраженіе мнимаго мужа въ водѣ, жена сказала Ецемею: «Какимъ ты маленькимъ кажешься въ водѣ, а прежде ты былъ вдвое больше.»—«Маленькій топоръ большое дерево рубитъ», отвѣтилъ ей насмѣшливо Ецемей. Удивленно повернулась она къ нему и, увидя себя въ рукахъ юноши, недавно спасеннаго ею самой, она покраснѣла отъ стыда и подумала: «какъ же это я вернула его къ жизни, но не замѣтила вчера, чтó онъ сдѣлалъ съ мужемъ моимъ». Дошедши до темнаго лѣса Ецемей слѣзаетъ проворно съ коня и осторожно снимаетъ плѣнную жену. Затѣмъ, обращаясь къ рабамъ, велѣлъ разбить шатры, а самъ, взявши ружье, отправился въ чащу лѣса поохотиться. Весело проведши ночь, нашъ молодой герой по утру снова тронулся въ путь. Ужъ время клонилось къ полудню, когда онъ очутился въ области Сосрука. Нартъ Сосрукъ самъ вышелъ къ нему навстрѣчу и, поздравивъ его съ

побѣдою, сталъ просить по обычаю старины подорожнаго выкупа. «Возьми навьюченныхъ золотомъ лошадей и въ придачу дарю тебѣ своихъ плѣнныхъ рабовъ», сказалъ добродушно Ецемей.—«Не надо мнѣ твоихъ лошадей, навьюченныхъ золотомъ, и въ рабахъ я не нуждаюсь», отвѣтилъ гордо Сосрукъ: «отдай ты мнѣ только жену Кубы».—«Ужъ больно ты дерзокъ»! съ презрѣніемъ возразилъ ему Ецемей: «съ чѣмъ же мнѣ возвратиться домой, если я ее тебѣ уступлю? И не рождался еще у Ецеевыхъ такой трусъ, который отдалъ бы встрѣчному свою жену»—«Тогда я выставлю противъ тебя, юноша, своихъ воиновъ», отвѣчалъ ему Сосрукъ: «и пусть побѣда рѣшитъ, кому владѣть женой»—«На это я согласенъ», смѣло сказалъ Ецемей и, слѣзши съ коня, велѣлъ отойти своимъ въ сторону. Сосрукъ, выступивъ противъ героя, сталъ съ нимъ сражаться съ цѣлымъ своимъ войскомъ. Съ каждымъ выстрѣломъ нашъ удалый молодецъ укладывалъ на мѣстѣ по одному воину. Наконецъ, изнемогая отъ ранъ въ неравномъ бою, обратился онъ къ Сосруку: «я умираю, исполни послѣднюю просьбу мою, если она не пугаетъ тебя: поставь въ рядъ все войско свое и самъ отстранись въ сторону». Съ надменной гордостью Сосрукъ исполнилъ просьбу героя, а Ецемей послѣднимъ своимъ выстрѣломъ оставилъ всѣхъ воиновъ Сосрука безъ ушей съ одной стороны. Затѣмъ онъ обратился къ женѣ и бросилъ прощальный взглядъ на нее. Та побѣжала съ цѣлительнымъ полотенцемъ на помощь къ нему, но мудрая мать Сосрука, обращаясь къ сыну, сказала: «Не допускай, мой сынъ, жены Ецемея приблизиться къ нему и поспѣши скорѣе снести ему голову съ плечъ». Сосрукъ бѣгомъ пустился къ умирающему и, перегнавъ его жену, отсѣкъ герою голову мечомъ, но увы—съ плохой побѣдой остался Сосрукъ: съ ушами храбрыхъ воиновъ онъ честь и славу свою потерялъ и сталъ служить посмѣшищемъ для всѣхъ. Но вѣрный сынъ отца, исполнивъ

священный долгъ свой, погибъ въ неравномъ бою и долго-долго сохранится въ преданіи память объ его славныхъ подвигахъ.

Записана въ селеніи Кунимъ Нальчикскаго округа, Терской области

Али-Бекомъ Бгташевымъ.

---

11. О восточномъ и западномъ царяхъ.

Грузинская сказка.

Восточный царь сообщилъ западному царю чрезъ пословъ слѣдующее: «Здѣсь моя лошадь заржала, а тамъ твоя ожеребилась». Выслушавъ пословъ, западный царь долго думалъ, что́ бы означали эти слова, но видя, что онъ не въ силахъ разгадать ихъ значенія, призвалъ вельможъ для разъясненія загадки; однако вельможи, несмотря на все свое стараніе, не могли понять смысла этихъ словъ. Желая непремѣнно узнать, что́ хотѣлъ сказать восточный царь этими словами, западный царь разослалъ людей по всему царству искать такого человѣка, который бы могъ разъяснить ему, что́ означали эти слова; въ награду за это царь обѣщалъ половину своего царства. Послы долго ходили по всей странѣ и, наконецъ, въ одной деревнѣ увидѣли мальчика, сидѣвшаго на большомъ камнѣ; они спросили его: «Гдѣ находится твой отецъ?» Мальчикъ отвѣчалъ, что его отецъ сѣетъ ссору; послы попросили мальчика, чтобы онъ объяснилъ имъ, что́ значитъ это выраженіе. Мальчикъ объяснилъ это такъ: «Вдоль дороги, ведущей въ ближайшее село, отецъ посѣялъ горохъ, а чтобы лучше наблюдать за проходящими, онъ вблизи дороги построилъ шалашъ; если же кто-нибудь начнетъ топтать горохъ или рвать его, то отецъ мой выскакиваетъ оттуда и затѣваетъ съ нимъ ссору.» Выслушавши такой отвѣтъ, послы спро-

сили мальчика, гдѣ находится его мать. Мальчикъ отвѣчалъ имъ, что мать его отдаетъ въ долгъ слезы.—«А что̀ значитъ «отдавать слезы въ долгъ?», спросили послы.—Мальчикъ отвѣчалъ, что когда въ деревнѣ кто-нибудь умираетъ, то мать его отправляется къ роднымъ умершаго и вмѣстѣ съ ними плачетъ и утѣшаетъ ихъ. После этого послы сказали мальчику, не можетъ ли онъ указать такого умнаго человѣка, который былъ бы въ состояніи разъяснить важный вопросъ. Недолго думая, мальчикъ сказалъ, что и онъ можетъ это сдѣлать. Хотя послы сомнѣвались въ его умѣ и догадливости, но все-таки рѣшились взять его къ царю, объявивъ мальчику, что если онъ разрѣшитъ важный вопросъ, то получитъ половину царства. Увидѣвъ мальчика, царь сначала отнесся къ нему съ недовѣріемъ, но, выслушавъ пословъ, предложилъ ему разъяснить слова восточнаго царя. Мальчикъ сказалъ, что онъ отвѣтитъ на эти слова самому восточному царю и попросилъ дать ему хорошаго коня и триста вооруженныхъ всадниковъ. Вмѣстѣ съ этими всадниками мальчикъ отправился въ путь. Долго они ѣхали и, наконецъ, приблизились къ городу, который находился на границѣ между упомянутыми государствами. Въ двухъ верстахъ отъ города мальчикъ приказалъ всадникамъ кричать «улюлю», а потомъ, какъ будто замѣтивъ зайца, сталъ кричать; «ату—его, ату его!», но они понапрасну сзывали собакъ: за нѣсколько верстъ ни одна собака не могла ихъ услышать. По пріѣздѣ въ городъ, онъ приказалъ своимъ людямъ истреблять всѣхъ собакъ, какія имъ будутъ попадаться на глаза. Люди его исполнили это требованіе: они истребляли всѣхъ собакъ, несмотря на то что жители города грозили пожаловаться на нихъ царю. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ позвать мальчика къ себѣ. Мальчикъ явился къ царю и сказалъ: «въ двухъ верстахъ отъ города мы встрѣтили множество дичи, а собакъ не было; мы кричали и звали собакъ, но ни одна собака не прибѣжала на нашъ зовъ». Царь разгнѣвался на него и, назвавъ

его безумцемъ, сказалъ: «Неужели на разстояніи двухъ верстъ собаки могли услышать твой зовъ»? Мальчикъ отвѣтилъ ему: «Государь, если здѣсь твоя лошадь заржала, а тамъ у западнаго царя ожеребилась; то неужели ваши собаки не могли услышать насъ на двухверстномъ разстояніи»? Царь удивился такой находчивости мальчика и, узнавъ, что онъ посланный западнаго царя, отпустилъ его, а на другой день послалъ ему желѣзный листъ и приказалъ сшить изъ него плащъ: царь хотѣлъ этимъ показать, что онъ намѣренъ съ нимъ воевать. Мальчикъ принялъ листъ, а на другой день, въ свою очередь, послалъ во дворецъ огромный кусокъ скалы съ требованіемъ вытянуть изъ камня нитку, которая нужна для того, чтобы сшить плащъ. Когда вельможи доложили объ этомъ царю, царь смутился и хотѣлъ что-нибудь придумать, чтобы перехитрить мальчика, но ничего у него не выходило, и онъ объявилъ его побѣдителемъ.

Возвратившись къ западному царю, мальчикъ получилъ отъ него обѣщанную половину царства.

Записано въ г. Гори Тифлисской губерніи *П. Ростомовымъ*.

---

12. О названіи рѣки Цхенисъ-Цкали.*

Грузинское преданіе.

Въ восьмомъ вѣкѣ полководецъ арабовъ, по имени Мурванъ, напалъ на Грузію и страшно опустошилъ ее. Грузинскій царь, блаженный Арчилъ, который былъ замученъ арабами за вѣру Христову, огорченный несчастіемъ своего народа, съ малочисленною свитою удалился въ Имеретію, гдѣ и укрѣпился въ одной крѣпости, выстроенной на берегу Цхенисъ-цкали. Узнавъ объ этомъ, Мурванъ со всѣмъ своимъ войскомъ отпра-

---

* Притокъ Ріона съ правой стороны; протекаетъ въ Мингреліи.

вился въ Имеретію и осадилъ эту крѣпость со всѣхъ сторонъ: пѣхоту онъ расположилъ у самой крѣпости, а конницу немного дальше отъ крѣпости, а именно на берегу рѣки Цхенисъ-Цкали. Арчилъ предвидѣлъ, что спасенія нѣтъ, и съ горячею молитвою обратился къ Тому, за кого онъ двадцать лѣтъ спустя умеръ мученическою смертію. Въ одну ночь, когда войско Мурвана спокойно спало, пошелъ проливной дождь: съ горъ устремились потоки, наводнившіе рѣку до того, что все ущелье Цхенисъ-Цкали походило на огромное озеро. Наводненіе это произошло ночью, неожиданно, почему большая часть конницы Мурвана погибла въ бушующихъ волнахъ рѣки. Мурванъ снялъ осаду и удалился изъ Грузіи. На другой день, когда народъ увидѣлъ на берегахъ рѣки, вмѣсто конницы, трупы лошадей, онъ воскликнулъ: «смотрите! смотрите! наша рѣка превратилась въ лошадиную воду. «Съ этого времени эта рѣка получила названіе Цхенисъ-Цкали, чтó значитъ» лошадиная вода.»

Записано въ городѣ Гори, со словъ Соломона Гулисашвили,

Александромъ Цицаги.

---

13. Амиранъ.

Грузинская легенда.

По разсказамъ грузинъ, у самого верховья р. Ліахвы была грузинская деревня на склонѣ одной изъ вершинъ Кавказскихъ горъ. Однажды въ верхней части этой деревни сидѣлъ молодой пастухъ, у котораго было до двухъ десятковъ овецъ, и игралъ на любимомъ «саламури» *). Поглощенный своей игрой, онъ не обращалъ никакого вниманія на пасущееся стадо. Наконецъ, насладившись вдоволь игрой, онъ всталъ и оперся на «чобахи» **),

*) Родъ свирѣли.
**) Длинная, утолщенная съ одного конца пастушья палка.

и началъ мечтать о будущемъ. Вдругъ, взглянувши на верхъ, онъ, къ своему отчаянію, увидѣлъ, что стадо разбрелось; только двѣ овцы паслись на прежнемъ мѣстѣ. Пастухъ тотчасъ взялъ «чобахи» и пустился на гору, чтобы собрать стадо. Въ этомъ стадѣ, кромѣ овецъ, были два козла, которые служили предводителями стада. Пастухъ собралъ овецъ, какъ болѣе смирныхъ, а козловъ никакъ не могъ привести на мѣсто. Гонится бѣдный пастухъ, потъ струится съ его разгорѣвшагося лица, грудь отъ усталости подымается высоко, но нагнать козловъ онъ не въ силахъ: ловкіе козлы безъ труда перескакиваютъ чрезъ пропасти и скалы, а пастухъ, очертя голову, бросается за ними. Вотъ козлы подошли къ одной скалѣ и съ легкостью вѣтра перескочили на противоположную сторону; пастухъ уже приготовился послѣдовать за ними, какъ былъ прикованъ къ мѣсту необыкновеннымъ звукомъ: не то стономъ раненаго звѣря, не то громомъ. Онъ остановился у пропасти, какъ вкопаный, но чувство любопытства взяло верхъ, и онъ осторожно ступилъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, откуда доносились звуки; тогда звуки стали яснѣе, и пастухъ различилъ стонъ человѣка, только необыкновенно громкій. Пастухъ былъ не изъ числа трусовъ и безъ боязни двинулся на звуки дальше, съ вынутымъ изъ ножонъ кинжаломъ, и очутился вдругъ въ какой-то огромной пещерѣ. Онъ остановился, чтобы разглядѣть обстановку пещеры: въ глубинѣ пещеры онъ увидѣлъ великана, растянутаго во весь ростъ, руки и ноги котораго были прикрѣплены къ землѣ толстыми цѣпями; возлѣ него стояла миска съ пищей и кувшинъ съ водой; немного подальше былъ брошенъ мечъ, поднять котораго никто не былъ въ силахъ. Пастухъ, при видѣ великана, хотя и былъ храбръ, испугался не на шутку и подался назадъ, но услышалъ голосъ: «иди, добрый человѣкъ, нечего бояться! самъ видишь, я прикованъ къ землѣ, и, притомъ, стыдно бояться лежачаго и, слѣдовательно, безсильнаго человѣка!» Пастуху

стало стыдно, и онъ возвратился назадъ, ставъ однако подальше отъ великана. Собравшись съ духомъ, онъ спросилъ его: «скажи, кто ты: крещеный или нечистая сила? Если ты чортъ, то призываю имя Іисуса Христа и святого Георгія»—«Не бойся! я не дьяволъ! я такой же человѣкъ, какъ и ты!» Пастухъ убѣдился, что это не злой духъ, ибо, въ противномъ случаѣ, при произнесеніи имени святыхъ онъ исчезъ бы. Тогда пастухъ спросилъ его: «кто ты?» Незнакомецъ отвѣтилъ: «я—Амиранъ!» При этомъ имени пастухъ задрожалъ, какъ осиновый листъ. Амиранъ это замѣтилъ и сказалъ: «Чего ты боишься? Э, ты трусъ!» а затѣмъ продолжалъ: «я— крестникъ самого Іисуса Христа! мнѣ часто приходилось бывать на небѣ, и Онъ говорилъ мнѣ всегда, чтобы я не смѣлъ уносить оттуда огня, но я не могъ удержаться и, видя, какъ люди нуждаются въ немъ принесъ огонь людямъ и, такимъ образомъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Однажды пришелъ ко мнѣ одинъ старикъ и вызвалъ меня на бой. Я очень разсердился, такъ какъ думалъ, что нѣтъ мнѣ противника на свѣтѣ, и съ яростью схватился съ нимъ, надѣясь уничтожить его какъ щепку, но вышло не то: онъ схватилъ меня и съ такой силой ударилъ о землю, что я лишился сознанія; пришедши въ себя, я увидѣлъ, что нахожусь въ этой пещерѣ, привязанный цѣпями, а мой мечъ брошенъ далеко отъ меня. Послѣ моего заточенія прошло много вѣковъ, а я живу въ этой темницѣ, скованный, какъ узникъ, только за то, что сдѣлалъ добро и принесъ огонь людямъ. Каждый день приходитъ ангелъ и приноситъ пищу и воду; въ семь лѣтъ разъ одна изъ стѣнъ моей темницы отворяется, и я удостоиваюсь чистаго воздуха и дневного свѣта. Боже! выведи меня изъ этой мучительной темницы!» Пастухъ былъ чрезвычайно огорченъ судьбой Амирана и спросилъ его: «Не могу ли я что-нибудь сдѣлать для твоего освобожденія?» Амиранъ отвѣтилъ: «Ты можешь, если захочешь, но долженъ обнаружить большую твердость духа! ступай теперь домой и принеси мнѣ

цѣпь, чтобы я могъ притащить мечъ; когда у меня въ рукахъ будетъ мечъ, я разсѣку цѣпи, а тамъ и свобода; если я дождусь этого счастья, то не останусь предъ тобой въ долгу. Ступай добрый человѣкъ! принеси цѣпь или крѣпкую веревку, но только, смотри, никому, кто бы ни спросилъ, не говори ни слова, а то дверь затворится, и тогда прощай: оставишь меня на вѣковѣчное мученіе и себѣ не принесешь пользы!»

Пастухъ сейчасъ вышелъ изъ пещеры и быстрыми шагами направился домой; придя домой, онъ собралъ всѣ цѣпи и веревки, какія только находились въ домѣ, и отправился къ пещерѣ. Онъ былъ уже недалеко отъ своей цѣли, какъ увидѣлъ охотниковъ; чтобы избѣжать ихъ, онъ ускорилъ шаги; но охотники замѣтили его и, привлеченные его наружностью, направились прямо къ нему. Пастухъ увидѣлъ, что охотники за нимъ гонятся, и бросился бѣжать. Охотники подумали: «не сумасшедшій ли?» и съ этой мыслью ускорили шаги и скоро поймали пастуха. «Куда несешь эти цѣпи и веревки?» спрашивали они его; но пастухъ рвался безмолвно и не обращалъ вниманія на ихъ слова. Охотники тогда убѣдились, что онъ не въ своемъ умѣ, и начали связывать его, съ цѣлью отвести его въ ближайшее селеніе и вручить какому-либо сострадательному человѣку. Увидѣвъ, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, пастухъ выхватилъ кинжалъ и закричалъ: «отойдите, если вамъ жизнь дорога, а то я перерѣжу всѣхъ!» Въ этотъ моментъ послышался страшный грохотъ; охотники испугались, думая, что скала катится и пустились безъ оглядки; пастухъ, освободившись, побѣжалъ прямо къ пещерѣ, но, увы... она была затворена! Пастухъ опечалился, слезы потекли изъ его добрыхъ глазъ; онъ бросилъ всю свою ношу у пещеры и ушелъ оттуда, проклиная встрѣчу съ охотниками и сожалѣя о невозможности помочь Амирану-богатырю.

И теперь, если кому-нибудь случится проходить около Казбека, то онъ увидитъ сохранившіяся доселѣ цѣпи и верев-

ки, принесенныя великодушнымъ пастухомъ для освобожденія непобѣдимаго богатыря Амирана.

Записана въ г. Гори *Антономъ Тоидзе.*

---

14. Поселеніе тушинъ въ Албани.

Тушинское преданіе.

Въ старину албанскіе тушины жили въ горахъ. Они сѣяли тамъ ячмень, чѣмъ и прокармливали свои семейства, но соли у нихъ не было; за нею имъ приходилось спускаться въ Кахетію. Въ Кахетіи они должны были прежде всего проходить чрезъ село Албани, которое было заселено татарами, а за этимъ селомъ находилось и то мѣсто, гдѣ тушины покупали соль. Однажды татары убили нѣсколькихъ тушинъ, пріѣхавшихъ въ Кахетію за солью. Это узнали тушины; они собрались всѣ и отправились въ Кахетію подъ предводительствомъ тушинскаго богатыря Дилоидзе съ цѣлью отомстить татарамъ. Тушины спустились въ Алазанскую долину и остановились въ долинѣ Панкисы. Здѣсь они подковали лошадей навыворотъ—шипами впередъ, такъ что слѣды ихъ шли въ горы, а на самомъ дѣлѣ тушины проѣхали въ противоположную сторону. Они прошли чрезъ Албани ночью, такъ что изъ татаръ никто не замѣтилъ ихъ, и спрятались въ ближайшемъ лѣсу. Утромъ татары, увидѣвши слѣды, собрались и рѣшили погнаться за тушинами по направленію къ горамъ, такъ какъ слѣды шли въ ту сторону. Татары отправились; когда они проѣхали довольно значительное разстояніе, тушины вышли изъ лѣсу, напали на оставшихся въ селѣ и перебили всѣхъ до единаго, не щадя ни женъ ни дѣтей. Окончивъ это дѣло, тушины двинулись вслѣдъ за татарами. Они догнали татаръ у подошвы горы Накерало, гдѣ и произошла битва: тушины одержали побѣду, а татары обратились

въ бѣгство; тушины двинулись за ними. Татары, прискакавъ въ свое село и увидѣвши его въ такомъ состояніи, ожесточились и начали защищаться до послѣдней возможности, но все было напрасно: тушины опять побѣдили ихъ. Тушины убивали несчастныхъ татаръ, пока трое изъ нихъ не начали просить тушинъ, чтобы они пощадили хоть оставшихся въ живыхъ. Тушины прекратили бой съ тѣмъ условіемъ, чтобы татары выселились изъ Алванъ. Татары оставили свое село, а тушины чрезъ три года спустились съ горъ и поселились въ селѣ Алвани, гдѣ и живутъ до настоящаго времени.

Записано въ селѣ Алвани Тіонетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи

Александромъ Бобгіевымъ.

---

15. Царь-пастухъ.

Армянская легенда.

Однажды два торговца вышли изъ одного государства и отправились въ другое государство для продажи своихъ товаровъ. Тамъ имъ пришлось долго оставаться и возиться съ этими товарами, потому что никто ихъ не покупалъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ, по имени Арутюнъ, кое-какъ продавъ всѣ свои товары, сталъ собираться домой. Другой же, по имени Нерсесъ, не могъ еще ѣхать домой, и потому отдалъ Арутюну драгоцѣнный камень съ просьбой передать его женѣ. Арутюнъ обѣщался передать камень женѣ Нерсеса, но, пріѣхавши домой, онъ присвоилъ камень себѣ. Спустя нѣсколько времени, возвратился на родину и Нерсесъ. Узнавъ отъ жены, что Арутюнъ не передалъ ей драгоцѣннаго камня, онъ позвалъ Арутюна, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Арутюнъ утверждалъ, что тотчасъ же по возвращеніи камень передалъ женѣ. Тогда Нерсесъ и жена его пошли жаловаться на Арутюна царю. Арутюнъ подкупилъ

свидѣтелей, которые пошли къ царю и поклялись, что они видѣли, какъ Арутюнъ передалъ драгоцѣнный камень женѣ Нерсеса. Тогда царь отказалъ Нерсесу въ просьбѣ. Нерсесъ и жена его грустные отправились вмѣстѣ съ противниками въ обратный путь. Они должны были переходить чрезъ селеніе. Въ то время когда они приблизились къ селенію, остановилъ ихъ одинъ мальчикъ, который сталъ задавать имъ разные вопросы: «Кто вы такіе? Куда идете?» и т. д. Арутюнъ и другіе лжесвидѣтели не обращали вниманія на этого любознательнаго мальчика, но Нерсесъ остановился и отвѣчалъ на всѣ вопросы мальчика. Когда мальчикъ узналъ о томъ, что царь отказалъ Нерсесу въ просьбѣ, то сталъ убѣждать его отправиться къ одному справедливому царю и пожаловаться на Арутюна. Нерсесъ съ женою, а также и Арутюнъ съ лжесвидѣтелями послѣдовали за мальчикомъ, который обѣщалъ показать имъ, гдѣ живетъ справедливый царь. Они долго шли и, наконецъ, увидѣли восемь пастуховъ, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ посрединѣ, а другіе подходили по очереди и приносили ему жалобы, какъ царю. Увидя, что мальчикъ привелъ ихъ къ какому-то пастуху, Нерсесъ и противники его разсердились и хотѣли продолжать путь. Тогда царь пастуховъ всталъ съ мѣста и сказалъ имъ, чтобы они объяснили ему, чего хотятъ. Противники Нерсеса не обратили вниманія на слова молодого царя, но Нерсесъ, не желая обидѣть его, разсказалъ ему, что Арутюнъ присвоилъ себѣ драгоцѣнный камень, а потомъ подкупилъ свидѣтелей, которые и поклялись предъ царемъ, что они видѣли, какъ Арутюнъ передалъ драгоцѣнный камень женѣ его, и что поэтому царь отказалъ ему въ просьбѣ. Выслушавъ его молодой царь попросилъ свидѣтелей разойтись въ разныя стороны и принести что-нибудь похожее на драгоцѣнный камень, о которомъ шелъ споръ. Когда всѣ собрались къ царю, то оказалось, что одинъ принесъ кусокъ дерева, другой—траву, третій—поясъ. Послѣ этого царь по-

просилъ Нерсеса и Арутюна, чтобы и они, разойдясь въ разныя стороны, принесли что-нибудь подобное спорному драгоцѣнному камню. Арутюнъ и Нерсесъ принесли по куску камня почти одной величины. Понявъ, въ чемъ дѣло, царь-пастухъ со всѣми этими людьми отправился къ настоящему царю и разсказалъ ему все дѣло. Царь приказалъ свидѣтелямъ показать тѣ предметы, на которые походилъ спорный драгоцѣнный камень. Увидя умъ этого пастуха, царь изумился и, вставъ съ престола, попросилъ пастуха сѣсть на мѣсто царя. Тогда пастухъ сказалъ: «Я согласенъ быть царемъ, но только ты прежде ослѣпи меня, а потомъ я сяду на престолъ.» Царь велѣлъ ослѣпить пастуха, послѣ чего онъ вступилъ на престолъ, а прежній царь сдѣлался его служителемъ. Когда впослѣдствіи новому царю зрѣніе чудеснымъ образомъ было возвращено, то его спросили, почему онъ заставилъ ослѣпить себя. «Я боялся», сказалъ царь: «что, имѣя глаза, буду относиться къ людямъ пристрастно, отдавая предпочтеніе внѣшнимъ ихъ качествамъ предъ внутренними».

Записана въ сел. Улукарабекѣ *Сагателомъ Табаґянцомъ.*

---

16. Три головы.

Армянское преданіе.

Одинъ богатырь отрубилъ тремъ врагамъ головы, принесъ ихъ къ царю и попросилъ за подвигъ свой награду. Царь обѣщался дать богатырю награду лишь послѣ опыта надъ головами. По приказанію царя, накалили три желѣзныхъ прута. Когда прутья были готовы, царь приказалъ вбить чрезъ ухо въ каждую голову по одному пруту. Первый прутъ вышелъ чрезъ другое ухо головы, второй—чрезъ ротъ, третій остался въ головѣ и, сколько ни старались, не выходилъ на-

ружу. Тогда царь приказалъ взвѣсить третью голову и дать богатырю столько золота, сколько вѣситъ голова.

Всѣ спрашивали царя, почему онъ такъ дорого цѣнитъ эту голову. «Въ первую голову», отвѣчалъ царь: «что ни проникало чрезъ одно ухо, вылетало чрезъ другое, и она оставалась пустой; все проникшее въ вторую голову, распространилось чрезъ ротъ повсюду, и она надѣлала много бѣдъ людямъ, хозяинъ же третьей головы былъ замѣчательный человѣкъ, ибо онъ все, что ни слышалъ, взвѣшивалъ въ своемъ умѣ и молча дѣйствовалъ»! Сказавъ это, царь приказалъ похоронить третью голову съ большими почестями и поставить надъ ней памятникъ, а первыя двѣ бросить на съѣденіе птицамъ.

Записано въ гор. Баку *А. Бабаляномъ.*

---

17. Паломникъ.

Армянское преданіе.

Одинъ пастухъ рѣшился, во что бы ни стало, посѣтить Святую землю и поклониться Гробу Господню. Приготовивъ свое тѣло постомъ и подкрѣпивъ свой духъ продолжительною молитвою, онъ съ двумя подобными себѣ товарищами рѣшился на этотъ благочестивый подвигъ. Товарищи его ѣхали верхомъ, а онъ по бѣдности шелъ пѣшкомъ, съ пастушескимъ посохомъ въ рукахъ, не имѣя при себѣ ни денегъ ни припасовъ на дорогу. Многіе совѣтовали ему, въ томъ числѣ и его сотоварищи, отложить это богомолье до другого раза, когда у него все будетъ приготовлено для пути. Но пастуха ничего не могло остановить: очень сильно было въ немъ желаніе посѣтить Святыя мѣста, о которыхъ такъ чудесно разсказывали старики. Онъ мысленно былъ уже въ тѣхъ мѣстахъ, куда стремился, и представлялъ себѣ все такъ живо. Паломники были въ пути уже нѣсколько дней; пастухъ шелъ впереди своихъ товарищей. Каза-

лось, таинственная сила помогала ему. Застигнутые ночью, странники остановились ночевать въ одной деревнѣ. Товарищи пастуха пріютились въ болѣе богатыхъ домахъ, а онъ остановился ночевать у бѣдной старухи, которой самой нечего было ѣсть. У старухи умеръ единственный сынъ, оставивъ трехъ малолѣтнихъ сыновей и двухъ дочерей. Старуха по преклонности лѣтъ не могла работать и кормила семью подаяніями своихъ сосѣдей. Въ этотъ день сосѣди какъ-будто забыли несчастную старуху и ничего не дали ей. Внуки и внучки спали. Въ каминѣ на таганѣ стоялъ котелъ, подъ нимъ былъ разведенъ огонь. Казалось, въ котлѣ что-то варилось. «Что, бабушка, не сварилось?» проснувшись, спросила младшая внучка старуху. «Нѣтъ, голубушка! еще варится, засни; чрезъ полчаса будетъ готово; встанете всѣ и будете кушать», отвѣчала старуха. «О, какъ я голодна»! прошептала внучка какъ-будто про себя и заснула.

Пастухъ смотрѣлъ то на старуху, то на внучку. «Бабушка, что это въ котлѣ такъ долго варится»? спросилъ онъ старуху, указывая на котелъ.

«Отъ тебя я не стану скрывать свое несчастье: у меня былъ единственный сынъ; онъ полгода тому назадъ умеръ, оставивъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Денегъ у меня нѣтъ, работатать не могу; не знаю, чѣмъ и кормить дѣтей! До сихъ поръ сосѣди изъ жалости присылали отъ избытка со своихъ столовъ, чѣмъ и кормились дѣти, а сегодня ничего не прислали. Съ утра мы всѣ ничего не ѣли. Я уложила ихъ всѣхъ въ постель и поставила на каминѣ котелъ, а въ котлѣ ничего нѣтъ, кромѣ камней. Укладывая дѣтей, я сказала, что обѣдъ скоро будетъ готовъ. Теперь они просыпаются и спрашиваютъ меня, не готовъ ли обѣдъ.» Пастухъ былъ тронутъ ея разсказомъ: съ одной стороны, онъ сильно желалъ помочь старухѣ, а съ другой—боялся грѣха.

Наступила ночь. «Бабушка, нѣтъ ли здѣсь, гдѣ-нибудь,

стада овецъ;» спросилъ онъ старуху. Старуха указала ему мѣсто стада. «У кого, бабушка, изъ твоихъ сосѣдей имѣется побольше печенаго хлѣба?». Старуха сказала ему. Пастухъ, ничего не говоря, вышелъ изъ хаты и пошелъ по тому направленію, гдѣ находилось стадо. Ночь была лунная. Онъ нашелъ стадо у опушки лѣса. Кругомъ все было тихо: пастухъ, стадо и собаки спали. Все благопріятствовало паломнику. Онъ думалъ: или Богу угодно, чтобы я это сдѣлалъ, или сатана, проникши въ мою душу, торжествуетъ надо мною. Пастухъ палъ на колѣна и съ жаромъ сталъ молиться Богу, чтобы Онъ отпустилъ ему грѣхъ, который онъ рѣшился совершить. Послѣ молитвы онъ почувствовалъ себя бодрѣе прежняго, и подошелъ къ стаду, не встрѣчая никакого препятствія; онъ выбралъ изъ стада двухъ тучныхъ барановъ, взвалилъ ихъ на плечи и пришелъ обратно къ старухѣ; потомъ отправился къ дому того сосѣда, про котораго старуха сказала, что у него много печенаго хлѣба. Онъ и здѣсь не встрѣтилъ никакого препятствія, онъ тихо добрался до того мѣста, гдѣ хранился хлѣбъ. Луна чрезъ щель въ потолкѣ своимъ серебристымъ свѣтомъ освѣщала цѣлыя груды чурековъ и лавашей. Пастухъ наполнилъ захваченный съ собой мѣшокъ хлѣбомъ и пошелъ назадъ къ старухѣ. Онъ зарѣзалъ овецъ и отдалъ старухѣ мясо и хлѣбъ. Пастухъ просилъ старуху молиться Богу за него, чтобы Онъ разрѣшилъ его отъ этого грѣха. Старуха пала на колѣна и начала горячо молиться за своего благодѣтельнаго гостя и обѣщалась пастуху молиться за него во всю жизнь. Старуха разбудила дѣтей и накормила ихъ. Утромъ пастухъ простился со старухой и отправился въ путь со своими товарищами. День былъ ясный. Предъ путниками открылась равнина, простиравшаяся въ неизмѣримую даль. Приближался полдень. Солнечные лучи жгли немилосердно. Пастухъ сталъ отставать отъ своихъ товарищей; онъ усталъ, не столько отъ ходьбы, сколько отъ страшной жары. На самомъ краю гори-

зонта вдругъ показалось черная точка, которая быстро поднималась вверхъ. Это было облачко, которое постепенно приближалось къ путникамъ. Облако, поравнявшись съ путниками, остановилось надъ ихъ головою, противъ солнца, и охраняло ихъ собою отъ палящихъ лучей солнца.

Пастухъ просилъ своихъ товарищей немного отдохнуть въ этой тѣни, но товарищи, зная, что до мѣста ночлега нескоро имъ добраться, не согласились, говоря: «Скоро это облако пройдетъ, и насъ опять будетъ мучить солнце. Лучше ѣхать, чѣмъ останавливаться». Пастухъ стоялъ на своемъ и остался, а товарищи его уѣхали. Облачко все время стояло надъ головою пастуха. Товарищи пастуха, выйдя изъ тѣни облака на солнце, оглянулись назадъ, чтобы узнать, чтó дѣлаетъ пастухъ; они вдругъ услышали раскатистый ударъ грома и увидѣли, что пастухъ лежитъ ницъ на землѣ; они думали, что пастухъ убитъ громомъ и возвратились къ нему. Между тѣмъ пастухъ, упавшій ка землю, услышалъ голосъ Ангела Божія, произнесшаго громовымъ голосомъ: «Твои молитвы услышаны Богомъ. Ты оказалъ помощь старухѣ и этимъ ты уже какъ будто побылалъ въ Святой землѣ: посмотри на знаки на твоемъ тѣлѣ», а знаки эти бываютъ только у того, кто посѣтилъ Святую землю. Придя въ себя, пастухъ сталъ осматривать свое тѣло и увидѣлъ на поверхности рукъ и противъ сердца синія пятна, а на внутренней сторонѣ запястья изображеніе Богоматери. Душа его наполнилось чувствомъ безконечной благодарности Богу. Въ это время товарищи его возвратились къ нему и стали спрашивать о случившемся. Пастухъ съ радостью разсказалъ имъ о томъ, чтó съ нимъ произошло, и объявилъ имъ, что онъ, по велѣнію Божію, возвращается домой, и, пожелавъ имъ счастливаго пути, повернулъ назадъ.

Записано *Андреемъ Мирзоевымъ.*

18. Подвигъ искупленія.

Армянская легенда.

Одинъ царь приказалъ воздвигнуть изъ глины и камней высокій столбъ и на вершинѣ его положить кольцо, со вдѣланнымъ въ немъ камнемъ таинственной силы. Было объявлено повсюду, что кольцо будетъ отдано тому, кто безъ помощи веревки или топора поднимется на вершину этого столба. Каждый день собиралось къ столбу много народу, и многіе пробовали подняться на столбъ, но напрасно: одни поднимались на нѣсколько аршинъ и падали внизъ; другіе достигали до половины столба, но никто не могъ долѣзть до самой вершины. «Трудно,» говорили они: «и даже невозможно подняться на такую высоту съ пустыми руками. Никто не поднимется!» Такъ разсуждалъ народъ и не сомнѣвался въ правильности своего сужденія. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день приходитъ къ столбу бѣдный работникъ, крестится три раза и начинаетъ пальцами своими приготовлять въ столбѣ мѣста для ногъ и рукъ. Много разъ падалъ онъ на землю, разбилъ себѣ голову, но не отчаивался, а напротивъ, еще съ большей настойчивостью продолжалъ начатое дѣло. Кожа на пальцахъ у него стерлась, руки и все тѣло покрылись кровью, и онъ даже не замѣтилъ, что на тѣлѣ у него подѣлались раны. Народъ, стоявшій вокругъ, боялся за него, жалѣлъ его молодости. Но, полный священнаго огня, юноша поднимался все выше и выше, преодолѣвая встрѣчавшіяся препятствія. И вотъ, наконецъ, онъ долѣзъ до вершины столба, взялъ кольцо и осторожно сталъ спускаться. Всѣ бѣгутъ къ нему и начинаютъ хвалить его. Доносятъ царю, что какой-то бѣднякъ овладѣлъ его кольцомъ, перетерпѣвъ всякого рода мученія. Услышавъ это, Царь встаетъ съ трона, бѣжитъ къ юношѣ, цѣлуетъ его въ покрытый кровью и потомъ лобъ и сажаетъ одесную себя.

Примѣчанія собирателя. Доставаніе кольца, находившаго-

ся на каменномъ столбѣ, по вѣрованію народа, это подвигъ искупленія первобытнаго грѣха человѣчества; царь—Богъ, а юноша доставшій кольцо—Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ.

Записана въ гор. Баку *А. Бабаляномъ.*

19. Три наставленія.

Греческая сказка.

Дѣло было давно, когда не только насъ, но и нашихъ дѣовъ и прадѣдовъ не было на свѣтѣ. Жилъ въ Малой Азіи пастухъ съ женой; они долго не имѣли дѣтей. Случилось одно обстоятельство, которое заставило ихъ разъединиться; пастухъ оставилъ жену на попеченіе родственниковъ и ушелъ въ сосѣднюю страну искать счастья. Тутъ у одного богача онъ нанялся работникомъ срокомъ на двадцать лѣтъ. Когда срокъ кончился, пастухъ потребовалъ отъ хозяина расчета. Тотъ за честную службу пастуха заплатилъ вдвойнѣ и, сверхъ того, на прощаніе далъ ему три наставленія: 1) «никогда не переходи, или не переѣзжай чрезъ рѣку, пока не увидишь дна;» 2) «не спрашивай о томъ, чего тебѣ не нужно знать» и 3) «во всякомъ дѣлѣ и предпріятіи имѣй терпѣнье.» Затѣмъ хозяинъ дружелюбно пожалъ руку своему слугѣ, а пастухъ поблагодарилъ своего господина и отправился въ свою страну.

На пути пришлось переправляться чрезъ незнакомую рѣку. Твердо помня слова своего господина, пастухъ не рѣшался переправиться чрезъ рѣку; сталъ онъ искать неглубокаго мѣста, но, не найдя его, остался ночевать на этой сторонѣ рѣки. Утромъ онъ видитъ, что переѣзжаютъ чрезъ рѣку три купца на верблюдахъ, нагруженныхъ золотомъ и серебромъ. Такъ какъ вода была глубока, то верблюды не могли выйти на другой берегъ, и унесло ихъ водою. Пастухъ смотрѣлъ на это происшествіе;

вдругъ онъ видитъ, рѣка что-то выбросила на берегъ; онъ поспѣшилъ къ тому мѣсту и увидѣлъ сундукъ съ золотомъ; обрадованный находкою, пастухъ мысленно поблагодарилъ своего господина за умный его совѣтъ. Наконецъ ему удалось и рѣку перейти.

Къ вечеру онъ пришелъ въ ближайшій городъ и остановился у одного вельможи. Во время ужина гость увидѣлъ въ углу привязанную женщину съ собакой; онъ хотѣлъ было спросить, что̀ это значитъ, но вспомнилъ слова своего господина: «Не спрашивай о томъ, чего тебѣ не нужно знать,» и удержался. Утромъ онъ всталъ и уже готовился уходить, но хозяинъ удержалъ его и спросилъ: «Скажи мнѣ, дорогой гость! почему ты не спросилъ объ участи этой женщины»? Гость отвѣтилъ, что ему не нужно знать объ этомъ, и поэтому не зачѣмъ было и спрашивать»—«Умно ты поступилъ,» сказалъ хозяинъ: «что не спросилъ объ участи этой женщины, а то и ты бы подвергся той же участи, какой вотъ эти люди» (при этомъ, отворивъ двери, показалъ ему отрубленныя головы). Потомъ онъ объяснилъ ему, что эта женщина его жена, и сказалъ, почему она такъ страдаетъ. «Однажды,» говоритъ хозяинъ пастуху: «посѣтилъ насъ молодой человѣкъ красивой наружности. Эта женщина влюбилась въ молодого человѣка и захотѣла меня оставить и выйти за него замужъ; для этого предложила она ему убить меня. Молодой человѣкъ повелъ меня въ лѣсъ съ цѣлью прогуляться; со мною была моя любимая собака. Когда мы пришли на поляну, злодѣй вдругъ схватилъ меня, связалъ руки и бросилъ въ оврагъ, а самъ ушелъ назадъ. Долго я лежалъ тамъ, но, наконецъ, къ вечеру я собралъ свои послѣднія силы и побрелъ домой. Когда я вошелъ въ комнату, то увидѣлъ, что молодой человѣкъ въ постели съ моей женой; я схватилъ мечъ и отрубилъ ему голову, а женѣ опредѣлилъ извѣстное тебѣ наказаніе» Окончивъ свой разсказъ, вельможа наградилъ пастуха за его благоразу-

мный поступокъ и съ этого времени освободилъ жену отъ наказанія. Пастухъ поблагодарилъ хозяина и отправился дальше.

Чрезъ нѣсколько дней онъ былъ въ своемъ родномъ селѣ; подошелъ онъ къ окну своей избы и видитъ, что жена, которую оставилъ одинокой, сидитъ за очагомъ съ какимъ-то незнакомцемъ. Пастухъ хотѣлъ чрезъ окно выстрѣлить въ незнакомца, но тутъ онъ вспомнилъ третье наставленіе своего господина: «во всякомъ предпріятіи имѣй терпѣнье,» и порѣшилъ обождать немного. Онъ сталъ стучать въ двери, но жена не сразу отворила, а начала разспрашивать, кто онъ такой, откуда и какъ его зовутъ? Пастухъ отвѣтилъ, что онъ ея мужъ и назвалъ имена жены, родственниковъ, а чтобы она вполнѣ удостовѣрилась, что онъ ея мужъ, пастухъ бросилъ ей свое кольцо, которое она дала ему на прощаніи. Тогда жена въ безумной радости вскакиваетъ со своего мѣста, отворяетъ двери мужу и впускаетъ его въ домъ. Пастухъ спросилъ, кто такой незнакомецъ и получилъ отвѣтъ, что это сынъ его, который родился уже послѣ его отправленія въ чужую страну, и что теперь идетъ ему двадцатый годъ. Пастухъ обрадовался, что ему при жизни пришлось увидѣть своего наслѣдника; жена, въ свою очередь, радовалась пріѣзду своего мужа, съ которымъ она находилась двадцать лѣтъ въ разлукѣ, и стали они жить счастливо до самой смерти.

Съ неба упали три яблока: одно ангеламъ, другое читателямъ, а третье дервишу, просящему милостыни.

Записана въ с. Бешташенѣ Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губерніи

Ѳеофилактомъ Стамболіевымъ.

Народные праздники, обычаи и повѣрья рачинцевъ.

I.

ПРАЗДНИКИ.

Новый годъ (ახალი წელიწადი) *.

Новый годъ, по тѣмъ приготовленіямъ, какія начинаются за нѣсколько дней до самого праздника, и по той торжественности, съ которою встрѣчается этотъ день, чуть ли не единственный праздникъ въ Рачѣ. Развѣ только св. Пасха встрѣчается съ такою радостью. Съ Новымъ годомъ связаны всѣ надежды рачинца; въ этотъ день кладется начало всей его жизни до будущаго Новаго года; въ этотъ счастливый день», какъ его называетъ народъ, вся жизнь измѣняется къ лучшему, принимаетъ новый оборотъ.

За нѣсколько дней до Новаго года начинаются хлопоты, чтобы все въ семействѣ быдо чисто и аккуратно убрано для встрѣчи торжественнаго дня: какой порядокъ будетъ господствовать въ домѣ въ день Новаго года, таковъ будетъ онъ, по повѣрью народа, и въ теченіе цѣлаго года. Если какія-либо его вещи находятся у другого лица, то рачинецъ проситъ ему возвратить, чтобы все его добро къ Новому году было налицо; съ своей стороны и онъ возвращаетъ хозяину все, чтó есть у него чужого въ домѣ.

Наканунѣ праздника, 31 декабря, привозятъ изъ лѣсу

дрова, нѣсколько «пчкори» (პჭყორი *), вѣтки дуба съ листьями (сухими) и нѣсколько вѣтокъ мелкаго орѣшника съ сережками.

Въ этотъ же день рѣшется свинья, безъ которой Новый годъ обойтись не можетъ **)

Вечеромъ начинаютъ печь маленькіе хлѣбцы, называемые «басилеби». Названіе это происходитъ отъ словъ Василій=Басила, такъ какъ они пекутся въ воспоминаніе св. Василія Великаго, память котораго чтитъ народъ въ день Новаго года. «Басилеби» пекутся одинаковые, по одному на каждаго члена (семьи. Если даже кого-либо изъ членовъ семьи нѣтъ дома въ отъѣздѣ ли, или на службѣ и т. п.) то во всякомъ случаѣ на его имя печется «басила». «Басилеби» пекутся круглой формы, хотя въ иныхъ семьяхъ пекутъ и человѣко-образную и называютъ «каца-басила».

Самый большой «басила» печется огромныхъ размѣровъ, на всю семью, и называется «общимъ», или «каріа-бери» (კერია ბერი) ***) Кромѣ «басилеби», спеціально для дѣтей, пекутъ во множествѣ модели различныхъ животныхъ, называемыя «бикикеби» («бикика»—уменьшительное названіе козленка. Въ каждомъ крестьянскомъ домѣ есть мастерицы, артистически приготовляющія бикикеби; эти мастерицы и приглашаются въ дво-

---

*) Въ празднованіи Новаго года рачинцами есть нѣкоторыя особенности, не соблюдаемыя у другихъ народовъ картвельскаго племени. На эти особенности я и обращу вниманіе, тогда какъ общій характеръ празднованія этого дня въ Грузіи извѣстенъ по многимъ описаніямъ (А. Хахановъ „Новый годъ у грузинъ", Ломинадзе „Встрѣча Новаго года у имеретинъ", Мамаладзе „Народные обычаи и повѣрья гурійцевъ.")

*) Русскаго названія этого растенія я не могъ найти.

**) Замѣчу кстати, что изъ всѣхъ народовъ картвельскаго племени рачинцы самые большіе любители свинины. Каждая семья, какъ бы она ни была бѣдна, рѣжетъ осенью нѣсколько свиней и заготовляетъ ветчину на цѣлый годъ. Если рачинецъ не поднесетъ гостью ветчины, то послѣдній, какъ бы его ни угостили, остается недовольнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рачинцы большіе мастера готовить хорошую ветчину, которая во всей Имеретіи пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью.

***) „Керіа" (კერია)—мѣсто посреди дома, гдѣ разводится огонь (въ крестьянскихъ); „бери"—старикъ.

рянскія семьи, гдѣ нѣтъ умѣющихъ печь даже обыкновенный хлѣбъ.

Когда печеніе окончено, хозяйка дома (обязательно она, а не кто-либо другой) укладываетъ на рѣшетѣ (поднось, лотокъ, или что-либо другое никогда не употребляется) всевозможные съѣстные припасы; сюда же кладутся всѣ «басилеби» и свиная голова, неотъемлемая принадлежность Новаго года. Съ этими припасами наравнѣ кладется масса сладостей и нѣсколько монетъ (драгоцѣнныя вещи рѣдко кладутся). Приготовленное такимъ образомъ рѣшето относится въ амбаръ, и рядомъ съ нимъ ставится полный кувшинъ вина, самаго лучшаго. Ужинъ въ эту ночь бываетъ обыкновенный, послѣ котораго всѣ ложатся спать.

Еще до разсвѣта, съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ, встаетъ «маквліери» *) и, не говоря никому ни слова, идетъ въ амбаръ, беретъ рѣшето и кувшинъ вина и направлятся къ дому, гдѣ двери уже запираются вслѣдъ за его выходомъ.

Подходя къ запертой двери, онъ говоритъ:

«Двери желѣза!» (კარი რკინისა)

«Чтó несешь?» спрашиваютъ его изнутри.

«Медъ и сахаръ, золото и серебро!»

Двери отворяются, и маквліери, входя въ домъ говоритъ: «Переступилъ чрезъ порогъ, да поможетъ вамъ Богъ; нога моя да будетъ ногой ангела: Дай Богъ много разъ встрѣтить вамъ Новый годъ!»(შემოვდგი ფეხი; გწყალობდეთ ღმერთი. ფეხი ჩემი კვალი ანგელოზისა ღმერთმა მრავალი ახალწელიწადი გაგითენოთ.)

Ему отвѣчаютъ: «и тебѣ много разъ встрѣтить.»

Вслѣдъ за этимъ «маквліери говоритъ: «ушелъ старый годъ, пришелъ Новый годъ, обѣщающій обиліе пшеницы, вина,

*) Маквліери—испорченное литературное слово „меквлеви,“ происходящее отъ слова „квали“, т. е. слѣдъ. „Такимъ образомъ „маквліери“ означаетъ, что вся семья будетъ итти по тому слѣду, по тому пути, который предначертанъ ей „маквліери“.

много денегъ, здоровье для всѣхъ людей, размноженіе свиней и куръ» (წავიდა ძველი წელიწადი, მოვიდა ახალი წელიწადი, მოაქვს თან პური და ღვინო, ფული ბევრი, კაცთა სიმთელე, ღორისა და ქათმის სიმრავლე.)

Эти слова повторяются имъ три раза, и трижды, послѣ каждаго раза, поворачивается онъ справа налѣво, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ души хохочетъ каждый разъ; такимъ же раздушнымъ смѣхомъ отвѣчаютъ ему всѣ.

Затѣмъ подходитъ къ каждому и даетъ облизать серебряный двугривенный, обмоченный въ меду, а также кладетъ въ ротъ каждому кусочекъ сахару, говоря: «такъ сладко желаю тебѣ состариться» (ასე ტკბილათ დამიბერდი). Обойдя всѣхъ, онъ кладетъ на столъ рѣшето, гдѣ послѣднее и оставляется нетронутымъ до третьяго дня Новаго года, а въ этомъ день все съѣдается и оставляется одинъ «басила». (См. Крещеніе.)

Взявши «керіа-бери и кувшинъ вина, маквліери со свѣчой въ рукѣ идетъ въ хлѣвъ поздравить скотину съ праздникомъ. Поздравленіе приносится въ слѣдующихъ словахъ: «дай Богъ много разъ встрѣтить вамъ Новый годъ вмѣстѣ съ вашимъ бариномъ» (ბატონიანათ). Вмѣстѣ съ хлѣвомъ маквлеріи долженъ обойти всѣ зданія, говоря: «Много разъ встрѣтить годъ вашему барину въ довольствѣ.» Когда эта процедура кончена, маквліери беретъ съ саней наканунѣ привезеное «пчкори,» листья буба и сережки орѣшника, каковые предметы, войдя въ домъ, кладетъ на рѣшето. Къ этому времени встаютъ и остальные члены семьи, умываются и сейчасъ же садятся закусить. Закуска бываетъ праздничная и оканчивается непремѣнно до развѣта, чтобы «какая-нибудь птичка не успѣла побѣдить».*)

Къ разсвѣту приходитъ маквліери; послѣдній выбирается семьей по своему желанію и приглашается са день или два до Новаго года. Обыкновенно выбираютъ маквліери изъ дѣтей не

---

*) Обясненіе этого выраженія, со всѣми подробностями, см. въ Сборн. мат. для опис. мѣст. и пл. Кавк. Вып. XVII, стр. 26

болѣе 10 лѣтъ; послѣднія, какъ существа еще невинныя, по понятію народа, болѣе соотвѣтствуютъ высокому назначенію маквлїери: направить семью своей «счастливой ногой» на счастливый путь, пожелать ей отъ искренняго сердца всякаго благополучія, дать жизни семьи желательный для всѣхъ ея членовъ ходъ, однимъ словомъ, счастье всей семьи въ теченіе цѣлаго года вполнѣ зависитъ отъ маквлїери.

Поэтому, разъ семья избрала маквлїери, то она не мѣняетъ его до тѣхъ поръ, пока дѣла этой семьи идутъ хорошо. А разъ съ семьей произошло кокое-либо несчастье, то, значитъ, нога у маквлїери съѣдалась несчастною,—и онъ мѣняется. При входѣ въ домъ маквлїери говоритъ тѣ же слова, какія и домашній маквлїери. Затѣмъ онъ подходитъ къ огню, беретъ головню и ударяетъ ею по горящимъ полѣньямъ, вслѣдствіе чего поднимаются искры, въ моментъ поднятія которыхъ онъ говоритъ: «столько коровъ, столько воловъ, столько лошадей» и т. д. Вслѣдъ за этимъ маквлїери беретъ сосудъ и идетъ за водой, какъ бы она далеко ни была отъ дома; пока онъ не вернется, никто не имѣетъ права выйти изъ дому. Возвратившись съ полнымъ сосудомъ, маквлїери даетъ всѣмъ умыть себѣ руки на большомъ камнѣ, который специально для этого вносится въ домъ наканунѣ Новаго года.

Исполняя этотъ обычай, народъ увѣренъ, что въ теченіе цѣлаго года корова будетъ давать много молока.

Закусивъ основательно и получивъ подарокъ (денегъ около рубля, «бикикеби» и проч.), маквлїери идетъ домой, послѣ чего всѣ собираются въ церковь; дома остаются одинъ или двое.

По окончаніи обѣдни начинаются поздравленія, при чемъ обмѣниваются фруктами.

Въ день Новаго года никого не изъ домашнихъ не впускаютъ въ домъ, кромѣ, конечно, маквлїери.

Если кому-нибудь необходимо посѣтить чужой домъ, то онъ долженъ взять камешекъ и ударить имъ въ дверь; по этому

сигналу кто-нибудь выходитъ изъ дому, и пришедшій сообщаетъ, для чего онъ пришелъ. Если пришедшій позволитъ себѣ вызвать кого-либо изъ дому зовомъ, то, по повѣрью народа, цѣлый годъ телята будутъ надоѣдать крикомъ.

Крещеніе (ნათლის ღება).

Въ этотъ день берутъ въ церковъ «басила,» который оставляется съ Новаго года, и сѣмена всѣхъ растеній, какія только есть въ семьѣ. Священникъ, по окончаніи обѣдни, благословляетъ и то и другое. Эти сѣмена смѣшиваютъ съ тѣмъ количествомъ сѣмянъ, которое въ этомъ году хотятъ посѣять. «Басила» же съѣдается въ этотъ день за обѣдомъ. Глава семьи ломаетъ его по числу обѣдающихъ; каждый, беря свою долю, говоритъ ему: «да улучшатся твои нивы и виноградникъ» (ყანა და ვენახი გაგიკეთდათ)

„Бослоба“ (ბოსლობა.)

Въ пятницу предпослѣдней недѣли до масленой соблюдается такъ называемый «постъ для дѣтей» (ბავშვების პირის უწყობა.)

День этотъ взрослыми не празднуется, но дѣти положительно ничего не дѣлаютъ. Они до самого вечера ничего не ѣдятъ, или, какъ характерно выражается народъ, «кромѣ слюны, ничего проглотить не могутъ»; возбраняется даже пить воду, какъ бы ни мучила жажда.

Съ ранняго утра дѣти всей деревни собираются въ оградѣ церкви и цѣлый день безпрерывно звонятъ въ колокола. Только къ вечеру идутъ они домой.

Ко времени захода солнца дѣти отыскиваютъ молодой гладкій побѣгъ колючекъ, приблизительно 1½ дюйма въ діаметрѣ, и нарѣзываютъ его на палочки, въ вершокъ длиною. Палочки эти должны быть потолще и вообще объемистѣе, такъ какъ народъ увѣренъ, что каковы будутъ по полнотѣ эти па-

лочки, таковыми выйдуть и поросята; равно эти палочки дѣлаются пестрыми, опять съ тѣмъ расчетомъ, что такими же пестрыми и красивыми выйдуть и поросята. На каждую свинью приготовляется палочекъ 10—15.

Къ этому времени приготовляется и пирогъ-«ганатехи,» который начиняется чаще всего свинымъ саломъ, а иногда и лобіей.

Мать семейства укладываетъ въ полу платья всѣ палочки; примѣшиваетъ она къ нимъ сережки мелкаго орѣшника и горсть кукурузныхъ или ячменныхъ зеренъ.

Когда все приготовлено, процессія, состоящая изъ всѣхъ дѣтей семьи, подъ предводительствомъ матери семейства, направляется въ свинятникъ. Берутъ съ собою еще полный кувшинъ вина и возженную восковую свѣчу. Палочки со сережками и зернами мать семейства перебрасываетъ чрезъ свиней, приговаривая: «дай Богъ вамъ много поросятъ.» То же самое повторяютъ и дѣти.

Затѣмъ всѣ молятся о размноженіи свиней въ этомъ семействѣ; опредѣленной молитвы нѣтъ, каждый молится по-своему. Когда кончаютъ молиться, то съѣдаютъ «ганатехи» и выпиваютъ вино тѣ, которые въ этотъ день постились. Этимъ кончается вся церемонія.

Въ случаѣ если останется часть отъ «ганатехи,» что, конечно, бываетъ очень рѣдко, такъ какъ его дѣлятъ межъ собой нѣсколько голодныхъ дѣтей, то остатка этого не берутъ домой, а оставляютъ тамъ же. Дѣлается это потому, что если эти остатки разбросать или взять обратно, то свиньи не будутъ пастись вмѣстѣ, а всегда поодиночкѣ, и трудно будетъ ихъ пасти.

На другой день, въ субботу, празднуется «Бослоба.»

День этотъ празднуется только женщинами, а мужчинамъ не возбраняется работа, хотя многіе изъ нихъ и воздерживаются отъ нея. Въ этотъ день съ утра до вечера постятся всѣ дѣти-мальчики; послѣдніе воздерживаются отъ всякой пищи такъ

же, какъ всѣ дѣти въ предыдущій день, а взрослые члены семьи и дѣвочки ѣдятъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Къ вечеру пекутъ ганатехи. Идутъ въ хлѣвъ всѣ, кромѣ одного (мужчины или женщины—все равно), который остается дома. Глава семьи беретъ съ собой яйцо, кувшинъ вина, ганатехи и восковую свѣчку. Когда идутъ въ хлѣвъ то дѣти садятся на спину взрослымъ *) и кричатъ во все горло: «боселъ, боселъ, бу!» **) То же самое дѣлается и при возвращеніи оттуда. Войдя въ хлѣвъ, всѣ поздравляютъ скотину съ ихъ праздникомъ въ слѣдующихъ словахъ: «дай Богъ много, лѣтъ встрѣчать вамъ этотъ праздникъ безъ убыли.» Затѣмъ глава семьи ломаетъ ганатехи накрестъ надъ головой лучшей скотины, говоря: «да хранитъ тебя крестная сила» (გფარვიდეს ჯვარის ძალი).

Вслѣдъ за этимъ онъ же обводитъ по тѣлу животнаго (опять таки лучшаго) яйцомъ, говоря: «сдѣлайся такимъ круглымъ» (ასე გარგვალდი), то есть выражаетъ желаніе, чтобы оно (животное) имѣло побольше жиру. Ганатехи съѣдается не весь, а половина; другая половина кладется на полку. Затѣмъ всѣ закрываютъ глаза, и старшій членъ семьи прячетъ яйцо въ ясляхъ, въ соломѣ.

Этимъ кончается церемонія въ хлѣвѣ, и всѣ идутъ домой, гдѣ у дверей ждетъ ихъ оставшійся дома. Подойдя къ запертой двери, вернувшіеся изъ хлѣва трижды говорятъ: «желѣзныя двери!» (კარი რკინისა!)

Тотъ изнутри отвѣчаетъ: «не царскія.» (არა მეუფისა).

«Что́ сказали волы?» спрашиваетъ тотъ же.

---

*) Въ продолженіе цѣлой недѣли до „Бослоба" мужчины не выбрасываютъ изъ лаптей соломы (послѣдняя кладется въ лапти, чтобы ногамъ было мягче, не жестко); дѣлается это потому, что если они выбросятъ солому и замѣнятъ новою, то, по повѣрью народа, цѣлый годъ скотина будетъ нуждаться въ кормѣ.

**) „Босели"—*хлѣвъ*, „бу"—подражаніе звукамъ животныхъ.

—Приготовьте соху и ярмо, мы готовы—отвѣчаютъ вернувшіеся изъ хлѣва отъ лица воловъ.

«Что сказали коровы?»

—Приготовьте телятникъ, а мы готовы.

Такіе же вопросы и отвѣты повторяются относительно всѣхъ остальныхъ животныхъ и птицъ.

Послѣдній разъ стоящій у дверей спрашиваетъ: «что сказали женщины?»

—Приготовьте люльки, а мы готовы.

«Что сказали мужчины?»

—Приготовьте шашки и ружья, а мы готовы.

Когда всѣ вопросы перебраны, пришедшіе изъ хлѣва снова говорятъ: «желѣзныя двери!»

Тотъ отворяетъ двери и обдаетъ всѣхъ водою, въ которой разведено немного отрубей. Что означаетъ это послѣднее дѣйствіе, всегда при этомъ примѣняемое, не могли мнѣ точно объяснить.

На другой день всякій старается встать раньше другихъ и найти спрятанное въ ясляхъ яйцо; нашедшему его принадлежитъ и оставленная на полкѣ половина ганатехи.

Болѣе всѣхъ этотъ праздникъ радуетъ дѣтей, которые отъ души рады сѣсть на спину взрослымъ и кричать: «боселъ, боселъ, бу!»

Четвергъ поросятъ (ღორჯის ხუთშაბათი).

Этотъ праздникъ посвящается не поросятамъ, какъ слѣдовало бы заключить изъ его названія, а главнымъ образомъ курамъ. День этотъ празднуется всегда въ четвергъ послѣдней недѣли до масленой. Особеннымъ почетомъ этотъ праздникъ пользуется у крестьянъ, которые съ ранняго утра садятся за столъ и не встаютъ до позднаго вечера, а въ дворянскомъ сословіи празднуютъ только женщины, а мужчинамъ не воспре-

щается работать. Мать семейства обязана поститься цѣлый день; она же печетъ къ вечеру ганатехи. Къ этому времени рѣжутъ и приготовляютъ одного поросенка и одного каплуна. Мать семьи беретъ каплуна и ганатехи и, въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ членовъ семьи (обыкновенно идутъ всѣ женщины и одинъ мужчина), идетъ въ курятникъ поздравить съ праздникомъ куръ. Поздравленіе приносится въ слѣдующихъ словахъ: «да спасетъ васъ Богъ отъ лисы и ястреба,* да минуетъ васъ всякая болѣзнь».

По окончаніи поздравленія, ганатехи съѣдается тутъ же, а каплуна берутъ обратно въ домъ, гдѣ онъ съѣдается всѣми членами семьи за ужиномъ. Этимъ праздникъ и кончается.

День св. Шіо (შიოობა).

День св. Шіо празднуется въ четвергъ на масленой. Работать строго воспрещается, особенно до отхода обѣдни.

Наканунѣ этого праздника оставляютъ въ кувшинѣ немного вина или же ставятъ полный кувшинъ: по повѣрью народа, св. Шіо въ эту ночь обходитъ весь міръ и опускаетъ свою плеть (მათრახი) въ кувшинъ; если хоть кончикъ плети намочится виномъ, то св. Шіо благословляетъ эту семью: «да дастъ Господь отой семьѣ много вина и всякаго добра»; если же вина въ кувшинѣ вовсе не окажется, то это приводитъ его въ гнѣвъ, и онъ говоритъ: «такъ да осушатся ваши винные кувшины».

„Читъ папаоба“ (ჩით ფაფაობა).

Въ предпослѣдній день масленой, въ субботу, празднуется «читъ-папаоба». Работа въ этотъ день не возбраняется, хо-

*) Почти въ всѣхъ деревняхъ Рачи ястребъ приноситъ жителямъ огромный вредъ: сколько бы ни было выведено цыплятъ въ семействѣ, изъ нихъ добрыхъ 30% утащитъ ястребъ; много птицы истребляетъ и лиса.

тя многіе и воздерживаются отъ нея. Особенность же этого дня состоитъ въ слѣдующемъ: рано утромъ, до разсвѣта, мать семейства приготовляетъ кашу (пшеничную); во время приготовленія послѣдней кто-нибудь выходитъ на дворъ и спрашиваетъ: «Мать, чтó готовишь?»

—Кашу для птицъ (ჩიტ ფაფას.)

«Кому дашь покушать?»

—Тебѣ и Щавла, Ивану отгоняющему *) (შენ და შავლესო, ივანე გამრეკელსაო).

Затѣмъ они мѣняются ролями. Готовящая кашу спрашиваетъ.

«Чтó ѣстъ лиса?»

—Чужую курицу,—отвѣчаетъ стоящій на дворѣ.

«Чтó ѣстъ волкъ»?

—Чужую лошадь.

И такъ перебираются всѣ животныя.

Когда всѣ вопросы перебраны, мать семейства беретъ немного каши, обходитъ весь дворъ и обмазываетъ ею всѣ колья забора, говоря: «это лисѣ, это волку, это медвѣдю» и т. д. Окончивъ эту процедуру, она входитъ въ домъ, и всѣ ѣдятъ кашу.

Ѣсть кашу оканчиваютъ непремѣнно до разсвѣта, чтобы какая-либо птичка не успѣла «побѣдить» **)

Смыслъ описаннаго праздника состоитъ въ томъ, что народъ желаетъ, чтобы всѣ хищные звѣри и птицы довольствовались оказаннымъ имъ почетомъ и оставили въ покоѣ домашнихъ птицъ и животныхъ.

„Мела-кверіоба“ (მელა-კვერიობა).

«Мела-кверіоба» празднуется въ послѣдній день масленой,

---

*) გამრეკელა „происходитъ отъ слова“ გარეკა, что значитъ „отгонять“. Слѣдовательно, народъ предполагаетъ какого-то Ивана, отгоняющаго вредныхъ звѣрей.

**) Смот. стран. 110.

въ воскресенье. Слово «мела-кверіоба» образуется изъ двухъ составныхъ частей: «мела»-*лиса* и «квери»-*колобокъ*. Названъ этотъ день такъ вотъ почему: пекутъ въ вечеру колобокъ, который берутъ всѣ дѣти и выходятъ съ нимъ на дворъ. Здѣсь колобокъ дѣлится на столько частей, сколько тамъ дѣтей. Всѣ они, бросая свою долю въ сторону, кричатъ: «это лисѣ, это ястребу, это волку» и т. д. Дѣти должны выполнить эту процедуру не на своей землѣ, а на чужой; въ противномъ случаѣ, по повѣрью народа, звѣри будутъ утаскивать домашнихъ животныхъ, и именно съ того мѣста, гдѣ дѣти поѣли колобокъ. Очевидно, что смыслъ этого праздника такой же, какъ и предъидущаго.

„Дедопалоба" (დედოფალობა).

На страстной недѣлѣ, съ понедѣльника до субботы включительно, ходятъ по всей деревнѣ дѣти, одинъ изъ которыхъ держитъ куклу (поэтому хожденіе этихъ дѣтей и называется «дедопалоба», отъ слова «дедопала»-*кукла* *).

Когда они приходятъ къ кому-нибудь, то начинаютъ пѣть всѣ хоромъ.

დედოფალა კარს მოადგა, დია უცხო და
Кукла къ дверямъ пожаловала, совсѣмъ незнакомая и
უვალი.
нигдѣ не бывавшая.

სახლათ ღმერთმა აგაშენოს, მოგცეს დიდი ბარაქა.
Домъ твой Богъ обогатитъ, дастъ много добра.

სახლო სალხინოთ დადგმულო, დერეფან ჩამოხატულო,
Домъ для веселья построенный, съ флигелемъ разукрашеннымъ!.

დედოფალა არა სჭამს, მარტო კვერცხის გულის მეტსა.
Кукла ничего не ѣстъ, промѣ желтка (яйца).

ალათასა, მალათასა, ხელი ჩაჰყავ კალათასა, თუ ორი
Алатаса, малатаса, руку опусти въ корзину; если не два

*) Присловіе, употребляемое для риѳмы.

კვერცხი არ იყოს, ერთი მაინც ჩქარათასა.
яйца, то одно, по крайней мѣрѣ, поскорѣе.

Имъ выносятъ одно или два яйца. По обходѣ всей деревни набирается большое количество яицъ (штукъ 200—300), каковыя и дѣлятъ между собою всѣ участвующіе поровну; кукла получаетъ на равнѣсъ другими, такъ что на долю ея обладателя приходится вдвое больше яицъ, чѣмъ другихъ.

Великій четвергъ—день колдуновъ (დიდ-ხუთშაბათი).

Великій четвергъ въ Рачѣ почему-то считается днемъ колдуновъ, въ существованіе которыхъ рачинцы глубоко вѣрятъ. Колдуны и колдуньи обыкновенные люды, находящіеся въ сообществѣ съ нечистыми духами. Колдунъ въ Рачѣ называется „хвостатымъ“ (კუდიანი), такъ какъ народъ увѣренъ, что колдунъ непремѣнно имѣетъ хвостъ.

Въ Великій четвергъ, подъ вечеръ, всѣ колдуны обязаны явиться къ своему начальнику, ропапи (როპაპი) и отдать ему годовой отчетъ о своей дѣятельности, т. е. сколько кто успѣлъ сдѣлать зла людямъ. Всѣ колдуны къ ропапи пріѣзжаютъ, а не приходятъ: одни изъ нихъ сидятъ на собакахъ, другіе на кошкахъ, третьи на палкахъ и т. д. Чтобы какое-либо животное и неодушевленное тѣло пріобрѣло чудодѣйственную силу везти на себѣ, да еще по воздуху (по землѣ колдуны никогда не ѣздятъ) колдуна съ быстротою молніи, достаточно сѣсть на этотъ предметъ и намазать пахи составомъ, который имѣется у всѣхъ колдуновъ.

Каждый колдунъ, являясь къ своему начальнику, долженъ ударить послѣдняго камнемъ въ зубы. Чѣмъ больше камень и сильнѣе ударъ, тѣмъ ропапи радуется больше; радость свою онъ выражаетъ смѣхомъ, при чемъ раскрываетъ пасть и показываетъ свои огромные зубы. Ударъ камнемъ въ зубы—это не выраженіе только одного привѣтствія: по тому, какимъ камнемъ

колдунъ ударитъ ропапи въ зубы, послѣдній опредѣляетъ, кого этотъ колдунъ приноситъ ему въ жертву: чѣмъ больше камень, тѣмъ больше и приносимая имъ жертва. Такъ, если колдунъ ударитъ его очень большимъ камнемъ, то, значитъ, онъ жертвуетъ старшаго члена семьи. Принесенный въ жертву обязательно умираетъ или въ этотъ же день, или въ теченіе года, но никакъ не позже слѣдующаго Великаго четверга; притомъ умираетъ скоропостижно.

Такъ какъ колдунъ каждый годъ приноситъ въ жертву ропапи по одному члену семьи, то впослѣдствіи или никого у него не остается, или остаются такіе, которыхъ ему жаль принести въ жертву; тогда онъ жертвуетъ самого себя. Колдунъ, принесшій себя въ жертву ропапи, умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Когда всѣ колдуны окончатъ свое привѣтствіе-жертвоприношеніе, то начинается у нихъ веселье. Всѣ они на своихъ самолетахъ объѣзжаютъ въ эту ночь весь міръ. Къ разсвѣту они собираются опять всѣ вмѣстѣ и, попрощавшись съ ропапи, расходятся.

Если человѣкъ случайно пройдетъ мимо ихъ сборища, то онъ не увидитъ ни колдуновъ ни ропапи, такъ какъ они не видимы для людей. Но есть средство увидѣть сборище колдуновъ съ ихъ повелителемъ.

Для этого желающій разглядѣть ихъ долженъ взлѣзть на тутовое дерево и посмотрѣть сквозь сито во всѣ стороны; глазамъ его представится все мѣсто, усѣянное колдунами. Но, какъ бы сильно ни было желаніе разглядѣть колдуновъ, никто не отваживается на это: по повѣрью народа, какъ только человѣкъ увидитъ сборище колдуновъ, онъ тотчасъ же падаетъ съ дерева. Понятно, что никто не желаетъ обречь себя смерти или искалѣчиться ради того, чтобы увидѣть колдуновъ съ ихъ безобразнымъ начальникомъ.

Есть другой способъ узнать, кто въ деревнѣ колдунъ:

надо изъ сотовъ осы приготовить восковую свѣчку и возжечь ее во время крестнаго хода вокругъ церкви, на заутренѣ, въ день Пасхи; тогда на правомъ плечѣ колдуна покажется ясно животное (или неодушевленное тѣло), на которомъ онъ въ Великій четвергъ отправляется къ ропапи и разъѣзжаетъ по всему міру.

Но и на это средство никто не можетъ рѣшиться: колдунъ всю свою силу употребитъ на то, чтобы извести того, кто его узналъ.

Вѣра въ существованіе колдуновъ слишкомъ глубоко укоренилась у рачинцевъ. Приведу одинъ фактъ, достовѣрность котораго внѣ всякихъ сомнѣній, такъ какъ лично я былъ его свидѣтелемъ.

Лѣтъ 15 тому назадъ у одного изъ рачинскихъ помѣщиковъ была въ домѣ служанка, слѣпая на одинъ глазъ *). Съ того времени, какъ она нанялась въ служанки къ своему барину, у послѣдняго умерло шестеро дѣтей, изъ которыхъ четверо, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, умерли какъ разъ въ Великій четвергъ. Недѣли за двѣ до своей смерти она пригласила мѣстнаго священника и при исповѣди сообщила слѣдующее: **) „Срокъ моей смерти наступаетъ; умру я за то, что принесла въ жертву ропапи всѣхъ своихъ близкихъ, за исключеніемъ единственнаго племянника; его я не рѣшилась принести въ жертву, и отдала самое себя.» И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней она умерла послѣ тяжкихъ мученій.

Не есть ли этотъ фактъ, повторяю, вполнѣ достовѣрный, лучшей иллюстраціей умственнаго развитія рачинцевъ. Я бы

*) При ропапи состоитъ нѣсколько помощниковъ. Колдунъ (или колдунья), сдѣлавшись помощникомъ, выкалываетъ себѣ одинъ глазъ въ знакъ преданности ропапи.

**) Въ какомъ состояніи ума была эта женщина въ моментъ приглашенія священника, не могу опредѣленно сказать; знаю только, что чрезъ два дня она заболѣла и обнаруживала всѣ признаки умопомѣшательства: рвала на себѣ платье, грызла свои руки, говорила несообразности и. т. д.

могъ привести еще цѣлую серію подобныхъ фактовъ, но полагаю, что достаточно и этого.

Есть средство заставить колдуна отказаться отъ своего ремесла. Для этого стоитъ его только заклеймить: приложить ко лбу раскаленную добѣла желѣзную пластинку, чтобы мѣтка осталась на всю жизнь. Было время, и не такъ-то давно, когда со всѣми обвиненными въ колдовствѣ поступали такимъ образомъ, такъ что несчастныя жертвы народнаго суевѣрія всю жизнь должны были носить эту позорною мѣтку. Въ настоящее время, конечно, не возможна такая дикая расправа какъ въ силу дѣйствующихъ законовъ, такъ и благодаря значительному умственному подъему народа, но это не мѣшаетъ народу вѣрить попрежнему въ существованіе колдуновъ.

Днемъ колдуновъ въ Рачѣ, какъ я сказалъ выше, считается Великій четвергъ. Въ этотъ день, къ вечеру, на гумнѣ (рѣдко на дворѣ) каждаго дома разводитси огромный костеръ изъ обрѣзковъ лозъ. Разведенный такимъ образомъ костеръ называется на мѣстномъ нарѣчіи „ціа-коконія“ (წია კოკონია). Деревня издали кажется охваченною пожаромъ. Дѣти бѣгаютъ вокругъ этого костра и перепрыгиваютъ, крича:

წია წია კოკონია, წია წია კოკონი!
Ціа-ціа коконія, ціа-ціа коконія!
ჩვენს ქალებსა ტახის თავი, სხვის ქალებსა
Нашимъ женщинамъ свиная голова, чужимъ женщинимъ
ვირის თავი,
ослиная голова,
ჩვენს ბუჭკურში დიდი ცომი, სხვის ბუჭკურში
Въ нашемъ лоткѣ (для тѣста) большое тѣсто, въ чужомъ
დიდი ლოდი
лоткѣ большой камень.
ჩვენ კაცებსა თოფ-ლეკური, სხვის კაცებსა
Нашимъ мужчинамъ ружья и шашки, чужимъ мужчинамъ
დიდი ჯოხი.
большая палка.

ჩვენ ჭურებში ღვინო მწვანის, სხვის

Въ нашихъ винныхъ кувшинахъ вино изъ „мцване“ *), въ чу-

ჭურებში გველ-ბაყაყი,

жихъ винныхъ кувшинахъ змѣи и лягушки,

ჩვენს ბეღელში მარცვალიო, სხვის ბეღელში ხვარხვალაო.

Въ нашемъ амбарѣ зерно, въ чужомъ амбарѣ песокъ.

Радости дѣтей нѣтъ границъ. Огни погасаютъ только къ позднему ужину. Взрослые члены рѣдко принимаютъ участіе.

Пасха.

Св. Пасха встрѣчается и проводится въ Рачѣ съ подобающею «праздниковъ празднику» торжественностью. Съ ранняго вечера Страстной субботы дѣти всей деревни собираются въ оградѣ церкви и безпрерывно звонятъ въ колокола до самой заутрени, которая, кстати сказать, начинается не задолго до разсвѣта. Не распространяясь относительно принятаго въ этотъ день христосованія съ обмѣномъ яицъ (крашеныхъ) и также состязанія въ испытаніи крѣпости послѣднихъ, укажу на главную особенность этого праздника.

По окончаніи поздравленій всѣ прихожане, за исключеніемъ женщинъ и самыхъ маленькихъ дѣтей, которыя уходятъ домой, садятся въ оградѣ церкви (Божественная литургія, вслѣдствіе поздняго начатія церковной службы, отходитъ послѣ восхода солнца). Домашніе того дома, въ которомъ умеръ кто-нибудь послѣ предыдущей Пасхи, обязаны поднести каждому изъ сидящихъ по одному большому куску говядины и баранины, по лавашу, по стакану вина, по яйцу (крашеному), куску сыра и, если есть, паски, хотя надо замѣтить, что послѣдняя начала входить въ употребленіе только въ недавнее время, а то раньше понятія о ней не имѣли. Это угощеніе цѣлаго селенія называется «чамосариги», что́ значитъ *подлежащій раздачѣ.*

---

*) Особый сортъ винограда, дающій лучшее вино.

Легко представить себѣ, до какой степени разорителенъ для народа этотъ обычай, а если къ этому добавить и тѣ расходы, которые несетъ семья при оплакиваніи и похоронахъ кого-либо изъ ея членовъ, то становится поистинѣ удивительнымъ, какъ это народъ не можетъ отрѣшиться какъ отъ этого обычая, такъ и отъ массы церемоній, которыми обставлены похороны покойниковъ въ Рачѣ и которыя положительно подрываютъ его благосостояніе. Если въ траурѣ состоитъ нѣсколько семействъ и, слѣдовательно, «чамасариги» тоже бываетъ нѣсколько, то, очевидно, никто не можетъ съѣсть всего, что ему поднесутъ; въ такомъ случаѣ все оставшееся несъѣденнымъ каждый беретъ съ собой.

Надо замѣтить, что на могилѣ каждаго покойника обязательно возжигается восковая свѣча и кладется нѣсколько крашеныхъ яицъ; за послѣдними зорко слѣдятъ дѣти, которыя, набравъ такимъ образомъ много яицъ, цѣлый день забавляются ихъ катаніемъ.

Въ народѣ сохранилось весьма интересное повѣрье, что въ первый день Пасхи солнце играетъ барашкомъ: то подбрасываетъ его вверхъ, то опять ловитъ, то цѣлуетъ и т. д. Существовали когда-то стекла, сквозь которыя можно было видѣть эту интересную игру небеснаго свѣтила. Когда и какъ исчезли эти стекла, народъ не знаетъ.

„Эліоба“ (ელიობა).

«Эліоба»—день св. Ильи, «предводителя облаковъ.» Въ память этого святого рачинцы празднуютъ 4 раза въ году: въ первые три четверга послѣ Пасхи и 20 іюля.

Работать народнымъ обычаемъ воспрещается во всѣ эти дни, но особеннымъ, такъ сказать, почетомъ пользуется послѣдній день (20 іюля), который называется не просто «эліоба,» а «ципетэліоба.» Насколько народъ свято хранитъ этотъ день,

видно изъ слѣдущей поговорки: «Если въ день »ципетэліоба» найдешь спѣлую грушу, не соблазняйся поднять ее и съѣсть.»

То обстоятельство, что народъ посвятилъ 4 дня памяти св. Ильи, служитъ, по моему мнѣнію, прямымъ указаніемъ на то, въ какой степени благосостояніе рачинца зависитъ отъ стихійныхъ силъ природы, находящихся въ распоряженіи, по его понятію, этого святого.

Относительно личности св. Ильи въ Рачѣ сохранилось весьма характерное преданіе, которое, въ виду его оригинальности, я считаю нелишнимъ привести.

Илья былъ вначалѣ сапожникомъ; имѣлъ свою мастерскую въ Тифлисѣ, подъ Свято-Давидовской горой; мастерская его помѣщалась въ подземной пещерѣ, такъ какъ Илья стремился къ святой жизни и рѣшилъ никогда не выглядывать на свѣтъ Божій, чтобы не быть очевидцемъ всѣхъ несправедливостей, царящихъ на нашей грѣшной землѣ. Когда кто-либо приходилъ къ нему сдѣлать заказъ, то Илья не впускалъ его къ себѣ, а спрашивалъ о нужномъ изнутри. Всѣ безъ исключенія заказчики оставались всегда довольными его добросовѣстной работой.

Разъ пришла къ нему грѣшная женщина, которая слышала о святой жизни бѣднаго сапожника и рѣшила, во что бы то ни стало, соблазнить его. Илья, конечно, не вышелъ навстрѣчу ей; онъ закричалъ, чтобы она оставила принесенные для починки башмаки и явилась къ сроку, когда они будутъ готовы. Но женщина не отставала отъ него: «Я лично хочу сдѣлать тебѣ кое-какія указанія: выгляни на минуту.» Сколько онъ ни отговаривался, сколько ни увѣрялъ ее, что все будетъ въ исправности, назойливая заказчица настояла на своемъ. Какъ только Илья показался, женщина сдѣлала попытку его соблазнить. Убитый горемъ Илья, потерявъ всю надежду на спасеніе души, въ отчаяніи выкололъ себѣ глаза. Въ воздаяніе за такое ревностное стремленіе къ святой жизни, Богъ даровалъ ему снова зрѣніе и сдѣлалъ его предводителемъ облаковъ.

По понятію рачинцевъ, безъ вѣдома св. Ильи не можетъ пойти ни дождь ни градъ, не можетъ быть грозы; однимъ словомъ, всѣ явленія, находящіяся въ причинной зависимости отъ облаковъ, находятся въ полномъ его распоряженіи. Громъ не что иное, какъ стукъ, происходящій отъ того, что св. Илья часто разъѣзжаетъ по небу на своемъ катерѣ *).

Молнія происходитъ отъ того, что катеръ св. Ильи часто спотыкается, и отъ его подковъ разлетаются искры.

Если идетъ градъ, то возжигаютъ огарки восковыхъ свѣчей, оставшіеся послѣ крестнаго хода вокругъ церкви на заутренѣ въ день Пасхи, и молятся не Богу, а св. Ильѣ, «предводителю облаковъ, чтобы онъ избавилъ народъ отъ угрожающей бѣды. Какъ только упадутъ первыя градинки, кто-нибудь изъ членовъ той семьи, которая находится ближе къ церкви, бѣжитъ къ колокольнѣ и начинаетъ звонить въ колокола. По повѣрью народа, св. Илья слышитъ этотъ звонъ и немедленно прекращаетъ градъ.

Квирикоба (ქვირიკობა).

«Квирикоба» празднуется 22 іюля. Чтó за личность св. Квирике, почему ему посвящается одинъ день въ году, народъ не знаетъ. Особенность праздника состоитъ въ слѣдующемъ.

Подъ вечеръ этого дня рачинецъ обходитъ свой виноградникъ и нѣсколько разъ стрѣляетъ изъ ружья, крича: «Эй, колдуны!» (არურუ, კუდიანებო!)

Если у кого-либо нѣтъ ружья, то кидаютъ горящія головни. Дѣлается это потому, что, по повѣрью народа, въ ночь съ 22 на 23 іюля колдуны обходятъ всѣ виноградники и разсыпаютъ золу, вслѣдствіе чего развиваются разныя болѣзни виноградной лозы, и поэтому необходимо испугать ихъ выстрѣломъ изъ ружья.

*) Катеръ для верховой ѣзды въ Рачѣ цѣнится дорого: лучшая лошадь мѣстной породы стоитъ рѣдко дороже 100 руб., тогда какъ посредственный катеръ не дешевле 200—250 рублей.

Преображеніе.

Преображеніе Господне рачинцы празднуютъ 6 августа, какъ и весь православный міръ. Въ этотъ день обѣдъ не обходится безъ рыбы; особенно много истребляется форели, качествомъ и обиліемъ которой Рача достойно славится. Дѣти, до 10-лѣтняго возраста включительно, раннимъ утромъ намазываютъ себѣ лицо ежевикой. Этимъ народъ образно представляетъ себѣ Преображеніе Спасителя.

Рождественскій сочельникъ (მობის შემოლოცვა).

Наканунѣ Рождества идутъ большія приготовленія для встрѣчи торжественнаго дня. Въ этотъ день, т. е. 24 декабря, каждая семья обязательно готовитъ къ ужину „коркоти“, которое приготовляется слѣдующимъ образомъ: толкутъ потребное для семьи количество отборной, крупной и чистой пшеницы; отдѣляютъ отъ полученной массы шелуху и всякую примѣсь; изъ оставшейся чистой, крупно-натолченной пшеницы приготовляется каша, къ которой примѣшивается изрядное количество орѣховаго масла. Эта каша и есть коркоти, которое и составляетъ единственную пищу за ужиномъ наканунѣ Рождества въ каждой рачинской семьѣ.

Обязательное приготовленіе коркоти въ этотъ вечеръ объясняется народнымъ преданіемъ, что Богородицѣ тотчасъ по разрѣшеніи дали пшеничную кашу, коркоти, которое она и поѣла съ удовольствіемъ. И теперь въ Рачѣ первая пища, которую принимаетъ родильница по разрѣшеніи—это пшеничная каша.

Надо замѣтить, что часть коркоти сохраняется до того времени, когда семья впервые выходитъ на полевыя работы. Предъ началомъ работы даютъ поѣсть этого коркоти быкамъ

(рабочимъ). Смыслъ подобной церемоніи, которой народъ не можетъ объяснить, а придерживается только по унаслѣдованному отъ предковъ обычаю, я не рѣшаюсь растолковать какими-либо догадками.

Предъ ужиномъ возжигаются во всѣхъ углахъ дома восковыя свѣчи. Послѣднія должны быть непремѣнно одинаковыя, и возжечь ихъ надо одновременно: по понятію народа, съ той стороны дома, гдѣ раньше догорѣла свѣчка, будетъ урожай хуже, чѣмъ съ той, гдѣ свѣчи горѣли дольше.

Остается сказать нѣсколько словъ оносительно славящихъ Христа пѣснею, которая называется «алило», должно-быть, потому, что каждое колѣно пѣсни оканчивается припѣвомъ «алило». Пѣсня слѣдующая:

ალილო, ალილო!
Алило алило
ოცდა ხუთს ქრისტიშობისთვეს ქრისტე დაბადებულაო;
25 декабря Христосъ родился;
ღმერთმა ბევრჯელ გაგითენოთ შობა, ახალიწელიწადი;
Дай Богъ много разъ встрѣтить Рождество Новый годъ.
ჩვენ ხომ მთხოვარი არა ვართ,
Мы не нищіе (есыны)
ქრისტეს მახარობელი ვართ!
Христа вѣстники!

Обыкновенно бываетъ нѣсколько группъ славителей Христа; въ каждой изъ нихъ должно быть не менѣе 3 и не болѣе 6 человѣкъ; ихъ сопровождаетъ еще одно лицо—носильщикъ, который носитъ все, что̀ подарятъ славящимъ Христа.

Ни одна семья не отпуститъ славящихъ Христа безъ подарка, какъ-то: мяса на шашлыкъ, лобіи, хлѣба, нерѣдко и и денегъ и т. д.

Надо замѣтить, что̀ начинаютъ ходить славитъ Христа не въ Рождественскій сочельникъ, а послѣ «Барбалоба» т. е. праздника св. Варвары, 4 декабря.

II.

Обычаи и повѣрья въ разныхъ случаяхъ жизни.

Свадьба (ქორწილი).

а) Свадьба въ дворянской семьѣ.

Возрастъ вступленія въ бракъ для дѣвушекъ—отъ 14 до 20 лѣтъ, а для мужчинъ отъ 16—25. Четырнадцатилѣтняя дѣвушка въ Рачѣ уже готовится быть матерью; если же дѣвушка останется не вышедшею замужъ послѣ 10—22 лѣтъ, то она попадаетъ въ число «старыхъ дѣвъ» и выходитъ въ большинствѣ случаевъ за вдовца. Женихъ и невѣста сами рѣдко видятъ другъ друга, а обыкновенно переговоры ведутся черезъ свата (მაჭანკალი.) Послѣдній получаетъ вознагражденіе, если онъ сумѣетъ устроить свадьбу, отъ родителей и жениха и невѣсты, при чемъ сторона, которая болѣе заинтересована, платитъ, конечно, больше; но сколько бы ни взялъ сватъ деньгами, ему принадлежитъ еще шкура того животного, которое будетъ зарѣзано на свадьбѣ.

Болѣе благоразумные родители стараются, чтобы женихъ и невѣста видѣли другъ друга, но это очень рѣдко удается, такъ какъ женихъ не можетъ прійти въ домъ невѣсты, пока не будутъ доведены до конца переговоры. Въ рѣдкихъ случаяхъ удается видѣть имъ другъ друга случайно, во время храмовыхъ праздниковъ, но познакомиться другъ съ другомъ, а особенно разговориться (если раньше начатія переговоровъ они не были знакомы) они не могутъ, въ силу общепринятаго приличія.

Вслѣдствіе этого весьма часто бываетъ, что по окончаніи переговоровъ какая-либо сторона остается недовольною; но если претензія будетъ громогласно заявлена, или если какая-либо сторона пожелаетъ разстроить свадьбу, то они на всю

жизнь дѣлаются врагами другъ другу, и дѣло весьма часто доходитъ до кровопролитія.

Въ назначенный для свадьбы день женихъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ родственниковъ, отправляется къ невѣстѣ. Эти сопровождающіе называются «макари» (მაყარი). Чѣмъ выше по своему общественному положенію родители жениха и невѣсты, тѣмъ «макари» бываетъ больше.

Невѣста встрѣчаетъ жениха и макари и здоровается со всѣми. Чрезъ нѣсколько минутъ ѣдутъ (или идутъ) вѣнчаться. Сейчасъ по выходѣ изъ церкви, по окончаніи вѣнчанія, женихъ даетъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера или пистолета. Во всю дорогу отъ церкви до дома новобрачные должны ѣхать рядомъ, и между ними ни въ какомъ случаѣ не должно быть никого. Когда новобрачные возвращаются изъ церкви и входятъ въ домъ, то въ дверяхъ встрѣчаетъ ихъ мать невѣсты и кладетъ имъ въ ротъ по кусочку сахару, говоря: «такъ сладко состаритесь» (ასე ტკბილათ დამიბერდით). Мать даетъ сахаръ жениху и невѣстѣ одновременно, держа руки накрестъ. Невѣста обыкновенно не съѣдаетъ этого сахара, а сохраняетъ на всю жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда новобрачные подходятъ къ двери, то два человѣка, обыкновенно шафера, обнажаютъ шашки и держатъ ихъ накрестъ надъ головами новобрачныхъ; опускаются шашки по окончаніи привѣтствія матерью невѣсты.

Новобрачные садятся рядомъ на тахтѣ, и предъ ними ставятся маленькая шкатулка и чайный стаканъ. Всѣ—и домашніе и гости, подходятъ къ нимъ, поздравляютъ ихъ и кладутъ въ шкатулку деньги или драгоцѣнныя вещи, а въ стаканъ серебряныя деньги. Лучшіе подарки приносятъ родители новобрачныхъ и ихъ же крестные отцы, но обыкновенно не бываетъ подарка дороже 50 рублей. Подарки эти носятъ названіе «тавгадасагдеби» («тави-голова,» гадагдеба»-бросить), т. е. что́ пребрасывается чрезъ голову.

Когда всѣ поздравленія кончаются, то два человѣка обна-

жаютъ кинжалы и втыкаютъ въ полъ предъ новобрачными, а сами становятся на колѣни. Эти два человѣка называются «механджле» (მეხანჯლე, «ханджали»-кинжалъ), и обыкновенно женихъ выбираетъ таковыми одного изъ своихъ слугъ и кого-нибудь изъ прислуживающихъ въ домѣ невѣсты. Этимъ «механджле» принадлежитъ все, что набирается въ стаканѣ.

Въ послѣднее время стали выбирать «механджле» изъ близкихъ родственниковъ жениха или невѣсты, такъ какъ иногда набирается довольно солидная сумма (рублей 50); отдавать ее прислугѣ нѣтъ расчета, а близкіе люди денегъ, конечно, не берутъ, и они идутъ въ пользу невѣсты.

Пока продолжается вся эта церемонія, накрываютъ столъ, за который и усаживаются сейчасъ по окончаніи «тавгадасавлдеби». Садятся за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ женихъ и невѣста, за ними шафера, а затѣмъ остальные гости, по старшинству. Первымъ долгомъ выбирается «толумбашъ» («тамада»); таковымъ выбирается тотъ изъ присуствующихъ, кто можетъ пить много вина и краснорѣчиво произносить тосты. Толумбашъ выбираетъ себѣ непремѣнно помощника, который обязанъ слѣдить, чтобы всѣ пили такъ же, какъ пьетъ ихъ начальникъ («тамада»). Произнося какой-либо тостъ, толумбашъ держитъ одинъ рогъ (стаканъ на свадьбахъ рѣдко употребляется, а чаще рогъ, вмѣщающій отъ 1 до 3-хъ бутылокъ) самъ, а другой передаетъ помощнику, и они пьютъ вмѣстѣ. Вино наливаютъ всѣмъ нарочно для этого приставленные два или нѣсколько человѣкъ, смотря по числу гостей. Люди эти, называемые «меркипэ» (მერიქიფე), обязаны наливать всѣмъ поровну и слѣдить, чтобы никто не плутовалъ съ виномъ если они замѣтятъ злоупотребленіе съ чьей-либо стороны, то доносятъ объ этомъ «толумбашу» или его помощнику.

Когда прислуга замѣтитъ, что всѣ гости выпили уже порядкомъ, и, какъ говорится, уже «навеселѣ», то она вноситъ въ домъ такъ называемое «мухлисъ-квери» (колѣнный хлѣбецъ-

колобокъ). Послѣднее состоитъ изъ большого печенаго хлѣба огромныхъ размѣровъ, который составляетъ самую существенную часть «мухлисъ-квери»; вокругъ этого хлѣба возжигаются восковыя свѣчи, не менѣе 6 штукъ; если свадьба происходитъ между Пасхой и Вознесеніемъ, то кладутся крашеныя яйца, а если въ другое время, то вмѣсто нихъ кладутся яблоки и др. фрукты; помимо этого кладется жирный поросенокъ и нѣсколько штукъ жареныхъ цыплятъ; голова поросенка украшается цвѣтами. Приготовленное такимъ образомъ «мухлисъ-квери» вноситъ одинъ изъ прислуживающихъ и подноситъ къ шаферамъ, которые и дарятъ ему нѣсколько рублей—обыкновенно отъ 3 до 5. Если кто-либо изъ присутствующихъ предложитъ большую цѣну, чѣмъ подарили шафера, что́ бываетъ, конечно, рѣдко, то «мухлисъ-квери» покупается имъ, но, кто бы ни купилъ «мухлисъ-квери», послѣдній передается новобрачнымъ. Деньги, взятыя за «мухлисъ-квери», дѣлятъ между собой поровну всѣ прислуживающіе.

Чрезъ нѣсколько времени гости остаются пить и продолжаютъ веселиться, а новобрачныхъ уводятъ; провожаютъ ихъ до спальни шафера. Укладываютъ новобрачныхъ не позже, какъ чрезъ два часа послѣ начала ужина *), а очень часто и чрезъ часъ.

Невѣста не говоритъ со своимъ жинихомъ и не отвѣчаетъ ни на какіе его вопросы или ласки, пока онъ не подаритъ ей сколько-нибудь денегъ; обыкновенно онъ даритъ горсть серебряныхъ денегъ. Подарокъ этотъ называется «саубро» (საუბრო), т. е. то, что́ заплачено за бесѣду, разговоръ. Впрочемъ, обычай брать «саубро» въ послѣднее время рѣдко соблюдается. Остальные гости продолжаютъ пить до разсвѣта. «Макари» уѣзжаютъ на другой день (часто остаются и до третьяго дня). Отпустить

*) Обыкновенно свадьба устраивается къ вечеру; если же происходитъ вѣнчаніе до вечера, а слѣдоваельно, и гости садятся за столъ до вечера, то тогда укладываютъ новобрачныхъ, какъ только стемнѣетъ.

«макари» и всѣхъ вообще гостей не пьяными до безпамятства составляетъ позоръ для хозяина. Чѣмъ больше бываетъ «макари» и гостей и чѣмъ лучше угощеніе (особенно, если много выпито вина), тѣмъ свадьба считается лучше. Веселье и пьянство и въ домѣ жениха продолжается 2—3 дня.

Женихъ остается въ домѣ родителей невѣсты обыкновенно недѣлю. Странно, что рачинцы не отпускаютъ изъ дому своей дочери, если даже все приданое у нея будетъ готово, раньше, по крайней мѣрѣ, полугода, а очень часто держатъ ее при себѣ и годъ.

Родители невѣсты набираютъ вдвое больше „макари", чѣмъ привелъ таковыхъ женихъ.

Отецъ ни въ какомъ случаѣ не сопровождаетъ своей дочери; онъ пріѣзжаетъ въ домъ зятя только послѣ свадьбы.

б) Свадьба въ крестьянской семьѣ.

Свадьба у крестьянъ, какъ и у дворянъ, не обходится безъ свата. Если родители невѣсты выражаютъ желаніе выдать свою дочь за предлагаемаго сватомъ жениха, то послѣдній, въ сопровожденіи отца, одного изъ близкихъ родствениковъ и свата, идетъ въ домъ невѣсты. По приходѣ ихъ соблюдается слѣдующая церемонія: никто изъ домашнихъ не выходитъ изъ дому для встрѣчи жениха и его сопровождающихъ; послѣдніе входятъ въ домъ и, не говоря ничего, садятся на стулья, заранѣе поставленныя въ извѣстномъ порядкѣ, какъ разъ напротивъ домашнихъ; женихъ и невѣста начинаютъ переглядываться, осматриваютъ другъ друга; если женихъ не понравится невѣстѣ, и она рѣшится отказать ему, то встаетъ и выходитъ изъ дому, не говоря ни слова: выходъ ея изъ дому есть выраженіе ея нежеланія; если невѣста не встанетъ съ мѣста, что бываетъ почти всегда, такъ какъ дочь ни въ какомъ случаѣ не можетъ пойти противъ воли родителей, то женихъ, нравится ли ему или нѣтъ невѣста, выходитъ изъ дому на дворъ, а вслѣдъ

за нимъ и сопровождающіе его; женихъ сообщаетъ имъ, согласенъ ли онъ или нѣтъ жениться на предлагаемой невѣстѣ; если женихъ заявитъ, что невѣста ему не нравится, то они возвращаются прямо къ себѣ домой, даже не попрощавшись съ домашними невѣсты; если же невѣста придется ему по душѣ, то они входятъ въ домъ и здороваются со всѣми, говоря: «да будетъ счастливъ нашъ приходъ».

На другой день сопровождающіе жениха уходятъ, а онъ самъ остается въ домѣ родителей невѣсты обыкновенно 2—3 дня. Въ эти дни женихъ договаривается съ родителями невѣсты, сколько онъ долженъ заплатить деньгами и каково должно быть «сасидзо» (см. ниже).

Обѣщанныя по уговору деньги женихъ уплачиваетъ до свадьбы. На эти деньги пріобрѣтаются для невѣсты необходимыя для нея вещи: сундуки, постель, платье, паласы и т. д.

Чѣмъ богаче родители невѣсты, и чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ больше послѣднему приходится уплачивать денегъ.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ родители невѣсты покупаютъ для своей дочери вещей на болѣе значительную сумму, чѣмъ уплачиваетъ зять. Изъ сказаннаго видно, что крестьяне въ Рачѣ приданаго деньгами дечери не даютъ, и даже мелкія вещи покупаются на счетъ зятя. Когда женихъ уходитъ въ свой домъ, то даритъ невѣстѣ нѣсколько рублей, обыкновенно не болѣе 5. Деньги эти называются «хел-садеби» (ხელსადები); т. е. то, что̀ положено въ руку. Разъ невѣста получила «хел-садеби», она ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти замужъ за другого.

Наканунѣ назначеннаго для свадьбы дня женихъ отправляется къ невѣстѣ въ сопровожденіи 3—4 родственниковъ и одного шафера (обыкновенно для почета берутъ таковыхъ изъ дворянъ или князей); беретъ онъ съ собой подарки для невѣсты и «сасидзо» (სასიძო). Подарокъ невѣстѣ состоитъ обыкновенно изъ серебрянаго пояса, янтарныхъ четокъ и шелковаго головного платка. «Сасидзо» же состоитъ изъ свиньи (приготовлен-

ной), одной или двухъ овецъ и девяти девятковъ чуревовъ *).

Ужинъ **) въ эту ночь бываетъ праздничный, свадебный, но затягивается онъ не надолго. Родители невѣсты приглашаютъ много гостей. Послѣ ужина начинаются танцы подъ гармонію. Первою танцуетъ невѣста. За нею танцуютъ всѣ приглашенные и кладутъ въ тарелку, которая заранѣе ставится тутъ же, сколько-нибудь денегъ, обыкновенно не болѣе рубля. Если кто танцовать не умѣетъ, то кладетъ деньги; эти деньги носятъ названіе «шабашъ.» Безъ «шабаша» крестьянская свадьба не обходится. «Шабашныя» деньги идутъ въ пользу невѣсты.

На другой день пріѣзжаютъ изъ деревни жениха его «макари,» которыхъ онъ просилъ, конечно, заранѣе. Сколько таковыхъ будетъ у жениха, обязательно вдвое больше набираютъ родители невѣсты для проводовъ ея.

Сейчасъ по приходѣ «макари», послѣ маленькой закуски, идутъ въ церковь. По окончаніи вѣнчанія устраивается обѣдъ. Такъ какъ невѣсту послѣ обѣда обязательно должны взять, то обѣдъ затягивается не надолго: поэтому, не желая отпустить никого не пьянымъ, хозяинъ предлагаетъ начать пить сразу «катхой» ***) (კათხა) или рогомъ.

Остается сказать, что крестьяне отправляютъ свою дочь въ домъ мужа не иначе, какъ въ сопровожденіи «мдади» (მდადი). Таковою выбирается близкая родственница невѣсты. «Мдади» присматриваетъ за невѣстой, служитъ посредницей между новобрачными (такъ какъ они сами вначалѣ стѣсняются говорить). «Мдади» дарить жениху и невѣстѣ нѣсколько мелкихъ предметовъ: невѣстѣ—полотенце, зеркало, гребешокъ, маленькій сундукъ и т. д., а жениху: носки, архалухъ и т. д. Эти подарки называются «самдади» (სამდადი), т. е. то, чтó подарила «мдади».

*) Странно, что хлѣбъ считается всегда девятками; надо отправить непремѣнно девятикратное число хлѣбовъ.

**) Женихъ пріѣзжаетъ (чаще приходитъ) къ вечеру.

***) „Катха“ (კათხა)—деревянная чашка, вмѣщающая отъ одной до 4-хъ бутылокъ.

«Самдади» получаетъ подарокъ отъ жениха, смотря по состоянію послѣдняго и по тому, какое они сама принесла «самдади».

О родильницѣ *).

Прежде всего я долженъ сказать, что составить полный и подробный сводъ всѣмъ пріемамъ и обычаямъ, употребляемымъ у рачинцевъ во время беременности и родовъ, весьма трудно: за этими свѣдѣніями приходится обращаться къ сельскимъ бабкамъ, которыя довольно подозрительно относятся къ лицамъ, интересующимся ихъ спеціальностью: имъ и въ голову не можетъ прійти, что подробныя свѣдѣнія по этому вопросу составляютъ довольно цѣнный вкладъ въ науку.

Менструація наступаетъ у женщинъ чаще всего на 13 году, рѣдко позже 14-го; прекращаются онѣ обыкновенно на 50 году. Въ этомъ состояніи женщина не измѣняетъ ни образа жизни ни пищи и не отдѣляются отъ общенія съ другими членами семьи.

Случаи безплодія въ Рачѣ очень рѣдки. Безплодіе женщины считается гнѣвомъ Божіимъ, наказаніемъ за какой-либо особенный грѣхъ.

Образъ жизни во время беременности ни въ чемъ рѣшительно не измѣняется; только относительно пищи этого сказать нельзя: обыкновенно женщины отказываются во время беременности то отъ той, то отъ другой пищи; существуетъ убѣжденіе, что та пища, которую женщина болѣе всего любитъ, становится ей наиболѣе противной въ теченіе беременности. Въ большинствѣ случаевъ роды протекаютъ легко. Обученныя повивальныя бабки приглашаются только въ исключительныхъ

*) Свѣдѣнія о родильницахъ собраны мною по вопросамъ, помѣщеннымъ въ брошюрѣ, изданной д-ромъ В. Е. Крузенштерномъ: „Программа собиранія свѣдѣній о менструаціи, беременности, родахъ, послѣродовомъ состояніи и объ уходѣ за новорожденными у различныхъ народовъ въ Закавказскомъ краѣ.“

случаяхъ, когда другого исхода уже нѣтъ, а принимаютъ обыкновенно сельскія доморощенныя бабки-старушки, которыя долгой практикой пріобрѣтаютъ нѣкоторый навыкъ въ своей профессіи. Нужно положительно удивляться физической крѣпости родильницъ, которыя, несмотря на переносимыя отъ этихъ бабокъ мученія, чрезъ недѣли двѣ встаютъ совершенно здоровыми.

Приглашенію обученныхъ повивальныхъ бабокъ, кстати сказать, мѣшаетъ, кромѣ главной причины—невѣжества, и то обстоятельство, что во всемъ Рачинскомъ уѣздѣ есть только одна повивальная бабка (правительственная), которая живетъ въ мѣст. Они. Не говоря уже о томъ, что одной бабки на весь уѣздъ не достаточно, нужно замѣтить, что приглашеніе ея за 20—30 верстъ, а зачастую и за 50, довольно чувствительно въ матеріальномъ отношеніи для человѣка даже средняго достатка, не то что бѣднаго.

Какъ только покажутся первые симптомы приближающихся родовъ, сейчасъ же приглашаютъ бабку; долго искать ея не приходится: въ каждой деревнѣ ихъ всегда имѣется двѣ-три, такъ какъ званіе это, не говоря о доходѣ, очень почетное; къ тому же ее предупреждаютъ за нѣсколько дней. Рожаетъ женщина въ отдѣльномъ помѣщеніи; родильницу укладываютъ посреди того помѣщенія, гдѣ она должна разрѣшиться, не на кровати, но на землѣ, устланной соломой. Существуетъ преданіе, что Богородица родила Спасителя на соломѣ, и поэтому самая лучшая постель, на которой легче можно разрѣшиться роженицѣ, это солома, покрытая какой-либо легкой матеріей. Какъ разъ надъ грудью родильницы виситъ перекинутая чрезъ перекладину веревка, за которую держатся роженицы; веревка эта—одно изъ средствъ для облегченія родовъ, такъ какъ роженица имѣетъ возможность, держась за нее, находиться во время усиленія потугъ въ полусидячемъ положеніи.

При родахъ присутствуютъ всѣ близкія родственницы и сосѣдки; мужчины, даже мужъ, присутствовать не могутъ,

Если же роды будутъ настолько затруднительны, что благопріятный исходъ ихъ будетъ сомнителенъ, то въ такомъ случаѣ роженицу посѣщаютъ всѣ близкіе родственники и сосѣди.

Въ трудныхъ случаяхъ родовъ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ для ихъ облегченія. Такъ какъ роженица вообще, а при ненормальныхъ родахъ въ особенности, весьма слаба, то, по повѣрью народа, злой духъ, этотъ неусыпный врагъ человѣка, весьма легко можетъ «овладѣть ею» (შეიპყრობს) и въ такомъ случаѣ выздоровленіе ея сдѣлается болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Во избѣжаніе этого кладутъ подъ голову роженицы икону Божіей Матери: такъ какъ Богородица Сама сдѣлалась Матерью Спасителя, то одна Она можетъ пріостановить страданія родильницы, прійти на помощь страдающей женщинѣ и облегчить ея мученія. На этомъ же основаніи при затрудительныхъ родахъ посылаютъ нѣсколько свѣчей и денегъ (обыкновенно рубль сер.) въ жертву Божіей Матери, въ церковь, построенную во имя Ея, какъ бы далеко эта церковь ни была отъ дома родильницы. Съ тою же цѣлью, т. е. чтобы предохранить роженицу отъ злого духа, кладутъ подъ ея голову, рядомъ съ иконой, кинжалъ, такъ какъ, по понятію народа, это единственное оружіе, какъ обоюдоострое, котораго боится нечистая сила.

Сейчасъ послѣ разрѣшенія родильницу купаютъ въ теплой водѣ. Обычай этотъ часто дѣлается причиной серьезной болѣзни родильницы, а иногда имѣетъ и смертельный исходъ, такъ какъ ни самыя ванны, или вѣрнѣе лотки, въ которыхъ купаютъ родильницу, ни помѣщеніе, гдѣ ее купаютъ, не приспособлены къ этой цѣли, а простуды трудно избѣгнуть.

Родильница встаетъ съ постели обыкновенно чрезъ мѣсяцъ; это въ семьяхъ дворянскихъ; у крестьянъ же женщина лежитъ послѣ разрѣшенія рѣдко долѣе недѣли. Такая разница въ отдыхѣ, которымъ пользуются дворянскія и крестьянскія женщины, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ

дворянскихъ семьяхъ обязанность хозяйки состоитъ только въ томъ, чтобы она смотрѣла за домомъ: держать все въ чистотѣ и порядкѣ, въ свое время приготовлять обѣдъ и ужинъ, шить платье и т. д.; а у крестьянъ (особенно въ верхней Рачѣ) женщина работаетъ наравнѣ съ мужчиной, исполняетъ черную, полевую работу. При такихъ условіяхъ, рабочія руки для крестьянъ весьма дороги.

Новорожденному накладываютъ пупочный бинтъ и продолжаютъ бинтовать пупокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не отпадетъ. Отпавшій пупокъ сохраняется матерью и вотъ съ какою цѣлью: есть въ народѣ повѣрье, что если этотъ пупокъ бросить въ сторону человѣка ученаго, то и ребенокъ выйдетъ ученымъ; если бросить въ богатаго, и ребенокъ выйдетъ богатымъ и т. д. Благодаря такому повѣрью, мать и сохраняетъ пупокъ своего ребенка до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ такого человѣка, какимъ бы она желала быть своему ребенку. Въ его сторону и бросаетъ она пупокъ, конечно, незамѣтно для него.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть еще объ одномъ суевѣрномъ обычаѣ, который почти всегда соблюдается въ Рачѣ. Обыкновенно къ концу второго мѣсяца мать отрѣзываетъ у ребенка пучокъ волосъ и сохраняетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ достаточно правильно лепетать; тогда мать показываетъ ребенку этотъ пучокъ и спрашиваетъ, чьи эти волосы. Ребенокъ конечно, показываетъ или самого себя, или какое-либо животное. По этому отвѣту и судятъ, насколько счастливъ онъ будетъ въ жизни. Если онъ угадаетъ правильно и скажетъ, что это его волосы, то, значитъ, онъ будетъ вполнѣ наслаждаться счастіемъ; въ противномъ случаѣ, по повѣрью народа, ребенку предстоитъ постоянно бороться въ жизни со многими препятствіями.

Остается сказать нѣсколько словъ относительно пеленанія младенцевъ, устройства колыбели и кормленія грудью.

Мѣстная (обыкновенная грузинская) колыбель какъ бы нарочно устроена такъ, чтобы лишить ребенка всякой возможности двигать свободно членами тѣла: ребенокъ обтягивается ремнемъ по рукамъ и ногамъ настолько туго, что ни малѣйшаго движенія ими производить не можетъ.

Какъ только ребенокъ уложенъ въ колыбель, послѣднюю начинаютъ раскачивать, вслѣдствіе чего голова начинаетъ свободно двигаться изъ стороны въ сторону; очевидно, что голова отъ излишняго качанія сразу затуманивается, и ребенокъ невольно засыпаетъ. Сознавая, что отъ такого раскачиванія голова ребенка можетъ принять неправильное положеніе, мать и старается предупредить это зло, но средство для этого у нея не менѣе вредное: прежде чѣмъ ребенокъ уложенъ въ колыбель, обтягиваютъ ему голову крѣпко платкомъ. Если ребенокъ, начинающій уже кое-что понимать, не засыпаетъ, то его пугаютъ, что вотъ, молъ, идетъ волкъ, медвѣдь и т. д. Ребенку же, страдающему безсонницей, даютъ пить настойку опіума (ხაშხაში).

Въ такой обстановкѣ ребенокъ растетъ не меньше двухъ лѣтъ, и поэтому приходится удивляться, какъ это, по крайней мѣрѣ, ¼ населенія Рачи не выходитъ физически и умственно искалѣченной; между тѣмъ, рачинцы если не превосходятъ, то нисколько не уступаютъ своимъ единоплеменникамъ, особенно въ физическомъ развитіи.

Мать кормитъ ребенка грудью обыкновенно столько времени, сколько она имѣетъ возможности: нерѣдки случаи кормленія грудью въ теченіе пяти лѣтъ. Существуетъ въ народѣ повѣрье, что лучше всего кормить ребенка 3 года, 3 мѣсяца, 3 недѣли и 3 дня; многія матери и слѣдуютъ этому повѣрью. При отнятіи ребенка отъ груди употребляютъ довольно таки патріархальные пріемы: смазываютъ головки сосковъ углями или желчью и т. д. Къ искусственному вскармливанію прибѣгаютъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

„Гонджа“ (გონჯა).

Въ Рачѣ, которая и безъ того не отличается плодородіемъ почвы, весьма часто бываютъ неурожаи вслѣдствіе продолжительной засухи, которая становится еще болѣе чувствительною оттого, что во всей Рачѣ нѣтъ поливныхъ мѣстъ. Засуха—такое несчастіе, противъ котораго человѣкъ не можетъ непосредственно бороться.

Чтобы умилостивить Бога и выпросить у него дождя, рачинцы прибѣгаютъ къ слѣдующему, весьма оригинальному обычаю: мальчикъ лѣтъ 10—15 снимаетъ съ себя все платье, кромѣ штановъ, намазываетъ все тѣло и лицо углемъ и беретъ въ руки длинную вѣтку колючекъ. Мальчикъ этотъ и называется «гонджа» *); послѣдній въ сопровожденіи нѣсколькихъ мальчиковъ, которые держатъ въ обѣихъ рукахъ длинныя и узкія, въ вершокъ шириною, доски изъ драни, обходитъ всю деревню.

Приходя къ кому-нибудь, «гонджа» начинаетъ танцовать, говоря громко: «Гонджа пришелъ, поводитъ глазами, Богъ дастъ дождь» (გონჯა მოდგა კარებს, ახრიალებს თვალებსა, რიალსა-რიალსა, ღმერთი მოგცემს წვიმასა).

Вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ его обливаютъ водою, дарятъ ему нѣсколько яицъ и курицу; если же ему курицы не подарятъ, тогда онъ самъ ловитъ ее своей колючкой.

Если «гонджа» встрѣтится съ другимъ «гонджой,» то между ними непремѣнно затѣвается драка; сильнѣйшая партія отбираетъ у слабѣйшей все, что послѣдняя успѣла собрать.

Если по обходѣ «гонджой» деревни въ непродолжительномъ времени выпадетъ дождь, то народъ увѣренъ, что виновникъ такого счастья «гонджа», если же дождя не выпадаетъ, то, по повѣрью народа, это прямой признакъ того, что Богъ хочетъ наказать народъ свой за грѣхи неурожаемъ. Обычай

*) „Гонджа“ (გონჯა, გონჯა) значитъ *уродъ*; по виду своему „гонджа“, дѣйствительно, напоминаетъ урода.

этотъ, глубоко укоренившійся въ народѣ, по моему мнѣнію, долженъ быть очень древній.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, преосвященный епископъ имеретинскій, Гавріилъ, обозрѣвая ввѣренную ему паству, встрѣтилъ въ одной изъ деревень Рачи «гонджу.» Преосвященный былъ пораженъ такой процессіей и, когда узналъ объ ея назначеніи, то объяснилъ народу всю нелѣпость такого обычая, которымъ скорѣе можно разгнѣвать Бога, нежели умилостивить.

Къ сожалѣнію, мѣстные священники весьма мало бесѣдуютъ съ народомъ о безполезности этого и массы ему подобныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, но надо полагать, что молодые священники, съ семинарскимъ образованіемъ, вытѣсняющіе постепенно старыхъ малообразованныхъ священниковъ, успѣютъ убѣдить народъ въ безполезности подобныхъ обычаевъ, не приносящихъ народу ничего, кромѣ матеріальнаго вреда, часто очень чувствительнаго.

Молитва о животныхъ (საქონლის ლოცვა).

Если одна или нѣсколько головъ скота не вернется вечеромъ съ пастбища домой, то хозяева, естественно, начинаютъ безпокоиться, не будетъ ли скотина съѣдена какимъ-нибудь звѣремъ, которыхъ, кстати сказать, въ Рачѣ повсемѣстно много.

Народъ увѣренъ, что звѣрь самъ рѣдко находитъ скотину, а приводитъ ее къ нему чортъ, который всегда старается вредить человѣку. Чтобы гарантировать себя отъ убыли скота, прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: связываютъ гребень, ножницы и стулъ поясомъ, который непремѣнно долженъ быть на одномъ изъ членовъ семьи на Пасху, во время хода вокругъ церкви. *)

*) Ножницы, очевидно суть символъ челюстей (вообще рта) звѣря, гребень—это зубы, стулъ самъ звѣрь; поясъ же, какъ бывшій на одномъ изъ членовъ семьи во время хода вокругъ церкви на пасхальной заутренѣ, имѣетъ по понятію народа, чудодѣйственную силу связывать ротъ звѣря.

ორელია, ორელია, სამი
Затѣмъ читается слѣдующая молитва: Орелія, орелія, *) трехъ
წლისა სამება! იოანე მაღლადადებს მეუფისა კარსა;
лѣтъ Троица! Іоаннъ идетъ (въ блескѣ) у Божіихъ дверей;
მეუფეო! ჩამოყარე ცხრა—კლიტული კლიტუსანი, გადაყარე ზღვაში,
Господи! сбрось девяти-замковый замокъ, брось въ море,
ნუ გაუშვებ კვალში. ორ ბანალზედ ამოვიდა, დაფარა
не пускай по слѣдамъ. На двухъ волосахъ взошло, покрыло
გრძელ ყორესა, რუსო და რუსო, ქვეყნის ასულო
длинную стѣну (каменную), русскій и русскій, міра дочь,
კლიტე მათხოვე. კლიტე რათ გინდა? კბილს დავკლიტავ
замокъ одолжи. Замокъ для чего хочешь? Зубы замкну
ნადირისა, ხელთა ეშმაკსა. როგორც ეს დეიკლიტოს და დაიბეჭდოს,
звѣря, руки дьявола. Какъ это будетъ замкнуто и запечатано,
ისე დაჰკეტე ნადირის კბილი და ეშმაკის ხელი ჩემს
такъ замкни звѣря зубы и дьявола руки по оношенію къ
საქონელზედ **).
моему скоту.

Народъ увѣренъ, что послѣ прочтенія этой молитвы и вышеупомянутаго пріема во время крестнаго хода, скотина вполнѣ безопасна, а если на другой день все же находятъ скотину съѣденною, то увѣрены, что запоздали связать стулъ, ножницы, и гребень и прочесть молитву.

Мѣстные священники возстаютъ противъ этого обычая, объясняютъ народу, что грѣшно читать подобную молитву, такъ какъ отъ воли Всевѣдущаго зависитъ, сдѣлать или нѣтъ оста-

*) „Орелія“—неизвѣстнаго значенія.

**) Всѣ молитвы переведены мною подстрочно, безъ всякаго измѣненія словорасположенія и самаго смысла текста. Въ настоящее время эти молитвы представляютъ простой наборъ фразъ не только для насъ, но и для самого народа, который ихъ употребляетъ: никто не могъ объяснить мнѣ, хотя приблизительно, смысла не только отдѣльныхъ словъ, нынѣ неупотребительныхъ, но даже цѣлыхъ выраженій. Ясно, что молитвы эти весьма древняго происхожденія, и нынѣ употребляются вполнѣ безсознательно, въ силу только обычая.

вшуюся на ночь скотину достояніемъ звѣря, но народъ предпочитаетъ матеріальному вреду грѣхъ, который онъ впослѣдствіи старается выкупить постомъ или чѣмъ-либо другимъ.

Крикъ совы.

Если недалеко отъ чьего-нибудь дома закричитъ сова, то, по повѣрью народа, это служитъ несомнѣннымъ предзнаменованіемъ того, что въ этомъ домѣ въ непродолжительномъ времени умретъ кто-либо изъ членовъ семьи. Если въ этомъ семействѣ есть больной, то начинаются приготовленія къ похоронамъ, въ полной увѣренности, что больной не выздоровѣетъ. Чтобы предотвратить такое несчастье, достаточно убить сову, но если она не сядетъ гдѣ-либо близко къ дому, или же если она кричитъ ночью и убить ее представляется невозможнымъ, тогда одинъ изъ членовъ этого дома выноситъ горящую головню и, бросая ее въ ту сторону, откуда былъ слышенъ крикъ вѣщуньи, говоритъ: «Теперь ступай, въ субботу приходи, тогда я дамъ соли.»

Когда въ слѣдующую субботу кто-нибудь изъ сосѣдей приходитъ просить соли, то отказать ему ни въ какомъ случаѣ нельзя: народъ увѣренъ, что, отдавъ хоть сколько-либо соли, семья спасаетъ жизнь того изъ ея членовъ, которому сова предсказала смерть.

А что за солью кто-нибудь непремѣнно явится, и обязательно въ субботу, это не подлежитъ сомнѣнію. Съ перваго раза кажется страннымъ такое совпаденіе обстоятельствъ, но объяснить это легко: въ большинствѣ деревень Рачи дома расположены близко другъ къ другу, такъ что по сгущенности населенія онѣ напоминаютъ города; поэтому кто-либо изъ сосѣдей непремѣнно услышитъ крикъ совы, и онъ считаетъ своимъ долгомъ явиться въ субботу за солью и тѣмъ спасти жизнь человѣка.

Впрочемъ надо замѣтить, что это послѣдне средство не гарантируетъ семьи, избранной совою въ жертву, отъ несчастія: если не смерть кого-нибудь изъ его членовъ, то какое-либо другое несчастье непремѣнно постигнетъ это семейство въ скоромъ будущемъ. На полную безопасность можно разсчитывать только въ томъ случаѣ, если сова убита.

Путешествіе.

Если рачинецъ отправляется въ далекое путешествіе, или же хоть и не далеко, но по важному дѣлу, то безъ «цин-дамхдури» онъ не переступитъ чрезъ порогъ дома. «Цин-дамхдури» въ прямомъ переводѣ на русскій языкъ значитъ «впереди встрѣчающій»; выбирается имъ кто-нибудь изъ домашнихъ, а именно тотъ, кто имѣетъ болѣе счастливую ногу.

Если путешественникъ чихнетъ только одинъ разъ, когда у него надѣта обувь только на одну ногу, то онъ ни въ какомъ случаѣ не отправится въ дорогу. Если же онъ чихнетъ тогда, когда онъ совсѣмъ обутъ, а особенно, если чихнетъ два раза подъ рядъ, то это служитъ прямымъ признакомъ того, что дѣло, по которому онъ ѣдетъ, увѣнчается успѣхомъ. Первый тостъ за закуской, безъ которой отправляться куда-нибудь нельзя, провозглашаетъ «цин-дамхдури», который, съ полнымъ стаканомъ вина въ рукѣ, молитъ Бога, чтобы онъ путешественнику даровалъ спутникомъ ангела, и помогъ ему во всемъ. Затѣмъ и остальные закусывающіе пьютъ за здоровье путешественника съ пожеланіемъ ему добраго пути.

Когда закуска кончена, встаютъ со стола отправляющійся въ путешествіе и «цин-дамхдури»; послѣдній становится у дверей и произноситъ: «Господи даруй такому-то счастливый путь», а затѣмъ произноситъ про себя слѣдующую молитву;

მივდივარ, მივემგზავრები, პირჯვარი დამეწერება

Иду (или ѣду), отправляюсь, крестное знаменіе со мною,

ცხრა წმიდით, ათი ხატითა, თორმეტი ყოვლად წმიდითა,
(съ) девятью святыми, десятью иконами, двѣнадцатью пресвятыми.
ასამანიას მივდიოდი, ვიტყოდი აღსარებასა, ეშმაკო ჩამომე-
Въ «Асаманіа» *) ѣхалъ, говорилъ исповѣдь, дьяволъ отстань
თხოვე, არა ვარ შენსა ნებასა, ჩვენ ქრისტესი ვართ,
отъ меня, я (не есмь)въ твоей воли, мы Христу принадлежимъ;
ქრისტეს ნეკით ვართ ჩამობეჭდილი. ნათლია მყავს
Христа мизинцемъ запечатлѣны. Крестный отецъ бываетъ моимъ
წინდამხედარი, ნათლიღებასა. ღმერთო, შებეჭდე პირი
«цин-дамхдури», въ день Крещенія. Господи, запечатай уста
ეშმაკის, ჩაგდე ზღვაში, ნუ ამოუშვებ გზაში.
дьявола, брось (его) въ море, не выпускай его въ дорогу.

Отправляющійся въ путь выходитъ изъ дому; встаютъ и остальные члены семьи и выходятъ за нимъ, но никто изъ нихъ не имѣетъ права становиться предъ нимъ или предъ «цин-дамхдури».

Если въ дорогѣ путешественникъ встрѣтитъ зайца, то это, по повѣрью народа, служитъ плохимъ признакомъ, и рачинецъ предпочитаетъ вернуться домой.

Странно, что такой глубоко-религіозный народъ, какъ рачинцы, считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ для путешественника встрѣчу со священникомъ, особенно если онъ повстрѣчался первый. Въ этомъ послѣднемъ повѣрьѣ, по моему мнѣнію, надо видѣть остатокъ язычества.

Дурной глазъ (ავი თვალი).

Рачинецъ глубоко убѣжденъ, что есть люди, взглядъ которыхъ можетъ причинить вредъ человѣку, животнымъ и всему, на что только они ни взглянутъ.

Если дѣла рачинца идутъ плохо, вслѣдствіе, конечно, его нерадѣнія, или, по непонятной ему причинѣ; если скотъ постепен-

*) Чтó за мѣсто это „Асаманіа“, народъ теперь не знаетъ; но не пошло ли это названіе отъ „Гевсиманіи“? Л. Л.

но начинаетъ убывать, или же вообще часто происходятъ съ нимъ несчастные случаи, то виноватъ въ томъ дурной глазъ: значитъ, кто-либо изъ сосѣдей, обладающихъ дурнымъ взглядомъ, завидуетъ ему и старается всю силу своего дурного глаза употребить на то, чтобы подорвать его благосостояніе. Даже самые близкіе люди могутъ легко заподозрить другъ друга въ желаніи сглазить тотъ или другой предметъ.

А бываетъ и такъ, по повѣрью рачинцевъ, что иные обладаютъ дурнымъ глазомъ совершенно помимо ихъ воли: они бы и хотѣли, чтобы ихъ глаза производили хорошее дѣйствіе, но ничего не подѣлаешь. Богъ ужъ далъ такіе глаза, что нѣтъ спасенія для того предмета, на которомъ остановится ихъ взглядъ.

Кромѣ молитвъ, нѣтъ никакихъ средствъ, противодѣйствующихъ силѣ дурного глаза, но зато чудодѣйственная сила этихъ молитвъ, по понятію рачинца, не подлежитъ сомнѣнію *).

III

Космогоническія повѣрья.

Число населенныхъ міровъ.

Кромѣ нашего міра, по понятію рачинцевъ, существуетъ еще два такихъ же міра; одинъ изъ нихъ находится выше насъ, а другой ниже: верхній міръ помѣщается выше неба, а нижній находится точно также за другимъ небомъ, которое окружаетъ нашу землю снизу на такомъ же огромномъ разстояніи, какъ и видимое нами небо. По богатству природы нашъ и остальные два міра существенно отличаются другъ отъ друга: верхній міръ богатъ всѣмъ, чтó только необходимо для благополучія человѣка; благодаря такому богатству природы этого міра, населеніе его живетъ въ полномъ довольствѣ и безмятежномъ счастьѣ, не неся почти и сотой части того труда, на которое обречены

*) Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, я не могъ собрать полнаго текста этихъ молитвъ.

мы; природа нижняго міра самая скудная, а наша земля занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто.

Земля наша представляетъ кругъ, такихъ огромныхъ размѣровъ, что изъ числа живущаго на немъ населенія ежегодно рождается 100 Микеловъ *). Окружность этого круга совпадаетъ съ основаніемъ небеснаго свода, но до того мѣста, гдѣ сходятся небо и земля, никто не можетъ проникнуть.

Небо, по понятію народа, твердое тѣло, на которомъ держатся всѣ небесныя свѣтила. Оно служитъ мѣстопребываніемъ Бога съ безчисленныхъ сонмищемъ ангеловъ; на немъ же находится рай и адъ.

Луна—свѣтящій кругъ, величиною съ обыкновенное гумно, т. е. сажени 4 въ діаметрѣ. Присутствіе видимыхъ на лунѣ пятенъ народъ объясняетъ такъ: когда евреи распяли Спасителя, то луна обратила къ нему лицо свое, и на ней (на лунѣ) запечатлѣлась кровь Божественнаго Мученика; эту кровь и видимъ мы теперь на лунѣ. Во время второго пришествія, по понятію рачинцевъ, луна должна засвидѣтельствовать крестныя страданія Христа.

Солнце—свѣтящійся кругъ, сажени 2 въ діаметрѣ.

Затменіе солнца и луны предвѣщаетъ смерть царя. При затменіи того и другого свѣтила стрѣляютъ изъ ружей; значеніе этого обычая народъ утерялъ.

Звѣзды—маленькіе свѣтящіеся круги. У всякаго человѣка есть своя звѣзда, слѣдовательно, звѣздъ столько, сколько людей на землѣ. Однѣ звѣзды счастливыя, другія несчастныя. Смотря по тому, подъ какою звѣздой родится человѣкъ, онъ и будетъ въ жизни счастливымъ или несчастнымъ. Паденіе звѣздъ рачинцы объясняютъ тѣмъ, что какъ только человѣкъ умираетъ, то въ тотъ же моментъ его звѣзда падаетъ съ неба.

---

*) Микела—имя (мужчины), очень рѣдко употребляемое. Народъ и разсчитываетъ, что разъ Микеловъ рождается 100, то сколько же должно рождаться людей, носящихъ обыкновенное имя: Иванъ, Петръ и т. д.

Поэтому, видя паденіе звѣзды, рачинецъ дѣлаетъ крестное знаменіе и говоритъ: «Боже, сохрани моихъ близкихъ!» (ღმერთო, დაიფარე ჩემიანი!)

Появленіе кометы порождаетъ различные толки: одни говорятъ, что въ скоромъ времени будетъ война, другіе—что настанетъ голодъ и т. д.

Радуга. Явленіе радуги народъ объясняетъ тѣмъ, что Богъ вывѣшиваетъ иногда на небѣ лоскутки различныхъ цвѣтовъ, соединеніе которыхъ и даетъ радугу. Смотря по тому, какой цвѣтъ преобладаетъ въ радугѣ, рачинцы опредѣляютъ, какая будетъ погода послѣ исчезновенія радуги: если въ ней преобладаетъ красный цвѣтъ, то погода прояснится, а если—синій, то будетъ ненастье. Если мужчинѣ удастся перепрыгнуть чрезъ радугу, то онъ сдѣлается женщиной, и, наоборотъ: женщина, перепрыгнувшая чрезъ радугу, становится мужчиной. Но, если бы даже была къ тому возможность, такого эксперимента никто не рѣшился бы произвести: по повѣрью народа, перепрыгнувшій чрезъ радугу умираетъ или чрезъ 3 дня, или чрезъ 3 недѣли, или 3 мѣсяца, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ жить долѣе 3-хъ лѣтъ.

Какъ только завидятъ радугу, дѣти начинаютъ кричать:

ცისარტყელა კაპრაჭელა,
Радуга разноцвѣтная,
ჩემი კაბის ჩანაჭერა!
моего платья лоскутокъ!
ვისაც ჩემი ნიძლევი მართბდეს,
кто мнѣ пари долженъ,
ქაჩალი და ბელატი გაუჩინე!
плѣшивымъ и лысымъ сдѣлай (его)!

Раскрытіе неба. Въ Рачѣ сохранилось вѣрованіе, что иногда раскрывается небо на нѣсколько секундъ. Счастливецъ, замѣтившій это явленіе, получитъ все, чего только пожелаетъ онъ въ этотъ моментъ.

Звонъ на небѣ. Каждую ночь, по повѣрью рачинцевъ, когда запоютъ первые пѣтухи, слышенъ съ неба глухой колокольный звонъ. Услышать этотъ звонъ можетъ только человѣкъ святой жизни; грѣшные люди не могутъ удостоиться этого счастья.

Учитель Горійскаго городского училища *Георгій Джапаридзе.*

АДЫГСКІЕ (ЧЕРКЕССКІЕ) ТЕКСТЫ.

А. Кабардинскіе тексты.

1. Отцовскіе друзья.

Ззы - ханыз-гор ćы'āт; ханызыр jі-земаныђо
Одинъ ханъ старый какой-то (когда-то) былъ; ханъ старый его знаменитымъ
ćысćытāм, шӯшес коб, нāху-љепкыфо хекӯм
состоялъ когда, (на) набѣги отправляясь, (изъ) фамилій лучшихъ въ странѣ
jісхер jі-ђусо ćытāć; jі'узке љыз хурі ćыты-
живущіе его товарищи были; потомъ человѣкъ старый ставши, переcталъ
ćыжым, jі-kор jезым нāхрі-нāх љы-церыб хуāć,
выѣзжать когда, его сынъ самого болѣе человѣкъ именитый сталъ,
быlым kыђо, быlым jіто, шӯ-гупо шӯшес ко-
богатство принося, богатство отдавая, верхомъ съ партіей (на) набѣги от-
ме, кес kыђо kāкожо. Аоре ćыто,
правлялся если, рабовъ принося (и) возвращаясь. Такимъ образомъ находясь,
ханым jі-kорі hāзері - церыом - тето, ханызрі, цыхум
хана сынъ такимъ же именитымъ оставаясь, ханъ старый (и), съ людьми
kахемыђезо jі-ђаćеć ćысо, ханызым jі-
прекративъ всякія сношенія (въ) своей куначкой сидя, хану старику въ его
гӯ Allеђым kāђāкрі, kāкāć: „Мы сыkор ссе
сердцѣ Богъ напомнивши, догадался (задумалъ): „Этотъ мой сынъ меня
нāхрі-нāх церыб нāх љырыђо хуāć, быlымі кодо kāђот,
болѣе именитъ (и) болѣе вліятеленъ сталъ, богатства много находитъ,
кодо jетыз; hао мы kāкељыкохем ззы jе-
(и) много даритъ; но (изъ) этихъ пріѣзжающихъ людей (къ нему) никого изъ
хесљађоkāм, ссе kāздызекуā, љепkыфхем jаćыć.
нихъ я вижу не, со мною время проведшихъ, изъ фамилій хорошихъ состоящихъ.
Мы kāкељызекохем kађаще-мыђо kāćекыć.
Эти пріѣзжающіе люди къ нему (что) обманываютъ жестоко выйдетъ (должно-быть).
Мыхер kāзеры-пыљыр kасćефаćері", жіаб, гупćысо
Они между собою вѣрны какъ, я желалъ бы узнать", говоря, думая,

kăђотăр мырç: Ззы махо ji-kopi демысо шӯ-
(что) нашедшій это есть: Въ одинъ день его сынъ не бывши дома (и) на гра-

шес ко̆ао, неђоç̆ цыхӯхе ji-дес çымыăо, ç̆ы-
бежъ отправившись, (и) прочихъ людей (въ) его дворѣ тамъ не бывшихъ, на

бым kăç̆екpi, ззы пх̆едекез̧ к̆ыhыфы зерыђе-
задній дворъ вышедши, одинъ деревянный чурбанъ длинный порядочно отыскать

ђотpi, ç̆аком коцылъ̆hăpi ззы цыхӯ hyк-ji-hаде
себя заставивши, въ бурку завернутый, (какъ) одинъ человѣкъ убитый его трупъ

зыкоцыпхă, мы-х̆уме hумыç̆ено, ihpi hаç̆еç jезыр
внутрь завязанный, (такъ что) этого кромѣ не узнать, отнесши (въ) кунацкую самъ

зыç̆есым ji-ђолъ̆ыне çађ ç̆ылъhежăç. Ji-kop kăkoзме,
(гдѣ) живущій свою кровать подъ положилъ. Его сынъ возвращается когда,

çепсыхiз̧-нейуз̧ым, ji-'açехер зытыхме, ji-де зыç̆ес
слѣзаетъ съ коня когда, свои оружія снимаетъ когда, его отецъ, (гдѣ) живетъ,

hаç̆еçым kakome, зызаhylыpe chа-çытме, ç̆екыз̧ ji-
(въ) кунацкую приходитъ когда, нѣсколько постоитъ когда *), выходитъ у него

х̆абзетi. Абы ходо kăçыç̆ыhеke: лъ̆ы сыhукăç, ссе з̧ыçhе
обычай. Такъ примѣрно, войдетъ когда: человѣка я убилъ, мою старость подъ

ох̆урсыз сых̆урi, губз̧ым kыхесхыk̆е, нобе жылем
бездѣльникомъ я ставшій, гнѣвъ возьмлю когда, сегодня изъ родной стороны

демык̆одекыз̧-х̆унokămi; блађа зыkăбдезђек̆одын çы'аме jiжăi
намъ не убѣжать вмѣстѣ нельзя; близкіе, чтобы съ нами бѣжать, есть если, скажи

ç̆ехо, дыкамыцыхук̆еç̆о hадерi зерызђăпçык̆уăм
скорѣе, пока еще никакой человѣкъ не знаетъ трупъ и, мною спрятанный тамъ

тето; деуђез̧ежi ззы хекӯ дыђеhаз̧", жiаŏ.
оставаясь; мы съ тобою отправитесь, (въ) одинъ край мы переселимся", говоря.

Х̆аныз̧ым hap мурадо ji-ç̆ăç тето; ji-kopi
Ханъ старый то желаніемъ своимъ сдѣлалъ, (на немъ) оставаясь; его сынъ

kасыжăç шӯз̧ер çыђо, былмыр-ji-ыђо k̆есыр-ji-
возвратился, верховыхъ войско сопровождая (его), богатствами съ и плѣнниками

пысо. Kăçыдыђаз̧ым х̆аныko цыkум ji-'açе зыдыхрi
на крупахъ. Возвратился когда ханъ молодой, свое оружіе съ себя снявши,

х̆аныз̧ым jiдеi kăkуăç, kako зеры-х̆абзем ходо. Х̆аны-
къ хану старому къ нему пришелъ, хаживая своему обыкновенно подобно. Ханъ

---

*) По обычаю младшій долженъ стоять предъ старшимъ. *Л. Л.*

ӡим мор kako̓ çилбаҕум ji-мих̇абзехе зэи баш
старый его идущаго тамъ увидѣлъ когда, его безъ привычекъ (всякихъ) одну палку

ц̓икў ji нат̓е jipiҕăkypi, гупçисо çисо зиhyiвăç̓ăç.
маленькую (подъ) свой лобъ подбивъ, задумавши сидя тебѣ показался.

Мо ç̓alep зизаhylpe çитpi, kaç̓екiжыно çихоiӡем: „миде зэе
Этотъ юноша нѣсколько и постоявъ, уходить началъ когда: „сюда-то

kăҕазе“ жiāpi jipiҕаҕазepi kăжpi’ано kăзepiҕапеӡāxep
вернись“ сказавъ и заставивъ вернуться, сказать отъ себя приготовленныя

kăçжăpi’āм, х̇анико ц̓икўм jiф̓еç-х̇ypi нă̇х̇ бlаҕеф̓о,
тамъ сказалъ когда, ханъ молодой повѣривши и къ лучшему знакомымъ су-

нăх̇абызихоiç̓āм, jiдei ќopi, çижăpi’āм,
щему, побольше имъ нужнымъ одаренному, къ нему поѣхавши, тамъ сказалъ когда,

зэи-жу’ап kăхох̇ужăkăм: „былим kăзептāме би-
нисколько посочувствовалъ не (горю хана): „богатство подарилъ ты если, богат-

lим остиӡин“ kăжpi’ăç мих̇уме. Һадpei зих̇оќуāхерi, hао
ствомъ тебѣ отплачу“ сказалъ только. И друзья, въ которымъ ѣздилъ, то же

kăх̇ох̇уāxeç. Зи жиlем х̇аниkом ç̓иҕо зидезҕеќодиќиӡин,
самое отвѣчали. Свою родину (съ) ханомъ вмѣстѣ, чтобы намъ потерять,

бlаҕо jāм kахемиќо; kăҕезеӡpi jiдei kă-
знакомыхъ имѣющихся у него не оказывается; возвращается въ свой домъ и при-

ќоӡpi ji-дем çижиpiāм: „Сиш уане-тежһе“ жiāpi
ходитъ къ своему отцу (и) сказалъ когда: „Моего коня осѣдлай“ сказавъ

териҕаж̓һepi, ji-kope jезыpe, неҕоç̓ ҕусе jiмиç̓о,
и заставивъ осѣдлать коня, съ сыномъ самъ, другого провожатымъ не дѣлая,

жеçим деќpi, jiпоу х̇аниӡим çи-земаниҕо-çыто, земаним
ночью выѣхавши, прежде ханъ старый (когда) былъ знаменитъ, время

j-ҕусе ж̓иӡиф̓ т̓ысиӡао зэи Тамбiеko го-
къ товарищу старику хорошему проводящему въ покоѣ одному Тамбіеву ка-

рим jiдei диhаpi, çигем, ц̓ихў kиç̓еќpi jipaҕебlаҕepi;
кому-то на домъ заѣхавши, позвалъ когда, человѣкъ выходитъ и принимаютъ;

х̇аниkоӡир hао kиçи еќим ќopi зэи hеç̓еç, ç̓еж̓ ж̓иӡи-
ханъ старый это оказывается когда, пойдя одну куначкую, спящему старику

ф̓им çижиpаāм, гуф̓ope kăcpi, ’апж̓е зерашеќpi, зе-
хорошему тамъ сказали когда, радуясь придя, другъ друга обнявши, за-

теперыздас. Јуӡке ҕині сыті саһухым, Тамбіїкор kä-
плакали. Потомъ плакать и т. под. тамъ кончили когда, Тамбіевъ спро-

'уп̓ӡ̓ас ханызым: „Сыт käхуäр, зі'усһан, һузерытысызре
силъ у хана старика: „Что случилось, сіятельный, ты покою предался ужъ

кодс̓äті! сыт 'һуігӯ каклызäр? ситсһе һукäӡä?" жіäрі.
давно! что въ твоемъ сердцѣ вспомнилось? почему ты отправился?" сказавъ.

Ханыкозым сало сыҕур псефо сыҕӯ мыхӯже,
Хана стараго юноша сопровождающій стремяннымъ сопровождаетъ не иначе,

јі-коо јісехеркäм.
за (его) сына зналъ вовсе не.

Тамбір се'уп̓с̓ым, ханызыр käпсалъері жіäс мырас,
Тамбіевъ спросилъ когда, ханъ старый заговоривши сказалъ вотъ что,

јі-kopі зерысыто: „Іhi! jiri ссе сы ӡысһе охурсыв сыхурі,
его сынъ стоя же: „Да! теперь я свою старость подъ несчастный ставши,

губӡыҕем käхесхыке, сеурі лъы сыһукäс, лъыо сыһукäрі
раздраженія наберу я когда, я ударивши человѣка убилъ, человѣка убитаго

с̓серkäм, зекоїцыспхері сҕепскужäсі, дыкамыцыху, хекур демыб-
я знаю не, я связавъ я спряталъ, пока не узнали, родину не оста-

ҕыне хунокäмі: хекум зыкыздыҕекодыкыӡ, жысäрі, сыкäсекуäр
вить нельзя: изъ родины вмѣстѣ со мною бѣги, сказавъ, пріѣхавшій

расі, сехо, сымыҕегуво, жу'ап käзет", сыжіäм: „Alleh,
за тѣмъ, скорѣе, меня не задерживая, отвѣтъ дай", сказалъ когда: „Конечно,

alleh, сынебдыкодыкін, нобе жіп'äмі, сыһазырс,
конечно, я вмѣстѣ съ тобою брошу родину, сегодня скажешь ты если, я готовъ,

ззы сі фызыӡ зезҕекесынсі сынезес", käжріäс Там-
одну свою жену старую я посажу на крупъ лошади, я отправлюсь", сказалъ Там-

біїком. Тамбііко käзхоком, käзерысыгуҕäм ходо käсысе-
біевъ. Тамбіевъ, къ которому пріѣхалъ, какимъ надѣялся, такимъ оказался

кым, јі-гуапе хурі, декызрі Кундетыко јі-ныбӡеҕуам
когда, имъ довольный ставши, выѣхавши (къ) Кудинетову своему другу сущему

јдеі сыком кодо käхопесхыфäс. „Һуікод, сыкодс; „ззе,
его домъ поѣхалъ когда, много былъ ему радъ. „Твоя гибель, моя гибель; „ну,

käӡӡе!" сыжібäм, сі фызыӡ зезҕекесынсі сыkä-
отправься!" сказалъ ты когда, свою жену старуху посажу на крупъ коня (и) я

ȝенç“, жіāрі; Кундетыкорі, зерыçыгубāм ходо kāçыçекым,
поѣду“, сказавши; Куденетовъ, какимъ надѣялся, такимъ оказался когда,

гупешхо çыхурі, пaље хуіçрі kāдекызрі Анȝорыко jі-
довольный очень сдѣлавшись, время назначаетъ и уѣзжаетъ къ Анзорову своему

ныбȝеbуȝ, тысыжāм, jдеі çыком,
товарищу старому, который подъ старость отдыхалъ, въ его домъ пріѣхалъ когда,

hадрехем нāхрі-нāх kāхокефыре, жіл'ано, зыkāхуçырі,
другихъ больше любезно, можно тебѣ подумать, себя сдѣлавши,

мыр kāжыріāç: „Зыусhен, hуікодыпере сікодыпеç, hуіљапе-
это сказалъ: „Сіятельный, ты гибнешь гдѣ, (и) я гибну тамъ; ты умираешь

ре, сіљапеç, хекум hуçымысыжке, серіçысыжынkāм,
гдѣ, (и) я умру тамъ, на родинѣ ты не живешь когда, (и) я стану жить не,

hуздеком, сыныбдеконç; hуçыљем зыçызbељенç;
ты ѣдущій куда, (и) я съ тобою туда пріѣду; ты гдѣ умирающій, (и) я тамъ умру;

пaље kāсхоçі: сі фызыȝ зезbежесынçі сынокољено
время назначь: свою жену старуху посажу на крупъ коня (и) пріѣду къ тебѣ

пaљо kāсхопçāм“. Анȝорыком жіāр çызехехім гуа-
ко времени мнѣ тобою назначенному“. Анзорову сказавшій, слышаннымъ до-

пешхо çыхурі пaље Тамбімре, Кундетыпре: „фыkākуље“
вольный очень сдѣлавшись, время Тамбіеву и, Куденетову и: „пріѣзжайте“

жыхуі'āр jіхуіçрі, kākрі мувви'аbо jідеі kākожāç, нехуçы-
сказанное назначивши, уѣзжаетъ и безъ остановки домой вернулся, къ разсвѣ-

bом kāсыжо hаззыжеçым jіљыȝысhі hазаулыр kāзефы-
ту успѣвъ пріѣхать въ эту одну ночь (и) свою старость подъ это все сдѣлав-

bекрі. Ханыкоȝыр kākоȝрі jіhуне jісоре, jіныбȝеbхем
ши. Ханъ старый вернувшись, въ своемъ домѣ живя, его друзьямъ-сверстникамъ

jі-хуіçā пaљер kāçысым, ныбȝевуȝыçымі, jі-фызыȝхер
сдѣланный срокъ наступилъ когда, друга старые три, своихъ женъ старухъ

jі-кесо jі-ыbо, kāсāç. Тамбіikорі, Кундетыkорі, Анȝорыkорі
на крупахъ держа, пріѣхали. Тамбіевъ и Куденетовъ и Анзоровъ

jі-фызхері jі-кесо çыпысхем, фызхер hунем
со своими женами на крупахъ лошадей пріѣхали когда, женщины въ женскую поло-

kākуāхеç, jезыљыȝхер hаçеçым kākуāхеç. Махом çысхері,
вину пошли, (а) сами старики въ кунацкую пошли. День посидѣвши,

жес ҫмхум ѣмӡхем: „Іhi, змусhен, димыгуво деӡен
ночь стала когда, старики: „Да! сіятельный, не задерживаясь отправиться

хоіҫ; ѣм бhукăо бђепҫкужăрі, kaҫті kедмђежађў зм-
надобно; человѣка, тобою убитаго ты спрятавшій, достань (и) покажи намъ, кто

ҫмҫ: димыҫо kăнинkăм, михекум ҫисме“, ҫмжаăм:
родомъ есть: не узнавши останется не, въ этомъ краѣ живетъ если“, сказали когда:

„Хунҫ, жижеkăм мм сіђоѣмпеҫађим ҫаkо kоцмшмhăо ҫмѣсі:
„Хорошо, далеко не тутъ моей кроватью подъ, въ буркѣ завернутый, лежитъ:

kăҫефхі фепѣ!“ жіăҫ. Ханмkоӡим: „kăҫефх“ ҫмжіăм,
достаньте (и) посмотрите!“ сказалъ. Ханъ старый: „достаньте“ сказалъ когда,

ҫаkо зеkоцмшhăр ђоѣмпеҫађим ҫеабеђрі kăҫахрі; ҫизkо-
буркою обмотаннаго кровати изъ подъ любопытствуютъ и достаютъ; развер-

цăхим, пхедеkaӡ kăkоцмkjiті: ѣмӡмҫммі jігуăо-хуăҫ
нули когда, чурбанъ завернутый оказывается: старика три обидѣлись (и)

jikі жаăҫ: „Змусhен, hујӡмҫhе шетануз hухуă: ѣм
затѣмъ сказали: „Сіятельный, старость подъ сумасшедшій ты сталъ: человѣка

смhукăҫ, жип’а сисhе дикабђецăа“. Jітані ханмӡмр
я убилъ, сказалъ ты, зачѣмъ насъ ты обманулъ“. Потомъ ханъ старый

гушмăрі hap жіăҫ: „ѣм смhукăр пхедеkaӡ хуăме,
подшутивъ это сказалъ: „Человѣкъ, котораго я убилъ, чурбаномъ сталъ если,

сисhе фиммдере“, жіăрі, „hујунађо зиђебехон, ѣм-hадер
отчего вы не хотите“, сказавъ; „Твой родъ тебѣ увеличится, человѣка трупъ

пхедеkaӡ мыхунме?“ жаăрі, мо ѣм зенмбђеђўӡмҫмм
чурбаномъ не сдѣлается если?“ сказавъ, эти люди сверстниковъ старыхъ трое

зыходе jiѣеиkkе ji-ҫhеkе ҫммăӡим, jiдăkăм.
подобно (конмъ) и своимъ родомъ (и) своей личностью не было если, согласились не.

Jуӡkе ханмӡмр kăпсаѣері мм псеѣе заулмр жіăҫ: „Ale-
Потомъ ханъ старый заговоривъ эти слова нѣсколько сказалъ: „Богъ

hмм сі ӡмҫhі ођурсмзі сімиҫ, ѣмі сі-
мою старость подъ несчастнымъ меня пусть не сдѣлаетъ, человѣка пусть

мыђеhук, шетанузі сімиҫ, ѣмі сіhука-
меня не заставитъ убить, сумасшедшимъ меня пусть не сдѣлаетъ, человѣка я убилъ

kăм, шетанузі сіхуăkăм, hayo фмkăзедеў, мм се сҫă
не, сумасшедшимъ я сдѣлался не, только вы выслушайте, что я сдѣлалъ,

псоурі kāзехесхāр, вжес'анç",, жіарі kāхоȝері мыр kажеріāç:
все откуда взялось, вамъ я разскажу", сказавъ, начинаетъ и это разсказалъ:

„Мы нобе ѫандере çытыр фųыхуре?" жіāç.
„Съ тѣхъ поръ какъ этотъ день окончился, стоящаго вы знаете ли"? сказалъ.

„Дųыхуркāм jiki тѫеђуākāм", çыжа'ам: „Jiнте ссе ciko
„Мы знаемъ не и мы видѣли не", сказали когда: „Такъ моего моего сына

ссе снāхрі нāх ѫерыђо нāх ųерыо хуāм ji-хыбар зехфхā?"
меня меня больше знаменитымъ ставшаго его молву вы слышали?"

жіāç. „Зехетхāç" çыжаāм: „Jiнте hазы хыбар зехефх:
сказалъ. „Слышали" сказали когда: „Такъ того самого молву вы слышите

ciko ųерыуор мы кернтыр рāç; мы
мой сынъ именитый это прислоненный (у стѣны) себѣ сталъ; съ тѣхъ поръ

сызерытысыȝ ѫандере ciкор мардо jiмы'ау
какъ я отдыхаю, переставъ (выѣзжать на добычи), мой сынъ очень безъ мѣры

ųыхумі jiпыѫэç, былыми кодо kāђот, пçыѫырі hабы ходеç.
съ людьми водится, богатства много находитъ, невольниковъ тоже похожее.

Kāђотым, ходызы блађемре нызђеђумре jiхоiђекодыȝо
Находитъ сколько, столько же для знакомыхъ и друзей тратящаго

сѫађу зехесху сыçысо, Aleђым ciгу kāђекрі kākāç.
я вижу (и) слышу я сидя, Богъ (въ) моемъ сердцѣ напомнилъ когда, задумалъ.

Ji, Реббі! мы ciком, ссе kāскеѫыко Там-
О, Боже! что къ моему сыну, меня меня навѣщаютъ между тѣмъ какъ, изъ Там-

біjм jiçыçi, Кундетым jiçыçi, Анȝоурым jiçыçi, зэы
біевыхъ удѣла, Кудинетовыхъ удѣла, Анзоровыхъ удѣла, (ни) одного (къ нему)

kāкеѫыко ȝак-уjі деко, былымі ji-hоу сы-
пріѣзжающаго въ походъ съ нимъ отправляющагося, богатство уносящаго я

мыѫађуре", жісаоре, hа ѫейкыç кебердеi жылер
не вижу почему", я говоря, этихъ родовъ трехъ—кабардинское общество—(изъ)

зео ссе kāзбђедетāм фçыçо зэы зерыбђедемытыр
сообща со мною находившихся, изъ вашей среды (ни) одного не находящагося

çысųыхум, мы дыблађе жаау jiгі kāбђе-
узналъ когда, (между тѣмъ какъ) эти наши знакомые, говоря, теперь нахо-

детхем, ciкор kāзраđайųер jeзђеçено зыбȝанеке
дятся, (то) моего сына обманывающихъ чтобы я сообщилъ, я, нѣкоторое время

сыгупҫысоре käзгупҫысä ’оx̆ỹ тhебзеҫ. Сікор шỹшес
я думая, придуманное дѣло для васъ знаю. Мой сынъ на грабежи

ǩорі жыlем ҫыбо käдебеӡрі, сідеі käҫысеhем: „ǩы
отправившись, въ общество вмѣстѣ вернувшись, ко мнѣ зашелъ когда: „человѣка

сыhуǩäҫі, хекум димыǩыӡ х̆унокäм, дыkамысо, бlебе
я убилъ, родину не оставить нельзя, такъ чтобы не узнали, знакомыхъ

хекум ныдіǩодыǩыӡын hуі’аме, јіжеі думыбегуво дебе-
изъ родины съ нами бѣжать ты имѣешь если, ступай мы не медля, отправим-

ӡеж!“ ҫыжіс’äам, сікор ǩорі hасыhет дыдем-нäх̆ бlебе-
тесь!“ сказалъ я когда, мой сынъ, поѣхавши тотчасъ (къ) самымъ знакомымъ

ǩо зысыгубхем, јіжріä-ҫhеǩе, дде käдҫыбо жыlем
лучшимъ, на которыхъ надѣялся, сказалъ хотя, съ нами вмѣстѣ, изъ родины

ныдыхеǩын бlабоỹ јäм ҫахемыбуатем, сынешесрі сі-
съ нами уйти, знакомыхъ имѣющихся не нашелъ когда, я сѣвши верхомъ съ

kорі серi фыдеі сынеǩуäті, жыlем зыkäздывбе-
своимъ сыномъ къ вамъ я пріѣхалъ было, изъ родины со мною намъ вмѣстѣ

ǩодыǩыно; фыkäсхоǩуäҫі, берекет берсін, сіпсер фі-
вамъ убѣжать чтобы; вы ко мнѣ пріѣхали, очень благодаренъ, моя душа вамъ

kурмен; сікомі аде ныбӡебуӡыр верынäх̆ыфыр језбеҫеҫ,
жертва; своему сыну отцовскіе друзья старые что лучше я далъ знать,

ферi фіhуне фіkуі фыт̆ысыж“ жіäрі, шы уане
и вы (въ) ваши дома вы поѣзжайте вы и сидите въ покоѣ“ сказавши, лошадь осѣд-

зетеǩ зырызі, ǩыф’аҫі, ’аҫі kарітрі kіỹт̆ыпҫыжäҫ.
ланную по одной, одѣяніе и доспѣхи (оружіе) подаривши, ихъ отпустилъ.

Фызыӡ, ǩесоỹ kыздаhахер, гу-зыріз рібет̆ысhері
Старухъ, на крупахъ привезли которыхъ, въ арбы по одной посадивши,

Јі-фе јіз ҫыбын јіхуіҫырі, hуне’ут зырызі
(на) ихъ полное тѣло (по) одной одеждѣ для нихъ сдѣлавши, рабынѣ по одной

јірітрі, јірібешеӡäхеҫ ҫhез јідеі. Х̆аныӡрі зерыҫытäм
подаривши, отправилъ на лошади каждую домой. Ханъ старый, было какъ

ходо т̆ысыӡäҫ. Х̆аныко цыкурі јідем јіблабе ҫытä
подобно, сѣлъ снова. Ханъ молодой, его отца его знакомые, были которые

Тамбіікохем, Кундетыkохем, Анӡорыkохем јіҫыҫ ’ јі-
изъ Тамбіевыхъ, Куденетовыхъ, Анзоровыхъ, своими особыми своими

бlaҕeў псоуо тḫeʒo kăныʒāç, бleҕe тḫeҕeщцыʒ-
знакомыми имѣя, живя, блаженствуя, вмѣстѣ остался, знакомыхъ прой-

хем kaкерыхужрі.
дохъ оставивши.

Переводъ.

Жилъ-былъ старый ханъ. Въ дни своей молодости и славы онъ выѣзжалъ на добычу въ сопровожденіи лицъ изъ лучшихъ и знатныхъ фамилій страны. Когда прошла молодость, онъ предался покою и уже не выѣзжалъ больше на добычу; его замѣнилъ сынъ. Молодой ханъ сталъ вскорѣ пользоваться большей славой, нежели отецъ: много всякаго добра онъ приносилъ съ собою, много приводилъ плѣнниковъ, отправляясь на грабежи; но все это онъ раздавалъ своимъ друзьямъ. Такимъ образомъ слава молодого хана все росла и росла, между тѣмъ какъ старикъ-отецъ, прекративъ съ людьми всякія сношенія, заперся на своей половинѣ дома и жилъ тамъ въ одиночествѣ. Однажды, закралось въ его голову сомнѣніе: „Сынъ мой сдѣлался знаменитѣе меня; онъ приноситъ съ собою много всякаго добра, но и много даритъ своимъ друзьямъ; однако, среди нихъ я не вижу ни одного изъ тѣхъ славныхъ фамилій, съ которыми я вѣкъ свой прожилъ. Тѣ, которые его окружаютъ, навѣрное ему льстятъ и безсовѣстно его обманываютъ. Ахъ, если бы мнѣ удалось узнать какъ-нибудь, вѣрны ли они ему и почему они безотлучно при немъ?“ Съ этою цѣлью онъ придумалъ слѣдующее средство: въ одинъ день, когда сынъ его отправился на грабежъ, а дома было мало народу, онъ вышелъ на дворъ и, найдя тамъ бревно, длиною въ ростъ человѣка, втащилъ въ свою комнату, завернулъ въ бурку, какъ будто бы это трупъ человѣка, и засунулъ подъ кровать, стоявшую въ комнатѣ. Молодой ханъ имѣлъ обыкновеніе, по возвращеніи домой, безъ оружія являться сперва къ отцу; бывало юноша постоитъ немного предъ старикомъ, какъ бы

въ ожиданіи приказаній, а потомъ уже уходитъ на свою половину. Хану показался этотъ моментъ самымъ подходящимъ: когда сынъ, возвратившись домой, явится къ нему, онъ ему скажетъ слѣдующее: „Подъ старость я сдѣлался несчастнымъ: въ пылу гнѣва сегодня убилъ человѣка. Приходится покидать страну и бѣжать на чужбину; но намъ однимъ этого нельзя сдѣлать: проси своихъ друзей, если ихъ имѣешь, чтобы они вмѣстѣ съ нами оставили родину и бѣжали на чужбину; но только скорѣе, пока еще не узнали объ убійствѣ и трупъ не найденъ; еще успѣемъ скрыться въ какой-нибудь странѣ“.

Такъ и случилось: возвратился его сынъ съ награбленнымъ добромъ и плѣнниками. Молодой ханъ, по привычкѣ, снявъ оружіе, пришелъ къ старому хану, своему отцу. Когда старикъ увидѣлъ, что сынъ его идетъ, то онъ облокотился на палку и сдѣлалъ видъ, какъ будто думаетъ тяжкую думу. Молодой человѣкъ постоялъ нѣкоторое время и уже собирался уйти: „погоди, вернись сюда!“ сказалъ старикъ. Юноша вернулся; тогда онъ ему разсказалъ то, что́ имъ было заранѣе придумано. Повѣривъ словамъ отца, молодой ханъ отправился къ лучшимъ своимъ друзьямъ, облагодѣтельствованнымъ имъ много разъ, надѣясь, что они не измѣнятъ дружбѣ и съ нимъ вмѣстѣ покинутъ свою страну; но, увы! друзья холодно отнеслись къ его горю и сказали: „Ты намъ дѣлалъ подарки: мы можемъ отблагодарить тебя тѣмъ же самымъ!“ И всѣ они оказались невѣрными друзьями. Не найдя въ числѣ друзей ни одного, который покинулъ бы вмѣстѣ съ нимъ страну, онъ вернулся домой и сообщилъ отцу о неудачѣ. „Осѣдлай моего коня!“ сказалъ старикъ. Когда конь былъ осѣдланъ, то старикъ-ханъ поѣхалъ ночью съ сыномъ безъ другихъ провожатыхъ къ уважаемому старцу Тамбіеву, доживавшему свои старческіе дни на покоѣ; онъ былъ другъ стараго хана, и они провели золотое время юности вмѣстѣ, неразлучно. Заѣхали они къ Тамбіеву и позвали людей. Люди вышли изъ

дому на ихъ зовъ и пригласили пріѣзжихъ въ кунацкую. Домашніе узнали стараго хана и сейчасъ же дали знать объ этомъ почтенному старику, спавшему на своей половинѣ. Радостно поспѣшилъ Тамбіевъ навстрѣчу: старики обнялись и стали плакать. Потомъ, когда всѣ успокоились, Тамбіевъ спросилъ у стараго хана: „Чтó такое случилось, зыусħенъ; да, вѣдь, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты предался покою! Чтó взбрело тебѣ на умъ? Зачѣмъ ты выѣхалъ на старости лѣтъ?“ Молодого человѣка, сопровождавшаго хана, всѣ приняли за стремяннаго, и никто не предполагалъ, что это молодой ханъ—сынъ старика.

На вопросъ Тамбіева старый ханъ, въ присутствіи своего сына, вотъ чтó отвѣтилъ: „Я подъ старость сталъ несчастнымъ: въ пылу гнѣва убилъ человѣка; кого я убилъ, не знаю, но только трупъ я завернулъ въ бурку и спряталъ. Пока еще не узнали объ убійствѣ, слѣдуетъ бѣжать на чужбину; но одному бѣжать нельзя; я хочу, чтобы и ты бѣжалъ вмѣстѣ со мною—вотъ зачѣмъ я пріѣхалъ!“ сказалъ ханъ. Тамбіевъ на это изъявилъ полную свою готовность. „Конечно“, сказалъ онъ: „съ тобою покину родину; я готовъ бѣжать во всякую минуту, даже сегодня, если тебѣ это будетъ угодно: посажу старуху-жену сзади себя на коня и поѣду!“ Найдя въ Тамбіевѣ того, кого искалъ, довольный ханъ отправился къ Куденетову, который точно также откликнулся на горе хана и радостно сказалъ: „Твоя погибель—моя погибель! Когда прикажешь, сейчасъ же посажу свою старушку-жену сзади себя на коня и поѣду съ тобою!“ Назначивъ срокъ Куденетову, ханъ поѣхалъ къ другу своему, старику Анзорову. Тотъ его принялъ, повидимому, еще съ большимъ радушіемъ, чѣмъ первые два и сказалъ хану: „Зыусħенъ, гдѣ ты погибнешь, тамъ и я сложу свою голову; гдѣ твоя смерть, тамъ и моя смерть! Если ты не будешь жить на родинѣ, то и я не буду! Куда ты пойдешь, туда и я пойду съ тобою! Если тебя не станетъ,

то и я не останусь въ живыхъ, и самъ причиню себѣ смерть! Итакъ, назначь время, и я возьму свою старуху на коня и пріѣду въ сроку!“ Ханъ назначилъ ему тотъ же срокъ, который былъ назначенъ Тамбіеву и Куденетову. Старый ханъ, несмотря на преклонность своихъ лѣтъ, все это объѣхалъ въ теченіе ночи и къ разсвѣту уже былъ дома. Сидитъ ханъ дома въ ожиданіи своихъ друзей; они пріѣхали, со своими женами на коняхъ, къ назначенному времени; пріѣхавши, они сами пошли въ кунацкую къ хану, а ихъ жены на женскую половину. Старики пережидали этотъ день, а когда наступилъ вечеръ, они сказали: „Ну, зыусꙉенъ, теперь нечего мѣшкать: нужно бѣжать! Достань трупъ убитаго человѣка и покажи намъ: навѣрное узнаемъ, кто онъ таковъ, если только онъ житель этой страны!“ — „Хорошо, трупъ не далеко: вотъ, подъ моей кроватью, онъ лежитъ завернутый въ буркѣ; достаньте и посмотрите!“ сказалъ ханъ. Старики вытащили изъ-подъ кровати обернутый въ бурку трупъ и когда развернули, то вмѣсто человѣческаго трупа оказалось бревно! Всѣ три старика обидѣлись и сказали: „Зыусꙉенъ, что́—подъ старость ты съ ума спятилъ? Зачѣмъ ты насъ обманулъ, говоря, что убилъ человѣка?!“ Послѣ этого ханъ сказалъ шутливымъ тономъ: „Отчего бы убитому человѣку и не сдѣлаться бревномъ?“— „Желаемъ умножиться твоему роду, но къ чему допускать невозможное?“ отвѣчали старики.

Затѣмъ старый ханъ сказалъ серьезнымъ тономъ слѣдующее: „Упаси Богъ, чтобы я подъ старость сдѣлался несчастнымъ и убилъ человѣка. Да сохранитъ меня Господь отъ сумасшествія! Нѣтъ, я никого не убилъ и съ ума не сошелъ; но только слушайте: я вамъ скажу, что́ меня побудило прибѣгнуть къ тому, что я сдѣлалъ! Вы знаете“, и ханъ указалъ на сына: „этого человѣка, который все время стоитъ предъ нами?“ Старики отвѣчали: „Нѣтъ, не знаемъ и не видали!“ — „Вы слышали о моемъ сынѣ, который прославился больше,

чѣмъ я въ свое время?“ спросилъ ханъ. Они сказали: „слышали!“—„Такъ вотъ это и есть сынъ мой, громкая слава котораго дошла и до вашего слуха! Съ той поры какъ я предался покою, онъ ведетъ дѣятельную жизнь: добываетъ много добра и рабовъ. Но сколько бы онъ ни добывалъ, все это онъ раздаетъ своимъ знакомымъ и друзьямъ. Всѣ эти его безумныя траты я видѣлъ и обо всемъ слышалъ. Тогда вотъ что́ мнѣ пришло въ голову: „Боже! среди окружающихъ моего сына друзей я не вижу никого изъ Тамбіевыхъ, Куденетовыхъ и Анзоровыхъ, между тѣмъ какъ члены этихъ славныхъ фамилій были моими вѣрнѣйшими друзьями и товарищами. Они не бываютъ съ нимъ въ набѣгахъ; они не получаютъ его богатыхъ подарковъ. Когда же я окончательно убѣдился, что среди его друзей нѣтъ никого изъ тѣхъ прекрасныхъ кабардинскихъ фамилій: Тамбіевыхъ, Куденетовыхъ и Анзоровыхъ, я придумалъ извѣстный уже вамъ способъ, чтобы сыну моему дать понять, что его друзья-льстецы его только обманываютъ! Вотъ почему я все это сдѣлалъ. Итакъ, когда сынъ мой, бывшій въ отлучкѣ, возвратился и зашелъ ко мнѣ, я сказалъ: „Я убилъ человѣка. Намъ нужно бѣжать на чужбину. Сообщи о томъ тѣмъ изъ твоихъ друзей, которые готовы съ нами покинуть родину“. Сынъ поѣхалъ къ лучшимъ своимъ друзьямъ, но тѣ не хотѣли раздѣлить наше горе, и никто не согласился покинуть съ нами родину! Тогда я съ сыномъ поѣхалъ къ вамъ съ той же просьбой—уйти на чужбину, на что́ вы изъявили свое полное согласіе; за это я вамъ очень благодаренъ. Теперь располагайте моею жизнію, если въ этомъ явится надобность. Вы доказали сыну моему, что „отцовскіе старые друзья“ лучше его новыхъ. Теперь вернитесь по своимъ домамъ!“ Онъ каждому изъ нихъ подарилъ по лошади съ сѣдломъ, полное одѣяніе и оружіе и отпустилъ домой; женъ же, которыхъ привезли старики съ собою, онъ посадилъ каждую въ арбу, подарилъ по платью и одной рабынѣ и отправилъ

домой съ должнымъ почетомъ. Старый ханъ снова предался отдыху и сталъ доживать свой вѣкъ въ покоѣ и довольствѣ. Но съ тѣхъ поръ молодой ханъ завелъ новыхъ друзей среди Тамбіевыхъ, Куденетовыхъ и Анзоровыхъ, покинулъ прежнихъ льстецовъ, сталъ жить да добро наживать уже съ новыми друзьями, но друзьями вѣрными и надежными, какими были ихъ отцы.

~~~~~~~~~~~~

2. Три добрыхъ совѣта.

Зэи лъ̓ыӡ тһемыҫк̓е горым јібынир рыпрылӓӡо

(У) одного старика бѣднаго какого-то, свое семейство воспитывая

выт̓ јіāт. Һа выт̓о јāр вак̓ом дек̓ојо

(работой кормя), быка два было. Тѣ быка два, бывшіе на пахотѣ, выѣзжая,

kӓтехорі лъ̓āҫ. Мо вихер ҫылъ̓ем, выр зеі тһемыҫк̓ер

упавши, издохли. Эти быки тамъ издохли когда, быки чьи бѣднякъ

пх̓еаҫеӡым јелъ̓е'уāҫ: „дјіпе мехуіҫк̓е фыkӓспылъ̓е,

пахаря старшаго попросилъ: „намъ впереди днями тремя вы мнѣ повремените,

неҕоҫ̓ ӡеі зыхевмыҕеһеӡо: һао мехуіҫым јік̓оцым сыkӓ-

иного компаньона вы не принимайте: но въ дней трехъ теченіе я не вер-

мык̓оӡме, фызхоі фҫ̓е“, жіāрі: „Х̓унҫ“, жаāрі

нусь если, (что) вы мнѣ хотите вы дѣлайте“, сказавъ: „Хорошо“, сказавши,

раҕеӡāҫ лъ̓ыӡ тһемыҫк̓ер. Һа земаным зэи уорkыф̓ ҫыāҫ,

отправили старика бѣднаго. Въ то время одинъ дворянинъ добрый былъ,

зэы пҫы-ҫ̓еlе јібе ы̓ыно зыбҕедышеӡāо; лъ̓ызыр

одного княжескаго мальчика сироту воспитывать къ себѣ уведя; старикъ

һа пҫы-ҫ̓аlем јідеі к̓оāҫ јік̓і жырıāҫ: „ссе пселъыҫ

къ этому княжескому мальчику домой пошелъ и сказалъ: „я слова три

бжес'анҫ, выт̓ kӓзептыме“.—„Х̓унҫ, kӓзжыӑ, уӓ

тебѣ скажу, быковъ пару мнѣ ты подаришь если“.—„Хорошо, мнѣ скажи, тебѣ

һуӡыхоі выт̓ остынҫ“, жіāҫ уорkым јікан

тебѣ нужныхъ быковъ пару тебѣ я отдамъ“, сказалъ дворянина его воспитанникъ

пҫы-ҫ̓аlем. „Јінк̓е һа пселъыҫыр мырaҫі kӓдеў“ жіāрі,

княжескій мальчикъ. „Такъ эти слова три эти вотъ послушай“ сказавъ,
~~~~~~~~~~~~

ӡ̓ыӡ тһеммсҁкер хоіӡаҁ: „Фыв ф̓ыҁе насҳо
старикъ бѣдный началъ: „На женщинѣ смуглянкѣ съ глазами сѣрыми

ѡрі һуммше, фно-пљаӡумі кӑўммӡаше!“ һар зым псаљe.
(ни) ты ты не женись, кого ты любишь, заставь не жениться!“ это одно слово.

„Хет јіпмӡў пасті кӑппеpіӡеӡао, ф̓ымік, бзагемік,
„Ничьего его соль кашу, которую тебѣ предлагають, хорошъ ли, дуренъ ли,

һублемік һуммпхо“ һар псељыт. „Зым јіфыж̓і хеті
ты не пройди, ты не съѣвши“ это слова два. „(За) чужой его женой, кто бы

ҁырес һук̓ељ̓ыземмко!“ һар псељыҁ. Jihi, jiri һапсељыҁ
онъ ни былъ, ты не ухаживай!“ это слова три. Да, теперь эти слова три,

бжес’ӑр бӡебыдемі, кӑпсһепеӡыҁ, к̓одыпі
тебѣ мною сказанныя, ты закрѣпишь если, тебѣ пригодятся, изъ потери мѣста

һукрыхыӡыҁ, һудыммӡек̓уадо“, жіӑҁ. „Х̓унҁ, тһемеде,
тебя выручать, тебѣ не давши погибнуть“, сказалъ. „Хорошо, старина,

зым уо кӑзжӑйӑ псељефыҁыр ыҁызӡеӡупҁенкӑм јік̓і
никогда тобою мнѣ сказанныя три добрыхъ слова дамъ забыть не и

ӡебыденҁ, Alleһым жіӑме“ жіӑрі, выт̓і кӑрітрі; кӑ-
я закрѣплю, Богъ скажетъ если“ сказавъ, быковъ пару отдавъ; отъ

суіт̓ыпҁыӡым, ӡ̓ыӡ тһеммсҁкер вак̓оў здык̓ӑм, выт̓
себя отпустилъ когда, старикъ бѣдный на пашню, ушелъ откуда, быковъ

кыхурі, кӑк̓ожӑҁ.
пару пригнавши, вернулся.

ҁалері канері, һаоре ҁыторе, јітеlыкым јіфыз ӡ̓ӑҁ;
Мальчикъ оставшись, такъ находясь, его воспитателя его жена умерла;

ҁыӡ̓ем, зым х̓ыгебз дахе гор ҁыӑті; краӡешено јуӡ
умерла когда, одна дѣвица красивая какая-то была; чтобы жениться вслѣдъ

ҁыһем, мо псы-ҁаle јіканыр к̓орі јітеlык-
пошли когда, этотъ княжескій мальчикъ воспитанникъ пойдя, его воспитателя-

һадем краӡемеӡыно х̓ыгебзыр, х̓ыгебз-ф̓ыҁе насҳо
отца, (на ней) чтобы женить, дѣвица, дѣвицей-смуглянкой (съ) глазами

ҁыљаӡум, јітеlыкым кӑріӡешен јідӑкӑм. һарсһе
сѣрыми увидалъ когда, своему воспитателю жениться пожелалъ не. Но

ҁалер шўпес к̓уӑо, деммсо х̓ыгебзым, јібыныр кӑ-
юноша (на) разъѣзды отправившись, въ отсутствіи дѣвицы, ея семейство на-

ниҕуалҍҕ̱ері краҕештӑҫ. Мо физмр kӑнӑо, ҫ̓аlер
вязавшись, заставили жениться. (На) этой женщинѣ (отецъ) женившись, юноша

kӑҫндеҕ̱еҙим, jiҙаҕо х̌урі һунем ҫ̓емнҕ̱о, ҕ̱еҫ̓еҫим
возвратился когда, досадно сдѣлавшись, въ саклю не вступая, въ кунацкой

ҫисо, ҕ̱епшнпи-ҕ̱е һунем ҫиҕаком, физим ҕ̱епшнпир kа-
сидя, вещами за въ саклю послалъ когда, женщина вещей не

рімнто, мир kажріӑҫ: „Сисҕ̱е һунем һуkӑмиkоре? һујіне
давъ, это сказала: „Зачѣмъ въ саклю ты не идешь? твоя мать

л̓ӑме ссе сіlаҙо сит хел̓? сері сиһујінеҫ: kаk̓уі
умерла если, моя моя вина что прибавляется? я твоя мать есмь: приходи

һујҕ̱епшнп һузхоі ҫиаме ҕи".—„Х̌унҫ", жіӑрі ҫ̓аlері
твои вещи, тебѣ нужныя, есть если, неси".—„Хорошо", сказавши, юноша

k̓оӑҫ һунем. ҫаlем ҕ̱епшнпхер зерифезахо ҫитих̌ук̓е,
пошелъ въ саклю. Юноша вещи приводя въ порядокъ находился пока,

ц̓их̌у ҫитхер ҫ̓иҕекрі, jези т̓ум jазаһо зиkӑҫиҕа-
людей находившихся выславши, самихъ двоихъ наединѣ заставивши такъ ос-

нері, физим жіӑҫ: „Іҕ̱і, jirі уо һујідері зерил̓из-дидер
таться, женщина сказала: „Да, теперь твой твой отецъ что старъ очень

сиҫ̓еоре, сиkӑдеk̓оӑҫ, jіӑ иміkум теrelо л̓ӑмі
я зная, я вышла, что имѣетъ имѣнія, свалившись и умеръ если бы,

ор мыхуме kӑзхуіҕенын зерімиар; һао ҫиҫитk̓е дизери-
тебя кромѣ оставить кому что не имѣетъ; такъ есть когда, мы зная другъ

ҫ̓о диҕепсоў: сил̓ нӑх̌рі нӑх̌ифо һузесҕ̱енҫ, нӑх̌и-
друга, намъ давай жить: я мужа больше лучше тебя я буду сберегать, и боль-

фиў һуслаҕунҫ", жіӑрі; „ҕ̱ео, һар Аllеҕ̱им жӑми'аkе, уо
ше буду тебя я любить", сказавши; „Нѣтъ, этого Богъ да не скажетъ, ты

жӑп'амі, сjітеlиkим апходе бзеriҕе kӑл̓изес-
(и) говоришь ты если, моему воспитателю такое зло мнѣ чтобы (принести)

ҕ̱ено", жіӑрі jімидо kӑҫ̓еkиҙӑҫ һунем. Мо физ
причинить", сказавши не поддавшись, вышелъ изъ сакли. Этой женщиной

га'урим kӑжріӑр, ц̓их̌у жӑрімиаў, һаоре ҫито jіте-
негодной сказанное, человѣку (никому) не говоря, такъ оставаясь, его

lыkрі jіkанрі шўпес k̓оӑо, kано, мо ате-
воспитатель и воспитанникъ на разъѣзды отправившись, находясь, этому воспи-

Iшk-ѫызым зыh̲епшып sahyl jiмн'аме мыk̓уно тетi:
тателю-старику кое-какихъ вещей нѣсколько не имѣть если, нельзя было:

hah̲епшыпхер jiђыно пџмо-jikан ҫalep hунем kăђек̓оӡăҫ.
эти вещи взять князя его воспитанника юношу домой послалъ.

ҫalep kăk̓oӡрi h̲еҫеҫым ҫесо, hунем jђек̓уăҫ h̲епшыпо
Юноша вернувшись, въ кунацкой сидя, въ саклю послалъ, вещи за которыми

kăҫек̓уăхер рыђеђыно, hарсh̲е рiтăkăм фызым мыр жi'ăрi:
прiѣхалъ чтобы принести, но отдала не женщина, это сказавъ:

„Сыђоҫатi: kăзођезеӡ; hуkăсэымыгусе, hунем
„Я ошиблась: я возвращаюсь (сознаю вину); ты на меня не дуйся, въ саклю

kак̓уi; hуiтеlыkым hуkăҫыђек̓уă h̲епшыпхерi хехi,
прiйди; твой воспитатель тебя за какими сюда послалъ вещами выбери,

серi сыѫађуi к̓ож“.—„Х̓унҫ, Alleh̲, Alleh̲, kăҫыђезеӡак̓е
меня провѣдай (и) поѣзжай“.—„Хорошо, Боже, Боже, вернулась если (созна-

kăзозтеӡ“ жi'ăрi, hунем к̓уăо, h̲епшып зыхоiхер
лась въ винѣ), я мирюсь“ сказавъ, въ саклю пошедши, вещи, кои нужны,

kăђеh̲езыро пето, ц̓ыхў ҫитăхер ҫыђекрi, ҫаlемре jезымре
приготовляя, оставаясь, людей бывшихъ тамъ выславши, юношу и самое

зыkăҫыђанерi, hарӷоро jiпере-горыӡыр жиры'ăҫ: „Бжес-
остаться заставивши, опять первое нѣкоторое старое сказала: „Что тебѣ

'ар kăсхоҫе, kăсхумыҫеме, мы ц̓ыхўм ц̓ыху-фе
я говорю мнѣ сдѣлай, не сдѣлаешь мнѣ если, эти люди (на) человѣка какъ

kуамыпѫыӡо, h̲енапе hухесҫыh̲ынҫ“, жi'ăрi, „Зэы-сыт kă-
не смотря, безчестнымъ тебя я сдѣлаю“, сказавши, „Одно что (ни) мнѣ

зепҫемi, hа оу жыхоп'ар сыҫено, Alleh̲ым ре-
ты сдѣлаешь если, о чемъ ты говоришь, чтобъ сдѣлать, Богъ да не за-

мыде!“ ҫыжi'ăм, фызыр гуо-kijo jiҫђынхерi jезым зехе-
хочетъ!“ тамъ сказалъ когда, женщина, крича-вопя, свои одежды сама на себѣ

к̓атхерi ҫыбым kăҫеӡăҫ: „дji-kаным llei kăзыхыно
порвавши, на дворъ выбѣжала: „нашъ его воспитанникъ оскорбленiе мнѣ нанести

сыhуӡ kăh̲ерi, kавыҫăр мырасi ффы зыҫыh̲атҫ;
меня позади пойдя, что мнѣ сдѣлалъ, это вотъ вы мои свидѣтели есте;

jiгiпету сыѫым-jдеi хђак̓оо kăвмыђешеӡо зэы дунеiм сы-
сейчасъ моему мужу къ посылая, вы не приведши, (ни) одинъ свѣтъ я

kǟтмненоkǟм", ҫижм'ǟм jiʒекорi jelбето: „'охӯ ҫм'аҫ"
вмѣстѣ останусь не", тамъ сказала когда, пославши нарочито: „дѣло есть"

жа'ǟрi kǟраʒешеʒǟҫ. Шӯ jiʒекоǟр неммсо,
сказавши, заставили привезти. Всадникъ который былъ посланъ, не достигши,

ҫаlер несмʒǟ-сhеке, ззм жмрi'ǟkǟм jiтelыkмм.
юноша пріѣхалъ хотя, ничего сказалъ не своему воспитателю.

Уорkмр jihуне kǟҫмкожмм hеҫеҫмм мико hунем
Дворянинъ, домой вернулся когда, въ кунацкую не идя, въ саклю

kǟҫмҫеhаʒмм, jiфмзмр зехекетхǟо ҫмпеʒем: „Смт kǟп-
вошелъ когда, его жена оборванной встрѣтила когда: „Что съ тобою

ҫмҫǟр?" жi'ǟрi ҫе'упҫмм: „Смт kǟсҫмҫмно,
здѣсь случилось?" сказавши, спросилъ когда: „Чтó можетъ мнѣ случиться,

hуikанмм kǟзмҫǟр пљаʒурkа; llеi kǟзмхмно
твой воспитанникъ что мнѣ сдѣлалъ, ты видишь не; обиду мнѣ сдѣлать

kǟсхоiʒерi: уо hепшмпи-hе kǟҫмбʒекозǟм!"
(изнасиловать) мнѣ начавши: ты вещами за сюда ты послалъ когда!"

жi'ǟҫ пиʒмо. „Jiнте hар'аме, хунке, абы ссе сихурikунс",
сказала рыдая. „Такъ это если, хорошо, его я я отколочу",

жi'ǟрi беколхер kǟрiʒашерi, hунафе jiхуiҫǟҫ: „Ззм маҫе кӯ
сказавши, палачей позвавъ, приказаніе имъ сдѣлалъ: „Одну яму глу-

фтмi, бене гуiх jiвʒесмh: ззм пҫедмгмʒ горим
бокую вы выройте, дерезы возовъ шесть сожгите: въ одно утро какое-то

kуlшмkум-jiдеi: „hунафо уорkмм kǟфхуiҫǟр вʒезеҫа?" жм-
часамъ 10 къ: „приказаніе дворяниномъ вамъ сдѣланное вы исполнили?" я

зм'аӯ, kакор хетҫмҫмi jiвʒi фʒеҫ", жi'ǟрi; hа
говоря, кто придетъ, кто бы онъ ни былъ, вы бросьте (и) сожгите", сказавши; это

hунафер беголхем зермхуiҫǟрi jiфмзмм kǟжмрi'ǟрi, jезмрi jеʒеж-
приказаніе палачамъ чтó имъ сдѣлалъ, своей женѣ сказавъ, самъ отправив-

рi шӯ гупе kǟзхекǟм jiхеhеʒрi jепҫмхмʒǟҫ. hао
шись, (въ) всадниковъ артель, откуда вышелъ, въѣхавши, слѣзъ съ лошади. Такъ

ҫмсоре jikан ҫаlем kǟрiʒагерi жмрi'ǟҫ: „Дiдеi
сидя, своего воспитанника юношу заставивши позвать, сказалъ: „Нашъ

кожi: пҫедмгмʒ kуlшмkум несi, беколхем kǟзхо'упҫ:
(домъ) поѣзжай: завтра утромъ въ 10 часовъ утра прибудь, палачей ихъ спроси:

„Уоркым һунафо kāфхуiʻāр вђезеʻā? жмі“; ҫыжы-
„Дворянина приказаніе, которое вамъ сдѣлалъ, вы исполнили? скажи“; тамъ ска-

ʼāм: „х̊унҫ“ жiʼāрi ҙепнм kāзешыко, kуажем јђунеђў
залъ когда: „хорошо“ сказавъ, ночью, на конѣ выѣзжая, къ аулу его сосѣдству

х̊уāо, нехуі-ҫāо, ггузеʻеҫеҙиним јуҙ jiһ̱ао ваʼко
ставъ, свѣтло сдѣлавшись, (за) арбы запрягающими въ слѣдъ пойдя, (на) пахоту

деʼкхем, kaʼуʻāҫ, јешхені јеʻені jiһуһ̱āо. Ваʼко
которые выѣзжаютъ, встрѣтилъ, ѣсть, пить (уже) окончивши. (На) пахоту,

деʼкхем: „јеблађі шхе“, жаʼā-ҫһ̱еке, jiхоiмыблађо
которые ѣдутъ: „остановись покушай“, сказали хотя, желая не остановиться,

kаблежрi знзаһуl kāжāо ʼжмҙ тһ̱аммҫкем kāж-
проскакавъ мимо (ихъ), нѣсколько проѣхавъ, старикомъ бѣднымъ сказан-

рыʼā псаљер јгу-kāʼкрi, kāђезеҙāҫ: „мы ваʼко деʼкхем
ное слово вспомнивъ, вернулся: „этихъ, (на) пахоту которые выѣзжа-

jiшыђу-паʼсте сыблеʼкынkāм“, жiʼāрi; ʻаlем kāҫыђезеҙым,
ютъ, ихъ соль-кашу я пройду не“, сказавъ; юноша туда вернулся когда,

ваʼкохем кодо гуапе jiҫых̊урi, ваʼко межађерi бах̊сымерi
пахарямъ очень пріятно ставши, пахатной пшенной муки и бузы

кодо kаҫтерi, ʻаlем ҫырађеʻым jiђададаʻерi jiђе-
много доставши, юношу заставили пить когда, заставивши опьянѣть, (онъ) за-

жејiҫ. ʻаlер ҫыжеiм: „језмр kāʼушыжынҫ“ жаʼāрi, kамыђеʼушо
снулъ. Юноша заснулъ когда: „самъ проснется“ сказавъ, не будя,

шырi зерыљехāо kађанерi, ваʼкохер јеҙеҙāҫ.
лошадь стреноженной оставивъ, пахари поѣхали.

Ваʼко деʼкхер ҫыҙеҙжā-неʼуҙым, ʻаlер kāмыʼушо, шеʻађо
(На) пахоту ѣдущіе поѣхали послѣ когда, юноша, не просыпаясь, до обѣда

несых̊ў жејiҫ; шеʻађом-јдеi kāҫыʼушым, kāвраўохутāр
непробудно спалъ; времени обѣда къ тамъ проснулся когда, что его послали,

јгу-kāʼкызрi гузаво ʻепх̊орi kуаҙем дељадерi бекоlхем јеʼупʻāҫ:
вспомнивъ, второпяхъ бѣжа, въ аулъ забѣжавъ, у палачей спросилъ:

„Нышедыбе kуlшыкум-ҫыђо уоркым һунафе kāʻар
„Утромъ сегодня 10 часовъ въ дворяниномъ приказаніе сдѣланное

вђезеʻā?“ жiʼāрi; „Ollеһ̱i, дыммʻе, пҫым һунафе
вы исполнили?“ сказавъ; „ей Богу, мы не знаемъ, господина приказаніе

kăç̓ăo; hao: „ншшедибе kуlшикум-jідеі маçе кў kăф-
сдѣланное; но: „утромъ сегодня часамъ утра 10 къ яму глубокую вы

ті, бене гуіх jівђесиh̲; hap çивђесиh̲ā-не'уʒим:
выройте, дерезы возовъ шесть вы сожгите; это тамъ вы сожгли послѣ когда:

„пçим jунафер бђезеçā?“ жизи'āо kакор, jівʒе“, жі-
„господина приказаніе исполнили?“ говоря который придетъ, бросьте“, сказа-

'āті; jези пçим jіфизир: „Пçим жі'āр вђезеçā?“
но было; самого господина жена: „Господинъ что сказалъ, вы исполнили?“

жі'āрі, kăçиком, jідʒері jідђесиh̲āç“. çижа'āм,
говоря, пришла когда, (ее) мы бросивши мы сожгли“. Тамъ сказали когда,

çalем, h̲иleo kăкељизераh̲ам гуљитері, гуапе çиxурі жі-
юноша, умыселъ, который за нимъ носили, замѣтивши, пріятно ставши, ска-

'āç: „Імансиз, Alh̲емдуlileh̲, маçо cce kăcxуітāм jезир корі
залъ: „Невѣрная, Богу слава, въ яму, меня для вырытую, сама пойдя,

jіхоʒāç; Alleh̲им сі насип тріђекуāç!“
попала; Богъ моему счастью далъ побѣду!“

„Jінте cce мибн ходо бзеѓађеке kăскељизекуā
„Такъ я это такъ, со злымъ умысломъ который за мной ходилъ,

аталиким сибђедесиʒинkāм“, жі'āрі jши jеуорі,
съ воспитателемъ я буду жить не“, сказавъ, свою лошадь ударивъ,

кожем декрі хеh̲езāç: „Alleh̲им сизхуh̲ам си-
изъ села выѣхавши, поѣхалъ: „Богъ, меня куда принесетъ, (то) я

'уçенç“ жі'āрі.
встрѣчу“ сказавъ.

Декрі коме љеіме, коме љеіме,
Выѣхавъ, идетъ когда, прыгаетъ когда, идетъ когда, прыгаетъ когда,

Alleh̲им jеçе кодре куāо, маçере куāо jезешао, jељāо
Богъ знаетъ, долго ли ѣхавши, мало ли ѣхавши, скучая, утомленный

jікі межељāо ззи губђошхо jіh̲āо жижо пљері,
и проголодавшись, въ одну степь большую прибывши, далеко посмотрѣвши,

ззи фиџеђе хуреі теку çиљађум: „мибн сеікољенçі, теку
одно пятно круглое немного увидалъ когда: „туда я заѣду, немного

визђепсехунç, сшхін зигорік сђотме, kăсшхінç“, жі'āрі;
я отдохну, я съѣсть что-нибудь я найду если, я скушаю“, сказавъ;

мурад јіҫрі фыцаҕе јіљеҕуам, ҫыкуаљем
намѣреніе сдѣлавъ, къ пятну, которое увидѣлъ, подъѣхалъ по слѣду когда,

бене серејо зэы һуне хуӡышхо käхокäо käҫекäҫ.
(изъ) дерезы оградой одинъ домъ бѣлый большой обнесенный оказался.

Бене сереім-јдеі ҫынесым, ҫaleр јепсыхрі, јіш
(Изъ) дерезы оградѣ къ туда пріѣхалъ когда, юноша слѣзши съ лошади, свою

шыфезапем фызері, һунем: „celам-alекум" жі'āрі,
лошадь на столбѣ удачно бросивши, въ домъ: „здравствуй" говоря,

ҫыҫеһем: „alекум-celам, јеblaҕe" жі'āрі х̂ыгебз да-
зашелъ когда: „здраствуйте; милости просимъ" сказавъ, дѣвица краси-

хо зызекопціо һуненеҫым ҫесāр, käтеѓаҫ.
вая, одной только прикинувшись, въ домѣ пустомъ сидѣвшая, приподнялась.

„Һублаҕе код'ух̂!" х̂ыгебзым ҫыжы'āм, зеб-
„Тебѣ знакомыхъ много пусть будетъ!" дѣвица тамъ сказала когда, (онъ) за-

lеҕāҫ. „Сомыжаљері, ѓекў сеҕешх ҫы'аме", ҫа-
шелъ. „Я (отъ) голода погибая, немного мнѣ дай поѣсть, есть если", юно-

lем ҫыжы'āм: „Alleh, Alleh ҫы'а", жі'āрі, х̂ыгебзыр тегрі,
ша тамъ сказалъ когда: „конечно есть", сказавъ, дѣвица, вставши,

бах̂сымер кодо, һеlупыlур кодо käҫтері, ҫеlе мыжељāр
бузы много, пряностей много доставши, юношу проголодавшаго

јіҕешхежāҫ. ҫaleм шкен ҫыһух̂ім: „сыпҫāҫі: зыз-
насытила. Юноша ѣсть тамъ кончилъ когда: „я тебѣ усталъ: от-

ҕепсехунҫ ѓекуі, смҫһеһукопҫ, зэы ӡео гор сыҕотме"
дохну немного, я подремлю, одну тѣнь какую-нибудь я найду если"

ҫыжы'āм, х̂ыгебзыр käпсаљері: „Мыбыдеі нāх̂-ӡауо-нāх̂,
тамъ сказалъ когда, дѣвица, заговоривши: „Здѣсь лучше тѣнь лучше,

зыҕепсеху-пе-фы сыто пҫыно; мыбы зыҫыҕепсехў", ҫы-
отдыхъ тоже хорошее, на что ты сдѣлаешь; здѣсь отдохни", тамъ

жы'āм: „Allehым јіремыде уо зыбзеѓаҕеке
сказала когда: „Богъ да не захочетъ, за тобою (съ) дурнымъ умысломъ

сыныбкељызекопо; Allehым уо зынасып käпх̂і-
чтобы я за тобою слѣдомъ ходилъ; Богъ (въ) тебѣ чье счастье въ тебѣ вклю-

љһāм һуікер ріҕежаҕў", ҫaleм ҫыжы'āм х̂ыгебзым јіны-
чилъ, тобою да повыситъ", юноша тамъ сказалъ когда, дѣвица, отказы-

до хоізāç: „Ссе љм çи'аkāм; сіјане смkāзермѣхўо си-
ваясь, начала: „У меня мужа нѣтъ; моя мать, какъ меня родила, я дѣ-

х̊мгебзç; љм смхоіçі: љм kāсхох̊у!“ — „h̲ао, ззы љигор
вица есмь; мужъ мнѣ нуженъ: мужемъ мнѣ стань!“ — „Нѣтъ, одного мужа ка-

hуімм'ао, ззы çмфеçх̊уно hамаl јі'аkāм“,
кого-нибудь что не имѣешь, (ни) одно вѣрить возможности имѣется не“,

çаlем çмжм'āм: „Јінт̊е љмо Аllеh̲мм çмkāзерітāр
юноша тамъ сказалъ когда: „Такъ мужъ, которому Богъ тамъ меня отдалъ,

мм çеhуфāо жер рāç; hарçh̲е hар смт-мм̡ок̊е ссе kāс-
этотъ, покрытый спитъ который, есть; но этотъ чѣмъ мнѣ мнѣ

çh̲епен?“, жі'āрі ззы h̲ендырkоkошхо жео kріꞓеље̡уāç. „Јінт̊е,
пригодится?“, сказавъ, одну лягушку большую спящую показала. „Такъ,

hар'амік̊ hа Аllеh̲мм, hуінасмп змхіљ̊h̲ā h̲ендырkуаkом
это нисколько этотъ Богъ, твое счастье, которое воплотилъ въ лягушку,

смбlек̊о уо, змммꞓок̊е, смпк̊е љмзек̊оно,
оставивъ за тобою, не соотвѣтствуетъ если, я за тобою чтобъ слѣдомъ ходилъ,

Аllеh̲мм ремыде“, жі'āрі, kāçек̊мꞓо çмхоізем, х̊мгебзыр
Богъ да не захочетъ“, сказавъ, выходить тамъ началъ когда, дѣвица

çаlем kāк̊ељебенāç, çаlер kāçммыꞓек̊мно; hарçh̲е çаlер
за юношей бросилась, юношу чтобы оттуда не выпустить; но юноша,

зепх̊ок̊рі х̊мгебзыр kāубыдрі, јі çh̲ецмр ј'ам рішек̊рі,
хвативъ сзади дѣвицу поймавъ, ея волоса на свою руку намотавъ,

kаммпмк̊е јеоў çмхоіꞓем, h̲ендырkуаkом јіфер kāзегоhудрі,
плетью бьючи тамъ началъ когда, лягушки кожа лопнувши,

ззы çеlе дахе, ґате јі'мꞓо kāдек̊рі çаlем çh̲еçе kāхуіçāç:
одинъ юноша красивый, саблю держа, вышедши, юношѣ поклонъ ему сдѣлалъ:

„берекет-берсмн, уо нобе kāсхопçар; мы копек̊мм kā-
„спасибо, ты сегодня что мнѣ ты сдѣлалъ; эта потаскуха, всѣхъ

дыh̲епсор јіꞓапцеме ꞓоçенмм çынеск̊е, Аllеh̲мм
заѣзжающихъ обманываетъ если, до заблужденія тамъ доходило когда, Божьимъ

јі'аммрк̊е мы h̲ендырkоkуафо беlыh̲о стељыр
его дозволеніемъ, эта лягушки кожа, какъ гнетъ которая на мнѣ лежитъ,

зегоhудме, çмkāдек̊ме, смhук̊ре çh̲е ççе рікунмм,
лопнетъ если, оттуда выхожу если, я убивая головъ сто, чтобъ насытилось,

ззы нӑх̇ х̇уҫыммыҫоу сыhук̇ӑҫ, hао jiгi нобе Allehым фыо-ji-
одной кромѣ не хватая, я убилъ, но теперь сегодня Богомъ лю-

љеђуāр hук̇ӑҫырiђељем, hух̇оммђеделo hук̇ӑзыте-
бимаго тебя когда свидѣтелемъ увидѣлъ, ты не смогши обмануть, ты остав-

нерi ссе Allehым jiбelмhо стељрi степхāо
шись, съ меня Божье наказанiе, которое на мнѣ лежитъ, съ меня ты снявши

kӑҫ̇ек̇ынҫ: берекет-берсын, псер hуikурменҫ: ззы уо зыры-
окажешься: спасибо, душа твоя жертва есть: одно ты какъ ты

жып'āо, сызерыпхуммх̇ун; ҫы'ак̇ӑм бlађеў, kошў, абы
скажешь, (чѣмъ) я тебя для не сдѣлаюсь; нѣтъ знакомыхъ, родни, и кромѣ

jiнеммҫ̇ы; нак̇о мыlкоу сы'ам hухезђепљенҫ", жi'āрi,
этого; пойдемъ имущество, я имѣю если, тебѣ я покажу", сказавъ,

ҫ̇аlер kрiшезӑҫ.
юношу повелъ.

Переводъ.

У одного бѣднаго человѣка была пара быковъ; съ быками онъ нанимался на работу и этимъ кормилъ свою семью. Однажды случилось, что его быки во время тяжкой работы въ полѣ выбились изъ силъ и тутъ же пали. Тогда бѣднякъ попросилъ старшаго пахаря, чтобы онъ отпустилъ его на три дня домой и не нанималъ бы другого до истеченія этого срока. „А послѣ этого, если не вернусь, дѣлайте, что́ хотите" добавилъ старикъ. „Хорошо!" сказали другіе пахари и отпустили бѣднаго старичка. Въ это время жилъ-былъ добрый дворянинъ, который, по добротѣ своей, пріютилъ осиротѣвшаго мальчика, княжескаго рода. Старикъ отправился къ пріемышу этого добраго дворянина и сказалъ: „Дай мнѣ пару быковъ, а я скажу тебѣ три слова, которыя тебѣ пригодятся на всю жизнь!"—„Хорошо, скажи, я тебѣ дамъ пару нужныхъ тебѣ быковъ!" сказалъ пріемышъ дворянина. „Слушай же", сказалъ бѣдный старикъ: „эти три слова слѣдующія: „на брюнеткѣ съ сѣрыми глазами не только не женись, но и не позволяй жениться тому, кого ты любишь",—это одно слово; „не брезгай

чужимъ хлѣбомъ-солью, кто бы ни былъ тотъ, кто тебѣ предлагаетъ!“—это второе слово; „за чужой женой не волокись, кто бы ни былъ ея мужъ!“—это третье слово. И такъ, если ты будешь строго держаться этихъ словъ, то они тебѣ пригодятся въ жизни: выручатъ они тебя изъ бѣды и ты цѣлъ останешься!“ прибавилъ старикъ. „Хорошо, старина, я не забуду твоихъ добрыхъ словъ и, если Богъ позволитъ, всегда буду строго ихъ придерживаться!“ сказалъ юноша и отпустилъ старика, подаривши ему пару быковъ. Старикъ съ парою воловъ возвратился на пашню.

Юноша продолжалъ жить у своего пріемнаго отца. Случилось такъ, что у него умерла жена. За вдовца стали сватать красивую дѣвушку; тогда пріемышъ поѣхалъ посмотрѣть дѣвицу, на которой хотѣли женить его пріемнаго отца. Когда онъ увидѣлъ ее, то не позволилъ своему аталыку (воспитателю) жениться на ней, такъ какъ она была брюнетка съ сѣрыми глазами. Но когда юноша былъ въ отсутствіи, отправившись въ наѣздъ на чужіе предѣлы, то семейство дѣвицы пристало къ дворянину, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ на ней женился. Отпраздновали свадьбу. По возвращеніи домой, юноша былъ очень недоволенъ случившимся и не пошелъ въ саклю, гдѣ была мать, но въ кунацкую, и оттуда послалъ въ саклю человѣка за вещами; но мать вещей не выдала и, отправившись въ кунацкую, сказала пріемному сыну слѣдующее: „Зачѣмъ не идешь въ саклю? Если у тебя умерла мать, то чѣмъ же я виновата? Да и я мать тебѣ. Иди и самъ забери, какія вещи тебѣ нужны!“—„Хорошо“, сказалъ юноша и пошелъ въ саклю. Пока юноша возился съ вещами и укладывалъ ихъ, жена аталыка выслала всѣхъ бывшихъ въ саклѣ людей и, оставшись съ пріемнымъ сыномъ наединѣ, сказала ему: „Я вышла за твоего отца, зная о томъ, что онъ очень старъ; но если онъ умретъ, то ты его единственный наслѣдникъ, и тебѣ достанется все его имущество; а потому давай,

будемъ жить какъ мужъ съ женою; я тебя буду любить лучше мужа и буду доставлять тебѣ всѣ удобства!“—„Не доведи Господь“, сказалъ юноша: „чтобы я сдѣлалъ то, чего ты желаешь, и этимъ причинилъ горе своему пріемному отцу!“ Не поддавшись на ея обольщенія, онъ ушелъ изъ сакли, но никому не сказалъ и слова о происшедшемъ. Послѣ этого онъ съ отцомъ пустился въ конный наѣздъ на сосѣднюю страну. Старику въ дорогѣ понадобились кое-какія вещи, за которыми онъ и послалъ домой своего пріемыша. Пріѣхавши домой, юноша пошелъ въ кунацкую, а оттуда послалъ человѣка за тѣми вещами, какія его отцу были нужны; но мать ихъ не отдала и, зайдя въ кунацкую, сказала: „Тогда я увлеклась, но теперь сознаю свою вину и каюсь; не дуйся на меня; приходи въ саклю, отбери вещи, за которыми тебя прислалъ отецъ, а когда погостишь у меня, то уѣзжай себѣ!“—„Богъ съ ней!“ подумалъ юноша: „если она сознала свою вину и кается, то и я ее прощаю и помирюсь съ ней!“ и пошелъ въ саклю. Пока юноша отбиралъ вещи, жена пріемнаго отца выслала людей изъ сакли и, повторивъ прежнее свое предложеніе, прибавила слѣдующую угрозу: „Сдѣлай угодное мнѣ, а не то —осрамлю тебя предъ всѣми: на тебя перестанутъ смотрѣть, какъ на человѣка!“—„Поступай, какъ хочешь; но не доведи Господь, чтобы я сдѣлалъ то, о чемъ ты говоришь!“ Лишь только сказалъ это юноша, женщина съ крикомъ стала рвать на себѣ одежду и выбѣжала на дворъ къ людямъ: „Воспитанникъ нашъ хотѣлъ меня изнасиловать и вотъ что̀ со мною сдѣлалъ!“ кричала она, указывая на порванную одежду: „будьте этому свидѣтелями; сейчасъ пошлите за моимъ мужемъ и приведите его сюда, а то я покончу съ собою!“ Послали гонца за дворяниномъ и, подъ предлогомъ: „есть, молъ, очень важное дѣло!“ привезли его. Слѣдуетъ сказать, что воспитанникъ хотя и пріѣхалъ раньше гонца, но ничего не сказалъ отцу-воспитателю о случившемся.

Когда дворянинъ пріѣхалъ домой, то онъ, не заходя въ кунацкую, пошелъ прямо въ саклю. Тамъ его встрѣтила жена въ разорванномъ платьѣ. Въ изумленіи онъ спросилъ: „Чтó съ тобою случилось?“ — „Мало ли чтó можетъ случиться?“ сказала жена, рыдая: „развѣ не видишь, что со мной сдѣлалъ твой воспитанникъ: когда ты его присылалъ за вещами, онъ хотѣлъ меня изнасиловать!“ — „Хорошо! если такъ, то онъ не уйдетъ отъ заслуженной кары!“ Сказавъ это, онъ позвалъ палачей и далъ имъ слѣдующее приказаніе: „Выройте глубокую яму и сожгите въ ней шесть возовъ дерезы. Когда утромъ, часовъ въ 10, придетъ кто-нибудь и спроситъ: „исполнили ли вы приказаніе господина?“ то, кто бы онъ ни былъ, бросьте его въ яму и сожгите!“ Объ этомъ своемъ приказаніи, данномъ палачамъ, дворянинъ сообщилъ женѣ, а затѣмъ опять уѣхалъ въ ту партію наѣздниковъ, откуда былъ вызванъ. Отдохнувъ съ дороги, онъ позвалъ къ себѣ воспитанника. „Отправляйся домой поскорѣе“, сказалъ онъ ему: „съ такимъ расчетомъ, чтобы завтра утромъ къ 10 часамъ быть на мѣстѣ и передай палачамъ слѣдующія слова: „исполнили ли вы приказаніе господина?“ — „Хорошо“, сказалъ юноша и отправился еще ночью, чтобы пріѣхать въ указанное мѣсто какъ разъ къ 10 часамъ. На разсвѣтѣ, когда онъ уже приближался къ аулу, встрѣтился онъ съ крестьянами, отправлявшимися въ поле пахать. Запрягши быковъ въ арбы, крестьяне закусили, выпили бузы и собирались тронуться съ мѣста. Они предложили юношѣ хлѣба-соли, но тотъ проѣхалъ мимо, не принявъ ихъ приглашенія, боясь, чтобы не опоздать къ назначенному времени; потомъ, однако, онъ вспомнилъ слова старика: „не проходи мимо хлѣба-соли, кто бы тебѣ ни предлагалъ, не поѣвши“; онъ подумалъ себѣ: „не побрезгаю ихъ хлѣбомъ-солью!“ и вернулся назадъ. Пахари сильно обрадовались, достали пшенный хлѣбъ *),

---

*) Особымъ образомъ и только для полевыхъ работъ приготовляется пшенный хлѣбъ большими плоскими кругами, рад. въ 1 арш. *Авт.*

бузу и стали угощать гостя. Угощали они юношу до тѣхъ поръ, пока онъ не охмѣлѣлъ и не заснулъ. Пахари не стали его будить, сказавши: „самъ проснется!“, стреножили коня и уѣхали пахать въ поле.

Юноша, не просыпаясь, спалъ до обѣда. Проснувшись въ полдень, онъ вспомнилъ, что его посылали съ порученіемъ, а потому вскочилъ на коня и поскакалъ въ аулъ, гдѣ въ указанномъ мѣстѣ спросилъ палачей: „исполнили ли вы сегодня утромъ, въ 10 часовъ, то, чтó было приказано господиномъ?“—„Ей Богу, не знаемъ, давалъ ли господинъ еще какое-нибудь другое приказаніе, но только въ сегодняшнее утро, въ 10 часамъ, велѣно намъ было приготовить глубокую яму и сжечь въ ней шесть возовъ дерезы; затѣмъ приказано было бросить въ эту яму того, кто придетъ первый съ вопросомъ: „исполнили ли вы приказаніе господина?“ Поэтому, когда сегодня утромъ его жена первая пришла съ вопросомъ: „исполнили ли приказаніе господина?“, то мы ее схватили, бросили въ раскаленную яму и сожгли!“ Послѣ этихъ словъ палачей юноша догадался о коварномъ умыслѣ пріемнаго отца, по настоянію негодной его жены, и сказалъ съ радостью: „Безбожная! Слава Богу, попала сама въ яму, которую вырыла для меня! Богу угодно было, чтобы я восторжествовалъ надъ нею!“

Потомъ онъ рѣшился не возвращаться домой. „Если такъ“, подумалъ юноша: „то я не буду жить съ аталыкомъ, который хотѣлъ меня погубить!“ и уѣхалъ въ чужіе края; онъ утѣшался мыслью: „Чтó Богомъ предопредѣлено, то и должно случиться!“

Долго ли ѣхалъ юноша, коротко ли, это одному Богу извѣстно; но только, изнывая отъ утомленія и голода, онъ очутился въ безпредѣльной степи. Въ этой степи, безлюдной и мертвой, онъ сталъ осматриваться кругомъ, не видно ли гдѣ-нибудь человѣческаго жилья: вдали онъ увидѣлъ какую-то

черную точку. Онъ направился туда, надѣясь тамъ найти пріютъ, чтобы поѣсть чего-нибудь и отдохнуть, такъ какъ онъ былъ сильно изнуренъ дорогой. Черная точка эта оказалась изгородью изъ дерезы, которой былъ обведенъ большой бѣлый домъ. Когда юноша подъѣхалъ къ изгороди, онъ слѣзъ съ коня, привязалъ его къ коновязи, а самъ зашелъ въ домъ, говоря: „здравствуйте!“ На его привѣтствіе отвѣчала такимъ же привѣтомъ, приподнявшись со своего мѣста, дѣвица-красавица, которая одна только сидѣла во всемъ домѣ, и радушно прибавила: „милости просимъ, заходите!“ Юноша отвѣчалъ вѣжливо, какъ это принято: „покорно благодарю“, но сейчасъ же добавилъ: „Ѣсть хочу; дай поѣсть, если есть что-нибудь съѣдобное!“—„Конечно, есть!“ сказала красавица, достала бузы и всякихъ закусокъ и стала потчевать проголодавшагося юношу. Утоливъ голодъ, юноша сказалъ: „Я страшно усталъ: хочу немного вздремнуть; нѣтъ ли какого-нибудь тѣнистаго мѣста, удобнаго для отдыха?“—„Развѣ здѣсь не тѣнь?“ сказала дѣвица: „къ чему искать лучшей тѣни для отдыха; отдохни здѣсь!“—„Не приведи Богъ, чтобы я, отдыхая у тебя, возымѣлъ какое-нибудь грѣшное желаніе; ты должна быть утѣшеніемъ тому, кому Богомъ суждена!“ отвѣчалъ юноша. Но съ этимъ дѣвица не согласилась. „У меня нѣтъ мужа“, настаивала она: „я еще невинная дѣвушка; мнѣ нуженъ мужъ: будь моимъ мужемъ!“—„Нѣтъ, я не могу повѣрить“, сказалъ юноша: „чтобы ты не была замужемъ; не можетъ этого быть!“—„Вотъ мужъ, которому я отдана по волѣ Божьей“, отвѣтила дѣвица: „онъ тамъ спитъ, закутавшись въ одѣяло!“ Съ этими словами она приподняла одѣяло и показала спящую лягушку огромныхъ размѣровъ. „На что̀ она мнѣ годится?“ прибавила она.—„Хотя бы и такъ! Если ты имѣешь сопругомъ лягушку, то это твое такое счастіе, ниспосланное Богомъ. Правда, это незавидная доля; но упаси меня Богъ даже и въ мысляхъ возымѣть какое-нибудь нечистое желаніе!“ Съ

этими словами юноша хотѣлъ уйти, но дѣвица бросилась на него и не хотѣла его выпустить изъ дому. Тогда юноша схватилъ ее сзади за косу и сталъ трепать и бить плетью. Въ это время кожа лягушки лопнула и оттуда выскочилъ юноша-красавецъ, съ саблей въ рукѣ; низко поклонившись гостю, онъ сказалъ: „Спасибо за то, чтó ты мнѣ сегодня сдѣлалъ! Эта негодница своимъ поведеніемъ сбивала всѣхъ заѣзжихъ съ толку, а когда дѣло уже доходило до грѣха, то, по волѣ Божьей, трескалась кожа лягушки: я оттуда выходилъ въ томъ видѣ, въ какомъ ты меня сейчасъ видишь, и убивалъ несчастныхъ. Такимъ образомъ я убилъ столько, что до ста не хватало еще одного. Но сегодня мнѣ попался любимецъ Бога: тебя не могла она соблазнить и этимъ, какъ видно, ты меня избавилъ отъ Божьей кары, которая лежала на мнѣ. Спасибо тебѣ! Я готовъ за тебя пожертвовать своею жизнію и сдѣлаться для тебя, чѣмъ угодно: другомъ или братомъ! Пойдемъ, я покажу тебѣ мой домъ и мои владѣнія!“ Съ этими словами онъ увелъ юношу къ себѣ.

〰〰〰〰〰

3. Жалкій бродяга однимъ махомъ побиваетъ больше тысячи.

Ззы тһ̱амыҫ̓ке ҕогумк̓е к̓оре пет; зыҕепск̓ыно псым
Одинъ бѣдный по дорогѣ идя продолжаетъ; купаться въ рѣку

ҫыдеһ̱ем, јі-гебеҕур ҫым хісері, бӡапем
тутъ свернулъ когда, свою (длинную) палку въ землю посадивши, на горѣ

ka̓ʼтрінāт; ззы шӯ ҕогурык̓о біек̓о гебеҕур хесāо ҫы-
зарылъ было; одинъ верховой дорожный, проѣзжая, палку воткнутую тамъ

љаҕум, јҕеҫ̓аҕорі јепсыхрі псым депљāҫ; ҫыдепљем
увидѣлъ когда, удивившись (и) слѣзши, въ рѣку заглянулъ; туда посмотрѣлъ когда,

зыљ̓ ц̓е јук̓јо десо јљаҕуāҫ; ҫыљаҕум ҫ̓енек̓аље
одного человѣка, вшей убивая, сидя, увидѣлъ; тамъ увидѣлъ когда, посмѣшищемъ

јҫ̓рі љ̓ы тһ̱амыҫ̓кем јі-гебеҕӯ kӓхык̓рі, теры̓упсык̓рі,
сдѣлавши, человѣка бѣднаго палку вытащивши (и) оттесавши,

jірытхāç: „Ззе′ оꝿом мын пљыç јеʼукі Бзеге-батыр“
написалъ: „Однимъ ударомъ тысячу восемьдесятъ убиваетъ Бродяга-богатырь“

жыʼаго; çытерытхем јі-ꝿогў јірікожāç. Ӂызыр
говоря; тамъ написалъ когда, по своей дорогѣ поѣхалъ. Старикъ

kāçыдекызым јі-баш гуљымытехо ꝿогум теꞫарі
оттуда вышелъ когда, (на) свою палку вниманія не обращая, на дорогу нанесши,

језезāç. ТꞫамыçкер коре мыжаљe çыхум, ззы һуне
отправился. Бѣдный, идя, голоднымъ тутъ дѣлался когда, одинъ домъ

хузышхо јізаkо губꝿом јіто çыљаꝿум јеколљāç. Һу-
бѣлый большой одинокій въ степи стоящій тамъ увидалъ когда, подошелъ. Въ

ноў зеколљāм ззы цыхў дестекāм, ззы хыгебз
домѣ, къ которому подошелъ, (ни) одинъ человѣкъ сидѣлъ не, одной дѣвушки

заkо мыхуме. Һа хыгебзыр зешыбІым јі-шыпхут, нере наб-
одинокой кромѣ. Эта дѣвушка братьевъ семи сестра была, глаза и бро-

зере зытетым анāх дахет. ТꞫамыçкер сереім
ви властвуютъ когда, всѣхъ больше красивая была. Бѣдный, къ оградѣ

çыбꝿедеꞫāм јі-гебеꝿур кобзем-јідеі хесері, һунем çеꞫāç
тамъ подошелъ когда, свою палку воротъ у воткнувши, въ домъ вступилъ

хыгебз дахем-јідеі. ТꞫамыçкер çыçеꞫāм, хыгебзым јгу-kā-
дѣвушкѣ красавицѣ къ. Бѣднякъ туда вступилъ когда, дѣвица сочув-

çеꝿурі дахе kāжріʼāç, јікі јіріꝿеблаꝿері јіріꝿешхāç,
ствіе оказавши, ласку сказала, и еще (къ себѣ) пригласивши, накормила (и)

јіріꝿефāç. ТꞫамыçкер çысо, межурері кобзем-јідеі çы-
напоила. Бѣдный сидя, послѣ того какъ пика воротъ у тамъ

хесāо зешыбІым анāхызыр kāсызāç. Kāçысызым кодо
воткнута, изъ братьевъ семи старшій прибылъ. Туда прибылъ когда, очень

хуçо жіʼāç: „Мы, kolебзу ззы дыдемыꞫафым,
сердясь сказалъ: „Это, птицы (ни) одни куда къ намъ пробраться не могутъ,

kаkо јі-гебеꝿу кобзем kāхезысāр хет?“ Јітане гебеꝿум бꝿеды-
приходя свою палку у воротъ воткнувшій кто?“ Потомъ, къ палкѣ подой-

Ɜері јітхым çегем кодо шынері јікі мыгубзыжо
дя, что написано прочиталъ когда, очень устрашась и (больше) не сердясь,

јі-ʼаçі зыдехрі, Ɜаçем-јідеі корі фехус јіріхāç. Фехус
свое оружіе съ себя снявши, гостю къ идя, привѣтствіе отдалъ. Привѣтствіе

çыраххмі ḫaçемі ззы зыḃeẋejākāм. Jiтане çaleр ji-
отдано было когда, гость (ни) одно шевельнулся не. Потомъ юноша (у) своей

шыпхум je'упçāç: „мыр теке kākре, хет çыç" жі'āрі; „cçe-
сестры спросилъ: „этотъ откуда идя, кто есть" сказавши; „я знаю

kāм!" жі'āç ẋыгебзым. Jiтане çaleм жі'āç: „Мыбы ji-гебеḃу
не!" сказала дѣвица. Потомъ юноша сказалъ: „(На) этого палкѣ,

кобḓем 'утым jiтхāç: „Бзеге-батыр ззе оḃом мин пљыç
у воротъ стоящей написано: „Бзеге-батырь однимъ ударомъ тысячу восемь-

je'укі" жы'аго; „jiнте hap'аме, зыбеlыḫо kāçeкынç" жі'āç
десять убиваетъ" говоря; „такъ оно если, головорѣзъ окажется" сказала

ẋыгебзым. Абы хето, hадреі jiшыр kāсызāç. Kāçысмыḓым
дѣвица. (Въ) томъ находясь, другой ея братъ прибылъ. Туда прибылъ когда,

абы ẋуçо kāpiḃеḓā-cḫаке башым jiтхāм çегем, 'увы-
этотъ сердясь началъ хотя, на палкѣ написанное прочиталъ когда, пере-

аḓрі какорі celaм ḫaçем kāpiхāç. Ћадреі зешнеẋы-
ставши (и) придя, привѣтствіе гостю отдалъ. (И) другіе братьевъ млад-

çетхурі зоріẋуāç hа наẋыḓытим ходеç. Зешнаẋыḓыбlыр
шихъ пять стали эти старшіе оба подобно. Братьевъ старшихъ семь

жешым зе'ыçеḓрі ji-ḫaçем љытеныḃе ji'аў jiḃеḫaçāç; jiуḓке
ночью собравшись, своего гостя, почетъ имѣя, угостили; потомъ

пçедыгыḓым ḓем мыкохеме ẋунотекāм, ḫaçем celaм
утромъ на войну не отправиться если, было нельзя, гостю прощаніе

kāрāхрі hунемі kāранері ji'açi, jiфаçi, jiшы зе-
отдавши, въ домѣ оставили свое оружіе, свою одежду, свою лошадь пе-

рахокрі ḓем коç. Зешыбlыр ḓем çеḓем,
ремѣнивши, на войну ѣдутъ. Братьевъ семь на войну отправились когда,

ẋыгебзыр kāçeкрі, çыhунем шы пçеḃоlе дахе kāçышрі
дѣвица вышла, изъ конюшни лошадь бѣлую красивую оттуда выведши,

уане дысеке çеḃенāо тріљḫāрі, hунем çеḫаḓрі, љы
сѣдло золотомъ покрытое положивши, въ домъ вернувшись, мужскимъ

çыḃынке зыхуапері, 'аçе kāздыљḫāрі, kāçeкыḓрі, шым шеçрі
платьемъ одѣвшись, оружіе надѣвши, выйдя, на лошадь сѣвши

jeорі хеḫаḓāç тḫамыçкер hунем kāдынері.
(и) ударивши, отправилась, бѣднаго въ домѣ оставивши.

кꙍоре ȝем ҁинесим, мишур kӓздикӓр,
Ѣдучи на войну, мѣста достигла когда, этотъ верховой откуда пріѣхалъ,

jімиҁо kӓпљо, jіꙋеҁаꙋоре, зиҁипеке дехрі немєз рекеꙋатит
не зная, смотря, удивляясь, въ одно мѣсто свернувъ, намазъ ракагата два

jіҁрі, ȝем jіхиꙋӓрі, љеріҁикир jіхіљꙋӓҁі; jезим
сдѣлавши, въ войско углубившись, разгромивши, суматоху произвелъ; сама

ззи lазе-jемико кахеҁізрі kӓкоȝре пет; зешиб-
(ни) одно дѣло не идя, выбѣжавши, (онъ) возвращаясь продолжаетъ; братьевъ

lим анӓхиȝим: „зиҁиҁир зезꙋеҁеноҁ“, жі’ӓрі, jішабзе kӓзе-
семи старшій: „кто онъ, я узнаю“, сказавъ, свой лукъ на-

’уљꙋарі, kӓҁикељном jі’а, шхомиlакер зері’иꙋим,
ведши, пустилъ (стрѣлу) когда (въ) его руку, возжи держалъ когда,

kӓзибхерізӓҁ. Шем jікі jіҁꙋі ҁехо kӓпиҁикрі, kӓ-
тебѣ пронзилъ. Стрѣлы (конецъ) и ея головку скоро отдернувши, вы-

хехиȝрі, бlатовке бидо kӓпхеȝрі kӓкоȝӓҁ jідеі. Kӓҁиȝим,
тащивши, платкомъ крѣпко перевязавши, вернулась домой. Пріѣхала когда,

jі’ар дахо jіпхері ’аже фиљꙋаȝӓҁ jі-
свою руку красиво перевязавши, перчатки изящно перчатки надѣла, (такъ) что-

миҵихухено. Jуȝке lенистер jіҁтері тꙋамиҁкем jі’ам зекоҵи-
бы не узнать. Потомъ, ножницы взявши, бѣдному руку развере-

ріхрі, љипсир пежо, jіꙋетиҁиȝӓҁ.
дивши, кровь-ручей взаправду, (его) посадила.

Зешибlир kӓсиȝӓо, моби j’ар ҁаљаꙋум хигебзим
Братьевъ семь пріѣхавши, его руку тамъ увидали когда, у дѣвицы

jе’упҁӓҁ: „Сит диꙋаҁем kӓҁиҁар?“ жа’ӓрі. „Сҁеkӓм“,
спросили: „Что съ нашимъ гостемъ случилось?“ сказавши. „Я не знаю“,

жі’ӓҁ хигебзим: „нобе ффе фиҁидекӓ-неhуȝим,
сказала дѣвица: „сегодня, вы вы отсюда выѣхали послѣ того когда,

kӓзељe’урі шиi, уані, сиꙋині сихрі декрі мего
(онъ) попросивши у меня лошадь, сѣдло, одежду взявши, выѣхавши такимъ

kӓкоȝӓо ҁиҁ“.— „Alleh, Alleh! hар дде kӓтҁӓҁ: темашо,
вернувшись сидитъ“. — „Боже, Боже! это мы узнали: дѣйствительно,

jігебеꙋу jітхӓм—тет-ҁ!“ жа’ӓҁ зешибlимик: „Но-
(на) его палкѣ что написано—(это онъ) есть!“ сказали братьевъ семь и: „Се-

бе зем нахеḫарі kӓзднкӓрі jіммс́о знс́мнеке
годня въ войско въѣхавши, (онъ) ѣдетъ откуда, не зная, въ одну сторону

дехрі немез рекеђатиты kӓс́рі, kашесиз̧рі kезеу-
завернувши, намазъ ракагата два сдѣлавши, сѣвъ на лошадь снова, по-

атыр кодо ф̓но kӓс́рі, бнімі ззи kаçнмиђениз̧ӓо
зоевать очень хорошо сдѣлавши, врага (ни) одного тамъ не пощадивши,

језнмн laз̧е-јемнk̓ӓо kӓхеk̓із̧рі kӓk̓оз̧-çих̓ум: „зн-
самъ дѣла не дошедшій (невредимый) выѣхавши, ѣхать сталъ когда: „кто

çнç зезђес́ен!“ жнс’ӓрі, сі шабзе зн’усж̓ḫӓрі сикӓкељнӓті
онъ, узнаю!“ я сказавши, мой лукъ наведши, я пустилъ вслѣдъ было

ḫар’аç знḫу’ӓр. Бнірик̓ мнбн ḫаlek̓ jіхілъḫам,
это (стрѣлу) его ранившую. Врагъ и этимъ увѣчіемъ, которое положено,

jіђегуз̧ері ’ук̓из̧ӓç“, жі’ӓç нӓх̓из̧им.
испугавшись, ушелъ“, сказалъ старшій.

Абн јуз̧ве зешиблим х̓ибарншхо jіђоуӓç, jіḫас́ем љ̓и-
Этого послѣ братьевъ семь вѣсть большую разгласили, ихъ гостя хра-

ђеў хељир, jішипх̓у зakopі jіратӓç фнзо.
брость проглядываетъ какъ, свою сестру единственную (ему) дали въ жены.

Ḫаоре тḫез̧о псоо, псомі с́еḫ kӓхуӓс́о, kӓçишино:
Такъ блаженно живя, всѣ почести ему дѣлая, тамъ боясь его:

„оі, оі, Бзеге-батир ззе ’ођом мин п̓љис́ jеḫук̓!“
„ай, ай, Бзеге-батырь однимъ ударомъ тысячу восемьдесятъ убиваетъ!“

хужа’аў, љ̓и церио х̓ўо, ззи жиlе з̧е ka-
про него говоря, человѣкъ знаменитый ставши, одно селеніе войско при-

k̓орі kӓђољ̓иљӓç, днмиђеk̓из̧о, днмиђепљ̓из̧о,
шедши окружило, оттуда не позволяя выходить, оттуда не позволяя смотрѣть,

kаlем декир j’ук̓о. Жиlем jіс́ен jіммс́ез̧о, бнјім
за ограду выходилъ кто, убивая. Селеніе дѣлать (что), не зная, врага его

ji-kapў пемиlеçинке гуђо çих̓ум, нӓх̓ љ̓и псḫапенхер
силѣ противиться какъ, думать стали когда, больше мужей достойныхъ

хахрі, ззе ’ођом мин п̓љис́ знḫук̓ Бзеге-батир-
выбравши, однимъ ударомъ тысячу восемьдесятъ (что) убиваетъ, Бзеге-батырю

јдеі жиlем ḫас́е знхуас́из̧ино jіђеkуӓç. љ̓иk̓охер çи-
къ въ селеніи гостемъ для нихъ сдѣлаться послали. Посланные туда

несим Бзеге-батырим jі-ҫикхем јелье'уāҫ: „ффі маљ-
прибыли когда, Бзеге-батыря у его шурьевъ попросили: „вашего зятя

хер невђакоу; ми бмі кăтхокуăм, jібеlиђим
вы пошлите; этого врага, пришелъ къ намъ который, (отъ) его несчастій

дихевђеђекинке, зерижиllо hаҫе зиф-
намъ далъ выпутаться какъ, (всѣмъ) между собою селеніемъ гостемъ вамъ

худоҫиз!" жа'āрі; „дди маљхер де жит'ам, кăде'ункăм,
дѣлаемся!" сказавши; „нашъ зять мы скажемъ тебѣ что, послушаетъ не,

жит'анкик дихуткăм; hао дди шипхум дилье'унҫі
тебѣ говорить и намъ подлежитъ не; но нашу сестру мы попросимъ,

кăтхудеме, дди насипҫ", жа'āҫ. Зешибlим jі-шипхум
захочетъ если, наше счастье есть", сказали. Братьевъ семь своей сестрѣ

жа'āҫ жиllер гузевеђоу зихетирі лье'уако Бзеге-батир-
сказали, селеніе, (въ) тревогѣ участвуетъ которое, проситъ Бзеге-батырю

jідеі кăзерику'āр. Jішипхум кăђегуђāҫ jільим jі-jіхолье'уно
къ пришли что. Ихъ сестра обѣщалась у своего мужа у него попросить,

hамаl зерихельимке кадеђи'апикуно. Jі'уҙке ззи
средствомъ, для человѣка возможнымъ, заставить помочь. Потомъ въ

махо jішипхур какорі кажрі'āҫ jішхем Бзеге-батир
одинъ день ихъ сестра пришедши, сказала своимъ братьямъ, Бзеге-батырь

коно; зиржжі'āрі, зеридезекономкі hунафе бмде
пойдетъ что; сказавши, съ нимъ обходиться какъ, приказанія крѣпко

кăахуҫāҫ: „фзеридезеконер мир'аҫ", жі'āрі кажрі'āҫ:
имъ сдѣлала: „вамъ съ нимъ обходиться такъ есть", сказавши, разсказала:

„Бзеге-батир тао зиҫми зифҫми фихоіҫ".
„Бзеге-батырь, какъ бы представлялъ ни, представлять вы должны есте".

hе-самир здамише хунотекăмі, hарі шипҫеке
Собаку-моську съ собою не повезти нельзя было бы, (и) его лошади шеей

jіҫтері jіhāҫ. Jітане језен-ҫихум, зешибlимі неђоҫ
взявши, понесли. Потомъ отправляться оттуда сталъ когда, братьевъ семи кромѣ

цихемі зађеhезирі Бзеге-батирі хоре-хако карем уане
люди приготовившись, Бзеге-батырю (на) жилистаго жеребца вороного сѣдло

хутиражhарі жиllем кăђотиљā зем језеуоно 'уохеҫ.
для него положивши, селеніе обложенное войскомъ, воевать поѣхали.

ӡем jiӡунеӡуо ҫынесым, jепсыхахеҫ ӏекў
Къ войску близко туда пріѣхали когда, слѣзли съ лошадей немного

шхен-ḫо. Бзеге-батыр jiӡомыӏе kаҫтāо jiшхым,
поѣсть чтобы. Бзеге-батырь, свой провіантъ, достали который, и онъ ѣлъ когда,

ҫыҫ ӏекў ḫе-самырым ҫыритым, псомі jiӡомыӏем
часть немного собакѣ-моськѣ тамъ отдалъ когда, всѣ изъ своего провіанта

ҫыҫ kаҫтері самырым kратāҫ, ḫам хомышхре пет.
часть взявши, моськѣ отдали, собака не мочь съѣсть продолжаетъ

Здепсыхам ӏекў ҫышхері шесыӡрі, ззы
(хотя). Гдѣ слѣзали, немного тамъ поѣвши, сѣвши верхомъ снова, (ни) одинъ

ӏекў jiкуо наӽрі ӡем jiӡунеӡу kāҫыӽум, ḥаргоро
немного ѣдучи, еще болѣе къ войску близко стали когда, опять

kāпсыхыххері Бзеге-батыр ӏщенабзо зыӏеҫрі ӏце
слѣзши съ лошадей, Бзеге-батырь голымъ тебѣ совсѣмъ раздѣвшись, вшей

jепљо ҫыхоӡем, псомі заӏеҫрі ӏце jепљоу хоіӡāхеҫ.
смотря тамъ сталъ когда, всѣ раздѣвшись, вшей смотрѣть начали.

Ӏце jепљо зызаḥуӏре ҫысāо Бзеге-батыр ӏщенабзо
Вшей смотря, нѣсколько и посидѣвъ, Бзеге-батырь голымъ тебѣ совсѣмъ

kāзҫылъетрі хоре-ӽако kарем зырыӡрі, ҫыҫепӽоӡым,
вскочивши съ мѣста, (на) жилистаго жеребца вороного вскочивши, ускакалъ когда,

ḥадрехері kāзҫылъетрі, ӏщано шыхем зыраӡрі, Бзеге-батыр
другіе и съ мѣстъ вскочивши, голыми на лошадей вскочивши, Бзеге-батыря

ji-'уӡ jiто ҫепӽоӡāхеҫ. Бзеге-батыр жеоре шшым kāрыӡы-
по его слѣду стоя, поскакали. Бзеге-батырь скача, лошадь сбросить

хынкe шыне ҫыӽум ззы ӡыг ҫыӡырто ӡыг kудамер
какъ, бояться тамъ сталъ когда, одно дерево мимо летя, дерева вѣтку

j'убыдо, шшыр зыҫыӡежо, jезым ззы kāӡенен jiмурадā-
схватывая, лошадь мимо скакать заставляя, самъ одно оставить думалъ

сḫеке, мыӽо, kудамер kāгуҫыкрі зері'ыӡо хеḫажāҫ, жерзе-
хотя, не случаясь, вѣтку отломивши, держа, поскакалъ, скачущій

пыто. Ḥадреі ji'уӡ jiто, жехем: „ḥа kудамер
постоянно. Другіе (по) его слѣду стоя, летѣли которые: „эту вѣтку

jезым хоjо kāҫтā!“ jiҫеҫрі, kудамешхо зырыз kāпаҫыкрі,
самъ, нуждаясь, взялъ!“ подумавши, вѣтви большой по одной отломивши,

Бзеге-батыр кежисепхожāç. Бзеге-батыр jiпе-
(за) Бзеге-батыремъ слѣдомъ мчась поскакали. Бзеге-батырь ихъ впереди

jiто псорі ііцанехо кудамешхохері jі'ныо, жехоре, kalем jiѣу-
стоя, всѣ голыми вѣтви большія держа, скача, города близ-

неѣу хуāхоу, kalем kāдесысыкрі зыш kāсысысим,
ко ставши, изъ города заржавши, одна лошадь тамъ заржала когда,

хоре-хако Бзеге-батыр зытесыр, шибзыр kāзде-
жилистый жеребецъ, Бзеге-батырь сидѣлъ на которомъ, (за) кобылой, заржала.

çесамке jiѣазері, kalем kāiçекā серејім jежāç зерн-
откуда, повернувшись, крѣпости устроенный заборъ перепрыгнулъ съ всад-

зетесо. „Бзеге-батыр jiçāр дерi дисеноç!" жа'āрі
никомъ на немъ. „Бзеге-батырь, сдѣлалъ что, мы и мы сдѣлаемъ!" сказавши,

hадрехері кесо кудаме беlецешхохер jі'ныо кежежāç.
другіе, коротко вѣтви мохнатыя большія держа, перепрыгнули за нимъ.

зео kalем десāм мо іщене шухер kāсажаѣум зы
Войска, въ крѣпости бывшія, этихъ голыхъ верховыхъ увидали когда, одна

беlыh дидем хуаѣадері kalер kaѣанері стері jiѣе-
кара важная (въ умѣ) сравнивши, крѣпость оставивши, испугавшись, вер-

зеѕрі kāздыкāм козāç. hар jikāтехіко, быім
нувшись пришли откуда, убѣжали. Такимъ образомъ пойдя, врагомъ

jiçтā сыhарі kафысте̨зāç Бзеге-батыр. Jiтане зыздатесāм
занятый городъ вамъ отнялъ опять Бзеге-батырь. Потомъ раздѣлись гдѣ,

kашезрі зыраѣехопезрі, çеhашхо jі'аго jiде kа-
приведши снова, заставивши одѣться снова, почетъ большой имѣя, домой при-

шезāç жиlleу зышāм.
везло снова общество, (его) увозило которое.

Жиlleм беlыh jiтріхрі, ji-hунем kāсытысhа-
(Съ) общества несчастье снявъ, въ своемъ домѣ тамъ сѣлъ снова

зāм, не'уз код мисео, неѣоç зы куазе лыко kāхуаѣе-
когда, послѣ много не прошедши, другой одинъ аулъ пословъ заставили

коāç. Лыко куазем kaѣекуāм жа'āç мыр'аç: „Ди
прійти. Послы, ауломъ были посланы которые, сказали это есть: „(На) нашей

куазе сыгум зы копаçе kāхуhāсы; дызерыѣекозыркāм: цы-
аульной землѣ одинъ кабанъ появился; намъ даетъ ходить не: чело-

хӯ деймы бlым деймы, kähуkыр jезыр дде тхо-
вѣкъ, выйдетъ если, скотина выйдетъ если, убивающаго самого мы мы

hуkырkäм; Allehым hyi неф kätçыђахо;
·(можемъ) убить не; Богъ твой взоръ добрый да на насъ тамъ обратитъ;

зерыжыllео мы kопаçер тхоhуkынkе, дды цыкуі, дды
все общество сущее, этого кабана намъ убить какъ, наши малые, наши

jiнi диноlљеу". љыkоу käkор зелљеʼуäр
великіе мы (васъ) просимъ". Послами сущіе, пришли которые, просившіе

Бзеге-батыр jiçыkхер päтi, hа херi jiшыпхум jелљеʼуӡäç,
у Бзеге-батыря его шурьевъ были, тѣ они у своей сестры попросили,

ji-љыр зерыђеkонkе. Фызым käђегуhеç jiђеkоно. Бзеге-ба-
своего мужа послать какъ (бы). Женщина обѣщалась послать. Бзеге-ба-

тыр kон çыхум, hадре ʼаçе делљhäм немыçо,
·тырь ѣхать туда сталъ когда, другого оружія (на него) надѣтаго помимо,

ззы сешхо зеçелљыkäо сепе дыçеkе хедеkäм
одинъ ножъ большой умѣло наточенный, въ ножнахъ золотомъ шитыхъ

jiљо, kрытäç jiфызым. Бзеге-батыр шӯ
лежа (вложенный), (ему) отдала его жена. Бзеге-батырь, (изъ) верховыхъ

гупышхо çыђо jеӡерi, kоӡе kопаçер здеçыʼäм
компанія большая вмѣстѣ отправившись, аульный кабанъ находится гдѣ,

çынесым kом jikäхеkыпер, çеʼупçäç. kом jikäхе-
туда пріѣхали когда, кабанъ выходитъ откуда, спросилъ. Кабанъ, выходитъ

kыпер, käçжыраʼäм, Бзеге-батыр kуʼäç. kом цых jе
гдѣ, тамъ сказали когда, Бзеге-батырь пошелъ. Кабанъ человѣка или

hеjуʼан käљађуме käхеk хабзетi; Бзеге-батыр ʼуто çыља-
скотину видѣлъ если, выходитъ обыкновенно; Бзеге-батыря, стоя тамъ,

ђум, käхеӡäç зехыфытхен jiгуђо; hарçhе Бзеге-
увидалъ когда, выбѣжалъ, разорвать въ клочки думая; но Бзеге-

батыр kуlаі хохурi kом jiтхыце käхорi тесо jiтhаkу-
батырь удобно сдѣлавшись, кабану на спину попавши, сидя, его уха

мыт jʼыђо çепхоӡäç, жыllе зыљађум jiфеhаlемето:
два держа, поскакалъ, люди, видѣли которые, настоящее чудо сущее:

„Бзеге-батыр kом теkысhäрi, хеhаӡао käӡыh", жаʼäо.
„Бзеге-батырь (на) кабана сѣвши, ѣдучи бѣгаетъ", говоря.

Бзеге-батыр k̓ом тесо kӓрызыḫоре jiḫепçырi
Бзеге-батырь на кабанѣ сидя, бѣгая заставивши выбиться изъ силъ,

jiт̓ане ji-ззы тḫак̓уме ззы ’амк̓е ji’ыḫо, hадреi ззы ’амк̓е
потомъ его одно ухо одной рукой держа, другой одной рукой

сешхор kӓрыхрi, k̓опеçезыр kӓ̓фыбзā̧ç. k̓ор çыhук̓ā-
ножъ большой вынувши, кабана стараго тебѣ зарѣзалъ. Кабана тамъ убилъ

не’узым, ç̇ыḫышхор ji’аў jiдеi kашезрi, пçыḫорi
послѣ того когда, почетъ большой имѣя домой привезли, княжескую власть

kратрi, псоў т̓хезоў, жыllем kахенезā̧ç: „оi, оi, Бзеге-
давши, жить блаженствовать въ народѣ остался: „ай, ай, Бзеге-

батыр ззе ’оḫом мын ӣлыç̓ зыhук̓“, жа’āго.
батырь однимъ ударомъ тысячу восемьдесятъ убиваетъ“, говоря.

Переводъ.

Одинъ бродяга шелъ себѣ по дорогѣ и, изнывая отъ зноя, страшно усталъ. Желая освѣжиться, онъ рѣшился выкупаться въ рѣкѣ, которая протекала недалеко; но прежде чѣмъ спуститься съ берега, онъ воткнулъ въ землю свою длинную палку на мѣстѣ, возвышенномъ и замѣтномъ отовсюду. Проѣзжалъ мимо всадникъ и, увидѣвъ воткнутую палку, слѣзъ съ коня, чтобы узнать причину этого. Въ удивленіи оглядываясь кругомъ, онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ рѣка; тамъ увидалъ онъ мужчину, сидѣвшаго на берегу и убивавшаго вшей. Желая посмѣяться надъ нимъ, онъ вытащилъ палку изъ земли, немного оттесалъ, выровнялъ верхній конецъ и сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Бродяга-богатырь убиваетъ однимъ махомъ 1080!“ Потомъ онъ воткнулъ палку на свое мѣсто и поѣхалъ дальше. Выйдя изъ рѣки, нашъ нищій вытащилъ свою палку и, не обративъ никакого вниманія на надпись, пошелъ своей дорогой. Идя все дальше и дальше, онъ сильно проголодался. Къ счастью, онъ замѣтилъ большой бѣлый домъ, который одинъ только находился среди безпредѣльной степи. Онъ рѣшился войти туда. Въ домѣ томъ никого не было, кромѣ одной дѣвицы, сестры семи братьевъ; брови у

нея были шелковистыя, а глаза имѣли неотразимую прелесть; однимъ словомъ, она была писанная красавица. Подойдя къ дому, бѣднякъ воткнулъ свою палку у воротъ въ землю, а самъ зашелъ въ домъ къ дѣвушкѣ-красавицѣ. Когда она увидѣла бѣдняка, то сжалилась надъ нимъ, сказала нѣсколько ласковыхъ словъ, накормила его и напоила. Въ то время когда старикъ сидѣлъ въ домѣ, вернулся старшій изъ братьевъ; онъ замѣтилъ воткнутую у воротъ палку и, зайдя въ домъ, въ гнѣвѣ разразился слѣдующими словами: „Кто это могъ проникнуть сюда, куда нельзя пробраться и птицамъ? да и этого ему еще мало: онъ воткнулъ у воротъ свою палку!“ Сказавъ это, онъ съ негодованіемъ подошелъ къ палкѣ, но, прочитавъ надпись на ней, испугался, пересталъ сердиться и, снявъ оружіе, пошелъ, чтобы привѣтствовать гостя. Но старикъ на его привѣтствіе не обратилъ никакого вниманія и даже не пошевельнулся. Тогда юноша спросилъ у своей сестры: „Откуда онъ и кто онъ такой?“—„Не знаю!“ отвѣчала дѣвица. Затѣмъ юноша прибавилъ значительно: „На его палкѣ, воткнутой у воротъ, написано: Бэеге-батырь убиваетъ однимъ махомъ 1080!“—„Если такъ, то онъ навѣрное какой-нибудь необыкновенный храбрецъ!“ сказала сестра. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ слѣдующій братъ; онъ тоже началъ было сердиться, но, прочитавъ надпись на палкѣ, присмирѣлъ и пришелъ, чтобы привѣтствовать гостя, какъ этого требуетъ приличіе. Съ остальными пятью братьями случилось то же самое, чтó и со старшими братьями. Всѣ семь братьевъ ночью собрались и угостили гостя на славу. На слѣдующій день утромъ имъ предстояло отправиться на войну, и потому они переодѣлись, перемѣнили оружіе и лошадей и, попрощавшись съ гостемъ, остававшимся у нихъ въ домѣ, уѣхали всѣ вмѣстѣ. Но лишь только братья уѣхали, дѣвица вышла, вывела изъ конюшни бѣлаго коня, осѣдлала его золототканнымъ сѣдломъ и, зайдя въ комнаты, переодѣлась въ мужскую одежду. Въ блестящихъ

доспѣхахъ она сѣла на своего коня и, ударивъ его плетью, была такова. Нищій остался одинъ только во всемъ домѣ.

Когда она пріѣхала на поле битвы, то никто не зналъ, откуда взялся этотъ всадникъ; всѣ любовались его молодецкой посадкой. Всадникъ отъѣхалъ въ сторону, совершилъ намазъ въ два земныхъ поклона, а потомъ сталъ сражаться, бросившись въ средину свалки. Враговъ онъ разгромилъ и обратилъ въ безпорядочное бѣгство, но самъ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ уже собирался уѣхать съ поля битвы къ себѣ домой, когда старшій изъ семи братьевъ, желая узнать, кто этотъ всадникъ, натянулъ свой лукъ и пустилъ въ него стрѣлу. Пущенная стрѣла пронзила ему лѣвую руку, которой онъ держалъ поводья уздечки; но всадникъ въ одинъ мигъ отломилъ конецъ стрѣлы и, выдернувъ изъ руки, крѣпко накрѣпко перевязалъ руку платкомъ и поѣхалъ домой. Пріѣхавши домой, всадникъ-дѣвица хорошо забинтовала руку, а сверху надѣла перчатки, такъ что нельзя было узнать; затѣмъ она взяла ножницы и изрѣзала бѣдному старику руку; такъ онъ и сидѣлъ со своей рукой, изъ которой сочилась кровь.

По возвращеніи съ войны домой, братья сейчасъ же увидѣли бѣдняка съ окровавленной рукой и спросили у своей сестры: „Чтó случилось съ нашимъ гостемъ?“ Сестра отвѣчала: „не знаю, но сегодня послѣ вашего отъѣзда онъ попросилъ у меня коня, сѣдло и одежду и, взявши все это, куда-то ѣздилъ; затѣмъ онъ вернулся и вотъ тутъ такимъ и сидитъ!“ — „О, Боже! теперь-то мы его узнали: онъ дѣйствительно тотъ же самый храбрецъ, о которомъ было написано на палкѣ!“ закричали въ одинъ голосъ всѣ семь братьевъ. „Сегодня онъ пріѣхалъ на поле битвы“, сказалъ старшій изъ братьевъ: „но мы не знали, откуда онъ; отъѣхавъ въ сторону, онъ совершилъ молитву въ два земныхъ поклона, сѣлъ снова на коня и сразился такъ храбро, что уничтожилъ совсѣмъ непріятеля, но самъ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ собирался уже уѣз-

жать съ поля битвы, но я, желая узнать, кто онъ, натянулъ лукъ и, пустивъ стрѣлу, ранилъ его въ руку! Непріятель, устрашенный разгромомъ, который произвелъ въ его рядахъ незнакомый витязь, отступилъ, оставивъ насъ въ покоѣ!"

Послѣ этого, семь братьевъ разгласили по всему свѣту, какимъ необыкновеннымъ мужествомъ обладаетъ ихъ гость, и породнились съ нимъ: отдали свою единственную сестру за него замужъ.

Такимъ образомъ, онъ съ женою жилъ въ довольствѣ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ; народъ его боялся и говорилъ про него: „Бзеге-батырь убиваетъ однимъ махомъ 1080!" Однимъ словомъ, онъ сталъ знаменитымъ человѣкомъ! Тогда случилось, что одно селеніе было обложено со всѣхъ сторонъ непріятельскимъ войскомъ; нельзя было выйти изъ ограды, ни даже, какъ говорится, высунуть свой носъ оттуда: враги убивали всѣхъ жителей, попадавшихся имъ въ руки. Жители совсѣмъ растерялись; они не надѣялись своими силами отстоять свою свободу. Тогда они выбрали изъ своей среды людей самыхъ почтенныхъ и послали къ Бзеге-батырю, убивающему однимъ ударомъ больше тысячи, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою защиту. Когда посланные прибыли къ нему, то обратились къ шурьямъ Бзеге-батыря со слѣдующей просьбой: „Пошлите къ намъ своего зятя: на насъ пошелъ врагъ, который намъ причиняетъ много бѣдъ! Не можетъ ли зять вашъ насъ избавить отъ врага? Мы отъ лица всего населенія прибѣгаемъ подъ вашу защиту!" На это братья отвѣчали: „Зять насъ не послушается, да и сказать ему этого мы не посмѣемъ; но мы попросимъ сестру; если она согласится—наше счастье!" Братья сообщили сестрѣ о томъ, какое бѣдствіе претерпѣваетъ селеніе, и что жители прислали за Бзеге-батыремъ. Сестра обѣщалась попросить мужа, чтобы онъ помогъ имъ, чѣмъ только можетъ. Черезъ день сестра пришла къ братьямъ и объявила о томъ, что Бзеге-батырь обѣщался пойти. Она дала

наставленіе, какъ обходиться съ нимъ: „Вы должны во всемъ ему подражать“, сказала она: „дѣлайте то, что̀ онъ будетъ дѣлать!“

Они сочли нужнымъ захватить съ собою собачку-моську, и повезли ее на лошади. Когда наступило время къ выступленію, для Бзеге-батыря осѣдлали вороного чудо-коня (изъ породы—alп). Онъ выѣхалъ въ сопровожденіи шурьевъ и другихъ всадниковъ на войну съ непріятелемъ, осаждавшимъ селеніе. Когда они приблизились къ войску, то слѣзли съ лошадей, чтобы немного закусить. Закусывая, Бзеге-батырь бросилъ собачкѣ кусочекъ изъ того, что онъ ѣлъ, и всѣ его спутники сдѣлали то же самое: бросили моськѣ по кусочку, хотя собачка и не могла всего съѣсть. Закусивши, снова сѣли и поѣхали; когда уже подъѣхали совсѣмъ близко къ непріятельскому лагерю, опять слѣзли съ коней, а когда Бзеге-батырь раздѣлся донага и сталъ искать вшей въ одеждѣ, и другіе сдѣлали то же самое. Посидѣвъ немного надъ этимъ занятіемъ, Бзеге-батырь быстро поднялся, вскочилъ голымъ на своего вороного чудо-коня и понесся во весь духъ; другіе, подражая ему, сдѣлали то же самое: вскочили голые на коней и понеслись за нимъ. Несясь во весь опоръ, Бзеге-батырь, боялся упасть съ лошади и потому хотѣлъ схватиться за вѣтвь дерева, подъ которымъ онъ долженъ былъ проскочить, такъ чтобы коня пропустить межъ ногами, а самому остаться на вѣткѣ, и этимъ спасти себя отъ паденія. Но его предположеніе не оправдалось: вѣтка не выдержала его тяжести и, отломившись, осталась въ рукѣ быстро несущагося Бзеге-батыря, отчего конь понесся еще съ большей быстротой! Скачущіе за нимъ подумали, что, вѣдь, не даромъ же онъ захватилъ съ собою вѣтку, и, отломивши по большой вѣтви, помчались во весь опоръ за Бзеге-батыремъ. Впереди летѣлъ Бзеге-батырь, а за нимъ всѣ другіе—голые, съ большими вѣтвями въ рукахъ, и уже очутились у села, занятаго непріятелемъ. Вдругъ вороной

жеребецъ, на которомъ сидѣлъ Бзеге-батырь, заслышавъ ржаніе кобылицы въ укрѣпленномъ лагерѣ непріятеля, понесся прямо на лагерь, перепрыгнулъ, со всадникомъ на немъ, чрезъ ограду, которой былъ обнесенъ лагерь, и такимъ образомъ очутился въ непріятельскомъ лагерѣ. „Что Бзеге-батырь сдѣлалъ, то и мы должны дѣлать!" сказали всадники и перепрыгнули одинъ вслѣдъ за другимъ чрезъ ограду, имѣя въ рукахъ по большой густолиственной вѣтви. Увидѣвъ голыхъ воиновъ, вооруженныхъ вѣтками, непріятель подумалъ, что это ниспослано на нихъ какое-нибудь особенное испытаніе: испугавшись этого необыкновеннаго войска, онъ бросилъ свой лагерь и убѣжалъ туда, откуда пришелъ. Такимъ образомъ Бзеге-батырь освободилъ отъ непріятеля селеніе и тѣмъ спасъ его жителей. Потомъ жители селенія привезли его опять на то мѣсто, гдѣ онъ со всадниками раздѣвался, попросили его одѣться и съ большимъ тріумфомъ повезли домой.

Избавивши селеніе отъ страшной бѣды, Бзеге-батырь попрежнему сталъ жить въ своемъ домѣ. Немного спустя къ нему прислалъ какой-то другой аулъ пословъ. Присланные отъ аула сказали слѣдующее: „Въ окрестностяхъ нашего аула появился дикій кабанъ и не даетъ ни людямъ ни животнымъ проходу: тѣхъ и другихъ, какъ только покажутся, онъ растерзываетъ, и мы не можемъ ничего подѣлать съ этимъ хищнымъ животнымъ! Да обратитъ Богъ на насъ твое милостивое вниманіе; мы отъ мала до велика просимъ тебя убить этого кабана!" Посланные просили Бзеге-батыря чрезъ шурьевъ, а тѣ попросили сестру, чтобы она уговорила мужа. Сестра обѣщалась его послать. Когда Бзеге-батырь сталъ готовиться въ путь, то, кромѣ того оружія, которымъ онъ былъ увѣшанъ, жена дала ему отточенный большой ножъ въ ножнахъ, вышитыхъ золотомъ. Бзеге-батырь съ большой партіей всадниковъ поѣхалъ въ тотъ аулъ, который столько натерпѣлся отъ кабана. Пріѣхавши туда, онъ попросилъ указать ему то мѣсто,

гдѣ кабанъ обыкновенно бросается изъ лѣсу на людей или скотину. Онъ отправился туда. Какъ только кабанъ увидѣлъ Бзеге-батыря, то бросился на него, желая его растерзать, но Бзеге-батырь, съ большой ловкостью вскочилъ на спину кабану, схватилъ его за уши и поскакалъ на немъ верхомъ, на удивленіе всего народа. Народъ кричалъ: „Ай, Бзеге-батырь на кабанѣ катается!“ Такъ онъ катался до тѣхъ поръ, пока кабанъ не выбился изъ силъ, а потомъ, держась одной рукой за одно ухо, другой вынулъ ножъ и зарѣзалъ его. Убивъ кабана, онъ возвратился домой съ большими почестями. Народъ далъ ему княжеское достоинство. Онъ сталъ жить въ покоѣ и полномъ довольствѣ. Среди народа не умолкала слава о томъ, что „Бзеге-батырь однимъ ударомъ убиваетъ больше тысячи!“

~~~~~~~~~~~~

4. Нарунъ-Незнайко.

Ззы лъ̓ыф̓ горым ззы kоỷцык зakо
Одинъ человѣкъ хорошій нѣкій одного сына маленькаго единственнаго,

jі’ар зы̓ҫыђрі шыhузыше ззы махо
имѣлъ котораго, съ собою туда взявъ, лошадей травы безъ въ одинъ день

k̓уāо, ззы шы̓ҫе тħамыҫке ỷцыку ђогум тељо ҫы-
поѣхавши, одного жеребенка бѣднаго маленькаго, на дорогѣ лежа, встрѣ-

’у̓ҫем, jіkоỷцыкум гум зырізрі шыҫе ỷцыкум-
тили когда, его сынъ маленькій, изъ арбы сбросившись, жеребенку маленькому

jдеі жеоре k̓орі ђіо бђедеђољħāҫ: „ззы диммыше х̓уно-
къ, бѣгомъ пойдя, плача, подлегъ: „никакъ намъ не повезти нель-

käм!“ жі’āрі. „Сыто ды̓ҫыно мы шы̓ҫе ныkољ̓ер?“
зя!“ сказавши. „Что намъ сдѣлать (изъ) этого жеребенка полумертваго?“

jідем жі’ā-ҫħаk̓е, jімыдо гум käрыђаљħāрі jідеі
его отецъ сказалъ хотя, отказываясь, въ арбу положить заставивши, домой

käздешері, ҫыпоре ззы махом нäх̓рі ззы махом
съ собою привезши, тамъ воспитывая, одинъ день больше одинъ день

нäх̓ыф̓ х̓уоре шшы х̓арзыне kä̓хеk̓āҫ шы̓ҫе ныkољ̓оў
лучше становясь, лошадь великолѣпная вышла (изъ) жеребенка, полумертвымъ
~~~~~~~~~~~~

ђогум трађотыђам. Шшир шиш цермо хурі аlіке
на дорогѣ который былъ ими найденъ. Лошадь лошадью именитою ставши, альпа

jігеувāо абм тето-çмто вкмахо гор
(породой) замѣщанной (признанной) это соблюдаясь стоя, въ одинъ день какой-то,

çаlем jідері демысо језмр гушкă корі, kăкозāо, jі-
юноши отецъ отсутствуя, (а) самъ на свадьбу пошедши, возвратившись, своей

не-јдеі çиçеhазим, jіне ям kăшāо, зерызе-
матери къ туда зашелъ снова когда, мать человѣка привезши, позволяетъ

рыђашо çылъађум, jігу јеуорі, jіш шес-
ухаживать что, тамъ увидалъ когда, его сердце ударивши, на свою лошадь

рі декрі хеhарі ззи тhемахоке kăкуhо хетāç, jіне
сѣвши, вышедши, уѣхавши, одну недѣлю странствуя былъ, на свою мать

јепљенке jіçhе теhукыпмhо. Зэм тhамахор çидейнм
смотрѣлъ когда, себя ради стыдясь. Одна недѣля прошла когда,

jіçен-jімкçезо jіне цихум непеяше jіхеçмhнике
(что) дѣлать не зная, свою мать (предъ) людьми стыда безъ дѣлать (когда)

hукмто хурі, jідеі kăкозāç. Kăкозāо jіhуне jіс-çhе
стыдиться ставши, домой вернулся. Вернувшись, въ своемъ домѣ жилъ хотя,

jінем jінне јемыпљнфо hаоре çито
на свою мать его глаза не могши смотрѣть хорошо, такимъ образомъ стоя

çмхум, jінемре çесеќ jінем kăшемре шино хурі:
тамъ сталъ когда, его мать и любовникъ, матерью приглашаемый, бояться ставши:

„мибы де 'аçекодене де нехано зигорке дымиhукме,
„отъ этого мы погибнемъ, мы прежде чѣмъ-нибудь мы не убьемъ если,

жа'āрі, çаlер зераhукмнем, jіlађим зеçалљhāç. Lађимо
сказавши, юношу отъ себя убить какъ бы, заговоръ отъ себя сдѣлали. Заговоръ

зеçалљhāр мир'аç: „çаlер дмhукмнем, jінеке hашмо
сдѣланный этотъ есть: „Юношу убить прежде чѣмъ, раньше эту лошадь сущую,

зерышер димыђекодме, ззм тхоhукмнкăм çаlер",
возится съ которою, мы не уничтожимъ если, одно (не) намъ убить не юношу",

жі'āç jінем jіçесеќим. hар зерыдђекодином jіама-
сказалъ его матери любовникъ. Эту отъ себя намъ уничтожить какъ, ихъ сво-

hир hар'аç: уо сымегешхо змç; 'авеђо дунеім тексир
собѣ это есть: ты больной много сдѣлайся; лѣкарства на свѣтѣ находятся какія,

пхузебlахнис; hарсеке ззм себеп кäпхомихо
для тебя испробуютъ; но одно (ни) полезнимъ тебѣ не приходится

зис. Јуӡке ззм 'азеро самиротизке ссе
что, сдѣлайся. Потомъ одного (ни) лѣкарства тамъ не найдутъ когда, я

хибаро жиllем смзре'унс: „аlпиљ јефеме ху-
молву въ народѣ здѣсь я распространю: „альпа крови выпьетъ если, вы-

ӡинос!" жисанси; аби смром hуiљим hуiко јеми'уп-
здоровѣетъ!" я скажу; въ это время твой мужъ, твоего сына не разспро-

смӡихо hуiком јiаlпир пхуihукинс!" жi'āс. „Хунс",
сивши, твоего сына альпа въ твою пользу зарѣжетъ!" сказалъ. „Хорошо",

жа'āрi зебредекиӡрi физим смегешхо зиеāс маље:
сказавши, разойдясь, женщина больной много сдѣлалась (и) умираетъ:

„смегешхос!" жа'аго. љи харзинем јiфизир смаге
„больна много есмь!" говоря. Человѣка знатнаго его жена больна

смхум, дунеiм 'азi 'азеруi кäтрамино хо-
тамъ стала когда, на свѣтѣ (ни) лѣкарей (ни) лѣкарствъ не оставить о ней

гузеваāс, hарсе зик себеп хомихо, хохуни
побезпокоились, но никакой пользы для нея не оказывая, подходящее

јiротинке мигуреӡо, куаӡем хибаро зераhо хоiӡāс; моде
найти какъ, не надѣясь, въ селеніи (съ) молвою носиться начали; тутъ

ззи горим жi'āс: „ми физ смагер аlпиљ јефеме,
одинъ кто-то сказалъ: „эта женщина больная, альпа крови выпьетъ если,

хуӡинос", жа'аго; физим јiљим смзехихим јiком
выздоровѣетъ", говоря; женщины мужъ тамъ услышалъ когда, своего сына

кäрiгерi жрi'āс: „hујiнер аlпиљ јефеме
къ себѣ призвавши, отъ себя сказалъ: „твоя мать, альпа крови выпьетъ если,

фихуӡиносi; hуши хоhукi јiљ
хорошо выздоровѣетъ; (потому) твою лошадь для нея зарѣжь (и) ея кровью

јерафе!" кäжрi'āс јiком. „Хунс, хозукинс", жi'āрi,
напой!" сказалъ своему сыну. „Хорошо, для нея я зарѣжу", сказавши,

саlер јiдем-јiдеi кäсекиӡрi јiаlпиӡ цикум-јiдеi
юноша своего отца отъ выйдя, своему альпу старому маленькому къ

корi рiо тисāс: „Аllеhим смронехуāс: hусфаhукинос" жi'ао
пойдя, плача, сѣлъ: „Богъ меня разорилъ: тебя мнѣ зарѣжутъ" говоря

пыђао. Jiтане Alleђим ji'амыр ҫalем alпыр käпселъäҫ;
(и) плача. Потомъ по Божьему дозволенію съ юношей альпъ заговорилъ:

käҫепсалъем käжpi'äpi мыр'аҫ: „Ђумышыне, сыҫale!
тамъ заговорилъ когда, сказанное вотъ это есть: „Ты не бойся, мой юноша!

сcе сипфahyкинkäм, hao hyjiнем hope сере-ҫi jiлъађу
меня меня тебѣ убить не, такъ твоя мать тебя и меня здѣсь (чтобы) видѣть

мыхур, зысмпеке ды'укме, хуӡынс; hao ҫысыт-
не дѣлающаяся, куда-нибудь мы уйдемъ если, выздоровѣетъ; такъ здѣсь стоитъ

ke дерi Alleђим жi'аме, hyjiнем дыkäздымылъађун
когда, мы, Богъ скажетъ если, твоей матери насъ гдѣ (бы) не увидѣть,

зысыпе дыконс. Дji'укмке хунор мыр'аҫ: нобе
куда-нибудь мы поѣдемъ. Намъ уходить какъ, дѣлающееся это есть: сегодня

шегеђоне'уӡым käсшесi дыдеђеки; „тене 'укорi?“
полуденнаго намаза послѣ (на) меня сядь, мы выѣдемъ; „куда поѣхавши?“

жi'аў hyjiдер kä'упсме: „сiшым теkў kpäӡыђыӡыно
говоря, твой отецъ спроситъ если: „на моей лошади немного погарцовать

сыдок, сcе käkоӡме феӡђеђеӡыно!“ жi'а, губђом
я выѣзжаю, я вернусь когда, насильно я заставлю зарѣзать!“ говори, въ поле

hyдек; зызаhylpe käпкуђи, jiтане ффи псанте käделъе-
выѣзжай; нѣкоторое время ты поѣзди, потомъ въ вашъ дворъ вско-

деӡi, ффи бже-упе hyлъади hyjiде käҫепши, жi'а:
чи, вашимъ дверямъ къ ты подскочи, твоего отца вызови, скажи:

„сыjiне jiлъађу мыхур сер-ҫi: сcе се'ужеӡ; Alleђим
„моя мать видѣть не дѣлающаяся меня здѣсь: я уѣзжаю; Богъ,

сыздыђым, сыконс! jeзыры сcе сысымылъа-
меня куда бы ни несъ, я поѣду! (и) она меня меня здѣсь не будетъ

ђуӡке хуӡынс!“ жi'а käзеу дыkäђежеӡ! Дде
видѣть когда, выздоровѣетъ!“ скажи, ударь меня, насъ заставь уѣхать! Мы

käҫежеӡke, yi! сji! жа'анҫi kätkелъеӡынс, hapсђаке да-
отсюда уѣдемъ когда, эй! вось! скажутъ: (за) тобой погонятся, но насъ

хобыдынkäм“.—„Хунс, hap'аме“, жi'äpi ҫalем, alпым зыры-
имъ поймать не“. — „Хорошо, такъ если“, сказавши юноша, альпъ отъ себя

жы'äм ходео 'ззы kерыђеху jipыђеху ҫыма'аў
сказалъ какъ, такъ, что одно (не) убавлять, (не) прибавлять, тамъ не имѣетъ что,

зы̓ҫрі jідеі kӓҫыдеќым kӓќељынха̄-cһаке, jіхомы-
сдѣлавши, изъ дому оттуда выѣхалъ когда, погнались хотя, умѣя не пой-

быдо kаќоме kӓљео, ззы-мезыз горым ќоцырыќре
мать, поѣхать если до упаду, въ одинъ лѣсъ старый какой-то пробираться

цет; аlпыр kӓвы'а̄рі, љебеkоху зы̓ҫрі зе-
продолжаетъ; альпъ остановившись, ноги раздвигаетъ что, сдѣлавши, по на-

рыљеќоҫыҫыҫым зыш kаре уане-зетеѣ мезым kӓхеќ-
стоящему заржалъ когда, одна лошадь вороная осѣдланная изъ лѣсу вышед-

рі ҕогум jіпеќе kӓһувӓҫ jіќі зыбҕедыҕеһа̄ҫ. Шыш kарем
ши, по дорогѣ впереди стала и подпустила. Къ вороной лошади

ҫыбҕедыһем аlп пцеҕопљ цыкў зытесыр kӓп-
тамъ подъѣхалъ когда, альпъ гнѣдой маленькій, на которомъ сидѣлъ, за-

саљері жі'а̄ҫ: „Мыр ссы сыkошҫ: һуҫыхоім
говоривши, сказалъ: „Это моя моя родня есть: тебѣ понадобится когда,

бҕотызынҫ; jіш совў ҫыҫ тевў kӓхеќі һутыпҫыз“.
ты найдешь; изъ ея лошади гривы часть немного выдерни (и) отпусти“.

Зерыжы'а̄м, ходео шшы сокум цы тевў kӓхыќрі jутып-
Сказалъ какъ, такъ изъ лошади гривы волоса немного выдернувъ, отпу-

ҫыза̄ҫ.
стилъ.

Абы бlеќры зызаһуlыр jіќуо һаргорко шшы зы-
Этого проѣхавши, одно нѣсколько проѣхавъ, снова лошадь, си-

тесыр 'увыа̄рі ҫыҫыҫым зыш пҫеҕоlе уане-
дѣлъ на которой, остановившись, заржала когда, одна лошадь бѣлая осѣд-

зетељ зыљ jіф'аҫі тељо мезым kӓхеќрі ҕогу-
ланная одного человѣка съ доспѣхами находясь, изъ лѣсу вышедши на дорогѣ

пемќе kӓуврі зымыхео зеріҕеkоља̄ҫ. ҫеkољем
впереди остановившись, не двигаясь, къ себѣ подпустила. Туда подошелъ когда,

шшы зытесыр kӓпсаљері жі'а̄ҫ: „Мырі ссы сышне-
лошадь, сидѣлъ на которой, заговоривши, сказала: „Этотъ мой мой старшій

хызҫ! шшы һухоў ҫыхум бҕотызынҫ! jісокў
братъ есть! лошадь тебѣ нужна станетъ когда, ты найдешь! изъ ея гривы

ҫыҫ тевў kыхеќі һутыпҫыз“, ҫыжі'а̄м сокум цы
часть немного выдерни (и) отпусти“, тамъ сказалъ когда, изъ гривы шерсти

ӏекў kӑхикрі п̆сеӡоlері jiһуӏипсӡыӡӑс. п̆сеӡоlер сӡыӏуп-
немного выдернувши, бѣлаго коня отпустилъ. Бѣлаго коня тамъ отпу-

сӡыӡа̄-не'уӡим, мезим хекрі зызаһуl-диде jiкуо
стилъ послѣ того какъ, изъ лѣсу выѣхавши, довольно долго поѣхавши,

зэм х̂ан горим jiкоже jiӡунеӡо сӡынесӡым, аlпи ш̆е-
одного хана нѣкоего (къ) его аулу близко туда пріѣхали когда, альпъ гнѣ-

ӡопл̆оу зитесир kапсал̆ері жi'а̄сӡ: „һirі jiri сері
дой, на которомъ сидѣлъ, заговоривши, сказалъ: „Да, теперь (у) меня

сысокум цы заһуl kа̄хекi суӏипсӡыӡ; jiӏане jе
изъ моей гривы волосъ нѣсколько выдерни (и) меня отпусти; котомъ или

ссе jе сыш̆нех̂ыӡхем jiсӡыс һузхоі х̂уме, һуз-
я или моихъ братьевъ старшихъ ихъ часть тебѣ нужны станутъ если, тебѣ

хоі х̂ум jiсокў kа̄хепка̄ цим сӡыс мафем
нужнымъ сдѣлавшагося (изъ) его гривы выдернутыхъ волосъ часть на огнѣ

jеӡеу, тене һусӡысӡы'амі kа̄пхосӡынс уо һузхоір.
погрѣй, гдѣ ты ни былъ бы, тебя для прибудетъ тебѣ тебѣ нуженъ кто.

Уо ми кожем диӡа; kа̄сӡопсал̆еke, сыт kа̄бжа'а̄мі,
Ты въ этотъ аулъ зайди; тамъ заговорятъ когда, что (ни) тебѣ сказали бы,

жиу'ап jемит: „нарун!“ ких̂уме һупсел̆еӡо kа̄сых̂уkе.
отвѣта не давай: „нарунъ!“ не иначе тебѣ говорить случится когда.

Һушхене жа'амі: „нарун!“ жi'а ӏыси шхе. Һуleӡе-
Тебѣ ѣсть скажутъ если: „нарунъ!“ говори, сядь (и) ѣшь. Тебѣ рабо-

но жа'амі: „нарун!“ жi'а һарких̂уме зэм jiх̂у-
тать скажутъ если: „нарунъ!“ говори, этого кромѣ одно (не) ихъ ради

жуки'а. Жыӡ х̂уме һух̂упо, жао ko'упсӡыме:
не говори. Деревьевъ защитникомъ тебѣ сдѣлаться, говоря, спросятъ если:

„нарун!“ жао х̂аним jiжыӡым жеоре kо; абы һусӡыкове:
„нарунъ!“ говоря, въ хана его садъ бѣгомъ иди; туда ты пойдешь когда:

„жыӡ х̂уме х̂унос!“ жа'ансі, х̂аним һурiжыӡ
„садовымъ сторожемъ будетъ!“ скажутъ, хана тебя отъ себя сада

х̂умо һукаӡененс“, жi'а̄с. „Х̂унс!“ жi'арі ӡаlер шшым
сторожемъ тебя оставятъ“, сказалъ. „Хорошо!“ сказавъ, юноша, съ лошади

jепсыхрі jiсӡыӡынрі зысӡыхрі шшым jiрипхызрі, jiсокумі
слѣзши, свою одежду снявши, къ лошади привязавши, ея изъ гривы

цы zahyļ kăxыкрі, шшыр jўтынçырi гобенекыç
волосъ нѣсколько вырвавши, лошадь отпустивши, въ войлокъ старый

цыкў çыђо kоажем kăдеђāç. Кожем çыдеђем се-
маленькій переодѣваясь, въ аулъ зашелъ. Въ аулъ зашелъ когда, при-

lам kăзыхамі ыеђоç жну'ап jірымыто: „нарун!"
вѣтствіе отъ себя выпулъ если (кто), кромѣ отвѣта не давая: „наруиъ!"

жрі'āç; „тенеке hукăкре?" жі'аго, kă'упçамі: „нарун!"
отъ себя говорилъ; „откуда ты идешь?" говоря, спросили если: „наруиъ!"

мыхуме жну'ап jірытāкăм. Ђаоре хет ситке kă'упçмі:
кромѣ отвѣта отдалъ не. Такъ кто о чемъ бы (ни) спрашивалъ:

„нарун!" мыхуме жну'ап jірымыторе ханым jібђеў 'уђāо,
„наруиъ!" кромѣ отвѣта не отдавая, къ хану въ его дворъ пришед-

kăзре'упçмыке: „зыхоір Нарун?" жі'аме jіçо
ши, разспрашиваютъ когда: „нужно что, Наруиъ?" говорятъ если, дѣлая,

зыхомі: „нарун!" нăх kăжіріммаў; „жыђ хуме
ему нужно что: „наруиъ!" больше (онъ) не говоря; „садовымъ сторожемъ

hухун!" жа'арі, kăçе'упçым, „нарун!" жі'арі жеоре жыђым
ты будешь!" сказавъ, спросили когда, „наруиъ!" сказавъ, бѣгомъ въ садъ

çыком: „жыђ хуме хуноç!" жа'арі пçыă теkў
пошелъ когда: „садовымъ сторожемъ будетъ!" сказавши, балаганъ почти

хуаçырі ханым jіжыђ песоў kађенāç. Зызаhуlре
сдѣлавши, хана его садовымъ сторожемъ оставили. Нѣсколько времени

жыђ хумāо jішыр jіђото жыђірі хадерi зехіhу-
садъ сохранивъ, свою лошадь найдя, садъ и огородъ отъ себя потоп-

теме феф çыхум, мефе теkў jіçрі зэы
тать если (бы), пріятно тамъ стало когда, огонь немного сдѣлавши, въ одну

ђеш горым шшы kарем jісокум çыçыр мафем сыры-
ночь какую-то коня вороного изъ его гривы часть на огнѣ тамъ погрѣлъ

ђоум, шшы kарер kăсрі бђыђым kăкерi'увāç; kăсыке-
когда, лошадь вороная, прибѣжавъ, за плетнемъ остановилась; стала

ры'увем тегрі çыђыно, 'аçео, тельыр kăтырыхрі çыђыныр
когда, вставши, одежды, оружія, лежали что, съ себя снявши, одежду

зыçытађерi, 'аçер зыгульђарi, шшым шесрі хадер
на себя надѣвши, оружіе на себя надѣвши, на лошадь сѣвши, огородъ

jіһуто хеһāç; зызаһуl çыһутем јепсыхызрі
топтать въѣхалъ; нѣсколько тамъ потопталъ когда, слѣзши (съ лошади),

зытеçызрі щырі јутыпçызāç, јісоwу цы kāxiкрі. Ханo
раздѣвшись, лошадь отпустилъ, его гривы волосы вырвавъ. Ханъ,

зы-жыђ-хумем, пхујіç јі'аті; јінехыçе дыдер
садъ котораго охранялся, дочерей трехъ имѣлъ; (всѣхъ) младшая самая

kāçекāо, јіљеђуāç јіхаде пес Наруныз цы-
вышедши, видѣла ихъ огорода сторожемъ Наруномъ старымъ ничтож-

кум јіçā псоурык. Пçедыкызым хадем kāһахері: „мы
нымъ дѣланное все. Утромъ въ огородъ вошедши: „этотъ

хадер зыһутāр сыт?“ жа'аў, kā'упç-çыхум; „На-
огородъ вытоптавшій кто?“ говоря, спрашивать стали когда; „На-

рун!“ жі'аў хадер kāжыһо хоізāç, һарыхуме зы
рунъ!“ говоря, (по) огороду бѣгать началъ, этого кромѣ одного (ни)

жму'ап јірыкыто. „Аllеһым Нарун мыђо һуђеç!“
отвѣта не отдавая. „Богъ Наруна несчастнымъ тебя сдѣлать да за-

жа'арі kāхохуçері јікызāç һамахом. Жеç çыхум
ставитъ!“ сказавъ, его побранивши, вышли въ тотъ день. Ночь стала когда,

Нарун горым мафе јіçрі пçеђоlем јісокуцыр
Нарунъ какой-то огонь разведши, бѣлаго коня (изъ) его гривы волосъ

мафем çырыђом пçеђоlезыр kāсрі бзыһым
на огнѣ погрѣлъ когда, бѣлый конь старый, прибѣжавъ, за плетнемъ

kāçыкерыһувем, Нарун kāікуаљері, зыкыхуапері пçеђоlем
тамъ сталъ когда, Нарунъ подойдя, одѣвшись, на бѣлаго коня

kāтесрі хадер һаlе[illegible]мыђо зыхыһутері шыкы јепсыхызрі
сѣвши, огородъ окончательно потоптавши, съ лошади слѣзши,

јісоwу çыç kāхыкрі јутыпçызāç. Һа жешыкы хаником
его гривы часть выдернувши, отпустилъ. Въ эту ночь хана

јіпху нехыçем kāљеђуāç. Неху çрі пçедыгызым
его дочь младшая (его) видѣла. Разсвѣтъ ставши, утромъ

цыххер хадем kāдеһарі: „мыр сыт зебђеһутāр?“
люди въ огородъ зашедши: „это кто заставившій вытоптать?“

жа'аў, хуçо çыхоізехем: „нарун!“ жі'аў хадер kāжыһо
говоря, браниться начали когда: „нарунъ! говоря, по огороду бѣгать

jiтāç. Jiçенерei жешым шын щеӡопљ kāхокуāм
дался. Въ третью ночь на лошадь гнѣдую, прибѣжала къ нему которая,

тецысhеpi, хадем зэы kāçымыӡеныӡо jihyтāç. hа жеш
сѣвши, огорода одно (не) тамъ не оставляя, вытопталъ. (И) въ эту ночь

горымi хāным jiпхў нехыçем kāљеӡуāç. Jiçенерei махомi
какую-то хана дочь младшая (его) увидала. Въ третій день

jiпе кыçе зызерыçым ходео зыçоре kāхонино kā-
(въ) первый (разъ) какъ себя дѣлалъ какъ, такъ дѣлал, обругать, по-

зеоно цых kāдаhāхер çыхоiӡем: „нарун!“ жi'аў хадем
драться люди, зашли которые, тамъ начали когда: „нарунъ!“ говоря, въ огородъ

хељедеӡрi kāӡыhо хетāç; мехопсом мобыхем сыт жа'амi,
забѣжавши, бѣгать дался; день цѣлый они что ни говорили,

„нарун!“ нāх жыу'ап jiрыммто.
„нарунъ!“ кромѣ отвѣта не отдавая.

Хāным jiпхў нехыçо Нарун jiçеў ситахер зыље-
Хана его дочь младшая, Нарунъ дѣлать спускается что, отъ себя

ӡор kāгокуāт, hарсhе jiшыпхў нехыӡхер дестi:
видѣла которая, была влюблена, но ея сестры старшія сидать дома:

hахем kahубыдырт љы деконыр. Абы-çhеке jі-шыпхухем
онѣ задержали замужъ выйти. Этого для (на) своихъ сестеръ

jiçыhāç: „сысhе љм фыдеммкоре?“ жi'арi. Шыпхў нехы-
набросилась: „зачѣмъ замужъ вы не выходите?“ сказавъ. Сестры стар-

ӡо hар зыжырм'āм jiфе-jемыко jiкi jiшыпхў нехыçер
шія это ею сказанное считая неприличнымъ и еще ихъ сестру младшую

jiфе-деloy: „hар тао жыт'ан, дыjiдем ззы çыжы-
считая глупой: „Это какъ (тебѣ) скажемъ, нашъ отецъ ничего здѣсь не

мы'аке“, жа'аў çыхум хыгебзы нехыçем жi'āç:
говоритъ когда“, говорить стали когда, дѣвица младшая сказала:

„љмконшо hар дыjiдем зерыжāв'анор вжāс'анç
„Пословъ безъ это нашему отцу отъ себя вамъ сказать какъ, вамъ я скажу,

фыкāзеде'уме“, çыжi'ам; „хунç, дыноде'унç;
вы меня послушаетесь если“, сказала когда; „хорошо, мы послушаемся;

kāжы'а!“ жа'арi kāжраӡе'āç. „Jiнте жiс'анор hар'аç:
скажи!“ сказавъ, позволили себѣ разсказать. „Такъ, я скажу что—это есть:

х̓адем дывђеђы, песыç käçедывђек: зыр
въ огородъ мы тебѣ зайдемте, огурца три мы тебѣ сорвемте: одинъ

х̓упäо, зым jiђо, зыр мых̓ӯ х̓уäо; hанесыçрі
тебѣ спѣлый, одинъ (въ) пору, одинъ не спѣлый сдѣлавшись; эти огурца три

сеђаным jiдывђаљђы hуне'утым дыjiдем ходывђе-
въ тарелку мы тебѣ положимте, съ рабыней нашему отцу мы тебѣ непремѣнно

ђеђ! Ђа жiс'äм ходе, несыç çађке, ды-
пошлемте! Это мною сказанное какъ, огурца три туда понесутъ когда, намъ

jiдем 'akыl ji'ахеме, љ̓ы дызерых̓оiр jiçенç".—„Х̓унç"
отецъ умъ имѣетъ если, мужъ намъ нуженъ что, узнаетъ." — „Хорошо"

жа'арi, зешыпх̓уiçымi зедаçтесрi зерыжа'äм ходео
сказавши, всѣ сестеръ тебѣ трое, согласившись, отъ себя сказали какъ, такъ

jiдем çых̓уађым, гуљ̓ытäç jiпх̓ухер љ̓ы
къ ихъ отцу туда ему отнесли когда, принялъ во вниманіе, его дочерямъ мужей

зерых̓оiм. Х̓аным jiпх̓ухем љ̓ы зерах̓оiр çыçем
нужно что. Хана его дочерямъ мужья нужны что тамъ узналъ когда,

hунафе jiçäç ђыху jезым jiжыllем çыçыр käзехо-
приказаніе сдѣлалъ, люди въ самого его обществѣ живущіе собрались

сыно, жесыç мах̓уiç jешхе-jефе jiçыно, jiпх̓ухемык̓ jезым
чтобы, ночи три, дня три, ѣду-питье устроили чтобы, его дочери и сама

çђаз, љ̓ыо käх̓ехым зерiрiтыно р. Дунеiм
каждая, (за) мужа, выберетъ котораго, отъ себя выдастъ что. На свѣтѣ

пçыо уоркоi çы'а псорi käве'уçäç х̓аным ђаљеӯ jiтäр
князья, дворяне есть которые, всѣ собрались, ханомъ время назначенное

käçысым физ-käзышен зыгу-хетљ̓ымi зыkа'узедрi: „х̓а-
тамъ наступило когда, жениться думалъ кто, нарядившись: „хан-

ным jiпх̓ум дыkäх̓iх̓iнç!" жа'арi käкољ̓äç jешхе-jефем.
ская его дочь насъ выберетъ!" сказавъ, пріѣхали на ѣду-питье.

Jiперei мах̓о jешхе-jефер çызехеђä-мах̓ом, х̓аным
Въ первый день ѣда-питье тамъ началось днемъ когда, хана

jiпх̓у наx̓ыжым бже ji'ыђо жыllе ве'уçäм, jiх̓еђарi
дочь старшая, чару держа, въ общество, собралось которое, вошедши,

käкуђоре зыљ̓ käх̓ыхрi, бже ji'ыђыр jiрiтäç;
ходя, одного мужчину выбравши, чару, держала которую, отдала;

çырытым: „Alleh, Alleh ҳаным маљхе хофеçен jiђотāç!"
отдала когда: „Боже, Боже, ханъ зятя достойнаго нашелъ!"

жа'ау гуфе çыҳум псыо ҳаным маљхе хоҳуāр
говоритъ, радуясь, стали когда, князь, хану зятемъ сдѣлался который,

жыllем jiхекызрі зым çыпе тыспе jiçāç. Ji-
изъ общества выйдя, въ одномъ мѣстѣ сидѣніе (пріютъ) сдѣлалъ. Во

тене махом ҳаным jiпҳу курытыр бҙе ji'ыђо хеhapi ji-
второй день хана дочь средняя, чару держа, выйдя, ея

шыпҳў нехыҙым ходо ҳаным маљхо хофеçено зыгорым бҙер
сестра старшая какъ, хана зятю достойному какому-то чару

jiрітрі kāхекызāç. Jiçенерei махом ҳаным jiпҳу нехыçем, бҙе
отдавши, вышла. Въ третій день хана его дочь младшая, чару

ji'ыђо жыllе зехосāм jiхеhāç. çахеhем жыllер са-
держа, (въ) общество, собралось которое, зашла. Зашла когда, общество ря-

тырхо jiђеуврі ҳаным jiпҳў нехыçер рыку'āç, kрыко-
дами поставивши, хана его дочь младшая отъ себя пошла, обратно

ҙāç, haope мехуç hунеіке рыко, kāрыкоҙо
прошла, такимъ образомъ дня три цѣлыхъ отъ себя ходя, обратно ходя,

зыхор jiмыђото лыҳоу çыҳум: „kāмыкољā çы'аме
кого-то не находя, искать стала когда: „(кто) не явившійся есть если,

kāфшаље: тhамыçке беђуа, жывмы'ао" çы-
вы привезите: бѣдный ли, богатый ли, тебѣ не говоря (безъ разбору)" тамъ

жа'ам: „Зэы ўыҳў kāмыкољā çы'аkāм, hao Нарун:
сказали когда: „Одного (не) человѣка не явившагося нѣтъ, только Нарунъ:

çalехем jiмыђезађо гедеçым çахуāçі çытç" жа'аў; ҳа-
мальчики, безпокоя (его), въ курятникъ загнали (и) стоитъ" говоря; хан-

пыç нехыçем çызехыхым гедеçым çељадері бҙер
ская дочь младшая тамъ услышала когда, въ курятникъ забѣжавши, чару

Нарун jiрітāç. „Alleh, Alleh бҙер Нарун jiрітāç" жа'арі
Наруну отдала. „Боже, Боже, чару Наруну отдала" сказавши,

жыllемі гуауо jiçыҳурі ҳаным çыжыра'ам,
обществу непріятно тамъ сдѣлавшись, хану тамъ отъ себя сказали когда,

гуауо çыҳурі губҙырі hap жі'āç: „Гјiур
непріятно тамъ сдѣлавшись, разсердившись, это сказалъ: „Невѣрную

непе-тех ђепкђекодрі Наруні зедцђо дефхуі зы
обезчещивающую и родъ теряющую, и Наруна вмѣстѣ вы выгоните, одинъ

гедесыз горын ћевђейнсће" жі'арі дерібехуаћ
курятникъ какой-нибудь тамъ вы посадите", сказавши отъ себя заставилъ прогнать

jiнху нехнсер jiхь кахіхарі зерцђо. Ђадреі
свою дочь младшую, (съ) ея мужемъ, выбрала котораго, вмѣстѣ. Другихъ

jiнху нехмзытыр ћнhыпхо ji'аго ђыо хаха-
своихъ дочерей старшихъ двухъ, почетъ большой имѣя, (за) мужей, выбрали

хем jiрытрі jутыцызаћ, дунеі-насыпнике jiсыгуђо.
которыхъ, повыдававши, отпустилъ, свѣта счастьемъ тамъ надѣясь.

Хаником jiнхухер ђы ћырітаа-не'узын код
Хана его дочерей замужъ выдали послѣ того когда, немного

мисео жылleн зе какуаљері kезао-ћыхум џыху жылleн
погодя къ народу войско приведши, воевать стало когда, люди въ народѣ

jiс псорі махоке зем деко заоу псынhасhаке jiнху-
живущіе, всѣ днемъ на войну выѣзжая, воюя, по вечерамъ уби-

какем jikотх jiш jihапшыпыз kаhо кадеhаххерт.
тыхъ ихъ вещи, ихъ лошадей, ихъ вещи старыя принося, возвращались снова.

Јузке зы псынhасhе горым зеххер kадеhезао зем
Потомъ въ одинъ вечеръ какой-то войны возвратились когда, о войнѣ

jiгуђу kаћраћазем, хаником hар жі'аћ, гуцеђу-jiћо:
разсуждать тамъ начали когда, ханъ это сказалъ, сожалѣніе дѣлая:

„Нарунмз тhамысћер низерыдемик, ныдек-
„Нарунъ старый, бѣдняжка, въ виду того что не выходитъ (на войну), вышелъ

теме тhамысћем зы зыпунмз je нећоћ каћhапен
если бъ, бѣдный, одинъ зипунъ старый или прочее годящееся ему,

зы ћыђынмз гор kаhыпт". Ханым жі'ар Нарун
одну одежду старую какую-нибудь принесъ бы". Ханомъ сказанное Наруна

jiфызым ћызехіхім псединтизым jeшхыдері: „зем ђуко-ke
его жена услышала когда, утромъ побранивши: „на войну ты иди-же,

зысhамыђоз!" жі'арі дехуаћ.
несчастный!" сказавъ, погнала.

Нарун зем декыно ћызем, jiкыпк
Нарунъ на войну пойти оттуда отправился когда, за свой поясъ

ззи гідеꝫ цивў деꙗhарі jeꝫāç, çalexepi çенако
одинъ топоръ старый маленькій вложивши, отправился, мальчики глумясь

jiʼуꝫ çито; коope мезим çинесим çalexep kāке-
его (по) слѣду состоя; идя до лѣсу туда дошли когда, мальчики тамъ

рмçетиꝫрі jезим изако мезим хеhарі ззи пхе текўі kāпи-
отставши, самъ одинъ въ лѣсъ зайдя, одинхъ дровъ немного нару-

ʼуиçмрі мафе jiçpi шши kapeм jiсовум kихікā шши
бивши, огонь разведши, коня вороного изъ его гривы вырванную лошади

сокур мафем çирiбом шши kapep kāсāç hасиhатим.
гриву на огнѣ тамъ погрѣлъ когда, лошадь вороная пришла тотчасъ.

Шши кароў kāсāм ꙗи фаçоу теꙗрі
(На) лошади вороной пришедшей мужчины нарядъ, лежалъ который,

kāзçитабері, ʼaçepi kāꝫдиꙗhapi ишим шесрі, зем je-
на себя надѣвши, оружіе надѣвши, на лошадь сѣвши, на войну потя-

kypi куāç. Шў зебепеçāр kaкуāр зем ka-
нувши, поѣхалъ. Верховой наряженный, пріѣхалъ который, въ войско за-

хиhарі jiгате ʼaпçe бегур kāрихрі halекир биiм
ѣхавши, свою саблю съ ручкой шереховатой вынувши, гибель непріятеля

jiзем jiхiꙗhāç, jiʼакоцрі гате
его войску причинилъ, (съ) своей рукой внутренней (ладонью) (отъ) сабли

ʼaпçe бегум kāçиудāго jiхекиꝫре-пет ханикор бƀедежа-
ручки шереховатой подбитой, выѣзжающій находясь, ханъ подско-

дері jiбlатокў хуiзāç: „jiʼагў çеhудāр рипхенç!“
чивши, свой платокъ ему бросилъ: „свою ладонь подбитую себѣ обвяжетъ!“

жiʼарі. Бlатокоў jiзāрі jiçтері, kāмувиʼау цмво jekypi
сказавъ. Платокъ брошенный взявши, не останавливаясь, бѣгомъ взявши,

зем jiхекиꝫрі kозāç: „Alleh, Alleh, мир сит шӯ
изъ войска выѣхавши, уѣхалъ: „Боже, Боже, этотъ какой всадникъ

halемет!“ жаʼаў жиllep kāзехинері. Нарунир мезим çи-
чудесный!“ (люди) говоря, общество оставивъ. Нарунъ въ лѣсъ туда

хеhаꝫим jiш jепсихиꝫрі, jуmипçиꝫрі ззи пхе
заѣхалъ когда, (со) своей лошади слѣзши, (ее) отпустивши, одну дровъ

пхеhанꝫ текў jiçмб jiрижhарі kуажем деhезāç.
вязанку старую немного (на) свою спину положивъ, въ аулъ зашелъ.

Ji'уӡре махорі jiперei махом ходо нӑх̆н беlнḫ жип-
И назадъ (другой) день, первый день будто, побольше бѣда ты могъ бы

'ано ӥ̆ӧеђуаlем тесо jiђекуа̄ҫ. Jiҫенерei махорі нӑх̆рі
сказать, на бѣломъ конѣ сидя, провелъ. И третій день, еще болѣе

ӂмх̆уӡиђе хеӂо ӥцеђопӂим тесо jeу рыђешхо за-
храбрости выказывая, на гнѣдомъ конѣ сидя, колотя—отъ себя угощая—вое-

орі ӡерi jiђегуӡері 'укнӡа̄ҫ мир жа'аў:
вавши, войско въ малодушіе заставивши впасть, самъ уѣхалъ, это (враги) говоря:

„Дде ми дибjiм ситке дезеђын, шеhид,
„Мы (съ) этимъ нашимъ врагомъ чѣмъ мы раздѣлаемся, убитый ли на войнѣ,

ḫаме мelенк̆ зигор махо кӓсі коӂор кадозауо
или ангелъ кто-то день приходящій (каждый) пріѣзжающій, съ нами воюя,

lаӡер кӓтхимъђḫаў! hао ҫиситӗке дде кӓздыкӓм див-
гибель въ насъ вкладывая! Такъ есть когда, мы отвуда мы пришли, мы тебѣ

ђеӂоӡ кӓнӑ тӗкур ди-зетирамиhукеӡи-по!" жа'арі
вернемтесь, остались которые немного, пока насъ не убили совсѣмъ!" сказавъ

'укіӡа̄ҫ, аби нӑх̆ кӓмизеоӡоў. ӡео жиllем каiза̄о ҫи-
отошли, этого кромѣ не воюя снова. Войско, съ народомъ воевавши было

та̄р ҫи'укiӡим, код миҫ̆о х̆аним jiнер hуӡо
которое, оттуда ушло когда, много не дѣлая (прохода), хана его глаза болѣть

хоiӡері зӡи 'азеђо хуамиђото, ḫафiз х̆уа̄ҫ. ḫафiз
ставши, одного (не) средства для него не находя, слѣпой сталъ. Слѣпой

ҫих̆уа̄-не'уӡим: „бlенеше себеп х̆уноҫ!" ҫижа'ам
сталъ послѣ того когда: „оленя молоко полезно будетъ!" сказали когда,

жиllер гуфа̄ҫ: „бlенеше гуђук̆ӓм: дде димиђотикмі,
народъ обрадовался: „оленя молоко трудно не: мы мы не найдемъ если,

х̆аним jiмelх̆е нех̆иӡит̆им дунеiм тетихеме камиђото
хана его затья старшіе два, на свѣтѣ существуетъ если, не нашли чтобъ,

кађененк̆ӓм jiкi кађотиҫ!" Melх̆е нех̆иӡит̆ими: „аihаiме кӓд-
оставятъ не и найдутъ!" Зятья старшіе двое: „конечно, най-

ђотин!" жа'арі jiшре jiуанере зетиражђḫарі jеӡа̄ҫ
демъ!" сказавши, на своихъ лошадей свои сѣдла положивши, отправились

бlенеше каḫино, hарҫḫе кодрі кӓкуḫа̄ҫ jiкi jiшi jези-
оленя молоко принести, но долго проѣздили и ихъ лошади и са-

хері јешāхеç. Меlхе нехмэçтыр çеӡā-не'уӡым эзи
ми утомились. Зятья старшіе двое отправились. послѣ того когда, одинъ

мехо гор Наруні јіфнэмр kāхогубӡмрі дехуāç: „Зм-
день какой-то Наруна его жена на него разсердившись, погнала: „Одна

çha мыӡо хун орі hудекмр-kе, біепеше жмхуако:
голова несчастной да будетъ, ты и ты выѣзжай-ка, оленя молоко отыскивать:

бӡотиноме пçере!“ жі'арі. Фызим hар çнжі'ам
тебѣ найти какъ, ты знаешь ли!“ сказавъ. Женщина это тамъ сказала когда,

Нарун јікnik эзи гідеӡ цнкў дежhарі декуāç,
Нарунъ за поясъ одинъ топоръ старый маленькій воткнувши, вышелъ,

мезим хеhарі мефе текў јіçрі, шшн kарем јісоку
въ лѣсъ зашедши, огня немного сдѣлавши, коня вороного (изъ) его гривы

çнç çнріӡеум, шшн kарер kāсрі зикāхуапері
часть тамъ потрѣлъ когда, лошадь вороная прибѣжавши, одѣвшись,

теџнсhарі губӡом јіhāç, біепеше жмхо. Губӡо kāз-
(на нее) сѣвши, въ степь поѣхалъ, оленя молоко ища. Степь, разъѣз-

декуhим, јімеlхеӡутим пçāо эзи јімнӡотн-
жалъ по которой, своихъ свояковъ двухъ истомленныхъ, одного (не) не найти

фāо јі'уçāç. çауçем: „селам-алекум! тене фи-
могши, встрѣтилъ. Тамъ встрѣтилъ когда: „селамъ-алекумъ! откуда вы

kāкре? тене kāçнфkуhре? сит kāçефkуhо уоkоу
ѣдете? гдѣ тутъ вы разъѣзжаете? зачѣмъ здѣсь вы ѣздите (и) какое дѣло

фи'ар?“, жі'арі çе'упçим: kçакуhрі эзи
вы имѣющіе?“, сказавши, тамъ спросилъ когда: зачѣмъ ѣздивши, одного (не)

зерамнӡотāрі, јішы, јіжм зерешāр, kāçжнра'ам;
не находятъ что, ихъ лошади, ихъ люди утомлены что, тамъ сказали когда;

„сне kāфхозӡотинç біепеше фипхе мнхур џнкў
„я васъ для найду оленя молоко, на ваши ягодицы печать маленькую

знрыв тезивӡаӡеме“, kажрі'āç. „hао hар тао хун,
одной по вы дадите приложить если“, отъ себя сказалъ. „Нѣтъ, это какъ можно,

hао неӡоç бнhим ӡомиlе hухоіме, hо-
но, кромѣ (этого), скота, припасовъ (провіантъ) тебѣ нужно если, тебѣ от-

тинç біепеше kāдеты“, жі'ā-chаке, Нарун јімиде
дадимъ, оленя молоко намъ отдашь (если)“, сказали хотя, Нарунъ не хотѣвъ

çыхум земелхеҕутыми таукеі jiçāç jiпхе дамыҕе
сталъ когда, зятя оба рискъ сдѣлали на свои ягодицы тавро

тераҕезено: „сыт, jiҕе jекын?" жыхуа'амке. Мо
позволить приложить: „что, вреда произойти?" для нихъ сказали когда. Эти

тумік таукеі çаçым, Нарун jiке-зып jiабері
двое рискъ тамъ сдѣлали когда, Нарунъ свой въ карманъ нолѣзши,

ззы çтаhук цыку kāрыхрі jiҕепыкрі мотумі jiҕопшеґ
одинъ кремень маленькій вынувши, тебѣ накаливши, этихъ двухъ ихъ штаны

зыçрыҕехрі, jiпхехем дамыҕе зырыз тирызері jiʼутып-
заставивши снять, на ихъ ягодицы тавру по одному положивши, отпу-

çызāç, jiпхе jетехо. Дамыҕер çатырызем, ше-
стилъ, свою ягодицу скребя. Тавро тамъ положилъ когда, верхомъ

сызрі kāздамыкаҕун зыçмеке коладері шыбзыше ka-
сѣвши, гдѣ бы не видѣли, въ одну сторону забѣжавши, кобылье молоко для нихъ

хуіhāç: „бlенешеç" жіʼарі. Модрехемі мобы kāзріҕепцāр
принесъ: „оленье молоко есть" сказавши. Другіе (тѣ), онъ обманулъ что,

jiмыçехо: „бlенешеç!" жаʼаоре, гуфоре kahā-cheке ханым
не зная: „оленье молоко есть!" говоря, радуясь, принесли хотя, хана

jiнем ззы себеп хохуāкāм сытходыз çамыхуамі:
глазамъ одной (ни) пользы сдѣлали не, сколько тамъ ни мазали бы:

сыто? жіпаме: шыбзышеты! Земеіхытым шыбзышер
почему? ты скажешь если: кобылье молоко было! Двумъ зятьямъ кобылье молоко

jiрітырі, çjутыпçызым Нарун jезері ззы бlене зе-
отдавъ, оттуда отпустилъ когда, Нарунъ отправившись, одну лань себѣ тамъ

çес kāҕотрі ріхузері jiҕепçырі jубыдрі jiшрі шер
живущую найдя, погнавшись, утомивши, поймавши, подоивши, молоко

kāhрі kāкожāç jiфыз-jiдеі. Фызым-jiдеі kāçыкожым,
принесши, вернулся своей женѣ къ. Женѣ къ туда вернулся когда,

„нарун!" нāх жізмыʼаў çытāр kāпсалерi жіʼāç: „Мы
„нарунъ!" кромѣ, не говорящій былъ который, заговоривши, сказалъ: „Это

шше kāchāр бlенешо ханым jiнеʼузым себеп
молоко, принесъ которое, оленье молоко: хана глазной боли (къ) пользѣ

хохуно жыхуаʼāр расі: мобlатыкурі тепхуі, hы
будетъ что, говорили о которомъ, (это) есть: этимъ платкомъ накрой, отнеси

ћујідем-јідеі!“ Фызым мор псаљоу ҫызехіхім гуфеђошхо́
твоему отцу къ!“ Жена его говорящаго услышала когда, радость большую

јі'а ҫых̓ум, Нарун кäпсаљері жі'äҫ: „Ссе сыкäзерыпсељäр
имѣть стала когда, Нарунъ поговоривши сказалъ: „Я я отъ себя говорилъ что,

зыми жеумы'а, јіђо х̓ух̓ке ћао шшер ḫы і к̓о“,
одному не ты не говори, время пока будетъ, но молоко отнеси (н) иди“,

ҫыжі'ам гуаҫем шшер фендым зерыто кäҫтері бlа-
тамъ сказалъ когда, княгиня молоко въ бурдюкѣ, какъ есть, взявши, плат-

токо Нарун ӡем х̓аным кäҫрітыђäрі тырыпх̓орі је-
комъ, Наруну на войнѣ ханомъ отданъ былъ который, накрывши, отпра-

ӡері јідем-јдеі к̓уäҫ. Ђогум к̓оо кäзљеђуä псорі к̓
вившись, своему отцу къ пошла. По дорогѣ идущую, видѣлъ кто, всѣ

кäҫенек̓äҫ: „Нарун јіфызым х̓аным бlенаше хоіḫ“,
посмѣялись надъ ней: „Наруна его жена хану оленье молоко для него

жа'ао. Нарун јіфызыр ћуне јідер зыҫељым ҫыне-
несетъ“, говоря. Наруна его жена въ домъ, ея отецъ лежитъ гдѣ, дошла

сым бӡем бlамыђек х̓у'äҫ х̓аным јімыдо. Јуӡке мо фы-
когда, въ двери не пропускать стали, ханъ не желая. Потомъ эта жен-

зыр пыḫаў ҫыхоӡем цыхухем јігу кäҫеђурі
щина плакать тамъ стала когда, люди (въ) своемъ сердцѣ пожалѣвши,

х̓аным јељео хоіӡері ҫырађеђеḫäҫ шео кыḫäрі
у хана просить ставши, туда позволили зайти, молоко, принесено которое,

јінем ҫыҫырађеђахом, Alleḫым јіамырк̓е ћасыḫатым
на глаза тамъ помазать заставили когда, Божьею его волею тотчасъ

јіне фы хуӡрі кäпљері бlатоко шшем трахäо ҫы-
его глаза хорошіе ставши, посмотрѣвши, платокъ, съ молока снятымъ лежитъ

љыр кäҫыљаӡум кäцыхуӡрі зерыђоҫäр абы ҫыжі'аӡäҫ,
который, увидалъ когда, узнавши, ошибся что, это тамъ сказалъ снова,

Наруні јіпх̓урі кäрыђешеӡрі ћадреі јімаlх̓ехем нäх̓рі
Наруна и его дочь заставивши привести обратно, другихъ его зятей больше

нäх̓ыфо јіљађо хуӡäҫ; х̓аным јінер ҫых̓ужä-не'уӡым,
лучше смотрѣть началъ; хана его глаза выздоровѣли послѣ того когда,

Наруні кäпсељежао зызаћуlре ҫытао јі̓тане зымехо гор
Нарунъ говоритъ нѣсколько будучи, потомъ въ одинъ день какой-то

ханим жрі'ăç: „Мо hумеlхитир сіjідем kä'апика пçи-
хану сказалъ: „Эти твои два зятя отъ моего отца бѣжавшіе рабы

лѣмç: дидамиђы jітелѣçі! käзептиз̧ынке сималѣеў!“
суть: наше тавро (на нихъ) лежитъ! мнѣ ты возвратилъ какъ бы, я прошу!“

çижі'ам, ханим jімиде ху'ăç: „Пар тао хун“, жі'арі.
тамъ сказалъ когда, ханъ не хотѣть сталъ: „Это какъ можно“, сказавъ.

„Jінте' hуіфеç михуме каші jіпхе ссе жи-
„Такъ тебѣ вѣрнымъ не дѣлается если, позови, (на) ихъ ягодицѣ я говорю

хосă дамиђем ходе телѣме jеплѣі käзетиз̧; темилѣме
какое, тавро, такое лежитъ если, посмотри, мнѣ возврати; не лежитъ если,

hузхоі дидер käзеçе!“ çижі'ам; „хунç!“ жі'арі,
тебѣ нужно чтó, со мною сдѣлай!“ тамъ сказалъ когда; „хорошо!“ сказавши,

ханим jімеlхитрі käрашері, jіпхем çеплѣим
хана его зятей обоихъ заставивши позвать, ихъ ягодицы посмотрѣлъ когда,

дамиђе Нарун зерижи'ам ходо телѣо kăçиφеким, пçилѣир
тавро, Нарунъ сказалъ какъ, такъ лежитъ что, увидѣлъ когда, рабы

зеім ззи 'химилѣђазифо jірітиз̧ăç. Ми зихибар käжи-
чьи, одно не внося, возвратилъ. Этотъ, его вѣсть разсказали ко-

тă çеlез̧ џико, „нарун!“ михуме жизми'аў
торую, мальчикъ старый маленькій, „нарунъ!“ кромѣ не говорилъ что

çитăм, ханым jімалѣхехері jіпçилѣо, jезим нăх мелѣх
былъ который, хана зятья его рабами, самого кромѣ зятя

пçиђапені ханым jіми'аў, ханим миlко jі'ăрі, jі-
пригоднаго ханъ не имѣя, ханъ имущество, имѣлъ которое, его

ханиђор jіритрі псоо тхез̧о акиlифо џерио
ханскія отличія (ему) отдавши, живя, блаженствуя умно-хорошимъ, знаменитымъ

kăнез̧ăç: „оі, оі, Нарун!“ жириђе'аў. „Нарун“ çифа-
остался: „ай, ай, Нарунъ!“ заставляя говорить. „Нарунъ“ тамъ его

çăр, „нарун“ михуме зерижимио çиситăр рăç.
прозвали что, „нарунъ“ кромѣ не говоря состоящій былъ.

Переводъ.

Однажды, богатый человѣкъ поѣхалъ со своимъ единственнымъ маленькимъ сыномъ въ степь за травою. На дорогѣ они увидѣли полуживого жеребенка. Мальчикъ съ арбы

бросился къ жеребенку, усѣлся подлѣ него и сталъ со слезами на глазахъ просить отца взять его на арбу: „я не могу жить безъ него!“ съ рыданіями молилъ мальчикъ. „Къ чему намъ полуживой жеребенокъ!“ говорилъ отецъ; но мальчикъ своими просьбами добился того, что отецъ положилъ жеребенка на арбу и привезъ домой. Дома его стали кормить, и онъ съ каждымъ днемъ набирался тѣла и дѣлался лучше; по всему видно было, что изъ него выйдетъ прекрасный конь. И, дѣйствительно, изъ него вышелъ конь на рѣдкость, и всѣ признавали въ немъ породу „альпъ“ *). Однажды, когда сынъ, въ отсутствіе отца, возвратился со свадьбы домой, то засталъ мать свою съ постороннимъ мужчиной; это было ему ужасно непріятно, и ему даже было стыдно самого себя. Послѣ такого случая онъ не хотѣлъ больше видѣться съ матерью, а потому, осѣдлавъ своего вѣрнаго коня, поѣхалъ въ степь и ѣздилъ цѣлую недѣлю. По истеченіи недѣли, онъ не зналъ, что̀ дѣлать съ собою, а ѣздить долѣе онъ стѣснялся, чтобы какъ-нибудь не разгласить поступка матери и этимъ не опозорить ее, и потому вернулся домой. Но онъ не могъ попрежнему съ сыновней любовью смотрѣть на мать свою: ему было совѣстно. Видя, что сынъ относится къ матери враждебно, мать и любовникъ стали его опасаться. „Онъ можетъ быть причиной нашей гибели!“ говорили они: „нужно, во что̀ бы то ни стало, его предупредить и принять свои мѣры!“ И они задумали его погубить. Вотъ на чемъ они порѣшили: „Прежде всего мы должны убить его коня“, сказалъ любовникъ матери: „раньше этого, мы съ юношей не покончимъ! Вотъ способъ, какъ намъ отдѣлаться отъ его коня: ты притворись серьезно больной; какія только есть на свѣтѣ лѣкарства, всѣ испробуютъ ради тебя; но ты притворяйся, что ничто не помогаетъ. Затѣмъ, когда уже не останется ни одного лѣкарства, котораго бы не испробовали, я распущу слухъ,

*) Самая высокая порода лошадей. *Авт.*

что ты выздоровѣешь только тогда, когда выпьешь крови коня изъ породы альпъ. Тогда твой мужъ, даже не спросивши своего сына, заколетъ для тебя его коня-альпа!“—„Хорошо, я согласна!“ сказала мать. Женщина притворилась больной; она чуть не умираетъ: „я очень больна!“ повторяла она со стонами. Когда жена человѣка, выдающагося по своему положенію, заболѣла, то къ ней пригласили всѣхъ лѣкарей и доставляли всѣ лѣкарства, какія есть на свѣтѣ, но ничего не помогало, такъ что всѣ лишились надежды найти подходящее средство. Потомъ по аулу сталъ ходить слухъ, что есть какое-то средство и, наконецъ, кто-то сказалъ: „Эта больная женщина выздоровѣетъ только тогда, когда выпьетъ крови альпа!“ Когда этотъ слухъ дошелъ до мужа больной, то онъ позвалъ сына и сказалъ: „Твоя мать можетъ только тогда выздоровѣть, когда выпьетъ крови альпа, а потому зарѣжь своего коня и напой ее кровью его!“—„Хорошо, зарѣжу“, сказалъ сынъ, уходя отъ отца, и пошелъ къ своему коню-альпу, усѣлся подлѣ него и сталъ плакать, приговаривая: „Богъ на меня послалъ несчастіе: тебя зарѣжутъ, не спросивъ даже моего согласія!“ Но вдругъ какимъ-то чудомъ конь-альпъ заговорилъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ и сказалъ: „Не бойся, мой юноша, меня не зарѣжутъ, но знай, что твоя мать тебя и меня терпѣть не можетъ, а потому, если мы отсюда удалимся, она выздоровѣетъ; если Богъ поможетъ, мы уѣдемъ въ такое мѣсто, гдѣ бы она насъ не могла видѣть. Вотъ какъ мы это устроимъ: сегодня послѣ обѣда сядь на меня, а если отецъ спроситъ о томъ, куда ѣдешь, скажи: „Хочу въ послѣдній разъ покататься на своемъ конѣ; по возвращеніи домой зарѣжу его“. Затѣмъ, поѣздивши по полю, возвратись домой, вызови на дворъ отца и скажи ему: „Моя мать терпѣть меня не можетъ, а потому я уѣзжаю: поѣду туда, куда Богъ занесетъ; когда меня не станетъ, мать выздоровѣетъ“. Съ этими словами ударь меня плетью и сейчасъ же выѣзжай. Когда мы

уѣдемъ, они за нами погонятся, но мы помчимся такъ быстро, что имъ насъ не нагнать".—„Хорошо!" сказалъ юноша и поступилъ такъ, какъ было указано конемъ-альпомъ, безъ всякаго измѣненія съ своей стороны. Когда они выѣхали изъ дому, за ними погнались, но не догнали. Долго ли, коротко ли они ѣхали, но наконецъ они въѣхали въ большой лѣсъ. Въ лѣсу вдругъ конь остановился, отставилъ свою ногу и заржалъ во всю мочь: изъ лѣсу выбѣжалъ вороной конь, совсѣмъ осѣдланный, забѣжалъ впередъ и, остановившись какъ вкопаный, далъ возможность подъѣхать къ нему. Когда они подъѣхали къ вороному коню, гнѣдой конь, на которомъ сидѣлъ юноша, заговорилъ: „Этотъ конь мой братъ; когда тебѣ понадобится, онъ явится; но прежде чѣмъ его отпустить, вырви изъ его гривы нѣсколько волосъ!" Какъ конь сказалъ, такъ юноша и сдѣлалъ: изъ гривы караго коня выдернулъ нѣсколько волосъ и отпустилъ его.

Послѣ этого они еще немного проѣхали; тогда конь остановился, отставилъ ногу и заржалъ: изъ лѣсу выбѣжалъ бѣлый конь, совсѣмъ осѣдланный, съ одеждой для всадника, забѣжалъ впередъ, остановился и стоялъ до тѣхъ поръ, пока они не подъѣхали къ нему. Тогда гнѣдой конь сказалъ: „Это мой старшій братъ; когда тебѣ понадобится, онъ къ твоимъ услугамъ; но прежде чѣмъ его отпустить, выдерни изъ его гривы нѣсколько волосъ". Юноша выдернулъ изъ гривы бѣлаго коня нѣсколько волосъ и отпустилъ его. Затѣмъ они миновали лѣсъ, выѣхали въ поле и вдали замѣтили аулъ какого-то хана. Когда они приблизились къ аулу, гнѣдой конь-альпъ сказалъ: „Теперь и меня отпусти, вырвавъ изъ моей гривы нѣсколько волосъ; а потомъ когда понадобится тебѣ кто-нибудь: я или братья, то ты на огнѣ согрѣй волосы изъ гривы того, кого изъ насъ желаешь имѣть; тогда мы явимся къ тебѣ, гдѣ бы ты ни былъ. Зайди въ этотъ аулъ, и если будутъ спрашивать, то о чемъ бы тебя ни спросили, отвѣчай

только одно слово „нарунъ“. Это будетъ продолжаться до той поры, пока не наступитъ время тебѣ заговорить. Если спросятъ: „будешь ѣсть?“, скажи „нарунъ“, сядь и покушай! Если спросятъ: „будешь работать?“, отвѣчай „нарунъ!“; кромѣ этого, ничего не говори, что бы ни спрашивали. Если спросятъ: „будешь караулить садъ?“, скажи „нарунъ!“ и бросься бѣгомъ въ садъ хана. Когда побѣжишь, они догадаются, что желаешь быть въ саду караульщикомъ и оставятъ тебя караулить ханскій садъ“.—„Хорошо“ сказалъ юноша, слѣзъ съ коня, раздѣлся и одежду привязалъ къ лукѣ; затѣмъ отпустилъ коня, вырвавъ изъ гривы нѣсколько волосъ. Самъ онъ въ поношенномъ войлочномъ халатѣ отправился въ аулъ. Когда онъ вошелъ въ аулъ, то что бы ему ни говорили, онъ отвѣчалъ только „нарунъ“: и на привѣтствія, и на вопросы, и на насмѣшки. Его привели къ хану; и тамъ, о чемъ бы его ни спрашивали, онъ отвѣчалъ только „нарунъ!“; при этомъ, если отъ него спрашивалось что-нибудь ему нужное, то онъ это дѣлалъ, хотя и отвѣчалъ, какъ и на прочіе вопросы, только „нарунъ!“ Когда у него спросили о томъ, будетъ ли онъ караульщикомъ сада, то онъ, отвѣтивъ „нарунъ!“, побѣжалъ въ ханскій садъ; такъ и догадались, что онъ желаетъ быть караульщикомъ въ саду: сдѣлали ему въ саду небольшой шалашъ и оставили его караульщикомъ. Недолго онъ пробылъ караульщикомъ, и ему захотѣлось вызвать караго коня, чтобы вытоптать огородъ и садъ хана; поэтому онъ въ одну ночь развелъ костеръ и погрѣлъ на огнѣ волосы изъ гривы караго коня; карый конь очутился тутъ какъ тутъ—за плетнемъ сада, ожидая всадника. Тогда онъ переодѣлся въ ту одежду, которую привезъ ему конь, надѣлъ на себя оружіе, сѣлъ на коня и вытопталъ часть ханскаго сада и огорода, а затѣмъ слѣзъ съ коня, снялъ съ себя привезенную имъ одежду и отпустилъ его, вырвавъ изъ гривы нѣсколько волосъ. У хана, владѣльца сада, были три дочери. Въ ту ночь, когда

Нарунъ топталъ садъ и огородъ, младшая дочь случайно ночью вышла на дворъ, и ей пришлось быть свидѣтельницей всего, что творилъ юродивый ихъ караульщикъ. Когда утромъ пришли въ садъ и стали спрашивать: „Кто вытопталъ садъ?“, онъ только отвѣчалъ „нарунъ“ и бѣгалъ, какъ угорѣлый по саду. „Будь ты проклятъ, Нарунъ (такъ его стали звать)!“; такими словами бранили, бранили его и ушли изъ сада. Въ этотъ день не добились отъ него толку. Когда настала опять ночь, Нарунъ развелъ огонь и погрѣлъ на огнѣ волосы бѣлаго коня: тотъ явился тотчасъ и сталъ за плетнемъ сада въ ожиданіи всадника. Нарунъ переодѣлся, сѣлъ на коня и снова вытопталъ садъ и огородъ; затѣмъ онъ отпустилъ коня, выдернувъ изъ гривы нѣсколько волосъ. И въ эту ночь его видѣла младшая дочь хана. Когда утромъ пришли люди и стали спрашивать: „Кто это вытопталъ?“, онъ отвѣчалъ „нарунъ“ и бѣгалъ по саду. Въ третью ночь онъ сѣлъ на гнѣдого коня, прибывшаго къ нему, и до тла вытопталъ садъ. И въ третью ночь его продѣлки видѣла младшая дочь хана. Въ третій разъ уже, когда пришли въ садъ, то не только бранили его, какъ и раньше, но хотѣли его побить, но онъ не дался имъ въ руки, а только бѣгалъ по саду и говорилъ: „нарунъ“: другого отвѣта отъ него не могли добиться.

Младшая дочь хана, видѣвшая все, что дѣлалъ Нарунъ, была влюблена въ него, но не могла выйти за него замужъ. Помѣхой были старшія сестры: въ силу народнаго обычая ей нельзя было раньше старшихъ сестеръ выйти замужъ. Чтобы добиться своей цѣли, она пристала къ сестрамъ. „Зачѣмъ не выходите замужъ?“ укоряла она ихъ; старшія сестры, которымъ она это сказала, нашли этотъ вопросъ неприличнымъ и сочли свою младшую сестру дурочкой. „Что же намъ дѣлать“, сказали онѣ: „когда объ этомъ отецъ ничего не говоритъ!“ Когда сестры стали такъ отговариваться, младшая сказала: „Если вы меня послушаетесь, то я вамъ скажу, какимъ образомъ

дать знать отцу о нашемъ желаніи, не прибѣгая для этого къ постороннему лицу".—„Хорошо, послушаемся!", сказали сестры. Тогда младшая предложила имъ пойти въ огородъ, сорвать три огурца: одинъ переспѣвшій, другой спѣлый и третій еще недоспѣвшій; эти три огурца положить на тарелку и послать съ рабыней отцу. „Лишь только нашъ отецъ увидитъ эти три огурца", прибавила она: „то, если онъ уменъ, сейчасъ же догадается, что мы желаемъ выйти замужъ!" Сестры согласились и такъ сдѣлали, какъ она имъ посовѣтовала. Когда ханъ получилъ отъ дочерей три огурца, то догадался, что онѣ желаютъ выйти замужъ, и потому распорядился устроить пиръ, на который бы явились всѣ его подданные. Пиръ долженъ былъ продолжаться трое сутокъ, и дочери его на этомъ пиру должны были выбрать себѣ жениховъ по душѣ-по нраву. Въ назначенный ханомъ срокъ собралось много народу: князей, дворянъ и другихъ. Женихи явились на этотъ пиръ разряженные, въ той надеждѣ, что счастливый выборъ выпадетъ на ихъ долю.

Въ первый день, когда начались пиршества, старшая дочь хана пошла между гостей съ заздравной чашей въ рукѣ, чтобы выбрать себѣ жениха; наконецъ остановилась предъ однимъ мужчиной и передала ему чашу, что́ было знакомъ того, что она въ мужья выбираетъ именно его. Народъ заволновался и сталъ говорить, что ханъ нашелъ себѣ достойнаго зятя. Князь, на долю котораго выпалъ счастливый выборъ— быть зятемъ хана, оставилъ общество и остановился у знакомаго, что́ требовалось по обычаю. Во второй день съ чашей въ рукѣ пошла средняя дочь и выбрала, какъ и старшая, жениха, достойнаго ея руки. Въ третій день пошла съ чашей въ рукѣ младшая дочь. Когда она ходила между гостями, всѣ стояли рядами; она прошла всѣ ряды туда и обратно и такъ искала въ теченіе трехъ дней, ходя взадъ и впередъ, но не находила того, кто ей былъ нуженъ. Тогда ханъ распорядился: „пришлите всѣхъ, кто не явился на пиръ, безъ различія—

богатъ ли онъ, или бѣденъ!“ На это приказаніе хану отвѣчали: „Нѣтъ никого, который бы не явился на пиръ: остался только Нарунъ; несчастнаго преслѣдовали насмѣшками ребятишки, и онъ зашелъ въ курятникъ, гдѣ и сейчасъ находится“. Когда это услышала младшая дочь хана, то побѣжала въ курятникъ и отдала Наруну чашу. Народъ въ ужасѣ говорилъ: „Боже, чашу отдала Наруну!“ Сейчасъ доложили хану о неудачномъ выборѣ младшей его дочери. Онъ очень огорчился и въ гнѣвѣ сказалъ: „Невѣрную дочь, обезчестившую себя и мой родъ, прогоните съ избранникомъ ея со двора и помѣстите куда-нибудь въ курятникъ“. Приказаніе хана было исполнено въ точности: выгнали позорнымъ образомъ со двора младшую дочь и ея мужа. Двухъ старшихъ сестеръ выдали за тѣхъ, кого онѣ выбрали, и проводили съ большимъ почетомъ; всѣ были увѣрены въ томъ, что эти зятья достойные люди, и что ханъ не могъ лучше пристроить своихъ дочерей.

Вскорѣ послѣ выхода замужъ дочерей хана возгорѣлась война: непріятель подступилъ къ аулу. Всѣ жители ежедневно выходили за ворота, чтобы помѣряться съ врагами силами; цѣлый день они сражались, а вечеромъ возвращались, принося съ собой добычу: оружіе и коня убитаго въ сраженіи. Только одинъ Нарунъ оставался не при чемъ. Въ одинъ вечеръ, по возвращеніи съ поля сраженія, когда заговорили о войнѣ, ханъ высказалъ свое сожалѣніе по поводу этого. „Бѣдный Нарунъ!“ сказалъ онъ: „отчего онъ не идетъ сражаться: онъ принесъ бы себѣ съ поля битвы старый зипунишко, или какую-нибудь одеженку, чтобы прикрыть свою бѣдность!“ Когда жена Наруна услышала то, что́ сказалъ ханъ, то обругала своего мужа и погнала его на войну, говоря: „Иди же на войну, несчастный!“

Отправляясь воевать, Нарунъ заткнулъ за поясъ небольшой топоръ; увидѣвши это, мальчишки стали глумиться надъ

нимъ и бросились за нимъ бѣжать въ догонку. Когда онъ дошелъ до лѣса, они отъ него отстали. Въ лѣсу Нарунъ нарубилъ дровъ, развелъ огонь и на огнѣ погрѣлъ волосы изъ гривы караго коня: въ мгновеніи ока предъ нимъ очутился карый конь. Нарунъ надѣлъ бывшую на конѣ одежду и оружіе, сѣлъ на него и поѣхалъ на поле битвы. Въ блестящихъ доспѣхахъ явился всадникъ на полѣ битвы; обнаживши свою саблю, съ шереховатой ручкой, онъ сталъ наносить удары направо и налѣво, и причинилъ большой уронъ непріятельскому войску. Онъ рубилъ съ такимъ остервененіемъ, что шереховатой ручкой подбилъ себѣ ладонь. Когда всадникъ уѣзжалъ уже съ поля битвы, то ханъ, замѣтивъ ссадину на рукѣ, подскочилъ къ нему и бросилъ платокъ, желая, чтобы онъ имъ перевязалъ свою руку. Всадникъ взялъ платокъ, но не остановился, и поѣхалъ прямо во свояси. Когда онъ уже исчезъ изъ виду, воины въ удивленіи говорили: „Боже, что это за всадникъ чудесный?" Нарунъ заѣхалъ въ лѣсъ, слѣзъ съ коня и, отпустивши его, возвратился домой въ аулъ съ вязанкой дровъ на спинѣ. Второй день онъ отличился такими же подвигами, сражаясь на бѣломъ конѣ. Въ третій день онъ, сидя на гнѣдомъ конѣ, выказалъ еще бо́льшую храбрость. Поражаемый ударами его мощной руки, непріятель сталъ отчаиваться въ успѣхѣ и отступилъ со своимъ войскомъ. „Какъ намъ справиться съ врагами?" говорили въ непріятельскомъ войскѣ: „ежедневно къ нимъ на помощь является не то духъ убитаго на войнѣ *), не то ангелъ, который безпощадно уничтожаетъ насъ! Пока еще всѣхъ насъ не перебили и остались кое-какія жалкіе остатки, давайте вернемся туда, откуда пришли". Враги съ тѣмъ и ушли. Немного спустя послѣ ухода непріятельскаго войска, ханъ заболѣлъ глазами: не помогало ему никакое лѣкарство, и онъ ослѣпъ. Послѣ этого разнесся

*) По понятіямъ народа убитые на войнѣ пользуются почти такой же святостью, какъ и ангелы. *Авт.*

слухъ, что есть одно только средство вылѣчить хана отъ слѣпоты—это промыть его глаза оленьимъ молокомъ. Народъ обрадовался и всѣ стали говорить: „Это наше счастье: найти оленье молоко не трудно; если мы не найдемъ, то его, во что́ бы то ни стало, найдутъ зятья хана.“ Тогда старшіе зятья сказали: „Какъ не найти? конечно, найдемъ!“, велѣли осѣдлать своихъ коней и поѣхали за оленьимъ молокомъ. Долго-долго они ѣздили, выбились изъ силъ сами и утомили своихъ лошадей, но не могли достать молока. Вслѣдъ за отъѣздомъ старшихъ зятей, жена Наруна напустилась на мужа слѣдующими словами: „Несчастный, ступай и ты искать оленьяго молока! Быть-можетъ и найдешь какъ-нибудь!“ Тогда, Нарунъ взялъ топоръ, заткнулъ за поясъ и вышелъ. Зайдя въ лѣсъ, онъ развелъ костеръ и сталъ грѣть на огнѣ волосы изъ гривы караго коня. Конь явился передъ нимъ тутъ какъ тутъ. Нарунъ одѣлся, сѣлъ и поѣхалъ въ степь искать оленьяго молока. Въ степи, по которой онъ ѣхалъ, повстрѣчались съ нимъ оба его свояка; они не могли найти оленьяго молока, и были страшно уставшіе. Конечно, они его не узнали. Послѣ обоюдныхъ привѣтствій Нарунъ спросилъ: „Откуда вы ѣдете? Что́ вамъ здѣсь нужно? По какому дѣлу вы ѣздили?“ Когда они ему разсказали о цѣли своей поѣздки и о томъ, что они ея не въ состояніи были достигнуть, хотя выбились изъ симъ сами и лошади сильно утомились, то онъ отвѣчалъ: „Я найду вамъ оленье молоко, если только позволите мнѣ къ ягодицѣ каждаго изъ васъ приложить небольшую печать!“—„Нѣтъ, какъ это можно!“ сказали свояки: „но сколько хочешь: скота или другого богатства, мы тебѣ отдадимъ; дай намъ только оленьяго молока!“ Нарунъ не согласился. Тогда оба зятя рѣшились позволить приложить къ своимъ ягодицамъ по печати, говоря: „Что́ тутъ такого? пусть уже прикладываетъ!“ Когда они изъявили на то свое согласіе, Нарунъ полѣзъ въ карманъ и досталъ маленькій кремень;

потомъ онъ накалилъ его на огнѣ и, заставивъ свояковъ снять штаны, приложилъ къ ягодицамъ обоихъ свое тавро. Получивъ такія мѣтки, они усердно стали почесываться сзади. Добившись своей цѣли, Нарунъ сѣлъ на коня, уѣхалъ куда-то въ сторону, чтобы скрыться отъ глазъ своихъ свояковъ; въ чащѣ онъ подоилъ гдѣ-то кобылицу и принесъ молоко, выдавая его за оленье. Свояки повѣрили ему и возвратились домой въ той надеждѣ, что везутъ оленье молоко; но сколько они ни промывали глаза хана привезеннымъ молокомъ, ничего не помогало; это было молоко не оленье, но кобылье! Отпустивъ, какъ было сказано, своихъ свояковъ, Нарунъ поѣхалъ искать оленьяго молока: онъ нашелъ лань съ маленькимъ дѣтенышемъ; погнавшись за ней, онъ ее уморилъ до того, что ему легко удалось ее поймать и выдоить. Такимъ образомъ, онъ досталъ оленьяго молока и со своей добычей отправился домой. Вернувшись къ женѣ, Нарунъ, не говорившій до сихъ поръ ничего, кромѣ слова „нарунъ", сказалъ: „Это молоко— оленье: оно, какъ говорили, исцѣлитъ хана отъ слѣпоты, а потому накрой его вотъ этимъ платкомъ и отнеси къ своему отцу!" Платокъ былъ тотъ же самый, который получилъ онъ отъ хана. Когда жена Наруна услышала это, то сильно обрадовалась, но Нарунъ поспѣшилъ сказать ей: „Никому не говори до поры-до времени о томъ, что я сталъ говорить, а только ступай и отнеси молоко!" Жена Наруна взяла молоко, какъ оно было въ бурдюкѣ, накрыла тѣмъ платкомъ, который Наруну отдалъ ханъ въ сраженіи, и пошла къ отцу. По дорогѣ всѣ видѣвшіе ее издѣвались надъ ней и смѣялись, что вотъ, молъ, жена Наруна несетъ хану оленье молоко! Когда жена Наруна дошла до той комнаты, гдѣ лежалъ ханъ, то приближенные не хотѣли ее пропустить, потому что ханъ не желалъ ее видѣть у себя. Но когда бѣдная женщина стала плакать, то приближенные сжалились и упросили хана, чтобы онъ принялъ ее и принесеннымъ молокомъ промылъ свои

глаза. Ханъ уступилъ просьбамъ: принялъ къ себѣ младшую дочь, и лишь только онъ промылъ молокомъ свои глаза, то, по волѣ Божьей, сейчасъ сдѣлался изъ слѣпого зрячимъ и увидѣлъ свѣтъ Божій. Тутъ онъ замѣтилъ платокъ, которымъ накрытъ былъ бурдюкъ, и тотчасъ догадался, что это тотъ же самый платокъ, который имъ былъ отданъ незнакомцу-витязю. Теперь уже ему не трудно было и сообразить, кто этотъ витязь. Сознавая свою ошибку, онъ велѣлъ привести къ себѣ Наруна съ женой, чтó было немедленно исполнено. Обязанный Наруну своимъ выздоровленіемъ, ханъ его приблизилъ къ своей особѣ: онъ ему сдѣлался дороже, чѣмъ раньше были старшіе зятья. Разъ, улучивъ какъ-то удобную минуту, Нарунъ сказалъ хану: „Эти два твоихъ зятя—рабы, бѣжавшіе отъ моего отца; на нихъ наложено наше тавро, а потому прошу возвратить мнѣ ихъ, какъ непокорныхъ рабовъ!“ Ханъ этому не хотѣлъ вѣрить и сказалъ: „Какъ это можно! Этого не можетъ быть!“—„Если ты мнѣ не вѣришь“, сказалъ Нарунъ: „позови ихъ и посмотри на ихъ ягодицы, и если на нихъ не окажется такого тавра, о какомъ я говорю, то ты со мною сдѣлай, чтó ты захочешь; но если тавро наше найдется, то возврати мнѣ ихъ по принадлежности!“ Ханъ позвалъ своихъ зятей и, заставивши снять штаны, посмотрѣлъ на ихъ ягодицы. И, дѣйствительно, на ягодицахъ оказалось то тавро, о которомъ говорилъ Нарунъ, а потому, не возражая противъ явной очевидности, онъ призналъ своихъ зятей сбѣжавшими рабами отца Наруна и возвратилъ ему ихъ. Такимъ образомъ, жалкій молодой человѣкъ, о которомъ сообщалось, что онъ только умѣетъ говорить слово „нарунъ“, сдѣлался владѣльцемъ такихъ рабовъ, какъ зятья хана; какъ любимому своему зятю, ханъ передалъ ему свое богатство и свое ханское достоинство. Нарунъ сталъ жить въ довольствѣ, пользуясь славой своихъ подвиговъ и необыкновеннаго ума, чтó, однако, не мѣшало всѣмъ, при видѣ его, повторять:

„Ай, ай, Нарунъ!“ Его назвали Наруномъ оттого, что онъ прежде говорилъ только одно слово „нарунъ“.

~~~~~~~~~~

5. Воспитанникъ великана.

Ззы псы беі гор ҫы'ат, быlымо-мыlко jам
Одинъ князь богатый какой-то былъ, скотину-имущество имѣющій,

jібӡыҕе jімыҫежо, беkоl һунеҕо тоҫ jі'ао; быи jіфыз
ихъ числа не зная, нукеровъ семействъ двадцать имѣя; дѣтей (отъ) его жены,

заkо мыху ззы jатыkăм. Һаоре ҫыто jігу-kăkăҫ:
одной кромѣ, (ни) одного имѣлъ не. Такъ будучи, въ его сердце пришло

„Jіньте ссе сыљеме сы'ар беголlым kахунеӡын
(вздумалъ): „Такъ, я я умру если, я имѣю что, нукерамъ имъ останется,

нă'аkăм, һао ҫыҫытке сыкодмі сыkоденҫ; хет jіҫере
(и) больше нѣтъ, а потому я погибаю если, я погибну; кто знаетъ ли,

себеп kăсхохун зыгорым сырыһељеномі: се-
пользу меня для сдѣлаетъ одинъ кто-нибудь, мнѣ встрѣтится если: я от-

ӡенҫі, Alleһым смздыһам сыkон“ жі'арі беголlыті
правлюсь, Богъ меня понесетъ куда, я пойду“ сказавши, нукеровъ двухъ

зыҫыҕурі jеӡăҫ. kооре, kооре ззы kырш jіһăҫ,
съ собою взявъ, отправился. Ѣдучи, ѣдучи въ одно гористое мѣсто пріѣхалъ,

ззы цыху ҫымы'аў осһе заҫо.
одного (не) человѣка тамъ не было гдѣ, курганы (только) рисовались гдѣ.

Jі'уӡке ззы осһешхо декоірі зыпљыһăҫ: „ззы гор
Потомъ на одинъ курганъ большой взлѣзши, обозрѣлъ: „одно что-нибудь

сљаҕун!“ жі'арі. Зыпљыһоре ӡыӡо, ҫыпљем ззы
я увижу!“ сказавъ. Осматривая далеко, тамъ посмотрѣлъ когда, одно

фыцеҕе маҫе ҫыљаҕум: „мо фыцаҕем сеkољенҫ
пятно малое, тамъ увидалъ когда: „къ этому пятну я подъѣду,

сеікодыљемі“ жі'арі jеӡерi ҫыkом жыҕо kă-
я погибъ бы хотя“ сказавъ, отправившись, туда поѣхалъ когда, садомъ ока-

ҫеkăҫ. Жыҕ-ҫаҕыр һуне љегум ходо һубаті: jепсыхрі
залось. Деревьями подъ, хаты полъ какъ, укатано было: слѣзши,

jіш жыҕ kудамем ріпхрі, тeкуі jішхрі, жыҕым
свою лошадь къ дерева вѣткѣ привязавши, немного поѣвши, на дерево
~~~~~~~~~~

декоірі зыпљыђоу тесре-пет зэы зышхо kāʒāç,
влѣзши, осматриваясь, сидящимъ находясь, одинъ вѣтеръ большой подулъ,

жыђыр зетріhудре жып'ано, шыр kāђафо. Пçыо
дерево потрясая, ты могъ бы сказать, лошадь заставляя плясать. Князь,

жыђым тесыр ʒым kāрімыʒыхын-çђеке, жыђым зыріпекрі
на деревѣ сидѣвшій, вѣтеръ не сбросилъ чтобы, за дерево ухватившись,

тесоре ʒыр нāх маçе хуоре çувы'аʒым зэы
сидя, вѣтеръ, больше малымъ дѣлаясь, тамъ пересталъ когда, одинъ

љы аберађо: „celaм-aleкум“ жі'арі kāколљāç. „Aleкум-
человѣкъ величавый: „селамъ-алекумъ“ сказавъ, подошелъ. „Алекумъ-

celaм“ жі'āç пçымк. „Цыху цыку мыбы сытым hykā-
селамъ“ сказалъ князь и. „Человѣкъ маленькій сюда что тебя при-

ђā? цыху цыку мыбы çыçы'akāм! kāсы-фы jіхабзеkāм?
несло? люди маленькіе здѣсь находятся не! доѣхать тоже ихъ законъ не?

Мыр jіныʒ çынаљеç! Сыт hyімурад? kāзжы'а себеп
Это великановъ страна есть! Чтó твое намѣреніе? скажи, пользу,

сыпхохуфме сыпхохунç“, çыжі'ам jіныʒым;
я тебя для оказать могу если, я тебя для окажу“, тамъ сказалъ когда великанъ;

„ђао мураді сі'аkāм, сыђуаçері сыkāдеђāçі: hyінеф
„Нѣтъ, цѣлей я имѣю не, я заблудившись, я заѣхалъ: твоя милость,

kāсçыхоме сыдымыђекуадо зэым сымышх сы-
на меня тутъ обратится если, я пока не погибъ, одинъ (не) меня не съѣлъ, меня

мыђо, ђогу kāзеђељађу сыдеђекыʒ“, жі'ао jінепс
не взялъ, дорогу отъ себя покажи (и) мнѣ дай выѣхать“, говоря, со своими слезами

keʒexo jіныʒым пçыр jељеʼуāç. „ђао зэы гухељ hyімы'ао
на глазахъ у великана князь просилъ. „Нѣтъ одной цѣли ты не имѣя,

hykāʒākāм! тао хун kāзжумы'ао: хунkāм! сce сісебеп
ты поѣхалъ не! какъ мочь мнѣ не говоря: нельзя! я (за) моей пользой

kāзерыкон, хељме; пцыхре? kāзжі'а“ жі'арі, kāçрі-
отъ себя приду, налицо есть если; ты знаешь? мнѣ скажи“ говоря, тамъ прину-

ђезым жāрі'āç: „Сce сы'ам jібʒыђер сымыçеʒо:
дилъ когда, отъ себя сказалъ: „Я (имущество) я имѣю, числа я не зная:

сыбеіç, hарсђе сыљеме, сі'ар kāхонено зэы быы
я богатъ, но я умру если, я имѣю чтó, кому бы осталось, одного (не) дѣтей

сі'атеkäмі; абы ҫh̲еkе сыkäҙäҫ, хет jіҫ́ере ззы 'amal
я имѣлъ не; этого ради я отправился, кто знаетъ ли, одинъ способъ

гор käзҕотынемі, жыс'арі", ҫыжі'ам; „jінте
какой-нибудь я найду если, мнѣ сказавъ", тамъ сказалъ когда; „такъ

hар гуҕў?" жі'äҫ jінызым: „hуэтес меім мы
это трудно?" сказалъ великанъ: „ты себѣ сидишь яблонѣ на которой, яблоко

пыкі, шхі: ҕетынҫ!" ҫыжі'ам, меір käпљыh̲ā-ҫh̲еkе,
сорви, съѣшь: найдешь!" тамъ сказалъ когда, яблоню осмотрѣлъ хотя,

мы пыто jiљеҕуākäм. „Мыбы ззы пытkäм", жі'äҫ
яблоко оставаясь видѣлъ не. „На этой (ни) одно остается не", сказалъ

псым. „h̲ео пытҫ" жі'арі jінызыр käkуāљері зыљеныkор
князь. „Нѣтъ, остается" сказавъ, великанъ, подошедши, одну сторону

käҫыҕесысым ззы-м käпіҕехуāҫ. Jітані käҫыҕесы-
тамъ потрусилъ когда, одно яблоко сбросилъ. Опять тамъ потрусилъ

сым, ззы-м käпіҕехуāҫ. h̲аоре käҕесысым käпіҕехоре
когда, одно яблоко сбросилъ. Такъ трусилъ когда, сбрасывая,

мыпљ käҫыпіҕехум jінызым hар жі'äҫ: „Мы мы-
яблока четыре оттуда сбросилъ когда, великанъ это сказалъ: „Эти яблока

пљыр hуіфызыре уоре ҫыфшхkе kупљ фҕотыноҫі:
четыре твоя жена и ты тамъ поѣдите когда, сына четыре, вы найдете:

hанāхыҫ́е-дыдер ссе kано käзет", ҫыжі'ам
этого младшаго очень (самаго) мнѣ въ воспитанники отдай", тамъ сказалъ когда,

„хунҫ" жäрі'äҫ jінызым. „Jінте jігі jеҙеҙ jінызо
„хорошо" отъ себя сказалъ великану. „Ну, теперь, уѣзжай, великаны

ҫаkо kуāхері käkожхері модеkе ззы тh̲е-
на охоту, ходили которые, пошедши туда (съ той стороны) одинъ заяцъ

kумеkыh̲ käхеҙäҫ; жіс'анҫі, ҫыҫ́езҕапхоkе уо мыбыkе
выбѣжалъ; я скажу, тамъ я тебѣ потравлю когда, ты вотъ сюда

деkыж, заkоімыҕељаҕо" жі'арі ҕогў käзерідеkызынор käрі-
поѣзжай, имъ не показываясь" сказавъ, дорогу, выѣхать по которой, отъ себя

ҕељаҕурі jезыр jінызым jіпеҙäҫ jіҕепцено, псырі kä-
показавши, самъ великанъ навстрѣчу вышелъ обмануть, князь вы-

деkызрі jідеі käkожäҫ.
ѣхавши, домой вернулся.

Пçыр kāçысыжā-не’уȝым мезыпљ kоџым
Князь, пріѣхалъ послѣ того когда, мѣсяцевъ четырехъ въ теченіе

kупљ kāђотāç jiki бегоlхем kано jiђāç; пçым
сыновей четырехъ пріобрѣлъ, и нукеры (ихъ) воспитывать взяли; князя

jiko нāхыџе-дыдері kано бегоlхем jiђāт: kа-
его сынъ младшій самый воспитанникомъ нукерами былъ взятъ: воспи-

но зырітāр çыђупçеȝрі. Мезыпљ-не’уȝым ȝыбђе-
танникомъ отдалъ что, тамъ забывши. Мѣсяцевъ четыре послѣ вѣтеръ боль-

шхо kāздыkā jiмыџо kākоурі hунехер псеуљехер
шой, взявшійся откуда, не зная, подулъ съ силой, дома (и) всѣ постройки

jikуто бынмхер псым хеȝо жыllеры гуȝеjio ȝыбђе-
валяя, скотину въ воду бросая, населеніе въ малодушіе впадая, вѣтра

не’уȝым jiто jiныȝо jiko нāхыџер kано зеры-
послѣ сейчасъ же, великанъ, своего сына младшаго воспитанникомъ отдать

тыно jiђегуђāр kāçысым жыllем зырађеçђын
обѣщался которому, туда прибылъ когда, населеніе, себѣ объяснить

jiмыџо jiђеçтāт hарçђеке пçым: „cce соџе; фымышыне!“
не зная, испугалось, но князь: „я я знаю; вы не бойтесь!“

çыжі’ам шынеȝахеkāм.
тамъ сказалъ когда, бояться стали не.

Ji’уȝке jiныȝо kākуāм пçым kжāрі’аç:
Потомъ великанъ, пришелъ который къ князю, отъ себя сказалъ:

„hуikо нāхыџо kано kāзептыно жыхопађāр
„Своего сына младшаго воспитанникомъ мнѣ ты отдать ты сказавшій когда-то,

kāзет: сыkāџеkуāрik hар’аç!“ çыжі’ам,
отъ себя отдай: я за этимъ пришедшій и этотъ есмь!“, тамъ сказалъ когда,

пçым пежо зерыђегуђāр jiгу-kāȝрі: „Хунç“ жі’āç.
князь, дѣйствительно, обѣщался что, припомнивши: „Хорошо“ сказалъ.

çаlеџыву kано jiныȝым jiђынер бегоlхем
Мальчикъ, воспитанникомъ великанъ взять (долженъ) котораго, нукерами

kано jiђāо çытн; пçым jiђаkорі kāрыђеђыȝрі
въ воспитанники взятъ былъ; (потому) князь пославши, заставивши принести,

jiныȝым џеlеџыкȝер çырітым, бегоlхем водо
великану мальчика малюсенькаго, тамъ отдалъ когда, нукерамъ очень

ӄуāо jiçиxуāç jiki заҕегусāç: „дикан трiхрi, Alleh̲ем
досадно тамъ стало и обидѣлись: „нашего воспитанника отнявъ, Богъ

jeçe зирытāр jiҕеӄодāç!" жа'ао. Jiнызым çeleйцукур
знаетъ (кому) отдавшiй, потерялъ!" говоря. Великанъ, мальчика маленькаго

kано jih̲pi ӄожāç.
воспитанникомъ понесши, ушелъ.

Jiнызим kано jih̲āp jiйоре çыто, ззи махо
Великанъ воспитанникомъ взятаго воспитывая будучи, одинъ день

горым jeзыр демысо, çeleйцикур зеiже çихуā-
какой-то самого не будучи дома, мальчикъ маленькiй бѣгать сталъ

не'узым, мо çele jeyeçe йцыкур шеçым jiб-
послѣ того когда, этотъ мальчикъ повѣса маленькiй къ конюшнѣ ея две-

зем 'ужедāç; çы'ужадем шиы йçеҕуаloy çетыр
рямъ подбѣжалъ; туда подбѣжалъ когда, конь бѣлый, стоявшiй тамъ,

kāxужрi, абре-миво бзем 'ужыр kā-
на него набросившись, огромный камень въ дверяхъ лежалъ который, тебѣ

hузрi çalем kāтрiҕехуāç jiki jiҕеме-
бросивши, на мальчика бросилъ и его заставилъ впасть въ обмо-

хāç. Jiнызоу jitelыкыр kāçыӄозим, мор çижаҕум
рокъ. Великанъ воспитатель, туда вернулся когда, его тамъ увидѣлъ когда,

çтерi hар жi'аç: „Alleh̲, Alleh̲, сибҕонехуртi,
испугавшись, это сказалъ: „Боже, Боже, я несчастнымъ чуть (не) сдѣлался,

мыби ситçh̲е hукāӄуā!" жi'аго. Jitelыким псы тырыӄемi,
сюда зачѣмъ ты пришелъ!" говоря. Его воспитатель, водою (его) обдающiй,

ситмi kāҕехузāç, jiki жāрi'āç jiканим:
чѣмъ (подобнымъ), воскресилъ (его) и отъ себя сказалъ своему воспитаннику:

„Сиçale, шеçимке hумыӄо: шихем уоhуӄиыç" жi'арi.
„Мое дитя, въ конюшнѣ ты не ходи: лошади тебя убьютъ" сказавъ.

h̲арçh̲е çaleр jitelыким jeмидео: çаӄо мезим
Но мальчикъ своего воспитателя не слушая: на охоту въ лѣсъ

çиӄом зеi демеkубl jiçтерi шеçым ӄорi
туда отправился когда, кизиловыхъ палокъ семь взявъ, въ конюшню пойдя,

шиы йçеҕуаleр kāçышрi теiцисh̲āç.
коня бѣлаго выведши, сѣлъ.

çытеіцысhем пçеþуlер дунеім текызо хуāç мо
Тамъ онъ сѣлъ когда, бѣлый (конь) со свѣта уходить сталъ, этого

çеlе цыку тесыр kāрізыхіно, hарçhе kāхоізы-
мальчика маленькаго сидящаго сбросить желая, но его онъ сбросить

хākāм. çаlе цыкум шшы пçеþуаlем зеі демеkубlыр
могъ не. Мальчикъ маленькій на конѣ бѣломъ кизиловыхъ палокъ семь

çытырікутем jіþесамбрāç jіkі зехріþеçыкāç љыþо
тамъ изломалъ когда, усмирилъ, а также далъ понять, мужества

хељыр? çаlем jіçер jіныз-jітеlыkым
проглядываетъ (сколько)? Мальчикъ (что) дѣлающій, великанъ-его воспитатель,

kāçыљаþум гузаво kāсызрі hар жі'āç: „hа, сіçаlе сыт
тамъ увидалъ когда, торопясь прибывши, это сказалъ: „Ахъ, мое дитя, что

пçе-ре? шшы бзагем зеhуþеhукрі!“ — „hао, діjаде, hу-
ты дѣлаешь? лошади скверной тебя давши убить!“—„Нѣтъ, нашъ отецъ, ты

мышые: ссе сіhукынkāм“ жі'āç: „jіпекіçе дызерымыçо
не бойся: меня меня убьетъ не“ сказалъ: „раньше, мы другъ друга не зная,

зыгор kāзыçā-çhеkе“ жі'āç jіkаным. Абы jінеhузkе jі-
что-то сдѣлалъ хотя“ сказалъ его воспитанникъ. Этого послѣ ве-

ныѕым jіkаныр шуо мезым çако зыдышо
ликанъ своего воспитанника верхомъ въ лѣсъ на охоту съ собою брать

хоіþāç, jішукем кељышљо, шыуфынkе
началъ, верхомъ ѣздилъ когда, присматриваясь, верхомъ можетъ ѣздить что,

мыгуþо зерыçеlаçем-çhеkе. hарçhе зерыçмыгуþāм нāхрі-нā-
не думая, онъ мальчикъ есть потому что. Но надѣялся чѣмъ лучше

хыфо kāçеkāç. љыго jіkаным хељыр çыçем
оказался. Мужества въ его воспитанникѣ есть сколько, тамъ узналъ

jіkаным жāрі'āç: „Jihi сыçаlе, ссе уо
когда, своему воспитаннику отъ себя сказалъ: „Ну, мое дитя, мнѣ ты

koi hусхохунkāм, kуоуk hуkāсhākāм, hао цых
сыномъ ты меня для будешь не, за сына и тебя я взялъ не, но изъ людей

цыкум љеç kахеk хабзеты: љеç hухеме,
маленькихъ сильные выходятъ, обычай былъ: сильный ты станешь если,

сышнехыçыт jіныз пасçтыhым jіљес тоç ху'аçы
моихъ братьевъ двухъ, великановъ царемъ лѣтъ двадцать есть

ђеро ji'мђир kăсхобђеҭупсыӡын, жiс'арi, һукăсђăр
плѣненными, содержимыхъ заставишь освободить, я сказавъ, тебя принесшій

һар'ас", жi'ăс jiныӡ ҫalем jiтелыкым. „Һар гуђкăм,
этотъ есмь", сказалъ великанъ, мальчика его воспитатель. „Это трудно не,

дiјаде, шыре 'асере kăзет" жi'ăс ҫalем. Jiныӡыр
нашъ отецъ, коня и оружіе дай" сказалъ мальчикъ. Великанъ,

ҫеђерi шшы-kере дахем, дысе уанер тежо kăҫышăс,
зайдя, коня караго красиваго, золотое сѣдло лежа, оттуда вывелъ,

'асi kрытăс. ҫalер шесс абi jiныӡ патсыђым-
оружіе далъ. Мальчикъ верхомъ сѣлъ нему великановъ царю

јдеi kоно јеӡăс. Ђогум здеkом jiныӡ-аxо,
къ ѣхать отправился. По дорогѣ себѣ ѣхалъ когда, великаны-пастухи скота,

шыxо, шkаxо kă'усе xуăс. Мо jiныӡхем мо
лошадей пастухи, телятъ пастухи встрѣчаться стали. Эти великаны этого

цык-дыдер kăсажађуkе jiђесађортi жа'арт: „Мо
маленькаго очень тамъ увидѣли когда, удивлялись (и) говорили: „Этотъ

цык-дыдер тене kо-ре? „һуп", жiпаме һудырынос! Сыто-
малюсенькій куда ѣдетъ? „гопъ", тебѣ сказать если, ты проглотишь! Что

пере jiгу хежыр?" жа'аоре ҫеle цыкур jiђегубӡрi
его цѣль проглядывающая?" говоря, мальчика маленькаго разсердивъ,

зырађеһуkăс хомеiхо. Jiныӡ аxо шыxохр
заставили ихъ убить, желая не вовсе. Великановъ пастуховъ табунщиковъ

сыһуkым jiбыlымхер kăxурi jiныӡ jiтеlыkым
тамъ убилъ когда, ихъ скотину пригнавши, къ великану своему воспитателю

јдеi kăkожăс. Kăсыkожым jiтеlыkыр јe'упсăс:
домой вернулся. Туда вернулся когда, его воспитатель (его) спросилъ:

„Jiнте сiҫale, jiкiрi һуkуă-kе?" жi'арi; „ђао сынесын
„Итакъ, мое дитя, еще (не) ты поѣхалъ?" сказавъ; „Нѣтъ, мнѣ доѣхать,

мыхер kăсҫенаkо kăспыђуажђерi сађежеkiăkăм. Jезыхерi
они мнѣ надсмѣхаться мнѣ навязавшись, мнѣ насильно дали не. Самихъ

сыһуkăс jiбыlымрi kăсxус, настi зеiђ?" жi'арi
я убилъ, ихъ скотину я пригонялъ, на возьми (и) себѣ держи!" сказавъ,

быlымыр kăрiтрi језыр һаргоро jiныӡ патсыђым-јдеi kуăс.
скотину давъ, самъ опять великановъ царю къ поѣхалъ.

Jінмʒ патçмḫим-jдеі k̓орі занĉо jiнĉант̓ем шуо де-
Великановъ царю къ пошедши, прямо въ его дворъ веркомъ за-

ḫері jепсмхāç, jiнмʒ патçмḫмр зм̓ĉелъ hунем k̓орі
ѣхавши, слѣзъ съ коня, великановъ царь лежитъ гдѣ, комнату пойдя,

ĉеḫāç. ḫуноі зм̓ĉеḫāм x̓мгебзмç део ʒехефегум
зашелъ. Въ комнатѣ, зашелъ куда, дѣвицы три, шьючи, на земляномъ полу

тесті хох̓еjіkāм: „ми цмх цмкур тене kā-
сидѣли, его ради шевельнулись не: „этотъ человѣкъ маленькій откуда прі-

k̓ā!“ жа'арі kāĉенек̓āç. ḫуноу зм̓ĉеḫāм jiнмʒ патçм-
ѣхалъ!“ сказавъ, посмѣялись. Въ комнатѣ, зашелъ куда, великановъ царь

ḫмр ʒео çмлбті: kаḇеушāç. Мор kāçмушим зм̓тḫаçрі
спя лежалъ: (его) разбудили. Онъ тамъ проснулся когда, умывшись,

hар жі'āç: „Ми цмх цмкур тене kāk̓ā, сі-зм-'ужḫе
это сказалъ: „Этотъ человѣкъ маленькій откуда пріѣхалъ, моей одной взятки

ниkо x̓уноç: „hуп̓“ жіс'анçі шхмнç“ жі'арі „hуп̓“
(порціи) половина будетъ: „гопъ“ я скажу (и) съѣмъ“ сказавъ, „гопъ“,

çмжі'ам: „Ссе уо hусшхмнç!“ жі'арі ĉеlе цмкур
тамъ сказалъ когда: „Я тебя тебя я съѣмъ!“ сказавъ, мальчикъ маленькій

jiнмʒ патçмḫим kāçенепефаом, ву'о п̓лбенепем
великана царю тамъ пощечину далъ когда, кувыркомъ въ уголъ

дмʒāç. „Alleḫ, Alleḫ, мир де зм̓рм̓т̓феçим теткāм:
забросилъ. „Боже, Боже, этотъ намъ, тебѣ кажется какъ, (такимъ) есть не:

дмзетмріhук̓еноç“ жа'āç псоміk̓. Jі'уʒk̓е çмшмнехем
насъ всѣхъ перебьетъ“ сказали всѣ. Потомъ тамъ устрашились когда,

kā'уп̓ĉāç: „Смт hузхоір, hуkāçек̓уāр“ жі'арі jiнмʒ
спросили: „Что тебѣ нужно, ты (зачѣмъ) пріѣхавшій“ сказавъ великановъ

патçмḫмр. „Jiнмʒо смшнех̓мʒмт̓о ми jiлбес т̓оĉим
царь. „Великаны мои старшіе брата два эти лѣтъ двадцать

ḇеро п̓мḇмр озḇот̓мпçмʒмно смkāçе-
плѣнными ты содержишь которыхъ, ты мнѣ отпустилъ чтобы, (вотъ) я пріѣхавшій

k̓уāр раçі: kоіт̓мçмʒ“ жі'āç. „ḫео, hар x̓уно 'amal jakāм“
за чѣмъ есмь: мнѣ отпусти“ сказалъ. „Нѣтъ, этому сдѣлаться есть не“

жі'āç jiнмʒ патçмḫим. „ḫар hумидеме hуп-
сказалъ великановъ царь. „Этого ты не хочешь если, съ твоими

ӿухері орі һузерисҫ̓инор мыр’аҫ“ жі’арі
дочерьми тобою и тебѣ отъ себя я сдѣлаю вотъ что есть“ сказавши,

kамишыкыр jikузāҫ ҫ̓ale ц̓ыкум. ҫыку-
камышевой плети ручку сжалъ въ рукахъ мальчикъ маленькій. Тамъ сжалъ

зым kамышыкым пљызо, ӿузо, фыцо kāҫ̓ыҕежāҫ
когда, изъ камышевой плети ручки красное, бѣлое, черное заставилъ вытечь—

зехомыдо. Jiныз патҫыһым мо ҫ̓ale ц̓ыкум jiҫ̓āр
различное. Великановъ царь, этотъ мальчикъ маленькій сдѣлалъ что,

ҫыљаҕум шынері jiӿыгебз неӿыҫ̓ер jiҕакорі уикібзері
тамъ увидалъ когда, испугавшись, свою дочь младшую пославши, ключъ

jiрітрі мы jiныӡытыр kāҫ̓ерiҕешыӡāҫ. Jiныӡо kāҫ̓а-
отдавши, этихъ великановъ двухъ заставилъ вывести. У великановъ, вывели

шыжахем jiҫһецхер kākiхао, ҫыҕыны jiҫыммҕо ҫыты; һасы-
которыхъ, ихъ волосы обросши, одежды не одѣты были; тот-

һатым jiҫһері jiрімыҕеһупсо jiдаkāм, ҫыҕым
часъ ихъ головы не побрили чтобъ, смягчился не (согласился); одежду

kабзі kырамыто jiдаkāм. Ji’узkе jiљес тоҫым jiсрафо
чистую не дали чтобъ, смягчился не. Потомъ лѣтъ двадцать убытокъ

jiҫ̓āрі kaiмыхо jiдаkāм: jiсрафо дыҫ̓е
сдѣланный вынуть не (взять) чтобы, смягчился не: убытокъ (за) золота

гут kaiхāҫ.
воза два вынулъ.

Jikошхері, дыҫ̓е гутрі kāшеӡрі jiтеlыкым-jдеі
Своихъ братьевъ, (и) золота воза два привезши, своему воспитателю къ

kākoӡāҫ ҫ̓ale ц̓ыкур. Jiныӡо ҫ̓ale ц̓ыкум kāшеӡā-
вернулся мальчикъ маленькій. Великаны, мальчикъ маленькій привелъ ко-

хер jiшнеӿыӡым jeуҫ̓āҫ: „Мы дде дыkāзышеӡā
торыхъ, своего брата старшаго спросили: „Этотъ насъ насъ приведшій

ҫ̓ale ц̓ыкур хет?“ жа’арі; „һар зытетыр мыр’аҫ“ жі’арі
мальчикъ маленькій кто?“ сказавъ; „это состоящее это есть“ сказавъ,

зерыҫыт псорі jiжрі’āҫ. „Ффе абы ховмыҫ̓апӿе зэы
было какъ, все разсказалъ. „Вы ему, что бы ни сдѣлали, (ни) одного

сы’аkāм“ жі’āҫ. „Jiнте һар’аме ӿунке“ дыпсер jiкурменҫ“,
есть не“ сказалъ. „Такъ, это если, хорошо“ наши души его жертвой суть“,

жа'аç мо käшеʒā јiнмʒхем. Абм не'уʒ ззн мехо
сказали эти приведенные великаны. Этого послѣ въ одинъ день

гормм јiнмʒ нехмʒнм јiканнм жäрi'āç: „Јiкi
какой-то великанъ старшій своему воспитаннику отъ себя сказалъ: „Теперь,

сiçаle, кмзжi'а сiдеi hуçм'ано ḫеме hујiде hу-
мое дитя, мнѣ скажи, меня у ты будешь, или къ твоему отцу (и) твоей

јiне јiдеi hукожнно? hу hуфефмр, пхосçеноç."
матери домой ты поѣдешь? тебѣ тебѣ хочется что, тебя ради я сдѣлаю."

çмжi'ам çаlем hар жi'āç: „Јiнте hар'аме дiјiде,
тамъ сказалъ когда, мальчикъ это сказалъ: „Такъ это если, нашъ отецъ,

ззн неђоç kāсхопçеном смхоiкāм: сiјiте-
одного (не) больше меня для ты сдѣлалъ чтобы, я хочу не: моимъ воспита-

lмkо смkäзах'мђāм јiдеi смнеђесмʒ!" жi'āç.
телямъ, я былъ отобранъ отъ которыхъ, нихъ до меня проводи!" сказалъ.

„Хунç!" жа'арi, çаlем бмlммр псмљмр кодо kратрi kра-
„Хорошо!" сказавъ, мальчику богатства рабовъ много давши, по-

шеʒежāç. Ђогум жмllерi језм зешнçрi çмђо kāтеḫеʒāо:
везли. Въ дорогѣ съ народомъ (и) сами брата три вмѣстѣ потрусивши,

„Alleḫ, Alleḫ, сiçаle фмз јiмм'а хунokāм",
(поѣхавши): „Боже, Боже, моему мальчику жены не имѣть нельзя",

жi'арi јiнмʒнм hар жi'āç. „Моде нмсе-ше гекў
сказавъ, великанъ это сказалъ. „Вонъ тамъ невѣстку увезти (гдѣ) свадьба

çм'аçм: абм коо фмз kāммшо хунokāм" жа'арi здне-
есть: туда ѣдучи, жену не привезъ чтобъ, нельзя" сказавъ, доѣха-

сāм зеховм'арi çаlер гегум фмзмше јiђекуāç.
ли гдѣ, тамъ остановившись, юношу на свадьбу жену привести послали.

Мо çаle џмкур гегум çмком хате паḫāкāм,
Этотъ мальчикъ маленькій на свадьбу туда пошелъ когда, вниманія обратили не,

ханмм јiпхухер љм јiрiтмртi. Ханмм „мм тмђем, јељe-
хана его дочерей замужъ выдавали. Ханъ „этотъ ровъ, перепрыгнетъ

мре сађем техомре смпхур јестмноç!" жi'арт,
кто, (и) въ мишень попадетъ кто, (за того) мою дочь я выдамъ!" говорилъ,

hарçḫе тмђем јељенi сађем техонi ззн
но ровъ перепрыгнулъ (кто) бы, въ мишень попалъ (кто) бы, одного

kахемнkоре кезӯр jінизым jікан çale цывум
не оказываясь, очередь великановъ ихъ воспитанника мальчика маленькаго

jдеі kāçнсим, jі'уз-диде jітн, kāçепхорі тыбем
до тамъ настала когда, (онъ) позади очень былъ, помчавшись ровъ

kāлбāç, зе'окрі сабер jікутāç. çale цывум
перепрыгнулъ, обернувшись (выстрѣливъ), мишень выбилъ. Мальчикъ маленькій

hар зеріçāм жиllер jібеhelебеlнkāç jікі жа'āç: „Тао хун,
это сдѣлалъ что, общество взбудоражило и сказали: „Какъ можно,

мы сабіjім ханым jіпхур jето, jетынkāм, дде
этому ребенку хана его дочь отдали чтобъ, отдадимъ не, среди насъ

пçы тхетç, орk тхетç", жа'ао çыхоізем çale
князья находятся, дворяне находятся", говорить тамъ начали когда, мальчикъ

цывур шердаким jезалбері ханым jіпхур kāпхуатері
маленькій къ возвышенію подскочивши, хана его дочь схвативши,

kāçезежым, жиllер kāкелбезā-çheке, келбеçемыhао: зихе-
оттуда уѣхалъ когда, общество погналось хотя, догнали не но: выѣхалъ

кā гупым kахеhезāç, физы kāhрі.
откуда, въ партію въѣхалъ (возвратился), жену принеся.

Физ kāшео çale цывур kāçыкозым гупыр
Жену привезя, мальчикъ маленькій оттуда вернулся когда, партія

kāзежāç jібогӯ kāтеhезāç. çale цывум jі-
отправилась (и) по своей дорогѣ поѣхала. Мальчика маленькаго его

дем jікуажем jібунебо kāçысым увы'ахері, çaleмре
отца его аула близко туда пріѣхали когда, остановившись, мальчикъ

jітеlнkмре jізаkо kуажем kāдыhері çale цывум jі-
и его воспитатель, одни въ аулъ въѣхавши, у мальчика маленькаго его

теlнkым jідеі çепсыхāç. çale цывур kаçезыфыр-
воспитателей дома слѣзли съ лошадей. Мальчика маленькаго узнать

теkāмі: jітеlнk-аным hар жі'āç: „Мы kāкуāр сы-
могли не: его воспитательница-мать это сказала: „Этотъ пріѣхавшій мое

дыбе сфоç; зишебе jіныз белецешхом kāшезā
солнце, мнѣ кажется; повезъ кто, великанъ лохматый большой привезъ,

сфоçрі смко семыпл хуноkāм", жі'āç: „Сіне-
мнѣ показавшись, я идя мнѣ не посмотрѣть нельзя", сказала: „Мой свѣтъ

фынеме сçезмноç: jінатем jідеі дырko ji'аті" жі'арі kуāç
есть если, я узнаю: на лбу у него шрамъ былъ" сказавъ, пошла.

jінызым kämeзā çaleм-jдеі. kopi käпльнепльи, жі'ope
великанамъ приведенному мальчику къ. Пошедши осмотрѣть, говоря,

jінатем дырko ji'ap käxiбeçāç. „Alleh, Alleh, сынефыне
на его лбу шрамъ есть что, нашла. „Боже, Боже, мой свѣтъ

käkoжāç!" жі'арі käзышезāмі jезы çalemi jебоо xoiзāç
возвратился!" сказавъ, привезеннаго самаго мальчика цѣловать начала

jitelык-аныр. Псым xыбар paбeçāç jiko
его воспитательница мать. Князю вѣсть заставили почувствовать, его сынъ

jінызым jihāp käзрыkoжāp jiki je'упçāç: „Тене çы'ано,
великаномъ взятый вернулся что, и (его) спросили: „Гдѣ будеть нахо-

hудеі, heме дідеі?" жа'арі. „Абы ссе сытке сы-
диться, у тебя, или у насъ?" сказавъ. „Этому я чѣмъ я распоря-

хут", жі'āç псым: „jезыр здыхоім çі'анç: kуаже ji'aç,
жаюсь", сказалъ князь: „самому хочется гдѣ, тамъ будетъ: аулъ имѣетъ,

псылѣ ji'aç çыпе çhexo jетынçі: çhexo jipeпco!" жі'āç
рабовъ имѣетъ, мѣсто отдѣльно отведемъ: отдѣльно пусть живетъ!" сказалъ

псым. çыпе çhexo jipaтpi jезым kуаже ji'ao, псылѣ ji'ao,
князь. Мѣсто отдѣльное отдавши, самъ аулъ имѣя, рабовъ имѣя,

псоо, тхежо käнезāç jінызым kано jihыбā çale
живя, блаженствуя, остался великаномъ въ воспитанники взятый мальчикъ

цыкў псым jikop.—hap зерыдмылъебуо бзегебо дымылъа-
маленькій князя его сынъ.—Это мы не видѣли какъ, дурное мы не уви-

буke.
димъ да.

Переводъ.

Жилъ-былъ одинъ богатый князь; у него было несмѣтное количество скота; имѣлъ онъ двадцать нукеровъ, но семья его была самъ-другъ: онъ и жена; дѣтей не было. Однажды князь призадумался: „Послѣ моей смерти все мое богатство перейдетъ къ нукерамъ, а потому не лучше ли мнѣ попытаться найти наслѣдника: быть-можетъ, кто-нибудь и поможетъ; поѣду по бѣлу свѣту искать счастья; бояться и дорожить мнѣ

нечѣмъ, хотя бы я и погибъ въ погонѣ за счастьемъ! Поѣду туда, куда Богъ понесетъ!“ Онъ отправился, взявъ съ собою двухъ нукеровъ. Долго ли онъ ѣхалъ, коротко ли, но наконецъ, онъ очутился въ степи, усѣянной курганами, гдѣ не было ни одной человѣческой души. Онъ взобрался на высокій курганъ съ цѣлью осмотрѣть окрестности, не видать ли чего нибудь. Обозрѣвая мѣстность, онъ далеко-далеко увидѣлъ небольшое черное пятно. Онъ направился туда, подумавши: „Поѣду туда, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть!“. Пятно это оказалось фруктовымъ садомъ. Садъ содержался въ большомъ порядкѣ: было такъ чисто, какъ все равно на полу сакли. Пріѣхавши въ садъ, князь слѣзъ съ коня, привязалъ его къ вѣткѣ дерева, закусилъ немного, а затѣмъ влѣзъ на дерево, чтобы съ вышины обозрѣть окрестности. Въ это время поднялась такая буря, что ломала все со страшной силой. Князь боялся, чтобы вѣтеръ его не сбросилъ съ дерева, и потому онъ обхватилъ своими руками стволъ, выжидая, пока буря не стихнетъ. Когда стало совсѣмъ тихо, къ князю подошелъ великанъ и поздоровался съ нимъ. Князь отвѣтилъ ему на привѣтствіе. „Маленькій человѣкъ, чтó тебя сюда принесло?“ сказалъ великанъ: „въ этой мѣстности нѣтъ такихъ людей, какъ ты: сюда они не могутъ добраться! Это страна великановъ. Что за цѣль у тебя? Объясни; если я въ силахъ тебѣ помочь, помогу!“ — „У меня нѣтъ никакой цѣли; попалъ я сюда нечаянно, заблудившись, а потому помоги мнѣ отсюда выбраться, пока меня не съѣли или не похитили великаны!“ Со слезами на глазахъ просилъ князь у великана показать ему дорогу. „Нѣтъ, какъ это можно, чтобы ты безъ всякой цѣли сюда пріѣхалъ“, сказалъ великанъ: „не можетъ этого быть: у тебя есть какая-нибудь цѣль; скажи, быть-можетъ, я помогу тебѣ ея достигнуть!“ Такимъ образомъ, великанъ заставилъ князя сообщить о своей цѣли. Князь сказалъ: „Я настолько богатъ, что не знаю счета своему богатству, но такъ

какъ я не имѣю ни наслѣдника ни наслѣдницы, то я поѣхалъ искать того, кто мнѣ поможетъ въ этомъ горѣ!“ — „Такъ развѣ это трудно?“ сказалъ великанъ: „сорви яблоко съ той яблони, на которой ты сидишь, поѣшь и будутъ у тебя дѣти!“ Князь осмотрѣлъ яблоню, но ничего на ней не увидѣлъ: „Нѣтъ ни одного!“ сказалъ князь. „Нѣтъ, есть!“ отвѣтилъ великанъ и, подойдя къ яблонѣ, встряхнулъ дерево: упало одно яблоко. Потомъ встряхнулъ опять, упало другое яблоко. Такимъ образомъ, упали четыре яблока; тогда великанъ сказалъ: „Когда эти четыре яблока вы съ женою поѣдите, у васъ будутъ четыре сына; самаго младшаго изъ нихъ я прошу тебя отдать мнѣ на воспитаніе!“ Князь на это отвѣчалъ: „Хорошо!“ — „Ну, теперь уѣзжай: великаны, которые были на охотѣ, возвращаются. Я ихъ отклоню какъ-нибудь отъ тебя, сказавши, что вонъ съ той стороны выскочилъ заяцъ. Когда они побѣгутъ туда, ты съ этой стороны выѣзжай, скрываясь отъ нихъ, чтобы тебя не видѣли“. Показавъ дорогу, великанъ самъ побѣжалъ навстрѣчу великанамъ, чтобы ихъ обмануть, а князь съ яблоками возвратился домой.

Послѣ возвращенія князя домой, ровно чрезъ четыре мѣсяца, онъ уже имѣлъ четырехъ сыновей, которыхъ нукеры забрали къ себѣ на воспитаніе. Въ числѣ другихъ сыновей былъ взятъ и самый младшій, такъ какъ князь позабылъ о своемъ обѣщаніи великану. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ вдругъ поднялась буря, разрушившая зданія и погубившая многихъ животныхъ. Народъ былъ въ отчаяніи. Когда буря унялась, появился въ селѣ какой-то великанъ. Народъ отъ страху не зналъ, что̀ дѣлать; никто не могъ объяснить себѣ небывалое появленіе великана. Тогда князь успокоилъ ихъ, говоря: „Не бойтесь, я знаю, кто онъ, и зачѣмъ пришелъ!“

Этотъ великанъ былъ тотъ же самый, которому князь обѣщалъ дать своего младшаго сына въ воспитанники; буря была предвѣстницей его прихода. Пришедшій великанъ ска-

залъ князю: „Я пришелъ взять твоего младшаго сына, котораго ты мнѣ обѣщался отдать въ воспитанники; прошу исполнить свое обѣщаніе!“ Вспомнивъ свое обѣщаніе, князь сказалъ: „Хорошо“ и послалъ въ домъ къ нукерамъ, съ приказаніемъ отобрать отъ нихъ мальчика и отдать пришедшему великану. Нукеры этимъ были сильно опечалены и остались недовольны своимъ княземъ; они говорили: „князь нашего воспитанника отобралъ, и Богу только извѣстно, кому онъ отдалъ его: на вѣки вѣчные погубилъ его!“ Великанъ ушелъ, взявъ ребенка, и сталъ его у себя воспитывать.

Мальчикъ подросъ и сдѣлался очень рѣзвымъ. Однажды, въ отсутствіе великана, который былъ на охотѣ, мальчикъ побѣжалъ къ конюшнѣ и сталъ у дверей. Бѣлый конь, стоявшій въ конюшнѣ, какъ только почувствовалъ близость мальчика, бросился къ нему съ цѣлью убить. Двери были заложены большимъ камнемъ, который отъ толчка коня откатился и ударилъ стоявшаго тутъ же мальчика, отъ чего послѣдній, лишившись чувствъ, упалъ въ обморокъ. Возвратившійся съ охоты великанъ-воспитатель засталъ своего воспитанника лежащимъ въ обморокѣ и сказалъ: „Боже! онъ чуть меня не сдѣлалъ несчастнымъ. Зачѣмъ ты сюда пришелъ?“ Великанъ кое-какъ привелъ въ чувство мальчика и сказалъ въ назиданіе: „Сынъ мой, не подходи близко къ конюшнѣ: лошади тебя убьютъ!“ Но мальчикъ не послушался своего воспитателя; когда тотъ пошелъ на охоту, онъ взялъ семь кизиловыхъ палокъ, вывелъ бѣлаго коня изъ конюшни и сѣлъ.

Конь сталъ бѣситься, желая, во что бы то ни стало, сбросить своего юнаго сѣдока. Но не тутъ-то было; онъ долженъ былъ покориться его волѣ: юноша объ его голову поломалъ всѣ семь кизиловыхъ палокъ и этимъ ему внушилъ понятіе о своемъ мужествѣ и заставилъ его слушаться. Когда великанъ, возвратившись домой, увидѣлъ продѣлки мальчика, то сказалъ: „Сынъ мой, что ты дѣлаешь!? Дикій конь убьетъ

тебя!“ — „Нѣтъ, отецъ, не бойся; онъ меня не убьетъ, хотя раньше, по моей оплошности, онъ мнѣ надѣлалъ много непріятностей!“ отвѣчалъ мальчикъ. Послѣ этого случая великанъ сталъ брать мальчика съ собою на охоту и слѣдить за нимъ, боясь, чтобы съ нимъ не случилось какого-нибудь несчастія, потому что былъ слишкомъ еще молодъ. Но въ немъ оказалось болѣе мужества, нежели онъ могъ предполагать. Узнавши качества своего воспитанника, великанъ сказалъ: „Ну, мое дитя! ты не можешь сдѣлаться мнѣ сыномъ, да и не для того я тебя взялъ, чтобы тебя усыновлять; я зналъ, что между маленькими людьми случаются иногда замѣчательные силачи, и потому разсчитывалъ, что изъ тебя выйдетъ силачъ и ты освободишь моихъ братьевъ, находящихся уже двадцать лѣтъ въ плѣну у царя великановъ. Вотъ для чего я тебя и взялъ!“ На это юноша отвѣтилъ: „Это не трудно: освобожу братьевъ, дай мнѣ только коня и оружіе!“ Великанъ тотчасъ же вывелъ вороного коня подъ золотымъ сѣдломъ, вынесъ прекрасное оружіе и отдалъ своему воспитаннику. Юноша сѣлъ и поѣхалъ къ царю великановъ. По дорогѣ ему стали встрѣчаться пастухи-великаны, табунщики-великаны, съ огромными стадами, которые, видя маленькаго человѣка, надсмѣхались надъ нимъ: „Куда ѣдетъ этотъ карликъ“, говорили они: „его сразу можно проглотить. Зачѣмъ онъ ѣдетъ?“ Эти насмѣшки разгнѣвили юношу, и онъ, безъ всякаго желанія съ своей стороны, перебилъ этихъ великановъ, забралъ ихъ стада и вернулся домой къ воспитателю съ полдороги. Когда онъ вернулся, воспитатель спросилъ: „Ну, чтожъ, мое дитя, отчего ты еще не поѣхалъ?“ — „Я не могъ доѣхать; вотъ великаны привязались ко мнѣ и, надсмѣхаясь, не дали проѣхать. За ихъ дерзости я ихъ перебилъ, а стада пригналъ къ тебѣ. На, получи и пользуйся!“ Сдавъ воспитателю пригнанныя стада, самъ онъ опять поѣхалъ туда же: къ царю великановъ освобождать братьевъ своего воспитателя. Пріѣхавши къ царю

великановъ, онъ прямо заѣхалъ во дворъ, слѣзъ съ лошади и зашелъ въ тотъ домъ, гдѣ помѣщался самъ царь. Въ комнатѣ, сидя на полу, шили три дѣвицы; онѣ не обратили никакого вниманія на появленіе юноши, даже не приподнялись съ мѣста, а только смѣясь надъ нимъ, сказали: „откуда взялся этотъ маленькій человѣкъ?“. Въ той самой комнатѣ спалъ царь великановъ: его разбудили. Проснувшись и умывшись, онъ сказалъ: „Откуда взялся этотъ карликъ? Онъ такъ малъ, что составляетъ едва половину моей ежедневной порціи; его ничего не стоитъ мнѣ проглотить!“ Царь разинулъ ротъ и хотѣлъ проглотить юношу, но тотъ, сказавъ: „Я тебя съѣмъ самъ!“, далъ ему такую пощечину, что онъ кубаремъ полетѣлъ и очутился въ дальнемъ углу комнаты. Царь ужаснулся и сказалъ: „Боже, онъ перебьетъ насъ всѣхъ“, и спросилъ юношу: „Что тебѣ нужно? За чѣмъ ты пріѣхалъ?“—„Я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы освободить своихъ двухъ братьевъ великановъ, которые находятся у тебя въ плѣну двадцать лѣтъ: отпусти ихъ“, сказалъ юноша. „Нѣтъ, этого нельзя“, сказалъ царь великановъ. „Если ты съ этимъ не согласенъ, то вотъ что я сдѣлаю съ тобою и съ дочерьми!“; сказавъ это, юноша въ рукахъ сдавилъ ручку плети, отчего оттуда потекла разноцвѣтная жидкость. Царь испугался, далъ ключи младшей дочери и послалъ освободить плѣнниковъ. Плѣнники были обросшіе волосами и оборваны, а потому юноша потребовалъ, чтобы царь заставилъ ихъ побрить и одѣть въ чистую одежду; кромѣ того, для пополненія убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе двадцатилѣтняго плѣна, юноша потребовалъ отъ царя два воза золота. Царь исполнилъ и это послѣднее требованіе изъ боязни, чтобы онъ ихъ всѣхъ не стеръ съ лица земли.

Юноша возвратился къ своему воспитателю, привезши съ собою его плѣнныхъ братьевъ и два воза золота. Великаны, освобожденные имъ изъ плѣна, спросили у старшаго брата: „Кто такой этотъ юноша, который насъ освободилъ изъ

плѣна и привезъ домой?" Братъ имъ разсказалъ все, какъ было, и добавилъ: „Вы ему всѣмъ обязаны и потому ничего не жалѣйте, чтобы его отблагодарить!" Братья отвѣчали: „Если такъ, то мы за него готовы пожертвовать своею жизнію!". Спустя нѣкоторое время, въ одинъ прекрасный день воспитатель-великанъ позвалъ своего воспитанника и сказалъ: „Ну, дитя мое, скажи, чего хочешь: будешь жить у меня или уѣдешь къ родителямъ? говори, я сдѣлаю то, что тебѣ больше нравится". Юноша отвѣчалъ: „Отецъ, мнѣ больше ничего не нужно, только доставь меня моимъ аталыкамъ (воспитателямъ), отъ которыхъ ты меня взялъ". Великанъ съ этимъ согласился; онъ одарилъ его богатствами и рабами, составлявшими цѣлый аулъ, и со своими братьями повезъ юношу домой. На пути вдругъ старшій великанъ и говоритъ: „Боже, какъ же мы повеземъ нашего воспитанника: обязательно нужно его женить!". Онъ настоялъ на своемъ и отправилъ воспитанника жениться. Въ это самое время нѣкій ханъ выдавалъ свою дочь замужъ за того, кто перепрыгнетъ на лошади ровъ, довольно большой ширины, а также попадетъ въ цѣль. По этому поводу ханомъ былъ устроенъ свадебный пиръ, куда съѣхались удалые женихи со всего конца обширнаго ханства состязаться, чтобы получить руку дочери хана. Между ними были князья и дворяне, достойные царственной руки; но, увы, никто изъ нихъ не могъ перепрыгнуть рва; всѣ позорнымъ образомъ падали въ него—этому была очевидицей ханская дочь, которая съ трона слѣдила за дѣйствіями состязавшихся жениховъ. Наконецъ, очередь дошла до героя нашего разсказа, юноши, стоявшаго позади всѣхъ; онъ ударилъ плетью коня, понесся, какъ вихрь, и очень легко перепрыгнулъ чрезъ злополучный ровъ, а затѣмъ на скаку обернулся, выстрѣлилъ и выбилъ цѣль! Народъ взбунтовался, всѣ вдругъ заговорили: „Какъ можно, такому молокососу не отдадимъ дочери хана: среди насъ, въ лицѣ князей и дворянъ,

есть болѣе достойные женихи; лучше отдадимъ имъ, нежели этому малокососу!“ Услышавъ такіе толки, юноша, не долго думая, подскочилъ къ трону, гдѣ сидѣла ханская дочь, схватилъ ее и увезъ на лошади. Всѣ погнались за нимъ, но не могли догнать: въ одинъ моментъ слѣдъ его исчезъ.

Юноша вернулся съ женою туда, гдѣ его ожидали великаны и другіе. Послѣ этого, всѣ вновь пустились въ путь. Неизвѣстно, долго ли, коротко ли они ѣхали до аула, гдѣ жили всѣ родные юноши. Когда они пріѣхали близко къ аулу, то юноша въ сопровожденіи одного своего воспитателя, оставивши другихъ за ауломъ, въѣхалъ въ аулъ и остановился у бывшихъ своихъ аталыковъ. Его не могли узнать, хотя и подозрѣвали, что юноша-гость есть тотъ младенецъ, который былъ взятъ великаномъ. Тогда мать-аталычка сказала: „Этотъ юноша, кажется, свѣтъ своихъ очей; дайте мнѣ пойти къ нему, я узнаю его, потому что у него долженъ быть шрамъ на лбу!“ Старушка пошла и стала разсматривать юношу; наконецъ, замѣтивши на лбу шрамъ, бросилась цѣловать юношу и обнимать; въ знакъ особенной радости она цѣловала и великана, привезшаго юношу. Она съ величайшимъ восторгомъ прибѣжала изъ кунацкой и сообщила, что вернулся свѣтъ ея очей. Послали къ князю людей сообщить о возвращеніи сына, а также спросить, гдѣ онъ будетъ жить: у него—отца или у аталыковъ. На послѣднее князь отвѣчалъ: „Я не желаю и не могу вмѣшиваться въ его дѣла: у него есть свой аулъ, свои рабы и онъ будетъ жить, гдѣ ему угодно, а мы для поселенія отведемъ ему мѣсто“. Какъ князь сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отвели ему особое мѣсто, гдѣ онъ поселился со своимъ ауломъ и сталъ жить отдѣльнымъ отъ отца хозяйствомъ.—Если мы всему разсказанному не были свидѣтелями, да не доведется намъ не испытать горя!

Б. Кякскіе тексты.

а) Хакучинскій говоръ.

6. Хакучинецъ Маршановъ и чортъ.

Jiшре jiʼунере зетырыѣḫері „бісміllaḫ“ jiʼорі
На свою лошадь свое сѣдло положивши, „бисмиллахъ“ сказавши,

шесāƣ; решесі Шехапе; уḫāƣ ныгем; jiḫi
на лошадь сѣлъ; ѣдетъ къ Шахе устьямъ; тебѣ поѣхалъ по берегу; ѣдетъ

Ордане; здынесмнем несыƣ; пшаƣо плъаƣур keіхрі
(въ) Ордане; доѣхать (могъ) куда, (туда) доѣхалъ; облако видимое, спустившись,

ѣ̓ым jiсḫаçыѣ̓ пшаƣор ktеhувāƣ. Шыбlер ƣухо
надъ человѣка его головы макушкой облако стало. Громъ гремѣть

çыхоȝем Мершеным ƣогур рымыто, ʼукынке jƣаçто,
сталъ когда, Маршанову дорогу не давая, убить его стращаетъ,

jпеке̓ ƣогу рымыто Мершеныр kыƣовыʼā. „Мы шыбlем
впереди дорогу не давая, Маршанова остановила. „Эта молнія

сидым пайче ƣогу kызымыто сыʼукыно kыçыçеḫāр,
чего ради, дорогу не давая, меня убить тамъ привязавшаяся,

сыты?“ jорі зызепыпlеḫыȝыƣ. ḫазыро jiбƣе
почему?“ сказавъ, самого себя осмотрѣлъ. На газырь на своей груди

jѣым çепѣым шетаным jнер kапѣо ḫа-
лежачій туда посмотрѣлъ когда, чорта, съ глазами смотрящими, въ га-

зыр цыкум jсо ріѣеƣо. ḫазырым jсыр шыбlем ріƣе-
зырѣ маленькомъ сидя увидѣлъ. Въ газырѣ сидящаго молніи пора-

ʼукыƣеп, ḫаçоо kызхуƣенāƣ jiki jiуʼāƣ шыбlем:
зить далъ не, гостемъ (его) себя у оставилъ и еще сказалъ молніи:

„Сыʼук, сыʼуă, сыḫаçе остыçтеп“. Мершеным ар
„Меня убей, меня рази, своего гостя тебѣ я выдамъ не“. Маршановъ это

çыȝыʼā-неʼуȝым шыбlем пшаƣор jiçтеȝыƣ. Шетаныр
тамъ сказалъ послѣ того когда, молнія облако взяла снова. Чортъ

мезым хеḫаȝыƣ: „уjапеке нобе kысфебçāм
въ лѣсъ ушелъ: „въ будущемъ (впереди), сегодня меня для ты сдѣлалъ что

jh̲атырке узуҫаф пљаӡун“, jiopi. Мершенир jiӡогу
ради встрѣтишь что, ты увидишь“, сказавъ. Маршановъ по своей дорогѣ

рыко тето зи уне физишфе шу-зетесо
ѣдучи находясь, одинъ домъ красивый старый большой на лошади сидя

ҫеh̲āӡ; униў зиҫеh̲аiм шетаноў jутипҫизāм
въѣхалъ; въ домъ, онъ въѣхалъ который, чорта, имъ отпущеннаго,

jiдемре jiшыпхумре тхео ҫесо ’уҫāӡ. Шетан љизоў
отецъ и сестра пишущими сидя, встрѣтилъ. Чортъ старикъ,

Мершенир зи’уҫāм Мершеним kыӡри’āӡ: „Се си-
Маршановъ встрѣтилъ котораго, Маршанову сказалъ: „Я, моего

kор шыбleм jемыӡе’укго kысхобӡенāӡы, аби jh̲атырке
сына, молніи поразить давъ не, тебя для оставилъ, этого ради,

мы сыпх̊уо зи нех дахе ҫимиаў стоlым
эту мою дочь одной красивѣе которой нѣтъ (и) за столомъ сидитъ

бӡедесыр, узот; аби уфемеiме диӡын lеrенишфер
которая, тебѣ отдаю; этой ты хочешь не если, серебряный тазъ большой

узот бlеӡе фето“.
отдаю, какъ другу тебѣ отдаю“.

Мершеним шетан-фыз jiмыдо диӡин lеrенир kысҭāӡ;
Маршановъ чертовку-жену не хотя серебряный тазъ взялъ;

шетаним jiпх̊ум jу’āӡ: „Мершенир се укысҫимысте:
чорта дочь сказала: „Маршановъ, меня ты меня не пугайся:

быlым хекыпе сыпфехун“. Арсh̲аке Мершеним jiдā-
богатства источникомъ я тебя для буду“. Но Маршановъ захо-

ӡеп. Мершеним шетан хыгебзим: „У lеrин kаме-
тѣлъ не (ее). Маршанову чертова дѣвица: „На свой тазъ кинжа-

ке дамыӡе тедз!“ kыри’уӡ. Мершеним jikамер kырiх̊рi
ломъ тавро положи!“ сказала. Маршановъ, свой кинжалъ вынувъ,

lеrеным дамыӡе тырыӡāӡ; jiтыне Мершеним: „уiуане
на тазъ тавро положилъ; потомъ Маршанову: „къ своему сѣдлу

kепх lеrенир!“ kысра’ом, Мершеним lеrенир уанем
привяжи тазъ!“ тамъ сказали когда, Маршановъ тазъ къ сѣдлу

jiкепхыӡ. Шетан љизир kепсаљерi kыу’āӡ: „Мершен мо-
привязалъ. Чортъ старикъ заговоривъ, сказалъ: „Маршановъ, эти вер-

шу какохер уо уіӡус?“ јорі; Мершенир ҫи-
ховые, ѣдутъ которые, твои твои товарищи?“ сказавъ; Маршановъ, тамъ

зепљекым псорі кодиҙрі Мершеним јшим
оглянулся посмотрѣть когда, все исчезнувши, у Маршанова на его лошади

Ӏегенир јекепхаго ӡогум зеритетам ходего
тазъ привязаннымъ (къ сѣдлу), на дорогѣ ѣхавшимъ былъ какъ, такъ

kитеḫеҙиӡ.
трусилъ онъ вновь.

(Записано со словъ жителя с. Кичмая, Лахедыга Нагиды).

Переводъ.

Осѣдлавъ своего коня, сказалъ: „бисмилахъ“ *) и поѣхалъ къ устьямъ рѣки Шахе **). До Ордане, куда можетъ дойти, доѣхалъ. Облако, насколько видно, сгустилось надъ его головою и стало грозной тучей. Громъ сталъ гремѣть. Молнія Маршанову не давала ѣхать дальше по дорогѣ, грозя его убить, и, такимъ образомъ, остановила Маршанова на пути. „Чего ради эта молнія не даетъ мнѣ ѣхать дальше и все грозитъ поразить меня?“ сказалъ Маршановъ и осмотрѣлъ вокругъ самого себя. Заглянувши въ газырь, находящійся на груди, онъ увидѣлъ, что оттуда высматриваетъ своими глазами чортъ. Молнія хотѣла убить его, и онъ искалъ тамъ спасенія. Маршановъ не далъ молніи поразить того, кто въ газырѣ сидѣлъ: онъ чорта принялъ за своего гостя ***) и сказалъ молніи: „Хотя бы ты меня убила, хотя бы поразила, но своего гостя не выдамъ!“ Послѣ того какъ Маршановъ это сказалъ, молнія перестала сверкать, и облако поднялось вверхъ. Спасенный Маршановымъ чортъ ушелъ въ лѣсъ, сказавши на проща-

*) Начинаю именемъ Бога. *Авт.*

**) На этой рѣкѣ находится въ горахъ сел. Кичмай, населенное хакучинцами, а при устьѣ—постъ Головинскъ, на берегу Чернаго моря. *Авт.*

***) У черкесовъ существуетъ обычай, покровительствовать своему гостю и защищать его, кто бы онъ ни былъ: знакомый или незнакомый, богатый или бѣдный. Измѣнить гостю составляетъ позоръ цѣлой фамиліи и даже племени. Этотъ обычай сохранился и теперь, но съ значительными ослабленіями. *Авт.*

nie: „Впереди ты встрѣтишь кое-что въ награду за то, что ты мнѣ сегодня сдѣлалъ!“ Маршановъ, ѣдучи по дорогѣ, замѣтилъ бѣлый домъ, куда онъ и заѣхалъ; въ домѣ, онъ встрѣтилъ пишущихъ отца и сестру того чорта, которому онъ спасъ жизнь. Чортъ-старикъ сказалъ Маршанову: „Ты защитилъ моего сына отъ молніи; потому я за тебя отдаю свою дочь, красивѣе которой нѣтъ на свѣтѣ—вотъ ту, которая сидитъ за столомъ; если ея не хочешь, то вотъ тебѣ этотъ большой серебряный тазъ!“

Маршановъ не пожелалъ имѣть жену-чертовку, и взялъ себѣ серебряный тазъ. Дочь чорта сказала: „Маршановъ, ты меня не пугайся: буду для тебя источникомъ богатства!“ Но Маршановъ не захотѣлъ имѣть ее своей женою. Дѣвка-чертовка сказала Маршанову: „На тазу сдѣлай своимъ кинжаломъ мѣтку!“ Маршановъ вынулъ свой кинжалъ и сдѣлалъ мѣтку на тазу. Потомъ ему посовѣтовали привязать тазъ къ сѣдлу. Маршановъ привязалъ тазъ къ сѣдлу. Тогда старикъ-чортъ сказалъ: „Маршановъ, тѣ верховые, которые ѣдутъ, это твои товарищи?“ Когда Маршановъ оглянулся, все исчезло, а только Маршановъ, съ привязаннымъ къ сѣдлу серебрянымъ тазомъ, очутился на той же дорогѣ, по которой ѣхалъ.

~~~~~~~~~~~~

7. Преданіе о лѣсѣ Тхашагъ.

Тḫаҫ́аҕыр тḫалье'уп̓е ҫыт; Тḫаҫ́аҕым чыlер
Тхашагъ Богу прошенія мѣсто было; Тхашага населеніе (во-

kетесыкао ҫысыҕ; ар зезыпх̊оҕыр іпҫем
кругъ) расположившись, сидѣло; это (населеніе) уничтожившій, съ юга

азыҕем kыкрі ішхіҕ; ар зышхіҕеʒер kуҫḫам
въ томъ году придя, уничтожилъ; это покорило войско которое, въ горы

деќіʒыҕ; чешым kуҫḫам теҕольḫеʒі тельахеҫ; аз
забралось; на ночь на горѣ приваль устроили и лежали; въ этомъ мѣстѣ,

деҫыльым ҫыльо ʒер укіно ҫыхум ныуʒы ҕерыр ја'уп̓-
лежало гдѣ, лежа, войско уходить стало когда, старуху плѣнницу донага
~~~~~~~~~~~~

ценырі јіђе'угеђі. Нмуӡыр јі'уйщено јіђе'уго
раздѣвши, плясать заставило. Старуху раздѣвши, заставлять танцовать

ҫыхум: „зер ђекоды!" јорі бзе ҫђахоке дуђе
стало когда: „войско погуби!" сказавъ на нарѣчіи особомъ, молитву

kiђā: „Сепхнуко, се'укуҫе, ӡе нобе хомыхke сызе-
вознесла: „ войско, сегодня поневолѣ меня заста-

ђе'угыр ђекоды". ӡер iтане бегрі зетељађ.
вляетъ плясать которое, погуби". Войско послѣ этого, попухши, повымерло.

„Мы зер сыхемыкоде, псао сыкожме, чем—
„Въ этомъ войскѣ я не погибнувъ, живымъ я возвращусь если, корову—

курмен Тђаҫеђым кыхостыпҫынҫ". Iтане ныорі iхекiзыђе
жертву для Тхашага для (него) я пущу". Потомъ старуха вышла (изъ вой-

а љырі кожыђі адрехер зетељађі.
ска), и этотъ человѣкъ вернулся, (а) другіе всѣ умерли поголовно.

А љо кожāм чемыҫе деђор
Этотъ человѣкъ, возвратился который, корову трехгодовалую красивую,

шекы фыӡыр iпҫе iљо кi'утыпҫрі какоҫытыђ. Ар
ситцемъ бѣлымъ шею обмотавъ, пускавши, приходилъ обыкновенно. Эта

кызыкоке чыlо кызхеђер Тђаҫађым кеколљо
приходила когда, населеніе, приходило къ которому въ Тхашагъ, собираясь

јуко сытыђ. Jlipi iфері iкошо ҫытыђ; ар чемо ка-
(и) убивая было. Мясо и кожу дѣля было; эту корову, приходила

коҫтыр. Чемыр како зыљађум: „Ахiне iчем, љe-
которая обыкновенно. Корову, идущей видѣлъ кто: „Ахины корова, прихо-

рык!" јоў зехосырт. Чемыр јљеҫыт iљесыҫ бlекых-
дящая сама!" говоря, собирались. Корова года два, года три, не прошло-

ке какорт.
пока, ходила (каждый годъ).

(Записано со словъ старика Тавая Гугажова).

Переводъ.

Лѣсъ Тхашагъ *) былъ мѣстомъ жертвоприношеній. Вокругъ этого лѣса расположилось селеніе. Непріятель пришелъ въ томъ году съ южной стороны и разорилъ это селеніе.

*) Этотъ лѣсъ находится въ верховьяхъ р. Шахе. *Авт.*

Непріятельское войско, разорившее селеніе, поднялось на возвышенности и ночью сдѣлало привалъ на горѣ. Когда уже войску понадобилось уходить, воины раздѣли старуху-плѣнницу донага и заставили ее плясать. Негодующая старуха на какомъ-то непонятномъ языкѣ помолилась Богу: „Боже карающій, молю Тебя, погуби враговъ, заставившихъ сегодня меня плясать голой!“ Послѣ этой молитвы войско поголовно попухло и вымерло, кромѣ одного воина. „Если я вернусь невредимымъ домой“, молился тотъ: „то, въ знакъ благодарности за спасеніе, пущу корову въ Тхашагъ и принесу ее Богу въ жертву!“ Богъ смиловался, и онъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всего войска.

Старуха исчезла, а уцѣлѣвшій человѣкъ ушелъ домой. Въ благодарность за спасеніе онъ пустилъ красивую трехгодовалую корову, съ бѣлой матеріей на шеѣ; такая корова являлась ежегодно. Когда корова приходила, населеніе собиралось въ Тхашагѣ и, по обычаю, рѣзало ее. Первый, кто видѣлъ, что корова идетъ, восклицалъ: „Это корова Ахины, которая приходитъ сама, безъ принужденія“, а затѣмъ народъ собирался для молитвы. Корова являлась въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ. Ее называли коровой „Ахины“.

~~~~~~~~~~~

8. Борьба со змѣемъ.

Шехапе бlаȝор kыуȝолъһ̱ері, ар kыҫыуȝолъһ̱ам
(У) Шахе устьевъ змѣй положившись, онъ положился когда,

мы псых̓ом унеȝоҫыт̓ десыȝ. Ц̓ыфыр зеныkок̓ур-ба, орk-
на этомъ берегу дворовъ двѣсти жило. Люди спорятъ же, дво-

хер л̓ъыȝе зетырахо зеныkок̓ур-ба, аш федо
ряне, мужество другъ у друга отнимая, спорятъ же, (въ) этомъ (аулѣ) также

орkхер зеныkок̓у х̓урі і’уȝҫ: „Мегум імы’ук̓ме де
дворяне спорить ставши, сказали: „Маговъ не убьетъ если, мы
~~~~~~~~~~~

ты'укышт". Џыфхер kызе'уçері унафе јçыҕ: бlаҕор зымы убьемъ".
Люди, собравшись, распоряженіе сдѣлали: змѣя убьетъ

'укым псы пайçер ратыно. Љеђайехем kереҕуl тет,
кто, (тому) рѣчные доходы отдать. На возвышенностяхъ караульные стояли,

џыф зымысçе kыдыђаме іраҕеҕезыно. Шегебlер
люди, не знаютъ которые, зайдутъ если, (ихъ) вернуть чтобы. Змѣй,

ђаозе атем халѣхуhіҕо хелыҕ; бlешхор саkо
на соломенномъ стогу, (дѣтенышей) родивши, лежалъ; змѣй большой, на охоту

kорті бзегеі kіхуђ çытāҕ. Мафе хіљђāҕç, јанер
ходивши, рыбъ для нихъ приноситъ бывало. Огонь (онъ) подложилъ, мать,

хым kуо kето; јтане ҕоне ('уҕо) kіљаҕурі kечеӡāҕç. Ме-
къ морю идя находясь; потомъ, дымъ увидѣвши, прибѣжала. Ма-

гум быҕур кіапсеkе іріпхырі, бlаҕор Мегум kылыӡере-
говъ бугая веревкой привязавши, змѣй за Маговымъ гоняться продол-

пет быҕум kы'уçāҕ; быҕум kыçы'уçем, быҕур гузавеме
жая, бугая встрѣтилъ; бугая тамъ встрѣтилъ когда, бугай, торопится если,

ӡыгыр kыӡыђо хуāҕыç; а бlаҕом ӡыгым kыçызырі-
дерева (кругомъ) бѣгать сталъ; этотъ змѣй по дереву обвился

шекім Мегур шіјо бҕеделљадері сешхоkе јорі зепі'упçāҕç.
когда, Маговъ, верхомъ подскочивши, шашкой ударивъ, перерѣзалъ

çызепі'упçым љы kікāр Мегум kыçе-
(надвое). Тамъ перерѣзалъ когда, кровь, вышла которая, до Магова дотрону-

љы'усым језырі іщрі зетељāç. Катоу зері'уkāр
лась когда, онъ и конь умерли. Сабля, убитъ былъ которой (змѣй),

махубlыkе јљат.
дней семь точилась.

Переводъ.

Въ устьѣ рѣки Шахе завелся змѣй. Въ тѣ времена, въ этой мѣстности жило двѣсти дворовъ *). Ссоры между людьми бываютъ часто. Такъ, дворяне между собою спорятъ изъ-за того, кто изъ нихъ храбрѣе; поспорили однажды дворяне о томъ, кто бы могъ убить змѣя, и порѣшили: „Если Маговъ

*) Въ настоящее время въ с. Кичмай 50 дворовъ. *Авт.*

не убьетъ, то мы убьемъ“. Люди собрались и рѣшили дать тому, кто убьетъ змѣя, доходы отъ береговъ рѣки. На возвышенностяхъ стояли караульщики, чтобы людей, не знающихъ о присутствіи змѣя, не пускать на берегъ и возвращать ихъ обратно. Въ копнѣ соломы змѣй вывелъ дѣтенышей. Когда змѣй охотился за рыбой въ морѣ, Маговъ поджегъ эту копну. Увидѣвъ дымъ, змѣй прибѣжалъ; но раньше этого Маговъ привязалъ веревкой бугая. Когда змѣй бросился за Маговымъ, то наткнулся на бугая, который, испугавшись чудовища, бѣгалъ вокругъ дерева и обматывалъ веревку. Такимъ образомъ, гоняясь за бугаемъ, змѣй обвился вокругъ дерева; тогда Маговъ верхомъ подскочилъ и шашкой перерубилъ его пополамъ. Но змѣиная кровь, хлынувши ручьемъ, коснулась ногъ Магова: онъ и его конь погибли. Сабля, которой онъ убилъ чудовище, точилась семь дней *).

9. Непріятельское войско и слѣпой.

Каноkо пçыр hakyç̓ыр jiшxiно kaк̓орт; чыlем ар çы-
Кононовъ князь хакучевъ покорить шелъ; населеніе, это тамъ

захахiм деk̓рi jeȥежāç зы л̓ъыȥ неф kыданерi. ȝер
услышало когда, выйдя, сбѣжало, одного старика слѣпца оставивъ. Войска

чыlем kiçexihем зык çамыђотым л̓ъыȥ нефым
въ населеніе пришли когда, ничего тамъ не нашли когда, у старика слѣпого

je'уп̓ç̓āç: „чыlер тене к̓уā?“ жа'apі. „Се сынефç: сыçерkым“
спросили: „населеніе куда ушло?“ говоря. „Я я слѣпъ есмь: я знаю не“

жi'āç л̓ъыȥым. „Арме, тшiхi kытхођот!“ жi'āç ȝем.
сказалъ старикъ. „Такъ если, намъ поѣсть намъ найди!“ сказало войско.

Переводъ.

Князь Кононовъ шелъ покорять хакучевъ. Когда жители объ этомъ услышали, то, бросивъ свои жилища, искали убѣ-

*) Могила и сабля Магова, по увѣренію разказчика, сохранились до сихъ поръ. *Авт.*

жища въ лѣсныхъ трущобахъ, оставивъ только одного слѣпого старика. Войско пришло въ брошенное селеніе, но, не найдя никого, кромѣ слѣпого старика, воины спросили: „Куда ушли жители?“. Старикъ отвѣчалъ: „Я слѣпъ: не знаю!“— „Если ты не видѣлъ, куда они ушли, то найди намъ, пожалуйста, поѣсть чего-нибудь!“ сказали воины.

10. Молодецъ—Јаферим.

Зи шапсиᵹипç горе зи пша-горем мечит
Одинъ шапсугскій князь нѣкто въ одинъ вечеръ какой-то, къ мечети

бчеуи kекољао çисо, чаlехер гегуо утхети—јіпљино јігу-kекиᵹ;
дверямъ пришедши, сидя, мальчики играя стояли—смотрѣть вздумалось;

јпљо çисо џапине зереçем, зи чаlе çе
смотря, сидя, въ чижики играютъ какъ, одинъ мальчикъ (послѣ) троекратнаго

тефеᵹо çитиріᵹахом, çе „јаферим!“ јірау'āᵹ.
попаданія въ цѣль тамъ попалъ когда, трижды „молодецъ!“ (ему) сказали

А псир çисо зи љиз гор kиуḫаᵹеç. „Ми
(мальчики). Этотъ князь сидя, одинъ старикъ нѣкто подошелъ. „На этихъ

чаlем сјапљо сеçисти: зи чаlем çе „јаферим!“
мальчиковъ я смотря, я сидѣлъ: одному мальчику трижды „молодецъ!“

рјауᵹ: се јљес ťоçипљ сᵹеçаᵹи: çе нех „јаферим!“
ему сказали: я лѣтъ восемьдесятъ я прожилъ: трехъ кромѣ „молодецъ!“

kисауон сљеkаᵹеп“.—„Ар сито kуауᵹ?“ јіорі је'уп-
мнѣ сказали чтобы, я смогъ не.“ — „Это какъ сказали?“ сказавъ, спро-

çиᵹе адреі љизер. „Јгі фес'он сљеkиштеп: пшиḫаçḫе-
силъ другой старикъ. „Теперь вамъ я сказать я смогу не: вечеромъ

фиkаkуі; фес'ун!“ іриуāᵹ. Аш-деім пшиḫаçḫем јеkо-
вы придите; вамъ я разскажу!“ имъ сказалъ. Нему къ вечеромъ собра-

љаᵹі. „Јгі!“ јіуāᵹ: „се јаферимиçир kизирисḫāр-
лись. „Теперь!“ сказалъ: „я молодецъ трижды я принесшій (заслужившій)

мегоç: пшиḫаçḫе аḫшеми'уҙим, ҙасі миḫу-
такъ: вечеромъ въ сумерки намаза послѣ, намазъ ночной (еще) насту-

ꙉапо, зы зеке кыꙉ горi кеґаꙉ: шаум сы-
лилъ не, одинъ (съ) бородой длинной нѣкто позвалъ (вызвалъ): на дворъ я вы-

жы-сꙉаке, кысхоблеꙉаꙉеп унем. „Себлеꙉеноп:
хожу хотя, принялъ моего приглашенія не въ саклю. „Я приму приглашенія не:

ꙉусо ухуштме неко!“ зеуом кыздыкрi
товарищемъ ты сдѣлаешься если, пойдемъ!“ сказалъ когда, откуда онъ пришедши,

сымыҫего сыдезаꙉ. Тыкогомке пҫедыз нехуҫаꙉом
я не зная, я съ (нимъ) поѣхалъ. Мы все ѣхали пока, утромъ на разсвѣтѣ

зы уне горым те ҫы'уҫем ҫеꙉарi зыка'умре
одинъ домъ нѣкоторый мы тамъ встрѣтили когда, зашедши, нѣсколько и

кыҫетрi ꙉio кыҫекызыꙉ. Тезы jiтане тыкогомке
тамъ постоявъ, плача, (онъ) вышелъ. Мы ѣдемъ; потомъ, мы все ѣхали пока,

зы мазе федыз дыкуоꙉо зы хы горым ды'уҫаꙉ;
одинъ мѣсяцъ приблизительно мы ѣдучи, одно море какое-то мы встрѣтили;

те ҫы'уҫем: „iꙉi jгi хым уш фежы-
мы тамъ встрѣтили когда: „да, теперь въ море твоей лошади переднія ноги

тыр хеꙉе'увы сыкесызыфке умыхе'уго ҫыты!“ jу'орi
двѣ поставь (и) я прiѣду пока не, ты не двигаясь, стой!“ сказавши,

jезыр хым iш хыферi зепырысыкаꙉ; зепырысыкi
самъ въ море свою лошадь загнавши, переплылъ (море); переплываетъ,

чеш-мафыпл кетыꙉ; jатфенерей мафем шыбз мин
ночи-дня четыре оставался; въ пятый день кобылицъ тысячу (табунъ

федыз кыфрi кекозыꙉ; кыҫысызым
въ 4000 головъ) около пригнавши, вернулся; туда (до меня) доѣхалъ когда,

зы зымыꙉехеiо сыхето ҫыжаꙉум, „jаферым!“ кы-
одно (не) не шевелясь я участвуя, тамъ увидѣлъ когда, „молодецъ!“ мнѣ

сiуаꙉ; jапе „jаферым“ кыҫызiар арарiҫ.
сказалъ; первый разъ „молодецъ“ тамъ сказанное это есть.

Аш jузым хым сыкыкызы; текуре тыкекуаго:
Этого послѣ изъ моря я выхожу; немного мы уѣхали послѣ того какъ:

„Мы шыхер зер кытуҫешт iкi ты'укынке сене-
„Этихъ лошадей владѣлецъ насъ встрѣтитъ и насъ убьетъ что, я предчув-

гоi“, jу'азеум: „кытуҫеме, ар офе ꙉеiшхы-
ствую“, сказалъ послѣ того когда: „насъ встрѣтитъ если, это дѣло калъ ѣдя-

ӡим? тебҕе'аштипе?“ — „'Аштетме:
щее (пустое)? намъ вы дадите кулакомъ побить не?“—„Кулакомъ побилъ бы

јаферим!“ kисму'āҕ; јафимітир аш-јдеі kесhāҕ ар
если: молодецъ!“ мнѣ сказалъ; молодца два этому къ мнѣ принесъ этимъ

ikehико.
ступая (путемъ).

Ітане шихер зер kид'уҫāҕ. Кагі: сишāҕ.
Потомъ лошадей владѣлецъ насъ встрѣтилъ. Кричитъ: меня позвалъ

шихер зеім: „А! пшерыhи маф уі тhамаде: јдеі
лошадей владѣлецъ: „Эй! прислужникъ, счастливый твой господинъ: къ нему

kожі, шим јаниkо kизнтиӡино јеуо!“ жі'ā. Се kekоӡі
иди, лошадей половину мнѣ вернулъ чтобы, скажи!“ сказалъ. Я возвращаюсь

тhамадем ҫес'оум: „зи ши јестинеп!“
(и) господину тамъ я сказалъ когда: „одной (ни) лошади ему я отдамъ не!“

ју'āҕ; се kаkуі, весиуотежым: „јазшане федиз
сказалъ; я прихожу, отъ себя я ему разсказалъ когда: „ихъ треть хоть

kисіретиӡ, јниkо kисімитиӡме!“ ју'āҕ. Јтане
мнѣ возвратитъ пусть, половины мнѣ не возвращаетъ если!“ сказалъ. Потомъ

тhамадем ҫес'оум: „зиk јестиштоп! аби нехі
господину тамъ я сказалъ когда: „ничего ему я отдамъ не! этого кромѣ,

зиkеумиҕе'утипҫ!“ ју'āҕ: „ар михуме
тебя не отдавайся отпускать!“ сказалъ: „этому не сдѣлаться если (иначе),

соон“. Зиk ритино ҫимидем: „те зеҕе-
я ударю (убью)“. Ничего отдать тамъ не согласился когда: „мы давай

зао!“ kріу'āҕ. Зезеоним kиҫитенем: „ӡаке
сразимся!“ онъ ему сказалъ. Для поединка тамъ остановились когда: „борода

kиhим“ ју'āҕ: „шит тфе'ук тізирызо: језиk
длинная“ сказала: „лошадей двухъ вы зарѣжьте намъ по одной: самъ

іпхишт серi спхишт!“ Шит јіфез'уkрі пҫедиӡим
съѣстъ и я я съѣмъ!“ Лошадей двухъ нихъ для зарѣзавши, утромъ

јізирызо јарикешхиҕ. „Іhі“, ју'āҕ: „ігі сипшерыhи
ихъ по одной имъ далъ поѣсть. „Да“, сказалъ: „теперь, мой прислужникъ,

ігі те тизезеошт; тиҫезаом ітеӡі,
теперь мы мы сражаться будемъ; мы тамъ сражаться будемъ когда подлѣ,

еж kаоні: сібꙃе kытріꙃефепт; еж јтане абхобешфе
онъ ударитъ: въ мою грудь попадетъ; онъ потомъ палецъ большой

јнаṫе kытн'уні: „kеў!" јішт. Се сеоу јіабхо
къ своему лбу приставитъ: „бей!" скажетъ. Я я ударяя (и) его палецъ

бешфе пызн'удо јнаṫе ćытезыꙃафеkе суІуkым ізыć
большой отрывая, въ его лобъ тамъ попаду когда, сулука *) полныхъ три

љым ćыćо сыkоімыꙃехохјо сыkеꙃафі зыр
крови состоя, мнѣ ты не давая падать (изъ сѣдла), мнѣ дай выпить, одну

онакем јеуkепхыӡі сыпеӡ шым сызерыkепхāо!"
къ сѣдла лукѣ привяжи (и) меня поведи на лошади меня связаннымъ!"

Пшедыӡым зезаохі: зеріу'āм ходего сćыꙃ. Кесфыӡы шы-
Утромъ сражаются: имъ сказано какъ, я сдѣлалъ. Я погоняю лоша-

хер; kесфыхеў сыkеkоӡоу, љырі kесшеӡоі адрері
дей; я гнавши (ихъ), я возвращаясь, (и) человѣка я везя, (а) другого

ćесљhāо, унеу зыćеhау ꙃыо kызćеkызāм се
я тамъ похоронивъ, въ домъ я заходя, плача (онъ) вышелъ изъ котораго, я

kесыӡыꙃ. Зы љыӡ горі kыćеkі: „фесабćі!" ју'аꙃ:
я пріѣхалъ. Одинъ старикъ какой-то выходитъ: „здравствуйте!" сказалъ:

„сыд хыбар?" љы суІуkо онакем іпхāр kыпысхрі
„какая новость?" Кровь въ сулукѣ къ сѣдла лукѣ привязанную я отвязавши,

јестаꙃ. Зесетем ӡеkе јубыдрі ріфрі
ему я отдалъ. Отъ себя я отдалъ когда, зубами схвативши, онъ выпивши,

і'а јныбе ćыфеӡыꙃ: јаćенерей „јафеpыммр!" ап-
свою руку по своему животу помазалъ: третій (разъ) „молодецъ!" этому

јдеі kыćысіу'ꙃ. Јгі арі јаферымісыр kызерысhыꙃер.
къ тамъ мнѣ сказали. Вотъ такъ молодецъ трижды я принесшій.

(Записано въ аулѣ Красно-Александровскомъ со словъ 60-лѣтняго старика).

Переводъ.

Одинъ шапсугскій князь, сидя у мечети, увидѣлъ, что мальчики играютъ; ему захотѣлось посмотрѣть, какъ они играютъ. Мальчики играли въ чижика. Когда одинъ изъ играющихъ три раза попалъ въ чижика, другіе товарищи сказали

*) Сумка для воды.

ему троекратно: јафериш—молодецъ! Въ это время къ князю подошелъ другой старикъ, который ему выразилъ свое удивленіе въ слѣдующихъ словахъ: „Я сидѣлъ здѣсь и смотрѣлъ на этихъ играющихъ мальчиковъ: когда одинъ изъ мальчиковъ три раза попалъ въ чижика, ему трижды сказали: молодецъ! а я за свою восьмидесятилѣтнюю жизнь могъ удостоиться этой лестной похвалы только три раза“.—„Какъ и за что̀ ты удостоился этой похвалы?“ спросилъ старикъ, которому онъ выразилъ свое изумленіе. „Теперь я не могу разсказать: приходи ко мнѣ вечеромъ; я тебѣ разскажу“. Вечеромъ старикъ пришелъ къ князю послушать разсказъ его о томъ, за что̀ онъ удостоился похвальнаго слова—молодецъ. „Мнѣ“, заговорилъ князь: „три раза сказали: „молодецъ!“ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вечеромъ одинъ длиннобородый человѣкъ вызвалъ меня изъ дому; я вышелъ къ нему и предложилъ ему свои услуги и хлѣбъ-соль, но онъ отказался и сказалъ: „Нѣтъ, не хочу; если можешь быть мнѣ товарищемъ, поѣдемъ сейчасъ со мною. Хотя я не зналъ, кто онъ, но не отклонилъ его просьбы и поѣхалъ съ нимъ. Ѣхали мы до самаго разсвѣта, нигдѣ не останавливаясь, и пріѣхали къ какому-то дому; мой товарищъ вошелъ въ этотъ домъ, а я оставался и ожидалъ его на дворѣ. Наконецъ товарищъ мой вышелъ оттуда въ слезахъ, и мы опять поѣхали дальше. Ѣхали мы цѣлый мѣсяцъ, пока не доѣхали до какого-то моря. Когда пріѣхали къ морю, товарищъ приказалъ мнѣ въѣхать въ море, такъ чтобы переднія ноги моей лошади находились въ водѣ, и стоять, не измѣняя этого положенія, до тѣхъ поръ пока онъ не вернется, а самъ онъ отправился за море. За моремъ онъ оставался четверо сутокъ, а на пятыя сутки вернулся съ табуномъ лошадей въ четыре тысячи головъ. Я же все время стоялъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ оставилъ меня, отправляясь за море, какъ это ни трудно было для меня. Товарищъ мой остался

мною очень доволенъ за это и сказалъ: молодецъ!“ Вотъ за чтó я удостоился въ первый разъ этого слова!

На возвратномъ пути товарищъ сказалъ мнѣ: „Я думаю, что съ нами встрѣтится хозяинъ этого табуна, и тогда намъ не сдобровать!“ Я же на это отвѣчалъ: „Это не бѣда: мы съ нимъ сразимся и сложимъ головы, а не отдадимъ ему табуна“. Онъ этому очень обрадовался и сказалъ: „Если на дѣлѣ окажешься такимъ, то ты молодецъ“. Вотъ за чтó удостоился я во второй разъ слова—молодецъ! Предположеніе моего товарища оправдалось: мы наткнулись на врага.

Хозяинъ табуна позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Эй, стремянной, иди и скажи своему господину, чтобы онъ мнѣ возвратилъ половину моего табуна!“ Я пошелъ и передалъ эти слова товарищу, но онъ не согласился и сказалъ: „Не отдамъ ни одной лошади“. Они долго вели чрезъ меня переговоры между собой, но товарищъ мой стоялъ упорно на своемъ: онъ не согласился ни на какія уступки и даже разсердился на меня, когда я пришелъ къ нему съ предложеніемъ врага возвратить одну треть табуна, и сказалъ: „больше не приходи ко мнѣ отъ него, а не то убью!“ Когда я передалъ хозяину табуна о томъ, что мой товарищъ не соглашается ни на какія уступки, онъ вызвалъ его на бой. Товарищъ мой не отвергъ его предложенія. Когда оба рѣшили попытать свои силы въ единоборствѣ, длинно-бородый сказалъ: „Зарѣжь и приготовь для насъ обоихъ двухъ лошадей, потому что я и мой противникъ должны предварительно до единоборства съѣсть по одной лошади“. Я въ точности исполнилъ приказаніе длинно-бородаго: зарѣзалъ двухъ жирныхъ лошадей и далъ каждому изъ нихъ по одной. Послѣ сытнаго завтрака длинно-бородый сказалъ мнѣ: „Теперь, мой товарищъ, мы будемъ сражаться; первымъ выстрѣлитъ противникъ и ранитъ меня въ грудь; но потомъ онъ приложитъ большой палецъ ко лбу и скажетъ: „Бей!“ Я выстрѣлю и попаду прямо въ па-

лецъ, приложенный ко лбу, и онъ упадетъ съ лошади; тогда ты подбѣги къ умирающему, наполни его кровью три сумочки и кровью изъ двухъ сумокъ напой меня, поддерживая меня на сѣдлѣ; третью сумочку привяжи къ лукѣ моего сѣдла, къ которому не забудь и меня привязать, а затѣмъ отведи меня къ мѣсту нашего привала. Враги сразились; я исполнилъ приказанія длинно-бородаго до мельчайшихъ подробностей. По окончаніи боя между врагами, я убралъ мертвое тѣло противника и предалъ его землѣ, а самого длинно-бородаго, опасно, но не смертельно раненаго, отвелъ къ мѣсту привала. Мнѣ было не легко, потому что теперь я долженъ былъ ухаживать за больнымъ, и гнать табунъ въ 4000 головъ. Обратный путь мой съ тяжело больнымъ и табуномъ тянулся очень долго и былъ весьма мучителенъ для меня, но я терпѣливо перенесъ всѣ труды и лишенія: наконецъ, дотащились мы до того дома, гдѣ длинно-бородый останавливался на непродолжительное время и плакалъ. Когда я подъѣхалъ къ дому, то оттуда вышелъ какой-то старикъ и сказалъ: „Здравствуй! что́ новаго?“ Въ отвѣтъ на это я отвязалъ отъ луки сѣдла сумочку съ кровью и далъ ему, а онъ однимъ залпомъ выпилъ эту кровь, погладилъ себя, въ знакъ особеннаго удовольствія, по животу и сказалъ мнѣ: „молодецъ!“ Вотъ за что́ я въ третій разъ удостоился похвалы, выраженной словомъ „молодецъ“.

---

11. Ешовъ Батыныко.

Еҫе Батынык нарто ꞌ̇ъыікуҕ һаҕо феҕу-
Еше Батыныко, молодецъ, мужъ громкій, завистливый, блѣдный много

бeӡ јебҕеҫыр јеһаф; мекуфер ічы анер
старый, свою храбрость сознающій защитникъ; сѣна шелуха его конь, столь

ічічеѣ, дыҫер іѣерыҕ. Урпем кырiҕуаз, Пҫызим кырідекі:
его потникъ, золото его стремя. По Урупу направляется, по Кубани выѣзжаетъ:

„Нартеми jamelaẍу, бе Тḫа зырiђеẍун!“ jу’āђ.
„Нартовъ ихъ овецъ пастухъ, много Богъ да заставитъ пасти!“ сказалъ.

„зы меiыр ѫыẍуӡ“, jу’āђ; „зы меiыбзы ќељеҫ“, jу’āђ;
„чей баранъ храбрый“, сказалъ; „чья овца хвостъ волочитъ“, сказалъ;

„зы ҫынафер чы уас“, jу’āђ. „Се ḫаҫе ђозаг!“ jу’āђ:
„чья ягненка шкура въ коня цѣною“, сказалъ. „Я гость рѣдкiй!“ сказалъ:

„Нартым ji’унем се сырi’уп̑ҫакў: ẍыбар kысаў!“ jу’āђ.
„Нартовъ ихъ домъ я я спросить иду: новость мнѣ разскажи!“ сказалъ.

„Урпым урiђозо Пҫызым урiдеќо: нартым ji чема-
„По Урупу ты направляясь, по Кубани ты выѣзжай: нартова ихъ коровъ

ẍом узы’уҫеке ẍыбар kуjошт!“ jу’āђ. Нар-
пастуха ты встрѣтишь когда, новость тебѣ онъ разскажетъ!“ сказалъ. Нар-

тыми ji чемаẍом ҫы’уҫем, kырiу’āђ: „Се п̑е-
товъ ихъ коровъ пастуха тамъ встрѣтилъ когда, онъ ему сказалъ: „Я каше-

стемеҫеҫ, се п̑е ҫежыку; Урпем урiђозо Пҫызым урi-
варъ есмь; я постель стелю; по Урупу ты направляясь, на Кубань ты вы-

деќме нартым ji’унер пљађушт: уне п̑љеу пљеф,
ѣдешь если, нартовъ ихъ домъ ты увидишь: домъ покосившiйся, четырехуголь-

уне фыӡ кыḫ: Тḫаҫађ iќеḫађ. Нартыми jiпсыḫы
ный, домъ бѣлый длинный: въ Тхашагъ его длина. Нартовъ ихъ водоноска

псаҫы kыҫылљађум кукунер kыҫырiӡы: унем кеќоӡыђ;
рабыня тамъ увидала когда, мѣдный кувшинъ она бросаетъ: домой вернулась;

кукунер kыҫызо: „кукунер сыҫḫа убатере?“ jорi
кувшинъ бросая: „кувшинъ зачѣмъ ты бьешь (ломаешь)?“ сказавъ,

Сетенеi гуаҫер ẍыгебзым kыҫыгусāђ. Сетенеi гуаҫер kыҫы-
Сатаней княгиня на дѣвку тамъ надулась. Сатаней княгиня тамъ наду-

ҫыгусем: „Уаҫхоi сыкан, зы чу каќоу сљеђуђетi
лась когда: „Уашхой я клянусь, одного верховаго ѣдущаго я увидѣла (вотъ)

арi!“ jу’āђ: „jчыҫе ѫыҫе ос’ошт: чум
того!“ сказала: „его лошади и мужа (видъ) тебѣ я разскажу: надъ верховымъ

iҫḫаҫыкум веђо ҫыљаẍ, чум jчы пхе-
надъ его головою (сверху) звѣзда мерцаетъ, верховому на его лошади кру-

ҫым мезаќе kытыреӡе, чум jљегум ҫеќым
пѣ мѣсяцемъ свѣтитъ, верховаго изъ подъ его копыта выходитъ что

ншеӡо горено огум ређе; ӕ̓мо тесим феде
(это) облако кучей, на небо подымается; человѣкъ, сидитъ который, подобнаго

нарт ісыхеп, ӕ̓м деӡу!" Сетенеі гуаҫем зыкыӡе-
изъ нартовъ вовсе нѣтъ, человѣкъ хорошій!" Сатаней княгиня укра-

ҫараҫі, пхечакем ҫесеным зыкырыӡеҫрі кепсеӕ̄ӡ.
шается, (стоя) на ходуляхъ, на подпорку облокотившись, (къ нему) замолвила.

„Нартмы jі'унем се сырі'уп̓ҫаку!" jорі ke'уп̓ҫыӡ Еҫе Ба-
„Нартовъ ихъ домъ я я спросить иду!" сказавъ, спросилъ Еше Ба-

тыныkор. Іт̓ане: „Нартым jі'унем уры'уп̓ҫакоме бӡо-
тынько. Потомъ: „Нартовъ ихъ домъ ты спросить идешь если, ты най-

тын: jебlаӡі, се ҫыче ӡерыҫыр пхозы'ук̓ын, сенеф
дешь: заходи, я жеребенка трехгодовалаго тебя для я зарѣжу, вина бѣлаго

кадер kыпхозӡеђын; пҫеҫе дахері kыпхозӡотын,
кадку тебя для я заставлю принести; рабыню красивую тебя для я найду,

се kысфеімі, се kебӡотын".— „Сефејешх̓ак̓оп, се
я я (тебѣ) понадоблюсь если, меня ты найдешь".— „Я пировать иду не, я

гегоко ҫаоп!" jорі зыӡегусӕ̄ӡі Еҫе Баты-
на свадьбу иду (какъ) брачный гость не!" сказавъ, надулся Еше Баты-

нык̓о. Сетенеі гуаҫі: „Тђе jреӡеkодык!" jу'ӕ̄ӡ jӡегубзы.
нько. Сатаней княгиня: „Богъ да уничтожитъ!" сказала (и) сердится.

Еҫе Батыныkом ічы kырііӡеӡазы: унем ҫесено ҫетхер
Еше Батынько свою лошадь поворачиваетъ: у дома подпорки, были какія,

kыҫырііӡетеkуӡ. Іт̓ане Сетенеім jу'ӕ̄ӡ арі: „Нартым уа ҫы-
развалилъ. Потомъ Сатаней сказала это: „Къ нартамъ ты за-

хыђаке анепем укыҫыфо унафе kахепхо уаkі-
ѣдешь когда, столомъ предъ ты тамъ танцуя, распоряженіе ты вынося, ты отту-

хыӡекыж!"
да заставь (себя) выйти!"

Іпао нартым ҫђарахі, kыпеӡӕ̄ӡ;
Свои шапки нарты съ головы снимаютъ (и) вышли навстрѣчу;

нартым ҫахыђем ҫеkо зепызе jаҫрі ра-
къ нартамъ зашелъ когда, бурки, одну къ другой прикинутыми сдѣлавши, они

ӡебlеӡыӡ. Kатер зедыхрі нартым ҫеахым,
пригласили къ себѣ. Шашку снявъ, нарты тамъ сжали когда (рукой),

јіфемм'ато јріҫмӡ. Нарты зешмбіым-
будучи въ состояніи поднять не, ихъ свалило (съ ногъ). Нартовъ братьевъ семь,

јіфемм'атмӡер кмҫтеӡі јікмпk діљӡаӡмӡ. Іт̓ане
не могли поднять что, поднимаетъ (и) за свой поясъ вложилъ. Потомъ

шегмбіыҫмр хеҫо бӡеҫфе сан јто kратмӡ јра-
съ змѣями *) тремя сидя, (въ) чаркѣ большой вино находясь, они отдали, онъ

ӡефено. Сано kратмӡмр рісмӡ шегмбіыҫмр
выпилъ чтобы. Вино, они отдали которое, онъ измѣрилъ (выпилъ), змѣй трехъ

пеҫак̓ек̓е рікуlрі јук̓мӡ, јук̓і бӡер ҫ̓езмӡмӡ. Іт̓ане
усовъ краемъ прижавши, онъ убилъ, (а) убивъ, чашу оттуда вышвырнулъ. Потомъ

нартым Еҫе Батмнмk ја'ук̓мн ја'орі бӡер фаҫмӡ, бӡер
нарты, Еше Батынико убить (себѣ) сказавъ, двери затворили, двери,

ҫмфаҫым љедак̓ек̓е деп̓кмр хіӡељетрі ҫ̓ек̓мӡмӡ,
тамъ затворили когда, пяткой саманную стѣну высадивши, вышелъ,

мефмбіыр јк̓оӡмӡм занҫ̓его. Сосрмkоӡмм: „пҫаҫе јеттмн!
дней семь проѣхалъ прямо. Сосруку старому: „рабыню ему мы дадимъ!

k̓оі kмтфеӡеӡезеж!“ јуʼāӡ. Мефмбіымк̓е јк̓уӡер
иди, намъ къ заставь вернуться!“ сказали. Въ дней семь, (тотъ) проѣхалъ что,

Сосрмkоӡмм мефенмkок̓е јк̓āӡ. „Кмздебӡезеӡме пҫаҫе
Сосрыко старый въ дня половину проѣхалъ. „Со мною ты вернешься если, рабыню

kуатмшт kмздеӡезеж“, јріуʼāӡ ҫмнесмм.
тебѣ дадутъ, (а потому) со мною вернись“, ему онъ сказалъ, туда пріѣхалъ когда.

Іт̓ане kмдмӡезеӡі ја'уне k̓ахе несухк̓е kек̓о-
Потомъ, съ нимъ возвращается, до ихъ дома конца пришелъ пока не, вер-

ӡмӡе: „цмфмбзаге ҫм'а: пҫаҫер јеттмштоп!“ јуі гусо
нулся: „человѣкъ дурной есть: рабыню ему мы отдадимъ не!“ говоря, дуясь,

зех̓ахіӡ. „Кмтмммтме пҫаҫер, зетед'ук̓ешт!“ ја'орі
услышали. „Намъ не дастъ если рабыню, (ихъ) вмѣстѣ мы перебьемъ!“ сказавъ,

катехер јаљмӡ, нартмм ја'унем kмӡарі зм нермбге
сабли они поточили, къ нартамъ въ ихъ домъ зашедши, одного человѣка

заkо нех kаммӡано зетмра'ук̓āӡ: „мыбм федмзо тҫ̓āр
единственнаго кромѣ не оставляя, вмѣстѣ убили: „этого словно, мы сдѣ-

аз нермбге заkом ре'отеж!“ ја'орі.
лали что, онъ одинъ человѣкъ единственный онъ пусть разскажетъ!“ сказавъ.

*) Змѣя, извѣстная своей ядовитостью. *Авт.*

Ахер зыҫā Еҫе Батиныкор, нарты Чемыхоӡ
Эти, сдѣлали которые, (были) Еше Батыныко (и) нарта Чемыхо стараго

јҫау.
его сынъ.

Чемехоӡыр Псыӡы јазыбӷуке ҫытāӷ; гуаҫері
Чемыхо старый (этотъ) Кубани на ея одномъ берегу стоялъ; княгиня,

регіҫо усыӷ Псыӡы јазыбӷуке. Чемыхом јехуапсері
стирая, сидѣла Кубани на ея другомъ берегу. Въ Чемыко влюбившись,

непсыр псым kызепырызы гуаҫем јныбафем kытрі-
(онъ) сѣмя чрезъ воду перебрасываетъ, княгинѣ на ея живота кожу бро-

ӡāӷ; јтане чы'упем ҫесо зы цыфі імыҫо зы гуаҫер
силъ; потомъ въ землянкѣ, живя, одинъ (ни) человѣкъ не зная, одной княгини

мыхуме іпāӷ. А жыфетā псорік зыҫаӷер а Че-
кромѣ, воспитала. Это вамъ разсказанное все сдѣланное этого Че-

мыхоӡым јчаlер арі.
мыхо стараго его сынъ это (есть).

Нартым јіҫыҫо kыӷенаӷыр јтерат.
Нартовъ ихъ часть (имъ) оставленный его (Сосруко) отецъ былъ.

Јтер kекоӡі Сетене гуаҫе kыӡріāӷ: „се нобе
Его отецъ возвращается (и) Сатанеѣ княгинѣ разсказалъ: „мною сегодня

слъеӷуӷер halамер: зы чаlе kекуі нартым зы
мною видѣнное чудо (есть): одинъ юноша приходитъ (и) изъ нартовъ одного

kаҫыӷеныӡыӷеп: јукāӷ“. Ар ҫы'ом Сетенеі гуаҫем
тамъ оставилъ не: убилъ“. Это тамъ сказалъ когда, Сатаней княгиня

јупҫыӷ: „А чаlер уі некуҫыпре уі kонре, тар
спросила: „Этому юношѣ тебѣ родственникомъ или тебѣ сыномъ быть, что

kахепхре?“ јорі, kыҫе'упҫым; „се kоме нехыф!“
ты выбираешь?“ сказавъ, тамъ спросила когда; „мнѣ сыномъ если лучше (бы-

ју'āӷ.
ло бы)!“ сказалъ.

Переводъ.

Ешовъ Батыныко изъ рода нартовъ, богатырь какихъ мало, человѣкъ рьяный, храбрый защитникъ; сѣномъ вскормленъ его конь, столомъ на спинѣ его лошади раскинутъ

потникъ, его стремена золотыя. По Урупу направляясь, на Кубань выѣхалъ. Тамъ онъ встрѣтилъ пастуха нартовъ, со стадомъ овецъ. „Пастухъ нартовъ, да умножитъ Богъ твое стадо!“ сказалъ онъ: „чье оно“?—„Чей баранъ глава стада, овца волочитъ хвостъ, а шкура барашки цѣною въ коня!“ —„Я рѣдкій гость, ищу дома нартовъ: если знаешь какія-нибудь новости, разскажи мнѣ!“—„По Урупу направляясь, выѣдешь на Кубань и встрѣтишь пастуха коровъ; онъ тебѣ скажетъ вѣсть!“ сказалъ пастухъ. Когда Батынько встрѣтилъ пастуха коровъ, тотъ ему сказалъ: „Я кашеваръ нартовъ, ихъ постельникъ. По Урупу направляясь, на Кубань когда выѣдешь, увидишь домъ нартовъ; домъ этотъ покосившійся, четырехугольный, бѣлый и длинный: длиною въ лѣсъ Тхашагъ“ *). Витязь подъѣхалъ къ этому дому. Рабыня нартовъ по воду шла, а когда его увидала, то бросила мѣдный кувшинъ и убѣжала домой, оставивъ и кувшинъ; увидѣвши это, княгиня Сатаней въ сердцахъ сказала: „Зачѣмъ ты бьешь кувшинъ?“ Тогда рабыня сказала разгнѣванной княгинѣ Сатаней: „Клянусь Уашхо (небомъ), что я видѣла витязя верхомъ на конѣ! Разскажу, каковъ онъ по своей внѣшности: надъ его головой звѣзда мерцаетъ; на спинѣ его лошади мѣсяцъ свѣтитъ; пыль изъ-подъ копытъ коня цѣлымъ облакомъ къ небу поднимается; ему подобнаго витязя между нартами я не видала: это настоящій богатырь!“ Княгиня Сатаней принарядилась, на ходули стала и, облокотившись объ колонну, вступила съ нимъ въ бесѣду. „Я разыскиваю домъ нартовъ“, сказалъ Еше Батынько. „Если ты разыскиваешь домъ нартовъ, то его и найдешь, а пока заходи ко мнѣ; я для тебя велю заколоть трехгодовалаго жеребенка, прикажу принести кадушку вина и красивую рабыню найду для тебя; да и я къ твоимъ услугамъ“ отвѣчала княгиня Сатаней пріѣзжему витязю. „Я не пріѣхалъ пировать и браж-

*) Объ этомъ лѣсѣ сказано выше. *Л. Л.*

ничать на свадьбахъ!" сказалъ въ гнѣвѣ Ешовъ Батыныко. На это княгиня Сатаней въ сердцахъ отвѣтила: „Да провались ты, если ты такой гордый и не хочешь заѣхать!" Ешовъ Батыныко повернулъ коня, но мимоходомъ повалилъ всѣ колонны дома. Тогда Сатаней сказала: „Когда пріѣдешь къ нартамъ, то желаю тебѣ поплясать предъ ихъ столомъ и не получить отъ нихъ ни на чтó согласія!"

Когда онъ пріѣхалъ къ нартамъ, тѣ его встрѣтили съ обнаженными головами; дорогу ему застлали бурками и пригласили къ себѣ. Свою шашку онъ отдалъ нартамъ, но они не могли ея поднять и свалились съ ногъ отъ тяжести. Шашку, которой не могли поднять семь братьевъ нартовъ, онъ взялъ и заткнулъ себѣ за поясъ. Потомъ ему дали пить чашу съ виномъ, а въ винѣ были три ядовитыхъ змѣи. Вино онъ выпилъ, но змѣй проткнулъ концами своихъ усовъ, а затѣмъ вышвырнулъ чашу, въ которой было подано вино. Послѣ этого нарты, желая убить Ешо Батыныко, дверь затворили. Но витязь пяткой пробилъ стѣну и вышелъ на дворъ. Затѣмъ онъ совершилъ въ одинъ пріемъ семидневный путь. Тогда нарты сказали Сосруко: „Сосруко, мы ему дадимъ рабыню, ступай верни его къ намъ!" Путь, который витязь прошелъ въ семь дней, Сосруко совершилъ въ половину дня. Догнавши витязя, Сосруко сказалъ: „Если ты со мною вернешься, то нарты тебѣ обѣщались дать рабыню, а потому вернись назадъ". Ешовъ Батыныко съ нимъ вернулся и пришелъ къ нартамъ въ домъ. Тутъ оба витязя услышали, какъ нарты между собою переговаривались: „онъ плохой человѣкъ, мы ему рабыни не отдадимъ".—„Если рабыни не отдадутъ, то мы ихъ всѣхъ перерѣжемъ", сказали оба витязя и, съ отточенными саблями, зашли въ домъ нартовъ. Всѣхъ они перерѣзали, кромѣ одного человѣка, котораго оставили лишь за тѣмъ, чтобы было кому передать свѣдѣнія объ ихъ подвигѣ. Это все совершили Ешовъ Батыныко и Сосруко, сынъ нарта Чемыхо (пастуха коровъ).

Этотъ Чемыхо находился на берегу Кубани какъ разъ въ то время, когда на противоположномъ берегу сидѣла княгиня Сатаней, стиравшая въ рѣкѣ бѣлье. Чемыхо возымѣлъ желаніе къ княгинѣ, и она зачала. Потомъ княгиня родила сына въ землянкѣ, такъ что никто объ этомъ не зналъ, и воспитала его тамъ. Все, что̀ нами сказано, совершилъ сынъ Чемыхо вмѣстѣ съ Ешовымъ Батыныковымъ.

Ешовъ Батыныко оставилъ изъ нартовъ только отца Сосруко. Старикъ пришелъ къ княгинѣ Сатаней и разсказалъ обо всемъ. „Удивительное дѣло пришлось мнѣ сегодня видѣть“, замѣтилъ старикъ: „одинъ юноша пріѣхалъ и перебилъ всѣхъ нартовъ до послѣдняго“. Когда онъ это сказалъ, Сатаней спросила у него: „А чего бы ты желалъ: имѣть этого юношу сыномъ, или родственникомъ?“—„Я бы желалъ его имѣть сыномъ!“ отвѣчалъ Чемыхо.

12. Отрывокъ изъ хакучинской пѣсни.

Дујепшыо пшыо асљено хеч,
Дуепшовъ князь изъ львиной породы происходитъ,

Адерер земыко чыӡо љ̓ыдеҕў;
Другой, неизмѣнно выѣзжая (съ нимъ), человѣкъ хорошій;

Чатыт̓ыр зедырахiҕ,
Сабли двѣ вмѣстѣ вынули,

Чатыт̓ыр зедырахi.
Сабли двѣ вмѣстѣ вынимаютъ.

„ẖai, ẖai!“ jypi, kapaIым xeẖāҕ,
„Ай, ай!“ сказавъ, въ государство въѣхали,

Дыпц̓екоум зы пчеур çыў—
Дыпцековъ одинъ дворъ (тамъ) есть—

„Ныт̓ыр пẖыо у̓коӡыне?“ jeoy, jyҕ,
„Глаза два ты понести, ты вернешься?“ сказавъ, сказали,

Термыkаным kыраҕеҕезыҕ.
Темиркана заставили вернуться.

Аш јужим дыђер кыздысекым,
Этому после солнце восходитъ гдѣ,

Зи лъм гор кыкуаћ: ђоренысы кыріђесы,
Одинъ мужъ какой-то пришелъ: круга три заставляетъ сдѣлать,

Лъыхум ісћа фыріђоты:
Храбреца его голову ихъ заставилъ снять:

Жехафем іђетылъаћ.....
На полъ комнаты положилъ.....

Князь Дуепшовъ, львиной породы, выѣзжаетъ вмѣстѣ съ храбрымъ Темирканомъ, своимъ неизмѣннымъ товарищемъ. Оба витязя вынимаютъ свои сабли и во главѣ отряда врываются въ непріятельскій аулъ—туда, гдѣ находится дворъ Дыщековъ. Воины побоялись за участь Темиркана: „Не снесешь своей головы!“ сказали они ему и заставили его вернуться. Съ восточной стороны показался незнакомый витязь; желая съ княземъ помѣряться силами, онъ сдѣлалъ три круга, но былъ убитъ въ единоборствѣ. Дуепшовъ велѣлъ отрубить ему голову и бросить на полъ сакли.....

Замѣтка.

Помѣщенные въ настоящемъ выпускѣ адыгскіе тексты сообщены мнѣ г. *Паго Тамбіевымъ,* доставившимъ для XII выпуска Сборника текстъ сказанія „Редеда“. Первые пять текстовъ составлены на кабардинскомъ нарѣчіи, а именно на говорѣ закубанскихъ кабардинцевъ, которые хотя и позаимствовали много выраженій, свойственныхъ только кяхскому нарѣчію, но сохранили тѣмъ не менѣе всѣ почти отличительныя черты чистаго верхне-адыгскаго нарѣчія; всѣ эти тексты записаны со словъ 60-лѣтняго старика Кизилбека Тамбіева. Остальные тексты, начиная съ 6-го до 12-го, составлены на нижне-адыгскомъ или кяхскомъ нарѣчіи, а именно на хакучинскомъ говорѣ; текстъ 13-й составленъ на абадзехскомъ говорѣ того же нарѣчія.

Закубанскіе кабардинцы, потомки такъ называемыхъ *бѣглыхъ* кабардинцевъ, выселившихся съ средней Малки еще при Ермоловѣ, живутъ въ трехъ аулахъ по Зеленчуку, Куб. обл. *).

Хакучи или хакучинцы жили на верховьяхъ рѣкъ Аше, Псезуапе и Шахе, впадающихъ въ Черное море. По отзывамъ лицъ, заставшихъ еще черкесовъ на западномъ берегу Кавказскаго перешейка **), народность хакучей образовалась изъ абрековъ, т. е. бездомныхъ людей сосѣднихъ горскихъ племенъ: абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ. Что въ составъ этого племени входили разнородные элементы, видно изъ хакучинскаго говора, заключающаго въ себѣ характерныя особенности не только говоровъ всѣхъ этихъ племенъ, но и кабардинскаго нарѣчія. Это черкесское племя, жившее на границѣ между адыге и убыхами и отличавшееся въ прежнее время своею воинственностью и даже грабительскими инстинктами, сохранилось въ небольшомъ числѣ на верховьяхъ рѣки Шахе. Въ настоящее время хакучи живутъ въ аулѣ Кичмай, состоящемъ изъ 50 дворовъ, и въ большомъ поселкѣ Красно-Александровскомъ, рядомъ съ поселенцами русскими. Эти остатки хакучей, уцѣлѣвшіе отъ поголовнаго почти выселенія черкесовъ, утратили въ настоящее время свои воинственныя наклонности и живутъ мирными хлѣбопашцами и садоводами, среди своихъ разноплеменныхъ сосѣдей, явившихся въ Черноморскомъ округѣ на смѣну выселившихся черкесовъ. Ихъ насчитывается не больше 500 человѣкъ въ обоихъ названныхъ селеніяхъ ***).

Л. Л.

---

*) См. въ XII вып. Сборника мою статью „О народѣ адыгѣ вообще и кабардинцахъ въ частности“.

**) М. Я. Ольшевскій. Записки о Кавк. войнѣ съ 1854 по 1866 г. Русская Стар. въ окт. 1895 г.

***) По своду статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края, изд. Закавк. Статист. Комитетомъ. Тиф. 1893 г.—ихъ насчитывалось 429, а представителей другихъ черкесскихъ племенъ въ Вельяминовскомъ отдѣлѣ того же округа—952.

б) Абадзехскій говоръ.

13. Пѣсня о выселеніи горцевъ въ 1864 г.

Смт ченошіт; смт ті амаl?
Чтó дѣлать будемъ; чтó намъ (за) возможность?

Се сыфедо дечхыр аріш!
Мнѣ мнѣ подобно выступающимъ хвала!

Ќако меде: се kалъаӷо!
Иди сюда: со мною повидайся!

Урусуме траӷазыӷы:
Русскіе насъ притѣснили:

Небӷе шітфы аӷалъаӷы!
Душъ пятьсотъ погибло!

Јевдокімов генераlыиі
Евдокимовъ генералъ

Татḫамысехер тетіwyчаḫаӷ!
Насъ бѣдныхъ насъ окружилъ!

Абызыхыхер kаќоцаӷы,
Абадзехи возвратились (пришли),

Урусумы нерыӷочіӷы.
Русскимъ глаза вытравили (наперекоръ).

Афеды заӷо ныбзы съоӷоп;
Подобной битвы никогда я видѣлъ не;

Мухаеlыми јізекысаӷы:
Михаилъ пришелъ съ войскомъ:

Теті офым рыӷазыхыӷы;
Наше дѣло въ упадокъ пришло;

Неќо, неќо Стамбоlіма,
Пойдемъ, пойдемъ въ Стамбулъ,

Суlтан Меціды нізаныма!
Султана Меджида въ низамъ!

Чтó мы станемъ дѣлать? Какъ намъ быть? Всѣмъ выступившимъ, подобно мнѣ, на войну хвала! Если хочешь видѣть послѣдствія страшной войны, то явись сюда: русскіе насъ одолѣли; пятьсотъ храбрецовъ уже погибло; генералъ

АБАДЗЕХСКАЯ ПѢСНЯ
о выселеніи горцевъ въ 1864 г.

После каждаго стиха припѣвъ: „heha ....“ и пр.

Евдокимовъ окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ. На помощь намъ пришли, наперекоръ русскимъ, абадзехи и открыли огонь. Подобной битвы я никогда не видѣлъ въ моей жизни. Пришелъ съ войскомъ *Михаилъ* *), отчего наше дѣло совсѣмъ погибло. Намъ не остается ничего другого, какъ пойти въ Стамбулъ, чтобы служить въ низамѣ султана Меджида.

Замѣтка.

Пѣсня эта записана въ Зугдидахъ, Кутаисской губерніи, отъ старика-армянина Меликома Петросова Киликіана, долгое время жившаго (40—64 гг.) среди черкесскихъ племенъ, близъ Анапы, и занимавшагося тамъ табаководствомъ. Записана она по слуху, съ несомнѣнными многочисленными ошибками, предполагаемыми тѣмъ болѣе, что пѣвецъ былъ беззубый, шепелявый старикъ, съ весьма неяснымъ произношеніемъ. Стихотворный размѣръ пѣсни, примѣняя его къ музыкальному такту,—двухдольный, съ удареніемъ на первой половинѣ (хорей). Первоначальный переводъ сдѣланъ этимъ армяниномъ при помощи языка мингрельскаго. Пѣсня пѣлась подъ унисонное сопровожденіе пятиструнной, т. н. „эрзерумской" скрипки, строй которой такой: 1 струна—sol, 2-я—re, 3-я—sol, 4-я —do, 5-я—sol.

Хр. Гроздовъ.

Текстъ возстановленъ при помощи В. Х. Кусикова, владѣющаго кяхскимъ нарѣчіемъ какъ роднымъ, и офицера милиціи И. Багова, природнаго черкеса. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ пришлось отступить отъ первоначальной записи Х. Н. Гроздова, но отъ этого всѣ особенности этой любопытной пѣсни нисколько не пострадали.

Л. Л.

---

*) Несомнѣнно рѣчь идетъ о Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, бывшемъ Намѣстникѣ края.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ.

Помѣщаемый вслѣдъ за адыгскими текстами Объяснительный словарь, по примѣру такого же словаря въ XII выпускѣ Сборника, имѣетъ цѣлью дать объясненіе значенія и этимологическаго состава словъ въ порядкѣ текстовъ, а не въ алфавитномъ, для болѣе удобнаго пользованія ими; объясненія эти сопровождаются во многихъ случаяхъ грамматическими замѣтками. Въ настоящемъ словарѣ разсматриваются главнымъ образомъ только тѣ слова, которыя не встрѣчаются въ моемъ Русско-Кабардинскомъ словарѣ (XII выпускъ Сборника) или встрѣчаются въ другихъ значеніяхъ и сочетаніяхъ. Сообщеннымъ здѣсь лексическимъ матеріаломъ я надѣюсь со временемъ воспользоваться для адыгско-русскаго словаря, обнимающаго оба нарѣчія адыгскаго языка: верхне-адыгское или кабардинское и нижне-адыгское или кяхское *).

I. Къ тексту „Отцовскіе друзья".

Стр. 153 а) **) земанынҙо знаменитый=јацыхў: земан время (араб.); шўщес грабительскій набѣгъ: шу конь и шен уводить; хекў страна=ҫынаԑе; јісхер отъ гл. син жить, сидѣть 43 II 9 и 105 I 8; ҫытин стоять, быть; ситисҫыжим отъ тисҫыжин переставать выѣзжать (на грабежи); ҫи ставится при наклоненіи временно-послѣдовательномъ, ср. Грамм. § 72 — тин переставать=ԑен, см. тисин 165 I 20 — ҫин дѣлать — зы выражаетъ повторительность дѣйствія, см. Грамм. § 59 —

*) *Бесленеевскаго* нарѣчія можно не считать отдѣльнымъ, такъ какъ оно составляетъ между верхне-и нижне-адыгскими нарѣчіями среднее или переходное.

**) а) относится къ верхней половинѣ страницы, b) — къ нижней.

суфф. м примѣта накл. временно-послѣд.; kaho, см. kahen; ǩес (военноплѣнный) рабъ, въ разл. отъ hунеʼут домашній слуга и псыǩ крѣпостной; аоре такимъ образомъ=hayopa; hазер(і) этотъ самый, такой же=hap-jeзир; церно или цео, цего, см. це 56 II 24; тето отъ тетын, совпадаетъ по значенію съ петын;

b) kaxемыhеӡын: ka представка для обозначенія соверш. вида—мы отрицаніе—xehан 171 II 26—ӡы повтореніе дѣйствія, стало-быть: не углубиться снова—прекратить всякія сношенія; hаçеç кунацкая (комната для гостей); kakjaç отъ kakijын догадаться=kaçен; ǩырнhо или ǩырно, ǩыго; быkы скотъ, въ знач. бejaӡa богатство; hao=hapçha; kaǩелыкон посвятить, ср. 125 I 28: ka—ǩе конецъ, цѣль—лǩе голень, слѣдъ—кон итти; kāздызекуā отъ kāзыдекон вмѣстѣ пойти, провести съ кѣмъ-нибудь время: kā—зы примѣта причастной формы—зыде выражаетъ совмѣстность дѣйствія (перестановка!)—кон итти; kесçефаӡері слѣдуетъ перевести: *я пожелавши ихъ узнать*, отъ kaçефыӡын желать узнать: kaçеӡын узнать 173 II 1—кор. фы встрѣчается въ удвоеніи въ гл. фефын желать и, поставленный какъ инфиксъ между составными частями сложнаго глагола, служитъ для выраженія *желанія* (особая видовая форма).

Стр. 154 a) деc дворъ=пçанте, въ кях. нар. шаў: десын быть дома 38 II 23; çкб, собст. назадъ—задній дворъ; пхедеке деревянный чурбанъ: пхе деревянный и дейін, см. деǩejін 140 II 12; зерыӡеçотрі: зы себя—ры мѣст. кор. 3 лица —ӡа означаетъ принужденіе—ӡотын находить; коцылhapі=коцылhap отъ коцылhын завертывать=коцыhын; ҳуме кромѣ=фек, ср. ҳумен 179 I 7 и др.; kakoӡме, зытыхме, kakоме, çытме, суфф. ме въ знач. русс. *если;* çыпсыхіӡ-неhуӡын: çы относится къ суфф. м въ неhуӡым и выражаетъ послѣдовательность времени, см. Грамм. § 72—гл. псыхіӡын слѣзать съ коня всякій разъ (не ложе, съ пропускомъ *е*)—сын сидѣть,

см. jепсмхiн; зитмхiн съ себя снимать (оружiе); jiде=ji-hаде; çħа-çмтмн предъ головою—лицомъ другого кого-нибудь постоять; ç̓мкмзммн выходить, ср. kă̓çeкмн 30 I 3;

b) ходо=ходего; абм=hар; оx̊урсмз бездѣльникъ, несчастный: ’охў дѣло—смз подъ вліяніемъ татар. яз. вм. ше='оx̊унше; губзым kăхесхм̓ке—прич. форма съ суфф. к̓е служитъ для выраженія средства или орудія (безъ çм), и можно перевести: тѣмъ, что я возымѣлъ гнѣвъ (Грамм. § 68); демик̓одек̓мз, ср. к̓озмн 174 I 12 и к̓одмжмн 58 II 4; kасмжмн возвратиться 129 I 20, ср. ƃазезмн 19 I 2 сн.; змkăбдезƃек̓одмн (обст. цѣли), собст.: чтобы тебя заставили итти съ нами вмѣстѣ: зм представка—kа—б=уă—дез=зиде вмѣстѣ—ƃа—к̓одмн 136 II 11; çехо=çеx̊го; дмkамм̓цмхук̓еç̓о накл. образности со значеніемъ предѣльно-временнымъ *пока:* собст. слѣдуетъ перевести: *пока мы человѣкомъ не узнаны* (ср. дмkамм̓цмху стр. 156 а, и дмkамм̓çозiво стр. 160 а); мƃо=ç̓мƃуо; i̓мсмн сажать на крупъ лошади; зерм-x̊абзем, см. 94 II 22;

Стр. 155 а) jiрмƃăkурi, собст. заставивъ подбить—подставивъ; мнде-ззе, см. 167 I 20; kăжă’ан сказать (рi мѣст. корень 3-лица); kăзерiƃапезāхер отъ kăƃапезен удостовѣрить, приготовить: kа—зм примѣта опред. причастія: рi мѣст. кор. 3 л.—ƃа—пез вѣрное—хе множество (Грамм. § 40)—р указатель; нăx̊-абм-змхоi-ç̓ăм, собст. больше имъ нужнаго сдѣланному=болѣе имъ нужнымъ одаренному; ззм-жуап никакого отвѣта—нисколько; kă-зе-б-тā-ме отъ гл. kатмн подарить; остмзмн: о=уă—с=ссе—тмзмн(ç) отъ гл. тмзмн (тмжмн) отплачивать; маx̊уме иначе—только; змx̊ок̓уāхерi опред. прич. прош. вр. страд. зал. съ примѣтою множ. числа хе (относится къ hадреi, а не къ 3 л. единст. ч.), примѣтой отчужденія ху и конечнымъ *i* въ значеніи союза *и*; kăхоx̊ун уподобиться —отвѣтить; змдезƃекодм̓кмзмн ср. стр. 154 b;

b) kăƃезезрi и kăк̓озрi собст. дѣеприч. формы; jiпоу= jiпе; земанмм т̓мсмзмн проводить время въ покоѣ, ср. 158

II 2 сн.; ҫыген звать въ домъ, ср. 129 II 2 сн.; ҕабlаҕен (заставлять себя) принимать какъ родного; hао=hауо;

Стр. 156 а) зетепеҕызҙҫ: зы-де вмѣстѣ—ппе носъ—ҕын плакать—ҙын, собст. зыдепыҕызҙын снова приниматься вмѣстѣ рыдать; јуҙ̓ке=ја'уҙ̓ке; въ ҕыні и сыті конечное *і* имѣетъ значеніе русскаго союза *и*; ҫаhухым отъ hухын оканчивать, см. hуh̲ен 97 I 5 сн.; kӑ'уп̓ҫын спросить; зі'усh̲ан употребляется въ обращеніи къ лицамъ царскаго рода; сыт kӑх̓уāр собст. прич. прош. вр. страд. зал.: чтó случившееся?; hузерыт̓ысызрі: hу-зеры-т̓ысы-ҙын, ср. 158 II 29 и 175 II 21, собст. слѣдуетъ перевести: ты покою предавшись; кодҫ̓āті: код много—ҫ̓ын дѣлать—ті примѣта давнопрош. вр. съ гласнымъ і; сыт kак̓ызҙāр чтó вспомнившееся?; kӑҙен отправиться, ср. (je)ҙен 104 II 3; псеф̓е стремянный; ҫ̓ехен знать доподлинно; мырасҫ =мырҫ; ihi=heӑ; ҙысh̲е=ҙыҕасh̲а; губҙыҕа бѣшенство, раздраженіе; зек̓оцыпхен связывать въ узелъ, ср. 140 II 7 и 150 II 10; дыкамыцых̓у, ср. стр. 154 b; дебҕын оставить крышу—домъ; зыкӑдыҕек̓одык̓ызҙын бѣжать вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь, ср. стр. 154 b;

b) расҫі=hарарҫ; Alleh̲ ради Бога, конечно; недык̓одык̓ын уѣзжать съ кѣмъ-нибудь: представка не или ны (означаетъ *глазъ*) въ соединеніи съ ды имѣетъ значеніе совмѣстности дѣйствія; зеҕакеҫын сажать на крупъ лошади; сынеҙеҫ=сынеҙесынҫ отъ неҙесын вмѣстѣ отправляться 37 II 7 сн.; kӑзхок̓ом отъ kӑк̓он: kӑ—зы (при причастіи)—хо=ху означаетъ отчужденіе—к̓он; гуапе=разы; код гибель, ср. 50 II 10 сн.; зе разъ, ну! kӑҙен отправиться, ср. (je)ҙен 104 I 16;

Стр. 157 а) гупешхо: гупе довольный—шхо большой, очень; х̓уіҫ̓рі назначивши, отъ х̓оҫ̓ын 77 II 18; kӑдек̓ызҙын уѣхать, ср. 30 I 24; т̓ысыжын отдыхать подъ старость, ср. 102 I 34, 158 II 29; kӑх̓океф̓ыре отъ kӑх̓окін происходить, быть 135 II 25 и ф̓ыр(е) являющійся сколь *возможно* любезнымъ (отн. суфф. ф̓ы ниже); kӑх̓уҫ̓ын выдѣлать, сдѣлать, ср.

130 I 14; hyiköдынере изъ hy(i)—кодин—пе *ложе* означаетъ нахожденіе въ извѣстномъ мѣстѣ, ср. 68 I 12—ре вопросит. частица, см. Грамм. § 80; hyздекон: hy-зы-декон ѣхать куда-нибудь (де выражаетъ здѣсь направленіе къ извѣстному мѣсту); ноколен пріѣзжать къ кому-нибудь по его слѣдамъ: но (см. выше 156 b)—кон итти—ле голенъ (нако нога, лапа);

b) жäху'ан говорить другому опредѣленное, срокъ назначать; käкоӡын возвратиться; зауlы все=псоурік, собст. означаетъ: нѣсколько; käсыӡын успѣть пріѣхать; hаззыжесын: hа(р) тотъ же самый—ззы одинъ—жес ночь—м; käсысин наступать (о времени); käзефыӡекон пожелать заставить себя прейти, см. зекон 178 I 37; käсын пріѣхать, ср. 133 II 16; сынысхем отъ несын 39 II 4 сн.;

Стр. 158 a) деӡен отправляться отсюда (представка де имѣетъ отношеніе къ мѣсту); бyкäо отъ hукін: б=ya—hукäо =hукäго (Грамм. § 71); ӡапскужын заставлять прятать; käдыӡалаӡуп заставить здѣсь показать; зысно, ср. 123 I 6 сн.; хунс хорошо; käсехын доставать, ср. 56 I 18; сеабеӡрі, см. 57 I 4; käкоцыкіті давнопрош. вр. съ конечнымъ ё (ā ассимилировалось), отъ гл. käкоцыкін заворачивать; jігуäо хун обижаться; jікі, ср. jікер, 124 I 21=jетане; шетануз сумасшедшій;

b) фымыдере отъ ффе вы—мы не—де, ср. (jі)ден 178 II 8 сн.—(р)е вопрос. частица; сымк'аӡым отъ сы'аӡын быть опять; jуӡке=ja'уӡке; hауо только, лишь, но, такъ; käзеде'ун выслушать;

Стр. 159 a) käзехесын взяться, ср. зехосын 163 II 31; käхоiӡен начать; мы нобе лландере, собст. причастная форма отъ гл. лен кончиться: де примѣта накл. предѣльно-временнаго (къ примѣтѣ относится указ. мѣст. мы)—р указатель и е суфф., см. 123 I 9 и потому можно перенести: съ окончившимся этимъ днемъ; мы лландере съ окончившимися (выѣздами ...ч)—съ пріостановленіемъ выѣздовъ на добычу; jінте=

ћате; ћазы=ћа-језы; керпшыр, ср. 132 II 16; раç отъ (ji)'ан 56 II 23; мардо=диде; јімы'аў не имѣя=безъ мѣры; јіпыбç, см. 156 I 23; ћабы тоже; ходызы, ср. 37 I 23; ʒакодызын продолжать издерживать, тратить (хоі для другихъ);

b) Реббі Богъ, очевидно отъ еврейско-христіанскаго рабі учитель; kāкелыкон навѣстить; ззы=вырік; kāбʒадетын найтись при комъ, ср. 78 I 31; језʒеçено достигательное накл. безъ çhаке; зыбʒанеке нѣкоторое время, собст. высчитываніемъ: зы представка прич.—бзын или бжын высчитывать 164 I 18 —ке падеж. суфф. прич. формы;

Стр. 160 а) thе-бзе-ç Божья рѣчь есть—кстати приду мано, подходящее; kāçеhан войти, ср. 25 II 29; hасыhет тотчасъ: hа-сыhат; диде-нāх для выраженія самой высокой степени качества; kā-д-çаʒо, см. 30 I 11 сн.; берекет берсін (араб.) обиліе да дастъ Богъ;

b) льıф'аçі имущество, одѣяніе: лы-фы-'аçі='аçе; хуіçын дѣлать для другихъ (і при ху или хо является, повидимому, примѣтой множ. ч.); çhез голова одна, каждый: çhа—ззы; çыç часть, удѣлъ; thеʒын блаженствовать; thеʒеçыʒ пройдоха, плутъ; kāнызын остаться вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь; kакехужын оставить, ср. хекіжын 67 II 4 сн.

2. Къ тексту „Три добрыхъ совѣта“.

Стр. 166 а) рыпрыlāʒо состоитъ изъ двухъ глаголовъ: пын воспитывать и lāʒен работать, работая воспитывать, кормить (съ повтореніемъ мѣст. корня ры предъ обоими глаголами); декојін выѣзжать; пхеасеʒ старшій пахарь (нанимающій уже отъ себя рабочихъ); kāтехон упасть на (землю); дјіпе: дде-јапе; мехо=махо; kāпылен завѣсить, отложить, повременить, ср. 76 I 16; ʒеі участникъ, компаньонъ; хеʒаhаʒен принимать (на службу), ср. 98 II 26; јікоц теченіе (времени), ср. 160 I 18;

b) пено зыбʒедышезын брать къ себѣ на воспитаніе: зы—

бʒа грудь (отъ котораго образовалось ʒа)—дм выражаетъ сообщество (мѣст. корень 1 л. мн. ч.)—шен вести—ʒы выражаетъ повторенiе (ср. кор. бжы, означ. *счетъ*, въ гл. kабжыжып повторить 115 II 14); jiki=jike, въ значенiи союза *и*, подъ влiянiемъ кяхскаго нарѣчiя (въ Грамм. § 99 обозначены соединительные союзы pe и pik, но отъ перваго нужно выдѣлить мѣст. указатель p и остается гласный *e*, который и представляетъ собою соедин. союзъ, а отъ второго—тотъ же мѣст. указ. p и суфф. k и останется гл. *i*; такимъ образомъ, гласные *e* или *i* соотвѣтствуютъ русс. союзу *и*); käзептыме если мнѣ ты подаришь, отъ kатын подарить: kä-ссе-уä-тын-ме (при двухъ мѣст. корняхъ косвенное дополненiе стоитъ впереди); käде'ун послушать;

Стр. 167 a) opi=yä-p; фызшен вести женщину, жениться; käпеʒаʒен предложить (отн. пе см. 156 a); kодыii потеря мѣста: kод потеря—iie ложе, мѣсто; käхеʒын спасти, выручить, ср. 28 II 20; дыʒаkоаден позволять здѣсь погибать, ср. 116 I 5; käзжäпä мнѣ тобою сказанное, ср. 6 II 21; jyʒ=ja'yʒ;

b) çиh̲ан набрасываться, итти во что бы то ни стало; jitelык=ji-atelык;

Стр. 168 a) заʒо досадно; хеʌен, см. знач. хеʌh̲ан; зеʒазехон приводить въ порядокъ, см. зехон; çытыхуkе, см. Грамм. § 70 (хуkе поставлено позади); çыʒаkiн высылать; käдеkон выйти (замужъ);

b) тогеlo=тоkel (араб.); жäмы'аkе да не скажетъ, въ значенiи описательной формы повелительнаго накл.; бзегiʒе зло=бзагеʒа; käʌh̲ан принести; ґа'yp невѣрный, негодный;

Стр. 169 a) теті прош. несов. вр. отъ гл. тып (собст. происшедшее отъ удвоенія того же самаго корня); jiʒын=ji'ыʒып, ср. 101 I 17; kазыгусен дуться на к.-н.; käçыʒаkон послать куда-нибудь; käзетыʒып помириться;

b) петын оставаться, ср. 37 I 27, Грамм. § 62; зыkä-

ꞔыӡаним заставить остаться; kăxoꞔин сдѣлать въ угоду кого; ӀꞓыхӮ-фе шкура человѣка: ффе принимаетъ значеніе сравнительной частицы *какъ;* kапльиӡин продолжать посматривать; һенапе безчестный: һа собака—нне глазъ—ппе носъ; хеꞔинһин дѣлать, ср. 50 I 21; ремиде отъ (ji)ден 178 II 8 сн.; ззи-сит одно чтó—чтó бы ни; жăху'ан говорить для когонибудь; зехеkатxерi: зе—хеk 99 II 14—итxин 145 II 4; kaһен, ср. 132 I 5; jirіпету сейчасъ: jiri-петин; kăӡашеӡин заставить привести; ззи дунеім (ни) одинъ свѣтъ—ни за чтó на свѣтѣ;

Стр. 170 а) сиkăтиненоkăм отъ kатин ср. 54 II 32—не=ну составляетъ примѣту союзнаго залога; jelбето нарочито; пыӡин=ӡин: отн. представки пи 167 а: һар'аме: һар—'ан быть—ме;

b) беkol палачъ, собст. нукеръ; бене дереза; kylшиk вм. kушlиk (тюрк.) утреннее время—10 ч. утра; несин прибывать, см. Словарь; kăзехо'упꞔин спросить у кого-нибудь;

Стр. 171 а) бlаӡин останавливаться: бlаӡо близко; жа'ā-ꞔһаkе въ уступительномъ накл. ꞔһаkе вм. ꞔһа; kаблежин проскакать мимо, см. блежин; kăжăо, см. 129 I 26; jiry-kаkiн вспоминать; ваkо деkiн итти, ѣхать на пахоту; межаӡа пшенная мука, см. 73 II 18; баxсиме=маxсиме 12 I 6;

b) ӡеӡин поѣхать 149 I 13; ꞔиӡеӡā-не'уӡим накл. последовательно-временное, слѣдуетъ собств. перевести: *послѣ того когда поѣхали* (Грамм. § 72); шеҕаӡо время до намаза—обѣда; несиxӮ непробудно: нне глазъ—син истуканъ—xун дѣлаться; шеҕаӡом-jдеі, собст. время сейчасъ *послѣ обѣда;* kăзрауохутăр: kă-зе(ри)—Ӯо отъ ji онъ—хун гнать, посылать; гузаво=гузавего; нипшедыбе=нипꞔедибе: нобе-пꞔеди(riӡ); kylшиkум-ꞔыӡо во время кушлыка, т. е. въ 10 ч. утра;

Стр. 172 а) ӡасиһен зажигать; ӡен бросать, ср. 75 II 19; һиleo отъ һal, ср. 150 I 14; kельиһен носить за кѣмънибудь: kе конецъ, цѣль—же голень (жаkо пята)—һен но-

сить, ср. 29 I 4, 111 I 1; іманска (араб.-тюрк.)=іманнише; Alhемдуlileh слава Богу (араб.); jіхознн попадать въ яму, см. 122 II 14; тріgекуäс отъ теgайон заставить побѣдить, дать побѣду;

b) бзеrаgа злой умыселъ; бgадесмзин вмѣстѣ жить: бgа грудь—десмзин; kожем=kуажем; хеhезин уѣзжать; ġен здѣсь означаетъ: утомляться, выбиваться изъ силъ; фиiаge пятно, см. 128 I 10; теку немного; kожен зафажать по слѣдамъ;

Стр. 173 а) физин набрасывать удачно: фи хорошо—зин или зен бросать, см. 60 I 21; знзеkопціо только одна прикинувшись: піцго 131 I 5; käтегін приподняться, ср. 22 I 3; зеблеgин ближе стать—заходить, см. бlаgе; си'а есть; безъ ç, въ виду того, что въ концѣ періода есть е;

b) hеlунмlу пряности, закуски (этимологія слова не изв.); gапхезин насыщать, ср. 172 I 20; зауо тѣнь, ср. 53 I 26; мибидеі отъ миде здѣсь и би=бе много (относится къ послѣдующему нäх и различно отъ мибыде 85 II 12 сн.)—і какъ соед. союзъ *и*, *да*; нäх-зауо-нäх лучшая тѣнь, слѣдуетъ замѣтить постановку прилагательнаго между нäх-нäх (безъ рі) для выраженія сравнительной степени прилагательнаго опредѣлительнаго, см. Грамм. § 88; hуiкер=уäрkе;

Стр. 174 а) käзеkон родить; мыgо, см. 12 II 34; käсçhенен буд. вр. съ пропускомъ ç, въ виду ç въ концѣ сложнаго предл.; hар'амік это нисколько=хотя (мік имѣетъ значеніе *хотя* въ кяхскомъ нарѣчіи); зихiнhан, см. хеhhан; çибlеkо, см. блеkін; анgун высыхать, соотвѣтствовать; käkебебеиин броситься за кѣмъ-нибудь; kе-жеб(аkо) шагъ; зеnkебін хватать сзади; диhапсин заѣзжать, см. дыhан и диhапе; беlмhо какъ гнетъ, ср. беlнге 147 II 16; тенин лежать, ср. 67 II 10, 76 II 16;

Стр. 175. çиhальин свидѣтелемъ видѣть—встрѣчать: çиhат свидѣтель 149 II 17—пьин видѣть; hухомыgеlеlо: хун мочь—gаделен, см. Словарь; зиленин остаться.

3. Къ тексту „Жалкій бродяга“.

Стр. 181 ќоре=ќоо; пет=петç; зиçенсќмно=зиçенскын; деђін=дехін 149 II 5; гебеçў длинная палка, пика; бзапе выступъ возвышенности, гора: бзи ярмо+пе носъ; ќатрінат отъ ќатиин (съ удвоеніемъ послѣдняго слога), см. ќатын; јyќјіо=jihyќјo; çенеќалье посмѣшище, см. 80 I 30; ќалеќін вытащить, ср. хеќін 54 I 16; те'упсиќін оттеснивать, ср. 183 I 6;

Стр. 182 а) бзеге въ знач. бродяга; ќадеќіђин выйти откуда-нибудь, ср. ќадеќін 30 I 24; пшиç=пçеç; тетхен надписывать, ср. тетхāр 77 I 3; гужитыхін=гужитен 132 I 8; теђан наносить, ђогум на дорогу наносить стопы, т. е. итти, ср. ђан 41 I 1; ќолен подходить, приближаться; дестеќам=десиќам преходящее время, см. Грамм. § 41; зешибіни: зи возвр. мѣст. указываетъ на внутреннюю связь+шши родной братъ, употребляется у забук. кабардинцевъ, а у остальныхъ сохранилось только въ сложныхъ словахъ 11 I 22+бін семь; зитетым собств. причастная форма отъ тетын: властвуютъ (сердцами) которой; анаќ дахет безусловно-превосходная степень (предст. *а* указываетъ на множ. ч.); ќобçе=куабçе;

b) jiгу-ќаçеçун оказать сочувствіе, ср. 110 I 2; jipiçеблаçері отъ гл. ђаблаçин приглашать къ себѣ: блаçе близкій (см. выше); çижесао=çихесāго (Грамм. § 71) отъ хесеи; жуçен сердиться; дидемиђафым: де-деђан 16 II 8+кор. фи (ср. фефин 178 II 32), поставленный какъ суффиксъ, служитъ для выраженія *возможности* (особая видовая форма, ср. стр. 153 b); зидехін снимать съ себя, ср. дехін 150 I 19; фехус=хоќў, въ соединеніи съ jеќін съ привѣтствіемъ спуститься, снизойти, снисходительно привѣтствовать, см. 159 II 31;

Стр. 183 а) зиђахејін шевелиться, ср. 182 I 21; тене откуда=денеќе; 'утын стоять 74 II 14; зибеіиђо головорѣзъ, ср. беімге 147 II 16; ќаріçезā-çђаке отъ ќаçазен соорудить

—начать 157 II 23; 'увназин переставать, см. 'увы'а 100 II 4;

b) зешнеxысетхурі: зы-шшы-наxысе=наxыз старшій—тхурі; зы'ысезын собираться снова, ср. 122 I 19 сызен отправляться съ извѣстнаго мѣста; сыhунем: сы-hуне домъ, конюшня; псеʒоle бѣлый=хуз; käсышмы вывести откуда-нибудь, ср. kämмн 26 I 26; сеʒенын покрывать, ср. 120 II 27; сыhазын возвращаться, ср. сеhан 25 I 29; зыхуапен одѣваться 96 II 7; käдыльhан надѣть (оружіе), ср. 77 I 8 сн., собст. прич. форма съ представкою зы и постпозитивнымъ і, въ знач. союза *и*; käсекызын выйти 20 I 3; хеhазен отправляться, ср. 104 I 16; käдынен оставить (дома);

Стр. 184 а) kädекiн пріѣхать, прибыть 30 I 10; käпльен посмотрѣть, ср. 32 I 5 сн.; рекеʒат поклонъ (араб.); льесыkiн уничтожать, громить, ср. льесын 176 I 30; jiхiльhäсі отъ хельhан 118 I 2; зы lаʒе jемыkо ни на одно дѣло не идя—не вредя; kахесызын выбѣжать, ср. хесын 171 I 5; зезʒесенос вм. зезʒенс (вставное *о* въ буд. времени) отъ зеʒасен узнавать 56 I 19; käзе'ульhäpi отъ kä'ульhан навести лукъ, см. 'ульhа 114 II 13, собст. причастная форма; käkельын выпустить (стрѣлу); käзыхезен пронзить, ср. 11 II 20; ше оконечникъ стрѣлы, ср. 7 I 26; käпысыkiн отдернуть, ср. käпыkiн 105 II 21; käхехызын вытащить, ср. käхын 28 I 6; бlатов заимст. изъ русс. *платокъ;* käпхен перевязать 109 II 10; фыльhезын изящно надѣвать перчатки: фы хорошо—'аже перчатка—hезын отъ hен 122 I 27, ср. hажын 27 II 18;

b) зекоцыхiн 140 II 6; ʒатысызын усадить, см. ʒатысин; фасыдекä-неhузым накл. *послѣдовательно-временное,* см. Грамм. § 72 (hуз собст. позади); сыхрі собст. у *меня* взявши, см. хын 42 II 8; мего: мы-го(ре)=міпходего, käтсäс, собств. *мы* узнали отъ käсен 173 II 2; темашо дѣйствительно, ср. 156 II 8;

Стр. 185 а) нахеhарі: на выражаетъ совмѣстность—хе-

ḫан въѣзжать, ср. диḫан 26 I 7; kаçимиʒенизâо отъ kаʒанизын пощадить снова 183 I 2 сн.: kа—çи ставится не только при накл. врем.-послѣд., но и при накл. образности прош. вр.—ʒа—нне—ʒин; jiʒегуʒері отъ ʒагуʒен=ʒагубʒын; ’укиʒин уходить, см. ’укін;

b) ʒоуен разглашать, ср. ʒоу 64 II 6; тхеʒо=уоʒурlиго; kăхуаçо отъ kаçин и хуа въ залогѣ отчуждающемъ, но съ признакомъ множ. ч.; kăçишин убояться к.-н. гдѣ-нибудь; хужă’ан говорить про к.-н. (ср. жăху’ан стр. 157 b); kăʒаљыын окружить людьми: kăʒа—љи человѣкъ—љe голень, ср. ʒаљин 67 I 24; псḫапен достойный; зихуаçиʒино: зи-ху(а)-çин-ʒи;

Стр. 186 а) çиk шуринъ; невʒакоу: не (объяснено выше) —в=уă-ʒа-кон; kăтхокуăм: kа-т=дде-хо-кон; беlиḫ(е) несчастіе, ср. 147 II 16 (встрѣчалось выше стр. 183 а); дихевʒеʒекинке собст.: чтобы намъ *вы дали* выпутаться: дде—в=ффеʒа-ʒа (удвоеніе)—хекин 54 I 16—ке признакъ дополнительнаго наклоненія послѣ глаголовъ со знач. *просить;* зерижиlllо: зери указываетъ на взаимность; зифхудоçиʒ: зи-ффе-ху-деçиʒин, ср. деçин 152 II 4 сн.; дихутkăм: дде—хетин 117 II 13—kăм; kăтхудеме, собст. *для насъ* захочетъ если: kа-дде-ху-ден хотѣть, ср. (ji)ден 178 II сн.; же’уако отъ же’укон просить, ср. 137 I 5; kăзерикуăр прич. форма отъ kакон прійти; jijiхоље’уно: ji его, ji-хо для него (для селенія) и же’ун;

b) зеридезекономкі какъ съ нимъ обходиться—вопрос. предложеніе, съ вопр. нар. *какъ,* выражается формой неопредѣленнаго накл. съ двумя наставками: (о)м и частицей ке или кі, ср. Грамм. § 81 прим.: зе(ри)де съ нимъ (признакъ союзнаго залога) и зекон обходиться; kăахуçăç=kăхуаçăç; фзеридезеконер мир’аç вамъ съ нимъ обходиться такъ (есть) нужно —собст. причастіе буд. врем.; тао зиçми собст. какъ (бы ни) представляющій(ся): тао накл. образности отъ тин=таго или даго, зиçми=зиçим; ḫе-самир, ср. 2 I 31; здамише отъ зе-

дешен, см. дешен 44 II 26; ẋунотеkäмi сослагательное накл., ср. Грамм. § 47; неђоç кромѣ, см. 138 I 5; хоре отъ хо жила 43 I 3 сн.;

Стр. 187 а) шхен-ḫо=шхен-çḫаже Грамм. § 67; kратāç отъ kатын дать; хомышхре-пет описательная форма накл. образности наст. вр. посредствомъ гл. петын, собст. слѣдуетъ перевести: не нуждающимся ѣсть продолжаетъ: хо представка отъ гл. хоjiн имѣть надобность, нуждаться 122 I 23, ср. зыхоi 89 I 16, отъ котораго произошелъ корень ху для выраженія отчуждающаго зал.—мы не—шхен кушать; здепсыхам: зы представка въ причаст. формѣ—де имѣетъ отношеніе къ мѣсту—псыхiн слѣзать съ лошади; пцeнабзо: пцане голый—б=уä—зо=зего совсѣмъ 156 II 11; зыт̓еçын раздѣваться;

b) kаçылетын вскочить съ мѣста 24 I 8 сн.; зыҙын вскакивать на коня, ср. 32 II 12; çепхоҙахеç поскакали: çыб задъ—хун гнать—ҙы повтореніе—хе множество, ср. çепхон мчаться 122 I 9; kаҙыхын сбросить, ср. 88 I 2; зыг=жыђ; шыне=шынен; çыҙырто отъ çыжын, см. Словарь; зыçыђежо: ҙы-çыжын и ђа; kаçтен взять 16 II 16; зырыз=зырызго; kапыçыkiн отломить 68 I 21;

Стр. 188 а) k̓елыçепхожāç изъ k̓елыжен гнаться за кѣмъ 32 I 3 сн. и çепхон 122 I 9; жехоре отъ гл. жен, съ примѣтой множ. ч. хе; ẋуахоў отъ гл. ẋун, съ примѣтой множ. ч. хе; käдеçыçыkiн заржать откуда-нибудь: kaleм и потому де; käçыçыçым первое çы въ накл. врем.;

b) беlыḫ кара, ср. татар. бalа (ср. стр. 186 а); диде очень, важный; käздыkāм см. käдеkiн 30 I 24; jikäтехiko изъ техон попадать въ цѣль и kаkон пойти; kаçтеҙын опять отнять; зыздат̓еçāм отъ зыдет̓ыçын, ср. 141 I 7 сн.; зыђахопеҙын заставить снова одѣться, ср. 96 II 7; käт̓ыçḫаҙын снова садиться, ср. 148 I 18; дызерыђеkoҙыркäм отъ ђаkoҙын давать ходить 105 II 3;

Стр. 189 а) kађахiн обратить вниманіе, ср. 18 II 11;

тхоһукмнке въ дополнительномъ предложеніи послѣ гл. *просить* ставится ке вм. простого неопредѣленнаго (см. 186 a); дди цмкуі, дди jiні постпозитивное *і* имѣетъ значеніе соедин. союза *и*; неммço: нне взоръ—мм не—çмн дѣлать, стало-быть: взора не дѣлая—помимо; зеçелмкāо отъ çелмкiн: çен умѣть и лмн точить 168 II 9; хедекiн вышивать, см. ден 182 II 6 сн. и jiден 30 I 9;

b) лмн лежать, ср. 67 I 11; jikäхекмпер отъ käхекiн выйти и вопр. частицы пер(е); зехмфитхен: ффе шкура—тхі хребетъ: снимать съ кого-нибудь шкуру, разорвать въ клочки; kylai удобно, ср. 48 II 17; jiфеhaleмето отъ jiфеç 30 II 13 сн. и haläмет 181 II 10; тетмсhан садиться верхомъ; хеhaзмн ѣхать опять 171 II 26;

Стр. 190 ʒапçмн заставлять выбиваться изъ силъ, ср. 141 I 9 сн.

4. Къ тексту „Нарунъ".

Стр. 196 змçмʒрі отъ çмʒун 157 II 28; шм-hyʒ-м-ше лошади травы безъ—за травою; змʒен бросаться; бʒедеʒолhан: бʒаде-ʒолhан, ср. ʒолмн 67 I 24; жі'ā-çhаке уступительное накл., съ пропускомъ суфф. прош. вр. ç, см. Грамм. § 75; käз(м)дешен съ собою привести 129 II 14; çмпоре=(çм)погоре; харзмне: харв хорошій, ср. осет. хорс и нне глазъ, с.-б. хорошъ на видъ;

Стр. 197 a) траʒотмʒāм причастіе отдаленно-прош. вр. отъ ʒотмн находить 81 II 13; jiгеувāо *подходя* 131 II 14; гуши'а свадьба, ср. 15 I 19, 149 I 16; çмhaзмн заходить куда-нб. снова, ср. 20 II 12; jiне=jiане; зермзермʒашо за собою ему позволяетъ изгибаться—ухаживать 54 II 22; хеhан уѣзжать, ср. 171 II 26; хетмн подлежать, быть 117 II 13; теhукмтмhмн стыдиться, ср. 162 II 32; непе срамъ, стыдъ, 160 I 15: нне глазъ—ппе носъ;

b) 'açекоден погибать, ср. 168 II 24: 'açе оружіе ('а

рука—ҫин дѣлать)—ко̆дин погибать; Іаӡи заговоръ; зиҫилӡан *между собою* или отъ себя дѣлать—*взаимный залогъ* 117 II 1; ҫaler деhукйнем *прежде чѣмъ* убить юношу—наклоненіе *предварительнаго дѣйствія* съ представкой де и наставкой м, Грамм. § 70; зипен возиться—зал. *возвратный,* см. гл. шенҫ зеридӡекодином *какъ* намъ ее уничтожить—*косвенный* вопросъ, Грамм. § 81 Прим.; тељин существовать, находиться;

Стр. 198 а) пхузебІахинҫ для тебя испробуютъ: п=уä —ху для—зибІехін раскупать 144 I 5; hарҫheke=hарҫha; kä-п-хо-ми-хо отъ хо̆хун подходить кому-нб. 119 I 24; ҫизӡе'унҫ отъ ҫиӡи'ун распространять, см. ҫи'ун 21 I 16; аlпиъ крови альпа: аlп отъ аl дикій—ппе носъ и љи кровь; jeми'упҫиӡихо: je—ми—'упҫин 142 II 24—ӡи—хін, ср. хоіӡен начинать 81 II 7, с.-б.: спрашивать, снова начиная—разспрашивая; зебӡадекйзин снова расходиться 145 I 22; зиҫин дѣлаться 41 I 3 сн.; хӑрзине знатный, ср. 14 II 14: хӑр узелковатый—зи—нне глазъ; 'азі 'азеӡуі оба эти слова соединены постпозит. союзомъ *і*, при чемъ въ словѣ 'азе конеч. гл. *е* выпалъ; käтинин отставать отъ ч.-н., оставлять ч.-н., ср. kитенен 102 I 30; хогузавен заботиться о комъ-нб., ср. гузавен 112 II 3 сн.;

b) хо̆хуни jiӡотинке мигуӡеӡо *и не надѣясь найти подходящее*—дополнительное неопредѣленное послѣ гл. *надѣяться* выражается причастной формой съ ке (ср. выше 186 а), въ другихъ случаяхъ эта форма можетъ быть передаваема косвенными вопросами съ част. *какъ;* гуӡаӡин снова надѣяться 77 I 5 сн.; въ хибаро конечный звукъ *о* придаетъ значеніе обстоятельственнаго выраженія—*съ* молвою; моде=миде; ҫизехихим отъ гл. зехехін слышать 175 II 2 сн.; käген позвать (къ себѣ), ср. ген 16 II 9; фйхуӡын *вѣрно*—совершенно выздоравливать: фи вѣрно, ср. 30 II 18—хуҫин 27 I 7; hу-с-фи-hукйноҫ 49 II 7 тебя мнѣ *вѣрно* зарѣжутъ—какъ въ этомъ, такъ и въ предыдущемъ глаголѣ фи придаетъ особый

оттѣнокъ глаголу—*увѣренности* (ср. выше фи какъ инфиксъ и суффиксъ);

Стр. 199 а) kӓпсаљен заговорить, ср. 45 I 11 сн.; hао но; зиçмпеке=зиçмпе; дикӓздиммљаӡун *гдѣ* (бы) насъ не увидѣть—второе ди выражаетъ отношеніе къ мѣсту, ср. Грамм. § 79 Прим.; деӡекмн заставлять выѣхать, ср. 30 I 10 сн.; тене=дене; kрӓшиӡежино отъ kӓшиӡежин погарцовать на лошади: kӓ—шши—ӡа—жен—о;

b) фезӡеӡезино я *навѣрное дамъ* зарѣзать: фи вѣрно—ззе—ӡа—ӡаӡин 147 II 18; бже дверь—упе губа, здѣсь вторая составная часть уже въ значеніи предлога *къ*; љаден подскакивать; kӓçишен вывести, вызвать; серçі: ссе—р—çи; 'ужеӡин уѣзжать; сиздиhим *куда бы ни несъ:* ссе—зи примѣта причастія—диhан 51 II 5; kӓуен ударить 172 II 1; kӓӡежезин заставить уѣхать 177 I 8; kӓткељезинç за нами погонятся; кеӡахун убавлять: ке вм. кеç короткій—ӡа—хун дѣлаться; ӡахун прибавлять, ср. çиӡун 129 I 10;

Стр. 200 а) иçрі накл. образности отъ çин; kӓкељипхун погнаться: kӓ—кељин 32 I 3 сн.—пхун 116 I 21; jіхомибидо: хо отъ хоjін хотѣть, умѣть—убидин 130 I 24; kакон поѣхать, ср. 127 I 15; kӓљео умирая—до упаду; коіцирикрепет собст. пробирающіеся продолжаютъ (см. стр. 187 а); љебеко-хун раздвигать ноги 182 I 11; зерљеко-çиçиçим: зе(ри)-çи-м *коль скоро, лишь только*—примѣты наклоненія *немедленнаго наступленія дѣйствія:* љеко право 127 II 2—çиçин ржать; бӡадиhан подъѣзжать, ср. 106 II 2 и 117 II 6; jутипçиӡӓç 145 II 3 сн.;=jіhутипçиӡӓç;

b) jіф'аçі: ji-hаффе-'аçе; зихун двигаться, ср. 32 I 3 сн.; kӓхекі hутипçиӡ въ постпозитивномъ *і* замѣчается значеніе соед. союза *и*;

Стр. 201 а) сутипçиӡ=сиhутипçиӡ; ӡеуен грѣть, ср. 35 I 14: ӡа-'уен застигать 50 I 19, ср. (je)уен бить; kӓпхосинç, см. kасин 133 II 16;

b) т̓иси шхе оба слова соединены посредствомъ и; х̓уме и х̓умо входятъ въ составъ сказуемаго, отъ х̓ум защитникъ, сторожъ, см. 51 I 34;

Стр. 202 а) гобенек войлокъ (заимств.); селам kăхин привѣтствіе вынуть, сказать 28 I 6;

b) пес сторожъ, ср. 161 II 20; kăкері'увас̧ отъ kăке-'увен остановиться, ср. 100 II 2; с̧иђино 'ас̧ео конечное о представляется какъ бы признакомъ множ. ч.; катехін снять;

Стр. 203 а) психиз̧ин слѣзать съ лошади; ђас̧ин заставлять сдѣлать;

b) kăх̓ус̧ен побранить, ср. 74 I 14; jiкиз̧ас̧ отъ коз̧ин или кожин; с̧ириђом=с̧ириђеум; kăiкуаљен подойти, приблизиться, ср. 129 I 16: ka—кон—'а рука—љe голень—р—i; зиkăхуаиен одѣться, ср. 96 II 7; h̲alek опустошеніе (заимств.); миђо на бѣду—окончательно; с̧иri отъ с̧ин=с̧и'ан быть;

Стр. 204 а) тециçh̲ан садиться на лошадь (безъ сѣдла): ци волосъ, шерсть—çh̲a голова; jiçенереі махомі и въ третій день; кис̧е вкратцѣ 17 II 20, при ходео имѣетъ значеніе *точно*; kăхонин обругать; нăх̓ кромѣ, ср. 33 I 27; Нарун jiçеу ситахер зиљеђор опредѣлительное предложеніе съ дополнительнымъ: которая видѣла, *что́ Нарунъ дѣлаетъ* (ситахер =ситхер вин. множ. ч. отъ сит); љи-декон-и-р здѣсь какъ дополненіе: выходъ замужъ;

b) jiфе-jемиko и jiфе-делоў первая составная часть отъ фен считать, думать, ср. фес̧ин 164 I 19 и jiфес̧ с̧ин 172 II 9; тао=даго;

Стр. 205 а) дивђеh̲и *повелительное наклон.* будущаго вр. 1 л. множ. ч., при чемъ отношеніе ко 2-му лицу, подобно русс. *те,* выражается мѣст. корнемъ 2-лица: де—в вм. уă—ђа—h̲ан, ср. деh̲ан; kăс̧иђакін сорвать плодъ, ср. 160 I 7 сн.; хођађаh̲ин непремѣнно посылать: удвоеніемъ ђа выражается настойчивость требованія, ср. 125 I 21; ji'ахеме множ. ч. по отношенію къ отцу, какъ знакъ *уваженія;* въ

зешипхуіс̨имі гласные і послѣ шипхў и суфф. м служатъ для связи; зедес̨тен соглашаться насчетъ ч.-н., см. kас̨тен;

b) kӓзехосин собраться 156 I 6 сн.; въ махуіс̨ нужно выдѣлить союзъ і, вліяющій также въ словѣ махо на переходъ конечнаго о въ у; зерірітинор причастная форма въ дополнительномъ наклоненіи (Грамм. § 66, Прим. 2), съ представкой зи и двойнымъ мѣст. корнемъ рі-рі, являющемся послѣ зи, въ значеніи русс. мѣст. 3 лица и того же мѣст. какъ дополненія: *ее онъ* выдастъ что; въ формѣ уорkоі конечное *і* имѣетъ не только значеніе союза *и*, но и служитъ, повидимому, примѣтой множ. числа; то же значеніе пріобрѣтаетъ конечный *о* въ формѣ пс̨ио; kӓзи'ус̨ен собраться, собст. означаетъ *встрѣтиться* 115 II 11; въ йалеў конечное ў имѣетъ значеніе союза *и*; зигухелимі отъ гухелин думать, намѣреваться, ср. 42 II 17 и гулитен 15 II 31; зиkа'узедын нарядиться отъ hузедин 49 II 34; kӓkолин пріѣхать, ср. 134 II 19; с̨изехеђā-махом, собст.: когда начался день, отъ хеђан 116 I 32: признакъ наклоненія *м* присоединенъ къ махо;

Стр. 206 а) хофас̨ен достойный 39 II 17 (см. ниже стр. 233 b); jітене=jітуане; курит средній, ср. 174 II 19; въ с̨ахеђем поставлена примѣта множ. ч. хе, въ виду послѣдующаго жиlle, имѣющаго собирательное значеніе; рику'āс̨ вм. ко'āс̨; kриказ̨āс̨ отъ kӓкоз̨ин;

b) hунеіkе домами, цѣлыми (отн. значенія *і* во множ. ч. см. выше); рико вм. коо или коре; kӓшелин привезти, ср. 129 II 11; беђуа богатый, ср. 9 II 9 сн.; гедес̨ курятникъ; с̨ихун загонять, ср. 45 I 4 сн.; с̨иhаден забѣжать, ср. 44 II 7; гуауо непріятно, см. 85 II 9, ср. 85 II 12;

Стр. 207 а) с̨иђаіцис̨ђан сажать куда-нибудь; деђахун прогонять; въ kӓхіхāрі слѣдуетъ выдѣлить *і*: въ формѣ jіритрі заключается два мѣст. 3 лица—дополненія и подлежащаго: *ихъ онъ* повыдававши;

b) kотẋ вещь (повидимому, заимствовано); гуƀан обсуждать, см. разныя значенія этого гл.; низерыдеммк̇ слѣдуетъ перевести: *вмѣстѣ* не выходитъ, отъ деко̇н выходить; käсha-пен годящійся, годный: kä—çha голова—ппе носъ, собств. означаетъ: *пригодиться;* зыçhамыƀоʒ несчастный: зы—çha—мыƀо горемыка 33 II 11—ʒы старый; к̇ыпk поясъ, ср. 127 I 20;

Стр. 208 a) käк̇еçытыʒын тамъ отстать, см. 161 II 24, ср. 105 I 16; ызаkо одинъ, при чемъ ы является евфоническимъ призвукомъ, подобно ыçpi на стр. 200 a; фаçоу отъ фаçе нарядъ 177 I сн. (у въ концѣ служитъ для связи, при чемъ е переходитъ въ о); ƀапеçын наряжать, разукрашать 131 I 15; бегў шероховатый, ср. 63 I 33;

b) хежhан причинять, см. другія значенія этого глагола; 'акоц̇ ладонь: 'а рука—коц̇ внутренній; jiхек̇ыʒре-пет описательная форма накл. образности наст. вр. (стр. 187 a); хуʒен бросать кому-нибудь (i служитъ для связи); сыт съ пропускомъ ходе: какой; рыпхенç съ пропускомъ представки ka; käзыхнын (отъ себя) оставить, ср. 100 I 4 сн.; хеhаʒын куда-нибудь снова заѣзжать; пхеhанʒ вязанка сухихъ дровъ 31 I 12;

Стр. 209 a) ji'уʒ=jiт̇уане; хеъын выказывать, ср. 57 II 25; рыƀешхо отъ ƀашхен; ƀагуʒын заставлять впасть въ малодушіе, см. губʒын; 'ук̇ыʒын уѣзжать, ср. 'ук̇iн; зеƀын плакаться—раздѣлываться; шеhыд (араб.) убитый на войнѣ; hаме или je, отъ hен нести, собст.: *если нести;* käсi каждый, отъ гл. kасын 133 II 14, ср. 58 II 2 сн.; Цаʒе работа, гибель 139 II 25; дызетырамыhук̇еʒы-по отъ зыдеhук̇ыʒын (всѣхъ) вмѣстѣ перебивать: де насъ—зеты=зыде всѣхъ вмѣстѣ (признакъ союзнаго залога)—ра мѣст. кор. съ признакомъ множ. ч.—hук̇ын убивать—ʒы повтореніе дѣйствія—по=к̇е *пока* признакъ предѣльно-временнаго наклоненія, ср. Грамм. § 70;

b) kазауен повоевать, см. зауен; käзауʒын повоевать сно-

ва; въ зео конечное *о* имѣетъ значенiе союза *и* или *же*; hафiз (араб.) слѣпой; aihaiме конечно: ai эй—hai=hеё уже—ме если;

Стр. 210 а) hудекир-ke при повелительномъ наклоненiи ke, со вставнымъ р, имѣетъ значенiе русскаго *ка*; жихукон отыскивать, см. жихун 143 II 1; бротмноме пцере тебѣ найти *какъ*, ты знаешь ли? вопрос. предложенiе съ частицей *какъ* передается неопред. накл. съ наставкой *ме*;

b) käкуhен или kaкohен разъѣзжать 162 I 10 (де связано съ суфф. м въ причаст. формѣ); jiмнротнфао не могши найти: ji-мн-ротын-фн (отн. корня фн см. выше стр. 182 b); уохоу вм. 'оху съ конечнымъ у въ значенiи союза *и*; въ käцефкуho (отъ гл. ka(цн)куhен) одна изъ примѣтъ вопроса—указатель *р* не поставленъ, въ виду нахожденiя его въ слѣдующемъ глаголѣ фн'ар, но зато остался гласный о=е, котораго нѣтъ въ фн'ар; пхе повязка, здѣсь въ значенiи фик ягодица; тезивраземе отъ гл. теразен дать прикладывать, ср. 131 I 7: те представка *на, при*—зи *себѣ*—в отъ ффе—ра—зен—ме, слѣдуетъ перевести: если вы *себѣ* дадите приложить;

Стр. 211 а) тaykel=tokel; jiре вредъ=земан, ср. jiро пора 123 I 9; (je)кын, ср. (ji)кiн 111 II 4—гл. кин или кiн, въ различiе отъ кон, разсматриваетъ результатъ движенiя (ке *конецъ*); jiкезмп=jiзмпке, ражин 143 II 16 (отъ гл. жин точить);

b) цаммхуамi форма накл. такая же, какъ и въ косв. вопросѣ, Грамм. § 81, отъ гл. цихон 69 II 9 сн.;

Стр. 213 а) käпекiн бѣжать (о рабѣ); käзептызнике отъ käтызин возвратить, ср. 54 II 32, дополнительное наклоненiе съ ке, послѣ гл. *просить*, можно передать по-русски: союзомъ *чтобы* съ изъяв. накл. или однимъ неопредѣленнымъ: *чтобы мнѣ ты возвратилъ* (стр. 186 а, 198 b); тао=даго; жихос'а опредѣлительное причастiе безъ именного суфф., въ виду

м въ послѣдующемъ дамиƀем: жä—хо для другого или о другомъ—ссе—'ан; һузхоі тебѣ отъ меня нужно чтó—сюда же относится р въ дыде-р очень;

b) ззи хемылѣḫаӡыфо ничего не имѣя возможности съ своей стороны возразить: хиыḫан 37 I 32—ми не—ӡи снова, съ своей стороны—ф̓ы выражаетъ возможность (см. выше стр. 182 b); жызми'аў мнѣ не говорящимъ: жä—ззе—ми—'аў='ао.

5. Къ тексту „Воспитанникъ великана".

Стр. 225 а) мыхў кромѣ; kахунеӡын буд. вр. безъ ӡ; нä'аkäм: нä, см. нах̊ибе 10 II 13—'ан имѣть—käм отрицаніе; ҫыҫытk̓е собст. состоявши—поэтому; һаљен встрѣчаться, натыкаться, ср. знач. ḫаљe;

b) kырш=kурш 179 I 11; оҫḫе гора, курганъ=уаҫḫа; зыҫ̓ын обрисовываться, выдаваться, ср. 128 II 3; k̓ољен итти по слѣду—подъѣзжать; сеіk̓одыљемі хотя бы я и погибъ—накл. *уступленія*, соотвѣтствующее русскому уступительному предложенію, вводимому союзомъ *хотя* съ частицей *бы*, въ различіе отъ *хотя* съ изъявит. накл. Грамм. § 75, отъ гл. k̓одыљен погибать, ср. 116 I 5; жыƀо=жыго, конечный гл. о употребляется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имя сущ. входитъ въ составъ сказуемаго; љегў=љегуӡ;

Стр. 226 а) käӡын подуть (о вѣтрѣ), ср. 104 I 17; зетріһудре вм. зетріһудыр потрясающій—прич. наст. вр. съ зи и р, отъ тиһудын потрясать, ср. знач. һудын; жып̆ано ты *могъ бы сказать:* жä—п̆=уä—'ан—о (наклоненіе *возможности*); мыбы=мыде; käсыф̓ы мочь доѣхать, возможность доѣхать (отн. суфф. ф̓ы выше стр. 182 b);

b) сыпхох̊уф̓ме если я тебѣ *могу* оказать, отъ хох̊ун для другого сдѣлаться—кому оказывать; въ мураді конеч. *і*, повидимому, составляетъ примѣту множ. ч.; һуінеф̓ твой добрый глазъ—твоя милость: һуі-нне-ф̓ы; käҫҫехоме условное накло-

неніе съ оттѣнкомъ скромно выраженнаго желанія, въ знач. русс. *не ли?* отъ kӓхун, ср. 32 I 39; отн. формы сидими-ᶁекуадо см. стр. 154 b; въ симмиш недостаетъ дм и конеч. о, въ виду имѣющихся этихъ примѣтъ въ сидиммᶁекуадо и симмиḫо; keȝехо на глазахъ: keȝ=тюрк. гӧз; хеᴧин быть налицо, ср. 135 I 12; kӓᶁазин принудить, ср. 132 I 8;

Стр. 227 а) меі лѣсная яблоня, ср. 184 I 19; питин (петин) *оставаться* принимаетъ почти значеніе гл. *быть;* kӓпиᶁахун сбросить (плодъ съ дерева), ср. kапихун 101 I 3;

b) ҫифшхке *когда вы пойдите* накл. временное, относящееся къ будущему времени (примѣты ҫи и ке, см. Грамм. § 68); hанӓхиҫе-дидер самый младшій—это самая высшая степень качества; kано, собст.: воспитанникомъ; kӓзет: kӓ—зе=ссе—тин, собст.: отдай *мнѣ;* јіниȝо: что здѣсь говорится о многихъ лицахъ, видно изъ примѣты хе въ двухъ слѣдующихъ глагольныхъ формахъ, не говоря о конечномъ *о*; јеȝеȝ глаголы средніе въ повелительномъ накл. принимаютъ је; kӓkоȝхері собст. *вернувшись;* пиȝин выходить навстрѣчу: пе носъ и ȝен отправляться;

Стр. 228 а) kаkун подуть съ силой, см. знач. kун; ᴧе постройка, ср. 33 I 5; гуȝејін впадать въ малодушіе; јіто давая—сейчасъ, отъ тин; зиᶁаҫḫин объяснять себѣ;

b) јігӳ-kӓȝин припомнить, ср. 132 I 22; ҫеlеіцикȝер собст. мальчика малаго *стараго*—маленькаго;

Стр. 229 а) kуӓо пройдя—досадно, ср. 39 I 3 сн.; зеȝен бѣгать *себѣ*, ср. (је)ȝен 188 II 21; јеуеҫе знающій бить—повѣса; шеҫ конюшня, ср. 63 I 3; 'уᴧаден подбѣгать, ср. 116 II 10; kӓхуᴧин наброситься на к.-н., ср. 75 II 20, см. kӓхеᴧḫан; kӓтиᶁахун бросить, ср. 11 II 18;

b) сибᶁанехурті я *чуть* не сдѣлался несчастнымъ: ссе—бᶁа грудь—ине глазъ—хун дѣлаться *хуже*, несчастнымъ 160 II 10 сн. (понятіе о возможности наступленія какого-нибудь дѣйствія или состоянія, заключающееся въ русскомъ нарѣчіи

чуть или *едва*, выражается въ кабар. языкѣ примѣтой *не* и суфф. *i*); демекубl *палка* отъ даме плечо—kун бить—бlи семь; тецисḫан=теѓисḫан садиться безъ сѣдла (ср. стр. 204 а);

Стр. 230 а) käрiзихiно отъ käзихiн желать сбросить: kä-зин-хоjiн желать 42 II 22 (входя въ составъ глагольной формы, подобно фефин, служитъ для выраженія *желанія*), kä-хоiзихā-käм его съ себя сбросить онъ не долженъ былъ—не могъ: ka—хо отчужденіе—зин—хоjiн въ знач. *мочь* 154 II 23 (кор. глагола хоjiн, какъ наставка глагола, служитъ, подобно фефын, для выраженія *возможности*); ḫасамбрын усмирять: ḫа-сабир (араб.) мирный 71 II 22; jiпекiçе=jiпеke;

b) зидишен брать съ собою, ср. 11 I 8 сн.; jiшиуkем *какъ* верхомъ ѣздить, вопрос. предложеніе, съ перестановкой суффиксовъ, отъ гл. шиуен верхомъ ѣздить, ср. 183 II 7 сн.; шиуфин мочь, умѣть верхомъ ѣздить;

Стр. 231 а) гуḫо важно, трудно=çаḫо, ср. 50 II 25; здеkом причаст. форма, съ предст. зи, слѣдуетъ перевести: *ѣдущему;* kаçалбаḫуke, слѣдуетъ перевести: *увидятъ когда;* шkахо пастухъ телятъ, ср. 108 I 6 сн.;

b) хомеiхо: хоjiн желать—ми не—хо удвоеніе кор. глагола, для выраженія рѣшительнаго нежеланія, ср. 85 II 23; дырин проглатывать, ср. 32 I 14; въ hукуā-ke частица ke въ знач. *развѣ не,* слѣдуетъ перевести: развѣ ты не поѣхалъ? (ср. усшхинke, Соеруко, стр. 9 въ XII вып. Сборника); ḫажеkiн давать сдѣлать, ср. 155 I 32; kāпиḫужḫен навязываться; наçтен: нне глазъ—çтен взять;

Стр. 232 а) ẓефегӯ земляной полъ, ср. 121 II 10; въ hуноӯ конеч. ӯ (е ассимил.) служитъ для связи: *а* въ комнатѣ; 'ужḫа взятка, порція;

b) ненефин давать пощечину: нне глазъ—пне носъ—ффин, ср. (ji)фин 79 I 18; ву'о кувыркомъ, отъ ву'ун; въ дизетирihуkеноç насъ всѣхъ перебьетъ—зети=зиде;

Стр. 233 а) hузерисçинор прич. буд. вр.; въ kамиши-

k̉ыр вторая составная часть k̉е означаетъ (конецъ) *ручка;* kā-k̉ixiн обрастать, ср. kāk̉iн; дан соглашаться, ср. 156 II 9 сн., да'он 124 I 43 и (ji)ден 155 II 4 сн.; (ji)срафо убытокъ=зерар;

b) хоммфаḉе слѣдуетъ перевести: для него *не желая* дѣлать, ср. хофаḉен 133 II 17 и стр. 206 а: хо—фа отъ ффин —ḉын дѣлать;

Стр. 234 а) сиkāзах'ыᵹāм отъ которыхъ я былъ отобранъ=ссе-kāз'ыᵹын—ху; kāтеḫезāо отъ kāтеḫаᶎын потрусить на лошади, поѣхать, ср. 169 II 21;

b) денесын доѣзжать; х̊ате вниманіе, пеḫын обращать: ппе носъ—ḫын нести; т̉ыᵹе ровъ; саᵹе мишень, цѣль; въ jеженi и техонi заключается примѣта сослаг. накл.: русс. *бы* соотвѣтствуетъ въ кабард. *нi* (ср. выше стр. 229 b);

Стр. 235 а) ан'уk̉iн оборачиваться см. 'уk̉iн 106 I 6; ᵹаḫаlебаlыкын взбудоражить, см. 163 I 28; тхетḉ отъ де и хетын 176 II 23, собст. *съ нами* участвуютъ; шердакым чердакъ (тюрк.);

b) нефыне свѣтъ, ср. 82 I 20;

Стр. 236 а) kāпљнепљын посмотрѣть внимательно (съ удвоеніемъ); kāxiᵹаḉын найти, ср. 81 II 13; хутын распоряжаться, ср. 144 II 3;

b) зерымыљеᵹуо, слѣдуетъ перевести: мы не *видя;* дымыљаḣу-ke при повелительномъ накл. ke соотвѣтствуетъ русс. *да* (ср. стр. 210 а).

6. Къ тексту „Маршановъ и чортъ“.

Стр. 244 а) Jiшре въ кабар. jiшым, по аналогіи съ ji'унере; ji'орi=жi'арi (гл. 'он='ан дѣлать, безъ предст. жā =ᶎᶎе, означающей собст. *уста:* дѣлать устами—говорить); шесāᵹ прош. сов. вр.=шесāḉ; решесi=шес(i), здѣсь гл. шесын имѣетъ также знач. *ѣхать верхомъ;* Шеḉхапе устье Шахи, собст. *носъ* рѣки Шахе; уḫāᵹ отъ ḫын нести 86 II 16,

здѣсь въ знач. нестись, ѣхать; ниге морской берегъ; keixpi см. keixiн 164 II 8; jiçhaçмке отъ ji-çha голова—çм почва —ке конецъ; kтehyвāʒ отъ kā—ти—hyвин 160 II 19; ʒy-хон=ʒуахон; риммто=jiмнто; jʒаçто вм. jiʒасто стращая, отъ ʒаçтин 138 II 8; jпеке=jiпеке; kиʒовиʼā безъ конеч. ʒ; сидим=ситим;

b) пайче=пайçе; шиble громъ, молнія=уафе-хопек; çи-hан привязываться, ср. çehан настигать; jopi, см. выше ji'opi; зиѳепыплѣеhиçмʒ, ср. 100 I 8=зиѳеплиhиçмç повѣств. форма гл.; jнер kапљо *глаза смотря;* pilѣеʒ(о)=jiпљеç; jсир собст. *который* сидитъ; piʒe'укиʒеп *не* далъ поразить, отрицаніе еп =кабар. kāм; hаçоо=hаçео (ассим.); kизхуʒенāʒ: kи=kā—зи—ху—ʒанин, см. 100 I 4 сн.; jiy'āʒ=жi'āç; остиçтеп не *дамъ взять:* о=уā—с=ссе—тын давать—çтен взять 16 II 17—еп=kāм; çизи'ā отъ ʒи'ан=кабар. жā'ан; kисфебçāм отъ kи—ссе—фе=ху—б отъ уā—çмн;

Стр. 245 a) hатарке ради=пайче (см. выше); рико= мако *ѣдетъ;* тетин=петин; шфе=шхо; въ зиçеhaiм слѣдуетъ выдѣлить *i*, служащее для связи; въ шетаноў такое же значеніе имѣетъ ў, со вставнымъ *о*; jемиʒе'укго собств. *не* поразить давъ; kāсхобʒенāʒи (оставлено каб. хо вм. фе) отъ kаʒанин 100 I 4 сн., относится къ *дочери;* бʒадесин сидѣть *возлѣ:* бʒа грудь (указываетъ на *близость къ* предмету)—десин; узот тебѣ *я* даю: у=уā—зо=ссе—тин давать; уфемеiме: у—фе....i отъ хоjiн—мы (переходъ и въ е)—ме; фето *вамъ* даю—мѣст. множ. ч., въ знакъ уваженія;

b) укисçимиçте ты меня *тутъ* не пугайся, отъ гл. kаç-тин испугаться, собст. замерзнуть, въ разл. отъ kаçтен взять; хейипе источникъ, отъ хейiн 38 II 14 и пие носъ; теʒ отъ теʒен 112 II 22;

Стр. 246 a) çизеплѣеким оглянулся когда (гл. *посмотрѣть* слѣдуетъ выбросить) 95 I 6 сн.

7. Къ тексту „Преданіе о лѣсѣ Тхашагъ“.

Стр. 247 b) тһалъе'уне: тһа Богъ—лъе'ун просить—не ложе, мѣсто; чыle=жыlle; ketесыкын расположиться; зезыпхоӡар *уничтоженное*—прич. давнопр. вр., отъ зепхін связывать, уничтожать 150 II 10; (j)інçе югъ=kабle; азыӡем: азы=jезыӡо кабар. jілъес годъ; іпхіӡ отъ шхын поѣдать—покорять; зышхіӡезер сложное слово изъ шхын и зеи, образовано по образцу прич. формы; чепшым=жеçым; теӡалъһеӡын устраивать привалъ, отъ телъһан накладывать и ӡы повтореніе, ср. ӡапсехў 129 I 29; телъын лежать, ср. телъго 76 II 25;

Стр. 248 a) ja'уnцениpi отъ ('у)nцеными раздѣвать донага, ср. nцане 33 I 11 сн.: nпе носъ—цўн блестѣть 9 I 21 —нне глазъ; 'уген плясать, ср. кабар. каффен и гегун; дуһе молитва, въ кабар. употребляется немез (перс.); Сепхнуко названіе языческаго божества, значеніе котораго, повидимому, сглажено вліяніемъ христіанской и магометанской религій, но, если судить по составнымъ частямъ этого слова (пхе повязка —'укін убивать), это было божество карательное, *мстительное;* се'укуçе заключаетъ въ себѣ корень гл. лъе'ун молить колѣнопреклоненно ('ун), кон итти и çын дѣлать, стало-быть: я дѣлаю, совершаю колѣнопреклоненную молитву; хомыхке=jераӡке поневолѣ, насильно; kыхостыпçынç отъ гл. тыпçын пускать, ср. кабар. деӡакін (у Люлье: тхупшинерь); ныор(і)—ныо=ны'у-ӡ; хекіӡын выходить снова; въ зетелъкаӡі—зете=зыде;

b) деӡў красивый=дахе; шекы ситецъ; фыӡ бѣлый=хуӡ; лъын обматывать, ср. значенія лъын; kакоçытыӡ отъ kакон прійти—çытын состоять, быть—выражаетъ привычное дѣйствіе (çытын является въ роли вспом. глагола)—приходила *обыкновенно;* kыçыкоke, собст. *придетъ когда;* jуко-çытыӡ убивало *обыкновенно;* сюда же относятся: ікошо (вм. jігошо)-çытыӡ и kако-çытыр; Ахіне, вѣроятно, имѣетъ миѳологическое значеніе; лъерык отъ лъекін умѣть, приходить добровольно 174

II 22; бlеkыхkе накл. предѣльно-врем. (Грамм. § 70), причемъ примѣта хуkе поставлена въ видѣ наставки, отъ гл. бlеkін 137 II 28: бlе змѣя—kін.

8. Къ тексту „Борьба со змѣемъ“.

Стр. 249 b) kи'уꝫолъhен положиться, ср. ꝫолъин; психо болотистый берегъ рѣки, ср. 'уфе; џифыр=џыхур; зеникокур-ба отъ зеникокон спорить: нико половина 102 II 2—зекон ходить 178 I 37, т. е. спорить—ба означаетъ: вообще, же=каб. kа ставится, подобно каб. käм или кях. еп послѣ глагола (р вставное); аш дател. п. мѣст. 3 л. ар (въ кабар. нѣтъ этой формы); федо=ходего;

Стр. 250 а) ты'укишт сложная форма будущаго времени съ *шт* (шит) отъ вспомог. гл. ҫитын (см. выше въ другомъ значеніи)=каб. нҫ; паҫе доходы=фаіде (араб.); шегебl=бlаꝫо; хеlехоhін рожать, ср. лъхон; хелъин, ср. ҫилъин; kіхуhҫитāꝫ для нихъ приносилъ *обыкновенно;* ꝫоне='уꝫо; kечеꝫāꝫҫ=каб. käҫеꝫāҫ, отъ käҫиꝫин прибѣжать; биꝫу бугай; kилъиꝫерепет=kälъеꝫепитерт;

b) шіjо=шўго; jopi=jeyopi; катоу съ конеч. *у* въ значеніи союза и и ассим. е=ґате.

9. Къ тексту „Войско и слѣпой“.

Стр. 251 b) шхин въ знач. *покорять* на стр. 247 b; kіҫехіhем, въ каб. käхиhан появляться 127 I 19; въ сиҫерkим встрѣчается постпозитивное käм, какъ въ кабардинскомъ нарѣчіи—вообще же въ этомъ анекдотѣ встрѣчается больше, чѣмъ въ другихъ хак. текстахъ, отличительныхъ чертъ кабардинскаго нарѣчія.

10. Къ тексту „Молодецъ—Jаферим“.

Стр. 252 а) пша=пҫиhаҫhа (встрѣчается ниже); бче дверь=бже; kекоlъин прійти по слѣдамъ; чаlе=ҫаlе; 'утхети *подплывали,* отъ утин 119 II 9, въ связи съ гегуо означаетъ:

то и дѣло играли; jiгӯ-кекін въ сердцѣ расти—вздумать; ца̉пине игра въ чижики, ср. каб. ца̉пе грязь; зере̂çем отъ çин дѣлать—играть; тефеҕо попаданіе въ цѣль, соотвѣт. каб. техон попадать въ цѣль; теҕахон заставлять попадать въ цѣль;

b) kиуḫаҕеç=kӑҕӑç отъ kиḫан подойти, въ каб. kӑḫан вторгаться; рjауҕ=каб. жра'ӑç или жа'ӑç; ҕеçен проживать на свѣтѣ, ср. псе'ун и ҕаçе жизнь 43 I 28; с-лъекаҕ-еп, ср. каб. лъекін 155 I 32; kуауҕ=kӑжра'ӑç; с-лъеки-шт-еп я не смогу; фе-с-'ун=ф-жӑ-с-'енç; kизирисḫар отъ kиḫен 132 I 6; мегоç=hауо;

Стр. 253 а) мих̊уҕапо еще не наступаетъ: ми не—х̊у относится къ по отъ х̊уйен назрѣвать 77 II 17—ҕа принужденіе; шау=йçанте; kиблеҕен принять приглашеніе см. блаҕо; деӡин ѣхать съ кѣмъ-нибудь; тик̊огомке отъ к̊он: ти=дде—к̊ого ѣдучи—м—ке; наслоеніе на форму накл. образности признака врем. накл. *м* съ ке означаетъ *совпаденіе непрерывавшагося* дѣйствія, передаваемое по-русски союзомъ *пока*, съ нарѣч. *все;* федиз почти, приблизительно=текӯ 127 I 4; дик̊уоҕо=к̊уого или к̊ого; ѳелъитир: ѳе=ппе носъ—лъи голень вм. лъако нога—тӯ два; сикесиӡифке отъ касиӡин пріѣхать обратно: си=ссе—ке=kӑ—сиӡин—ф=х̊у—ке примѣты *предѣльно-временнаго* накл. поставлены позади глагола (см. выше);

b) хеферi=хеḫарi; зепиисикін переплывать море, ср. (jі)сикін 111 I 25; kифрi=kӑхрi; мефи=махо; зеҕах̊еjін шевелиться; kиçиӡi'ӑр=kӑçижi'ӑр; ар-ар-ç; kитуçешт: ки=kӑ—т=дде—'уçен—шт=шит или çит; сенегоi отъ негон предчувствовать: ссе—нне глазъ—гу сердце—i служитъ для связи; офе='ох̊ӯ; ḫеiшхиӡим: ḫеi=ḫаjе—шхин—ӡи;

Стр. 254 а) тебҕе'аштипе: те=дде—б предъ ҕ является вм. уӑ—'ашт='ашет кулакъ ('а рука—ше безъ—тӯ два)—пе въ знач. вопрос. частицы пере; 'аштетме вм. 'ашететеме; kесḫаҕ отъ kаḫен приносить 132 I 6; ikеḫико отъ kаḫекон итти извѣстнымъ образомъ; kагi отъ каген крикнуть, ср. kаго'ун

27 II 2, см. ген и kеген 16 II 9; пшерhы прислужникъ: отъ пшы господинъ—hын нести; тhамаде господинъ, ср. груз. тавад князь (тheмедеӡ, сказка „Ашемезъ" XII вып. Сборника); зеçну'отежым: ззе—çы къ м—'он=(жä)'ан—тыжын отплачивать 113 II 6, 'отыжын (ӡын) *на словахъ передавать;* шане=çане;

b) зыkеумыƃе'уⁱ̓kпç *тебя* не отдавай отпустить: зы—у=уä—мы не—kе'уⁱ̓ыпçын отпустить 104 I 20; соон=сеуенç; рытыно ему отдать; зезеон драться, драка, поединокъ; jез-ы-k̓ *и* самъ;

Стр. 255 а) еж или скорѣе: jеж въ кях. *онъ;* kаонi=kауонç 93 I 18; kытрiƃефешт, ср. техон и k̓äтеƃахон; абх̊о=ах̊уа-м—бе много—шфе=шхо большой; kыты'ун приставлять; пызы'уден отрывать; сы-kо-i-мы-ƃе-хохjо отъ käхохiн падать 107 II 8; онаk̓е лука сѣдла=уанаk̓е; jе'уk̓епхнӡi *къ ней ты* привяжи: jе—у=уä—k̓е-пхен-ӡы; зезаохi примѣты множ. ч. а и хе; kесфыӡы, въ каб. käхуӡын;

b) фесабçi здравствуйте: ффе—саб отъ сабыр (араб.) мирный—çын быть, с.-б.: *миръ вамъ;* kыпысхрi отъ kып(ы)хен отвязать (мѣст. корень ссе находится, какъ инфиксъ, между обѣими составными частями глагола).

11. Къ тексту „Ешовъ Батынько".

Стр. 258 b) ǯы-i-kуƃ мужъ громкоголосый, см. kуƃ вой 20 II 8; феƃубеӡ: фаƃо блѣдный—бе много—ӡы старый, с.-б.: *гнѣвный;* jебƃеçыр: бƃа грудь, храбрость—çен чувствовать, сознавать; jеhаф отъ hаффе кольчуга, защита; (i)чiчеǯ=шыçаƃçеӡ: ji—чi=шшы—çын дѣлать—ǯы кровь—сдѣлать такъ, чтобы спину лошади не изранить (по-шапсугски: шечеǯ); kырiƃуаз, ср. kаƃазен навертываться 115 I 16;

Стр. 259 а) k̓е-ǯын хвостъ точить—волочить, ср. k̓еǯынхун 117 I 11; уас=уасе; ƃозаг=çаƃо; у-зы-'уçе-k̓е, собст. ты *встрѣтишься;* kуjошт: kы-уä-jе-'он-ш(ы)т; пестемеçеç:

ѝесте-м-и-ҫ́ин дѣлать—ҫ отъ ҫии быть; ҫ́ыжмкін стлать постель, ср. ҫ́ыжмн 122 II 30;

b) iкеђаӡ=ji-кмђаӡ; kукун мѣдный кувшинъ (каб. kошин, кях. пханок); kмҫ́ызин выбросить, ср. 26 I 13; kизегусин надуться на к.-н., см. 40 II 5 (можно допустить чтеніе: kмгубӡаӡ *разсердилась*); ѝѣеу покосившійся=ѝѣеуше, ср. 33 I 30; пѣеф четыреугольный, фе=хе; Уаҫ̀хо, повидимому, названіе языческаго божества, владычествующаго небомъ: уа(фе) кожа, сводъ неба—ҫ̀хо сѣрый 165 I 17, въ соединеніи съ jiкан слѣдуетъ перевести: Уашха его пріемышъ, т. е. клянусь Уашхой, или: *ей Богу* (ср. сказ. Сосруко, Прим. 7, XII вып. Сборника); слеӡуӡеті соотв. преждепрош. вр. въ каб.—рт; jчмҫе и ѩмҫе, соотв. шмфе и ѩмфе (см. сказ. Пшибадиноко, XII вып. Сб.) (ҫҫе жиръ 43 II 4, а фе кожа 61 II 18); iҫђаҫмкум=каб. jiҫђамке; веӡо=ваӡо; пхеҫе спина=каб. тхiце, ср. пхе перевязка 45 I 13; kмтмӡен засвѣтить, ср. 150 II 1;

Стр. 260 а) пшаӡо=пҫаӡо; горено=х̀уреiго; огў=уафе (устарѣвшее слово, см. сказ. Пшибадиново, стр. 23, XII в. Сб.); ређе отъ ђен; феде=ходе; ji-ҫм-х(е)-еп=ҫм'аkӑм; зекеӡеҫ́араҫ́і отъ зикеӡаҫ́ераҫ́ен украшаться, см. 173 II 8 сн.; пхечаkі=пѐеваkі (см. Пшиб. XII вып. Сб.); ҫ́есене=ҫ́еӡаkо; змkӑӡеҫ́ен облокотиться, см. зитеӡаҫ́ен; kепсеѩмн заговорить; бiаӡмн заходить въ гости: бiаӡе близкій; ҫмче=шмҫ́е 43 I 3; ӡерисмр отъ ӡер плѣнникъ, пойманный 173 II 5 и ҫм три; сенеф бѣлое вино: сене=сане—фм=ху-ӡ (молодое—старое) (Пшибад., XII в. Сб. сенехур); кадер (ср. Пшибад., 25. 5); пҫеҫ́е: пҫи господинъ—ҫ́ин работать; kифеjiн понадобиться=kӑхоjiн; феjешх̀аkон итти пить-ѣсть: ффен пить—шхен ѣсть;

b) гегуkон итти на свадьбу; ҫаоп: ҫау—еп; зиӡегусин надуваться, сердиться; ӡеkодмkін уничтожать, ср. 174 II 5; kӑӡаӡазен повернуть, ср. ӡазен 115 II 1; kмҫ́мӡетеkун развалить, ср. 140 II 3; анепе край стола; kа-хе-п-хо *ты* вынося, отъ kахехмн; kiхмӡекижин заставить (себя) выйти сно-

ва откуда-нибудь; і-пао=паа шапка; çђахін снимать съ головы; kипеçмн выйти навстрѣчу; хеђан заходить; зепизен бросать одну къ другой—сряду: зепитго 160 I 32—зен бросать; ђабlађен приглашать къ себѣ; çеахым когда *взяли*, вм. ça'ихим, отъ 'ихин 11 8 сн.;

Стр. 261 a) jiфемм'ато: ji-фи-ми-'атин поднимать, ср. ka'атин 118 I 4; jрiçиђ отъ çин измѣрять, сваливать (съ ногъ)=hудин; kиçтеçмн поднимать: kи-çтен брать—çи; дежђан вкладывать=(ji)жђан; хеçин сидѣть=çисин; пеçакеke: пеçа= паçе—ke край—ke средство; pikylpi: kун ударять—lli мясо, т. е. пронзивши, прижавши; jki=jiki и; фаçиђ=каб. хоçин; хеђежетин высаживать: хе вы—ђа принужденіе—же голень, пятка—тин давать; jеттин: jе-т=дде-тин(ç);

b) jkāђ=jikyāç; kиздебђезеçме: kи-зиде вмѣстѣ (со мною), б=уă—ђазеçин возвращаться 19 I 2 сн.; kуатишт: k(a)—у= уă—а примѣта множ. ч.—тин давать—шт отъ çитин; kахе конецъ, низовье (также названіе части страны, населенной адыге); въ несухke примѣта накл. хуke поставлена позади; цнф =цнхŭ; jyi=жі'аго; kитимитме: kи-ти=дде-ми-тин давать —ме; кате-хер=гате (въ шапс. чате); неримбге=нерибђе всякій человѣкъ, ср. 119 I 21: нне глазъ—бђа грудь;

Стр. 262 a) jçay=(ji)çayo; регiçо отъ гiçин стирать= зиçин (въ шапс. и абадз. говорѣ гичин); усин сидѣть=çисин; kизепиризи отъ kизепизин перебросить, ср. зеприжин 109 I 15; чи'унем=çиhуне;

b) jтерат: ji-hаде-р-āт; неkуçинре: неkŭ родственникъ= kош—çин быть—ре вопр. частица; kон сыномъ быть; тар= ситре; kахепхре: kахехін выбрать—п=уă—ре; kон и kоме примѣры именного значенія глагола.

12. Къ отрывку хакучинской пѣсни.

Стр. 265 b) асжен=hасжен (тюрк.); хеч=хеk, ср. kāхеkін 135 II 8 сн.; земико неизмѣнно=земикŭ нескладно;

çызен выѣзжать, ср. (је)зен 127 I 14; зыдыхін вмѣстѣ вынимать, ср. 28 I 6; kapal=kpal (поср. турец. изъ слав.); хеђан =дыђан; пчеу=пçанте; çыў=çы'а; укозын(е)=hукозыдç; јеоу =јорі (выше); јуђ=ју'āђ, јіу'āђ (выше), жі'а(ç); kызд(ы)çекым отъ kыçекын, ср. 22 I 13; ђорен=хурей, ср. ђоруђого поочередно 122 II 11 (здѣсь говорится о троекратной схваткѣ во время единоборства); фырађоты вась заставляетъ снять; жехафе=каб. зефегў (перестановка, съ фонет. измѣненіями); ђатыљын класть=тељђан.

13. Къ абадзехской пѣснѣ.

Стр. 268 a) ченошіт: чен=çын—шіт отъ гл. çытын; ді =дде; сыфедо=ссе-ходо; дечхыр, въ каб. дезхыр отъ дезын выступать, ср. зер језаç 29 I 7 сн.; аріш хвала, въ кабар. çытхў (этимологія слова не извѣстна); меде=мыде; kаљађо= kаљађў; траґазыђы отъ ђазын притѣснять, ср. 29 II 18 (ы въ концѣ является для связи); небђе, здѣсь въ значеніи *человѣкъ* (нне глазъ—бђа грудь), ср. набђа близорукій и выше нерыбге стр. 261 b; шітфы=çытхў; ађаљађы, отъ ађаљен погибать= а='а рука—ђа принужденіе—љен издыхать; татђамыçехер, въ каб. тђамыçке; тетіwyчаhађ: те на—wyчен='уçен преграждать 127 II 28—ђын нести, стало-быть: теwyчеђын нести вокругъ прегражденіе—окружать;

b) kакоцын=kакожын; нерыђочіђы: нне глазъ—ђа принужденіе—çын дѣлать, стало-быть: неђачін (=неђаçын) вытравлять глазъ, дѣлать наперекоръ, ср. неђоçго наоборотъ 78 II 29; афеды изъ а=hа—феды=ходе; зађо=зауо; ныбз(ы) никогда=зік, ср. ныбз тѣнь 170 I 21 и производныя слова, въ знач.: другъ, товарищъ; јізе-kысађы отъ зе войско и kыçын наступать 80 I 33 наступать съ войскомъ, ср. зер kасаго 80 II 23; теті=деі; ђазехуы заставлять дѣлаться хуже, приходить въ упадокъ, ср. 160 II 18; въ повел. накл. неко представка *не* обозначаетъ совмѣстность дѣйствія.

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Дополненія къ „Кабардинской грамматикѣ". Тифлисъ, 1890.

1. Въ адыгскомъ (черкесскомъ) языкѣ существуетъ собственно *одно* спряженіе. Упомянутые въ § 36 Грамматики *разряды* глаголовъ различаются по мѣстоименному корню 3-го лица, входящему въ качествѣ представки или вставки (префикса или инфикса) въ составъ глагольной формы *); мѣстоим. корень может при нѣкоторыхъ глаголахъ вовсе отсутствовать или недоставать только въ единств. числѣ. Присоединеніе или включеніе мѣстоим. корней: је (јі), ма (ме), ре (рі) зависитъ главнымъ образомъ отъ того, имѣетъ ли переходящій глаголъ при себѣ прямое дополненіе (1-й разр. гл.), или нѣтъ (2-й р.), но также отъ залога глагола и вообще отъ характера предложныхъ представокъ (3-й и 4-й разряды).

Относительно глагольной представки је (јі), требующей послѣ себя мѣстоим. кор. ре (рі), слѣдуетъ замѣтить, что она составляетъ собственно мѣстоим. кор. 3-го лица и употребляется только при тѣхъ глаголахъ **), которые принимаютъ при себѣ косвенное дополненіе въ дат. падежѣ; напр. јетин давать кому-нибудь (тин означаетъ *давать*), јірітаç ему онъ далъ, јеʒен дожидаться чего-нибудь (итти навстрѣчу чему-нибудь), јеуен бить кого-нб. (соб. накладывать кому-нибудь).

2. Любопытное явленіе въ адыгскомъ языкѣ представляютъ примѣты членовъ предложенія (§ 51 Грамм.). Таковыми

*) Konjunktes Pronomen у проф. Шухардта.

**) Въ Русско-Кабардинскомъ словарѣ (Тиф. 1890) эти глаголы помѣщены въ неопредѣленномъ накл. подъ буквами је (јі); но въ настоящее время я отдѣляю эти представки отъ глагольной основы, и потому глаголы могли бы быть помѣщены въ словарѣ подъ другими буквами.

примѣтами, присоединяемыми къ существительному въ видѣ наставки (суффикса), служатъ мѣст. корни 3-го лица *м* и *р*, при чемъ къ глаголу въ видѣ представки (префикса) присоединяются мѣст. корни: је (јі) или ма (ме).

Разсмотрю нѣсколько примѣровъ.

а) пҫылѣ*р ма*вве крестьянинъ пашетъ (соб. крестьянинъ-*то онъ* пашетъ)

пҫылѣ*м* ҫ*р* *је*вве крестьянинъ землю пашетъ (собств. крестьянину земля-*то она* пашет(ся) *)

пҫы*р ма*шхе господинъ кушаетъ

пҫы*м* ҫако*р* *је*шѣ господинъ хлѣбъ кушаетъ

сσе hунер соҫ я строю домъ

уā hунер воҫ ты строишь домъ

hадем hунер јеҫ отецъ строитъ домъ

лѣмҫем мафе јеҫ работникъ разводитъ (соб. дѣлаетъ) огонь

гегуаком уеред(мр) жā'е пѣвецъ поетъ (соб. говоритъ) пѣсню

пҫылѣм ахше јет крестьянинъ платитъ (соб. даетъ) деньги

макуаом уз(мр) пе'упҫ **) косарь коситъ траву

пхаҫем пхар ја'уҫ плотникъ вытесываетъ бревна ***)

сσе ганер хыгебзым јестāҫ я передалъ рубашку дѣвицѣ

физим псы јіреф ****) женщина пьетъ (соб. ее она...) воду

ӡукем наl јеҫ кузнецъ дѣлаетъ подкову

шыбзыхом шыхер јеху табунщикъ гонитъ лошадей

шыбзыхом ҫако јед табунщикъ шьетъ бурку

---

*) Въ обѣихъ фразахъ, какъ въ подлежащемъ, такъ и въ дополненіи, указатель *р* можетъ быть опущенъ, но тогда не будетъ *указанія* на *извѣстный* предметъ (крестьянинъ-*то*, *земля-то*); аналогичныя явленія существуютъ и въ другихъ языкахъ, напр. греческомъ.

**) Мѣст. кор. заключается въ е представки пы.

***) Множество *бревенъ* выражено здѣсь глагольной формой, а не множественнымъ числомъ существительнаго.

****) Такъ какъ гл. ффеи *пить* въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимаетъ послѣ себя и косв. доп. въ дат. падежѣ, то является при немъ мѣст. кор. *ре* (примѣры на стр. 306).

х̇ыгебзым ѓане јед дѣвица шьетъ рубашку
шым гур јеше лошадь везетъ телѣгу
л̓ыҫ̓ем пх̇ар јакуе̓ работникъ рубитъ дрова

смагем ҕын јiреф больной пьетъ (соб. его онъ...) лѣкарство
пҫыфем уоздыҕер пеҕане слуга зажигаетъ свѣчу
ҫегух̇ом шыхер јех̇ў ямщикъ погоняетъ лошадей
hанем пх̇ур л̓ым-јiрет мать выдаетъ дочь замужъ (соб. мужу ему она даетъ)
устазем сохтер јiреҕаге *) учитель учитъ (соб. его онъ...) ученика
дыҕуз̧ем ҫынер јikäтх̇āҫ волкъ растерзалъ ягненка
дыҕуз̧ем шыр јiҫh̲āҫ волкъ съѣлъ человѣка
л̓ыҫ̓ер ҫ̓alер јеҕепҫk работникъ купаетъ ребенка
шым пҫыр јеh̲ лошадь несетъ господина.

Какъ изъ этихъ фразъ видно, существительное, соотвѣтствующее подлежащему въ русскомъ предложенiи, принимаетъ *м*, а прямому дополненiю—*р*, между тѣмъ какъ въ глагольному сказуемому присоединяется је (јi). При такомъ построенiи фразы русское прямое дополненiе является въ адыгскомъ *подлежащимъ* съ *р* или *безъ* него, подлежащее русскаго предложенiя *косвеннымъ дополненiемъ* въ дательномъ падежѣ съ *м* (но *логическимъ* подлежащимъ, чтó видно изъ занимаемаго имъ мѣста въ предложенiи), а переходящiй глаголъ прiобрѣтаетъ значенiе *страдательнаго* залога.

На это своеобразное явленiе адыгскаго языка обратилъ вниманiе извѣстный нѣмецкiй ученый проф. Шухардтъ въ сочиненiи: Über den passiven Charakter des Transitivs in den kaukasischen Sprachen. Wien, 1895, и прослѣдилъ его и по другимъ кавказскимъ языкамъ.

---

*) Гл. ҕаген *учить* принимаетъ послѣ себя, кромѣ прямого дополненiя, и косв. въ дат. пад., и потому является *ре*.

Страдательное значеніе переходящаго глагола видно изъ того, что онъ не допускаетъ страдательнаго оборота, по образцу русскаго языка или древнихъ.

ӂисѐм пхе(р) jакуѣе работникъ рубитъ дрова (собст. работнику дрова рубят(ся))

ӂисеке пхер jакуѣе дрова рубятся работникомъ.

По смыслу обѣ эти фразы одно и то же, только вторая представляетъ собою болѣе позднее явленіе языка.

Прим. Подобное построеніе черкесскаго предложенія замѣчается только тогда, когда дѣйствіе глагола обращено на предметъ *неодушевленный*, или на такой *одушевленный* предметъ, который не можетъ явиться въ роли логическаго подлежащаго. Первый случай ясно виденъ изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ. Чтó же касается второго случая, то его можно пояснить на слѣдующемъ примѣрѣ: сохтем устазер jiребаге *ученикъ учитъ учителя*—такъ сказать нельзя, такъ какъ это противно общепринятому порядку.

b) пçыр jiпçылѣым jоуе господинъ бьетъ своего раба (соб. господинъ-*то* своему рабу *ему онъ* накладываетъ); но допускается и перемѣна оборота:

пçылѣыр jiнçым jоуе рабъ бьетъ своего господина

тетер біім текуāç полководецъ разбилъ непріятеля, а также:

біір тетем текуāç непріятель разбилъ полководца

ӿыгебзыр çаlем jоубоу дѣвица цѣлуетъ ребенка, а также:

çаlер ӿыгебзым jоубоу ребенокъ цѣлуетъ дѣвицу

ʒукер уадемке ӌыхум jеуāç кузнецъ ударилъ молотомъ человѣка

дыʒуʒер шым jеʒакāç волкъ укусилъ лошадь

'азер смагем jо'азе врачъ лѣчитъ больного

пçыр пçылѣым jоrге господинъ зоветъ раба (соб. кричитъ рабу)

çвер ʒемем çоф или jеффе теленокъ сосетъ корову.

Существуетъ въ адыгскомъ языкѣ цѣлый рядъ глаголовъ,

которые при себѣ имѣютъ *косвенное* дополненіе въ дат. падежѣ, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ они принимаютъ *прямое* дополненіе.

Прим. При этихъ глаголахъ, въ большинствѣ случаевъ, можно допустить обратное построеніе фразы,—косвенное дополненіе сдѣлать подлежащимъ, а прежнее подлежащее—косв. дополненіемъ.

c) пçыр машхѐ господинъ кушаетъ; но если сказать: пçим jешх̀, то сейчасъ же слѣдуетъ ожидать вопроса: *что́* кушаетъ?—çако хлѣбъ
лъ̓мçер медеў работникъ повинуется
лъ̓мçер пçим jоудеў работникъ повинуется господину
сідежхўм jежагў (но *не*: мажаḡў) братъ видитъ (вопросъ: *что́*?)
сідежхўм шипх̀ур jежаḡў мой братъ видитъ сестру
hаддер магуф̓е отецъ радуется
hаддер магуф̓е jiком kӓзиредех̀ум-çḫаке отецъ радуется успѣху своего сына (собст. тому, что его сыну удается).

Какъ изъ этого видно, при глаголахъ переходящихъ ставится представка *ма* (ме) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они *могутъ* быть употреблены безъ прямого дополненія, т. е. когда они сами по себѣ выражаютъ дѣйствіе, не требующее дополненія; представку же *je* (ji) принимаютъ тѣ переходящіе глаголы, которые безъ прямого дополненія не употребительны; такъ, послѣ jежаḡў слѣдуетъ поставить вопросъ: *кого* видитъ?

d) х̀игебзим ґане(р) jед дѣвица шьетъ рубашку; но также: х̀игебзир ґане jед.

Въ первой фразѣ выражается то, что́ видитъ *говорящее* лицо, а во второй—то, что́ видитъ *другое* лицо, при чемъ можно дополнить: сожаḡў я вижу, слаḡуа̄ç я видѣлъ (т. е. говоритъ о своемъ наблюденіи лицо, къ которому обращаются

съ вопросомъ), въ виду чего ӄегебзмр представляется какъ бы дополненіемъ къ этому глаголу.

шим псмр jіреф лошадь пьетъ воду (соб. лошади (дат. п.) вода-то ей она пьет(ся)); но также:

шир псим jеффе (соб. лошадь-то къ водѣ она припала).

Въ первой фразѣ выражается то, что̀ подлежитъ нашему безпосредственному наблюденію, а во второй—то, что̀ происходитъ, несмотря на сопротивленіе съ чьей-либо стороны (не даютъ пить: *однако,* она пьетъ).

Прим. Такъ какъ во многихъ случаяхъ замѣчается переходъ мѣст. корней *м* и *р* то къ подлежащему, то къ дополненію, чѣмъ выражается едва уловимый оттѣнокъ мысли, то слѣдуетъ всегда имѣть въ виду мѣсто, занимаемое отдѣльными членами предложенія: подлежащее (логическое или синтактическое) стоитъ впереди, затѣмъ идутъ: прямое дополненіе (логическое) и косвенное дополненіе въ дат. п.; послѣднее мѣсто занимаетъ обыкновенно сказуемое; постановка косвеннаго дат. въ твор. падежѣ зависитъ отъ логическаго ударенія. При двухъ мѣст. корняхъ косв. доп. стоитъ впереди; напр.: kӑзе-п-тиме если *мнѣ ты* подаришь, но не всегда: с-јо-уе я его бью.

3. *Сослагательное* наклоненіе, кромѣ отмѣченнаге въ § 47 Грамм. случая, можетъ выражать *возможность* или *нерѣшительность;* признакомъ его служитъ суфф.: *но* и *нi:* жиԥа*но* ты могъ сказать (тексты 226 а), јеҗе*нi* (кто) перепрыгнулъ бы (тексты 234 b).

4. Случаи употребленія *повелительнаго* наклоненія, кромѣ обозначеннаго въ § 49 Грамм., слѣдующіе:

а) въ значеніи *поощренія* ставится 1-е лицо множ. ч. наст. вр. (въ русскомъ буд. вр. соверш. вида), при чемъ отношеніе ко 2-му лицу, подобно русс. *те,* выражается мѣстоименнымъ корнемъ 2-го лица: ди-в-ӄеӈм зайдем*те* (соб. мы *тебѣ* зайдемъ—205 а);

b) въ значеніи *побужденія* или *предупрежденія* употребляется 2-ое или 3-ье лицо, съ присоединеніемъ частицы *ke* (подобно русс. *ка*): ҍудекир-*ke* выѣзжай-*ка* (210 а), жежи'а-ke *да* не скажетъ!

5. Кромѣ перечисленныхъ въ Грамм. отъ §§ 51—57 залоговъ, слѣдуетъ еще отмѣтить слѣдующіе:

а) залогъ *союзный*, для выраженія совмѣстности нахожденія въ извѣстномъ мѣстѣ или участія въ дѣйствіи, обозначается или представками: зи-де (зи—возвратное мѣстоименіе, де означаетъ отношеніе къ мѣсту): зиде-пеђизāç принялись *вмѣстѣ* рыдать (156 а), или: ни-де: си-не-б-де-ќодыкін я *вмѣстѣ* съ тобою брошу родину (156 b), или однимъ ни безъ де: си-не-ȝе(н)ç я отправлюсь *вмѣстѣ* (156 b и 157 а), си-kā-ти-не-но-kāм я *вмѣстѣ* не останусь (170 а).

Прим. Вмѣсто и является е, подъ вліяніемъ мѣст. корня 1-го или 3-го лица;

b) залогъ *отчуждающій*, означающій дѣйствіе на пользу другого лица или направленное на него (въ русс. послѣдній случай передается посредственнымъ дополненіемъ), выражается посредствомъ ху для единст. ч. и хуа для множ., присоединяемаго къ глаголу въ видѣ представки (какъ вставка между возвр. мѣстоименіемъ и глаголомъ; ср. Добавленія къ Грамм. VII): хуађапскін купать *для другихъ* (Сосруко, стр. 4), зихуаçизи для *нихъ* сдѣлаться (185 b), хужа'ау *про него* они говоря (185 b).

Прим. Кор. ху заключается въ глаголѣ хоjін *долженствовать, имѣть надобность, нуждаться;* онъ ставится впереди повтореннаго мѣстоименія: абы ху-і-тиç онъ ему дастъ (аç-ку-і-ти въ кях. нарѣчіи).

6. По отношенію къ *видамъ* глагола (Грамм. §§ 58—63) можно замѣтить слѣдующее:

а) видъ *совершенный* образуется посредствомъ представки

ka (kä, ke, ki: гласный измѣняется, смотря по вліянію присоединеннаго къ нему мѣстоим. корня) *).

Прим. Кор. ka можно поставить въ связь съ корнемъ гл. kун избить;

b) видъ *повторительный* образуется посредствомъ суфф. ӡы **): отъ ҫын—ҫыӡын дѣлать *снова*, передѣлывать.

Прим. Кор. ӡы какъ самостоятельное сущ. означаетъ: *вѣтеръ*, какъ бы выражая этимъ *дуновеніе, порывы* вѣтра;

c) видъ *понудительный* образуется посредствомъ преф. или инф. ҕа (у закуб. кабардинцевъ и кяхцевъ слышится ҕе), который можетъ и *удваиваться* для выраженія *настойчивости* требованія: ходывҕеҕеḫ мы тебѣ (хо-в) *непремѣнно* пошлемъ или пошлем*те*!

Прим. Кор. ҕа, повидимому, происходитъ отъ бҕа грудь (б почти не слышно въ произношеніи), выражая какъ бы *надавливаніе* грудью, *напоръ* (понужденіе), но также и *приближеніе*. Есть нѣсколько глаголовъ, въ которыхъ *б* слышится въ началѣ явственно: бҕадыḫан подступать, подъѣзжать; ҕа, какъ суфф. существительныхъ, имѣетъ почти значеніе образовательнаго суффикса: отъ бlаҕо близкій—бlаҕаҕа близость, отъ гу сердце—гуҕа мнѣніе, надежда (отъ послѣдняго уже образуется гл. гуҕан возымѣть надежду);

d) видъ *возможности* образуется посредствомъ суффиксовъ: ф̓ы или хо (перваго суфф. въ кяхскомъ нарѣчіи нѣтъ): дидемыḫаф̓ым къ намъ (птицы) пробраться не *могутъ* (182 b), jiмыҕотыф̓āо не *могши* найти (210 а), käхоiҕыхākäм его съ себя сбросить онъ не *могъ* (230 а);

e) видъ *желательный* образуется посредствомъ тѣхъ же ф̓ы и хо, но входящихъ въ составъ глагола (какъ инфиксы):

---

*) Представка je или суфф. ҕу не имѣютъ того значенія, о которомъ сказано въ § 58 Грамм.

**) Въ § 59 Грамм. помѣщенъ суфф. жы, но у закуб. кабардинцевъ слышится ӡы.

kacȩфазepi я, *пожелавши* узнать (153 b), kăріȥмxіно онъ, *желая* сбросить (230 а);

f) для выраженія вида *увѣренности* и *необходимости* служитъ кор. фы, но какъ префиксъ: фех̊уȥмноçi *вѣрно* выздоровѣетъ (198 b), фезϧеϧеȥмно *навѣрное* я дамъ зарѣзать (199 a). Кор. хо пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельную роль: уеçмху-пхент (Сосруко, 12) тебя узнать я долженъ бы *).

Прим. 1. Кор. фм, въ удвоенномъ видѣ, существуетъ въ гл. фефин *желать,* а какъ префиксъ входитъ въ составъ глаголовъ: феhун продергивать (продѣвать) нитку, фекін уклоняться, фенен обвиснуть, феçмн казаться, фе'ун вскисать; изъ кор. хо образовался гл. хојін *желать, долженствовать,* а какъ префиксъ онъ встрѣчается въ: хоіȥен начинать, хоçен оказывать, хоӂен жаждать и др. (ср. *Прим.* къ 5, b).

Прим. 2. Описательное желательное накл. съ фефын отмѣчено въ § 64 прим. 2 Грамм.

7. Наклоненіе *дополнительное,* кромѣ отмѣченныхъ въ § 68 Грамм. случаевъ, образуется при посредствѣ падежнаго окончанія ke отъ причастія будущаго времени (съ перемѣной *м* въ *н*) и ставится послѣ глаголовъ: 1) въ значеніи *просить:* мы бі дыхевϧеϧеkинke, зерижмllо ђаçе зыфхудоçмȥ (отъ) этого врага намъ вы чтобы дали выпутаться, всѣмъ между собою селеніемъ гостями (просителями) вамъ дѣлаемся (186 а); мы kопаçер тхоhуkинke диноӂеў этого кабана убить мы всѣ вмѣстѣ просимъ (189 а); јішипх̊ум јеӂе'уȥаç јіӂыр зериϧеkонke у своей сестры попросили ея мужа отъ себя послать (189 а); 2) въ значеніи *надѣяться:* хох̊унм јіϧотинke мыгуϧеȥо и не надѣясь найти подходящее (198 b).

8. Въ наклоненіи *достигательномъ* (§ 67 Грамм.) çђаke иногда сокращается въ ђо: шхен-ђо чтобы поѣсть.

9. Наклоненія *обстоятельственныя времени,* сообразно

*) Въ Добавленіяхъ къ Кабард. грамматикѣ (стр. VII) къ формѣ хент неправильно присоединенъ мѣст. кор. п=уă.

съ моментомъ дѣйствія или состоянія, преднамѣренностью въ дѣйствіи, и оттѣнками возможности, условности или причинной связи, можно раздѣлить на:

a) накл. *временнаго совпаденія* (§ 72 Грамм.) означаетъ дѣйствіе или состояніе, во время совершенія котораго наступаетъ дѣйствіе, выраженное сказуемымъ главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложеніямъ времени, вводимымъ союзами: *когда, въ то время какъ (когда), между тѣмъ какъ*, и имѣетъ признакомъ суфф. *м*: ссе дiһунем сеҫиҫи'ам, дiһунер сӑҫ *въ то время когда* я былъ дома, нашъ домъ загорѣлся;

b) накл. *временной зависимости* (§ 68 Грамм.) означаетъ дѣйствіе или состояніе, отъ совершенія котораго зависитъ наступленіе дѣйствія главнаго предложенія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ оттѣнкомъ условности или причинной связи); оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію, вводимому союзомъ *когда*, и имѣетъ по отношенію къ буд. вр. соверш. вида признаками представку ҫы (кор. вспом. гл. ҫи'ан и сущ. ҫиҕа время) и наставку к̓е: шир ҫыпҫек̓е, сешхо kапҫехунҫ когда ты продашь лошадь, то купишь шашку; а по отношенію къ прошед. вр. соверш. вида—ту же представку ҫи и наставку *м*: һадем ҕунеҕум шир ҫи-рiти-м, ҕунеҕум jiдеi jiҕазеҙӑҫ *когда* отецъ далъ сосѣду лошадь, сосѣдъ вернулся домой;

c) накл. *временной непрерывности* (§ 69 Грамм.) означаетъ дѣйствіе или состояніе, продолженіе котораго служитъ побужденіемъ къ дѣйствію главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени, вводимому союзомъ *пока*, и имѣетъ признакомъ наставку: х̓у-к̓е (отъ вспом. гл. х̓ун и к̓е): пҫым̓ир губҕом ҫиllӑҙе-х̓ук̓е, ссе пеҫиҕа с̓конҫ *пока* крестьянинъ работаетъ въ полѣ, я схожу за водой.

Прим. Если выражается продолжительность непрерывавшагося дѣйствія, то въ кяхскомъ нарѣчіи къ формѣ накл. образности, въ видѣ наставки, присоединяется *м* съ к̓е: ти-

ко̓го-м-ке̓... ꚉіо kисе̓ки̓зиꚉ *пока* мы все ѣхали..., плача онъ вышелъ (253 а);

d) накл. *предѣльно-временное* (§ 70 Грамм.) означаетъ предѣлъ дѣйствія или состоянія, отъ котораго зависитъ наступленіе или прекращеніе дѣйствія главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени, вводимому союзомъ *пока не,* и имѣетъ признаками представку х̓у съ наставкой ке̓, присоединяемой къ формѣ неопредѣленнаго наклоненія: сабір јін х̓у-х̓ун-ке̓, јанем јінас̨ *пока* ребенокъ *не* выросъ, мать его кормила. Въ сложныхъ глаголахъ признакъ наклоненія ке̓ вставляется между составными частями глагола, при чемъ представки нѣтъ налицо, и глаголъ ставится въ накл. образности: јіжаі..., дикамиц̨иху-ке̓-с̨о скажи..., *пока* мы человѣкомъ не узнаны (154 b).

Прим. Въ вяхскомъ нарѣчіи роль ке̓ играетъ *по*: дивет ирамиѣуке̓зи-по *пока* насъ совсѣмъ не убили (209 а);

е) накл. *предварительнаго дѣйствія* выражаетъ, что прежде совершенія извѣстнаго дѣйствія должно наступить дѣйствіе главнаго предложенія, т. е. дѣйствіе придаточнаго предложенія *отлагается* до совершенія дѣйствія главнаго; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени съ союзомъ *прежде чѣмъ,* и имѣетъ признакомъ суфф. *м*, при чемъ предварительность дѣйствія выражается нарѣчіемъ јіпеке̓ (ставится *позади* глагола и пріобрѣтаетъ значеніе *послѣлога*): с̨аlер динуке̓миим јіпеке̓... *прежде чѣмъ* камъ не убить юношу... (197 b);

f) накл. *быстрой пріостановки дѣйствія* (§ 72 Грамм.) означаетъ, что вслѣдъ за дѣйствіемъ сказуемаго придаточнаго предложенія *немедленно* наступаетъ дѣйствіе главнаго; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложеніямъ времени съ союзами: *коль скоро, какъ только, лишь только,* и имѣетъ признакомъ *м* съ представкой зи (происходитъ отъ числительнаго зам *разъ* и имѣетъ послѣ себя мѣстоим. кор. *ре*): зерижеко-

çыçыçым *лишь только* онъ по-настоящему заржалъ (200 а); при представкѣ ka немедленность дѣйствія уже не выражается преф. зм: уä kako-м, бжäс'енç *коль скоро* ты придешь, я тебѣ скажу;

g) накл. *предѣльной продолжительности* означаетъ продолженіе дѣйствія придаточнаго предложенія до извѣстнаго предѣла, послужившаго началомъ дѣйствія главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени съ союзомъ *съ тѣхъ поръ какъ (когда)* и имѣетъ признакомъ де съ мѣст. корнемъ ре: мы нобе ǯ̓ан-де-ре *съ тѣхъ поръ какъ* этотъ день прекратился... (159 а), (ср. Словарь, 123 I 9);

h) накл. *послѣдовательнаго дѣйствія* (§§ 71 и 72 Гр.) служитъ для выраженія дѣйствія, по окончаніи котораго наступило дѣйствіе главнаго предложенія, и потому имѣетъ значеніе только для прошедшаго совершеннаго времени; оно соотвѣтствуетъ полному русс. придаточному обстоят. предложенію времени, вводимому союзомъ *послѣ того какъ (когда)*, или замѣняемому посредствомъ *дѣепричастія* прош. сов. времени, и имѣетъ признакомъ суфф. рі; наклоненіе это употребляется при *томъ же* подлежащемъ въ предложеніяхъ придаточномъ и главномъ (или въ придаточномъ предложеніи, но которому первое придаточное подчинено): kуаȥэр jаx̓унç̓е-рі, абрекхем заṗапç̓куȥāç *разграбивши* аулъ, абреки скрылись; ǯ̓ыȥ x̓у-рі, çытыç̓ыжым, jікор... ǯ̓ы-ц̓ермо x̓уāç (ханъ) старикомъ ставши, пересталъ выѣзжать когда, его сынъ знаменитымъ сталъ (153 а). Довольно часто русское *послѣ того* выражается посредствомъ не'уȥ ('уȥ означаетъ *позади*), присоединяемаго къ прошедш. соверш. времени (безъ ç): çыȥеȥā-не'уȥы-м *послѣ того какъ* поѣхали... (171 b).

Прим. Суфф. рі происходитъ отъ указателя *р* и гл. *і*, имѣющаго значеніе соединительнаго союза; поэтому въ періодической рѣчи можетъ слѣдовать цѣлый рядъ такихъ формъ, передаваемыхъ на русскій языкъ *дѣепричастіями:* kāṗезеȥрі...

ka̓koʒpi... ҫыжирі'ам:... жі'арі терыҕаљђері, jikope jeзире... деврі... зэи Тамбіеko горим jiдеі дыђарі, ҫигем... 'апђе зерашеврі, зетепеҕыҙāҫ возвратившись... *и* придя... сказалъ когда:... сказавъ *и* заставивъ осѣдлать коня, съ сыномъ своимъ *и* самъ (ханъ)... выѣхавши... къ одному Тамбіеву какому-то на домъ заѣхавши, позвалъ когда... другъ друга обнявши, вмѣстѣ заплакали (155 b).

10. Наклоненіе *образности* (§ 73 Грамм.) служитъ для выраженія обстоятельства образа дѣйствія; по формѣ оно, подобно русскому *дѣепричастію,* можетъ быть разсматриваемо какъ *отглагольное нарѣчіе,* но имѣетъ свои особенности: оно имѣетъ не только два времени—настоящее и прошедшее совершенное, но лица и числа; наклоненіе это образуется въ наст. времени присоединеніемъ суфф. го или о (послѣдній у закубанскихъ кабардинцевъ и въ кяхскомъ нарѣчіи), происшедшихъ отъ архаической формы (г)оре, а въ прош. сов. времени—присоединеніемъ къ основѣ прош. сов. вр. тѣхъ же суфф. го или о, или для большей выразительности—(г)орі: сінибзеҕум je'ap с-иҕи-о, ддідеі kaзҕавеҙāҫ *держа* друга за руку, я вернулся домой; пҫыљыр, губҕом махопсоум ҫыIlaҙе-о, jош работая весь день въ полѣ, крестьянинъ устаетъ; зи'аxоҙ шист, быIым kадыхуāго одинъ старикъ-пастухъ сидѣлъ, скотину пригнавши (Соср. 4 изъ XII вып. Сб.); jeушыгоуā-орі, мешес ударивши свою лошадь, онъ садится верхомъ (Соср.).

Прим. 1. Встрѣчается, въ особенности въ кяхскомъ нарѣчіи, и *описательная* форма дѣепричастія наст. вр. посредствомъ всп. гл. петин *продолжать* (не оканчивать), *находиться,* при чемъ отъ признака наклоненія остается только суфф. ре: хомышх-ре-пет не нуждающимся ѣсть продолжаетъ (187 a).

Прим. 2. Накл. образности употребляется очень часто при *отдѣльныхъ подлежащихъ* въ предложеніяхъ придаточномъ и главномъ и потому подходитъ по значенію не столько къ независимому дѣепричастію, употребляемому въ русскомъ

языкѣ преимущественно при глаголѣ безличномъ (напр. *увидя то,* на мысли волку *вспало...*), сколько къ независимымъ формамъ причастій и дѣепричастій во франц. языкѣ: ҫalepі, kaнepі, haope ҫыторе, jіtelыкым jіфыз ѣѣҫ мальчикъ, оставшись, такъ находясь, его воспитателя его жена умерла (167 b); ҫalep шӯшес(о) ќуāо, ҳыгебзым jібыныр... kpaђешāҫ юноша на разъѣзды отправившись, дѣвицы ея семейство... его (отца) заставило жениться (168 a); мо фызыр kāшāо, ҫalep kāҫыдеђезым, jіѕађо ҳурі, hунем ҫемыђо, ђеҫеҫым ҫысо,... ҫыђаком, фызым... kapімыто, kажріāҫ... на этой женщинѣ онъ (отецъ) женившись, юноша возвратился когда, ему досадно сдѣлавшись, въ саклю не вступая, въ кунацкой сидя,... послалъ когда, женщина... ему не давая, сказала (168 a). Иногда, впрочемъ, не только при наклоненіи образности, но и при обстоят. предложеніяхъ времени замѣчается независимая конструкція: jіпоу ҳаныѕым ҫыземаныђо-ҫыто прежде хану старому тамъ знамениту сущу (155 b); jіtelыкым jіфыз ҫыжем, зыы-ҳыгебз-дахе-гор ҫыāті его воспитателя его жена умерла когда, одна дѣвица красивая какая-то была (167 b).

Прим. 3. Обстоятельственное выраженіе *совмѣстности* (къ § 98 Грамм.) выражается суфф. *о* и ставится послѣ нѣкоторыхъ глаголовъ (въ особенности, хоіѕен *начинать,* ҳун *стать*), требующихъ въ русскомъ языкѣ послѣ себя *глагольнаго дополненія* въ неопредѣленномъ наклоненіи: ҳыбар-о зерађо хоіѕāҫ *съ* молвою носиться начали (198 b); посредствомъ *о* выражается также русс. *творительный сказуемаго:* жыђ-о kāҫекāҫ *садомъ* оказалось (225 b); но такую же роль играетъ гл. *е*: жыђ-ҳум-е ҳуноҫ садовымъ сторожемъ будетъ (201 b). Съ этой формой наклоненія образности не слѣдуетъ смѣшивать накл. *дополнительное* съ суфф. *о,* присоединяемымъ къ окончанію неопредѣленнаго накл., см. § 66 Грамм.

11. Кромѣ указанныхъ въ § 74 Грамм. случаевъ употребленія накл. *причины,* слѣдуетъ еще отмѣтить передачу

его посредствомъ одного суфф. ќе (безъ ҫђа): оіурсиз сиіурі губӡим kӓхесхиќе бездѣльникомъ я ставши *тѣмъ, что* я гнѣвъ возымѣлъ (154 b).

12. Накл. *уступленія,* кромѣ отмѣченнаго въ § 75 Грамм. случая, образуется также посредствомъ ҫђаќе и соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію уступленія, вводимому союзомъ *несмотря на то что:* ваќо деіхем... жа'ā(ҫ)-ҫђаќе..., kабlежрі... на пахоту которые ѣдутъ... сказали *несмотря на то что...,* проскакавъ мимо... (171 а).

Прим. Уступительное накл., въ значеніи русс. *если бы и* передается суффиксомъ *мі* условнаго наклоненія: мо фиҵаӡем сеіоӂенҫ, сеіодиӂе-мі къ этому пятну я подъѣду, *если бы* я *и* погибъ (225 b).

13. Накл. *мѣстное* (ср. § 79 Грамм.) выражается не только корнемъ ҫ̓и (встрѣчается въ сущ. ҫ̓и *земля*) *), но также кор. ди (де), выражающимъ вообще отношеніе къ мѣсту: диkӓздимиӂаӡун насъ гдѣ (бы) не увидѣть (199 а).

Прим. Иногда отношеніе къ мѣсту выражается посредствомъ ṕе (отъ сущ. ṕе *ложе*): һуіоди-ṕе-ре, сіоди-ṕе-ҫ ты гибнешь *гдѣ,* и я *тамъ* гибну (157 а).

14. *Косвенные вопросы* (къ *Прим.* § 81 Грамм.), вводимые частицей *какъ* и относящіеся къ будущему времени, передаются по-адыгски причастіемъ будущаго времени, причемъ падежъ зависитъ отъ глагольнаго сказуемаго главнаго предложенія: фзеридезеіонор мыр'аҫ *какъ* вамъ съ нимъ обходиться, вотъ имѣете (186 b); һар зеридӡеіодином јіамаlыр һар'аҫ ее (эту) *какъ* намъ уничтожить, его способъ это есть, т. е. способъ уничтоженія (197 b); бӡотином(е) ṕҫ̓ере и *какъ* тебѣ найти, ты знаешь ли? (210 а); зиржі'āрі, зеридезеіономќі, һунафе kӓахуҫ̓āҫ... и имъ сказавшая, *какъ* съ нимъ обходиться, приказаніе имъ сдѣлала... (186 b).

---

*) Въ Грамм. ошибочно кор. ҫ̓и приведенъ въ связь съ кор. ҫи гл. ҫи'ан (ҫин) быть.

15. *Отрицательные* глаголы въ кяхскомъ нарѣчіи принимаютъ еп=каб. käм: jсыр шыбlемріђе'укыђ-еп сидящаго молніи онъ далъ поразить *не* (244 b).

16. Понятіе о *множествѣ* (къ *Прим.* § 86 Грамм.) выражается или формой существительнаго, или глагола, или, наконецъ, другими словами въ предложеніи, какъ: числительнымъ, мѣстоименіемъ: ҳаным jiпҳухер ӂы-jiрiтырті хана его *дочерей* замужъ они повыдавали (234 b); jiныӡ-о ҫако куāхері великаны *и* на охоту *ходивши* (227 b); жа'ао ҫыхоiӡем,... жыllер kaкелъеӡā-ҫђаке, келъеҫемы-ђао *говорить* начали когда,... общество погналось хотя, догнало не но (235 a); нартым jа-'аҳом ҫы'уҫеҫ нартовъ *ихъ* пастуха тамъ встрѣтилъ (Пшибадиново, 21 a); ныбӡеђуӡыҫымі jiфызыҫхер jiкесо ji'ыђо, kaсāҫ друга старые *три,* своихъ женъ старухъ (на) своихъ крупахъ ихъ держа, пріѣхали (157 b); пҫыо уоркоі ҫы'а псорі käзе'уҫāҫ князь и дворянинъ, есть которые, *всѣ* собрались (205 b).

17. Къ отмѣченнымъ въ § 87 Грамм. *прилогамъ* можно сдѣлать слѣдующія дополненія:

1) прилогъ ше *безъ* встрѣчается и безъ суфф. *м* (н): шыhуӡы-ше *безъ* травы;

2) ђа *за* происходитъ отъ ҫђа *голова* (съ пропускомъ ҫ);

3) *во время* передается посредствомъ ҫыђо (отъ корня вспомог. гл. ҫы'ан (ҫын) быть): kуlшыkум·ҫыђо въ утреннее *время* (*въ* 10 часовъ утра);

4) *къ* передается также посредствомъ упе (соб. означаетъ *губа, входъ*): бже-упе *къ* дверямъ (199 b);

5) *подъ* переводится ҫађыр или ҫађ (соб. означаетъ *дно*): жыђ-ҫађыр *подъ* деревьями;

6) *близко* выражается частицей ђунеђу (ђуне *край*): jiкуажем jiђунеђу близко его аула (235 b).

18. *Сравнительная* степень *опредѣлительная* (къ § 88 Грамм.) выражается посредствомъ частицъ нāҳ-нāҳ, между

которыми ставится сравниваемое существительное: нăх̂-ʒауонăх̂ лучшая тѣнь (173 b).

19. *Относительно-превосходная* степень (къ § 89 Гр.), выражается посредствомъ нăх̂, поставляемымъ между примѣтой множ. числа и прилагательнымъ: ha-х̂ыгебзыр... а-нăх̂ дахет эта дѣвушка... *всѣхъ* красивѣе была (182 a); зешыбІым а-нăх̂-ы-ʒыр kăсыʒăç (изъ) братьевъ семи *всѣхъ* старшій (самый старшій) прибылъ (182 b). *Безусловно-превосходная* степень выражается посредствомъ нăх̂ и диде, между которыми ставится прилагательное: нăх̂-ы-ç̂е диде *самый* младшій.

20. *Числительныя количественныя* (къ § 92 Грамм.), въ соединеніи съ сосчитываемыми предметами, ставятся *позади, впереди* же стоитъ, если это одушевленные предметы, префиксъ зе (отъ језы *самъ*): зе-шыбІ семь братьевъ, зе-шых̂ шесть братьевъ (въ русс. *самъ-шостъ* имѣетъ обособляющее значеніе).

21. Нарѣчіе *какъ* выражается иногда постпозитивнымъ фе (отъ ффе *кожа, видъ*): ц̂ыху-фе kуамыпльыʒо (на) человѣка *какъ* они не смотря. Русскія нарѣчія *чуть* и *едва*, означающія близость дѣйствія, которое предупреждается случайными обстоятельствами, выражаются по-адыгски частицами бʒа (*грудь*) и *не* (нне *глазъ*): сы-бʒо-не-х̂урті и я *чуть* (не) сдѣлался несчастнымъ (229 b).

22. Отъ *соединительнаго* союза (§ 99 Грамм.) ре слѣдуетъ выдѣлить мѣстоим. указатель р и остается гл. *е*, который и представляетъ собою соединительный союзъ, а отъ союза рік̓, если выдѣлить тотъ же указатель р и суфф. к̓, то останется гл. *і*; такимъ образомъ, гласные *е* и *і* соотвѣтствуютъ русс. союзу *и*; они присоединяются къ каждому соединяемому ими имени или глаголу: 'аз-і 'азеʒу-і врачи *и* лѣкарства (198 a); но иногда они присоединяются только къ первому: т̓ыс-ы шхе сядь *и* ѣшь (201 b). Для *і* примѣровъ въ текстахъ очень много. Сюда же можно отнести и глаг. формы на рі, представляющія собственно соединеніе указате-

ля *р* въ причастіи (но *не* опредѣлительномъ) съ постпозитивнымъ *і* (см. выше 9. h. *Прим.*). Соединительный гл. *і* соотвѣтствуетъ абхазскому постпозитивному j (соб. означаетъ *съ*).

При соединеніи неопредѣленныхъ формъ глагола играетъ роль соединительнаго союза и постпозитивное *о*: kăхонын-о kăзеон-о обругать *и* подраться (204 а).

У закубанскихъ кабардинцевъ употребляется иногда, подъ вліяніемъ кяхскаго нарѣчія, въ значеніи соединительнаго союза jiki или jike (166 b).

Русское *то*... *то* выражается по-адыгски суфф.: ме... ме: декрі, ко-ме жеі-ме выѣхавши, *то* ѣдетъ, *то* прыгаетъ (172 b).

Русс. *или* выражается посредствомъ ḫеме: hудеі ḫеме діdeі у тебя или у насъ (236 а); *или*... *или*—je... je (въ абхазскомъ ja): je cce je смшнехмдхем jiçмç... или я или моихъ братьевъ старшихъ ихъ часть... (201 а).

Союзъ *но* выражается постпозитивнымъ ḫао (примѣръ стр. 316, 16).

23. Къ особенностямъ *періодическаго* построенія рѣчи относятся слѣдующія:

1) зэм тḫамыçке... коре-пет,... çмдеḫым,... ji-гебеḫур çмм хісері, бḑапем kăтріпăт одинъ бѣднякъ... идя,... свернулъ когда, свою палку въ землю посадивши, на горѣ зарылъ-было (181 b); çalep... jепсмхрі,... змçмхрі,... jiріпхмдрі,... kăхмкрі... jутмпçмдрі çмḃо kăдеḫăç мальчикъ,... слѣзши,... снявши,... привязавши,... вырвавши... ее отпустивши, переодѣваясь, зашелъ (202 а). *Общее подлежащее* сложнаго предложенія ставится въ началѣ, а *сказуемое* въ концѣ (какъ и въ тюркскихъ нарѣчіяхъ); къ подлежащему примыкаютъ его опредѣленія, обстоятельства образа дѣйствія, времени и мѣста, а затѣмъ идетъ прямое дополненіе съ опредѣленіемъ, съ сопровождающими дѣйствіе глагола обстоятельствами, и, наконецъ, сказуемое. Вообще же, слѣдуетъ замѣтить, что адыгскій языкъ

при распредѣленіи придаточныхъ предложеній, выражаемыхъ причастными конструкціями или такъ называемыми дѣепричастіями, придерживается порядка послѣдовательности описываемыхъ событій;

2) абм бlеќрі, змзаhуlмр jiќуо, шшм... 'увм'арі, ҫмҫнҫмм, змш ӣҫеҙоlе... телbо, мезмм kăхеќрі... kă'уврі, зммхео, зерірaќоҗbăҫ этого (мѣста) мимо проѣхавши, одно нѣсколько проѣзжая, лошадь... остановившись, заржала когда, одна лошадь бѣлая... находясь, изъ лѣсу вышедши... ставши, не двигаясь, къ себѣ подпустила (200 b). Придаточныя предложенія періода, со *своими* собственными подлежащими, ставятся *впереди*, согласно естественному теченію событій, а потомъ идетъ главное предложеніе съ подлежащимъ въ началѣ и сказуемымъ въ концѣ, между которыми располагаются второстепенныя предложенія, связанныя общимъ подлежащимъ;

3) жі'ăҫ jінмҙ-патҫмhым сказалъ великановъ царь (232 b). Изъ этого и другихъ подобныхъ примѣровъ видно, что иногда бываетъ обратный порядокъ не только въ сложномъ предложеніи, но и въ простомъ. Это бываетъ, большею частію, при передачѣ разговорной рѣчи, для поддержанія связи между отдѣльными частями разсказа;

4) ҙем ҫмнесмм, jепсихăхеҫ, шхен-ho къ войску (братья) пріѣхали когда, слѣзли, поѣсть чтобы; jінмҙмм jікаммр мезмм... змдмшо хоіҙăҫ,... шмуфмнќе мгмгуҙо, зермҫеlаҫем-ҫhеќе великанъ своего воспитанника въ лѣсъ... съ собою брать началъ,... верхомъ можетъ ѣздить что, не думая, онъ мальчикъ есть потому что; Бэеге-батыр, jіҙаммlе kаҫтăо, jішхмм, ҫмҫ ѣеќў hе-саммрмм ҫмрмтмм, псомі... kаҫтері, саммрмм kратăҫ, hам хоммшхре-пет Бэеге-батырь, свой провіантъ (они) доставши, онъ ѣлъ когда, часть немного собакѣ-моськѣ отдалъ когда, всѣ... взявши, моськѣ отдали, собака не мочь ѣсть продолжаетъ (хотя) (187 a). Обстоятельства цѣли, причины и уступленія ставятся послѣ сказуемаго главнаго предложенія;

5) ḉalepi kaнepi, haope çытope, jiteiмкıм jiфыз жāç мальчикъ оставшись, такъ находясь, его воспитателя его жена умерла (167 b). Этотъ періодъ служитъ примѣромъ соединенія двухъ предложеній, связь между которыми весьма поверхностная (только посредствомъ притяж. мѣст. ji);

Прим. Въ этомъ предложеніи заслуживаетъ вниманія ассимиляція гласныхъ *е* и *і*, служащихъ для *связи*, и присоединеніе указателей тоже для созвучія.

6) Alleh̲, çм'a(ç), жi'api... jiȝeшхeжāç конечно, есть, сказавъ... насытила (173 b). Если въ періодической рѣчи сказуемое главнаго предложенія имѣетъ конечное ç, то оно можетъ быть пропущено въ сказуемомъ придаточнаго предложенія.

24. Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о мѣстоимѣніи 3-го лица.

Въ адыгскомъ языкѣ мѣст. 3-го лица, въ смыслѣ русс. *онъ,* нѣтъ налицо; изъ помѣщенныхъ въ § 24 Грамм. мѣстоименій только мѣст. *і* имѣетъ несомнѣнно значеніе мѣст. 3-го лица, но оно не существуетъ самостоятельно,—отдѣльно отъ глагольнаго сказуемаго.

1) Мѣст. абм (въ кях. нарѣчіи aç или jeç, jeж) указываетъ на предметъ *болѣе близкій,* а мѣст. мобм—на предметъ *болѣе отдаленный, неизвѣстный* дѣйствующему лицу; первое соотвѣтствуетъ русс. *этотъ,* а второе—*тотъ,* но оба употребляются и какъ мѣст. *онъ:* абм (мобм) ḉaкop jiдeжхум jeт *онъ* (этотъ, тотъ) даетъ хлѣбъ своему брату (соб. хлѣбъ *ему*... онъ дает(ся)); мо фмзр абм çмлāȝум ту женщину *онъ* увидѣлъ когда (соб. та женщина *ему* была видна когда) (Сосруко, въ XII вып. Сб., 3); сce абм шмпсе хусо'атм (отъ 'атмн разсказывать) я *ему* (этому) разсказываю сказку; сiдежхум мобм *) ḉaкo jeт мой братъ даетъ *ему* (тому) хлѣба;

*) Въ Грамм. на стр. 11 въ томъ же примѣрѣ *ошибочно* напечатано: мобмм.

абы ссе ситке сыхут (по отношенію къ) *нему* я чѣмъ я распоряжаюсь (236 a); абы jiныз патсыhым-jдеi ќоно jезāс *нему*, великановъ царю, *къ* ѣхать онъ отправился (231 a); абы ќоо... х̓унокäм *ему* ѣдущему... нельзя (234 b); jiдаkäм абы хотѣлось не *имъ* (Ашемезъ, 44 a); с-а абы сысебдā-сhаке (отъ сыдун сопоставлять) меня *съ ними* (соб. *имъ*) меня ты сравнилъ потому что (Сосруко, 5 b) *); абы ji-шыфер hарс *этого его* лошади (вм. болѣе краткаго выраженія: *его*, безъ *этого*) видъ таковъ есть (Пшибадиноко, 23 a); мобы j'ар сабадум *(того) его* руку увидѣли когда (184 b). Какъ изъ этихъ примѣровъ видно, абы и мобы употребляются только въ *косвенныхъ падежахъ*—родительномъ и дательномъ **); они встрѣчаются при глаголахъ переходящихъ съ прямымъ дополненіемъ, и при глаголахъ, имѣющихъ при себѣ, кромѣ прямого, косвенное дополненіе въ дат. падежѣ или только одно косвенное дополненіе; въ первомъ случаѣ, съ точки зрѣнія русскаго языка, они являются подлежащимъ, а съ точки зрѣнія адыгскаго, въ виду страдательнаго оборота въ такихъ предложеніяхъ,—*дательнымъ дѣйствующаго* предмета; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ они являются косвеннымъ дополненіемъ: дательнымъ отношенія къ лицу или дательнымъ цѣли, при чемъ можетъ стоять и дательный дѣйствующаго предмета (на первомъ мѣстѣ); при существительныхъ они встрѣчаются какъ опредѣленія. Въ роли мѣст. 3-го лица абы встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ мобы.

2) Мѣст. jезы (соб. опредѣлительное *самъ*) замѣняетъ абы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ глаголъ принимаетъ прямое дополненіе: jезым х̓ыгебзер jежабў *онъ* (самъ) видитъ дѣвицу.

3) Мѣст. мор есть собственно указательное *тотъ*, въ различіе отъ мыр *этотъ*: мор käссы'ушым *онъ* (тотъ) проснул-

*) Эта фраза въ текстѣ *неточно* переведена.

**) Твор. абмќе имѣетъ значеніе нарѣчія: *туда, оттуда*; и въ формѣ абы (hабы) имѣетъ это мѣст. значеніе нар.: *тамъ*.

ся когда (232 а); мор mellā̧ẹ *онъ* (тотъ) работаетъ; ḣанызми мор kaко̓ çылъаḅум ханъ старый *его* (того) ѣдущаго увидѣлъ когда (155 а). Мѣст. мор употребляется только въ *именительномъ падежѣ;* оно ставится при глаголахъ среднихъ и тѣхъ переходящихъ глаголахъ, которые могутъ стоять и безъ прямого дополненія; при глаголахъ переходящихъ оно является въ роли прямого дополненія только съ точки зрѣнія русскаго языка, а съ точки зрѣнія адыгскаго—*подлежащимъ* въ именительномъ падежѣ.

Прим. Иногда и мыр встрѣчается въ значеніи мѣст. 3-го лица *онъ*: мыр к̓есанемі keк̓олъері *онъ* (этотъ) къ башнѣ подойдя (Соср., 9 а).

4) Мѣст. hap, какъ указательное при существительномъ, означаетъ *тотъ же самый,* а безъ него—*этотъ,* но часто употребляется и какъ мѣст. 3-го лица *онъ*: hap jішмы kā'уп̓çыжç *онъ* со своимъ конемъ посовѣтовался (Соср., 8 b); hap зẹ-шых̓ х̓урт *оно* (это) братьямъ шести равнялось (Соср., 6 а); оḅурсызç hap вредный есть *онъ* (Ашемезъ, 49 b); hap Сетанеі jілъаḅуāç *его* С. она увидѣла (Соср., 3); hapі шыпçек̓е jістері *ее* (собаку) и лошади шеей (на... шею) взявши (186 b); kā-детḫаныи дхојеç hap намъ привлечь намъ нужно *его* (Пшиб., 24 b). Мѣст. hap употребляется въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и мор, но встрѣчается гораздо чаще.

Прим. Не слѣдуетъ смѣшивать hap какъ мѣст. 3-го лица, съ указательнымъ, которое употребляется и въ косвенныхъ падежахъ: ha жеш горы-мі х̓аным jіпх̓у нах̓ыçем kāлъеḅуāç въ ту же самую ночь какую-то хана дочь младшая (его) увидѣла (204 а); ha махо-м въ тотъ же самый день (Ешан., 74 а).

Какъ изъ этихъ примѣровъ видно, между hap и абы, съ одной стороны, и мор и мобы, съ другой—существуетъ полная аналогія. Эти мѣстоименія восполняютъ другъ друга и замѣняютъ другъ у друга недостающіе падежи.

Въ мѣст. а-бм и мо-бм слогъ бм представляетъ собою, повидимому, окончаніе 2-го падежа мѣстоименій һа-р и мо-р (соотвѣтствующаго родительному и дательному), для образованія котораго въ адыгскомъ склоненіи служитъ суфф. *м*.

Мѣст. һар и абы могутъ быть сопоставлены съ абхазскими указ. мѣстоименіями, употребляемыми также въ значеніи мѣстоименій 3-го лица—арі и абрі. Эти мѣстоименія, очевидно, общи языкамъ абхазскому и адыгскому, но промежуточнымъ звеномъ не могли служить жившіе между обоими этими народами убыхи, въ языкѣ которыхъ *онъ* выражается інја *).

ЗАМѢТКА

о фонетическихъ особенностяхъ хакучинскаго и абадзехскаго говоровъ кяхскаго нарѣчія.

На 105 страницѣ Кабардинскихъ текстовъ (XII вып. Сборника) въ статьѣ: „Замѣтка о кяхскомъ нарѣчіи адыгскаго языка" были высказаны наблюденія надъ *бжедухскимъ* говоромъ этого нарѣчія. Въ настоящее время я имѣю возможность это сдѣлать и по отношенію къ *хакучинскому* и отчасти *абадзехскому* говорамъ. Еще на стр. 267 настоящаго выпуска было замѣчено, что хакучинскій говоръ заключаетъ въ себѣ характерныя особенности не только говоровъ разныхъ кяхскихъ племенъ, но и кабардинскаго нарѣчія. Это дѣйствительно замѣтно не только въ фонетикѣ этого говора, но и въ его морфологіи; нѣкоторыя особенности послѣдней, насколько онѣ не вошли въ составъ помѣщенныхъ выше грамматическихъ замѣтокъ, излагаются попутно въ настоящемъ очеркѣ.

Вокализмъ.

1. Въ хакучинскомъ говорѣ, какъ и въ другихъ говорахъ кяхскаго нарѣчія (и у закубанскихъ кабардинцевъ), за-

*) Усларъ. Абхазскій языкъ, Т. 1887, стр. 92 Приложенія.

мѣчается наклонность къ переходу отъ центральнаго гласнаго звука *а*, съ одной стороны, къ промежуточному звуку *е*, а того послѣдняго къ *і*: мекŷ вм. мąкŷ, веჳо вм. ваჳо, гуаçі вм. гуаçе, а съ другой—къ промежуточному о и даже къ у: 'он (безъ жă) *) вм. жă'ан; jорі или jiорі, jеурі вм. жі'арі; jуჳ, но и jу'аჳ (jі'уāჳ) вм. жі'āç.

2. Замѣчается наклонность къ пропуску гл. *і*: jсо вм. jiсо, jто вм. jiто, jჳаçто вм. jiჳасто, jпеќе вм. jiпеќе.

3. Постановка ы или і въ концѣ слова—не въ значеніи соединительнаго союза: бшІым-ы, kаќоцыќjіт-і.

4. Вмѣсто дифтонга уă *ты* является форма уо и даже о.

5. Вставка *о* въ будущемъ времени и присоединеніе конечнаго о къ суфф. *н* неопредѣленнаго наклоненія: зезჳеçен-о-ç, зыჳепсќын-о.

6. Пропускъ гласнаго *ы* въ вспом. гл. çытын, служащемъ для описательной формы будущаго времени: тı'уќı-ç(ı)т или тı'уќı-шт вм. дı'уќıнç.

Консонантизмъ.

7. Голосовой передне-язычный *д* въ обоихъ говорахъ переходитъ, согласно съ бжедухскимъ говоромъ, въ безголосный *т*: зетељаჳі вм. зедељāç и, наоборотъ, безголосный *т* въ голосовой *д*: сидым вм. ситым.

8. Безголосный проторный звукъ ç (съ отсѣченной отдачей) переходитъ въ сложный согл. *ч*, котораго въ кабардинскомъ нарѣчіи нѣтъ: чаІе вм. çаІе; въ тотъ же звукъ переходятъ въ абадзехскомъ говорѣ всегда, а въ хакучинскомъ—обыкновенно голосовой проторный согласный ჳ: дечхыр вм. деჳхыр, че вм. ჳе и голосовой проторный ж: чыІе вм. жыІІе,

---

*) Уклоненіе отъ словообразованія этого слова: жă'ан составлено изъ двухъ корней: жă=ჳჳе уста и 'ан дѣлать ('а рука); стало-быть: *дѣлать устами—говорить*; въ хакучинскомъ говорѣ гл. 'он принимаетъ въ 3 л. jе (ji).

бче вм. бже, чеш вм. жеҫ. Въ этомъ оба говора сходятся съ бжедухскимъ.

9. Вмѣсто безголоснаго проторнаго звука ҫ является въ хакучинскомъ говорѣ ш: шане вм. ҫане, а вмѣсто этого послѣдняго—ч: чў вм. шў.

10. Сложный же проторный звукъ ч является (какъ и въ бжедухскомъ) вмѣсто задне-язычныхъ палатализованныхъ к̇ и г̇: хеч вм. хек̇, чате (но и кате) вм. г̇ате; палатализованное ч̇ слышится вмѣсто к̇, стоящаго предъ гл. а (произносимаго со щелканіемъ языка): ч̇ахе (нижніе адыге) вм. к̇ахе. Въ хакучинскомъ говорѣ эти переходы не послѣдовательны.

11. Въ абадзехскомъ, какъ и въ бжедухскомъ говорѣ, передне-язычный проторный звукъ ж (ӡ) переходитъ въ глагольныхъ формахъ въ сложный звукъ џ: kак̇оџаӡў вм. kак̇ожаҫ.

12. Задне-язычно-небные х и х̇ (произносимый съ храпѣніемъ) переходятъ, какъ и въ бжедухскомъ говорѣ, въ зубо-губной ф: цыфе вм. ц̇ыхў, фыӡ вм. хуӡ, шфе вм. шхо, мефы вм. мах̇о, офе вм. ох̇ў, при чемъ замѣчается и повышеніе тона гласныхъ, сопровождающихъ зубо-губной ф, съ переходомъ: а въ е, у въ ы или е, и о въ е; хотя перехода х въ язычно-небный к, какъ въ бжедухскомъ говорѣ, не замѣчается, но есть примѣры въ хакучинскомъ его перехода въ голосовой проторный звукъ ҕ: деҕу вм. дахе.

13. Одинъ изъ безголосныхъ гортанныхъ шумовъ—һ переходитъ въ хакучинскомъ, правда, непослѣдовательно въ безголосный же зубо-губной ф: хефері вм. хеһарі.

14. Замѣчается отсутствіе гортаннаго шума һ: узот вм. һузот.

15. Зубо-губной ф, повидимому, очень рѣдко переходитъ въ хакуч. говорѣ въ х̇: псых̇о вм. псыфе.

16. Въ хакучинскомъ говорѣ замѣчается непослѣдовательность въ употребленіи љ и љ̇, к и к̇ и даже часто замѣ-

на одного другимъ: љи вм. ӂи человѣкъ и, наоборотъ, ӂи вм. љи кровь.

17. Въ обоихъ говорахъ бросается въ глаза въ окончаніи прош. сов. времени и прош. повѣствовательномъ замѣна ç посредствомъ ȝ, чтó составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и морфологическое явленіе кяхскаго нарѣчія вообще (въ хакучинскомъ эта замѣна не послѣдовательна): шесāȝ вм. шесāç, уђāȝ вм. һуђāç.

18. Въ 3-мъ лицѣ единств. гл. наст. вр. вм. јі является рі: ріпљеȝ вм. јіпљеç и даже вм. ма (ме): решесі вм. мешес, рмко вм. мако.

Л. Л.

СПИСОКЪ БОЛѢЕ ВАЖНЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ ВЪ АДЫГСКИХЪ ТЕКСТАХЪ.

1. Начиная съ 166 до 233 страницы во всѣхъ глагольныхъ формахъ съ çи—м (обстоят. предл. времени) въ переводѣ поставлены нарѣчія мѣста: *тамъ, туда, оттуда;* нарѣчія эти слѣдуетъ *выбросить.*

2. Представки ç̓и и çи не вездѣ поставлены тамъ, гдѣ слѣдуетъ: ç̓и имѣетъ отношеніе къ *мѣсту,* а çи—къ *времени.*

3. На 206, 207, 228 и 229 стр. подъ нѣкоторыми глаг. формами съ ри, напр. рикуʼāç, рико поставлено въ переводѣ *отъ себя:* это *лишнее.*

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
154	19 сверху	обычай	обычаемъ было
»	15 снизу	я ставшій	я ставши
155	17 »	свою	одну
»	5 »	выходитъ и принимаютъ	выйдя, его они принявши
»	3 »	это	такъ
157	4 сверху	и уѣзжаетъ	уѣхавши

157	13	снизу	уѣзжаетъ и	уѣхавши
158	9	„	если	когда
159	15	„	напомнилъ когда	напомнивши
169	4	„	ффи	ффе
181	10	„	ҫим	ҫ̂им
183	7	„	вышла	вышедши
184	1	сверху	ҫинеҫим	ҫинесим
„	5	„	ӝеріҫ̂ик̂ир	ӝеріҫ̂ик̂иpі
197	15	„	јіҫ̂ен	јіҫ̂ин
202	8	снизу	сирибоум	ҫирибоум
204	18	„	сидятъ	сидѣли
209	13	„	него	нихъ
211	15	„	тамъ	имъ
228	9	„	отъ себя	мнѣ
231	6	сверху	дай	*мнѣ* дай
233	4	снизу	ховииҫ̂апх̂е	хомиф̂аҫ̂е
245	14	сверху	*который* слѣдуетъ поставить въ скоб., *онѣ* слова даже въ предыдущей строкѣ *наверху*.	
„	2	снизу	ӝизир	ӝ̂иӡир
246	2	сверху	уо—твои	тебѣ
262	5	„	ҫитāб	ҫ̂итāб
272	16	„	дикамиҫ̂озіво	дикамиҫ̂о
280	8	„	слова: нах̂иӡ старшій—*лишнія*.	

*
* *

Остальныя опечатки въ текстахъ *исправлены* въ Объяснительномъ словарѣ.

ПОПРАВКИ.

На страницѣ 66, строка 13 снизу, напечатано: „1721 г.“; слѣдуетъ читать: „1725 г.“

На стр. 71—72 отъ словъ: „Свидѣтели сего суть“, до словъ: „Написана сія грамота“ въ текстѣ допущены пропуски. Безъ пропусковъ это мѣсто слѣдуетъ изложить такъ:

Свидѣтели сего суть: Германозишвили цинамдзгваръ Доментій, Мгалоблишвили цинамдзгваръ Елисе, Гедеванишвили моларетъ-ухуцесъ Паата, Чармеули шталмейстеръ Гавріилъ, архидіаконъ Сагинашвили Елисе, Деканозишвили моуравъ двора Іорамъ, тушмалъ (привратникъ) Кристесія, тавилдаръ (помощникъ главнаго казначея) Азмайпарашвили Кайхосро. Мѣсяца іюля 20-го написана сія грамота.